Тр-2734
1

Новый Восток

ЖУРНАЛ

Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при НКН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. ПАВЛОВИЧА (Вельтмана).

№ 8276

Nouvel Orient

Revue de l'Association Russe pour les Etudes Orientales.

REDACTEUR EN CHEF:

MICHEL PAVLOVITCH.

П-9356
Библиотека
Башкирского филиала
Академии наук СССР

Фундаментальная Библиотека
П
Р-23123 Б
ПОГАШЕНО
им. М. Н. Казина

КНИГА I.

ГЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА
П
Г Б
ПОГАШЕНО

Издание Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при НКН.

МОСКВА—1922.

9(06)

Р. Ц. 1520. Москва. Тираж 3000.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

М. Павлович. Задачи Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения. . . 3

Политико-экономический отдел.

М. П. Тихоокеанская проблема 16
Проф. С. Котляревский. Правовые достижения России в Азии 34
В. А. Гурко-Кряжин. Национально-освободительное движение на арабском Востоке 45
К. М. Т-ий. Новый передел Африки после Версальского мира 86
К. М. Трояновский. „Независимое" королевство Египта 94
Тивель. Пути и перспективы индийской революции 104
И. Рейснер. Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии. 119
А. Султан-Заде. Аграрный вопрос в современной Персии 133
В. Осетров. Персидские партии. (Письмо из Тегерана) 147
И. Майский. Монголия 154
А. Ивин. Современный Китай. (Письмо из Пекина) 184
М. Абрамсон. Политические общества и партии в Китае 199
А. Садовский. Железные дороги Китая 224

Историко-этнологический отдел.

Проф. Д. Анучин. Азия, как прародина и учительница человечества, ее настоящее и будущее. 232
Проф. А. Захаров. Хеттский вопрос 251
Проф В. А. Гордлевский. Религиозное движение среди кызылбашей Малой Азии 259
В. Викентьев. Революция в Древнем Египте 279
Т. Козьмина-Бороздина. Проф. В. К. Мальмберг и искусство Древнего Востока . 301
Проф. Б. Денике. Искусство Восточной Азии на выставке в Ганновере 305
Проф. Л. Мсерианц. К истории санскритологии в России 309

Отдел материалов и документов.

Абиссиния. 316
Макинское ханство 334

Обзор печати.

Обзор персидской прессы—А. С. 345
Турецкая жизнь в отражении турецкой прессы.—Шериф Манатов 354
Обзор китайской прессы 360

Библиография.

Рецензии о новых книгах: Г. Сафарова, Б. Абукова, М. Казанина, В. Кряжина, С. Срединского, Т. Козьминой-Бороздиной, проф. Бороздина, проф. И. Франк-Каменецкого, проф. В. Смолина, проф. А. Захарова, В. Викентьева, проф. Чубинова, В. Гурко, С. Вельтмана, Рсон, А. Т., А. С-ч. 366
Некрологи. (С. Е. Саков, В. И. Герье, Н. Ф. Катанов, А. А. Шахматов). . . . 438
Хроника 454

Обложка, заставки и концовки в журнале худ. В. Орлова; на страницах 3, 15, 16, 231 худ. Сухова.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Table des matières.

pages.

M. Pavlovitch. Les problèmes de l'Association Russe pour les études Orientales . . 3

Section politique — économique.

M. P. La problème du Pacifique 16
Prof. S. Kotliarevsky. Les succès juridiques, conquis par la Russie en Asie . . . 34
V. Kriagine. La Syrie et la Paléstine 45
K. T-ky. Le nouveau partage de l'Afrique après la paix de Versailles 86
K. Troïanovsky. Le royaume „indépendant" de l'Egypte. 94
Tivel. Les voies et les perspéctives de la révolution indienne 104
I. Reisner. Les conditions économiques de la lutte politique aux Indes 119
Soultan-Zadé. La question agraire dans la Perse contemporaine 133
V. Ossietroff. Les partis politiques de la Perse (Lettre de Tehéran). 147
I. Maïsky. La Mongolie 154
A. Ivine. La Chine contemporaine (Lettre de Pekin). 184
M. Abramsohn. Les partis et les associations politiques en Chine. 199
A. Sadovsky. Les voies ferrées de la Chine. 224

Section historique—etnologique.

Prof. D. Anoutchine. L'Asie comme berceau et comme l'école pour l'humanité. Son présent et son avenir 232
Prof A. Zakharoff. La problème héttite 251
Prof. V. Gordlevsky. Mouvement religieux chez les kysylbaches en Asie Mineure . 259
V. Vikentieff. La révolution dans l'ancienne Egypte 279
T. Kosmine—Borosdine. Prof. V. Malmberg et l'histoire de l'art de l'ancien Orient 301
Prof. B. Déniké. L'art de l'Asie Orientale à l'exposition de Hannover. 305
Prof. L. Msériantz. Sur l'histoire de la sanscritologie en Russie 309

Section des matériaux et documents.

L'Abessinie 316
Le Khanat de Makou 334

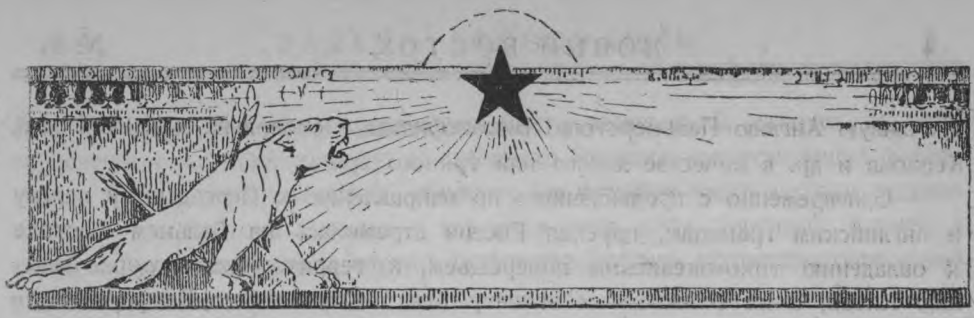
Revue de la presse.

La Presse perse 345
La Presse turque 354
La Presse chinoise 306

Bibliographie.

La critique des nouveaux livres: G. Safaroff, B. Aboukoff, M. Kasanine, V. Kriagine, S. Srédinsky, T. Kosmine-Borosdine, prof. I. Borosdine, prof. Frank-Kamienetsky, prof. V. Smoline, prof. A. Zakharoff, V. Vikentieff, prof. G Tchoubinoff, V. Gourko, S. Weltman, Rson, A. T., A. S-tch. 366
Nécrologie (S. E. Sakov, V. I. Guerrier, N. Th. Katanov, A. A. Chahmatov) . . . 438
Chronique 454

Enveloppe et vignettes par V. Orloff, sauf les vignettes pages 3, 15, 16, 231, à M-r Soukhoff.



Задачи Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения.

В эпоху царизма Восток являлся для России исключительно об'ектом завоевательной политики и экономической эксплуатации. И в сущности вся внешняя политика и военная история России в течение прошлого столетия была прежде всего историей борьбы с другими империалистическими державами, в начале с Францией и главным образом с Англией, а в течение последнего двадцатипятилетия, накануне мировой войны, и с Германией—за овладение Востоком. В то время, как Англия, начав походное движение со среднего течения Ганга, стала подыматься к северу, овладела бассейном могучей реки на всем его протяжении и плоскогориями Инда, подчинила себе Кашмир и, перебросившись через вершины Гималаев, утвердила свое владычество в Малом и Среднем Тибете, а, выдвинув передовую позицию на Ярканд, проникла в Китайский Туркестан, затем на западе уничтожила империю Сикхов, присоединила Пенджаб, перешла средний Инд, овладела территорией до Сулеймановых гор и подчинила после трех войн (1838-1842, 1878-1879, 1882) своему исключительному влиянию Афганистан и Белуджистан,—царская Россия, завоевав постепенно северный и южный Кавказ, присоединила к своей территории Персидскую Армению, затем Карс и Батум, овладела шаг за шагом Ташкентом, Самаркандом, правым берегом Аму-Дарьи, прилегающими Хивинскими землями, Кокандом, Ахал-текинским оазисом и в своем наступательном движении к Персидскому заливу и обетованной земле великого Могола пришла в соприкосновение с английскими владениями или зонами английского влияния. И уже при первом взгляде на историческую карту расширения территориальных границ обоих государств—России, стремившейся по направлению к Индии, и Англии, форсированным маршем двигавшейся вперед в северном направлении от Индийской границы, было очевидно, что оба эти империалистических государства, подобно двум поездам, мчащимся по одной линии, но в противоположном направлении, неизбежно должны столкнуться. И действительно, в целом ряде кровавых эпизодов нашей внешней истории, в Крымской кампании, в русско-турецких войнах 1828 и 1877 г.г., в войнах с Кавказом, наконец, в войне 1904—1905 г. с Японией, старая Россия, Россия Невельских, Черняевых, Скобелевых, Игнатьевых, Алексеевых, Безобразовых, всегда имела перед собой Англию Джон-Буля, империалистическую,

драчливую Англию Пальмерстона, Биконсфильда, Чемберлена, Сесиль Родса, Керзона и др. в качестве явного или тайного врага.

Одновременно с продвижением по направлению к Персидскому заливу и английским границам, царская Россия стремилась на Дальнем Востоке к овладению тихо-океанским побережьем, к территориальному расчленению Китая, а на Ближнем—к захвату Константинополя с Босфорским и Дарданельским проливами.

Неудивительно, что царская Россия в глазах всех азиатских народов, особенно в глазах всего мусульманского мира, стала рисоваться, как самый главный, вековой, непримиримый враг всего Востока.

Англия сохраняла прочное положение в Индии, не столько благодаря своей прекрасно организованной индусской армии, своим эскадрам, своему золоту и мировому влиянию, не столько благодаря естественным преградам и непроходимым высотам Гималаев и Каракорума, не столько благодаря грозным укреплениям Хайберского и Боланского проходов, сколько благодаря тому, что среди этих гор в узких долинах жили фанатические мусульманские племена, которые были верными стражами Англии и оберегали высокие горные переходы от ненавистной всему мусульманскому миру царской России.

Равным образом все успехи германской дипломатии в Турции, немецкая гегемония в Оттоманской Империи накануне мировой войны об'ясняются в значительной мере страхом Турции перед завоевательными планами северной державы, ненавистью всего мусульманского населения Турции к России.

Все изменилось с того момента, как в России восторжествовала советская власть. Рабоче-крестьянская Россия, могучая, непобедимая в лице ее Красных армий, сказочно чарующая в своем новом облике, являлась уже в глазах азиатских народов не вековым мучителем всего мусульманского мира, не врагом, не конкурентом Англии, Германии или Франции в борьбе за раздел желтого континента, а, наоборот, добрым гением, искренним другом всех угнетенных народов Востока в борьбе с мировым империализмом.

Наши мирные договоры с Персией, Афганистаном, Китаем, отказ наш от всех захватов царского правительства в Китае, Манджурии, от всех концессий на леса и рудники, договор о дружбе и братстве с Турцией, наконец, обращение России к правительствам Великобритании, Италии, Германии с предложением пригласить и Турцию на Генуэзскую конференцию,—все это в необычайной степени подняло престиж Советской России в глазах угнетенных масс всего востока.

Новая политика Советской России по отношению к Востоку, противоположная по своим целям и задачам как традиционной русской политике в Восточном вопросе, так и политике великих и малых европейских держав по отношению к Востоку и всему колониальному миру,—налагает особые задачи на учрежденную декретом ВЦИК от 12 декабря 1920 г.

Всероссийскую Научную Ассоциацию Востоковедения. В отличие от многочисленных научных обществ по изучению Востока, существующих в Германии, Англии, Франции и т. д., обществ, для которых часто научные задания по изучению Востока являлись и являются лишь второстепенной задачей, а главной целью служила и служит посильная помощь правительствам своих стран в деле политического и экономического завоевания стран Востока [1]), Всероссийская Ассоциация Востоковедения, наряду со специально научными задачами, может преследовать лишь цели экономического и духовного раскрепощения Востока.

Конечно, многие европейские ученые и исследователи искренно увлекались мечтой о том, что их глубокие исследования, их рискованные, сопряженные с большими опасностями экспедиции в глубины Африки или Азии послужат не только благу их родины, но и всего человечества и прежде всего тех отсталых народов, на прошлую или современную жизнь которых исследователь пролил свет, но, увы, действительность разбила эти мечты. Мы рассказывали уже в нашей книге «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего» к каким, например, результатам для чернокожего населения Африки привели великие научные экспедиции в глубину черного континента, которыми так увлекалась научная европейская мысль во II-й половине XIX столетия.

После подвигов Спика, Бэртона, Ливингстона, Стенли, Саворьяна Брацца, Маршана, после удивительно смелых экспедиций знаменитых немецких путешественников Барта и Нахтигаля—перед поразительными научными результатами работ которых преклоняются даже такие шовинистически настроенные французы, как генерал Ниокс, бывший министр Ганото, Поль Леруа-Болье и др.—африканский сфинкс открыл одну за другой свои тайны. В то время как Бэртон, Спик, Самуэль Бакэр и другие открыли источники Нила, Стенли и Ливингстон, первые проникли в тайну «Африканского

---

[1]). Такие цели несомненно преследует чисто научная экспедиция в Монголию, организованная Американским музеем естественной истории. Во главе этой экспедиции, выехавшей в сентябре 1921 г. из Калгана в Монголию, стоит Р. С. Андрьюс, который уже руководил двумя экспедициями в Монголию (в 1916 и 1919 г.) 2-я экспедиция в Монголию описана Андрьюсом в его книге: Roy Charman Andrews. Across Mongolians plains. (Через Монгольские равнины) Нью-Йорк. 1921 г. Работы нынешней экспедиции рассчитаны на пять лет и охватят не только Монголию, но также Камчатку и северную часть центральной Азии. В состав этой научной экспедиции входят не только геологи, топографы, зоологи, палеонтологи, но также специалисты по транспорту и дорожному делу, очевидно в целях изучения вопросов о доступности страны для автомобильного движения, перспектив железнодорожного строительства и т. д. Несомненно, что в состав экспедиции входят и представители военного ведомства. Любопытно, что правительство Монголии просило нашего уполномоченного в Урге прикомандировать к американской экспедиции знающего человека для наблюдения за ней и установления определенных рамок ее работы. Еще более резко выраженный политический и экономический характер носят японские научные экспедиции, например в Китайский Туркестан, где японские ученые ведут себя самым варварским образом по отношению к памятникам старины, отбивают фрески и увозят в Японию. Мы предполагаем посвятить в ближайшем номере нашего журнала специальную статью, посвященную вопросу о научных экспедициях в Азию и Африку и их значении со всех точек зрения.

мрака» (Tenebres de l'Afrique) и разрешили географическую проблему Конго, а Барт и Нахтигаль, прорезав всю Сахару и посетив самые глухие и наиболее опасные места этой пустыни, сняли завесу с мистического Томбукту. Барт проник в Судан, когда Борну уже с трудом отстаивало свою территориальную целость против туарегов, когда империя султана Белло находилась уже накануне окончательного развала и гибели. Однако в свите могучих африканских султанов были еще живы последние чернокожие историки и ученые. Их рассказы, их манускрипты дали возможность Барту в результате четырехлетнего пребывания в Африке подарить человечеству такую работу, которая является самым замечательным документом для изучения социального и политического быта и истории народов, среди которых, рискуя каждую минуту своей жизнью, скитался смелый ученый.

По следам гениальных и порой безумно-отважных исследователей и ученых, являвшихся увы, в большинстве случаев, бессознательным орудием в руках дипломатов и стоящих за спиной последних финансистов, двинулись в глубь Африки форсированным маршем, вперегонку военные отряды различных европейских государств. За мирным шелестом страничек записной книжки, в которую Барт, скрывавшийся в интересах личной безопасности под видом араба 57 суток, заносил по ночам, чутко прислушиваясь к малейшему шороху, свои невинные метеорологические наблюдения во время обратного путешествия через Сахару,—послышалось скоро бряцание европейского оружия в таких местах, куда до сих пор не проникала нога белого человека, и не прошло десятилетия, как те же наивные оптимисты, которые доказывали, будто геройскими подвигами и мученичеством Ливингстона, Барта и др. белая раса, поощрявшая до сих пор торговлю неграми во всей Африке, искупит свои преступления перед черными братьями,—увидели, что час отпущения грехов не только не приблизился, а наоборот отодвинулся в даль грядущих времен. Скоро почти все независимые африканские государства были уничтожены и превратились в европейские колонии, африканские вожди, князья, короли, многие после упорной и геройской борьбы, были убиты или низложены, троны их низвергнуты, а их функции, в порядке «усиленной охраны», «осадного или военного положения», как полагается в завоеванной стране, возложены на европейских чиновников, с предоставлением последним диктаторской власти, права жизни и смерти по отношению к приведенному в покорность огнем и мечом населению. Скоро весь цивилизованный мир узнал о беспримерных зверствах бельгийцев в Конго, о подвигах немецких культуртрегеров: Петерса, Аренберга, Велана, ген. Тротта, о французских героях Гуде и Токэ, двух колониальных администраторах, которые взрывали на воздух провинившихся в каком нибудь пустяке негров, подкладывая под них динамитные патроны, и затем заставляя других негров пить бульон из мертвых голов их убитых и замученных соплеменников... Так продолжала Европа великое дело, начатое Ливингстоном, Нахтигалем, Бартом и другими героями и мучениками науки.

Современным русским востоковедам, инициаторам и организаторам научных экспедиций в страны желтого континента не придется переживать душевной драмы в роде той, которая выпала на долю гуманного Ливингстона—при виде тех ужасов, театром которых была Африка по вине соотечественников великого путешественника, последовавших по стопам последнего лишь для того, чтобы силой оружия поработить население новооткрытых Ливингстоном областей и наложить на чернокожих иго принудительного труда в болотистой местности под ударами кнута и под аккомпанимент револьверных выстрелов—или знаменитого английского ориенталиста, знатока Персии, Эдвина Брауна, тщетно протестовавшего против политики английского правительства в Персии и сотрудничества с царским правительством в борьбе с пробуждающимся национально-революционным движением в стране шаха.

Русское востоковедение при старом режиме находилось в трагическом положении. «Молодое русское востоковедение, горячо желавшее работать на пользу страны— рассказывает известный ориенталист В. Бартольд в интересной статье «Россия и Восток», напечатанной в «Русской мысли» (1905 г. август), встречало или отпор или такое сочувствие, от которого еще больше опускались руки. Еще в 1865 г. Восточным факультетом, по инициативе синолога В. П. Васильева, был выработан проект издания «Азиатского Обозрения», предназначавшегося не только для специалистов, но и для широкой публики, но средств для этого издания не нашлось. Самому В. П. Васильеву пришлось пережить, по выражению автора некролога, С. Ф. Ольденбурга,—полное трагизма положение ученого, не находящего для своих работ ни издателей, ни читателей: *поставленные им на очередь научные задачи на его глазах выполнялись, независимо от него, западно-европейскими учеными.* Тем же В. П. Васильевым еще в начале 70-х годов и снова в конце 80-х годов был поднят вопрос о необходимости расширить преподавание языков, литературы и истории Дальнего Востока и Индии: ввести новые кафедры для преподавания нескольких языков, в том числе японского, и к преподаванию языка древней индийской культуры, санскрита, присоединить преподавание языка современной Индии—Индустани» [1]).

С той поры прошло более трех десятилетий к моменту русско-японской войны, однако, как констатирует В. Бартольд: «Россия, при наступлении событий 1904—1905 г., не имела вполне подготовленного специалиста по японоведению».

Столь же мало соответствовало достоинству России и русской культуры положение других отраслей русского востоковедения. Русское научное востоковедение нашло приют в археологических обществах Петрограда и Москвы, причем органы этих групп ориенталистов, несмотря на трудности,

---

[1]) Памяти В. П. Васильева и его трудам посвящены три статьи С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда и А. И. Иванова в Melanges Asiatiques (Азиатский сборник) за 1918 г., стр. 531—566.

связанные для иностранцев с изучением русского языка, *имеют едва ли не большее число читателей за границей,* чем в России, писал в 1915 г. В. Бартольд. Появление на русском языке (в 1912 г.) журнала по исламоведению было встречено с сочувствием во Франции и в Германии, в России существование журнала уже к концу первого года было признано излишним; его бывшему редактору пришлось выслушать от сановника с чисто-русской фамилией слова: «Если нам нужно что нибудь научное, мы находим это в заграничных изданиях [1]).

То, что многие наши авторитетные востоковеды подчеркивали о положении науки Древнего Востока, именно, что у нас нет еще ни науки, ни вообще литературы о древнем Востоке, что «она *вся в будущем*»,—приложимо тем более к литературе о новом Востоке. В докладе прочитанном от имени Московского Археологического Общества на заседании Восточной комиссии этого общества, мы читаем следующие строки: «*У нас нет науки Древнего Востока;* у нас есть несколько отдельных ученых, самостоятельно усвоивших ту или другую из отраслей и по собственной охоте и на собственный страх введших ее в состав университетского преподавания в качестве необязательных предметов и подаривших нашей науке несколько ценных, но разрозненных трудов, но у нас нет ни кафедр в университетах по языкам и литературам Древнего Востока, ни ученых обществ, посвятивших себя главным образом этой задаче, ни музеев, поставивших своей непременной задачей приобретение драгоценных памятников древнейших культур человечества, ни специальных изданий, посвященных разработке таковых памятников. Это все еще в наших мечтах [2])».

У нас не было науки древнего Востока и тем более не было литературы о новом Востоке, не потому, конечно, что наши правящие круги, наш финансовый мир, в отличие от Германии, мало интересовались изучением Востока, а прежде всего по той причине, что наши общественные круги не интересовались этими вопросами, по скольку дело не касалось таких острых проблем, как вопрос о присоединении Босфора и Дарданелл, продвижения к Персидскому заливу, Тихому Океану и т. д., одним словом, задач империалистической политики. Косность царского правительства не помешала же созданию в России несравненной художественной литературы, приобретшей мировое значение.

Мы стоим ныне накануне эпохи создания и расцвета литературы о Востоке. Этому порукой тот живой интерес к вопросам Востока, который с момента Октябрьской революции с каждым днем все сильнее и сильнее проявляется в широких кругах нашей подрастающей молодежи. Некоторые

---

[1]) „Русская Мысль" 1915 г., август, стр. 10—11.

[2]) „По вопросу о задачах русской археологической и исторической науки на переднем Востоке" ст. стр. 6—7, Москва 1917, см. там же интересный доклад М. В. Никольского: „Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями" Стр. 22—47.

цеховые ученые в области востоковедения не замечают этого сдвига и потому они или индифферентно или порой враждебно относятся ко всяким новым начинаниям в этой сфере, стремясь старыми рутинными рамками отгородиться от новых властных требований жизни, от общения с новыми отрядами нарождающихся востоковедов и практических работников на Востоке, которым суждено начать новую эру в истории русского востоковедения.

В сознании крайней важности изучения Востока Президиум ВЦИК утвердил в заседании 12 декабря проект декрета об организации ученого общества «Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения» при Наркомнаце. Необходимость организации дела изучения Востока в государственном масштабе сознавалась уже давно не только руководителями Наркомнаца, но и ответственными работниками других заинтересованных учреждений как-то: Наркоминдела, Академии Генштаба и т. д. Однако организация такой ассоциации наталкивалась на целый ряд препятствий. Так, в течение первых лет существования Советской власти, большинство профессоров-ориенталистов, без привлечения которых невозможно было бы создать научное общество по изучению Востока, находились вне Советской России, главным образом на Востоке, отрезанном от нас. С другой стороны, война с белогвардейскими бандами и поддерживавшей внутреннюю контр-революцию Антантой отвлекала наше внимание от многих серьезных задач, в том числе и от задачи изучения Востока.

Восток не представляет собой нечто единообразное. Народы Востока отличаются между собой в политическом, экономическом и социальном отношениях. Так, например Афганистан с его патриархально-родовым бытом, с одной стороны, промышленные области Индии с их крупными фабричными городами, с многомиллионным пролетариатом—с другой, это два различных мира. Да и сама Индия, с ее трехсотмиллионным населением, представляет собой огромную страну, состоящую из областей, из коих некоторые как бы отделены друг от друга в экономическом, социальном и политическом отношениях целыми веками.

Но, как ни многообразен и сложен мир Азии, Ассоциация Востоковедения не может заниматься одним этим континентом. Восток—это не только угнетенный азиатский мир. Восток—это весь колониальный мир, мир угнетенных народов не только Азии, но и Африки и Южной Америки, одним словом, весь тот мир, на эксплуатации которого покоится мощь капиталистического общества в Европе и С. Штатах. Европейский и американский капитализм черпает свою силу, главным образом, не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений.

И в настоящий момент, когда весь этот мир в значительной мере в результате Октябрьской революции, вышел из состояния косности и неподвижности, когда Персия, Индия, Турция охвачены мощным национально-революционным движением, и каждое сотрясение почвы в Азии вызывает землетрясения не только на африканском континенте, в Египте, Триполи, Ма-

рокко и т. д., но даже в Америке, среди чернокожего населения С. Штатов и порабощенных народов Южной и Центральной Америки, изучение Востока представляет особый интерес и имеет громадное значение.

Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения должна явиться высшим научным органом, изучающим Восток, распространяющим в широких народных массах научные знания о Востоке и одновременно помогающим Советской власти в установлении правильной политики по отношению к народам Востока. Ибо *такая правильная политика возможна лишь по стольку, поскольку эта политика опирается на точное знание всей совокупности социального, хозяйственного и политического быта народов Востока.* Отсутствие этого знания и незнакомство наше с современными политическими партиями и экономическим укладом жизни, даже в таких близких к РСФСР, соприкасающихся с нашими границами, странах, как Персия, Турция, с которыми дооктябрьская Россия была связана оживленными торговыми отношениями, было причиной многих роковых ошибок в нашей ближневосточной политике за самые последние годы. Тем более неизвестны нам Афганистан, Тибет, Корея, обширнейшие области Китая, Индии. Что же сказать о северных областях африканского континента, омываемого Средиземным морем, этой великой военно-морской и торговой дорогой, ведущей от имеющего для нас такое первостепенное значение Черного моря к Атлантическому океану.

Наши импровизированные дипломатические представители, отправляясь в Срединную Империю или какую либо другую страну Азии, напрасно рыщут перед от'ездом по библиотекам, ища каких-нибудь серьезных работ о современном положении в интересующей их стране, и уходят с пустыми руками. В общем вся современная Азия является для нас терра-инкогнита—«неизвестной страной». А между тем, с недавнего времени Россия называется Евразией (Европой—Азией), и, действительно, ни одна страна европейского континента не связана, даже в самой малой степени в экономическом, политическом и духовном отношениях, так глубоко с Азией и со всем Востоком, как современная Россия.

В России до сих пор не существовало правильного изучения Востока. Даже во Франции и Германии, мало связанных с Персией, Китаем, Кореей, Тибетом, существует несравненно больше капитальных научных трудов об этих странах, чем в России, литература которой об этих вопросах нищенски бедна. Мы не говорим уж об Англии, литература которой, например, о Персии, крайне богата и не может даже идти в сравнении с нашей, хотя в течение последних десятилетий русские торговые сношения с Персией были крайне оживленны, и Россия экономически вытесняла Англию с персидского рынка. И, тем не менее, изучать Персию приходилось не по русским источникам и не в наших библиотеках, а по английским, в Британском музее.

Настал момент, когда, более чем когда либо, необходимо создать правильно организованное изучение Востока. Царская Россия являлась по отно-

шению к народам Востока одновременно завоевателем и купцом. Современная Россия—Евразия— это прежде всего учитель, руководитель стонущего в цепях духовного и экономического рабства, борющегося за лучшее будущее Востока. Москва—это Мекка и Медина для всех порабощенных народов. И если даже грубому завоевателю-насильнику и жадному купцу необходимо для сохранения своего господства в данной стране изучать последнюю, знать экономический и социальный уклад и весь быт эксплуатируемых народов,—тем более такое знание необходимо тому, на кого история возложила ответственую миссию быть учителем, вождем отсталых народов в борьбе за раскрепощение от всех видов рабства.

Необходимо создание такой организации изучения Востока, при которой возможно было бы планомерное собирание материалов и обработка их в государственном масштабе для правильной ориентации во всех многообразных вопросах Востока.

Единственным органом, в котором может быть налажено всестороннее изучение Востока, должна являться Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения, к работе в которой должны быть привлечены наши ориенталисты, интересующиеся современным Востоком в политическом и экономическом отношениях.

Ассоциаця Востоковедения должна взяться в первую голову за изучение статистики зарубежного Востока и всех связанных с последним стран, статистики за последнее десятилетие и, особенно, за 1921—1922 г., национально-революционных движений на черном и желтом континентах и в странах Южной Америки, далее, рабочего движения, классовых взаимоотношений, земельного вопроса, политических партий и группировок во всем колониальном и полуколониальном мире.

Работая над этими заданиями, Ассоциация Востоковедения будет мощно содействовать познанию Востока и, пробуждению, с одной стороны, усилению авторитета и мощи РСФСР во всем мире—с другой.

Однако, в этой области еще ничего не сделано, и грандиозные задачи встают перед молодыми востоковедами. Современное положение Востоковедения в интересующей нас области может быть охарактеризовано в грубых штрихах следующим образом:

1) Мы не имеем до сих пор основных статистических данных относительно большинства стран Востока. Так, до сих пор неизвестно количество народонаселения Персии, одни считают его в 10 мил. другие в 7 и даже в 6. В Китае недавно была произведена перепись народонаселения, но по словам бывшего английского резидента Rockhill'a с пренебрежением основных статистических методов.

2) До сих пор даже отсутствуют основные этнические данные: неизвестно, напр., точное деление курдов на племена, статистика их, расселение, быт и пр.

3) Нет основных экономико-статистических данных; в Персии кадастр был произведен при Фетх-Али-шахе т.-е. в начале XIX в. В Турции настоящая земледельческая статистика отсутствует; существуют так называемые полуофициальные данные, публикуемые Министром Земледелия, но по утверждению знатока Сирии, д-ра Руппина, и др., последние отличаются лишь приблизительным характером.

Благодаря же лишь недавно отмененной системе сдачи налога в откуп отсутствует и податная статистика.

4) Отсутствуют также данные о длине железных дорог и шоссейных путей. Так по меткому наблюдению лорда Кэрзона даже относительно единственной железнодорожной линии Персии Тегеран-Абдул Шах-Азим европейцы-путешественники сообщают противоречивые цифры.

5) В государствах Востока почти отсутствуют официальные ежегодные статистические публикации, по которым мы могли бы судить о социальной и экономической жизни страны. Лишь в Турции издается ежегодный альманах «Сал Наме», но он дает сведения почти исключительно политико-административные, финансовые и притом, главным образом, ведомственные. В Китае издается несколько английских ежегодников (в Шанхае, Пекине), но они посвящены или морской торговле («Chinese Imperial Maritime Customs») или железнодорожной статистике:

6) Лучше дело обстоит в Индии и в Индо-Китае, где ежегодно выходят официальные статистические публикации. В Индии «Agricultural», «Finance». «General Statistics Reports» и др. В Индо-Китае «Bulletin Economique de l'Indochine и т. п. Однако, как показал опыт и работа по этим источникам, они часто являются тенденциозными и сообщающими в интересах колониальной политики подтасованные цифры и сведения.

7) Что касается до европейских работ в этой области, то в большинстве случаев они носят или естественно-научный или историко-археологический характер. Об'ясняется это, главным образом: а) безразличием европейских ориенталистов к социально-экономическим вопросам, например, русские экспедиции Ольденбурга в Китайский Туркестан, Козлова—в Харахота или б) невозможностью во время кратковременной экспедиции изучить сложный незнакомый быт страны (путешествие Кэрзона в Персию). Лишь в последнее время начали посылаться специальные торгово-промышленные экспедиции. Такова, например, итальянская экспедиция коммерческой географии в Анатолию в 1906 году и, главным образом, немецкие довоенные экспедиции и миссии.

8) Дипломатические агенты, в особенности британские, на Востоке сообщают богатейший цифровой материал, но, к сожалению, главным образом, по коммерческой статистике, что об'ясняется их пребыванием в портовых городах и их специфическими заданиями и интересами. См. английские «Consular Reports».

9) Большой материал дают также статистики европейских таможен и др. органов в Персии (бельгийские), в Китае и отчасти в Турции («Dette

publique»), но опять-таки они характеризуют исключительно торговлю стран Востока.

10) Русские консула, мало подготовленные, почти никогда не занимались и не занимаются собиранием этих сведений. Доказательством могут служить все публикации министерства. Ин. Дел, носящие исключительно дипломатический и политический характер, а теперь Информ. бюллетени, составляемые нашими дипломатическими представителями исключительно газетно-переводного характера.

11) Итак, задача составить основные труды по социальному строю и экономике для большинства стран Востока (отчасти исключая Индию и Египет), является для настоящего времени задачей крайне трудной.

12) Если бы и можно было это сделать, нельзя упускать из виду, что и Персия, и Турция, и Китай уже в течение ряда лет находятся в состоянии перманентной революции, сопровождающейся ломкой всех старых социально-экономических институтов и связей и нарождением новых.

Работа политико-экономического отдела должна итти в двух следующих направлениях.

А. Чисто научно-лабораторная работа по выработке правильных методов для изучения общей социально-экономической кон'юнктуры стран Востока (империализм).

В. Составление предварительных очерков, обзоров и монографий статистическо-экономических и социально-политических, по заранее разработанному плану, с привлечением всех имеющихся материалов.

Г. Разбивка и разработка этого материала применительно к основным рубрикам. Например, по экономике:

А. а) Земледелие и аграрный строй, б) кустарная промышленность, в) добывающая промышленность, г) крупно-обрабатывающая промышленность, д) процесс капитализации страны, е) кооперация, ж) внутренняя торговля, з) внешняя торговля и т. д.

В. По социальным отношениям: а) крестьянство, б) ремесленники, в) духовенство и т. д.

Необходимо выработать на основе указанных предварительных работ схему, по которой собирали бы сведения и сообщали их представителям Р. С. Ф. С. Р. на Востоке.

На базе этой же предварительной работы необходимо создать и те конкретные программы сбора сведений и изучения страны, которые давались бы как руководство всем отправляемым экспедициям.

Лишь при накоплении достоверного и притом постоянно обновляющегося материала и после обработки его мы будем научно знать экономические отношения, социальный строй и вырастающие на них политические процессы, развивающиеся в странах Востока.

Что касается ближайших задач ассоциации в области историко-этнологической работы, то ассоциация должна носить характер как исследовательский, так и под'итоживающий специальные штудии. Исследования должны

вестись в области археологии, истории, этнологии, литературы и лингвистики Востока.

В виду крайней трудности организовывать в настоящее время большое количество раскопок, экспедиций, разведок, поездок и т. д. придется обратить особое внимание на работу под'итоживающего характера. Теперь вполне своевременно обернуться на пройденный путь и подвести итоги сделанному. Такие итоги, выводы и возможные обобщения—работа важная и существенно нужная. На ряду с этим, конечно, не надо забывать и продвижений вперед. Если нельзя осуществить всех экспедиций, то готовиться к ним надо, работу предварительную вести необходимо. Планы основных восточных организаций должны быть разработаны.

Из чисто-исследовательских задач мы указали бы, как одни из основных, следующие:

а) Проблема иранизма, вопрос о происхождении, развитии и различных формах претворения иранской культуры; безусловно это одна из основных задач нашего востоковедения.

б) Хеттско-аллародийская культура и ее экспансия. Здесь опять существенно важны исторические, археологичекие и лингвистические штудии. Вопрос о влиянии хеттской культуры, могучем и интенсивном, подтверждается, как новейшими археологическими данными (раскопки в Богазкией, Кархемыше, влияния в Майкопе, на ранних скифских курганах и т. д.), так и блестящими лингвистическими изысканиями академика Н. Я. Марра.

в) Продолжение изысканий в области изучения Ванского царства (Урарту), археологические раскопки и разведки в Закавказьи.

г) Работы в области археологии, этнологии, лингвистики Индии и Афганистана. Последний, благодаря возможности доступа туда, должен быть поставлен на первый план.

д) Египтологические штудии при наличии школы Тураева и наших замечательных египетских коллекций должны занимать видное место в работах ассоциации.

е) Подготовка и возможно скорое осуществление экспедиций: 1) в Китайский Туркестан для продолжения счастливо начатых там археологических и этнологических изысканий; 2) в области близ Мерва и Асхабада для дополнительных изысканий в области интереснейшей неолитической культуры, могущей пролить свет на древнейшее прошлое европейской и переднеазиатской цивилизации (связь с Эламом, нашей Трипольской культурой); и 3) в Монголию.

К числу работ под'итоживающего характера мы отнесли бы на первую очередь составление критико-библиографического обзора русских работ по ориенталистике. Труд этот мыслится, конечно, коллективным, при участии ряда специалистов. Такого обобщающего труда на русском языке нет и в нем чувствуется острая необходимость.

Перед Ассоциацией востоковедения стоят очень крупные задачи. Однако, мы твердо убеждены в том, что при поддержке наших ученых восто-

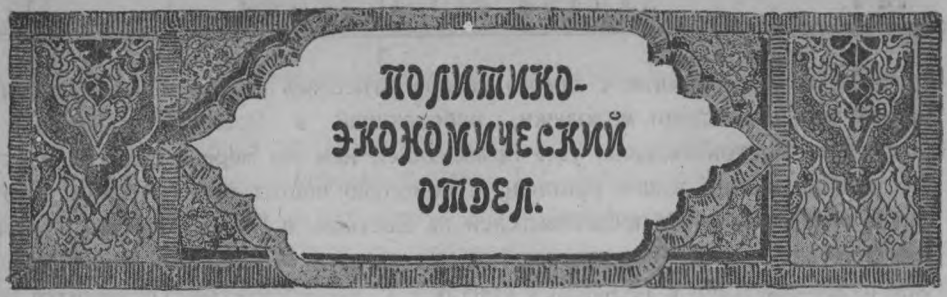
коведов, из коих многие с самого начала отнеслись горячо к нашему начинанию, при содействии молодежи, работающей в Военной Академии и в Институте Востоковедения, уже помогающей нам по мере своих сил в осуществлении наших задач, наконец, с помощью наших практических работников и официальных представителей на Востоке, в Китае, Персии, Турции, Афганистане и т. д. нам удастся кое-что сделать. Ассоциация Востоковедения будет работать в теснейшем контакте с Университетом Трудящихся Востока, с Институтом Востоковедения в Москве и другими учеными и учебными учреждениями, занимающимися вопросами Востоковедения.

Самый факт создания Всероссийской Научной Ассоциации явился серьезным фактором в деле развития успехов нашего востоковедения, вызвав создание новых организаций, которые будут работать в интересующей нас области. Так, по инициативе и под председательством одного из членов-учредителей ассоциации, тов. Сурица, бывшего нашего полномочного представителя в Кабуле, в Ташкенте организовалась специальная Научная Восточная Комиссия при представительствах Наркоминдела и Наркомвнешторга в Средней Азии. Комиссия ставит своей задачей всестороннее изучение сопредельных Туркестану стран Средней Азии, т.-е. Хивы, Бухары, Персии, Китая, Афганистана, а также Индии. В эту комиссию привлечены, между прочим местные мусульманские ученые и предприняты реальные шаги к изданию в ближайшем же времени работ о Китайском Туркестане, в первую голову Кашгарии, Афганистане, Персии и т. д.

Отделения ассоциации создаются уже не только в пределах Р. С. Ф. С. Р., но и за пределами ее. Так, по инициативе одного из членов ассоциации, т. Тардова, назначенного недавно нашим генеральным консулом в Испагани, возник кружок любителей востоковедения в Тегеране, при представительстве Р. С. Ф. С. Р.

Будем надеяться, что благодаря нашим усилиям и прежде всего благодаря новым условиям нашей общественной, политической жизни русское востоковедение выйдет из того трагического и унизительного положения, в котором оно, по словам такого авторитетного ученого, как академик Бартольд, пребывало при старом режиме.

Мих. Павлович.



Тихо-океанская проблема [1]).

В период мировой войны, в тот момент, когда десять департаментов Франции были еще заняты немецкими войсками, известная французская газета «Temps», обсуждая после-военные перспективы, откровенно писала, что *«первой неотложной задачей по окончании нынешней войны явится разрешение китайского вопроса»*, т.-е. по просту, раздел китайского наследства. Особенно любопытно, что это писалось в то время, когда Китай находился в официальном союзе с Антантой и принимал участие в войне против Германии. Китайское правительство решило по предложению Америки примкнуть к союзной коалиции в надежде войти таким образом в семью мировых держав и улучшить положение Срединной империи. Однако, уже из приведенной нами цитаты из французского оффициоза видно, насколько наивны были мечты китайских дипломатов, государственных деятелей и тех представителей китайской прессы, которые в самых оптимистических тонах рисовали все благодетельные последствия оффициального включения Срединной Империи в союзную коалицию рядом с такими великими державами, как Америка, Франция, Англия, Россия, Япония и т. д. В самом деле, как было не радоваться китайским дипломатам? Как раз именно те державы, которые являлись до сих пор виновниками расчленения Китая и со стороны которых в будущем грозила особая опасность Срединной Империи,—согласились принять последнюю в свою семью на правах союзника в борьбе против «врагов цивилизации и культуры».

Однако, все эти беспочвенные надежды быстро были разбиты. Сейчас же после официального вступления Китая в союзную коалицию, Америка, на бескорыстную дружбу и могучее покровительство которой расчитывали китайцы, подписала соглашение с Японией о признании *«особых прав»* последней в Китае. Это соглашение, известное под именем соглашения Лансинга—Ишии, подписанное в Вашингтоне министром иностранных дел С. Штатов Лансингом и японским посланником Ишии, означало признание

---

[1]) В этой статье мы останавливаемся главным образом, на японо-американском конфликте. В следующей статье, мы сосредоточим наше внимание на проникновеии японцев в Сибирь и русско-японских отношениях.

Америкой верховенства Японии в Китае. В этот момент С. Штаты были заняты по горло европейскими делами, и американская дипломатия, желая иметь руки свободными, согласилась сделать существенную уступку японскому империализму и признать *специальные интересы* Японии в срединной империи. Это соглашение подверглось резкой критике на страницах многих органов американской прессы, указывавшей на всю опасность подобных уступок и на те усилия, которые придется С. Штатам впоследствии употребить, чтобы отвоевать потерянные позиции и восстановить американский престиж в Китае.

Надежды китайцев добиться на Версальской мирной конференции 1918 г. отмены экстратерриториальности и других унизительных и тяжких условий, навязанных империалистическими державами Китаю, не оправдались, как и все их чаяния подобного рода, связанные с участием Срединной империи в войне против общего врага. Более того, на Версальской конференции представители Японии категорически требовали, чтобы китайская делегация не смела предпринимать самостоятельных шагов и строго подчинялась во всех своих действиях и выступлениях японской делегации. Правда, несмотря на эти угрозы, китайская делегация в Версале заявила резкий протест против действий Японии по отношению к Китаю за весь период войны и отказалась подписать «мирный договор», ибо этот мирный договор носил такой же разбойнический характер по отношению к «союзному», с Америкой, Англией, Францией и т. д., Китаю, какой он носил по отношению к враждебным и побежденным странам, Германии, Австрии, Болгарии и Турции. Вопреки всем надеждам китайских поклонников Америки, последняя не обнаруживала никакого желания ссориться с Японией и санкционировала захват Шаньдуня Японией.

Уже в период самой мировой войны значительная часть американской буржуазной прессы в самых энергичных выражениях осуждала крайне уступчивую политику министерства иностранных дел по отношению к Японии и не находила достаточно резких слов, чтобы заклеймить «разбойничий», «захватнический», «коварный» и т. д. образ действий правительства Микадо по отношению к Срединной империи. Однако, тяжелая борьба с Германией требовала от правительства С. Штатов все большего и большего напряжения сил: каждую неделю все новые и новые дивизии отправлялись на европейский фронт и весь военный американский флот в составе перволинейных судов, крейсеров и подводных лодок вынужден был охранять бесчисленные суда, перевозившие американских солдат во Францию. Между тем, в это время у Японии руки были свободны, ее многочисленная сухопутная армия и сильные эскадры «бездействовали». Момент не был благоприятен для пред'явления С. Штатами каких-либо счетов Японии и, таким образом, С. Штаты предпочли предложить Китаю *переговорить непосредственно с Японией*, что обозначало отдачу Срединной империи на с'едение японским империалистам. Однако, как только закончилась мировая война, американская армия вернулась на родину, американские эскадры к своим стоянкам,

тон американской дипломатии по отношению к Японии стал резко изменяться.

Уже до войны 1914—1918 г. мы подчеркивали в нашей книге: «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», что в недалеком будущем центр тяжести мировых конфликтов передвинется от Средиземного моря и Атлантического океана к Тихому океану, который сделается скоро Средиземным морем будущего. Уже до мировой войны господствующие классы С. Штатов заявляли устами Рузвельта, что *«господство на Тихом океане должно принадлежать С. Штатам»*. Результаты мировой войны должны были усилить эту тенденцию Америки к овладению Тихим океаном. Мировая война нанесла тяжкий удар промышленности и всему народному хозяйству не только в странах побежденных, но и в странах победительницах, не исключая и Америки, которая затратила меньше усилий в мировой войне, чем европейские государства и тем не менее жестоко пострадала.

Вот как известный американский писатель **Walter Pitkin** охарактеризовал в журнале «**Atlantic Monthly**» (Бостон, ноября 1921 г.) положение Америки в момент Вашингтонской конференции и доказывал железную необходимость для С. Штатов завоевания тихо-океанских рынков:

«В наших руках находится большая часть мировой наличности золота, большая часть свободного капитала, ищущего себе приложения, мы имеем самые громадные фабрики и заводы в мире и миллионы лучших рабочих. Экономический хаос разрушил нашу торговлю с Европой. Наш экспорт и импорт уменьшился на 50% в течение первых семи месяцев текущего года (1921), Германия продает фабрикаты текстильной промышленности на 60% дешевле по сравнению с стоимостью нашего производства. Немецкие фабрики на нашем же стальном рынке продают дешевле, чем заводы Питсбурга. Наши автомобильные фабрики производят 57% их довоенного производства. И в результате пять миллионов наших рабочих не имеют работы. Между тем, налоги не уменьшаются, наши земледельцы разоряются, наша промышленность падает. Есть только одно средство предотвратить обострение кризиса, открыть быстро новые рынки, найти новых покупателей, создать новые потребности. Но где и как?

«Не в Европе, ибо Европа сама не имеет, чем заполнить ее голодный желудок, при том Европа может почти все продавать по более дешевой цене, чем мы. Не в России, которая имеет деньги только на покупку черного хлеба. Не в Южной Америке, покупательные способности которой очень ничтожны, вопреки утверждения некоторых банковских дельцов, все познания которых относительно южно-американского континента заимствованы из учебников по географии для школ первой ступени. Где же искать выхода, где приложить наши капиталы, куда сбывать наши товары? Только на Дальнем Востоке. Китай и Сибирь могут поглотить биллионы нашего капитала, и здесь капитал, как заметил правильно Ламон, может принести до 1000% прибыли. Поскольку мы придаем значение внешней торговле,

как единственному средству восстановить наше экономическое равновесие, наши финансисты и промышленники должны обратить свое внимание вне С. Штатов исключительно на Дальний Восток».

Итак, задача формулирована здесь очень ясно и просто... Для борьбы с все более и более обостряющимся в Америке промышленным кризисом необходимо завоевать тихо-океанские рынки и утвердить гегемонию С. Штатов на Тихом океане. Однако, в этой части мира С. Штаты наталкиваются на грозную конкуренцию Японии, которая за время мировой войны необычайно усилила свои позиции на Тихом океане и вытеснила Америку и Англию из многих пунктов, где последние казались непобедимыми.

С другой стороны, экономическое положение Японии таково, что она едва ли может добровольно пойти на какие-нибудь серьезные уступки в Тихо-океанском вопросе и отказаться от своих притязаний по отношению к китайскому рынку, на захват которого претендуют С. Штаты. Вот, как «Шанхайская Газета», в номере от 26-го февраля, характеризует современное экономическое положение Японии:

«Общая тенденция покровительства и протекционизма особенно укрепилась в период пребывания у власти кабинета Хара. Война поставила Японию в исключительно благоприятные условия. Западно-европейские страны и Америка были заняты войной, вся промышленность была милитаризована, и лозунг «все для войны» действительно проводился в жизнь. У Японии оказались руки развязанными. Правительство Хара учло это обстоятельство и стало всячески поощрять всемерное развитие промышленности и экспорта. В результате создалось огромное количество мелких и крупных промышленных предприятий, экспорт колоссально увеличился и стал впервые превышать импорт; страна, казалось, вступила на путь экономического благоденствия. Но период экономического расцвета продолжался недолго. *С окончанием войны и возобновлением иностранной конкуренции на рынках Дальнего Востока, в Японии немедленно начался тяжелый экономический кризис.* Возникшие при поддержке правительства промышленные предприятия оказались слишком непрочными и наспех организованными, и продукты японской промышленности не смогли выдержать конкуренции с иностранными товарами. Данные за 1921 г. (берем 1921 год для большего выявления злокачественности и длительности после-военного кризиса) ясно обнаруживают общую экономическую депрессию, наступившую в Японии. Так, в ноябре 1921 года, месяце, когда вывоз из Японии обычно резко возрастал, главным образом, благодаря шелководам, т.-е., крестьянству, *вывоз шелка-сырца сократился в пять раз по сравнению с ноябрем 1920 г.*, шелковой ткани на 60 проц., чая в *4 раза,* шляп в 5 раз, бобров в 6 раз, сахара, разных товаров, шелковых оческов, спичек, бумаги, леса, фарфора, пуговиц и стекла в 2 раза. Всего вывоз в ноябре 1921 года выразился в 104 милл. иен против 218 милл. иен в ноябре 1920 года. В ноябре 1920 года вывоз превосходил ввоз на 75 с лишним миллионов иен, а в ноябре 1921 г. ввоз пре-

восходил вывоз на 2 милл. иен (цифры ввоза и вывоза за январь текущего года, обнаруживающие еще большую депрессию, приведены выше)».

Резкое падение экспорта и многочисленные промышленные крахи толкнули правительство Хара на более определенный и крайний путь протекционизма. Были повышены таможенные тарифы на ввоз, в еще большей степени стали оказываться субсидии промышленным предприятиям. Стала весьма широко применяться система, которая применялась у нас для усиления вывоза сахара—система возврата пошлин или уменьшения их до минимума при одновременном повышении внутреннего обложения. Приведем несколько примеров: во время войны, ввиду отсутствия на рынке иностранного цинка, в Японии стал добываться цинк. Выросла целая промышленность. Но война закончилась, и привозной цинк стал в Японии дешевле на 20 проц., чем добытый в стране. И вот, для поддержания цинковой промышленности была введена «сахарная» политика,—таможенные надбавки на ввозной цинк и проч. В настоящее время, при кабинете Такаши, этом духовном наследнике Хара, проводится та же политика, и теперь обсуждается вопрос о введении «сахарной» политики по отношению к меди, повышении таможенной пошлины на шляпы (фетровые), об установлении ввозной пошлины на лес и проч.

Но понятно, что империалистическая Япония не может ограничиться одним усилением протекционных мер для борьбы с экономической депрессией. Рядом с протекционизмом всегда идет захватная экспансия. Если Дальний Восток нужен американским империалистам, так же необходим он и японским.

В борьбе с конкуренцией Англии, Америки, Бельгии и других стран Япония не ограничивается тем, что ограждает свой собственный внутренний рынок увеличением таможенных ставок, введением запретительного тарифа, наконец, установлением поощрительных премий для увеличения японского экспорта; нет, она вводит скрытую протекционную систему в самом Китае и фактически превращает последний в свою колонию. В очень сильных выражениях описывает экономическую политику Японии в Китае Осборн. Вот, что пишет этот знаток Китая о японской гегемонии, японском протекторате над Срединной империей (цитируем по книге Ходорова. «Мировой империализм и Китай». Шанхай. 1922. см. стр. 208—209):

«В Китае ни одна железная дорога не может быть построена, никакие копи не могут разрабатываться, ни один иностранный заем не может быть учинен без согласия на то Японии и без непременного участия самой Японии во всех этих мероприятиях: японцы должны находиться на службе у Китая в качестве его политических, финансовых и военных советчиков; мнение Японии должно быть испрашиваемо всякий раз, когда речь идет о важном промышленном предприятии; Китай обязан советоваться с Японией, когда он покупает оружие, и уже само собой разумеется, большая часть этого оружия должна быть приобретена в самой Японии; японцы должны

управлять теми железными дорогами, которые сооружаются на средства иностранного капитала; японские товары должны пользоваться удешевленным железнодорожным тарифом, с целью обеспечить японским товарам на китайском рынке преимущество перед товарами других иностранцев; все железнодорожные материалы, потребные Китаю, должны быть куплены в Японии или при посредстве японских фирм; таможенные ставки на японские товары должны быть ниже ставок на товары производства других стран; японцам должно быть предоставлено право приобретать недвижимость во всех местах, а японские граждане должны быть из'яты из действия китайских законов во всех местах своего пребывания; японцы должны возглавлять китайскую полицию в наиболее крупных китайских городах; Китай не может сдавать в аренду части своей территории, не испросив на то предварительного согласия Японии; Китай никому не может сдавать контрактов на сооружение пристаней и гаваней без согласия на то Японии, мнение Японии должно быть испрошено и в том случае, если Китай предполагает переменить свою фискальную систему».

Ясно, что при таких условиях отношение Америки к Японии могло быть только враждебным. Было очевидно, что обе державы идут навстречу вооруженному конфликту. Япония, бедная углем и железом, лишенная этих двух столбов, на которых, подобно языческому храму Дагона, покоится промышленное здание современных империалистических государств, не могла отказаться от своих притязаний на Китай, с его богатыми железными рудниками, с его угольными копями, запасы которых превышают в два раза богатство углем всей западной Европы. Америка, сдавленная все туже стягивающейся петлей промышленного кризиса, должна была открыть дальневосточные рынки для своих многочисленных фабрик и заводов, страдающих от небывалого перепроизводства, для своих необ'ятных капиталов, не находящих себе приложения ни в Европе, ни на американском континенте.

* * *

При таких условиях открылась Вашингтонская конференция, которая должна была предотвратить неизбежную войну, призрак которой зловеще вырисовывался уже на горизонте.

Мы не будем подробно останавливаться на этой конференции, так как мы обстоятельно осветили ее в наших статьях, опубликованных в «Красной Нови» (№ 5, декабрь 1921 г.) и в «Вестнике Наркоминдела» (№ 9—10 1921 и № 1—3, 1922 г., и потому мы здесь прежде, чем сделать соответствующие выводы, дадим краткое резюме этих статей.

На Вашингтонской конференции Америка сделала попытку победить Японию и отчасти Англию *дипломатическим путем* и заставить обе эти державы признать гегемонию Америки на Тихом океане.

Панамский канал был сооружен американцами с целью захвата гегемонии в Южной Америке и во всем бассейне Тихого океана. В тот момент,

когда первое американское судно,—это было 3 августа 1914 г.,—покинув берега Атлантического океана, пересекло канал и вступило в воды Тихого океана, только что разразилась мировая война, и потому это великое событие в истории Тихого океана прошло незамеченным в Европе. Между тем, в этом факте окончания канала и прохода американского судна из одного океана в другой ново-открытым путем, лежал залог будущих войн.

На Вашингтонской конференции были поставлены два основных вопроса:

1. Вопрос о сокращении вооружений.
2. Вопрос о Тихом океане.

Первый вопрос разбился на два вопроса: а) вопрос о крупных военных судах, о перволинейном флоте, т.-е. о дреднаутах, супердреднаутах, крейсерах и т. д.; б) вопрос о подводном флоте. Первая часть морской программы о крупных судах особенно интересовала С. Штаты, вторая часть, о подводном флоте—Европу, в первую голову Англию, Францию и Италию.

Второй вопрос о Дальнем Востоке также разбился на две тесно связанные между собой части: а) расторжение англо-японского союза; б) раздел бассейна Тихого океана.

Вопрос о сокращении вооружений, вернее, о прекращении дальнейшей постройки крупных боевых судов, как он формулирован в американском проекте, находится в тесной связи с лихорадочно быстрым увеличением тоннажа (водоизмещения) боевых судов в течение периода после мировой войны и несоответствием Панамского канала, на сооружение которого американцы затратили столько усилий в течение целого десятилетия, с намечающимися уже тенденциями в области военного судостроения в смысле сооружения таких гигантских судов, которые превосходят всякие предвидения американцев всего несколько лет назад. Казавшийся только недавно таким гигантским сооружением Панамский канал оказывается уже слишком узким для прохождения через него проектируемых чудовищных боевых судов.

Если не будет положено предела дальнейшим морским вооружениям и сооружению новых военных судов все большего и большего тоннажа, С. Штатам придется немедленно приступить к новым гигантским работам в Панамском перешейке, чтобы сделать возможным переход новых гигантских боевых судов из Атлантического океана в Тихий и обратно. О трудности осуществления этих новых планов можно судить по тому, что на окончание начатых в свое время французами работ по прорытию Панамского канала американцам понадобилось целых десять лет (с 1904 по 1914 г.), при чем на прорытие канала было расходовано 373.000.000 долларов и извлечено около 200 миллионов кубических метров (190.000.000) грунта.

Таким образом, очевидно, что С. Штатам выгодно зафиксировать в данный момент морские вооружения, как определенные и устойчивые величины, и прекратить дальнейшее соревнование в этой области, по крайней мере в течение определенного периода. К осуществлению этой задачи и

стремилось правительство С. Штатов своим проектом о морском разоружении, выдвинутом на Вашингтонской конференции.

Подобно пресловутому царскому проекту 1898 г. о разоружении на первой Гаагской конференции американский проект 1921 г. преследует ту же цель: задержать вооружение до той поры, пока Америка не найдет для себя удобным приступить к постройке новых гигантских судов. В данный момент, в виду технических условий Панамского канала, увеличение тоннажа крупных военных судов противоречит интересам С. Штатов.

Первоначально Америка добивалась того, чтобы была установлена следующая пропорция между перволинейными флотами Америки, Англии и Японии—5 : 5 : 3, т.-е. Америке, Англии было предоставлено иметь флоты в 500.000 тонн, а Японии в 300.000 тонн. Однако, Америка, согласилась сделать маленькую уступку Англии.

На пленарном заседании конференции, состоявшемся в начале февраля, было оглашено и утверждено морское соглашение 5 держав, состоящее из двух частей. По пункту 1-му этого соглашения тоннаж перволийных судов устанавливается в следующем размере: Англия—580.000 тонн, Америка—500.000 тонн, Япония—301.000 тонн, Франция—221.000 тонн, Италия—180.000 тонн. Для замены выводимых из строя устарелых броненосцев установлена следующая норма: Америка и Англия имеют право на замену 525.000 тонн, каждая, Япония—315.000 тонн, Франция и Италия—по 170.000 тонн. От постройки перволийнейных судов эти державы отказываются. Таким образом, сооружение новых военных судов не запрещено. Как видим, судостроительные заводы 5 держав имеют возможность построить новый громадный военный флот более, чем в 1.700.000 тонн; однако сооружение перволинейных боевых судов запрещено, что вполне совпадает с требованиями С. Штатов. Следовательно, в вопросе о крупных военных судах Америка добилась существенных результатов.

Мы не говорим уже о том, что Англия отказалась от своего принципа two powers standart, по которому английский флот должен быть равен соединенным флотам двух сильнейших держав. В результате морского соглашения, принятого на Вашингтонской конференции, английский перволинейный флот будет значительно слабее не только соединенных флотов Америки и Японии (801.000 тонн), Америки и Франции (771.000 тонн), но даже Америки и Италии (682.000 тонн). Американский перволинейный флот всего на 80.000 тонн будет слабее английского, за то тот же американский флот почти на 200.000 тонн будет сильнее японского. Результат, как видим, для С. Штатов очень существенный.

Вашингтонское морское соглашение кладет некоторый предел дальнейшим вооружениям на море, хотя, конечно, сооружение нового флота в 1.700.000 тонн обойдется трудовым массам пяти держав не в малую сумму, которая выразится во многих миллиардах франков.

Само собой разумеется, что принятие американского проекта сокращения вооружений отнюдь не ослабит опасности войны. Американский

проект не имеет ничего общего с разоружением и устранением войны. В лучшем случае, осуществление американского проекта означало бы, как заметил Бернар Шоу, лишь удешевление войн, а это, конечно, менее всего могло бы содействовать прекращению последних.

Вслед за вопросом о сокращении вооружений на Вашингтонской конференции встал вопрос Дальневосточный, вопрос о судьбе Китая и Сибири, о расторжении англо-японского союза и разделе бассейна Тихого океана.

Основным принципом политики С. Штатов по отношениию к Китаю является принцип «открытых дверей и равных возможностей». Этот принцип был формулирован в 1899—1900 г.г. статс-секретарем С. Штатов Геем, в противовес, главным образом, захватной политике царской России, стремившейся к территориальному расчленению Китая. Именно эта политика царской дипломатии положила начало разделу Китая.

Защищая по отношению к Китаю формулу открытых дверей и *неделимости китайской территории,* дипломатия С. Штатов исходила из соображения, что в случае раздела Китая С. Штаты, не располагавшие столь многочисленной армией, как европейские державы, не могли бы в случае раздела Китая вознаградить себя соответственно с другими империалистическими странами за счет территории Китая. С. Штаты руководились стремлением удержать Дальневосточное побережье Тихого Океана, которое американские империалисты называют Американским Средиземным морем, или иногда по-просту «американским озером», в слабых китайских руках. Ибо само собой разумеется, что для С. Штатов, придающих огромное значение китайскому рынку, крайне невыгодно, чтобы ключи к этому рынку в виде важнейших портов и главных торговых городов очутились в руках сильных государств России, Японии, Англии, Франции и т. д. Вот почему С. Штаты систематически боролись против всяких актов, которые грозили нарушением территориальной неприкосновенности Китая и вели к разделу последнего. Вот почему накануне русско-японской войны С. Штаты с такой энергией боролись на дипломатическом поприще против политики России в Манджурском и Монгольском вопросах, и в начале русско-японской войны поддерживали Японию против России.

Однако, американцы отнюдь не стремились к чрезмерному ослаблению России, с целью содействия созданию черезчур сильной Японии, которая, как предвидели многие американские политики, может превратиться во врага С. Штатов, еще более опасного, чем Россия. С точки зрения сохранения политического равновесия на Тихом Океане американцы не желали полного оттеснения России от берегов Тихого Океана. Вот почему во время мирных переговоров в Портсмуте в августе 1905 г. С. Штаты стали на сторону России и не позволили Японии использовать до конца плоды своих побед. С. Штаты решительно воспротивились стремлению Японии наложить

контрибуцию на побежденную Россию из опасения, что эта контрибуция пойдет на усиление японского флота.

С точки зрения сохранения равновесия на Тихом Океане результаты русско-японской войны 1904—1905 г.г. и мировой войны 1914—1818 г. оказались крайне неблагоприятными для С. Штатов. Уж в результате войны 1904—1905 г. такие важные стратегические и торговые пункты как Порт-Артур, Дальний, Инкоу, Ляоян, Мукден, т.-е. Ляодунский полуостров и Манджурия, далее, южная часть Сахалина и Корея,—перешли во власть Японии. В результате мировой войны Япония овладела отобранной у Германии китайской областью Киао-Чао с первоклассным портом Циндао, прекрасно оборудованным немцами.

Империалистическая Япония является наиболее опасным врагом для независимого Китая и одновременно грозным соперником других империалистических государств в борьбе за китайское наследство. Островное государство, обладающее сильным флотом, миллионной армией, расположенное в отдалении от европейских морских баз, которые могли бы быть использованы для нападения на владения Микадо, Япония одновременно находится у ворот Китая, главного об'екта ее захватнических планов, так что в пять дней перевезенная с островов дивизия может высадиться и занять Пекин. Эта близость Японии к слабому Китаю приобретает тем большее значение, что только страна Микадо находится в столь угрожающе-выгодном положении по отношению к наиболее жизненным центрам Китая.

В целях осуществления своих захватнических планов по отношению к Срединной империи, Япония является сторонницей раздела Китая на Южный и Северный. Такое разделение Китая чуть не было оформлено в 1912 г. Этим разделом Срединной империи на две «самостоятельные» враждующие половины Япония достигает еще большего ослабления и без того слабой страны и получает возможность легче осуществлять свои империалистические планы.

По отношению к Китаю значительная часть японской империалистической прессы проводит мысль, что Китай, как государство, пережил себя и его следует разделить, при чем на долю Японии должны придтись экономически и территориально тяготеющие к ней провинции—Фукиен, Чикиан и обширный район Желтой реки, не говоря о Южной Монголии и Внутренней Монголии.

В своем стремлении к завоеванию дальневосточных рынков Америка натолкнулась на грозную конкуренцию Японии. Американские интересы с каждым днем все более и более сталкиваются с японскими. Американцы стремились изгнать японцев не только с острова Япа, но также и из Сибири, Шандуня, Манджурии, Сахалина, Китая. Японо-американский конфликт с каждым днем приобретал все более острый характер, и война между обеими странами начинала уже казаться неминуемой.

Накануне Вашингтонской конференции «Нью-Иорк-Геральд», пи-

сал: «Если Япония не согласна принять не на словах, а на практике политику открытых дверей, мы будем воевать с ней». «Успех Вашингтонской конференции—это мир»,—заявил лорд Дерби в своей бирмингамской речи,—неуспех—это несомненная война и притом война в непосредственном будущем».

Перед перспективой будущей войны с Японией Америка не могла конечно, отнестись равнодушно к факту существования англо-японского союза. Этот союз был заключен 30 января 1902 г. и был направлен против царской России, стремившейся к утверждению русской гегемонии в водах Тихоокеанского побережья. Россия, овладевшая Порт-Артуром и Дальним, стремилась к оккупации Кореи и подчинению своему влиянию всего Северного Китая. С уничтожением в результате русско-японской войны русского морского могущества на Дальнем Востоке, захватом Порт-Артура, Дальнего, всей Кореи и Манджурии Японией, наконец, с подписанием англо-русского соглашения 1907 г. о разделе Персии, англо-японский союз потерял свое значение, как орудия, направленного против России. Против какого же врага мог затем оставаться в действии англо-японский союз. Ответ один: против Америки.

Само собой разумеется, что при наличности сохранения англо-японского союза Америка, зажатая между двумя сильнейшими морскими державами, вынужденная, подобно Германии в мировую войну, строиться на два фронта, очутилась в весьма критическом положении. Неудивительно, что требование расторжения англо-японского союза явилось краеугольным камнем всей системы американской политики до и во время Вашингтонской конференции.

И Америка добилась от Англии расторжения союза с Японией, добилась сравнительно легко, благодаря двум обстоятельствам: во первых, тому обстоятельству, что Америка из должника Англии превратилась в кредитора последней и, стало быть, имела могущественное орудие давления на всю промышленную и финансовую жизнь Великобритании, на ее банки и биржу, на ее классы и само правительство, во вторых, благодаря крайне обострившимся отношениям между английскими доминионами, Канадой, Австралией и Новозеландией, с одной стороны, и союзником Англии, Японией, с другой.

Обострение отношений между английскими доминионами и Японией стало развиваться особенно быстро с момента перехода в руки Японии немецких колоний в Микронезии, именно Марианских, Каролинских и Маршаловых островов. С точки зрения австралийских и канадских политиков английские доминионы, в результате побед Антанты, неожиданно очутились в худшем положении, чем были до мировой войны. Япония, благодаря овладению германскими островами и своему продвижению к экватору, подошла слишком близко к Австралии, и неудивительно, что Тихо-океанская проблема предстала перед Австралией в зловещем свете, в виде перспективы высадки японских войск на ее территории. Как доказывает австралийский

писатель Френсис Ахерн, Полинезийские острова представляют для Австралии в стратегическом отношении фактор колоссальной важности и имеют решающее значение для ее национальной безопасности.«Если когда либо вспыхнет война между Америкой и Японией,—говорит Ахерн, выражая общее настроение австралийского общественного мнения,—и если Австралия в силу какого либо соглашения с Англией, должна будет сражаться на стороне Японии против американского народа, то, зная свой народ, среди которого и прожил почти всю мою жизнь и в политической жизни которого я принимал немалое участие, я говорю, что нет такой силы на земле, которая смогла бы заставить австралийский народ сражаться за Японию против своих братьев в С. Штатах Америки».

В таком же тоне по отношению к Японии высказывается и Канадская пресса.

Итак, понятно, почему Англия оказалась вынужденной отказаться от союза с Японией.

После того, как вопрос о расторжении англо-японского союза и о замене его четверным соглашением был принципиально разрешен, на очередь стал вопрос о разрешении Тихо-Океанской и Дальне-Восточной проблемы.

Как ни противоречивы и туманны сведения о том, что происходило за кулисами Вашингтонской конференции, одно несомненно, что конференция эта не разрешила и не могла разрешить Тихо-Океанской и Дальне-Восточной проблемы, в смысле упрочения мира и укрепления постоянной дружбы между империалистическими державами, заинтересованными в этих проблемах. Подобно Алжесирасской конференции 1906 г. и франко-германскому соглашению 1911 г., предшествовавшим войне 1914—1918 г., Вашингтонская конференция показала, что мировые хищники видят опасность новой войны и стремятся предотвратить последнюю. Однако, Ахиллесова пята всех подобных соглашений заключается в том, что устанавливая определенный компромисс между враждующими державами и отдаляя вооруженный конфликт на некоторое время, компромиссное решение почти всегда умножает точки соприкосновения между соперничающими государствами и этим самым создает новые поводы к столкновениям. Так, Алжесирасская конференция 1906 г., затем франко-германское соглашение 1911 г., признав за Германией некоторые права по отношению к Марокко, с одной стороны, разожгли аппетиты германских империалистов, которые стремились к овладению всем Марокко, с другой стороны еще больше озлобили тех непримиримых французских германофобов, которые уже считали Марокко колонией Франции и потому еще больше укрепились в мысли о необходимости военного разгрома Германии для того, чтобы лишить последнюю возможности ставить палки в колеса французской захватной политике.

Такова же будет судьба Вашингтонской конференции. «Соглашение» между четырьмя тихо-океанскими хищниками достигнуто. Вооруженный конфликт отдален на некоторое время; хищники переваривают каждый в

отдельности доставшуюся на его долю добычу, а затем, когда процесс пищеварения закончится, антагонизм интересов вспыхнет с удесятеренной интенсивностью, и мнимые друзья, оскалив зубы и выпустив когти, бросятся друг на друга в последний, смертный бой за обладание *всей* добычей.

* * *

В тот момент, когда мы сделали это заключение о судьбе Вашингтонской конференции, в наших руках еще не было органов английской и американской печати, посвященных результатам этой конференции и различным разоблачениям в связи с переговорами между главными участниками конференции по вопросу о разделе Тихого Океана.Многочисленные статьи, опубликованные во влиятельных английских и американских газетах и толстых журналах, лишь подкрепляют тот вывод, к которому мы пришли на основании уже имевшихся у нас материалов, и сообщают новые факты, доказывающие, что Вашингтонская конференция разделила судьбу всех подобных предшествующих конференций, что она была, как выразился американский писатель Поль Скот Моурер, шаблонным совещанием дипломатов, которые приняли те или другие решения, но в сущности не разрешили ни одного важного вопроса.

Прежде всего можно считать установленным фактом, что главные империалистические державы, принимавшие участие в конференции, подписали какие-то *секретные условия,* тщательно скрываемые как от правительств других стран, так и, понятно, от печати своей страны. Само собой разумеется, что иначе и быть не могло. Мы знаем, что каждое открытое дипломатическое соглашение, каждый опубликованный дипломатический договор между правительствами старого мира всегда сопровождался какими-нибудь тайными статьями. Мароккский договор заключал тайные статьи, англо-французское соглашение, подписанное накануне мировой войны, заключало секретные пункты относительно военной помощи Англии в случае войны между Францией и Германией, даже недавний ангорский договор между Францией и правительством Кемаля имеет секретные статьи, как это вполне установлено английской печатью. Есть основание предполагать, что Вашингтонское соглашение содержит секретные статьи о Сибири, не говоря уже о других вопросах. О секретном соглашении по поводу Сибири говорит «Daily Herald» и некоторые другие английские и американские газеты. Сибирский вопрос был в программе Вашингтонской конференции, однако, публично этот вопрос и не затрагивался. По заявлениям многих органов английской прессы по Сибирскому вопросу достигнуто какое-то соглашение. В виду особой важности для нас Сибирского вопроса мы не будем на нем сейчас останавливаться подробно и посвятим ему отдельную монографию в следующем выпуске по получении соответствующих материалов.

Тайная дипломатия, *тайные договоры* и соглашения всегда были фатальной прелюдией к вооруженным конфликтам. Вот почему не только социали-

сты во главе с такими людьми, как Жорес, но и многие буржуазные пацифисты были решительными противниками всякой тайной дипломатии и требовали гласного обсуждения и опубликования всех договоров, заключаемых дипломатами их стран. Вашингтонское мирное соглашение заключает секретные статьи и уже по одному этому Вашингтонская «мирная» конференция, является таким же сомнительным залогом мирного развития народов, каким в прошлом являлись первая и вторая мирные Гаагские конференции, франко-германское соглашение и т. д., конференции, из которых каждая в отдельности подарила нам одну или несколько войн (англо-бурскую, русско-японскую, войну за Триполи, две балканских войны), а все вместе мировую войну 1914—1918 г.г.

Посмотрим теперь, как разрешила «мирная» Вашингтонская конференция китайский вопрос. Китайская делегация в своем меморандуме, представленном конференции, формулировала следующие требования:

1) Признание территориальной целости и политической и административной независимости Китайской Республики.

2) Признание принципа открытых дверей для промышленности и коммерческой инициативы различных государств.

3) Никакие договоры, касающиеся Китая и общего мира на Дальнем Востоке, не должны заключаться без предварительного уведомления и участия Китая.

4) Все права и привилегии инстранцев в Китае должны быть пересмотрены.

5) Всякие ограничения китайской политической и административной юрисдикции должны быть немедленно отменены.

6) В будущем должны созываться время от времени конференции по международным вопросам, касающимся Тихого Океана и Дальнего Востока.

Что касается первого пункта, самого важного, а именно, целости и независимости Китая, *Вашингтонская конференция санкционировала расчленение Срединной Империи*, решив признавать «всей территорией» Китайской республики лишь 18 провинций собственного Китая. Этим самым необ'ятная Монголия, Манджурия с Ляодунским полуостровом, Тибет, Китайский Туркестан были об'явлены не входящими в состав Китайской республики, и здесь за-империалистическими державами сохранены все их «особые права и специальные интересы».

Таким образом, привилегированное положение англичан в Тибете, японцев в Манджурии и вообще к северу от «собственного Китая» санкционируется конференцией. Следует прибавить, что по сравнению со своими четырьмя окраинами собственно Китай представляет гораздо более ограниченную площадь земли, и что независимость собственно Китая, если бы она даже была фактически признана и проведена в жизнь, находилась бы под самой серьезной угрозой, по скольку окраины Срединной Империи по прежнему оставались бы колониями империалистических держав и плацдармом для действий против коренных областей Китая. Лицемерный характер Вашингтонских

заявлений о признании целости Китая до того очевиден, что он не отрицается даже многими буржуазными писателями. Так, французский публицист Андре Дюбоск, констатируя тот факт, что Вашингтонская конференция ограничила лишь 18 провинциями собственного Китая ту часть Китайской территории, на которую не будут распространяться «особые права» великих держав, иронически замечает: «Это, конечно, не помешало Гардингу, не моргнув бровью, заявить в сенате при представлении для ратификации подписанных в Вашингтоне договоров, будто бы конференция доказала, как легко при желании примирить национальные стремления. Американцы санкционировали привилегированное положение японцев в Манджурии, они дали японцам на конференции в Вашингтоне carte blanche в Манджурии для того, чтобы добиться уступки в вопросе о вооружениях, так же, как на Версальской конференции они дали им carte blanche в Шантунге, чтобы добиться определенных уступок в пресловутом вопросе о расах».

Итак, Вашингтонская конференция санкционировала отделение от Китайской республики громадных областей, так-называемых «Внешних территорий» протяжением в 2.744.840 кв. миль, т.-е. площадью значительно превышающей площадь собственного Китая (1.532.240 кв. миль).

Само собой разумеется, что провозглашение независимости и целости по отношению к собственному Китаю, т.-е. одной из пяти областей Китайской Республики, отнюдь не гарантирует Китай от дальнейших захватов его территорий и всевозможных посягательств. Ведь по отношению к Корее тоже был провозглашен принцип сохранения ее независимости и целости, однако, это не помешало Японии превратить Корею в свою колонию.

Если мы перейдем ко 2-му пункту китайского меморандума, то и в данном случае принятие этого пункта Вашингтонской конференцией, согласившейся признать принцип «открытых дверей», не имеет при данных условиях никакого реального значения. Принцип «открытых дверей» Япония охотно приняла уже в соглашении Лансинг Ишии. Японские империалисты не возражают против «открытых дверей» в Китае, но вся суть в том, что они желают, чтобы сторожем этих открытых дверей была Япония.

По пункту третьему следует заметить, что принятие его обозначало бы отказ С. Штатов, Японии, Англии и Франции от *тайной* дипломатии по отношению к Китаю. Само собой разумеется, что при данных условиях это требование представляет собой чистейшую утопию, которая осталась бы таковой, если бы даже великие державы публично заявили, о своем отказе от заключения каких-либо договоров, касающихся Китая, без участия последнего. Подобные вопросы решаются лишь реальным соотношением сил. Пока Китай будет настолько слаб, что иностранные державы будут иметь возможность применять по отношению к нему условия договоров, подписанных без его участия, ясно, что это будет делаться.

Пункты 4, 5 и 6 существенного значения сами по себе не имеют.

На Вашингтонской конференции обсуждался очень важный вопрос об эвакуации иностранных войск из Китая. Было признано необходимым эва-

куировать войска иностранных держав, *как только это окажется возможным;* более того, Япония, в принципе согласилась совершенно эвакуировать Шантунг и вернуть его Китаю, а Англия согласилась эвакуировать Вейхавей. Но сколько раз давались уже подобные обещания. Каждый раз осуществлению этих благих пожеланий мешали «внутренние волнения» в Китае и необходимость охранять безопасность своих подданных.

Итак Вашингтонская мирная конференция кончилась ублюдочным подобием мира, пресловутым «четверным соглашением» между Англией, Францией, Америкой и Японией по вопросу о Дальне-Восточном Тихоокеанском бассейне. Это четверное соглашение приветствовалось, как мы видели, некоторыми органами американской прессы, как кульминационный пункт успеха Вашингтонской конференции, как залог мирного разрешения всех острых конфликтов между великими державами из-за раздела Китая и других территорий, омываемых на Дальнем Востоке Тихим Океаном. Если бы на самом деле такое искреннее соглашение между великими державами было бы мыслимо в капиталистическом строе, какая печальная судьба грозила бы Китаю, который, подобно Оттоманской империи, Персии и другим слабым государствам сохранил до сих пор тень своей независимости только благодаря соперничеству между империалистическими державами. Каким погребальным звоном должен раздаваться в ушах больного человека радостный перезвон колоколов по поводу окончательного примирения между его наследниками, всяческими средствами оттягивающими час его смерти, лишь бы главная часть наследства не досталась самому близкому родственнику.

И не даром китайская пресса с такой тревогой комментировала это соглашение, тем более, что последнее как будто санкционировало права самого любвеобильного и самого близкого родственника больного человека, именно Японии.

Однако, мы уже на другой день после подписания этого соглашения высказывали сомнение в его долговечности и подчеркивали невозможность примирения интересов капиталистических держав на Дальнем Востоке.

И действительно, не прошло и месяца со времени подписания договоров о Тихом океане (февраль 1922 г.), как английская просса забила тревогу по поводу новых агрессивных замыслов Японии в связи с новым планом обороны империи, принятом на конференции видных японских генералов и адмиралов в изменение традиционной системы обороны империи. Отказавшись на основании Вашингтонского соглашения от укрепления Бонинских островов и дальнейшей фортификации Курильских островов, вынужденная перенести оборонительную линию ближе к основным островам империи, милитаристическая Япония решила одновременно с сужением оборонительной линии на восточном секторе завладеть определенными территориями в Сибири и Китае, во-первых, как военными базами, во-вторых, как источниками снабжения страны всем необходимым в случае войны.

Вынужденная на основании статьи 3-й раздела 1-го договора о Шантунге, подписанного в Вашингтоне 4 февраля, вернуть Китаю территорию

Киао-Чао в возможно кратчайший срок и во всяком случае не позже шести месяцев с момента вступления в силу настоящего договора, Япония, конечно, была заинтересована в том, чтобы вызвать беспорядки в Северном Китае.

Происходящая ныне в Китае война между двумя генералами Упейфу и Чжан-Цзо-Лином, вождями двух милитаристических клик, является новой формой борьбы между англо-американским империализмом с одной стороны, японским—с другой. Победоносный пока генерал Упейфу, взявший Пекин, откуда отступил далее на север Чжан-Цзо-Лин, пользуется поддержкой Англии и Америки. По сообщениям японской прессы, в штабе Упейфу работают американские офицеры, одна английская фирма предоставила ему кредит в 4 миллиарда долларов, на военные расходы. С. Штаты снабжают Упейфу снарядами, патронами, пулеметами и т. д. По сообщению японской газеты «Кокумин» японское правительство через своего посла в Вашингтоне обратилось к американскому правительству с протестом против снабжения Упейфу оружием из Америки. Наоборот, англо-американские и многие китайские газеты доказывают, что Чжан-Цзо-Лин является агентом японского империализма, что он уже более двух лет состоит на службе у Японии, от которой он получает финансовые средства, оружие и военную поддержку. Так на другой день после Вашингтонской конференции начинается борьба между Англией и Америкой с одной стороны, Японией—с другой. Пока это только аванпостные сражения передовых отрядов капиталистических держав на китайской территории, сражения, которые подобны бесконечным стычкам македонских комитаджей и турецких солдат на Балканах в период, предшествовавший мировой войне, являются прологом к более грозным событиям, в которые могут быть втянуты все великие и многие малые капиталистические державы.

Итак, мы видим, что Вашингтонская конференция ничего не дала Китаю в смысле обеспечения его целости, независимости, и, как правильно заметил буржуазный американский писатель Моурер, сохранила прежнее status quo, т.-е. прежнее положение Китая, как страны, связанной по рукам и ногам и находящейся в полной власти империалистических держав, борющихся между собой из-за Срединной империи, как из-за своей колонии и согласных только в том, что Китай должен быть добычей великих капиталистических государств.

Что же дала Вашингтонская конференция остальному миру? Разрешила ли она Тихо-океанскую проблему, устранила ли она опасность войны из-за Тихого океана. Некоторые американские и английские публицисты, как например, *Невинсон* в «**Manchester Guardian**» (2 февраля) высказываются в том смысле, что единственной положительной стороной Вашингтонской конференции является установление дружественных отношений между Англией и Америкой. В то время, как Франция и Япония совершенно дискредитировали себя, Англия наоборот, победила подозрительность Америки и установила самые дружеские отношения с последней. Некоторые писатели начали даже

поговаривать после Вашингтонской конференции о назревающем господстве англо-саксонских государств, о надвигающейся гегемонии Америки и Англии в мировой политике.

В действительности же, единственное значение Вашингтонской конференции заключается в том, что она подчеркнула громадное значение Тихо-океанской проблемы с точки зрения интересов С. Штатов. Как формулирует один американский писатель: «С американской точки зрения Вашингтонская конференция предупредила весь мир, что отныне С. Штаты намерены принять самое активное участие во всех делах, касающихся Дальнего Востока».

Тихий океан еще в большей степени, чем до мировой войны, становится ареной борьбы между великими державами, и, таким образом, Дальне-Восточный вопрос является в настоящее время важнейшим узловым пунктом мировой империалистической политики.

Вот почему изучение стран Дальнего Востока и всех проблем, связанных с последним, приобретает в данный момент особое значение.

М. П.

Правовые достижения России в Азии.

Народным Комиссариатом Иностранных Дел выпущен сборник действующих договоров, соглашений, конвенций, заключенных Р. С. Ф. С. Р. с иностранными государствами, вступивших в силу до 1 декабря 1921 г. Хотя сейчас время течет быстро и международная политическая жизнь соответственно быстро меняется, но процесс кристаллизации ее в определенные правовые формы далеко не поспевает за этим темпом, и в общем можно сказать, что настоящий сборник и сейчас представляет картину уже полностью осуществленных международных достижений Р. С. Ф. С. Р. Наше внимание здесь привлекает материал, касающийся Востока.

Надо сказать, что этот материал не только занимает в сборнике значительное место. Он отличается гораздо большей определенностью и представляет гораздо дальше продвинутую стадию в установлении правильных правовых взаимоотношений. На западе Р. С. Ф. С. Р. имеет ряд мирных договоров с государствами, возникшими на довоенной территории России, которые, правда, устанавливают регулярные дипломатические отношения, но в то же время оставляют открытым основное содержание этих отношений. В момент, когда были заключены мирные договоры с Латвией или Финляндией, ликвидировались старые конфликты, но неясно еще было открывается ли почва для более тесного общения, основанного на взаимных экономических и иных интересах; с другой стороны соглашение с Германией, Англией, Норвегией носит еще временный характер «впредь до восстановления правильных дипломатических отношений», как там говорится. Русско-германский договор в Рапалло знаменует переход к более постоянной форме. Но все же именно в настоящую минуту, когда происходит Гаагская конференция, трудно определить вероятный об'ем наших правовых достижений на Западе.

Совсем иное приходится сказать о Востоке. Внешняя политика Р. С. Ф. С. Р. была с самого начала ориентирована на Восток и в период времени особенно 1921 г., это направление воплотилось в совершенно определенные правовые акты. Мы встречаем здесь не только установления правильного дипломатического оборота, но и признание солидарных интересов, которые должны найти выражение в соответственных правовых актах. Препятствия, стоящие на Западе, на Востоке устранены, и уже от внутрен-

них рессурсов Р. С. Ф. С. Р. зависит, насколько можно будет закрепить наши отношения с Востоком.

Прежде всего в вышеуказанном сборнике выделяются государства, которые, пользуясь формальным суверенитетом, в действительности едва ли могут быть отнесены к зарубежному Востоку. Азербейджан, Грузия и Армения явственно вошли в федерацию советских республик и сборник дает нам возможность точно проследить историю этого вступления. Первым в таком положении оказался Азербейджан, ставший советским еще в эпоху когда Армения и Грузия оставались демократическими республиками. Договор между Р. С. Ф. С. Р. и А. С. С. Р. 30 сентября 1920 г. об'единял важнейшие стороны государственной жизни: военное дело, народное хозяйство и внешнюю торговлю, снабжение, транспорт, финансы. Экономическое значение этого союза особенно иллюстрируется соглашением по вопросам внешней торговли, которое отдает распоряжение нефтяными фондами Азербейджана в руки русской советской власти и таким образом борьба за нефть, на которую сначала наложила руки Германия, а потом Англия, кончилась в пользу России. Это важнейший народно-хозяйственный результат проникновенья в Закавказье. А вслед за Азербейджаном аналогичная, хотя и не совсем тождественная связь установилась с Арменией и Грузией.

Последние страны с их чисто земледельческим, не промышленным характером оказались более децентрализованными. Но их связует помимо всего другого прежде всего об'единение транспорта: Закавказская дорога, эта основная артерия, связующая Черное и Каспийское море, Ближний и Средний Восток, остается в ведении центральной власти. Значение этого последнего обстоятельства существенно усиливается с заключением русско-персидского договора, а затем на IX С'езде Советов происходит дальнейший решительный шаг в смысле консолидации советских республик, и образуется постоянное представительство их в ВЦИК. Наше новейшее налоговое законодательство, например, уже распространяется на Азербейджан, Грузию и Армению, точно так же как и на Р. С. Ф. С. Р. Единство России с Закавказьем, не исключающее широкой самостоятельности в удовлетворении своих местных интересов и национально-культурной автономии, единство, которое подверглось такой опасности после Брест-Литовского мира, восстанавливается.

Несколько иное приходится сказать относительно Бухары и Хорезма. Они формально не входили в довоенную территорию России, хотя фактически находились под ее господством. Их связь с Р. С. Ф. С. Р. более слабая, тем более, что они и именуются советскими, но не социалистическими республиками. Договор с Бухарой 20 марта 1921 г. говорит в статье 2-й о будущем военно-политическом соглашении. Договор с Хорезмом 13 сентября 1920 г. устанавливает даже прочный союз. Но этому различию в выражениях не следует приписывать преувеличенного значения: и здесь и там правовые связи устанавливаются приблизительно одинаково.

Может быть здесь оказало влияние то обстоятельство, что и раньше, Хива была еще более поглощена Россией, чем Бухара.

Значение договоров выражается прежде всего в экономическом об'единении. И Бухара и Хоресм географически составляют часть Туркестана и вклиниваются в него настолько, что их отдельное хозяйственное существование невозможно. Если Бухара и Хоресм были бы оторваны экономически от России, они должны были бы рано или поздно подпасть под господство какого нибудь европейского государства вроде Англии или Германии, причем подобное проникновение—с внешней стороны лишь экономическое, а по существу неизбежно и политическое, должно было бы оказать существенное влияние на Туркестан. Статья 8-я экономического соглашения гласит: «что Бухара обязуется всеми мерами препятствовать проникновению на свою территорию иностранной буржуазии». Конечно, это возможно лишь в том случае, если Хоресм и Бухара получают надлежащую финансовую и техническую помощь от России. Далее экономическая связь проявляется и в том, что орошение в Туркестане, от которого зависит его хлопковый урожай и которое в этом смысле имеет для русской промышленности совершенно исключительное значение, требует известного согласования с Бухарой и Хоресмом (договор с Хоресмом 12 сентября 1920 г. ст. 6-я и особенно договор с Бухарой 20 марта 1921 г. ст. 6); для урегулирования и правильного использования единой для обоих республик водной системы реки Заревшана и для устранения возможности нарушения интересов одной из договаривающихся сторон Р. С. Ф. С. Р. и Б. С. Р. устанавливают, что проведение новых мелиорационных сооружений и изменение существующих, связанных с каким-либо изменением в функционировании всей сети Заревшана и других общих для обоих республик рек,—может производится лишь с утверждения смешанной паритетной ирригационной комиссии. Здесь интересы обеих сторон сходятся. Само собой разумеется, что произвести эти оросительные работы в том полном масштабе, который недавно был намечен инж. Ризенкампом и который создавал бы в Средней Азии вообще миллионы десятин вполне приспособленных для хлопководства—произвести лишь даже в пределах Бухары и Хоресма сейчас возможно при помощи исключительно местных средств. Экономически Туркестан в его целом, а не отдельных политических образованиях на его территории, представляет базу для будущей развитой русской текстильной промышленности и поэтому и в оборудовании его всех частей Россия существенно заинтересована. Значение в этом смысле Бухары достаточно известно. Оно было осознано еще во время войны, и проект железной дороги Александров Гай—Чарджуй был вызван именно стремлением дать бухарскому хлопку прямой вывоз в Россию, а после Брест-Литовского мира немцы одно время выдвигали вместо линии своего проникновения Берлин—Багдад, линию Берлин—Бухара, через Константинополь, северное побережье М. Азии, Закавказье и Каспийское море.

Весьма существенно условие, касающееся транспорта в частности в Бухару, через которую проходит Закаспийская железн. дорога. Примечанием

к ст. 7-й (редакционно составленное несовсем удовлетворительно) в собственность Бухары передается Амударьинская флотилия или часть ее, железная дорога и телеграф, родящиеся на территории Бухары. Передача отрезкам магистрали является технически невозможной. Что касается так называемых бухарских железных дорог, которые раньше входили в общую Русскую сеть, то они не могут быть восстановлены после происшедших разрушений и содержатся в надлежащем порядке без финансовой и технической помощи России.

Создавая необходимое хозяйственное единство, договор с Хорезмом и Бухарой предоставляет им полную внутреннюю самостоятельность. Договор обеспечивает от того, что бы эти части в Средней Азии стали об'ектами той централизующей нивеллирующей политики, которая лишена понимания хозяйственного и культурного своеобразия края. Само собой разумеется, весьма важно, чтобы эта политика проводилась вполне сознательно не только Бухарой и Хоресмом, но и в пределах всего Туркестана, который представляет из себя единый мир.

Но важнейшие правовые достижения лежат, конечно, в областях подлинного зарубежного Востока. И прежде всего Востока Ближнего, сношения с которым исторически занимают наибольшее место в русской внешней политике. Отчужденность от тех господствующих в Европе сил, которые продиктовали Версальский мир и организовали Лигу Наций, сближает Москву и Ангору уже потому, что обе они для этих сил недосягаемы. Турция еще так недавно была воюющей страной против России, участницей германской коалиции, она получила по Брест-Литовскому миру Батум и Карс и таким образом ликвидированы были важнейше приобретения войны 1878 года. Далее она разделила судьбу Германии. Но если Версальский мир в известной мере стал действительностью на его неслыханно тяжелых условиях, то Севрский мир, не менее беспощадный, остался на бумаге. Европейские государства и на этот раз совершенно не оценили живучесть Турции и в то же время переоценили возможности греческого империализма. Создан был некий временный режим на Востоке, выражающийся прежде всего в том, что Константинополь находится в управлении Лиги Наций, но здесь еще менее, чем по отношению к Германии, можно было сохранить единство коалиции. Англия, которая всего более поощряла греческое правительство и вообще держалась наиболее враждебной политики по отношению к Турции, столкнулась здесь с Францией. Когда между ними произошел конфликт из-за нефтяных богатств Мессопотамии, когда вообще не удалось провести на Ближнем Востоке демаркационной линии, разделяющей сферы интересов обеих стран, французское правительство начало искать примирения с ангорским. Оказалось, что и греческое наступление в Малой Азии военно несостоятельно, и шансы правительства Кемаля настолько повысились, что в начале 1921 года даже англичане признавали невозможность осуществления Севрского договора. Кроме того Англии приходится все более считаться с давлением Индийских мусульманских кругов, которые идут гораздо далее

и требуют можно сказать восстановления Турции в ее старом территориальном виде.

С самого начала советская дипломатия установила связь с ангорским правительством, основанную на взаимной защите против европейского империализма. Территория, на которую простирается власть ангорского правительства, несравнимо мала с территорией довоенной Турции, но с другой стороны она также нуждается в немедленном притоке иностранного капитала. Турция вернулась к земледельческой и даже земледельческо-пастушеской стадии. Она стремится прежде всего обеспечить себе политическую самостоятельность и поэтому в борьбе с Европой она естественно обращается только к России. Устанавливается то, что на условном языке старой дипломатии может быть названо «согласием» Р. С. Ф. С. Р. и Турции (entente в противоположность alliance). Последним выражением этого согласия явилось предложение Р. С. Ф. С. Р. ввести Турцию на Генуэзскую конференцию. Но самым основным его результатом явился договор 20 марта 1921 г., который иногда у нас называется мирным договором—по недоразумению, ибо между Ангорским правительством и Россией не только не было никакой войны, но напротив того и ранее они находились в дружественных отношениях.

Этот договор исходит из признания принципиальной солидарности в борьбе против империализма и принципиальной недопустимости положения созданного после Версальского мира. И Россия и Турция оказались, как бы вне международного общения: они являются об'ектом международной политики, но за ними не признается полного права самостоятельности суб'екта. Поэтому Россия и Турция отказываются признавать какие-либо международные акты, навязанные другой стране или в частности акт, касающийся Турции и созданный помимо воли туерцкого национального собрания. Такое признание прав Востока касается и всех народов его.

Отказ производить какое-бы то ни было давление на внутреннюю жизнь Турции в договоре приводит к отказу от режима капитуляций. Согласно ст. 7 правительство Р. С. Ф. С. Р., считая режим капитуляций несовместимым со свободным национальным развитием каждой страны равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считает этот режим потерявшим силу и отмененными и всякого рода действия и права, имеющие какое либо отношение к нему.

Здесь исполняется одно из коренных требований турецких политических групп без различия их. Когда в 1914 г. уже в первые месяцы вспыхнувшей войны еще до вступления Турции в нее, формальным актом отменены были капитуляции, это вызвало протест всех европейских государств и даже Германии и Австро-Венгрии, но Турция считала этот пункт твердо завоеванным для дальнейших отношений с Европой. Само собой разумеется он был потерян вместе с общим поражением, но для Ангорского национального собрания он является предпосылкой возрождающейся турецкой независимости. Советское правительство неоднократно и принципиально осуждало режим капитуляций и это было одно из звеньев, связующих ее с Востоком.

Практически всего важнее, с одной стороны, возвращение Грузии Батумского округа при условии соблюдения местной автономии и свободного транзита через Батумский порт, с другой стороны—вопрос о проливах получает разрешение в ст. 5-й, которая ярко отражает создающуюся солидарность интересов России и Турции, дабы обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов. Обе договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов особой конференции из делегатов прибрежных стран, при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно и безопасности Турции и ее столице Константинополю. На первый взгляд кажется, что этим восстанавливается довоенный режим, основанный на лондонских конференциях 1841 и 1871 гг. Этот режим, несомненно, не удовлетворял полностью экономических и политических итересов России. Но при измениившихся обстоятельствах для России важно, чтобы проливы не оказались в руках какой-либо военной империалистической державы, и в этом смысле ее интересы идут параллельно с Турцией, тем более, что здесь решающий голос принадлежит не только Турции, но и другим прибрежным странам, в частности Румынии и Болгарии: последняя достаточно заинтересована в обеспечении свободы прохода торговых судов через проливы и в том, чтобы не придавать оговоркам статьи 5-й о суверенитете и безопасности Турции преувеличенное значение.

Мирный договор с Турцией не только создает правильные дипломатические сношения, но открывает пути для целого ряда дальнейших договоров. Нужно урегулировать вопросы плавания на Черном море, нужно организовать портофранко в Батуме, которые даже могут служить образцом в будущем для режима в Константинополе. Главное же нужно урегулировать общие торговые отношения. Несомненно, на Черном море будет развиваться оживленная торговая деятельность, при том под турецким флагом стали проходить и товары иностранного происхождения. Все это должно быть предметом торгового договора, намеченного в договоре первоначальном.

На Среднем Востоке за несколько недель ранее 26 февраля 1921 г. заключен аналогичный договор между Р. С. Ф. С. Р. и Персией. Здесь не было такого сложного прошлого, обусловленного вековой борьбой и глубокой коллизией интересов. С 1828 года, когда заключен Туркманчайский договор, Персия не представляла никакой угрозы для России и, наоборот, подпадала под ее неизбежное влияние. Долгое время, в особенности в конце 19 века, Персия представляла из себя арену политичеекого и экономического соперничества России и Англии. После поворота русской внешней политики, происшедшего в связи с русско-японской войной, заключена была англо-русская конвенция 1907 г., узаконявшая за Россией сферу влияния на севере Персии—едва ли не в самой богатой ее части, и за Англией на юге; лишь середина Персии оставалась независимой. Режим англо-русской дружбы не принес Персии никаких преимуществ по сравнению с режимом их соперничеств и укрепил среди ши-

роких слоев населения мысль, что обе державы стремятся к персидскому разделу, что русское правительство сверх того совершило ряд явных вмешательств во внутреннюю политическую жизнь страны, далеко выходящих за пределы обычной охраны, которую оказывала русским подданным и торговым делами на своей территории Персия. Все это создало крайнюю враждебность населения, которая явственно сказалась во время войны и которую умело использовала Германия. Поражение последней открыло опять путь англичанам в Персию, но здесь они встретились с совершенно новой фазой англо-русского отношения.

Советское правительство еще в начале 1918 г. постановило вывести русские войска из Персии, и С'езд Советов одобрил это решение, которое запечатлелось в ст. 6-й конституции. Далее в обращении к рабочим и крестьянам Персии, опубликованном 30 августа 1918 г., раскрывалась противоположность империалистических замыслов Англии на востоке вообще, и в Персии особенно, и политики Советской России; уже в этом обращении в соответствии с нотой 26 июля 1919 г. Россия отказывалась от целого ряда преимуществ, которые были вырваны у Персии, и обещается передать в руки ее населения различного рода учреждения, имущество и сооружения, коими ранее распоряжалось русское правительство на территории Персии.

Все это утверждено и развито в русско-персидском договоре. Опять здесь повторяется признание за всеми народами Востока полного права самоопределения и признания полного суверенитета государств Азии. Аннулируются старые займы, заключенные Персией в России, пользование персидскими государственными доходами, коими гарантировались указанные займы. Советская власть отказывается от использования финансовыми предприятиями царской России, передает Персии учетно-ссудный банк, железнодорожные линии (Джульфа—Тавриз, Софьян—Урмийское озеро), шоссейные дороги (Энзели—Тегеран и Казвин—Хамадан), пароходы, телеграфные и телефонные линии и, наконец, порт Энзели. Более того, она признает право Персии содержать свой флот на Каспийском море, которому, таким образом, сообщается характер свободного моря, утраченный им современи Туркманчайского договора. Нечего говорить, что и здесь повторяется отказ от консульской юрисдикции и режима капитуляции.

Можно сазать, что русско-персидский договор от 26 февраля 1921 г. представляет отказ от целого ряда традиционных прав и преимуществ России, не совместимых в настоящее время с принципами ее государственной жизни. Но что дает он России? Прежде всего, сознание в массах персидского народа солидарности интересов с Россией; это сознание было достаточно подтверждено сейчас же после заключения договора. Персия становится свободным поприщем для русского хозяйственного и культурного влияния, хотя бы последнее и осуществлялось совершенно иными путями, чем влияние западноевропейского империализма. С этой стороны значение Персии в общей восточной политике Р. С. Ф. С. Р. огромно, но если исторические преграды

устранены, при чем Россия пожертвовала даже столь старыми своими приобретениями, как исключительное право на Каспийское море, то остается использовать этот простор и показать Персии те технические и культурные выгоды, которые она извлекает, меняя господство западно-европейского империализма на русское влияние. Возможность выполнения такой задачи, конечно, связана с внутренними—хозяйственными, техническими, правовыми и культурными силами самой России. Однако и в настоящее время при всех наших внутренних трудностях необходимо относиться к персидским делам с великим вниманием. Отказ России от ее прав не должен приводить к тому, чтобы эти права переходили в руки соперничающих с нею европейских государств. С одной стороны, большое значение имеет ст. 13-я, обязующая правительство Персии не передавать возвращенные ей России концессии и имущества третьим государствам или их гражданам. Точно так же отказ от консульской юрисдикции не должен ставить русских граждан в Персии в неблагоприятное положение при их спорах или столкновениях, напр., с гражданами английскими, защищенными своей консульской юрисдикцией. Эта проблема приобретает тем большее значение, что, несомненно, проникновение Англии в Персию за последние месяцы усилилось. Все это должно быть учтено в намеченных договорах 26 февраля 1921 г.

Почти одновременно 28 февраля был заключен договор с Афганистаном, принципиально весьма существенный. Афганистан стал давно буферным государством между Россией и Англией и в эпоху Абдур-Рахмана всецело оказался под английским влиянием. Для англичан вопрос об Афганистане стал вопросом стратегическим, о защите северо-западных индийских границ. Конвенция 1907 г. с Россией, — первый плод англо-русского сближения, — закрывала Афганистан для русского дипломатического и консульского представительств. Сношения должны были итти через Англию и даже в эту эпоху англичане настолько боялись проникновения России в Афганистан, что, когда встал вопрос о трасперсидской железной дороге, поддерживаемый правительственными английскими кругами, они все же совершенно отказывались от направления, при котором Туркестан оказался связанным прямой железнодорожной линией с Афганистаном, и чем более война изменила отношения Индии и Англии, чем более здесь переживается какой-то глубокий хотя и длительный кризис, тем более, для англичан Афганистан становится предметом заботы и тревоги. Правительство Ллойд-Джорджа опасается вообще русской агитации на Востоке против Англии, но особенно оно опасается ее в Афганистане. Это чрезвычайно характерно выражено в англо-русском торговом соглашении 16 марта 1921 года, где условием поставлено: «чтобы каждая сторона воздерживалась от враждебных действий или мероприятий против другой стороны, равно, как от ведения вне собственных ее пределов какой-либо официальной, прямой или косвенной пропаганды против учреждений Британской Империи или Российской Советской Республики, по принадлежности, в особенности же, чтобы Российское Советское прави-

тельство воздерживалось от всяких попыток к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды, какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам или Британской Империи действиям в какой бы то ни было форме, в особенности в Индии и в независимом государстве Афганистане. Британское правительство дает тождественное особое обязательство Российскому Советскому правительству в отношении стран, которые составляли часть бывшей Российской Империи и которые ныне стали независимыми».

Эта опасность для Англии еще увеличивается об'единением мусульманских и индийских элементов. Было бы легкомысленно и безответственно предсказывать на завтра индийскую революцию, но не менее близоруко не учитывать растущее влияние Индии, как признание в международном общении суб'екта (пришлось ее ввести в Лигу Наций), а не только об'екта правительственных мероприятий Англии, на политику последней. Мы видим, как с этим влиянием приходится считаться англичанам в их попытках разрешения турецкого вопроса. Индийские мусульмане начинают серьезно протестовать против длительного изгнания Турции из Константинополя и здесь их поддерживают индийские национальные группы.

Конечно, экономические интересы России в Афганистане, гораздо менее значительны, чем в Персии, но политически важно, что русская миссия находится в Кабуле, и договор предоставляет право учреждения ряда русских консульств. Это весьма крупный успех в нашей мировой политике и аргумент в наших спорах с Англией, с другой стороны, было бы легкомысленно недооценивать возможности, которые имеет здесь Англия, и которые подтверждаются в ее последнем весьма пространном договоре с Афганистаном. Несомненно нам в этой далекой стране приходится и придется выдерживать непрерывный дипломатический поединок с английским дипломатическим представительством, которое может иметь за собой и целый ряд материально-технических рессурсов, соблазнительных для Афганистана. Нашей силой здесь остается известная противоположность западному империализму, с другой стороны, едва ли Россия может ставить вообще в Афганистане более широкие задачи и в этом существенное различие ее положения в Афганистане и Персии.

Обращаясь к Дальнему Востоку мы должны раньше всего отметить, что договоры между Р. С. Ф. С. Р. и Дальне-Восточной республикой не приходится рассматривать, как подлинные дипломатические акты, хотя Д.-В. Р. не советская республика, и юридически ничто не ограничивает ее независимости, политически она остается в единении. Япония на Дальнем Востоке продолжает быть носительницей империалистической программы, и отношения с ней едва ли могут быть урегулированы ранее, чем отношения Р. С. Ф. С. Р. с великими державами согласия вообще. Точно также, хотя с Китаем установились дипломатические отношения, нет еще настоящего договора, и остается программа, развитая в обращении Совета Народных Комиссаров к китай-

скому народу и правительствам южного и северного Китая. И здесь содержится отказ от всех старых привилегий, но китайский вопрос настолько сложен и настолько вплетается в общую тихо-океанскую проблему, грандиозность которой лишний раз подтвердилась на последней Вашингтонской конференции, что здесь еще долгое время можно ожидать известного неопределенного положения, трудно поддающегося закреплению в точные правовые грани.

Напротив того, в эти грани уже отлились наши отношения с Монголией. Последняя (здесь имеется в виду северная самостоятельная Монголия), еще до войны стремилась найти опору в России против Китая. В 1918 г. Китай вернул себе власть над Монголией, но в 1920—1921 г.г. она снова освободилась и образовала Народное Правительство Монголии, которое по договору 5-го ноября 1921 г. признается Россией единственным законным правительством Монголии. Этот договор открывает правильные дипломатические, консульские отношения, обеспечивает взаимные права граждан, в частности, обеспечивает равноправие русских граждан Монголии в их имущественных интересах с монголами и дает возможность правильного торгового оборота. Последнее представляется весьма существенным, ибо и до войны Монголия являлась одним из немногих районов, где русский экспорт удачно выдерживал конкуренцию на иностранном рынке. В настоящее время Монголия представляет одну из богатейших стран мира в смысле скотоводства и животноводства и ее значение в восстановлении русского народного хозяйства может быть весьма серьезно, требуется только надлежащий товарообмен или отправка в Монголию достаточного количества серебра, которое там является главным платежным средством. Географически и Кобдо, и даже Урга достаточно защищены от наплыва американцев, японцев и других предпринимателей. Но время не должно быть потеряно, и если Россия сейчас не упрочит экономических связей с Монголией, то они могут быть чрезвычайно затруднены. Главное, что Монгольское Народное правительство в настоящее время видит в России точку опоры против притязаний Китая, и в тоже время еще сравнительно свободно от империалистических воздействий других стран.

Договор 5-го ноября предоставляет возможность для ряда соглашений экономических, транспортных и т. д., которые в свою очередь откроют путь для русско-торговой деятельности в Монголии. Но здесь эта деятельность является основой нашего возможного политического влияния, торговцы будут лучшими дипломатами.

Вот беглый обзор тех правовых достижений, которые раскрываются в настоящем сборнике Н. К. И. Д. Можно сказать, что все это пока лишь формы: существенно же содержание их—сила России на Востоке основывается на ее внутренней, экономической и культурной силе. Суждение, конечно, верное и даже банальное, но оно не должно быть понято в таком смысле, будто бы укрепление положения на Востоке может начаться лишь тогда, когда мы станем вполне крепкими внутри. История не дает возможности устанавливать

такую очередь в государственных задачах. Она требует неотложного ответа на определившиеся запросы, а такие запросы у России на Востоке бесспорно существуют. Сила России в ее непричастности к тому империализму, против которого поднимаются азиатские народы, в ее несомненной солидарности интересов с этими народами, поскольку они борются против экономического и политического закабаления. Но сила эта лишь потенциальна: она должна быть выявлена положительным экономическим, техническим и культурным творчеством, приносящим подлинные ценности народам Востока. А первым путем к такому творчеству является глубокое и внимательное изучение современного Востока.

С. Котляревский.

Национально-освободительное движение на арабском Востоке.

I. Сирия и Палестина.

Конец мировой войны и последовавшая затем попытка со стороны Антанты превратить в свои колонии все страны, входящие в состав Оттоманской империи—вызвали огромный взрыв национально-освободительного движения в этих последних.

В прессе, в политической литературе эти движения обыкновенно представляются в виде единого процесса, часто окрещиваемого именем турецкого национального движения, кемализма и т. п. Отдельные движения, происходящие в Анатолии, Сирии и Месопотамии, представляются организационно об'единенными, с одними и теми же целями, с однородной идеологией.

На самом деле мы должны различать здесь два цикла событий, две группы, в значительной степени обособленных политических движений и событий.

С одной стороны, мы имеем чисто турецкое национально-освободительное движение, связанное с Ангорой и территориально охватывающее: зону проливов, Анатолию и часть Курдистана.

С другой, мы наблюдаем огромное национальное движение, развившееся в арабских областях, входивших некогда в состав Оттоманской империи, а именно в Сирии, Месопотамии, Аравии и Египте. Каждый из этих процессов имеет свою особую подготовительную стадию: каждый из них преследует свои специфические задачи, коренящиеся в совершенно своеобразной социально-экономической обстановке. Но есть политический фактор, об'единяющий их и идеологически и организационно,—таким фактором является Антанта, с которой рука-об-руку принуждены бороться и турки, и арабы, и курды, отстаивая свое национальное существование.

Грандиозная борьба против западного империализма, развернувшаяся на всем Ближнем Востоке, настолько сложна, своеобразна и мало нам известна, что для точного уяснения ее необходимо дать ряд отдельных очерков, посвященных Месопотамии, Сирии, Киликии, Египту, Северной Африке, Аравии, Анатолии и Курдистану.

Лишь тогда мы уясним не только фактическую сторону происходящих событий, но перед нами откроются и те общие социально-политические тенденции, которые уже сейчас преображают всю политическую физиономию передней Азии.

БОРЬБА ЗА СИРИЮ.

Начиная с первого тысячелетия до Р. Х. Сирия становится яблоком раздора для окружающих ее могущественных держав. На узкой прибрежной полоске, своего рода карнизе, образуемом хребтами: Ансариэ, Ливанским, Галилейским и Иудейским и не превышающем 20,000 кв. миль, в течение веков боролись: египтяне и ассирийцы, греки и персы, византийцы и арабы, турки и крестоносцы; наконец, уже в начале прошлого столетия, реформатор Египта Мехмед Али вновь завоевывает Сирию, но теряет ее в 1841 г. благодаря вооруженному вмешательству великих держав.

После этого Сирия становится об'ектом империалистических вожделений уже не азиатских, а западно-европейских держав. Не только Франция пред'являет свои «исторические» права на Сирию; Великобритания вплоть до последнего времени тоже высказывает претензии на всю Сирию, и лишь в 1912 году она соглашается размежеваться с Францией. Любопытно, что даже царская Россия, несмотря на свою отдаленность, также не чужда была агрессивных планов на Сирию. По крайней мере, она вела кой-какую пропаганду в Палестине, через посредничество императорского Палестинского Общества, которое устроило там около 110 школ для арабов-христиан, две учительские семинарии и т. п.

Мы не можем здесь, конечно, входить даже в самый общий анализ тех причин, которые побуждали различные передне-азиатские державы бороться за Сирию. Что касается современных нам капиталистических государств: Франции, Англии, Германии, то они мотивами для этого выставляют по обыкновению: исторические права и традиции, защиту угнетенных наций и религий и т. п. Еще недавно лорд Керзон заявил, что «политика Великобритании никогда не сводилась исключительно к фунтам и шиллингам, а опиралась на определенные традиции морального характера. Эти традиции и заставили нас принять мандат на Палестину».

Будучи настроены несколько более материалистически, нежели лорд Керзон, попытаемся уяснить, какие политико-экономические причины заставили и сейчас заставляют империалистические державы стремиться к обладанию Сирией.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СИРИИ.

Во французской политической литературе мы подчас встречаем ошеломляющие цифры, иллюстрирующие благосостояние Сирии и имеющие целью пришпорить завоевательную энергию империалистических групп. Так, по вычислениям идеолога французской оккупации, сирийского князька Крессати (Cressaty) *), экономическое богатство Сирии выражается в цифре

*) Compte Cressatv. Le rattachement de la Syrie à la France. Bulletin de la Société de geographie de Marseille 1917 m. XI p. 94.

160 миллиардов франков. Покоритель Сирии ген. Гуро еще недавно указывал в палате депутатов, что Сирия и Киликия—это «второй Египет» и т. п.

Хозяйственная статистика, однако, жестоко разрушает все эти фантастические подсчеты и утверждения.

Накануне войны ценность годичного производства Сирии по отдельным отраслям представлялась в следующих цифрах:

№. Название отраслей народного хозяйства.	Общая стоим. во франк.
1. Сельское хозяйство и побочные отрасли	700.000,000.
2. Лесной промысел	5.000,000.
3. Рыболовство	10.000,000.
4. Горное дело	2.000,000.
5. Крупная промышленность	30.000,000.
6. Мелкая промышленность и ремесла	30.000,000.
7. Транспорт	55.000,000.
8. Поступления от заграничной эмиграции	50.000,000.
Всего . .	882.000,000

Если мы примем во внимание, что в 1917 г. лишь две статьи египетского вывоза (сахар и хлопок) равнялись 860.332,625 франков (34.413,305 ф. ст.) *), т.-е. достигали суммы всего годичного производства Сирии, мы поймем насколько незначительным является последнее.

Вышеприведенная таблица доказывает, что Сирия представляет страну почти исключительно земледельческую. Однако, сельские культуры не могут в ней сколько-нибудь значительно развиваться, благодаря необычайной узости страны, сжатой между морем и горными хребтами, и отсутствию пригодных для обработки земель. Достаточно сказать, что по полуофициальным турецким данным, в среднем в Сирии использовалось до сих пор лишь 6% всей территории **).

Характерно, что наиболее ценные промышленные культуры за последние годы обнаруживают тенденцию к резкому падению. Так годовое производство хлопка, в 50-х годах достигавшего 9 милл. франков, теперь понизилось до 3½ милл. франк., т.-е. в три раза; главная отрасль сирийской промышленности—шелководство, с конца 19 века вымирает, благодаря отсутствию рабочих рук и японско-китайской конкуренции. Значительная часть прядилен закрыта, доходность оставшихся дошла почти до нуля. Да и все вообще шелководство Сирии (в среднем 500 т. кгр.) является ничтожным по сравнению с мировым производством, равняющимся 25 милл. кгр.

*) The Statesman's year book 1919 г. стр. 256.

**) Большинство цифровых данных для этой главы заимствовано из книги И. Руппин.—Современная Сирия и Палестина (Syrien als Wirtschaftsgebiet). II. 1919 г.

Что касается горного промысла, то можно смело сказать, что в Сирии он почти не существует, несмотря на все восторженные описания ее минеральных и ископаемых богатств. Достаточно сказать, что общий доход от горного промысла во всей Сирии не превышает 200,000 франков, т.-е. равняется стоимости годового производства одного мелкого европейского горнопромышленного предприятия.

Обрабатывающая промышленность Сирии, как мы видели на примере шелководства, находится на чрезвычайно низкой ступени. Об'ясняется это, главным образом, тем, что в Сирии нет собственного топлива и железа, т.-е. двух основных предпосылок для возможности развития современной индустрии. Годичная стоимость промышленности Сирии равняется лишь 6% всего ее производства; главным образом, она существует в виде домашней или ремесленной промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства, подверженные легкой порче (маслоделие, виноделие и пр.), а также изготовляющей специальные восточные товары и предметы культа. «Во всей Сирии можно насчитать не больше ста промышленных предприятий, в которых работает в фабричном помещении свыше 50 рабочих, всего около дюжины таких, где работает свыше 100 рабочих, и ни одного, где было бы больше 300 рабочих» *).

Итак, как мы видим, действительное хозяйственное состояние Сирии в корне разрушает все фантастические представления германских и французских империалистов и сионистов о Сирии, как об обетованной стране, снаружи поросшей хлопком, тутовыми и фруктовыми насаждениями, а внутри изобилующей фосфатами, железом, никкелем, серебром и прочими рудами **), лишь ждущими разработки.

ТОРГОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СИРИИ.

Гораздо более крупным представляется торговое значение Сирии.

Омываясь Средиземным морем и в то же время являясь географической гранью четырех соприкасающихся территорий: Египта, Аравии, Мал. Азии и Месопотамии, Сирия самой природой была предназначена для роли торгового посредника между всеми этими странами. И, действительно, с незапамятных времен, ее порты служили конечными пунктами великих караванных путей, ведущих в глубины Персии, Индии, Средней Азии и даже Китая. Финикиян здесь сменили греки, затем арабы, и, наконец, этих последних генуэзские и венецианские купцы, пережившие приведших их сюда крестоносцев и образовавшие особый слой населения, так наз. левантинцев, т.-е. арабизированных греко-итальянцев. Этим многовековым наслоением купцов, вообще торговых посредников, моряков и караванщиков, стекающихся сюда со всех концов Европы и Азии, об'ясняется изумительная этно-

*) Руппин. Указанное сочинение стр. 124.
**) Compte Cressaty. Указанная ст. стр. 92—93.

графическая и религиозная пестрота Сирии. Здесь, на склонах одной какой-нибудь горы, уживаются представители самых разнообразных рас и десятков христианских церквей и мусульманских сект, частью даже не вполне исследованных *).

Однако, и тут было бы ошибкой преувеличивать торговое значение Сирии. Развитию транзитной торговли последней—всегда мешало то обстоятельство, что с юга и с востока и даже с сев.-востока она окружена сплошным поясом песчаных пустынь. Торговля могла происходить здесь лишь на верблюдах, что было сопряжено с большим риском и огромной затратой времени. Открытие Суэцкого канала нанесло поэтому сильнейший удар внутренней транзитной сирийской торговле, и посредническое значение Алеппо, Дамаска и др. городов сильно упало. У нас нет цифр для точного учета ущерба, понесенного торговлей Сирии, но здесь может помочь аналогия с Египтом, сухопутная торговля которого также, как известно, сильнейшим образом понизилась в результате открытия Суэцкого канала. Действительно, если в 1878—76 г.г. через Египет шло 59% всей индийской торговли, то каких-нибудь 25 лет спустя (1899—1900) эта цифра понизилась до 8,8% **). Нечто подобное, хотя, конечно, в меньших размерах, произошло и с Сирией. Если была почти целиком утеряна дальняя азиатская транзитная торговля (с Индией и Китаем), которая теперь пошла через Персидский залив и Индийский океан, то в значительной мере сохранилась торговля со смежными странами: Киликией, Курдистаном, Месопотамией и Аравией.

Алеппо и Дамаск, опирающиеся на море на Александретту и Бейрут, продолжают оставаться огромными факториями, куда стекаются сотни караванов и прикочевывают целые племена бедуинов, обменивающих сырье и продукты натурального хозяйства на европейские фабрикаты ***).

В 1913 году весь транзит через Дамаск (в Геджас, Бадиет Эш-Шам, Диарбекр и т. д.) выразился в следующих цифрах:

Входящих товаров	на	1.139,300 ф. с.
Исходящих »	на	1.082,800 ф. с.
Всего .		2.222,100 ф. с.

*) А. Убичини и де-Куртейль. Современное состояние Оттоманской Империи, П. 1878 г., стр. 46 - 62.

«Отдельные христианские церкви без конца враждуют одна с другой. Все средства хороши для борющихся групп. Обман... клевета... удары кинжалом, пуля, убийства—все это допускается. И все это продолжается не какие нибудь десятки лет, а столетия. Особенно в XIX в. распалилась эта борьба" . пишет знаток этого вопроса, вдобавок сам священник A. Popoff. La Question des lieux sains de Ierusalem. P 1910.

**) Banse. Der Arabische Orient 1910 г. стр. 57.

***) Некоторые сведения о торговых центрах Сирии у Н. Кечеджи Шаповалова: „Экономическая Турция" П. 1915 г., стр. 35—76.

Товарообмен с бедуинами также не мал: ежегодная стоимость скота, шерсти, масла и яиц, обмениваемая ими на оружие, нефть, сахар и колониальные продукты достигает 45.000,000 франков.

Второстепенными причинами, мешающими развитию сирийской торговли, являются: отсутствие европейски-оборудованных портов (за исключением Бейрута) и отрезанность береговой полосы от материка горными массивами, представляющими очень мало удобных проходов.

Для преодоления всех этих естественных препятствий в Сирии, за последние года, усиленно развивалось ж.-д. строительство, о котором будет подробно сказано ниже. Однако, в настоящее время, до окончания великого Багдадского пути и до смычки сирийских ж. д. с анатолийскими, решающего значения на развитие Сирийской торговли они оказать не могли.

Вся внешняя торговля Сирии за 1910—1911 год выражалась в следующих цифрах:

Ввоз равнялся 744.912,598 пиастров—165.000,000 франков.
Вывоз » 375.702,727 » — 83.000,000 франков.

Т.-е. весь торговый оборот достигал 248 милл. франков и составлял около четверти всей внешней торговли Турции.

Что касается до участия отдельных государств в сирийской торговле, то оно изображено в след. таблице *).

НАЗВАНИЕ СТРАН.	Ввоз.	% %	Вывоз.	% %
Англия	1.610.083	35,3	268 307	9,7
Английск. кол. (Индия)	48.105	1,0	698	—
Турция	723.530	15,9	626.249	22,7
Австро-Венгрия	408.367	9,0	36.545	1,3
Россия	216.370	4,8	48 074	1,8
Германия	295.555	6,5	29.045	1,1
Франция	423.599	9,3	883.341	32,0
Египет	118.113	2,6	617.058	22,4
Бельгия	162.779	3,6	6.623	0,2
Италия	357.340	7,8	56.977	2,0
Соединенные Штаты	39 511	0,9	1.622 726	5,9
Другие страны	151.176	3,3	24 032	0,9
Итого...	4.554.534	100,0	2.759.675	100,0

*) А. Руппин указ. сочин. стр. 171—176.

Для полного уяснения сирийской торговли необходимо еще сделать несколько указаний.

Преобладающее место в ввозе (35,3%), как видно из таблицы, принадлежит Англии. Об'ясняется это тем, что она является главным поставщиком текстильных изделий для всей передней Азии. Вместе с Индией она ввозит 70% всех бумажных товаров, оставляя 20% Италии и 10% остальным странам.

Другими предметами ввоза являются железо, минеральное топливо и всевозможные колониальные товары. В связи с общим низким уровнем сирийской промышленности, ввоз минерального топлива отличается очень скромными размерами. Так, в 1911 г. в Сирию и Киликию было ввезено всего около 105 милл. килогр. угля и нефти—на сумму 26½ милл. франков. Что касается до вывоза, то тут на первом месте стоит Франция (32%), вывозящая из Сирии всю шелковую пряжу и коконы, а также растительное масло.

Характерно, что и остальные отрасли вывоза монополизированы теми или иными государствами. Так пшеница, хлопок и апельсины направляются в Англию, мыло и вино—в Египет; предметы религиозного культа в Америку и т. д.

КАПИТАЛИЗАЦИЯ СИРИИ.

В конце 19 века передовые европейские державы, в процессе борьбы за Ближний Восток, начинают энергично воздействовать на народное хозяйство Сирии. Происходит типичный процесс капитализации страны, разрушение архаических форм натурального хозяйства, переход к высшим формам производства, мобилизация земельной собственности и пр. и пр. Под влиянием этого процесса происходят одновременно коренные социальные перемены: нарождение рабочего класса и возникновение туземной буржуазии, вырабатывающей для себя определенную национально-политическую идеологию. Этот процесс капитализации не мог одинаково интенсивно происходить во всех сферах экономической жизни Сибири.

Меньше всего он проявился в земледелии. Господствующее до сих пор архаическое аграрное законодательство до нельзя затрудняет пользование землей. Последняя фактически принадлежит государству (земли мирие и вакуфы) и дается лишь в условное владение земледельцам. Земля не может передаваться по завещанию, продажа ее обставлена самыми тщательными гарантиями, и потому она может переходить в собственность лишь оттоманских промышленных, коммерческих, и сельско-хозяйственных обществ. Благодаря этому мусульманскому законодательству, европейцы фактически лишены были возможности покупать земли, также трудно было это сделать западным банкам и акционерным предприятиям. И тем не менее процесс мобилизации земель, правда исключительно в туземных руках, и при сохранении

условного характера владения, все же усиленно совершался и притом именно в последние десятилетия *).

Переворот в землевладении произошел после законодательной отмены общинного пользования государственными землями (мирие). Закон устанавливал лишь частное землевладение, которое оформлялось путем получения особого удостоверительного документа (тапу) на каждый выделенный участок. Так как с получением тапу были связаны известные повинности и налоги, то многие жители уклонялись от получения своей доли земли, предпочитая заниматься извозным, караванным промыслом. Когда же последний, после открытия железных дорог стал невыгоден, и владельцы верблюдов должны были вернуться к земледелию, то оказалось, что большинство участков уже скуплено, и цена на землю сильно повысилась.

Мобилизации земельной собственности способствовали и другие причины. Прежде всего, благодаря сильной задолженности крестьян, кредиторы сплошь и рядом забирали их земли, часто даже аграрный турецкий банк выдающий феллахинам ссуды под залог земель (из 6%), при задержке в платежах, принужден был продавать их земли с аукциона, где они и приобретались городскими эффенди. Часто сами крестьяне, стремясь избавиться от непосильных налогов, продавали свои участки тем же гражданам, которые за определенную долю урожая, брали на себя все повинности. Наконец, всего более этой мобилизации земель способствовал закон, по которому участки, не обрабатываемые в течение 2—3 лет, переходили в казну, которая и продавала их с аукциона. Так, напр., лет 30 тому назад большая часть Эздрелонской долины принадлежала бедуинам, но так как они не распахивали ее, то земля была отнята и пошла с аукциона, где ее и купил один Бейрутский банкирский дом.

Благодаря всем этим причинам в некоторых вилайэтах Сирии около 60% земли принадлежит крупному землевладению. В Сев. Сирии в крестьянском владении осталось всего 20—30%, в Заиорданье около 15%, в Галилее около 20% и лишь в Иудее около 50%. Что касается до садов, то они по большей части также принадлежат не крестьянам, а помещикам.

Однако, эта концентрация земель не вызвала перехода к более рациональному хозяйству. Огромное большинство крупных владений сдается в аренду феллахинам, за уплату от $^1/_6$ до $^1/_2$ урожая, и обрабатывается самым первобытным образом. Переходу к высшим формам обработки мешает отсутствие земледельческого пролетариата, необычайно низкая земледельческая техника и, наконец, неблагоприятные свойства почвы (почти повсеместно известковый грунт).

Прогрессивную роль в сирийском земледелии играют немецкие и еврейские колонии.

Образование немецких колоний явилось частью общего плана эконо-

*) Г. Аггагеч Очерки природы и сельского хозяйства Сирии и Палестины. П. 1918 стр. 39, 58.

мического завоевания Турции—Германией. Как известно, Абдул Гамид запретил селиться немцам в Анатолии, дав взамен некоторые льготы в Палестине. После этого немцы создали в Палестине пять земледельческих колоний с общим числом 624 поселенца. Несмотря на свою незначительность, последние сыграли довольно крупную роль в развитии сельского хозяйства в Сирии, введя там европейский севооборот, племенное скотоводство и т. п. За их спиной стояли капиталистические предприятия (Gesellschaft zur Förderung der deutschen Ansiedlungen in Palaestina и др.), оказавшие им финансовую поддержку *).

Несколько большую роль в развитии страны сыграли еврейские колонисты—адепты сионизма. Число их в Палестине достигло 15,000 человек, распределяющихся по 43 колониям. Правда, по признанию сиониста же А. Руппина «в еврейских садовладельческих колониях чувствуется сильное коммерческое влияние... Владелец сам в своих насаждениях не работает, а занимается только скотоводством и продажей плодов». Однако, для сельско-хозяйственного под'ема страны, главным образом в области виноделия и культуры древесных насаждений, еврейские колонии сделали очень многое. Кроме того ими были учреждены две агрикультурные школы в Mikweh Israel и Petache Tikweh; высшая еврейская школа в Яффе и агрикультурная опытная станция в Атлите).

Еврейское сионистское движение имело огромное значение для капитализации страны еще и потому, что им руководили мощные финансовые организации, в роде еврейского колонизационного общества (Jewish Colonisation Association — I. C. A.) основанного Эдмондом Ротшильдом. Еврейская эмиграция привела благодаря этому в Палестину много купцов и банкиров, которые тотчас начали реализировать здесь свои капитылы: один лишь ежегодный приток денег еврейству из-за границы достигает 10 миллионов франков.

Благодаря специфическим условиям Сирии (низкий уровень ввозных пошлин, отсутствие железа и топлива, недостаток рабочей силы и неразвитость внутреннего рынка), деятельность капитала в области промышленности, как мы видели, оказались довольно слабой.

Правда, значительная часть крупной промышленности находится в руках европейцев; шелко-ткацкие фабрики в руках французов, машиностроительные и механические—немцев и евреев, наконец, мукомольные—немцев и левантинцев. Но производство по прежнему ведется при помощи чрезвычайно архаических методов.

В шелководстве процветают архаические мотовилы и ручные станки, в шерстяном производстве до сих пор не введены механические станки, маслины продолжают сбивать палками, повреждая их кожуру и т. д.

---

*) О немецких колониях см. М Павлович. „Империализм и великие железнодорожные и морские пути будущего". Часть. первая. Москва. 1922. Гос. Изд.

Львиная часть промышленности Сирии принадлежит ремеслу. Даже существующие фабрики носят в сущности домашний характер. Предприниматель дает в аренду рабочей семье станок, и на нем работает от 2 до 6 человек, с обязательством продавать все свое производство предпринимателю.

Крупная промышленность вообще пока с большим трудом прививается в Сирии, и там уже насчитывается довольно много провалившихся предприятий, задуманных на широкую ногу, но не выдержавших неблагоприятных специфических местных условий.

Наиболее крупную роль западный капитал играет в торговле Сирии, как это было отмечено выше.

Устройство портов (Бейрут), развитие ж.-д. сети с под'ездными путями к главнейшим портам (Триполи, Бейрут, Хайфа, Яффа), учреждение коммерческих училищ, наконец, развитие пароходства, которое включительно до прибрежного плавания находится в руках европейцев, все это, конечно, должно было сильно поднять торговлю Сирии.

Однако, любопытно, что и здесь мы не встречаем высших капиталистических форм, вроде торговых товариществ, акционерных обществ по экспорту и импорту и т. д.

С сирийской торговлей тесно связана банковская деятельность, также почти целиком находящаяся в руках европейцев. За последнюю четверть века, мы видим появление в Сирии целых пяти больших банков, расчитанных почти исключительно на местные нужды *),—не говоря о многочисленных банкирах, конторах, наконец, ростовщиках.

При невозможности совершать земледельческие операции и при низком уровне промышленности, банковское дело в Сирии почти целиком ушло в сферу чисто денежных операций (продажа ценных бумаг, прием вкладов и т. п.), или же коммерческих операций (учета векселей, выдача авансов под товары и т. п.).

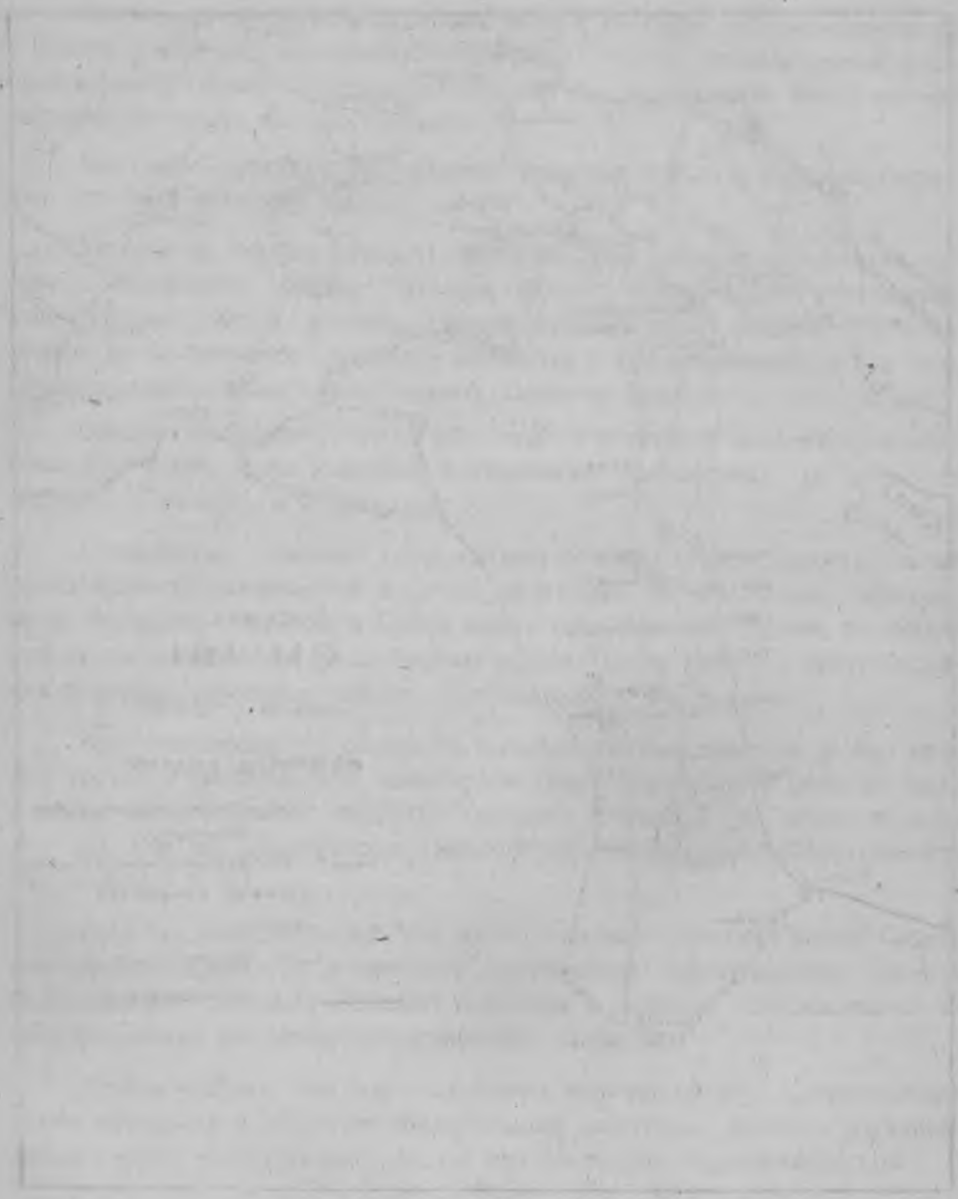
Из всего вышесказанного мы видим, что экономическая жизнь Сирии, несомненно, находится в процессе постепенной капитализации, хотя и происходящей довольно медленно и притом в формах, обусловленных ее специфическими политико-хозяйственными условиями.

Можно сказать, что для настоящего времени процесс капитализации Сирии выразился в развитии коммерческого капитала, притом организованного чисто индивидуально, хотя и при некоторой поддержке банков.

---

*) 1) Deutsche Orient Bank (Германский восточный банк), основанный в 1906 г.; 2). Anglo-Palestina Company (Англо-Палестинская компания), основанная в 1902 г.; 3). Deutsche Palestina Bank (Немецко-Палестинский банк), основанный в 1909 г.; 4). Banque commerciale de Palestine (Палестинский Коммерческий банк), основанный в 1911 г.; 5). Banque de Salonique (Салоникский банк), основанный в 1888 г.

Армения
Битлис
Курдистан
Харпут
Аргана
Малатия
Мардин
Нессибин
Тигр
Моссул
Урфа
Биреджик
Харран
Мараш
Зейтун
Пирамос
Адана
Тарс
Мерсина
Аинтаб
Александрета
Алеппо
Антиокия
Текрит
Эфрат
Кит
Кипр
Хама
Хомс
Триполи
Баалбек
Райяк
Бейрут
Сидон
Тир
Дамаск
Босра
Жайффа
Набауз
Яффа
Лидда
Иерусалим
Газа
Керак
Берзеба
Эль-Ариш
Раба
Маан
Акаба
Карта
Сирии
масштаб: 1/3 000 000
Об'яснеие знаков:
граница Сирии предполагаемая Францией
собственная граница Сирии
граница вилайетов
города
ж. д. действующие
" " строющиеся



ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СИРИИ И Ж.-Д. СТРОИТЕЛЬСТВО.

Наибольшая энергия западных империалистических держав была направлена в Сирии не на поднятие ее промышленности или даже торговли, а на железнодорожное строительство.

В конце тридцатых годов прошлого века французы начинают постройку линий, которые соединяют главные города и порты Сирии: Алеппо—Дамаск—Триполи и Бейрут. Затем совершенно неожиданно выступают сами турки. Султан Абдул-Гамид, преследуя идею сплотить всех мусульман вокруг Турции, обращается к ним с призывом пожертвовать средства, необходимые для железнодорожного соединения священных городов: Дамаска—Медины и Мекки. Этот панисламистский замысел увенчался блестящим успехом. Со всего мира из Индии, Китая, Африки потекли щедрые пожертвования, благодаря чему удалось всего в восемь лет построить магистраль от Дамаска до Медины, протяжением в 1,500 кил. с затратой лишь 95 миллионов франков. Для того, чтобы подчеркнуть религиозное значение дороги, она была передана в ведение министерства церковных имуществ «Эвкав», так что доходы с нее идут на религиозные и благотворительные цели. Для значительных масс населения Геджасская дорога приобрела подлинно религиозное значение. Когда возник вопрос о передаче постройки одного из ее ответвлений на Хайфу---французам, нотабли этого города протестовали, указывая, что вся эта дорога, как имеющая религиозное значение, должна быть построена турецким правительством.

Наконец, позже всех начали железнодорожное строительство в Сирии немцы, прокладывая здесь соединительное звено между Анатолийской и Месопотамской магистралями Великого Багдадского пути. Так как вопрос о последнем совершенно исчерпывающе изложен в русской литературе *), то я ограничусь здесь лишь необходимыми указаниями.

Багдадская дорога проникает в северную Сирию из Киликии, где должны быть пробиты тунели через хребты Тавра; она дает отросток на Александретту, подходит почти вплотную к Алеппо и затем поворачивает в сторону Месопотамии (Джерабулуса).

Протяжение железнодорожных линий, принадлежащих в Сирии различным государствам, представлены на следующей табличке:

Франции	682 кил.
Турции.	949 »
Германии	295 »
Всего. .	1926 кил.

*) М. Павлович (Вельтман) „Империализм и борьба за великие ж. д. и морские пути будущего" т. I, М. 1922 г., Гос. Изд. Его же „Азия", II, 1918, а также многочисленные статьи в повременных русских журналах во время войны (Лурье, Майского и пр.).

Если мы примем во внимание, что протяжение всех жел. дор. в Турецкой империи, контролируемых Францией, равнялось до-войны 760 миль, мы увидим, что они почти целиком находились на территории Сирии *).

Благодаря этому энергичному ж.-д. строительству Сирия из всех областей быв. Оттоманской империи оказалась лучше всех оборудованной в ж.-д. отношении, как показывает следующая сравнительная таблица **).

Назван. страны.	На кажд. 100 кв. кл.	На кажд. 10,000 насел.
В Сирии	1,0.	5,1.
В М. Азии.	0,6.	3,2.
В Аз. Турции	0,3.	3,2.
В Греции.	2,5.	6,1.
В Франции.	9,4.	12,8.
В Германии.	11,6.	9,5.

Интенсивное ж.-д. строительство в Сирии, конечно, в значительной степени об'ясняется общими тенденциями западно-европейской промышленности, поскольку наиболее боевой член ее—тяжелая индустрия, стремится покрыть новые и новые территории, в особенности в Азии, своими рельсами, экспортировать туда сотни паровозов и вагонов и т. д.

Но ж.-д. деятельность великих держав в Сирии была обусловлена и другими причинами, которые сводятся к ее особому, необычайно важному гео-политическому значению для трех материков: Азии, Африки и Европы.

Как известно, характерной чертой современного империализма является стремление прокладывать транс-материковые и транс-океанические дороги, для того чтобы дать выход своей вулканической индустриальной энергии и своим хищническим, завоевательным стремлениям.

Между тем, мы уже видели, что Сирия является географическим мостиком, повисшим между морем и пустыней и соединяющим Азию с Африкой.

В силу своего географического положения, она представляет из себя перекресток, где скрещиваются различные международные пути. Перечислим главнейшие из этих скрещений: 1) на юге Сирия может легко получить выход к Красному морю (у Акабы) и тем самым соприкоснуться с Суэцким каналом. Достаточно указать, что расстояние от Моана (конечный пункт Геджасской ж. д.) до порта Акаба, равняется всего 120 кил.

---

*) The Statesman's year Book, 1919, стр. 1318.
**) А. Руппин. Указанное сочинение, стр. 271.

2) На юге же она уже соединена с Аравией при помощи Геджасской ж. д., имеющей в Лидде выход к Красному морю.

3) С юго-запада в нее должна рано или поздно упереться великая английская ж.-д. магистраль, пересекающая два материка от Капштата до Калькутты.

4) На западе на нее давят морские Средиземно-морско-Атлантические пути.

5) На северо-западе она в ближайшем времени сомкнется с сетью анатолийских ж. д., уже сейчас составляющих неразрывное целое со всей европейской ж.-д. системой.

6) На северо-востоке она уже соединена с великим Багдадским путем, который неминуемо приведет ее в соприкосновение с Персидским заливом, а в будущем с Иранской ж.-д. сетью.

При таких условиях, обладание Сирией дает возможность в любом направлении перерезать великие коммуникационные пути, соединяющие колонии и полуколонии империалистических держав. Мало того, Сирия в руках крупной военной державы создает весьма серьезную угрозу для Египта и для всех прилегающих областей быв. Турецкой империи; действительно, во время минувшей войны мы дважды видели, как Сирия была использована сначала турецкими, а затем английскими армиями для нанесения решающих боевых ударов.

Стремительная постройка немцами Багдадской ж. д. необычайно форсировала сирийский вопрос, также как и все прочие проблемы ближне-восточной политики. Мощная империалистическая Германия, заменившая турецкого «больного человека», в Сирии создавала уже вполне реальную угрозу в обоих указанных направлениях. Отсюда необычайная важность для Англии предотвратить эту военную угрозу и установить свой протекторат над всей Сирией, или хотя бы над частью ее.

Что касается до немцев, то они, конечно, совершенно определенно стремились использовать Сирию в стратегических целях, возглашая устами наиболее яркого идеолога пангерманизма, Рорбаха, что Египет—это наиболее уязвимая часть Британской империи, захват которой способен разрушить все здание последней.

Наконец, и французские империалисты также были сильно перепуганы перспективой утверждения Германии в Сирии.

По словам недавнего премьера Жоржа-Лейга, сказанным во время войны: «Марсель без Александретты и открывающихся за последней безграничных горизонтов на Дальнем Востоке превратится в тупик. Франция, отказавшаяся от ответвления Багдадской ж. д. (в Сирии), которое создано ею и на которое она имеет больше прав, чем какая-либо другая европейская нация—совершила бы акт величайшего самоотречения».

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ СИРИИ.

Переворот в экономических отношениях Сирии, начавшийся с конца прошлого века, вызвал, конечно, соответствующие изменения и в ее социальной структуре. В связи с общим характером хозяйственного уклада Сирии, изменения эти меньше всего коснулись крестьянства, оказали некоторое влияние на рабоче-ремесленный класс, и, наконец, сильнее всего отразились на местной буржуазии.

Народонаселение Сирии, как и решительно всех стран Передней Азии, отличается огромной пестротой своего этнического и религиозно-культурного состава. Наряду с арабами-сирийцами, мы встречаем здесь арабов бедуинов, турок, персов, курдов, евреев (3—5%), греков, черкесов, европейцев, а также смешанные расы вроде: левантинцев, друзов и др. Еще большей пестротой отличается религиозная карта сирийского народонаселения *).

Столь же разнообразными являются и формы хозяйственного быта. Наряду с земледельцами и садоводами, мы встречаем здесь—кочевников бедуинов, рядом с развитыми социальными отношениями—пережитки теократического и феодального быта.

К сожалению, при неудовлетворительном состоянии турецкой статистики, мы не можем определить все эти социальные различия в виде цифровых отношений. Мы не можем даже с точностью установить общее количество населения Сирии, так как у различных авторов оно колеблется от 4 миллионов (Руппин) и 3.675.100 (Statesman's Year Book)—до 2½ миллионов (Банзе) **). Единственно, что мы можем утверждать, это то, что плотность населения в Сирии значительно больше, нежели в других областях Турецкой империи ***), и что преобладающая масса населения (2/3) живет в деревнях и в палатках.

Основную группу сирийского населения составляет крестьянство (70%).

Благодаря преобладанию в Сирии крупного землевладения, о чем было упомянуто выше, большинство из крестьян—феллахинов—являются в сущности арендаторами помещичьих земель. Лишь около трети феллахинов ведут собственное хозяйство на государственной земле (мирие и вакуфы). Положение их является относительно лучшим, нежели у первой категории, так как они несут нормальные государственные повинности. Впрочем, тяжелые налоги (ашар, агхнам, верги и др.), взимаемые откупщиками, сильно

---

*) Перечислю некоторые важнейшие религиозные подразделения: Мусульмане: сунниты, метуалисты (шииты), друзы, ансарийя (или нусарийя), иезиды, евреи и т. д.; христиане делятся на: православных, мелькитов, римско-католиков и т. д. и т. д.

**) Ауэраген в указ. соч. дает 3¼ мил., Baedeker (Palestine et Syrie) на основании подсчетов Cuinet дает 3.328.160. но здесь к Сирии отнесены санаки Марат. Урфа и Зор.

***) Даже по минимальному расчету Банзе на 1 кв. кил. в Сирии приходится 12,8 чел. против 0,7 в Аравии и 9 чел. в Месопотамии. Вернее же всего плотность населения в Сирии равна 33 чел.

злоупотребляющими своим положением, тяжелым бременем ложатся на крестьянское хозяйство.

Развитию последнего мешает также библейская примитивность способов обработки, (деревянный плуг с железным острием), и архаические общинные учреждения, вроде принудительного севооборота и пр.

Гораздо хуже положение крестьян арендаторов на частно-владельческих землях. Аренда, уплачиваемая обыкновенно натурой, достигает обычно от одной шестой до одной трети урожая (обычно одной пятой), но при этом на крестьянина перекладывается и вся тяжесть государственных налогов, так что его участие в продукте равняется не более половины урожая. Еще хуже положение феллахинов, у которых не имеется собственных семян. За ссуду последних владелец обыкновенно берет половину урожая.

Процесс капитализации Сирии, сопровождаясь притоком колонистов и концентрацией земель в руках местных капиталистов, сильно поднял рост цен на земли, а вместе с тем и арендную плату, в особенности в северной Сирии. Благодаря этому крестьянин выручает здесь лишь самый необходимый прожиточный минимум, и на практике между ним и помещиком часто устанавливаются крепостные отношения.

Однако, не имеет смысла преувеличивать тяжелое положение крестьянства Сирии: оно находится все же в значительно лучших условиях, нежели, например, в Анатолии. Это доказывается самой продуктивностью их работы: в то время, как 13—17 миллионов анатолийских крестьян вырабатывают в год едва 340 миллионов пудов зерновых продуктов, 3—4 миллиона сирийских феллахинов добывают ежегодно 160 миллионов пудов. Сравнительно редко наблюдается здесь и малоземелье, так что нормальная площадь крестьянского владения занимает столько, сколько можно обработать на паре волов *).

Самые арендные отношения здесь гораздо мягче, нежели в Анатолии, где царит половничество. Фермер-феллахин, кроме того, не несет в Сирии натуральных повинностей (доставка дров помещику, содержание мельницы, разные перевозки), и не знает барщины, которая является обычной в Анатолии.

В связи с общим замкнутым натуральным строем хозяйственной жизни Сирии, в быте феллахина преобладают архаические патриархальные отношения. Повсеместно распространен выкуп жен, вся жизнь протекает по шариату; вырабатывая себе все, что ему нужно, он почти не обращается к внешнему рынку, повсюду, в особенности среди женщин, царит неграмотность.

Итак, капиталистическая эволюция Сирии лишь значительно понизила количество самостоятельно хозяйничающих крестьян и кое где ухудшила их экономическое положение.

Несколько более значительно сказался этот процесс на втором социальном слое сирийского населения—на рабочих и ремесленниках. Как мы

*) От 100 до 250 думанов (от 9 до 23 гекторов).

видели выше, при общем низком уровне сирийской промышленности, она почти вся исчерпывается домашним производством или ремеслами.

Говорить о какой-либо рабочей статистике—конечно не приходится.

На основании различных данных мы можем скомбинировать такую табличку, для главных отраслей промышленности.

Шелководство	30—40.000	рабочих.
Мыловарение	2— 3.000	»
Добывание масла	7—12.000	»
Худож. промышл.	1.000	»
Машиностроение	150— 200	»

Надо при этом иметь в виду, что во всех этих отраслях промышленности мы встречаем за редкими исключениями не профессиональных рабочих, а полукрестьян—полукустарей.

Если мы прибавим сюда многочисленных ремесленников, кожевников, портных, кузнецов, столяров, гончаров и т. п., мы получим от 300 до 400 тысяч человек, занятых в сирийской промышленности.

Условия рабоче-ремесленного труда в Сирии представляются чрезвычайно тяжелыми. Рабочее время достигает 9—12 час. Заработок является совершенно нищенским, как это видно из следующей комбинированной таблички.

Дневная зараб. плата взр. рабоч.	1— 2 франка.
« « « женщины	40—60 сантимов.
« « « подростков	10—50 сантимов.

О каких-либо профессиональных организациях не может быть и речи. Лишь в некоторых больших городах рабочие об'единены в цехи. Не существует также законодательной нормировки и охраны труда.

И все же капитализация Сирии уже начинает сказываться в жизни рабоче-ремесленного населения. Ремесленники уже переходят от работы своими собственными орудиями к работе на усовершенствованных станках и прессах, которыми их ссужают предприниматели. Они начинают понемногу работать в маленьких «домашних» фабричках, обслуживаемых 2—6 рабочими, где наблюдается уже значительная дифференциация труда. Наконец, на ж. д., на нескольких больших заводах (машиностроительных и др.) мы уже встречаем настоящих пролетариев с соответствующей профессиональной выучкой и рабочей психологией.

Сильнее всего влияние западного капитала сказалось на третьем элементе сирийского населения—буржуазии.

Значительное увеличение торговых оборотов с Западом—вызвало чисто количественное увеличение сирийского купечества. Появилось большое ко-

личество туземных коммерсантов, занявшихся экспортом и импортом, скупкой сырья у населения для западных фирм, наконец, передачей товаров в глубь страны для окраинной торговли.

Конечно, и торговля в Сирии носит пока еще крайне примитивный «азиатский» характер. Как мы указывали выше, банковская деятельность до сих пор крайне незначительна; вместо устройства контор, большинство туземных капиталистов предпочитает заниматься ростовщичеством (взимая до 100% годовых).

В связи с этим примитивным характером деятельности буржуазии, города в Сирии продолжают носить чисто «восточный» характер. Ни в одном из них нет до сих пор телефонов для общественного пользования, водопроводов; на десятки больших городов имеется лишь два трамвая (в Дамаске и Бейруте), наконец, лишь кое где устроено электрическое освещение.

И все же, сирийская буржуазия начинает быстро втягиваться в круг европейской культуры, она начинает организовывать кое какие промышленные предприятия (притом гораздо удачнее европейцев), она выделяет уже довольно значительную интеллигенцию и проникается националистической идеологией.

Модернизации сирийской буржуазии много содействовали западные державы, стремящиеся утвердить здесь не только свое экономическое, но и культурное влияние.

Так Франция, действуя через посредство находящихся под ее покровительством многочисленных монашеских орденов (лазаристов. Dame de Sion и др.) и миссионерских организаций, создала в Сирии несколько десятков странноприимных домов, бесплатных аптек, лечебниц, ясель, родильных приютов, сиротских домов и т. п., в Яффе, Рамле, Хайфе, Иерусалиме, Бейруте, Дамаске, Алеппо и в др. городах *).

Кроме того, в Бейруте был устроен иезуитами университет св. Иосифа и по всей Сирии раскинута сеть французских школ, в которых до войны обучалось около 50 тысяч человек.

Все эти учреждения для французского правительства имели, конечно, не филантропическое, а чисто политическое значение: они являлись великолепными проводниками французского языка, а вместе с тем французского влияния в Сирии.

Внедрившись в Сирию, немцы, конечно, также тотчас же принялись за «культурную» работу. Они открыли в Алеппо немецкую школу, вечерние курсы и библиотеку, в Иерусалиме они организовали еженедельный журнал «Иерусалимская неделя», в Хайфе они решили открыть коммерческое училище и т. д., наконец, даже американцы, не имеющие особых интересов в Сирии все же организовали «Сириян Протестант Колледж» в Бейруте и при нем коммерческое училище.

---

*) I. P. Alaux. Католики на Востоке. 1913 г. 25/XI „Тан"

Общее количество учеников, обучавшихся в европейских школах (кроме французских), до войны достигало до 23,000 чел.

Если мы присоединим сюда уже упомянутые выше сионистские просветительные учреждения (имевшие, впрочем, узко еврейское значение) и два турецких высших учебных заведения: богословский факультет в Дамаске и медицинский факультет в Бейруте, мы увидим, что в Сирии была вполне создана почва для нарождения туземной интеллигенции. Действительно, в Сирии очень скоро появляется многочисленный класс: адвокатов, врачей, учителей и журналистов. Во всех городах (главных) начинают издаваться арабские политические газеты, наконец, после революции 1908 года быстро складываются политические группировки и партии *).

Гнетущий режим Абдул-Гамида, стремившийся превратить все нации, населяющие Турцию в правоверных мусульман, последовавший за ним младотурецкий режим, желавший принудительно оттоманизировать все эти народности, вызвали у сирийской интеллигенции сильнейшую националистическую реакцию.

Благодаря существовавшим во все время турецкой власти свирепым цензурным ограничениям, боевые элементы сирийской интеллигенции вынуждены были эмигрировать в Египет, где, начиная с Хедива Измаила (80-е г.г.), существовала широкая свобода печати. Вся нелегальная литература для Сирии печатается в Каире или Александрии. Благодаря своей энергии и живости, делающих из сирийцев, по словам одного ученого наблюдателя, «природных журналистов»—они быстро захватывают в свои руки даже всю чисто египетскую прессу. Лучшие журналы и газеты Египта Аль Ахрам и Аль Моктатаф издаются сирийцами-эмигрантами, а последний даже издавался прежде в Бейруте. Для того, чтобы понять эти факты, мы должны принять во внимание, что и в экономическом и в культурном отношении Сирия и Египет необычайно тесно связаны друг с другом: университеты, богословские академии (вроде знаменитой каирской Аль Азхар)—представляют обще-арабские предприятия в глазах и египтян и сирийцев. Сирийская интеллигенция под влиянием ранее ее сформировавшейся египетской интеллигенции, начинает стремиться к политико-культурному об'единению всех арабских элементов, входящих в состав бывшей Оттоманской империи и к известной автономии для Сирии.

Мы не можем рассматривать здесь интереснейшее пан-арабское движение, как выходящее за рамки настоящей статьи. Достаточно указать, что в 1913 году в Париже открылся арабский конгресс, с комитетом которого (в лице Мидхада Шукри) младотурки заключили соглашение. Это последнее гарантировало: преподавание в школах на арабском языке (хотя и при обязательном изучении турецкого), расквартирование туземцев—солдат

*) Интересные данные о Сиро-Египетской прессе и о высших учебных заведениях находятся в статье А. Крымского и Б. Миллера: Всемусульманский университет при мечети Азхар в Каире (Древности восточные, Моск. Археологическое общество, т. II, 1903).

в мирное время в пределах родных вилайэтов, и передачу всех вакуфных земель от центрального ведомства в Константинополе в распоряжение религиозных общин каждого вилайэта. Кроме того, устанавливался порядок образования областных выборных советов и круг их деятельности.

Младотурки, впрочем, и не думали соблюдать этого вынужденного соглашения. Они попробовали опереться на реакционные элементы сирийского общества, подкупив их обещаниями увеличить жалование духовенству, (улемам и муэдзинам), учредить мусульманский семинарий в Дамаске и произвести кай-какие канализационные и полицейские реформы, после чего все обещания, данные ими в Париже, остались на бумаге.

ТАКТИКА ФРАНЦИИ И АНГЛИИ В СИРИИ.

Три империалистических колосса имели особые интересы в Сирии: Франция, Англия и Германия. Для последней, впрочем, Сирия являлась не самоцелью, а была важна в связи с ее общим планом мирного завоевания Турции, главным орудием которого должен был стать Багдадский ж.-д. путь. Положение Германии в Сирии достаточно обрисовано в предыдущем, чтоб на нем здесь останавливаться.

Гораздо более планомерной и последовательной является сирийская политика Франции, беспрерывно проводимая в течение трех четвертей столетия, а по утверждению французов, даже в продолжение семи с половиной веков.

Любопытно отметить, как французские империалисты обосновывают «права» на Сирию. Они приводят для этого четыре «бесспорных» основания:

1) Франция является исторической преемницей первых франкских завоевателей и владетелей Сирии: крестносца Готфрида Бульона и Гюи Лузиньяна *);

2) Франция являлась в течение веков покровительницей христианского населения Сирии. Уже Людовик Святой выдал маронитам хартию (1250 г.), в которой обязался, за себя и за своих наследников, оказывать им помощь, «как бы самим французам». Позже, при Франциске I и Людовике XIV были с Турцией заключены капитуляции, по которым Франция получила право защиты всех восточных христиан и палестинских святынь, а также представительство Европы перед Портой **).

Лишь в конце XIX века протекторат над христианами католиками и их учреждениями перестали быть монополией Франции ***).

---

*) Z. Madelin. La Syrie franque. Revue de deux mondes 1916, № 10, стр. 357—358.

**) Z. Madelin. Указ. ст., стр. 957. C. Cressaty, указ. соч., стр. 103—104.

***) В 1894 г. Германия получила право протектората над католическими учреждениями, открываемыми Société allemagne de Palestine. В 1905 г. по соглашению Франции с Италией около 20 катол. учреждений перешло под защиту последней.

3) Франция завоевала права на Сирию благодаря той большой культурной работе, которую она совершила в ней и которая была очерчена выше, и

4) Франция приобрела на сирийской территории преобладающее экономическое значение.

Конечно, нам нет необходимости оспаривать эту аргументацию, в которой культура перемешена с экономикой, и где религия взята на службу политике.

Для осуществления своих империалистических планов в Сирии, Франция начала исподволь создавать там себе точку опоры. Эту последнюю она нашла в Ливане.

Ливан представляет из себя административный округ (Джебель Лабнан), включающий среднюю Сирию, т.-е. Ливанский и Антиливанский хребты и прилегающую к ним береговую полосу, от Триполи до Джеззина(на юг от Бейрута). Политические операции Франции в Ливане облегчались тем обстоятельством, что население его делится на две резко-враждебные группы: на друзов, представителей одной из еретических мухамеданских сект, и на маронитов, образующих особую сиро-католическую церковь, имеющую свой устав и литургию *). И друзы и мароните представляют из себя настоящих горцев, закаленных в борьбе за свою политико-религиозную независимость, которую они отчасти сумели сохранить даже под турецким владычеством. Франция, в поисках за партизанами «французской идеи» на Востоке,—как мы видели, систематически оказывала покровительство маронитам, путем разных соглашений и через посредство своих консулов.

Между этими двумя группами населения всегда происходила ожесточенная борьба, при чем друзы, несмотря на свое численное меньшинство (100, против 300 тысяч) — обыкновенно являлись нападающей стороной **). В 1860 эта борьба вылилась в форму вооруженного погрома, при чем в Дамаске и в других городах христианское население было почти целиком вырезано. Франция, бывшая наготове, тотчас же вмешалась в эту борьбу и оккупировала Ливан. Затем по обыкновению вмешались другие державы, которые и вынудили Порту предоставить Ливану довольно широкую автономию (1864 г.). Население Ливана освобождалось от воинской повинности и от целого ряда наиболее стеснительных податей. Управление Ливана было поручено губернатору христианину, облеченному чрезвычайно широкими полномочиями в области суда и администрации и сносящегося непосредственно с Константинополем.

Эти привелегии имели своим результатом довольно значительное экономическое развитие Ливана. Он становится центром сирийской шелкович-

*) О друзах см. А. Мюллер. История ислама, т. 3. О маронитах у Убиччини указ. соч. стр. 44—45, 58—59, а также 98—101.

**) К сожалению статистика Ливана крайне недостоверна. В то время как А. Руппин определяет население его в 470—750 т. чел., The Statesman's Jear book дает цифру 200.000 чел. Во всяком случае колич. отношение маронитов к друза всегда являлось 3 к 1.

ной промышленности, в которой ему принадлежит 60%. Быстрый рост населения Ливана (плотность населения его равняется 168 чел. на 1 кв. м., против 33 чел. для всей Сирии), вызвал довольно значительную эмиграцию, главным образом, в Америку. Благодаря тому, что эмигранты высылают большую часть своих сбережений на родину, это сильно повышает благосостояние Ливана. Достаточно сказать, что деньги, присылаемые из Америки, составляют 41% общего дохода всего населения. Растущее благосостояние Ливана, конечно, еще более усиливало энергию Франции в деле «защиты» его автономии. Поэтому она, с одной стороны, постепенно внедрялась в промышленность Ливана (скупив большинство его шелкопрядилен), с другой,— пользовалась всяким случаем для вмешательства в ливано-турецкие отношения в целях, конечно, «защиты» завоеванной ею автономии.

Таков смысл защиты слабых наций империалистическими державами на Востоке.

Однако, было бы ошибкой думать, что Франция претендовала лишь на протекторат над Ливаном. Как мы видели ее «права» простирались на всю Сирию. Мало того, поползновения наиболее ярых империалистов простирались далеко за географические пределы собственно Сирии. На севере они требовали присоединения Киликии, на западе части верхней Месопотамии с Урфой и Харраном и, наконец, на юге Палестину с Акабой, т.-е. с выходом к Красному морю. Лишь такая Сирия представляла, по их словам, «замкнутое географическое целое».

Что касается до Англии, то у нее не было на облюбованную ею часть Сирии, даже таких маргариновых «прав», как у Франции на Ливан.

Палестина просто была ей нужна, чтобы заблокировать дороги к Красному морю и также для того, чтобы захватить кусок. ж.-д. пути, ведущего в Аравию и Месопотамию.

Для оправдания своих претензий Англия пожалуй еще более, нежели Франция, нуждалась в местных национальных элементах, на которые она могла бы опереться.

Сначала она искала партизанов «английской идеи» среды арабов. Как известно, Англия после отказа от догмы неделимости турецкой империи, чрезвычайно покровительствовала последним, как одной из центробежных сил, приводящих к гибели Турцию. Во время большого восстания 1904—1905 г.г. она оказывала вождю повстанцев в Иемене—Ибн-Яхья щедрую помощь деньгами и оружием. В начале она покровительствовала арабскому движению даже у себя в Египте и после ухода «некоронованного короля» Нильской долины—лорда Кромера, пытались войти в соглашение с националистами и арабизировать управление страной. Наконец, под ее воздействием великий шериф Мекки—Гуссейн, летом 1917 г. восстал против Турции, захватил Мекку, Иеддах и Таиф и впоследствии оказал англичанам драгоценные услуги во время их кампании в Сирии.

Но арабы не подходили для Англии в качестве «слабой» нации, нуждающейся в защите и в протекторате. Арабы были для этого слишком сильны и политически эмансипированы. Ведь уже до войны они создали идею панарабского об'единения, которое включало также и Египет, не говоря уже о Сирии.

И вот уже во время войны, Англия, не порывая с арабами подыскивает другой более удобный национальный элемент для осуществления своих агрессивных планов в Сирии.

Такой элемент нашелся — это были евреи.

Не беда, что в Палестине их было всего около 100.000 человек из общего числа 536.000 жителей, т. е. они составляли лишь 16,8% народонаселения. На помощь к англичанам пришла сионистская идеология ,рассматривающая Палестину, как территорию, на которую евреи имеют «исторические» права, независимо от текущих статистических соотношений.

Англия необычайно легко переходит от покровительства арабам к защите евреев, и 2 ноября 1917 г. лорд Бальфур опубликовывает следующую декларацию:

«Правительство его величества выражает благожелательное отношение к созданию в Палестине национального центра для еврейского народа и приложит все старания к осуществлению этой цели. При этом определенно предусматривается полная неприкосновенность гражданских и религиозных прав ныне проживающего в Палестине не еврейского населения, а также прав и политического положения евреев во всех других странах».

Декларация эта вызвала, как известно, взрыв восторга в еврейских сионистических кругах и примыкающей к ним еврейской буржуазии. Лидеры сионистов: Вейсман, Зангвиль, Жаботинский подняли немедленно агитацию в пользу получения Англией мандата на Палестину, началась вербовка еврейских легионов; английское и французское многочисленное еврейство, сохранявшее финансовый нейтралитет во все время войны, было выбито из мертвой точки и определенно выступило на стороне Антанты.

Англия, таким образом, убила сразу двух зайцев: она превратила большие кадры евреев в агентов английского империализма и в то же время подготовила для себя почву в Сирии.

Вышеочерченные интересы Франции и Англии в Сирии нашли свое выражение в соглашении, заключенном в 1916 г. между ними и Россией относительно будущей дележки турецкой империи.

В приложении к Сирии этот документ заключал следующие пункты:

1) Франция получила прибрежную полосу Сирии, Аданский вилайэт (Киликию) и область на восток от него.

2) Великобритания приобрела порты Хайфу и Акку.

3) Александретта об'являлась свободным портом.

4) В целях обеспечения религиозных интересов союзных держав, Палестина со святыми местами выделялась из состава турецкой территории и по соглашению между Англией, Францией и Россией для нее устанавливался особый режим.

5) Зона между французской и английской территориями образовывала конференцию арабских государств или независимое Арабское государство, зоны влияния на каковое одновременно определяются *).

Образование Арабского государства, совершенно лишенного выхода к морю, в котором вдобавок еще устанавливались зоны влияния Англии и Франции—и предопределило дальнейший ход событий в Сирии.

ФРАНЦУЗЫ В СИРИИ.

Довольно трудно дать связный очерк событий, происходивших в Сирии за последние четыре года, т. е. после окончания всемирной войны. Известия, которые мы имеем, носят отрывочный характер, кроме того, они говорят обыкновенно о внешней стороне событий, умалчивая о стоящих за ними политико-социальных процессах.

К моменту заключения Турцией перемирия (30—X 1918 г.) почти вся Сирия была занята английскими войсками под командой ген. Алленби: по побережью они дошли до Бейрута, внутри страны—до Алеппо.

Почти тотчас же после заключения перемирия возникли необычайное резкие трения между Англией и Францией из-за предстоящего дележа турецкого наследства и главным образом из-за Сирии.

Как мы указывали, судьба последней регулировалась соглашением Сайкс-Пико (Май 1916 г.), по которому Франция получила всю Сирию, Киликию и часть Мессопотамии до Моссула включительно.

Англичане, завоевавшие Сирию, вовсе не были склонны отдавать ее французам, они более всего не хотели отдавать им Александретту, этот луч.ший порт в Средиземном море «малоазиатский Гамбург», как его прозвали немцы, обладающий уже сейчас значительной торговлей, а в будущем вероятный монополист всей Левантинской ввозной торговли. К тому же Александретта соединилась на Сев. с Багдадской магистралью и угрожала, таким образом, будущему пути в Индию.

Еще менее были склонны англичане отдавать Моссул с его богатейшими нефтяными залежами, об эксплоатации которых уже мечтали английские капиталистические круги.

Разоблачения, сделанные недавно (27-VI-21) Тардье в Палате Депутатов, показывают, до какой остроты доходили эти конфликты. Англичане угрожали установить свое единовластие на Балканах и в проливах в случае неуступчи-

*) Сборник секретных документов из архива Мининдела II. 1917 г. № 2—55—57.

вости французов; крутой Клемансо категорически отказывался подписать навязанный ему англичанами договор с Турцией. Дело окончилось обоюдными уступками. Франция сохранила за собой Сирию и Киликию, но уступила Моссул и дала другие гарантии.

После этого начинается уход английских гарнизонов и замена их французскими, которые и оккупируют всю прибрежную Сирию и Киликию до Урфы.

С мая месяца в Сирии складывается приблизительно следующая обстановка: побережье от Александретты до Сурии (Тир) занято французами; вся внутренняя часть Сирии по линии Алеппо—Хомс-Хама-Дамаск образует территорию самостоятельного арабского государства, которое скоро начал возглавлять пресловутый Эмир Файсал. Наконец, промежуточная полоса—Бекаа (древняя Келе-Сирия) находится в сфере влияния Франции, но фактически об'единена различными национальными организациями, тяготеющими к государству Файсала.

Сирийцы, конечно, с трудом терпели французскую оккупацию.

Почти тотчас же после заключения перемирия начался ряд протестов против предполагаемой дележки Сирии; так, известный политический деятель Эмир Шекиб-Арслан от имени сирийско-арабской группы Оттоманского парламента протестовал против вмешательства Англии и Франции в дела Сирии, под флагом дарованной «автономии». Но, конечно, были организованы и прямо противоположные манифестации. Так, в начале января в Париж прибыла ливанская делегация, которая приехала пропагандировать идею автономии Ливана в составе великой Сирии и, конечно, под протекторатом Франции. Всего же болезненнее должны были переносить режим французской оккупации те сирийские политические группы, которые оказали самую деятельную помощ Англии во время борьбы ее с турками. Великобритания, конечно, сулила им в награду полную политическую автономию, бережно в то время храня во внутреннем кармане тайное осглашение, заключенное Сайксом и Пико.

Когда это последнее начало проводиться в жизнь, сирийцы-антантовцы пришли в движение. Наиболее яркий представитель их Эмир Файсал, оказавший активную военную помощь англичанам в Палестине, публично протестовал против раздела Сирии и против протектората Франции, защищая эту точку зрения на Парижской конференции и т. д.

Файсал является представителем крупной сирийской буржуазии и примыкающих к ней полуфеодальных помещиков и предводителей бедуинских племен. Последним он в особенности импонировал тем, что, будучи сыном шерифа Мекки, он являлся прямым потомком четвертого халифа Алия. Все движение, возглавляемое эмиром Файсалом, носило потому сугубо националистический и буржуазный характер. Его идеалом являлось не независимая Сирия, а арабское федеративное государство, под контролем европейского государства, получившего на это мандат. В качестве такового им, конечно,

мыслилась Англия, старая покровительница пан-арабского движения, владевшая к тому же наиболее культурной арабской областью—Египтом.

Агитация пан-арабистов среди населения, уже достаточно возбужденного теми насилиями, которые чинились оккупантами-французами,—вызвала партизанскую борьбу против последних в Сирии. Как раз в этот период началось восстание против англичан в Мессопотамии и инсурекция в Киликии, сопровождавшаяся резней армян, осадой Антиохии, Урфы, Хаджина, Зейтуна и т. д.

В такой тревожной обстановке собрался в Дамаске арабский конгресс. Последний протекал несомненно в атмосфере сочувствия и активной поддержки со стороны остальных арабских стран. Так, мы знаем, что младоегиптяне послали конгрессу 25.000 ф. стер. на пропаганду идей мусульманских соединенных штатов в Азии. Более чем вероятно, что конгресс вступил в тесную связь с анатолийскими националистами. Эмир Файсал на этом конгрессе достиг своей заветной цели—он был провозглашен королем Сирии.

Союзники и в первую очередь Франция, конечно, не признала этих выборов, всячески наоборот подчеркивала свой протекторат над Сирией. Успехи повстанцев в Киликии, где была взята Урфа, конечно, усилили повстанческое настроение среди сирийсцев. В течение апреля и мая происходят беспрерывные нападения и набеги арабов на христианское население в зоне французской оккупации. Иногда дело доходит до форменных боев, как например, у Баальбека или у Бейрута, где участвовало свыше 4,000 арабов с 25 пулеметами.

Положение французов становится весьма неблагоприятным, и они с горечью замечают, что со стороны мусульман, друзов и христиан не маронитского толка проявляется очень мало симпатий к Франции. По словам корреспондента Morning Post (от 8—VI): «если не считать больших городов, то французское влияние в Сирии сводится к нулю.

Эмир Файсал, как истый представитель крупно-буржуазных и помещичьих кругов, старается всячески сохранить нейтралитет и ликвидировать стихийное народное движение. Он приказывает подвластным ему племенам не переходить нейтральную зону с целью оказать помощь горцам в деле изгнания французов.

Однако, и он должен пойти навстречу общему настроению. Под давлением националистов, он производит мобилизацию арабов, высказывается против французского мандата на Сирию и санкционирует те повстанческие действия, которые чисто стихийно происходят помимо его воли, а именно: бойкот французских денег, нападения на французские передовые посты и на сборщиков администрации Оттоманского долга и т. п.

И вот ген. Гуро, лихой колониальный генерал, наскучив этой половинчатой инсурекцией, приступает к государственному перевороту. Оче-

видно, без ведома центральной власти, он пред'являет эмиру Файсалу ультиматум, в котором требует:

1) Французского контроля над ж.-д. линией Райак—Алеппо.
2) Французской оккупации вокзалов ж. д. Хомс—Хама и г. Алеппо.
3) Приема и обращения французской монеты.
4) Признание французского мандата.
5) Наказания преступных революционеров.
6) Осуществления всех этих условий в течение 4 дней под угрозой применения силы.

Прямолинейный солдафон правильно учел половинчатость и политическое бессилие партии, возглавляемой эмиром Файсалом. После разных проволочек, слезных обращений к Лиге Наций и т. д., она кончила тем, что приняла ультиматум генерала Гуро, отодвинула войска с границ, демобилизовала части, находящиеся в Дамаске, и устами Файсала заявила, что готова признать мандат Франции, если только условия его будут определены Лигой Наций.

Трусость и уступчивость правительства вызвала бурный протест среди крайних демократических групп сирийского конгресса. Они потребовали отставки кабинета, когда же их делегация была арестована Файсалом, они восстали против последнего, освободили арестованных и ринулись к казармам за оружием. Произошла перестрелка, в которой было убито и ранено свыше 50 демократов, и они были отогнаны. Конгресс протестовал против ультиматума генерала Гуро.

Последнему было, впрочем, совершенно безразлично поведение правительства Файсала. Он имел уже готовый «план действий», и вот 13 июля он занимает узловую станцию Райак, а 15-го—Дамаск. Конгресс был разогнан, и Файсал, отрекшись от престола, бежал к англичанам, в Хайфу.

Стремительный coup d'etat, произведенный ген. Гуро, конечно, встретил полное сочувствие в Париже. Сенат большинством 205 голосов против 84 одобрил все действия военных властей в Сирии, а вместе с тем и ассигновал необходимые кредиты. Вождь французских империалистов, Мильеран, поспешил раз'яснить, что французы находятся в Сирии и остаются там, «чтобы проводить там политику, выраженную в уставе Лиги Наций, чтобы защищать сирийские народности, которые просили нас об этом». («Temps» 13 июля). Идя по горячим следам и следуя инструкциям, полученным из Парижа, ген. Гуро тотчас же после переворота, торжественно об'явил о создании нового территориального образования—Великого Ливана. В состав последнего включались территории, где заведомо преобладало мусульманское или друзское население (казы: Баальбека, Бекаа, Решайн и Хазбейн). Великий Ливан включал теперь даже те города: (Бейрут, Триполи и Сайфа), которые были выключены из его пределов в 1862 г. вследствие явного преобладания там мусульманского населения. В своем обращении к ливанцам верховный комиссар Франции заявил, что Франция, таким образом, заканчивает свое дело, начатое в 1860—1862 г.г. и относит восточную гра-

ницу Ливана к подножью Антиливана и Гермона, согласно программе, которую она хотела осуществить еще 60 лет тому назад. («Тан» 8 августа).

Марониты, получившие при могущественной поддержке Франции, осуществление своих давнишних территориальных вожделений, конечно, с восторгом приняли декларацию ген. Гуро. Что касается до арабов-сирийцев, то они теперь разделились на две непримиримые группы.

Эмир Файсал, выпибленный пинком французского солдата со своего престола, тотчас же отправился в Англию, хлопотать перед Сен-Джемским кабинетом и Лигой Наций о восстановлении своих нарушенных прав.

Любопытно, что и после своего падения он продолжал проповедывать пасифизм и непротивление злу, идущему от французов.

Так, когда один из бедуинских шейхов просил его разрешения напасть на французов, занимающих Дамаск, Фейсал ответил отрицательно, заявив, что, если разрешить бедуинам взяться за оружие, то страна впадет в анархию.

Вторая группа арабских националистов, очевидно, окончательно порвала с тактикой компромиссов и ожиданий подачек от Антанты. После рейда ген. Гуро, они устроили крупное восстание в Хауране, которое с большим трудом удалось подавить французам.

Хотя последние живо писали, что в Сирии воцарилось полнейшее спокойствие и порядок—факты говорят иное. После переворота французы тотчас же сконструировали новое послушное правительство (во главе с Аллади-ном Руби), с которым и заключили желательное им предварительное соглашение. И вот, какой-нибудь месяц спустя, мы узнаем из телеграмм, что сирийцы-революционеры произвели нападение на правительственный поезд: злоумышленниками был убит премьер, председатель совета, министр и несколько сопровождавших их лиц.

Сирийские националисты, очевидно, перешли к тактике террора, поскольку присутствие французских войск делает невозможным широкие организованные выступления. Переворот, учиненный французами в Сирии, вызвал резкий отпор в английских политических кругах. Дело в том, что это происшествие, как раз совпало с разгаром мессопотамского восстания, протекавшего крайне неудачно для англичан.

Часть английских политиков почувствовала, что они зашли в тупик, начали горячо пропагандировать идею приглашения Фейсала в качестве короля Мессопотамии. С их точки зрения, эта комбинация приносила следующие выгоды:

1) Ответственность за Мессопотамскую неурядицу перелагалась на самих же арабов.

2) Таким путем разрешался сложный вопрос об английском мандате на Мессопотамию.

3) Англичане избавлялись от крайне тяжелых финансовых затруднений.

Однако, на пути к этой комбинации стояла Франция, которая, конечно, не могла допустить, чтобы Файсал изгнанный ею из Сирии, утвердился бы в смежной Мессопотамии. И вот в английской оппозиционной

прессе начинается целый поход против Франции в связи с запутавшимся ближне-восточным вопросом. Наиболее характерным образчиком этой полемики является письмо W. Wilson'a, известного знатока персидской Азии, в органе Асквита «Westminster Gazette» (от 16 августа). «Права Франции на Сирию, для Вильсона, являются сомнительными». Если уже в 1916 году, подписывая соглашение Сайкс-Пико, мы имели в виду уступить Сирию—Франции, то нужно ли нам было пускаться в опасную, дорого стоющую и как оказалось, нелепую Геджасскую авантюру. Что касается до Файсала, то он со своими арабами гораздо больше помогал нам при движении на Дамаск, чем французы, а теперь мы цинично отрекаемся от него».

Положение на Ближнем Востоке продолжало оставаться чрезвычайно неустойчивым и всегда была возможна комбинация, при которой все эти скрытые англо-французские антагонизмы проявились бы наружу.

Правда, в 1920 году состоялось соглашение, подписанное Лейгом и Гардингом, относительно распределения зон влияния на Ближнем Востоке. Но это соглашение лишь фиксировало уже установившееся положение вещей. Франция получала по соглашению Сирию и Ливан, Англия—Мессопотамию и Палестину. Устанавливалась общая эксплоатация ж.-д. линии в районе Тивериадского озера (старая французская линия Хайфа—Мзериб—Дамаск), и использование реки Иордана и его притоков для орошения и технических целей.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПРОБЛЕМА И ОРГАНИЗАЦИЯ СИРИИ.

1921 год несомненно явился переломным в политике Антанты на Ближнем Востоке. Уже к началу этого года противоречия в ближневосточной политике Англии, Франции и отчасти Италии, отмеченные нами в предыдущем, достигают кульминационной точки. Вместе с тем начинает проясняться и та общая политическая линия, которую проводит каждая из перечисленных держав в Передней Азии. Несомненно, что критической точкой для этого процесса послужил переворот в Греции, свергнувший правительство Венизелоса и вновь водворивший в Афинах короля Константина. В самом деле посмотрим, какой курс был взят после этого Англией в ближневосточной политике? После некоторых колебаний и протестов, впрочем чисто бумажного характера, Англия определенно берет Грецию под свое покровительство и защиту. Помимо щедрой материальной и военной помощи грекам для продолжения Анатолийской кампании, она открывает для эллинской армии дорогу через Константинополь, фактически оккупируя последний англо-греческими войсками. Захлопнув перед Кемалем, которого Англия продолжает третировать как «мятежника генерала», ворота в Константинополь, она начинает организовывать нападение на него из глубокого тыла. С этой целью Англия начинает осуществлять поистине грандиозный план: создание цепи вассальных арабских государств, которые сплошным поясом

тянулись бы от границ Египта и до Персии. В самом деле, мы вндим, как после каирской конференции начинается наспех сколачиванье арабских «автономных» государств: Мессопотамия отдается Фейсалу, Заиорданье—его брату Абдулле, Геджасский король—Гуссейн получает щедрую субсидию и защиту от врагов, то же получает и второй претендент на Аравию эмир Наджда Ибн Соуд...

Палестина, как близко граничащая с Египтом, подвергается несколько иному режиму, как это мы увидим ниже.

Конечно, совершенно ясно, что это арабское окружение направлено своим острием не только против анатолийцев, но и против Франции, которая только что чисто насильническим путем присоединила Сирию и вдобавок оказалась втянутой в изнурительную борьбу с кемалистами из за Киликии.

Немудренно, что курс взятый Англией на Ближнем Востоке вызвал во Франции взрыв негодования, чувство близкое к паническому ужасу.

Политики, публицисты всех мастей и оттенков начинают резко протестовать против вероломства англичан, оставивших Франции в результате дележки Турции—лишь Аравийские пески и незамиренные территории Киликии и Сирии. Пьер Лоти выпускает резкий памфлет под заглавием «Провал Франции на Востоке», в котором он протестует против разрыва традиционной дружбы между французами и турками, выгодного лишь для британской дипломатии. Известный ученый востоковед проф. Бартелеми публикует статьи (в «Revue politique et parlementaire»), в которых он доказывает, что в настоящее время положение на Бл. Востоке победоносной Франции хуже нежели после поражения 1870 г. Монополия Великобретании, утвержденная в Константинополе, Иерусалиме и Багдаде оттолкнула Францию в последние ряды...

Ближневосточные дела особенно нервировали французское правительство и общество в связи с неудачно складывающимися военными операциями в Киликии*). В последней уже третий год продолжалась ожесточенная партизанская война, требовавшая огромных жертв, как человеческих, так и материальных. Недаром ген. Гуро в конце 1920 г. требовал от правительства ассигнования огромной суммы в 800.000.000 франков на военные расходы в Сирии и Киликии. Правда, генерал высказывал оптимистическое убеждение что «успокоение Киликии и приведение северных окраиин ее в сферу нашего влияния затрудняется лишь естественными условиями страны, но это только вопрос времени», однако, ход военных действий, оттеснивших французов к побережью Средиземного моря, не подтверждал этой фанфаронады. К тому же завоевание Киликии сильно осложняло отношения между Францией и Италией. На этом вопросе также необходимо вкратце остановится.

Италии по лондонскому соглашению 1917 г. был обещан ряд территорий, ввиде «компенсации» за англо-франко-русския приобретения на Ближ-

*) События, относящиеся к Киликии, трактуются здесь вскользь, так как им будет посвящена особая статья.

нем Востоке, а именно: Кония, Адалия, Аидин и Смирна. Анатолийское восстание националистов и крупные неудачи, постигшие Англию и Францию при осуществлении их мандатов на Мессопотамию и Сирию, однако, заставили Италию постепенно поступиться своими «правами« на турецкую территорию. Не будучи в состоянии, в силу послевоенного разорения страны, вести сколько-нибудь крупную милитаристическую политику на Ближнем Востоке, Италия благоразумно начинает отход от намеченных ею империалистических позиций. В 1919 году она великодушно уступает Смирну—Греции, заключая с последней примирительное соглашение об Эгейских островах и, наконец, целиком эвакуирует в Малой Азии Адалию, занятую незначительным итальянским отрядом. Мало того, выступление Греции в роли анатолийского жандарма, сулящее ей огромные территориальные приобретения в Малой Азии и вообще в Восточной части Средиземного моря, круто меняет политику Италии на Ближнем Востоке. Боязнь будущей империалистической Великой Греции заставляет ее симпатизировать движению кемалистов. Италия первая заговоривает о необходимости пересмотра и смягчения Севрского мирного договора. Не ограничиваясь, однако, платоническими выражениями своих сочувствий, она начинает оказывать реальную помощь националистам, снабжая их оружием, медикаментами и военным снаряжением. Отказавшись от всяких территориальных приобретений в М. Азии, итальянцы вместе с тем, понятно, не могут оставаться равнодушными к попыткам Франции завоевать Киликию, кстати граничащую с Адалией. Это обстоятельство сильно обостряет итало-французские отношения и, несомненно, что значительная часть передаваемого туркам военного имущества предназначается Италией на организацию сопротивления Франции.

При сложившейся международной ситуации, в политике Франции на Ближнем Востоке постепенно подготовляется решительный перелом. Во внешней политике этот перелом находит свое выражение в прогрессирующем сближении с националистической Турцией, заканчивающимся эвакуацией Киликии и Ангорским соглашением 20 октября 1921 г., фактически аннулирующим со стороны Франции Севрский мирный договор. Во внутренней колониальной политике этот сдвиг находит свое выражение в установлении особого политического режима для оккупированной Сирии.

Даже и помимо общеполитических соображений, те трудности, которые как мы видели пришлось преодолевать французским войскам при оккупации Сирии, должны были убедить Францию в необходимости предоставить ей известные либеральные уступки, дать ей хотя бы призрачную «автономию». Эти намерения, кстати, совпали с новыми тенденциями обнаруживающимися во французской колониальной политике. Мировая война колоссально увеличила колониальные владения Франции доведя их до 10 милл. кв. километров, с населением в 52 милл чел. Прежняя чисто централистическая, откровенно эксплоататорская колониальная политика Франции уже не подходила к этой огромной колониальной Империи. И вот мы видим, как фран-

цузская пресса и министерство колоний (устами министра колоний Сарро) начинают проповедывать новую колониальную доктрину; в противоположность английской системе «самоуправления», правозглашается французская колониальная доктрина «ассоциации». «Франция освобождает, не отделяя, но напротив по немногу приобщая к гражданственности самых отсталых своих подданных». На практике, эта политика сводится к предоставлению туземцам прав французского гражданства, которого они до сих пор целиком лишены (как напр. в Алжире, Индо-Китае), т. е. к приобщению их к политической жизни своей страны. На фоне наброшенной выше общеполитической ситуации на Ближнем Востоке, а также этих новых колониальных тенденций мы и должны рассматривать ту политическую организацию, которая получает Сирия от своего мандатария Франции.

После занятия Сирии ген. Гуро, организация управления страной носила долгое время весьма неопределенный характер. Мы уже видели, что было прокламировано создание Великого Ливана; одновременно было обещано создание и других «автономных государств». Фактически страна, конечно, управлялась чиновниками, назначенными ген. Гуро из числа сторонников французской оккупации, вся же власть была сосредоточена в руках Верховного Комиссара Франции в Сирии. Чиновничество это и по функциям и по именам соответствовало прежней турецкой администрации и состояло из ген.-губернаторов (вали), мутессарифов, каймакамов и пр. Декрет о функциях Верховного Комиссара Франции в Сирии указывал, что он является единственным посредником местных правительств с иностранными консулами (статья 2); в его распоряжении находятся все сухопутные и морские силы, расположенные в границах страны (ст. 2). Что касается до гражданских служб, то ими руководит от имени и под властью Верховного Комиссара—его Генеральный Секретарь (статья 4) *).

Колониальная «весна» проявлялась, как и должно было ожидать, сначала не в политической, а в культурно-бытовой области. Французское правительство, сознательно лишающее туземцев Алжира и Туниса не только среднего, но даже и низшего образования, проявляет трогательную заботливость о просвещении арабов, да еще вдобавок, в рамках высшей школы. Парламент ассигнует (в январе 1921 г.) 500.000 франков на устройство в Париже мечети и Научного Института для мусульман. В Алжире, Тунисе и в других колониях производится сбор пожертвований в пользу культурного начинания, возникающего по почину просвещенной метрополии. Несколько месяцев спустя при поддержке французов открывается в Дамаске первая Арабская Академия, при которой функционируют библиотека и Музей. В знак примирения с сирийцами, генералом Гуро об'является амнистия всем осужденным военным судом за дамасские события августа 1920 г.

---

*) Temps от 27/XI 20 г.

«Ныне настало время изгладить память об этих печальных днях, а ваше благоразумие и наша бдительность не допустят до их возобновления», присовокупляет благоразумно ген. Гуро. Чиновные ставленники Франции получают знаки почетного легиона; наконец, для ознаменования благодетельных последствий французского режима для Сирии—в Бейруте устраивается ярмарка-выставка, оборудованная французскими фирмами.

Эра политических реформ официально возвещается все тем же ген. Гуро, который без малейшего труда меняет маску колониального конквистадора на более галантную маску представителя либеральной республиканской Франции. 21 июня 1921 года он произносит в Дамаске большую программную речь, в которой он излагает ближайшие проекты административного устройства Сирии, не упуская случая, разумеется, подчеркнуть, что «география и история побуждают Францию искать в этих областях только нравственного влияния и экономического сотрудничества, осуществляемых лишь с согласия самого заинтересованного в них населения» *).

Реформы, возвещенные ген. Гуро, сводятся к организации в Сирии четырех автономных государств: Дамаска, Алеппо, Латакии и Ливана, которым в будущем предстоит вступить в федеративную связь. Организация этих миниатюрных государств не мыслится однородной, она будет устанавливаться в зависимости от культурного уровня страны. Любопытна оговорка ген. Гуро, относящаяся к цитадели французского влияния в Сирии—Ливану. Последнему, по словам ген. Гуро,—предстоит отдельное развитие в менее тесном, исключительно экономическом сотрудничестве с Сирийской конфедерацией, покуда он сам не пожелает вступить в нее. После чтой знаменательной речи, начинается подготовительная работа, как в Париже, так и в Бейруте, по составлению Сирийского статута. Больше всего внимания, конечно, уделяется опять-таки Ливану. Для того, чтобы он как-нибудь не растворился в обще-сирийской федерации, печать, в особенности официозная, вроде «Temps», настаивает, чтобы ему было предоставлено право заключать частные соглашения с каждым из автономных государств, но, конечно, «по почину и при содействии Франции». Что касается до роли Франции в Сирии, то она не вызывает никаких сомнений. Мандат Франции «ни прямо, ни косвенно не будет носить характера протектората. («Temps» 15 августа 1921 года). Дальнейшие забавные оговорки делают понятным значение этого политического «самоограничения». На обязанности верховного комиссара Франции будет лежать лишь самый общий контроль над деятельностью местных властей, с возложением на самих сирийцев ответственности за судьбы страны, *поскольку это совместимо со степенью их политической зрелости».*

В октябре прошлого года французское правительство принимает проект Сирийского статута, который в основных чертах сводится к следующему *).

Устанавливается автономия 4-х сирийских государств: Алеппо, Дамаска, территории Алавитов (Латакия) и Ливана. В каждом из них устанавливается

*) Вестник Наркоминдела 1921 г. № 7 - 8. План организации Сирии. стр. 71-74.
*) Основные черты статута даны в Temps от 30/X.

законосовещательный совет, который в будущем превратится в законодательный. Члены этого совета (соответствующего по функциям турецкому генеральному совету вилайета), первоначально будут назначаться верховным комиссаром Франции; после производства переписи, они станут выборными. Избирательный закон будет установлен в духе турецкой конституции 1908 г., с незначительными дополнениями в либеральном духе. Три мусульманские государства образуют федерацию, возглавляемую федеративным советом. При последнем будет функционировать общие для всей федерации ведомства (дирекции), число которых будет установлено, согласно указанного опыта.

В настоящее время таким общим ведомством является управление таможнями. «Что касается до Ливана, отличающегося от прочих сирийских областей своими особыми традициями и более ярким духом партикуляризма, то ему предоставляется самому решить: желает ли он войти в состав Сирийской федерации, или же предпочитает заключить с каждым из отдельных государств самостоятельные договоры, разумеется с ведома и согласия Верховного Комиссара Франции.

Для нас, конечно, совершенно ясны основные принципы и движущие пружины нового политического устройства Сирии, проэктируемого Францией. Раздробление незначительной территории на целых 4 «автономных» государства—имеет, несомненно, целью установить национально-религиозную черезполосицу и помешать возникновению общеарабского движения, которое могло бы быть направлено против Франции. Не ограничиваясь этим, последняя фактически изолирует Ливан, превратив последний как бы в удел французского империализма в Сирии. Ряд оговорок, внесенных в статут, вообще отсрочивает на неопределенное время организацию действительно «автономных» государств, даже в тех узких пределах, которые очерчены Францией.

Производство переписи, выработка избирательного закона, политическая зрелость населения—мы прекрасно знаем, насколько эластичными являются эти элементы в руках империалистических держав. Пока же что, Сирия будет управляться чиновниками, назначенными Францией, и, конечно, выбранными из наиболее благонадежных элементов. Впрочем, есть один момент автономии, который уже сейчас найдет полное применение в Сирии: весь административный аппарат, состоя из туземцев и принадлежа автономным (хотя бы и условно) государствам—содержится на счет последних. Недаром французские политики уже сейчас с удовольствием подсчитывают, что автономная Сирия будет в 4 раза дешевле обходиться французам, нежели сейчас.

Итак мы видели, что политика Франции в Сирии пережила ряд изменений. Главным фактором здесь несомненно явился полный крах французского империализма на Ближнем Востоке. Вытесненная из проливов, лишившись Моссула, наконец, принужденная уступить Турции—Киликию, Франция сосредоточивает все свои усилия на удержании Сирии. Но здесь

ей приходится менять тактику: грубая солдафонская политика ген. Гуро— уступает место более мягким, «конституционным» — колониальным методам.

Однако мы должны помнить, что здесь Франции приходится иметь дело с гораздо более опасным, непримиримым врагом нежели соперничающая с ней Англия, а именно с растущим арабским национальным движением; последнее вряд ли удовлетворится теми полумерами, полуобещаниями, которые принуждена делать Франция, для того, чтобы сохранить за собой захваченное «местечко под солнышком».

АНГЛИЯ В ПАЛЕСТИНЕ.

Мы уже указывали вскользь на те причины, которые вызвали появление декларации Бальфура и сионистскую ориентацию Англии.

Дальнейший ход событий с очевидностью доказал, что евреи были нужны для Великобританского правительства исключительно, как опорная точка в процессе установления ее протектората над Палестиной.

Опубликовав декларацию лорда Бальфура, Англия на следующий же день после перемирия начинает делать вид, что ей чрезвычайно тяжело принять на себя осуществление этой декларации, навязанной ей концертом держав и общественным мнением.

Теперь мы знаем, что уже в 1916 г. Англия выторговала себе Палестину, а в 1918 г. пыталась захватить почти треть всей Сирии. Но на ее вчерашних союзников, арабов, эти кажущиеся колебания Англии производили вполне определенное впечатление. Они убеждались, что сами же евреи являются виновниками оккупации англичанами Палестины, так же, как мароните являлись виновниками оккупации Ливана в 1861 г. Францией.

С этого момента начинается рост сильнейшего антисемитизма среди арабов. Эмир Файсал провозглашает, что Палестина является неот'емлемой частью Сирии: евреи же представляют из себя чистейших оккупантов. И вот он изгоняет всех евреев из Дамаска.

В связи с неумеренными восторгами сионистов, еще более напряженное положение создается в Палестине. Уже в марте 1920 г. происходят арабские анти-еврейские демонстрации. Английская администрация держится совершенно пассивно, демонстрируя свое одинаково благожелательное отношение ко всем группам населения. Движение все усиливается, руководимое местными арабскими клубами; особые делегации от сионистов пытаются предупредить английское командование,—но оно остается пассивным.

И вот 4-го апреля в Иерусалиме разыгрывается форменный еврейский погром. В нем принимает определенное участие полиция, опят таки при полнейшем нейтралитете со стороны англичан.

Впрочем этот нейтралитет больше касался арабов. Что касается до евреев, то англичане энергично разоружали еврейские отряды самообороны организованные известным В. Жаботинским.

В результате двухдневного погрома было убито пять евреев и четыре мусульманина и ранено 211 евреев, 22 мусульманина и 4 христианина.

Лишь после окончания погрома английская администрация проявила свою обычную энергию.

В Иерусалиме было об'явлено осадное положение, спешно организовали военно-полевой суд и т. д. Каре подверглись 19 евреев и 2 араба, при чем в число осужденных попал и известный сионист В. Жаботинский, организатор еврейских легионов во время всемирной войны, осужденный на 15 лет каторжных работ (остальных евреев на 6 лет). Любопытен отзыв самого Жаботинского о поведении английской администрации во время погрома: «Я никогда не видел, чтобы администрация вела себя с такой рафинированной грубостью и низостью, как это проявила английская администрация в Палестине. Русская администрация также делала погромы, но она была открыто антисемитична. Здесь же администрация проявляла всегда утонченную вежливость, убаюкивала нас сладкими речами. Мы имели поэтому право ожидать от них исполнения всех наших надежд... И вот эта самая администрация устроила погром» *).

Любопытно, что губернатор Иерусалима ген. Старрс оставлен был после этого погрома на своем посту, в доказательство непричастности английской администрации к погрому.

Арабы, неудовлетворенные этой первой пробой и чувствуя свою безнаказанность, через каких-нибудь две недели после погрома, представили целый ультиматум английским властям. Они требовали, чтобы в течение пяти дней были распущены все сионистские организации, а также еврейский батальон. Лидеры сионистов должны быть высланы из Палестины. В противном случае арабы по соглашению с местными феллахинами и бедуинами грозили устроить массовый еврейский погром.

К чести английской администрации следует сказать, что она не приняла этого ультиматума.

В то время, как в Палестине шла подготовка к еврейскому погрому, английское правительство извлекало весьма значительные выгоды из своей сионистской ориентации.

В апреле открылась конференция в Сан-Ремо, на которой был окончательно выработан мирный договор с Турцией. И вот среди сессий конференции распространяется слух, что Англия колеблется принять мандат на Палестину.

Тотчас же инсценируется кампания для того, чтобы переубедить правительство Ллойд-Джорджа. Организации сионистов, союз еврейских общин Англии, с'агитированная ими английская рабочая партия, комитет тред-юнионов, наконец, отдельные лидеры либералов и консерваторов, все они

---

[1]) И. Рафес. Палестинский погром и Палестинская идея. 1921 г.

высказываются за необходимость принятия Англией мандата на Палестину для осуществления декларации Бальфура.

Английское правительство не может, конечно, выдержать такого натиска и «принуждено» принять мандат на Палестину, которая отныне должна стать очагом для евреев (24 апреля 1920 г.).

Итак Англия добилась своей цели. Она приобрела базу (хотя и не большую) для своего господства над Палестиной.

И вот опять начинаются зигзаги английской политики, имеющие целью продемонстрировать ее нелицеприятное отношение к обеим палестинским нациям. В августе лорд Самюэль назначается верховным комиссаром в Палестине. Но уже какой-нибудь месяц спустя, лорд Керзон в палате общин заявляет, что правительство аннулировало назначение г. Самюэля, так как оно не имеет намерения установить господство еврейского элемента в стране... После этого лорд Самюэль остается на своем посту.

Наконец, была опубликована «Палестинская конституция», которую Англия предложила на утверждение Лиги Наций. Отметим важнейшие пункты этой конституции, носящей вообще крайне умеренный характер:

1) Договаривающиеся стороны признают историческую связь еврейского народа с Палестиной и право его создать в ней свой национальный центр.

2) При этом не может быть допущено ничего, что затронуло бы гражданские и религиозные права нееврейского населения, имеющегося в стране.

3) Мандат на Палестину вручается Англии, причем последняя создаст условия для создания «самостоятельно управляющегося государства».

4) Во главе администрации стоит английский губернатор; при нем исполнительный совет, половина которого должна состоять из представителей еврейского и нееврейского населения страны, а также еврейского совета в Лондоне.

5) Права подданства в Палестине будут иметь там все турецкие подданные в Палестине, находящиеся к моменту обмена ратификационными договорами, и евреи, которые приедут в Палестину в течение ближайших двух лет после ратификации. Палестинское правительство вырабатывает и дальнейшее облегчение для евреев в деле приобретения гражданства.

Этот последний пункт являтся наиболее замечательным.

Мы уже видели какой незначительный процент всего населения составляют евреи в Палестине. Ограничивая право эмиграции двумя годами, эта конституция в сущности хоронит идею создания в будущем национального еврейского большинства в Палестине.

Любопытнее всего, что в текущем году Палестина вообще закрыта для эмиграции. Мотивом для этого выставлено то, что вожди сионистов боялись массового наплыва евреев, для чего не было создано необходимых условий.

Может быть это отчасти и так, но в этом мудром самоограничении нельзя не видеть победы Англии, которая вовсе не заинтересована в наплыве евреев в Палестину, так как это ей угрожает осложнениями с арабами, с которыми она всячески старается дружить.

АНГЛИЧАНЕ, СИОНИСТЫ, АРАБЫ.

Новый курс, принятый Англией в ближневосточной политике, не мог не отразиться на ее управлении Палестиной.

Проект образования цепи арабских государств, под протекторатом Великобритании, конечно, заставлял е с особым вниманием относиться ко всем требованиям арабов. С другой стороны, она вовсе не намеревалась отрекаться от сионистов, видя в них всегдашних союзников, уравновешивающих политическое значение арабского элемента Палестины.

В апреле 1921 г., приступая к созданию вассального Арабистана, Черчиль останавливается в Иерусалиме, где его посещает арабская делегация, требующая отмены пресловутой декларации Бальфура. Черчиль обращает внимание делегации, что согласно этой декларации «Палестина будет отечеством нации, а не национальным отечеством для евреев», По мнению Черчиля, это составляет большую разницу и доказывает, что англичане вовсе не думают устанавливать господство еврейской нации над арабами. Однако, вместо этой проблематической «разницы», гораздо большее значение имеют для арабов те постановления, которые были вынесены на Каирской конференции, где Черчиль обсуждал организацию ближневосточных владений Англии, вместе с верховными комиссарами Палестины, Месопотамии и Египта.

Управление Палестиной решено было передать особой комиссии, которая составлялась из двух евреев, двух мусульман и англичанина председателя. Здесь заключались несомненные уступки, сделанные евреям. Однако, наряду с этим Зайорданье было превращено в особое владение, переданное фавориту Черчиля Абдулле—брату Эмира Файсала. Абдулла, чрезвычайно озлобленный против французов за изгнание его брата и за раздробление Сирии на ряд автономных государств, взял взамен обязательство—об'единить враждующие арабские племена, кочующие за Иорданом. Здесь англичане делали определенную ставку на арабов, при этом используя их определенно против французов.

Эта политика компромиссов, одновременной игры, на чет и нечет, усвоенная англичанами в Палестине, конечно, в сильнейшей степени обострила арабско-еврейские национальные трения.

Если бы евреи не были сбиты с толку сионистами, то они, конечно давно бы разгадали смысл того эксперимента, который проделывает над ними Англия в Палестине.

За полгода через Константинополь было пропущено англичанами всего от 4—5000 чел. евреев-эмигрантов. Общее число их в Палестине достигло

едва 100,000 чел., между тем, как сотни тысяч евреев, переживая всевозможнейшие лишения, ожидают своей очереди для отправки в «обетованную страну».

Заселение Палестины оказалось настолько эфемерным предприятием, что многие видные еврейские общественные деятели начинают протестовать против политики сионитсов. Так д-р Моргентау, бывший американский посол в Турции, указывает, что из 13 милл. общего количества евреев на земном шаре, сионисты предполагают переселить в Палестину 5 милл., между тем, как она может принять и прокормить не более 1 миллиона поселенцев. Далее, Палестина является святой землей не только для евреев, но и для мусульман, и для христиан, и т.. д., и т. д.

Сионисты, впрочем, и не думают отступать от своих планов. Последний конгресс их, правда, прошел при весьма траурном настроении; однако, лидеры их постарались замазать все трещины и добиться резолюции, выражающей полное доверие Великобритании в деле осуществления Бальфуровской декларации.

Что касается до деятельности их в самой Палестине, то, как это всегда бывает с мелкобуржуазными партиями, они тотчас же разбились там на чуть ли не 10 или 12 враждующих фракций, обладающих каждая своим органом, клубом и прочими аттрибутами.

Устройство евреев-эмигрантов, так же как и при турках, покоилось на чисто капиталистических основах. Вот, что пишет, например, видный деятель по еврейской колонизации д-р Руппин, книгу которого я неоднократно цитировал в предыдущих главах: «В качестве наемных рабочих в садовладельческих колониях работают, как арабы, из соседних арабских деревень, так и евреи. Еврейские наемные рабочие это—либо молодые люди из Восточной Европы, которые взялись за это дело из любви к Палестине и к земледельческому труду, несмотря на то, что материально они обыкновенно хуже поставлены, чем это могло бы быть, если бы они взялись за другие профессии в Восточной Европе; или же это горские и иеменские евреи, которые переселялись за последние 10—20 лет в Палестину и привыкли у себя на родине к крайне скудному существованию. Наемная плата их колеблется от 1,25 до 2 франков в день». («Совр. Сирия и Палестина», стр. 79).

Евреи-пролетарии, сбитые с толку пропагандой сионистов, по прибытии в Палестину становятся обыкновенно батраками или наемными рабочими на предприятиях у своих более состоятельных единоверцев. Положение их часто бывает буквально отчаянным и недаром видная сионистка, побывав в Палестине, опубликовала в американских газетах ряд корреспонденций, в которых она заявляет, что продолжать дальнейшую эмиграцию евреев в Палестину преступление.

Недавно газеты сообщили, что после длительных переговоров между партией Поалей-Цион, Генер. Евр. Рабоч. Организацией и сионистской организацией—они пришли к соглашению относительно необходимости учрежде-

ния Рабочего банка в Палестине, который явился бы главным органом кредита для еврейских рабочих организаций. Однако, детали этого соглашения ярко показывают нам истинный характер той помощи, которую сионисты оказывают еврейскому пролетариату.

Рабочая организация, оказывается, не имеет достаточных средств, и вот сионисты ссужают ей 40,000 фунт. стерлингов, но на Шейлоковских условиях: взамен они получают право назначить директора банка, а также приобретают право вето в вопросах распоряжения фондами («Morning Post»— от 17/I).

Сионисты, впрочем, совершенно спокойно проходят мимо этих вопиющих фактов: ведь они преследуют гораздо более эффектные, можно сказать, грандиозные задачи. Их ближайшей целью является ни более ни менее как «воссоздание» Палестины, экономическое «возрождение» этой запущенной и разоренной страны. Откидывая всю шовинистическую шумиху и присматриваясь к реальным шагам, которые предпринимают сионисты, в особенности заграницей, мы легко убеждаемся, что «восстановление» Палестины мыслится ими, как обычная крупно-капиталистическая эксплоатация ее. С этой целью в Европе и в Америке организуются специальные акционерные общества, носящие сионистические имена, но по существу, преследующие чисто коммерческие цели. В Соединенных Штатах, например, уже учреждено общество «Палестина» с основным капиталом в 5 милл. долларов, возглавляемое известным еврейским общественным деятелем д-ром Самсоном Вендерлей. Общество намерено основать банк для кредита местным торговцам, а также забрать в свои руки весь ввоз товаров, «чтобы воспрепятствовать вмешательству чуждых Палестине лиц!». Кроме того, общество предполагает устроить ряд технических, сельско-хозяйственных мастерских, магазинов и складов. Оно уже заручилось предусмотрительно поддержкой верховного комиссара и имеет заграницей несколько справочных бюро для всех желающих вложить свои капиталы в Палестину. За свою патриотическую работу общество решило ограничиться лишь 6% на вложенный капитал.

Итак, мы видим, что вся эта культурно-экономическая работа сионистов представляет обычную капиталистическую эксплоатацию страны, проделываемую вдобавок в интересах крупных финансовых групп.

Немудрено, что даже местные палестинские евреи становятся во враждебные отношения к благодетельствующим их сионистам, как это, например, имело место в Яффе.

Что касается арабов, то, нервируемые двойственной политикой Англии и отчасти провоцируемые сионистами — они занимают все более и более агрессивное положение по отношению к евреям. Вдобавок присоединяется еще новый фактор, обостряющий уже и без того натянутые национальные отношения это—антиеврейская агитация французских эмиссаров. Из «Белой книги», содержащей оффициальный отчет следственной комиссии о погроме, учиненном 1 мая 1921 г., видно, что арабская интеллигенция находилась под

влиянием французских агитаторов, которые подсказывали им «агрессивную политику против Англии за Францию», обещая, что Палестина останется не за евреями, а за арабами. Для своей агитации французы прибегают к излюбленному методу всех европейских империалистов, они утверждают, что большинство переселявшихся из России и Германии евреев — проникнуто большевистскими идеями и представляют себе, что царство Божие на земле непременно должно вылиться в форме советов (статья Dumont Wilden в Revue Bleu. janv., 1921).

Англичане, конечно, на лету ловят этот намек, и указанная «Белая книга« сетует, что «новые евреи» привезли в Палестину большевистскую литературу, а также все пролести забастовок, демонстраций и т. п.; а так как арабы узнали, что большевики против собственности, семьи и религии, то это и раздуло погромное пламя.

После первого апрельского погрома, можно сказать, что столкновение между арабами и евреями не прекращались. Феллахины грабят еврейских колонистов, кочевые арабы совершают на них налеты из Заиорданья.

Необычайно сгустившиеся национальные и политические страсти опять разрешились взрывом. 1 мая во время рабочей демонстрации в Яффе, было произведено нападение на участников последней очевидно со стороны желтой организации еврейских рабочих, руководимых сионистами клерикалами. Арабы, конечно, не упустили случая, и вот начался форменный погром. Отряды туземной полиции, посланные на борьбу с погромщиками, на самом деле присоединились к ним, английские же войска, очевидно, действовали очень вяло, даже по признанию британской администрации. В результате был разгромлен ряд лавок, 25 чел убито и 219 ранено.

Непосредственно после этого погрома, в Лондон отправляется специальная арабская делегация, под председательством Муза Казима-Паши, состоящая из 4 мусульман и 2 христиан. Принятая Черчилем, делегация пред'явила следующие требование: 1) в Палестине должно быть образовано национальное правительство, ответственное перед парламентом, который должен быть избран всем населением, проживающим в Палестине до войны; 2) принцип национального отечества для евреев должен быть отброшен, также должен быть прекращен прием на правительственную службу евреев в количестве, непропорциональном их численности в стране; необходимо отменить передачу управления страной в руки двух сионистов и издание законов, благоприятствующих евреям в ущерб другим национальностям; 3) еврейская эмиграция в Палестину должна быть остановлена, до создания национального правительства и 4) все законы, изданные с момента английской оккупации должны быть отменены, а новые законы не издаваться до образования национального правительства.

Черчиль, конечно, любезно обещал делегации сделать все, что в его силах, для удовлетворения их требований, которые, как мы видим, направлены уже не только против евреев, но и вообще против английской оккупации.

Пока делегация находилась в Лондоне, в арабской прессе появлялись угрозы и предупреждения, что если делегация вернется ни с чем, то надо ждать новых беспорядков и погромов. Арабские публицисты оказались хорошими пророками. Накануне годовщины бальфуровской декларации, 2 ноября по всему Египту и Палестине были распространены листки, призывающие арабов ко всеобщей забастовке протеста и об'являющие 2 ноября днем всеарабского траура. На самом деле, в день годовщины декларации в Иерусалиме разразился форменный погром. Арабы-демонстранты, вооруженные палками, ножами и даже бомбами, атаковали еврейский квартал, в результате чего оказалось 6 чел. убитых и 32 раненых. Даже «без лести преданные Англии» сионисты потребовали отставки пресловутого ген. Сторрса, не принявшего своевременно мер для предотвращения погрома. По своей политической близорукости, в поисках за персональными виновниками, сионисты, однако, опять просмотрели главную и единственную причину всех палестинских погромов, как прошлых, так несомненно и будущих. Великобритания не может не приносить евреев в жертву арабам, так как иначе она их рискует окончательно оттолкнуть от себя. Создавая широкий пояс арабских вассальных государств, Англия не может не разорвать его, хотя бы в одном месте, так как иначе этот пояс может оказаться слишком тугим, охватывающим слишком тесно ее вторую колониальную жемчужину—Египет. Единственным способом разрыва этого сплошного пояса и было образование смешанного палестинского государства, в котором евреи уравновешивали бы арабов, а Англия играла бы роль нейтрального и спасительного судьи—посредника. Сионисты должны были давно понять, что они являются для Англии не самоцелью, а лишь политическим материалом для всевозможных комбинаций на Ближнем Востоке. Мы уже видели, что арабское население Палестины уже сумело это понять, и протестует теперь не только против «еврейско-сионистского отечества», — но вообще против режима английской оккупации.

Балансируя между устройством погромов и назначением верховным комиссаром еврея Самюэля, между дарованием конституции сионистам и фактическим запрещением им селиться в Палестине—Англия ведет чрезвычайно своеобразную и тонкую политику.

И быть может самое веское слово было сказано иерусалимским губернатором Сторрсом, который заявил, что в Палестине «британская власть желает управлять»...

В. Кряжин.

Новый передел Африки после Версальского мира.

Русская литература по колониальным вопросам чрезвычайно мало, вернее ничего, не сообщала до сих пор о том, какие международные отношения сложились на черном континенте в результате мировой войны и последовавшего за ней Версальского мира,—ничего, кроме всем известного общего факта «ограбления грабителей», т.-е., раздела насильно отторгнутых от Германии африканских колоний между союзниками. И это естественно: мы все слишком были заняты последние послевоенные, революционные годы внутренними, европейскими и азиатскими вопросами, чтобы могли еще уделять должное внимание также и более отдаленным, как географически, так и политически, но весьма важным с общей точки зрения (научной и политической) колониям Африки.

Для того, чтобы, хотя в некоторой степени, восполнить пробел в нашем знании современного положения на черном материке, мы даем на страницах нашего журнала краткий отчет о том, каково в количественном и качественном отношении доставшееся союзникам немецкое «наследство», его значение для последних, и какие создались, в силу состоявшегося нового передела Африки, новые противоречия между вчерашними союзниками и сегодняшними открытыми соперниками не только на азиатской, но и на африканской почве. (Вспомните Танжер!).

Не претендуя на самостоятельность исследования вообще мало исследованного вопроса, как вопрос о проникновении и эксплоатации Африки западным капиталом, мы пользуемся для указанной цели небольшой, но весьма богатой матерьялом, книжкой одного немецкого автора, *д-ра Обста,* выпустившего ее в прошлом году,—работой об экспроприации германских владений в Африке *); пользуясь широко его данными и некоторыми выводами, ограничиваем свою задачу исключительно политико-географической и экономической стороной вопроса и целиком опускаем всю историческую часть его работы, являющейся больше компиляцией.

Начнем с установления самого факта «экспроприации экспроприаторов» и определения ее размеров.

---

*) Dr Erich Obst, Die Verwichfung des Kolonialreichs in Afrika, Berlin 1921.

Уже в самом начале войны, в августе 1914 г., западно-африканская колония Германии стала добычей Англии и Франции, а Камерун был завоеван ими же в феврале 1916 г. Что касается восточно-африканской колонии Германии, то она была завоевана соединенными силами буров, англичан, бельгийцев, португальцев и цветных войск после отчаянного сопротивления немецкого генерала Летова-Форбека.

Военная победа на африканской и азиатской территориях над немцами была закреплена в статье 119 Версальского мирного договора, гласящей: «Германия отказывается от всех своих прав и преимуществ на все свои заморские владения в пользу главных союзных держав согласия».

Протяжение этих «заморских владений» Германии в Африке равнялось в общей сложности 2,707,300 кв. километров с населением в 11,527,300 жителей-туземцев. Эти 11½ слишком миллионов «наемных рабов» вдруг очутились перед фактом перехода их со всей своей землей и ее богатствами к новым «хозяевам», разделившим между собою эту богатую добычу следующим образом:

Великобритания получила 2,158,200 кв. км. и 6,633,000 жителей; Франция—495,000 кв. км. и 2,233,000 жителей; Бельгия 54,100 кв. км. и 2,661,000 жителей.

Выраженные в процентах, эти цифры дают следующее: Великобритании досталось 79,7% всей площади б. африканских колоний Германии и 58,4% туземного населения; Франция получила 18,3% площади и 19,4% населения, а Бельгия только 2% площади с 22% населения немецкой колониальной Африки. Страна, которая сравнительно недавно еще считалась «ничьей», разделена в настоящее время между государствами антанты следующим образом:

1. Великобритании принадлежит вместе с прежними ее владениями:	11,200,000 кв. км.	и	62,119,000 душ.
2. Франции.	11,150,000 « «	«	32,901,000 «
3. Бельгии	2,419,100 « «	«	20,000,000 «
4. Португалии.	2,057,000 « «	«	7,788,000 «
5. Италии.	1,633,650 « «	«	1,550,000 «
5. Испании..	320,073 « «	«	1,156,000 «
Вся колониальн. Африка	28,780,083 « «	«	125,464,000 «

Особо стоят два независимых государства Африки:

7. Абиссиния с ее	1,120,400 « «	«	10,000,000 «
8. Либерия. . « «	95,400 « «	«	1,500,000 «
Вся Африка	29,995,883 « «		136,964,000 «

В процентном отношении вся колониальная Африка разделена в настоящее время следующим образом: колонии Великобритании занимают 39,0% всей площади колонизованной Африки и 39,5% всего ее народонаселения; африканские же колонии Франции составляют 38,9% площади и 26,2% населения

Таким образом двум только западным державам (Англии и Франции) принадлежит 77,9% пространства и 75,7% населения колониальной Африки или 74,5% пространства и 69,4% населения *всей* Африки (т. е. и колониальной, и свободно-туземной).

Не нужно при этом забывать того важного обстоятельства, что у каждой из этих огромных колониальных империй на африканской почве по соседству находится либо непосредственно независимое, вассальное европейское государство, либо весьма дружественная, находящаяся в орбите ее империалистического движения малая нация. Так, на буксире великодержавного корабля Англии находится впавшая, особенно за время войны, в вассальную зависимость от последней Португалия, а Бельгия настолько тесно связана с Францией в военном, политическом и хозяйственном отношении, что общность их международной политики не может не отразиться и на их отношениях во французской Африке и Бельгийском Конго. И если мы, таким образом, присоединим колонии означенных двух малых государств к колониям двух великих держав, то получится следующее: англо-португальскому блоку принадлежит 44,2% территории и 51% населения, франко-бельгийскому же блоку 45,3% территории и 38,6% населения. Стало-быть 89,5% всей территории и 89,6% всего населения Африки, т. е., почти весь огромный континент поделен между двумя империалистическими хищниками Европы,— Великобританией и Францией.

Отношение колонизованной к неколонизованной Африке выражалось в 1876 г. в 10,8%, в 1896 г.—64,4%, в 1900 г.—в 90,4% и возросло в последнее время до 96%! И еще одно. Колонизаторские государства совершенно изменили в течени 19 века свой характер: будучи вначале разбросаны по отдельным пунктам и по мелким производствам, они теперь захватывают огромные и сплошные пространства, причем крупные государства вытесняют слабые и концентрируют в своих руках колониальные средства производства.

Это будет видно из следующей дополнительной таблицы движения колониальных земель из рук в руки за период 1876—1902 г.г.

	в 1876,	в 1902,	Увелич. (+)	Уменш.(—).
Португалии принадлежало	56,0%	7,7%	——	48,3%
Великобритании	21,8%	34,1%	+ 12,3%	——
Франции.	21,7%	38,0%	+ 17,7%	——
Испании.	0,5%	0,7%	+ 0,2%	——
Бельгийскому Конго. . . .	——	9,9%	+ 9,9%	——
Италии	——	1,7%	+ 1,7%	——
Германской империи. . . .	——	8,8%	+ 8,8%	——

Из этой таблицы видно резкое падение Португалии, как колонизаторского государства, наследниками которого явились Англия и Франция, особенно первая, если принять во внимание не количество, а качество перешедших к последней португальских территорий. За это 25-летие выступили также на арене грабежа Африки два новых государства:—Бельгия с ее 10%-ным участием в нем и Германия с почти такой-же долей.

Но в 1914—16 г.г. юные колонии разгромленной Германии также перешли главным образом к Англии и Франции, ныне безраздельно господствующим над черным континентом.

Из статистических данных о новом разделе Африки мы уже видели, что что львиная доля при этой «дележке» досталась, как, впрочем, всегда, Великобритании. Но этим еще далеко не ограничивается ее выигрыш в Африке при заключении Версальского мира. «В этих цифрах, говорит д-р Обст, разумеется заключено гораздо больше, чем простая ценность площади и населения» (стр. 4). Гораздо важнее *значение* доставшихся «кусков» Африки, и для определения этого значения переходим к дальнейшим пунктам нашей темы, к установлению политико-географической, военно-стратегической и, наконец, экономической ценности колоний двух враждующих империалистических групп держав Европы в Африке и к вытекающим отсюда противоречиям интересов их обоих.

II.

При первом же взгляде на новую карту Африки (См. прилож. карту) бросается в глаза следующее обстоятельство: в то время, как британские владения представляют собою замкнутое, тесно-спаянное между собою целое, африканские колонии Франции, благодаря экономически совершенно бесценной пустыне Сахары, расколоты на две совершенно не соединенные между собою части,—на средиземно-морскую и на тропическую, на северо-африканские колонии Франции (Тунис, Алжир и Марокко) и на южно-и-центрально-африканские колонии (французский Судан и французское Конго). Вместо колоний французы получили песок Сахары. Чтобы органически спаять эти две части африканского колониального царства Франции необходимо построить железную дорогу вдоль всей Сахары. Подобный грандиозный проэкт постройки транс-сахарского пути существует, но помимо его проблематичности и трудности, он потребует столь колоссальных денежных затрат, что вряд-ли это будет возможно при нынешнем расстроенном финансовом и хозяйственном положении метрополии.

В довершение к сказанному выше, на несовершенном теле французской Африки везде торчат, как ядовитые стрелы, чужие территории, на севере—англо-испанские и итальянские, на юге англо-португальские и т. д. Так, например, истоки реки Нигера, этого важного Суданского водного пути, находятся в Британской Нигерии, и французам приходится как бы притачивать к Верхнему и Среднему Нигеру четыре больших железнодорожных ли-

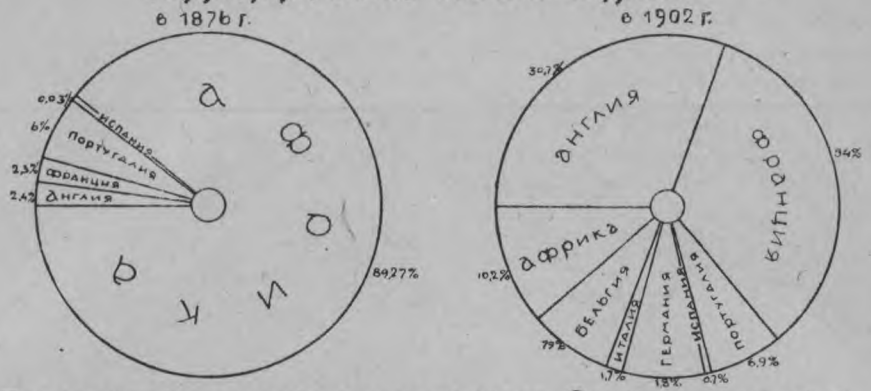
нии, чтобы соединить эту реку и этим сделать доступным самую область с запада и юга. Еще один пример: в случае обострений англо-французских отношений, англичане могут легко напасть на центрально-африканские колонии Франции через проходы англо-египетского Судана и со стороны принадлежащих им теперь бывших германских колоний Того и Камеруна. Нет сомнения, что со временем Англия постарается вытеснить Францию из занимаемой пока ею области Конго, дабы закруглить свои южно-африканские владения и изолировать Бельгию от ее прекрасной соседки Франции.

Иную картину представляет собою великобританская колониальная система в Африке. Благодаря захвату германо-африканских колоний Великобритания создала на материке Африки гигантскую замкнутую колониальную империю, простирающуюся от Анголы, через южную и восточную Африку, до устьев реки Нила. Только на восточном роговидном выступе материка процесс англиканизации Африки еще не закончился: Абиссиния, где итальянские колонии (Сомали и Эритрея) и французский Обок являются еще—надолго-ли!—незначительными «бородавками» на теле грандиозного и тесно спаянного британского империализма в Африке. Но это нисколько не мешает Англии осуществить давнишнюю свою мечту о создании прямой сухопутной дороги от Каира до Капштадта. Благодаря аннексии б. немецкой восточной Африки с одной стороны, и египетского Судана—с другой, и постройке важной железнодорожной ветки, соединяющей Нил (у слияния его с Атбарой) с Красным морем (у порта Суакина), *минуя, таким образом, Суэцкий канал,*—с третьей, это стало возможным. Эта возможность идет еще дальше, ведет к еще более грандиозному плану Англии, — *соединить одной сухопутной линией все три материка: Европу, Азию и Африку.* Это достижимо путем соединения Багдадской дороги с Каиро-Капштадтской с помощью уже построенной ветки от Каира через Эль-Кантару в Палестину и далее в Сирию.

Но вернемся снова в Африку. Итак, в случае нападения на Суэцкий канал линии соединения метрополии с Капской землей (а также, что тоже очень важно, с индийскими владениями Великобритании) через Египет все-же не будет угрожать смертельной опасности. Самостоятельный путь по знаменитой формуле: «Кап-Каир-Калькутта» стал теперь реальной возможностью только с вытеснением немцев из восточной Африки, которая (последняя), вклинившись здесь в британские восточно-африканские владения, мешала англичанам создать *запасную* (сухопутную) линию «Кап-Каира» с одной стороны и превратить Индийский океан в **mare britannicum**—с другой.

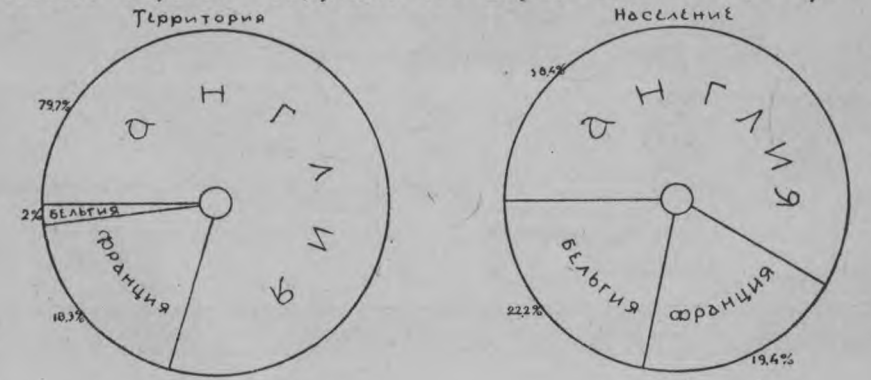
Восточно-африканские колонии имеют, конечно, и не малую экономическую ценность (немецкий вывоз из одной только своей б. восточно-африканской колонии равнялся до войны 81,727,546 м.), все - же главное их значение для британцев — в первую голову военно - политическое. Но наряду с этими колониями существуют в Африке другие колонии, которые имеют преимущественно *экономическое* и торговое значение.

Территориальное деление Африки



Политико-географическая структура Африки к началу мировой войны

Новый передел Африки по Версальскому договору



Нижняя таблица имеет в виду раздел немецкой Африки.

III.

Проникновение в Африку великобританского капитала происходит по вполне продуманному принципу и плану: «он (брит. капитал) старается накладывать свою тяжелую руку на все, что только представляет собою материальную ценность и прочую выгоду; он захватил важнейшие области хлопководства и скотоводства, богатейшие золотоносные рудники и алмазные копи черного континента; он, далее, завладел древнейшими торговыми путями от Конго, через Таболу, в Богамойо Дар-эс-Салем и Занзибар (стр. 13).

Несмотря на почти равную величину французских и английских колоний в Африке, торговый баланс Великобритании показывает здесь сильный актив, в то время как Франция показывает такой же пассив.

Из общего африканского *ввоза* на долю британских колоний приходится 58,6%, а на долю Франции—33,2%. Из общего африканского *вывоза* на долю Британии приходится 71% и только 23%—падает на Францию. Одни только Англия и Франция участвуют вместе в ввозе Африки 91,8%; вместе же с трабантными государствами—96,8%. Обе группы вместе участвуют в общем вывозе 98%, порознь: англо-португальская—74% и франко-бельгийская только 24,9%!.

Нижеследующая статистика торговых оборотов Африки хотя и относится к довоенному времени (1912—13 г.), но она, тем не менее, или вернее, именно поэтому может дать относительно верную картину господствующих и поныне торговых отношений между белой и черной расами двух континентов *).

Торговый баланс Африки за 1912—13 г.

	Ввоз.	Вывоз.	Общ. торг. оборот
1. Британская Африка . .	1.875.474.800	2.503.887.200	4.379.362.000 М.
2. Французская „ . .	1.061.808.500	809.665.800	1.871.474.300
3. Бельгийская „ . .	49.783.200	67.412.700	117.195.900
4. Португальская „ . .	110.887 900	106.581.700	217.469 600
5. Итальянская „ . .	21.431.700	3.098.000	24.529.700
6. Абиссиния	19.582.900	20.867.600	40.450.500
7. Испанская Африка . .	58.000.000	9.624.000	67.624.000
8. Либерия	3.788.700	5.616 200	9.404.900
Вся Африка . .	3.200.757.700	3.526.753.200	6.727.510.900 Мк.

*) Исключенная из этой таблицы торговля Германии размещена по двум странам таким образом: $^1/_2$ торговли Того и Камеруна перешла к Франции, $^1/_2$ тех же колоний—к Британии и вся торговля Юго-Зап. и Вост. Африки—тоже к Британии.

Если принять во внимание, что даже ввоз из других стран тоже английского происхождения, то не будет преувеличением сказать, что Африка является в наше время рынком сбыта преимущественно для английских произведений промышленности, кроме того, все колонии с наибольшей покупательной способностью, суть английские колонии.

Английскими же являются, par excellence, и колонии производящие. Британцам принадлежат богатейшие хлопкорастительные области Египта, береговой полосы вдоль всего Индийского океана, области овцеводства, золотые и алмазные копи Южной Африки, обширные пространства Зап. Африки, засеянные масличными и каучуковыми деревьями и проч. и проч.

Франция стоит далеко позади своей более расчетливой союзницы: Марокко, Тунис, Алжир ни в коем случае не могут сравниться с Египтом, а французский Судан и французское Конго далеко уступают Восточной и Южной Африке. Что-же касается проливов, этих главных ворот военно-торговых путей и сношений Европы с Африкой и Азией морским путем, то оба они, и Гибралтар и Суэц находятся в руках Англии (первый—через ее вассала Испанию). В карманы английских капиталистов текут все доходы от судоходства и прохода судов через канал; в их руках находится и контроль над морской торговлей и сношениями с черным материком.

Если мы обратимся к отдельным частям брит. империи в Африке, унаследованным последней от разгромленного германского кайзеризма, то мы на конкретных примерах убедимся в том колоссальном выигрыше, который достался англичанам от нового передела Африки. Таков, первым делом, ее выигрыш в Южной Африке: английская добыча (монополизированная) алмаза в последней, благодаря переходу к англичанам немецкой юго-зап. Африки, обогатилась по крайней мере на 54 миллиона марок—сумма «алмазного» немецкого вывоза из этой колонии до войны; добыча меди и свинца также увеличилась, благодаря аннексии залежей таковых в Виндуке и Отаве (ввоз меди из немецкой юго-зап. Африки равнялся до войны 6½ милл. марок). То-же относится к сельско-хозяйственной области Южной Африки, которая, благодаря присоединению к ней немецкой юго-западной Африки, превратится в недалеком будущем в новую огромную и богатую страну фермерского хозяйства.

Великобритания и здесь, в области торговли, добывающей промышленности и международной связи оказалась куда более дальновидной, чем ее соседка Франция, для которой раздел Африки по Версальскому договору играл более второстепенную роль сравнительно с делами и отношениями на европейском континенте,—прежде всего в Германии и России.

Чтобы, наконец, закончить картину европейского проникновения (penetration) своим капиталом и техникой в Африку и достижений англичан в этом деле,—достижений, которые и здесь показывают преимущественное положение британцев над французами, дадим еще суммарные сведения о железнодорожном и телеграфном строительстве отдельных держав на африканской территории.

Из железнодорожных и телеграфных линий Африки в настоящее время принадлежит:

	Жел. дор.	Телегр. л.	Вместе.
1. Великобритании	32,303 килм.,	67,851 клм.	жел. дор: 34,290 клм
Португалии	1,987 „	18,115 „	тел. л.: 80,966 „
2. Франции	10,751 „	57,835 „	жел. дор.: 12,768 „
Бельгии	2,017 „	2,339 „	тел. л.: 60,174 „
3. Абиссинии	672 „	1,700 „	
4. Италии	660 „	3,363 „	

Всего в Африке 48 390 км. ж. д. и 146,203 км. тел. линий

В процентах это значит, что 71% всей африканской железнодорожной сети находится в руках Британской Империи (66,9% чисто британск., и 4,1%—португ.), 22% принадлежит Франции (вместе с бельгийцами—26,6%); 43% телеграфных линий Африки принадлежит Великобритании, 12,4% Португалии, 39,6% Франции и 1,6% Бельгии *).

Большая часть территории и населения, огромная часть добычи ископаемых и сырья, торговли, производительных сил черного континента, монополия проливов, контроль над судоходством—разве это не основания для зависти, противоречий без конца между двумя империалистическими «планетарными системами» с их спутниками?! Разве дальнейшая «черезполосица», оставшаяся еще после уничтожения немецкой между остальными соперниками, не даст бесконечных поводов к новым и новым конфликтам?! Опыт империализма, да и самый дух его учит нас тому, что пока существует погоня за новыми рынками сбыта и жадность на новые земли и неутолимая потребность в сырье, до тех пор Англия будет стремиться к захвату *всей* Африки, а Франция будет, конечно, этому сопротивляться. Мирное же сожительство Англии и Франции на африканской земле—невозможно.

К. М. Т-ий.

*) Распределение жел. дорог и телеграфных линий б. немецк. Африки произведено между союзниками по той-же схеме, что и торговля Германии с Африкой (см. выше).

„Независимое“ королевство Египта.

I.

Пребывавший доселе в скромном сане египетского хедива, почти никому неизвестный Фуад I, о котором, кажется, позабыл даже и сам народ египетский, был 15 марта с. г. английскими властями провозглашен королем отныне «независимого», по терминологии британской дипломатии, Египта.

Еще не так давно между представителями Англии и Египта,—лордом Керзоном, с одной стороны, и Адли-пашей, с другой,—произошел полный разрыв из-за того, что первый отстаивал проект «имперского союза» колонии с метрополией, а второй—стоял на почве пресловутого Мильнеровского проекта. Ныне этот же самый проект лег, в сущности, в основу новой политики лондонского кабинета по отношению к Египту. Вчера еще лорд Алленби был диктатором и убийцей египетского народа, а сегодня он выступает в роли «почти национального героя» и «спасителя» Египта. Еще не успели изгладиться из памяти гордые слова английского премьер-министра, произнесенные им сравнительно недавно в своей Карнарвонской речи о том, что «никогда Великобритания не допустит, чтобы Ирландия имела свое войско и флот», как ему пришлось не только признать последние в Ирландии, но и самому образовать новое египетское «независимое» королевство. «Шарлатан» Черчилль (эпитет принадлежит «Манчестер Гардиан») с прочими сторонниками военной диктатуры уступил место «благоразумному» и более эластичному Ллойд-Джорджу, а Керзон — лорду Алленби.— Чем же об'ясняются эти странные и резкие зигзаги британской политики? Является ли, в действительности, уступки англичан существенными и серьезными или они представляют обой только маневр?

Как бы ни смотреть на сущность и происхождение этих уступок, пусть они носят формальный и иллюзорный характер, и пусть слово «независимый» приходится брать в ковычки, все же необходимо признать тот факт, что Египет вступил теперь в *новую фазу борьбы* за свое истинное освобождение. Этого факта нельзя будет не учесть египетским революционерам при построении своей дальнейшей программы и тактики, как по отношению к иностранной, так и своей отечественной буржуазии, несомненно получившей теперь сильное подкрепление в лице буржуазии метрополии.

Начнем с установления некоторых важных фактов, определяющих то, что, собственно, изменилось в положении Египта.

II.

По мнению Ллойд-Джорджа, высказанному им в своей речи в Палате общин по египетскому вопросу, Египет суверенным никогда, собственно, и раньше не был, находился в подчинении у Турции, и что во время войны, в 1914 г., сказал он, «мы только для того, чтобы положить конец турецкому владычеству в Египте, об'явили над последним свой протекторат». Тем не менее, когда война окончилась разгромом Турции, и со стороны последней Египту не угрожало опасности, английский протекторат продолжал висеть над несчастной страной, несмотря на торжественное обещание оккупантов снять его тотчас-же по окончании войны. Египетские же революционеры твердо запомнили это обещание и неоднократно напоминали о нем «забывчивым» англичанам.

Видя невозможность замалчивать дальше этот вопрос, англичане прибегли к излюбленному ими способу передачи дела в комиссии, ведению без конечных переговоров, фактически же к *саботажу* египетских требований. Вся эта канительная история с образованием комиссии лорда Мильнера, ведением переговоров сперва с Заглюлем, а затем и с Адли-пашей с одной стороны и с протестами, демонстрациями, подачей в отставку египетских кабинетов с другой,—привели, в конце концов, к полному переходу власти к англичанам, к *диктатуре* Алленби: три четверти года Египет оставался без всякого правительства, потому что ни одна политическая группа не хотела брать на себя ответственности за политику, вдохновителями которой были Керзон, Черчилль и проч. консерваторы Англии.

Но какие то факторы заставили с одной стороны диктатора Алленби отправиться в Лондон с предложением отмены протектората, а с другой—Лондон согласиться на его предложение.

Английская цензура слишком мало пропускала сведений о создавшемся за самое последнее время в Египте положении после отказа Адли Паши принять проект министерства иностранных дел (Керзона), но то немногое, что проникло через французскую прессу, свидетельствует о том, что несмотря на режим «твердой руки», на небывалый в Египте террор англичан или, вернее, благодаря ему, здесь создалось для последних невыносимое положение. «Аксион Франсез» опубликовал недавно письмо одного француза из Египта, в котором, между прочим было сказано: «Египтяне в начале не отвечали на жестокости англичан, но вскоре после этого (высылки Заглюля и проч.), началось каждодневное, непрекратившееся и до сих пор убийство из-за угла всех англичан, преимущественно английских солдат». Другая французская газета «Депеш Колониаль» пишет, что для того, чтобы такой «тонкий» дипломат, как лорд Аленби, пришел к такому заключению (об отмене протектората и об'явлении независимости Египта), *положение в Египте должно было действительно очень серьезное.*

И это вполне естественно: массовое движение, в виду чрезвычайной

трудности борьбы при условии применения английскими войсками «современной стратегии», (т. е. газовая аттака сверху всякого, даже незначительного, «скопища» народа на улицах) неизбежно должно было вылиться в единоличные партизанские выступления против отдельных представителей власти и армии. Террор сверху в подлинном и переносном смысле этого слова вызвал террор снизу. Как в осажденном лагере почувствовали себя вдруг в главных центрах Египта не только насилуемые туземцы, но и насилующие иностранцы. И если со всяким «скоплением народа» на улицах Каира, Александрии, Танты и др., можно было еще справиться с помощью «ракет», то как справиться с индивидуальными, все учащающимися случаями убийства из-за угла всякого штатского и военного англичанина?!

Почувствовав, что почва заколебалась под его ногами, диктатор Алленби вдруг заговорил языком «либерала»: нащупав почву в крайне правых элементах египетского общества, он поспешно отправился в Лондон с докладом и проектом соглашения с Египтом, сводившимся к формальной отмене протектората и проч.

Но это требование Сарвата—паши и этот проект Алленби не новы: их отстаивали и Заглюл, и Адли-паша, и лорд Мильнер. Почему же голосу лорда Алленби Лондон внял, а аналогичные требования других он отверг?

На этот вопрос нам может дать ответ беглый анализ внутреннего и внешнего положения Великобританской империи за последнее время.

III.

Внутреннее положение Великобритании сводится, в нескольких словах, к следующему: оно продолжает оставаться чрезвычайно напряженным не только в Египте, но и в близкой Ирландии, в далекой и необ'ятной Индии, не говоря уже об экономическом кризисе в самой метрополии, чреватом большими социальными и политическими осложнениями. Разрешит ли Генуэзская *) конференция все важные экономические вопросы или нет, но пока что хронические забастовки не прекращаются в стране, одна грандиознее другой. Коалиция консервативной партии с либеральной не распадается только потому, что за нею виден страшный призрак перехода государственной власти в руки рабочей партии; Ирландия, несмотря на то, что и она является ныне «свободным» государством, все же не унимается и не удовлетворяет республиканцев последнего, угрожающих разрушить весь план англичан, рассчитанный на ставку на монархистов Ирландии, на так. наз. «гриффитсов».

Мы подходим к самому больному месту британской империи, — к Индии.

Если Ирландия—самая близкая опасность, то Индия самая большая болячка на огромном, но нездоровом теле великой британской империи.

---

*) Статья была написана накануне Генуэзской конференции, которая оправдала впоследствии все пессимистические предсказания.

Для того, чтобы залечить эту самую опасную и самую большую рану на своем теле, т.-е. для спасения своего критического положения в будущей Индии, необходимо сконцентрировать все свои силы на первой и сдавать, по мере надобности и постепенно, позиции по защите империи, как ирландскую, так и египетскую. Положение Англии таково, что требуется от нее тактика маневрирования, тактика отступления на одном фронте и наступления на другом. Для того, чтобы иметь возможность наступать на англо-индийском фронте, на главном фронте всего британского могущества, необходимо отступать на фронтах ирландском и египетском, что мы и констатируем в последней тактике британского империализма на своем «зеленом» острове и на Востоке. Выиграв время, справившись с главной трудностью, этот эластичный, приспособлявшийся империализм снова займет старые позиции, снова перейдет в наступление. Между Ллойд-Джорджем и Черчиллем с Керзоном разница в несущественном,—в гибкости; в конечной цели либералы и консерваторы сходятся.

Вот тот угол зрения, под которым мы должны рассматривать всю политику видимых зигзагов и непоследовательности, отступлений в одном месте и наступлений в другом. Эта же тактика маневрирования определяет также и природу, размер и характер видимых компромиссов, соглашений и уступок. Но об этом после.

Еще один немаловажный фактор повлиял на последние события в Египте; это—соперничество французов на Ближнем Востоке, в особенности по вопросу о проливах.

IV.

Мы уже сказали, что характер и размер предлагаемых англичанами революционному Египту уступок определяется условиями египетской действительности т. е., происходящим в нем движением.

Нынешняя компромиссная политика англичан не достигла бы в долине Нила никаких реальных результатов (добьется ли она их в близком будущем—мы еще посмотрим), если бы она не встретила здесь удобной социальной обстановки в той классовой группировке, которая существует в недрах древнейшего египетского общества.

Социальные и политические отношения классов Египта таковы, что колониальная политика англичан могла найти здесь для себя опору в одной из борющихся внутри страны групп. Дело в том, что в египетском, как и во всяком другом национальном, движении нет еще того настоящего единства, о котором его идеологи мечтают—ни в целях, ни в средствах движения. В то время, как крайние элементы стремятся к полной независимости, умеренные не только не решаются на это требование, собственно говоря, противоречащее их классовым интересам, но они прямо-таки противодействуют ему, прямо или косвенно.

Что такое представляют собой умеренные элементы Египта, как социально-экономическая категория, и до каких пределов может простираться их любовь к национальной «ненависти», с одной стороны, и возможность пойти им навстречу со стороны английской буржуазии без нарушения существенных интересов последней в Египте—с другой?

Эта социальная группа представляет собой верхушку египетского общества, в руках которой сосредоточена значительная часть земли и проч. богатств долины Нила. Это, прежде всего, хедив нынешний «король», принцы, паши и проч. феодалы и выскочки из европейцев. Положение страны в *аграрном* отношении таково, что в то время, как 0,7% всех землевладельцев Египта, являющихся крупными помещиками с владениями *свыше 50 феддан*ов каждый, владеют 41,3% всей годной к культуре земли (ее всего 2,278,694 феддана, *)—64,3% всего количества землевладельцев обладает наделом *меньше одного феддана* на душу, а 27,5% из них—от одного до пяти федданов, стало быть 91,8% землевладельцев являются малоземельными и средними феллахами (то, что мы называем беднейшими и средними крестьянами); остальные же 7,5%—более зажиточными феллахами и кулаками с участками от 5 до 50 федданов земли. А сколько еще имеется совсем безземельных феллахов в этой классичской стране аренды! Прямых данных о количестве безземельных в Египте мы не могли найти, но по косвенным данным их должно быть вдвое больше малоземельных, имеющих меньше одного феддана.

Вот точная и наглядная таблица распределения земли между отдельными социальными группами населения с одной стороны и национальными элементами—с другой. Приводимая статистика тем более заслуживает доверия, что она исходит из вполне оффициальных источников, (из Statesmann's Year Book, 1921 г.), который вовсе не заинтересован сгущать краски во вред английских интересов.

Распределение земли.

Размер надела	Иностранцы		Туземцы		Общее колич. земли		Общее колич. землевладений	
	Площ. в фед.	Колич. землевлад.	Площ. в фед.	Колич. землевлад.	фед.	%	землевлад.	%
менее 1 фед.	1163	2038	489918	1158681	491081	8,9	1,160.719	64,3
от 1 до 5 „	4738	1801	1050837	494791	1055625	1.92	496,592	27,5
„ 5—10 „	5540	751	533542	77494	539082	9,88	78,245	4,3
„ 10—20 „	8672	605	512058	37323	520730	9,94	37,928	2,1
„ 20—30 „	8198	328	272260	11228	280458	5,1	11.556	0.6
„ 30 50 „	15812	398	329777	8529	345589	6,3	8,927	0.5
св. 50 „	583463	1488	1695231	11192	2278694	41,3	12,680	0,7
ВСЕГО...	627586	7409	4883673	1799238	5511259	100	1,806,647	100.0

*) Феддан=1,038 акра.

Если же мы будем исходить не из числа землевладельцев, а земледельцев Египта, то окажется, что из всех феллахов только 25,5% имеют наделы; остальные же 77,5%—совершенно безземельные батраки.

Что касается национального состава помещиков Египта, то туземных помещиков в 7—8 раз больше, чем иностранных. Социальные же интересы их одинаковы: сохранение аграрного статус кво в долине Нила, т. е обезземеленное и обнищавшее до последней степени крестьянство, земельный голод и вследствие этого рост аренды, концентрация земель в руках спекулянтов, увеличение армии безработных, понижение заработной платы в деревне и городе ниже жизненного минимума и т. д. и т. д.

Вот тот умеренный элемент египетских «националистов», который охотно соглашается на сотрудничество с английской буржуазией и является выразителем того феодально-помещичьего класса, материальное положение и интересы которого мы только что бегло, в общих чертах, нарисовали. Больше того, этот класс кровно заинтересован в том, чтобы в их стране существовала твердая, пусть она будет даже «чужая», власть, которая с'умеет лучше защитить его интересы, нежели он сам. Но в то же время египетская земельная аристократия чувствует себя настолько сильной, чтобы добиваться от английской буржуазии того, чтобы последняя поделилась с нею своей властью в их (египтян) стране, дабы вместе эксплоатировать ее и вместе управлять ею.

В великой тяжбе истинных националистов с чужеземным империализмом «третьим радующимся» оказался египетский высший буржуазный класс. И если лорду Мильнеру удалось найти такую социальную опору в стране древних фараонов теоретически, то «тонкому дипломату» удалось найти и практический путь осуществления, т.-е. и соответствующего человека и соответствующую «формулу» организации политической власти в стране. Этим человеком оказался член бывшего министерства Адли-паши,—Сарват-паша, и этой формулой—«независимое королевство Египта» и Фуад первый, этот модернизированный фараон, его «королем».

Вот материально-классовая подоплека очередной комедии, разыгранной, с одной стороны, коалиционным министерством Ллойд-Джорджа и убоявшейся революции, вполне классово-сознательной египетской буржуазией—с другой Эту систему насаждения «королевства» и искания опоры в господствующих классах своих колоний Англия начала применять еще раньше; пример:—бутафорское коронование на «престол» Месопотамии Файсаля, продолжение игры в «монархизм» в Ирландии. Сегодня Англия применила ее также и к Египту и, кто знает,—не применит ли она ее завтра и к своей главной колонии,—к Индии?!...

Нам думается, что мы имеем здесь дело с тщательно продуманной системой, а не импульсом, с целесознательной, закономерной тактикой, а не зигзагами. Эту систему фрондирующая французская пресса уже окрестила метким словом: «гриффизм» (по имени вождя ирландских монархистов,

Гриффитса). В переводе же на арабский язык ее можно было бы, по моему, назвать «сарватизмом». Вот и вся разница!

Но как эта система (система раскалывания единого национального фронта) ни к чему прочному не привела пока ни в Месопотамии, ни в Ирландии, то мы можем с большой дозой вероятия предсказать, что она и в Египте не приведет к желанной цели. Ни там, ни здесь подлинные националисты и не думают складывать оружия. Правда, обстановка борьбы, благодаря упомянутой тактике, осложняется и затрудняется. Зато она, с другой стороны, и углубляется: она самим ходом истории направляется в сторону классовой борьбы. Тактика буржуазии сама, совершенно механически, самопроизвольно (спонтанейно) превращает национальную борьбу в социальную. Туземная буржуазия сама показывает на деле свою неспособность бороться за национальное освобождение своей страны. Освобождения можно будет добиться только тогда, когда в национально угнетенных странах будут сметены имущие класса. Для революции станет теперь ясно, что не может быть национального освобождения вне социального.

Итак, на вопрос, *кому* сделаны уступки, мы можем теперь ответить: феодалам! Для национально-освободительного движения в Египте нынешний «суверенитет» Египта никаких уступок не содержит.

V.

В фиктивности уступок нас убедит также и знакомство с их содержанием.

Соглашение, о котором лорд Алленби официально сообщил султану, сводится к: а) уничтожению протектората, б) отмене военного положения, в) учреждению министерства иностранных дел и г) созыву Учредительного Собрания.

В своей речи в палате общин Ллойд-Джордж несколько дешифровал, что все это значит, при чем оказалось, что военное положение *будет* снято, как только *будет* проведен закон о гарантиях. По его мнению, которое, конечно, не мало изумило египетских революционеров, военное положение вовсе не применялось англичанами для того, чтобы навязать Египту британскую политику, а исключительно египетскими министрами для проведения некоторых мер, связанных с вопросами о налогах во время войны. Тем не менее англичане, будучи всегда очень «последовательными», согласны снять военное положение в Египте, если последним будет соблюден параграф, определяющий «особые» отношения между правительствами «Его Величества» и Египтом Следующие 4 п.п. предоставляются,—сказал он,—на абсолютное благоусмотрение правительства «Его Величества»: 1) обеспечение путей сообщения за британской Империей в Египте; 2) защита Египта от всякого иностранного вмешательства; 3) защита интересов иностранцев в Египте и защита национальных меньшинств и 4) Судан». Другими словами, все остает-

ся по-старому, ибо пока в Египте остается английское войско для охраны канала, путей сообщения, защиты интересов иностранцев и, особенно, против иностранного вмешательства, то *фактически* военное положение останется в силе и на довольно-таки неопределенное время.

Пункт о «постороннем вмешательстве» является довольно определенным экивоком в сторону французского империализма, мечтающего о превращении Медитераней (Средиземного моря) в mare gallicum, во французское море. К французским капиталистам, в последнее время, присоединился и бельгийский капитал, имеющий довольно крупные экономические интересы в Египте. Обращает на себя внимание то, что английский премьер чуть-ли не трижды и с особой нарочитостью подчеркивал места в своих двух речах, где он говорит о том, что «Великобритания ни одной чужой державе не позволит вмешаться в дела Египта»

Что касается «колонии колоний», т.-е. Судана, то, видите ли, «Правительство Его Величества никогда не позволит, чтобы тот прогресс, который здесь был достигнут, был бы теперь подвергнут опасности». За кого, вы думаете, беспокоятся здесь британцы:—за суданцев?—о, нет: за «многие миллионы британского капитала, вложенного в предприятия страны»!

Как известно, Судан командует над истоками и верховьями кормилицы—реки Нила; кто владеет Суданом, тот может в любой момент лишить 13-миллионное население Египта воды и вместе с ним всего растительного.

Но великодушный Ллойд-Джордж охотно признает за египтянами право требовать от Великобритании самых широких гарантий по вопросу о снабжении Египта водой. Разумеется, что это только одни пустые слова, ибо какие гарантии могут потребовать и получить египтяне от людей, в руках которых вся фактическая власть в худшей ее форме,—военной оккупации?!

И поэтому вполне права газета «Дёпеш Колониаль», писавшая, что декларация об отмене протектората является одним из тех внешних эффектов, на которые так падки англичане. Она находит, что независимость Египта носит фиктивный характер.

Экстремистский орган националистов, выходящий в Александрии, подтверждая, что Сарват-паша является единственной надеждой верховного комиссара Египта (Алленби) для разрешения министерского кризиса, об'ясняет это тесной связью, существующей между намерениями их обоих.

Ллойд-Джордж назвал Египет «страной-корридором, соединяющим Восток с Западом». Лорду Алленби удалось убедить Ллойд-Джорджа, что «обладание обоими берегами Суэцкого канала, воздушные базы в Гелиополисе и в Абукире в достаточной мере обеспечивают государственные пути сообщения Англии».

Более радикальный «Манчестер Гардиан» идет еще дальше в либерализме по отношению Египта и говорит: «что необходимо вовсе отказаться от содержания постоянного английского войска в Египте, опасного для свободы Египта» ведь мы имеем в Палестине базу, успокаивает эта газета ми-

литаристов, которая, благодаря железной дороге, построенной во время войны (из Каира через Кантару) может считаться очень удобной».

Но реальные политики с берегов Темзы решили, что «оба лучше»; и собственная охрана обоих берегов канала и база по южную сторону его при действенной поддержке воздушного флота, имеющего свою базу в Гелиополе и в Абукире. Для Англии, по мнению «Таймса», не может быть и разговора о том, чтобы «поступиться в Египте хоть чем бы то ни было в ущерб интересам империи». «Требования крайних элементов ни в коем случае не могут быть удовлетворены, — продолжает тот же официоз, — но возможно и необходимо удовлетворить те требования, которые дали бы возможность умеренным вождям Египта... приняться заново... за трудное дело управления и ведения переговоров, и ответственность за политическое развитие Египта будет теперь переложена с Великобритании на египетский народ».

В переводе на простой человеческий язык это значит, что в расправе с революцией отныне примут непосредственное участие также и умеренные вожди нового египетского королевства,—б. хедив, его министры и представленные ими феодалы Египта.

Одна французская газета метко назвала нововведенный режим в Египте «негласным протекторатом». Для спасения «страны-корридора» или, по еще более удачному выражению Бисмарка, «затылочного нерва», соединяющего позвонок с туловищем британского чудища, не приходится слишком настаивать на формальных мелочах, вроде гласной и ничем не прикрытой оккупации, на которой так настаивала военная клика Англии, состоящая из Черчиллей, Эвансов, Чемберленов и Керзонов. Более тонкие и эластичные Ллойд-Джорджи, Алленби и Мильнеры добились того же самого, но другими средствами...

Мы начали свою статью с того, что на первый взгляд нас могут поразить зигзаги английской политики по египетскому вопросу. При ближайшем рассмотрении оказалось, что эти зигзаги проникнуты внутренним единством. Их «лейтмотивом» является нежелание руководителей английской политики слишком связывать себе руки по второстепенным вопросам, когда дело идет о спасении главного, основного. «Владычица морей» с тревогой смотрит на Восток, где ее лучшая колония—Индия—делает огромные усилия, чтобы освободиться от постылой власти метрополии. Эту жертву британского империализма не хотят выпустить из своих цепких рук не только обезумевший консерватор Керзон, но и «демократ» Ллойд-Джордж и даже «радикальные» политики из «Манчестер Гардиан».

Когда тонет корабль, то с него сбрасывают все, что может облегчить ему борьбу с одолевающей стихией,—лишь бы спасти самый корабль. Точно таково положение большого корабля великобританского империализма, которого начинает одолевать буря революций внутри собственной империи. Его наиболее дальнозоркие кормчие, чтобы спасти самих себя и судно, спе-

шат сбрасывать одно за другим все менее ценное, без чего еще может обойтись этот «пловучий остров». Они бросают куски своей власти то Ирландии, то Египту, но упорно еще держатся за всю власть над Индией.

Англия заменила в своей египетской колонии одну форму протектората другой. Но на этой маленькой жертве египетская революция не остановится Она потребует всех прав свободного, независимого народа.

За этой жертвой последуют и другие, все большие и большие...

К. М. Трояновский.

Пути и перспективы Индийской революции.

(ОЧЕРК КЛАССОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ИНДИИ).

В центре обсуждения стояли вопросы тактики. Одни делегаты защищали мирную борьбу: митинги, приговоры, мирный бойкот властей, создание «революционного самоуправления», «мирную запашку помещичьих земель и **«мирный» отказ** платить подати и давать рекрут. Другие... призывали к **вооруженной борьбе,** к немедленной поддержке начавшегося восстания на местах. В конце-концов, было принято среднее решение... Постановив далее **прекратить употребление вина,** с'езд в конце принятой резолюции заявляет: «неудовлетворение народных требований (переход земли в собственность народа), неизбежно вызовет всеобщее народное восстание». (Л. Троцкий, «1905 год», стр. 184).

Главнейшие решения касались тактики. Одни указывали, что конгресс должен продолжать тактику **«мирного бойкота».** Другие предлагали применять все возможные и необходимые средства, включая и **гражданскую войну,** и указывали, что поскольку правительство ограничит себя в применении цепей и кандалов, постольку движение конгресса может оставаться мирным, как это было до сих пор. Но, если правительство пойдет дальше и будет применять каторгу и пулеметы, движение не сумеет остаться не насильственным. Конгресс решил продолжать тактику бойкота правительства, суда, школ, законодательства и бороться с алкоголизмом». («Индиан Ревью», Мадрас, январь 1922 г. ст. «Индийский национальный конгресс»).

Сопоставленные нами цитаты выражают настроения крестьянского с'езда в ноябре 1905 г. в Москве, и индийского национального конгресса в декабре 1921 г. в Ахмедабаде.

В этих настроениях много общего. Русское революционное крестьянство выдвигало идею *«мирного» захвата земли,* связанного с *фактическим бойкотом правительства.* Индийское национальное движение уже в течении нескольких лет проводит *«мирный» бойкот правительства,* суда, законодательных органов, а в последнее время и *неплатеж налогов.*

Русская революция не пошла по пути, намеченному крестьянским с'ездом, по пути «мирного» бойкота. В 1905 году она была подавлена и победила в феврале 1917 года, как насильственная революция буржуазии в союзе с рабочими и крестьянами против царизма, и в октябре, как революция рабочего класса в союзе с крестьянством—против буржуазии.

Индийский конгресс 1921 года остановился на решении следовать тактике «мирного» сопротивления. Может ли эта тактика привести к осво-

бождению Индии? Или индийская революция пойдет по пути, намеченному русской революцией?

Для того, чтобы определить возможна ли дальнейшая аналогия между революциями индийской и русской, необходимо выяснить их «содержание».

В 1905 году российская буржуазия была черезчур слаба и боялась взять власть в свои руки, а молодое политически рабочее движение, не имея еще опоры в массе населения страны, в крестьянстве, не могло заставить буржуазию поддержать начавшуюся против царизма революцию.

В 1917 году, окрепшая буржуазия под давлением широкого стихийного движения масс, восставших против царизма, вынуждена была взять власть, а через несколько месяцев, восстание рабочего класса, об'единившего в победоносных требованиях освобождения труда, передачи земли крестьянству и прекращения войны, самые широкие массы трудящихся— передало эту власть в руки рабочих и крестьян.

Революционное движение в Индии сложнее по своей структуре, чем русское, однако, основные элементы их совпадают.

Вплоть до самого последнего времени о революционном движении в Индии приходилось говорить прежде всего и почти исключительно, как о движении *колониальном,* т.-е., направленном к освобождению Индии от английского владычества. Это движение в своей организованной форме насчитывает уже около четырех лет.

Собственно говоря, первым актом борьбы за национальное освобождение Индии от английского владычества следует считать восстание 1857 года. Однако, о последовательном национальном движении в Индии можно говорить только с 80-х годов XIX столетия, когда был созван индийский национальный конгресс.

Первыми лидерами конгресса были *индусские* *) националисты, являвшиеся продуктом английского воспитания и культуры.

Современное образование, введенное в Индии в начале 50-х годов, создало класс интеллигентов, ставших пионерами политического национализма. Они всецело находились под влиянием британской культуры и воспитывались на английском либерализме.

Период, следовавший за восстанием в 1857 г., ознаменовался либеральной политикой со стороны британского правительства, искавшего себе опору в стране.

Эта опора была найдена в торговом классе, который был разорен нашествием англичан, но после крушения феодальных надежд в 1857 году стал ориентироваться на сотрудничество с пришельцами и быстро окреп экономически. С течением времени в разбогатевшем торговом классе появились сильные тенденции к промышленной деятельности. *В либеральной интеллигенции были найдены идеологические застрельщики интересов ту-*

---

*) „Индусских" „индус"—последователь религии индуизма, брамавизма, следует отличать от „индийских", „индиец"—житель Индии.

земной торговой буржуазии, стремившейся к экономической самостоятельности страны.

В Бенгалии, самой передовой провинции Индии, была создана в 1882 г. «Ассоциация индийской молодежи», в которую вошли наиболее либеральные представители интеллигенции. Через 3 года из этой ассоциации вырос Индийский Национальный Конгресс. Это произошло не без участия англичан, думавших легко справиться с оппозицией, если она будет локализована в легальном органе. И, действительно, в течение первых лет своей деятельности, *Конгресс* был не больше, как интеллигентской говорильней. Он отнюдь *не имел связи с массами.* Руководителями конгресса были или богатые персы-фабриканты (Динза Вах, Ферозшах Мета) или адвокаты (С. Н. Банерджи, Гокал, А. М. Боз).

Национальное брожение ввиде ли аграрных беспорядков или голодных бунтов конца XIX, начала XX столетия не находили себе выражения в конгрессе.

Наряду с этими стихийными массовыми выступлениями *радикальные стремления* наростали и в среде многочисленной *деклассированной интеллигенции,* не находившей применения своим знаниям. В начале это движение носило *культруртрегерский характер* и обнимало только индусов. Однако, под влиянием жестокой политики правительства, подавлявшей всякие попытки национального строительства, под влиянием безвыходного положения пролетаризированной интеллигенции, благодаря перепроизводству культурных сил, агрессивно настроенная молодежь стала об'единяться в *тайные революционные общества,* избравшие путь террористической борьбы с правительством. Влияние этих групп сказалось и на конгрессе, в котором в 1905—6 г. образовалась *экстремистская партия,* поставившая вопрос о достижении Индией Свараджа (самоуправления) легальным путем. Последующие годы до войны прошли в борьбе между крайними и умеренными за влияние в конгрессе. Эта борьба не принесла фактических успехов делу освобождения Индии, но тем не менее, сыграла большую роль в истории национального движения. Конгресс из никчемной трибуны красноречивых адвокатов и фабрики всеподданнейших петиций превратился вв оживленную арену борьбы за национальное освобождение Индии. Конгресс создал не малое количество политических деятелей, подготовленных для государственного строительства и, вместе с тем, в процессе своих бесплодных попыток получить Сварадж готовым из рук правительства, разоблачил перед искренними националистами эфемерность надежд умеренной части общества на достижение Свараджа путем петиций и декламаций.

Правительство учитывало политическо-воспитательную роль конгресса и всячески стремилось его изолировать. Воспользовавшись своим излюбленным приемом «divide et impera» оно старалось создать в мусульманских кругах оппозицию конгрессу и преуспело в этом. *Мусульманское общество,* более *консервативно настроенное* и относившееся враждебно ко всему индус-

скому, не принимало никакого участия в создании и в работе первых лет Конгресса, за исключением единичных случаев. Больше того, с благословения правительства, в 1908 году *видными реакционерами помещиками* была создана мусульманская лига, задачей которой являлось доказать *«лояльность» мусульман* в противовес *бунтовщическим настроениям индусов.*

Однако, здесь повторилась история конгресса. Так же, как и Конгресс, который в процессе своей деятельности вышел из под влияния правительства, так и «Мусульманская Лига» стала проникаться более радикальными настроениями, главным образом, благодаря *панисламистским идеям,* подогретым триполитанской и балканской войнами. В результате «Мусульманская Лига» стала склоняться в сторону сближения с экстремистскими кругами Конгресса, а в дальнейшем *мусульманское общество* оказалось *настроенным более агрессивно,* чем индусское.

Но повторяем, *национально-революционное движение* этого периода захватывало только *верхние слои общества—буржуазию,* которая стремилась к экономической самостоятельности, но была еще слаба и экономически и политически для руководства активно-национальной борьбы, и *интеллигенцию,* которая в условиях английского режима не могла применить свои силы и *будучи оторванной от масс, благодаря своей культурной англизации, ударилась в сектанскую террористическую деятельность.* Подавленные в 1911 году тайные революционные организации вновь расцвели с началом войны. Все это движение было построено на *порочном принципе помощи извне и не имело* достаточных *корней в стране.*

Со времени войны национально-освободительное движение Индии вступило на новый путь в соответствии с изменившимися экономическими условиями.

Война создала для туземной буржуазии те возможности, которых индийские капиталисты не могли добиться путем конкуренции с английским капиталом.

Капитал метрополии, ставивший всякие препятствия на пути развития туземной промышленности, должен был с об'явлением войны сдать часть своих позиций. *Метрополия,* занятая войной, не могла удовлетворять потребностей Индии в фабрикатах, а наоборот, *вынуждена была отчасти прибегнуть к ее производительным силам.*

Индийскому капиталу открылось широкое поле для промышленной деятельности, и индустриализация страны пошла бешеным темпом.

Машинное производство в Индии существует с 1880 года, а первые железные дороги были выстроены еще в 1853 г. Но лишь со второго десятилетия XX столетия намечается некоторое развитие индийской промышленности, быстро возросшее с началом войны.

Война способствовала расцвету особенно текстильной промышленности, а также горной, металлургической, бумажной, силикатной, спичечной и строительной.

Следующая таблица *) показывает рост продукций главных отраслей индийской промышленности с начала войны.

	1914.	1917.	1920.
Джутовая промышленность	100%	311%	563%
Хлопковая »	»	132%	388%
Шерстяная »	»	106%	187%
Угольная »	»	136%	149%
Металлургическая »	»	232%	297%
Мукомольная »	»	137%	406%

Капитал всех акционерных компаний, существовавших в 1910 году составлял 72.000.000 фун. стерлингов, в 1913—1914 г.г.—135.000,000 ф. ст.; капитал акционерных компаний, образовавшихся в 1920 году, равнялся 275.000,000 фун. стерл.

Индия все больше и больше удовлетворяет свою потребность в фабрикатах. Прежде всего, это сказывается в области текстильной. В 1914 году местная продукция текстильной промышленности составляла 42% импорта текстильных товаров, а в 1917 году—62%. Ввоз хлопчато-бумажных фабрикатов уменьшился в 1920 г. по сравнению с 1914 г. на 60% в отношении ткани и на 36% в отношении пряжи.

До войны все железнодорожные материалы привозились из-за границы. В последние годы часть потребностей удовлетворяется местным производством. Туземной фирме «Железоделательный и сталелитейный К° Тата» был сдан правительственный заказ на изготовление 20,000 тонн рельс ежегодно в течение 10 лет. 2 марта с. г. в законодательном собрании было внесено предложение об израсходовании в Индии 900.000,000 рупий из 1.500.000,000, ассигнованных на закупку железнодорожного материала. Уменьшается также и вывоз сырья. В 1919—1920 г.г. было вывезено на 23% меньше сырьевого джута, чем в 1913—14 г.г. Экспорт хлопка-сырца упал в 1920 г. на 19% по сравнению с 1919 годом. В 1917 г. добыча угля увеличилась на 2.000,000 тонн по сравнению с 1913 г. Индийская промышленность потребляет 9.000.000 тонн угля, т. е. почти столько же, сколько японская промышленность.

Внешняя торговля Индии развивается в соответствии с ростом промышленности.

В 1916 г. правительство для увеличения своих доходов вынуждено было наложить 3½%-ную пошлину на все товары, ввозимые в Индию. Это явилось протекционным мероприятием по отношению к индийской промышленности.

«Общий оборот внешней торговли Индии в 1920 г. достиг суммы 600.000.000 фунт. стер. по сравнению с 100.000.000 фунт. ст. в 1900 г. Уве-

*) Все цифры взяты из отчетов индийского департамента статистики.

личился, главным образом, импорт машин, пишет в своем отчете в 1921 г. «Генеральный директор коммерческой информации».

В последние годы индийские коммерсанты принимают все более значительное участие в международной торговле. Они стали серьезными конкурентами на рынках Голландской Индии, Малайского полуострова, Восточной Африки, Афганистана и до известной степени, Китая. Индия снабжает эти рынки, главным образом, хлопчатобумажными фабрикатами.

Правительственный член Законодательного Собрания, Иннес, заявил на одном из заседаний Зимней Сессии в 1912 г.; «Мы надеемся скоро об'явить Индию одной из восьми величайших промышленных стран мира».

Таким образом, индийская буржуазия вполне окрепла и определилась, как класс. И ее *первым классовым требованием было право на монопольную эксплоатацию туземных богатств и труда.* А это право ей приходилось еще в большой мере *делить с британскими капиталистами.* Две важнейших отрасли промышленности—железные дороги и горное дело, все еще не доступны туземному капиталу. И, хотя 82% промышленного капитала Индии принадлежит туземцам, все таки зависимость индийского хозяйства от английского еще очень велика.

8.

Вполне естественно, что туземная буржуазия стремится освободиться от опеки британского капитала и поэтому заинтересована в общенациональной борьбе за освобождение Индии от английского господства. Здесь сказывается отличительная черта буржуазии *колониальных стран,* которая в период промышленного переворота под давлением чужеземного политического гнета, являющегося первым препятствием на пути ее экономического развития, *с большей готовностью* идет на блок с трудящимися массами своей страны, чем буржуазия стран метрополии.

Поскольку национально-освободительные настроения индийской буржуазии находили себе отражения в конгрессе, постольку весьма знаменательным является факт об'единения мусульман и индусов (точнее их руководящих кругов) под эгидой конгресса. Мусульманская и индийская буржуазия идут наравне в развивающейся экономике Индии. И достигнув той ступени капитализма, на которой отношения между различными группами общества определяются не национальной рознью, а коммерческой конкуренцией, металлозаводчик Бомбея, купец Марвари, и потомок браминов Бенгала, занимающийся в Калькутте фабрикацией хлопчато-бумажных тканей, поняли, что у них больше интересов друг с другом, чем с англичанами, и что они прекрасно могут ужиться вместе, монопольно эксплоатируя природные богатства страны. Отсюда их об'единение для борьбы с чужеземным конкуррентом.

Такова подоплека состоявшегося в 1916 году, после одновременного с'езда конгресса и «Мусульманской Лиги», об'единения этих двух руководящих органов буржуазно-интеллигентского освободительного движения.

Но в этом случае совпадение движения конгресса с интересами буржуазии еще не так резко бросается в глаза, как в дальнейшей истории его деятельности, в период тактики бойкота.

С 1916 года движение конгресса вступило в новую полосу. В согласии с «Мусульманской Лигой» конгрессом было впервые формулировано требование самоуправления Индии, полной налоговой автономии и возмещения помощи во время войны. Конгресс встал на путь политической борьбы с британским правительством и взял на себя выражение воли индийского населения.

Однако, это оказалось очень трудным и сложным предприятием, сопряженным с неприятными последствиями для самих инициаторов.

Население Индии, широкие массы, представляли собой далеко не то безвольное стадо, стихийно бунтующее и легко укротимое, которое руководители национального движения думали использовать, не нарушая своих классовых интересов. В условиях быстро протекавшей промышленной революции, внутреннее классовое противоречие в первые же годы новой тактики конгресса, заставило часть туземной буржуазии пересмотреть свою роль в национально-освободительном движении.

Индустриализация страны, породившая *крепкую буржуазию*, создала вместе с тем и *многочисленный пролетариат*.

Уже в 1911 году число лиц, живущих наемным трудом, достигало 20 милл. человек.

В настоящее время в индийской промышленности занято (включая ремесленников), свыше 40 милл. человек, из которых около 9 милл. участвуют в городском фабричном производстве.

Конечно, как класс, индийский пролетариат еще очень слаб и на фоне 320-миллионного населения Индии еще не является первостепенным фактором социальной жизни. Индийский *пролетариат не имеет классовых традиций*. Благодаря английской колониальной политике, индийский рабочий *не прошел через последовательные стадии* развития промышленности от ручного ремесла до крупного машинного *производства*. Далее, индийский рабочий в большинстве случаев выходец из деревни, не потерявший еще с ней связи. Значительную часть пролетариата составляют женщины.

Все это препятствует выработке классовой стойкости. Однако, эти препятствия на пути классового самосознания, так сказать, «компенсируются» ужасными условиями существования индийского рабочего.

Жилищный вопрос для неимущего населения городов нигде не стоит так остро, как в Индии. Внезапная концентрация населения в крупных центрах заставила рабочих селиться вне города и благодаря этому тратить на работу вместо 13-ти—17 часов.

Заработная плата, особенно во вновь возникающих туземных предприятиях, очень низка.

Благодаря разрушению ремесла и обнищанию крестьянства, предложение труда всегда значительно превышает спрос, а предприятия, благодаря молодости и сравнительной слабости капиталистической организации, работают с перебоями и перерывами и не доставляют постоянного заработка определенному количеству рабочих в течение круглого года.

Все это обусловило *энергичное классовое воспитание* индийского рабочего, заменило длительную пролетарскую традицию коротким, но насыщенным и жестоким социальным опытом.

Война лишь усугубила это!

Мизерная заработная плата, едва удовлетворявшая минимальным потребностям неприхотливого туземного рабочего, при все растущей дороговизне сделала положение его совершенно невыносимым. В 1916 году начались забастовки текстильных рабочих, а в первой половине 1917 года пронеслась первая волна забастовочного движения, охватившая 120 тыс. человек. В 1918 году образовались первые профессиональные союзы, и в течение 1918—20 г.г. страна была потрясена бурными длительными массовыми забастовками, сопровождавшимися почти всегда кровавыми столкновениями с полицией и войсками. Это очень характерно для рабочего движения колоний, с быстро развивающейся промышленностью, в которых внезапный колоссальный рост численности пролетариата, лишь недавно оторвавшегося от ремесла или земли, делает выступления его агрессивными и стихийными.

За 9 месяцев 1920—21 года в одном Бенгале произошло 130 забастовок, в результате которых было потеряно 2.600.000 рабочих дней.

В 1920 году был созван первый конгресс индийских профсоюзов, об'единявший 500 тыс. человек, а в декабре 1821 года состоялся 2-й конгресс, на котором было представлено свыше миллиона организованных рабочих.

Индийское *рабочее движение стало на путь организованной борьбы* за интересы рабочего класса.

Индийский пролетариат сделался важным фактором в социальной жизни страны.

Но туземным и иностранным эксплоататорам Индии грозит еще одна опасность. *200-миллионное крестьянство все решительнее* и агрессивнее *выступает в защиту своих интересов.* Положение индийского крестьянина безвыходно. У него отбирается прямыми или косвенными путями от 60% до 75% его дохода с земли. То, что уцелеет от поборов правительства и откупщиков налогов, попадает в лапы сельского ростовщика, грозы индийского крестьянства.

Отсутствие каких бы то ни было *запасов делают* малейшую засуху-недород, причиной катастрофического голода, уносящего ежегодно миллионы людей.

В условиях существующего социального строя *для крестьянства нет никаких перспектив к улучшению.* И единственный выход — это *борьба с оружием в руках* за освобождение земли. *И крестьянство становится на*

этот путь. Собственно говоря, аграрные беспорядки происходили уже в самом начале английского завоевания. Но массовый организованный характер они приняли только во время войны, принесшей новое ухудшение в их положении. В 1917 году произошел ряд аграрных беспорядков в провинции Бигар, распространявшихся и на соседние провинции. На севере и в «Об'единенных Провинциях» беспорядки не прекращаются в течение последних лет, вспыхивая то в одном, то вдругом месте. Зимой 1920 года в провинции Ауд произошло массовое организованное восстание арендаторов, жестоко подавленное. Наконец, в 1921 году вспыхнуло аграрное восстание Мопла, которое до сих пор еще не подавлено окончательно. В результате этих движений в индийском *крестьянстве возникли две радикальные организации «Кишон Сабха»* (Общество земледельцев) и *«Акали Сикхи»* (Общество бедняков сикхов), ставящие своей задачей уменьшение денежных налогов, и прибегающие в своей борьбе к вооруженным выступлениям.

Таким образом, молодая туземная *буржуазия очутилась перед* лицом грозной опасности роста *организованной силы, рабочих* и *крестьянских масс*, стремящихся к защите своих интересов, не останавливаясь для этого перед активной борьбой. Наиболее трезвые *представители торговой буржуазии, аграриев и отчасти промышленных кругов расчитали*, что в ближайшем будущем *интересы масс столкнутся с их интересами*, и что в виду этой опасности им гораздо *выгоднее блокироваться с английскими капиталистами*, хотя бы ценой разделения с ними права на эксплоатацию Индии, чем очутиться изолированными, лицом к лицу, с восставшими трудящими массами. Правительство учло это настроение классово-сознательной буржуазии и пошло ей навстречу либеральной политикой реформ. После двухлетней подготовки в 1919 году был издан *«акт о Реформах»*, по которому цензовой Индии предоставлялась видимость законодательных прав. Были созданы две законодательные палаты, при центральном и провинциальных правительствах были образованы исполнительные советы с представителями от туземного населения и таким образом индийская умеренная общественность была вовлечена в государственную машину, все управление которой попрежнему находилось в английских руках.

Однако, англичанам все время приходится делать уступки лойяльной буржуазии, дабы иметь свободные руки в борьбе с оппозиционными и революционными течениями.

Часть буржуазии, особенно промышленной, интересы которой диаметрально противоположны английским (борьба между индийской текстильной промышленностью и Манчестером), вместе с радикальной интеллигенцией *встала на путь борьбы* за достижение самоуправления Индии.

Конгресс, как нельзя лучше, отражал ее интересы и как в своей программе, так и в своей тактике явился точным выразителем классовых интересов туземной буржуазии, стремящейся к экономической самостоятельности.

Целью конгресса, как она была формулирована в 1920 и 1921 году, на двух последних сессиях, является достижение свараджа, т.-е. самоуправления Индии. Средством для этого служит *мирный бойкот всего английского:* правительства, судов, законов, армии, полиции, государственного образования и товаров.

Однако, касаясь вопроса национального освобождения, конгресс абсолютно оставляет в стороне самые острые вопросы повседневной жизни трудящихся масс. Тем не менее, благодаря своей остроумной тактике, лидеры конгресса сумели одновременно вовлечь широкие массы в движение конгресса и удовлетворить интересы буржуазии. Примирить эти две задачи не так легко. *Буржуазия боится* черезчур *активных выступлений* масс, ибо в процессе действенной борьбы они могут зайти дальше, чем это желательно руководителям движения. Они могут заявить о своем праве на более точное определение свараджа, они могут поставить вопрос об удовлетворении своих непосредственных нужд. С другой стороны, *вся сила конгресса в его влиянии на массы,* которыми он может устрашить правительство и заставить его даровать Индии самоуправление, хотя бы внутри Империи (такова позиция правого крыла и центра конгресса). Активные действия масс, *революционный взрыв*—не по нутру заправилам конгресса, ибо такая тактика *знаменует окончательный разрыв* с Империей, и они чувствуют *себя* еще *слабыми для этого* и предпочитают добытия независимости (хотя бы и внутри Империи) мирным путем, моральным воздействием, в котором примут участие миллионы людей.

С этой целью конгресс повел кампанию бойкота, которая нашла великолепную почву в самых широких массах. Вместе с тем, этот *бойкот, поскольку* он был направлен против английских товаров, *удовлетворял самые непосредственные интересы туземной буржуазии.* Отказ покупать иностранные ткани, сжигание привозного платья, ношение платья, изготовленного из индийской ткани в Индии, все это стало религиозной обязанностью каждого сторонника конгресса, и было весьма прибыльно для текстильных фабрикантов.

Движение бойкота развернулось весьма *широко,* поскольку это касалось участия широких масс. Однако, пропаганда бойкота правительственных школ, суда, армии, которая охватывала интеллигенцию, особого успеха не возымела. Но и все движение бойкота, как таковое, *было с самого начала, обречено на вырождение,* ибо это движение, захватившее самые широкие массы, не могло остаться в границах пассивного сопротивления и мирного неприятия. Массы неминуемо должны были выйти за границы, предоставленные руководителями конгресса. Массовое паломничество в тюрьмы в ответ на политику репрессий, есть роскошь, доступная лишь тем, кто не оставляет на свободе голодающей семьи. Для изнемогающих под налоговым бременем крестьян Ауда, для стонущих под игом помещиков, земледельцев и батраков Моппла, для изголодавшихся рабочих Бомбея и Калькутты, вопрос

таким образом стоять не мог. И *мирный бойкот все время прорывался кровавыми выступлениями.* Таковы были аграрные беспорядки в Об'единенных Провинциях, столкновения в Пэнджабе, стычки рабочих с полицией во всех промышленных центрах Индии.

В большой мере эти выступления были спровоцированы движением конгресса. Это особенно ярко проявилось в рабочем движении.

Экономические *забастовки 1918 г.* почти всегда оканчивавшиеся победой рабочих, *доказали* большую *силу рабочего движения, и национальные вожди сочли* весьма *важным использовать его* в своих политических интересах. Конгрессисты пытались придать забастовочному движению националистический характер и неокрепшим еще рабочим организациям навязать политические задачи. В результате движение приобрело наступательный характер, забастовки оканчивались кровавыми столкновениями, а тогда конгрессисты в силу принципиальных соображений, недопускавших применения насилия, отмежевывались от забастовщиков, предоставляя правительству расправляться с бунтовщиками, и выпуская затем воззвания с требованием не нарушать мирного характера движения.

Рабочее движение в этих неподготовленных политических выступлениях, *потерпело* большие *поражения.* Это предопределило дальнейшее его развитие в сторону защиты *более узких, непосредственно классовых* интересов. Вместе с тем, это способствовало выработке классового самосознания, выработке иного разрешения вопроса о национальном освобождении Индии.

На 2-м конгрессе Индийских профсоюзов в ноябре 1921 года секретарь комитета конгресса требовал в своей речи рабочего свараджа. «Политическое угнетение Индии вызвано ее экономическим угнетением, и об'единенные силы всех рабочих уничтожат и то и другое»,—заявил он. Висвананда, лидер происходившей в то время забастовки, указал на конгрессе, что «если бедственное положение, в котором находится индийский пролетариат, будет продолжаться, тогда ничего не остановит развития большевизма. Пусть берегутся те, к кому это относится—*рабочий класс решил овладеть теми богатствами, которые он производит и которые принадлежат ему по праву*».

Манифест Генерального Совета Профсоюзов, выпущенный после конгресса, гласит: «От имени 6-ти (?) миллионов организованных рабочих мы заявляем, что мы отказываемся жить в существующих условиях, так как физические и духовные потребности рабочих возросли. Мы готовы бороться законным путем за повышение жизненного уровня, но мы предупреждаем тех из предпринимателей, которые станут саботировать условия охраны труда, что крайности с их стороны имеют больше шансов вызвать возмущение, хаос и беспорядок, чем крайности с нашей стороны. Мы, однако, повторяем, что терпение рабочих будет истощено, если существующее стремление к введению потогонной системы, удлинению рабочего времени и уменьшению заработной платы,—не прекратится. Имея два миллиона безработных у дверей, предприниматели могут заставить рабочих удовольство-

ваться минимальным заработком, но этим они доведут терпение последних до конца. Взрыв рабочих волнений будет неизбежен, и общество не будет знать мира. В заключение мы напомним тем из предпринимателей, которые стоят за понижение заработной платы и увеличение рабочего времени, что истинными организаторами социальной революции и кровопролития являются не теоретики-экономисты и рабочие-агитаторы, а те, кто стоят на пути законных человеческих требований».

Здесь уже ясно звучит грозный лозунг, «враг—в собственной стране». *Рабочее* движение ищет себе *самостоятельных путей* для политической борьбы.

Так же обстоит дело и с крестьянским движением. В 1916 году, благодаря Ганди, который из гуманитарных побуждений принял большое участие в нуждах крестьян, в движение конгресса впервые были вовлечены крестьянские элементы. Однако, в дальнейшем, не находя в программе конгресса удовлетворения своих интересов, *крестьянское движение вышло из-под контроля конгресса.* Аграрные беспорядки происходили даже вопреки конгрессу. От восстания Мопла конгресс отмежевался официально.

Таким образом, *конгрессу,* который вызвал впервые в истории Индии массовое общенациональное освободительное движение, вовлек в него представителей всех каст, национальностей и религий,—теперь *грозит опасность оказаться окончательно изолированным* от революционного движения масс. Тактика *«мирного бойкота»,* которая в свое время об'единила вокруг конгресса миллионы борцов, заводит его теперь *в тупик.* Необходимо произнести следующее слово, призвать массы к более решительным действиям. Левое крыло конгресса это сознает. Еще до декабрьской сессии, группа членов конгресса, главным образом, из Пэнджаба и Об'единенных Провинций, где репрессии правительства особенно жестоки, во главе с С. Р. Дасом, поставила вопрос о применении *«гражданского неповиновения»,* т.-е. неплатежа налогов, отказа от военной и полицейской службы, не исполнения всех правительственных приказов и т. д. Фактически это во многих местах уже проводилось. 36-й конгресс должен был эту новую тактику одобрить. Дасс был намечен председателем конгресса.

Однако, правительство учло всю опасность такой позиции конгресса. Оно знало о борьбе крайних и умеренных в конгрессе и перед самой сессией арестовало всех лидеров левого крыла и, обезглавив оппозицию позволило правым снова взять руководство в свои руки. В результате предложение крайних «добиваться полной независимости Индии вне Британской Империи всеми *возможными и необходимыми* для этого мерами» вместо *«законными и мирными»,* как это предлагали умеренные и центр, было отвергнуто и принято было предложение правых и центра.

Таким образом, конгресс снова остановился на тактике бойкота. Это означает, что движение конгресса зашло в тупик, что оно потеряет свой авторитет. Первым показателем справедливости этого утверждения является то, что *арест и осуждение* на 6-летнее тюремное заключение вождя кон-

гресса «святого» Ганди, *не вызвали никакого выступления* и прошли совершенно спокойно.

Движение бойкота сделало свое дело и принесло громадную пользу делу национальной борьбы. Оно придало национальному движению *массовый характер,* оно с'умело *об'единить* в требовании национальной независимости Индии *мусульман и индусов.* Это очень важное завоевание. На антагонизме двух крупнейших общин англичане все время строили свою политику. Они доказывали мусульманам, что индусы ждут освобождения от власти англичан, чтобы подавить ненавистных им первых завоевателей Индии—мусульман. Они убеждали индусов, что мусульмане на следующий день после ухода англичан призовут афганцев и мусульман других стран и сообща подчинят индусов своему игу.

Конгресс ловким тактическим ходом выбил из рук Англии этот козырь, включив *требования движения халифата в свою программу.* В результате *движение халифата примкнуло к конгрессу,* заняв в нем крайнюю позицию. Это об'единение продолжается до сих пор: мусульмане и индусы выступают солидарно в требовании независимости Индии и восстановления халифата. Об'единение «Лиги» и конгресса в самый острый политический момент является заслугой конгресса.

Однако, самым важным достижением конгресса является то, что лозунг независимости Индии, бывший всегда достоянием привиллегированных слоев буржуазии и интеллигенции, сделался *действенным массовым и популярным.* Этого удалось достигнуть благодаря тактике бойкота, понятной и доступной самым широким массам. Но теперь эта тактика изжила себя. Для дальнейшего руководства настроениями масс, необходимы новые лозунги, более актуальные и решительные, более демократические и близкие массам.

Могут ли теперешние руководители конгресса выдвинуть их?

Нет.

Для этого они слишком проникнуты духом, *«пассивного сопротивления»,* для этого они черезчур *связаны с непосредственными интересами буржуазии,* боящейся революционного взрыва.

Чтобы овладеть снова массовым движением, конгресс должен переродиться.

Есть ли в национальных кругах группы, могущие повести конгресс на решительную борьбу? Мы уже указывали на Даса и его крыло, выдвигавших уже давно лозунг неплатежа налогов, как немедленной и необходимой меры. Ниже мы приводим отчет об интересной в этом смысле речи Мота Синга, революционного деятеля-сикха, произнесенной на собрании сикхов.

«Каждое слово этого оратора», — пишет «Банде Матарам», — экстремистская газета, о выступлении Мота Синга «проникало в самую глубину сердца присутствующих. Изобразив текущее политическое положение страны, Мота Синг сказал: «Самоуправление Доминиона еще не все для Индии. Такое самоуправление не в состоянии улучшить положения Индии. При таком самоуправлении ужасное положение и

угнетение слабых и бедных останется таким, как прежде. Поэтому в мире нужно уничтожить господство одних над другими. Подобно тому, как один индивид не имеет права господствовать над другим индивидом, ни один народ, ни один класс не должен господствовать над другими народами или классами. Пока же подобное господство будет существовать, ни в Индии ни во всем мире не наступит мира... Мы стоим за республику, но не за такую республику, как Соединенные Штаты С. А. Мы не хотим создавать такого государства, которое решилось бы нарушить права, хотя бы одного бедняка. Капитализм больше не нужен в мире. До тех пор, пока не будет уничтожен этот проклятый строй, не может быть истинной свободы».

Эти слова характерны для радикальной части интеллигенции и той буржуазии, которая охотнее идет по пути уступок массам, чем на сотрудничество с англичанами. Этим радикальным кругам принадлежит значительная роль и в прошлом и в будущем индийского национально-революционного движения. Три элемента определились в этом движении: передовая буржуазия, пролетариат и крестьянство.

В каком отношении находятся они между собой в революционном процессе?

Первым об'ектом этого процесса в Индии, как в стране колониальной, является *национальная революция,* освобождение от английского господства. Все три элемента революционного процесса в этом заинтересованы, но в разной степени.

Для передовой *буржуазии национальная независимость* есть необходимое *условие* ее дальнейшего *экономического развития,* самаго существования ее, как класса. Это есть ее немедленная и *конечная* политическая *задача,* для осуществления которой она *готова пойти на уступки* своим союзникам в борьбе с англичанами—*трудящимся массам.*

Пролетариат также заинтересован в этой революции, *как класс,* ибо расширение индийской промышленности, искусственно стесненной англичанами, даст временный выход из бедственного положения, смягчит безработицу и создаст легальные возможности пролетарской организации. Вместе с тем, акт революции, в которой он будет принимать деятельное участие, даст ему богатый *опыт политической борьбы,* без которого он никогда не сумеет успешно бороться за свои классовые интересы. Однако, первая революция, национальная, есть для него лишь *ступень, средство* для подготовки второй революции, которая его освободит, как класс. Он не может ориентироваться сразу на эту вторую революцию, ибо он еще слаб, раздроблен и не имеет в этой борьбе союзников.

Крестьянство имеет *меньше* непосредственных интересов в национальной революции, чем первые два класса. Не чувствуя на себе непосредственного ига английского господства, оно видит главного врага не в английском губернаторе или судье, а в туземце-помещике,—сборщике налогов, сельском ростовщике. *Национальная революция, как таковая, не улучшит его положения.* Но она даст выход его отчаянью и, в процессе активной борьбы, по-

ведет его дальше, к отстаиванию его непосредственных интересов, в союзе с пролетариатом.

В соответствии с этим отношением буржуазии, пролетариата и крестьянства к национальной революции, определится и их роль в ней.

Буржуазии принадлежит место вождя и идеолога. Эта революция есть для нее *классовая необходимость.* Она поведет массы на борьбу.

Пролетариат примет в этой революции активное участие. Он будет понуждать буржуазию на решительные действия, *разоблачая ее половинчатость* и склонность части ее на соглашательство с национальными врагами экономическими конкурентами.

Крестьянство выступит стихийной силой и сразу расширит рамки национальной революции, поставив вопрос *о прекращении платежа налогов,* т.-е. захвата земли.

Таким образом, индийская революция должна иметь много общего с российской.

Международное положение ставит индийскую национальную революцию в порядок дня. В процессе национальной революции развернутся классовые противоречия, уже и сейчас дающие о себе знать в индийском обществе. Тогда индийский пролетариат в союзе с крестьянством поставит вопрос о социальном освобождении Индии.

Тивель.

Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии.

Глубокий кризис переживает сейчас Индия. По окончании империалистической войны, или точнее, с 1916 г. политическая борьба достигла высокой степени напряженности. Освободительное движение об'единяется под знаменем национального государства, требует создания свообдного туземного правительства на место английской бюрократической машины. Расовая разница между правителями и опекаемыми выделяет европейских носителей власти и дает удобную агитационную мишень. Борьба переносится в плоскость; «*кому, а не как править*» и приобретает массовый характер. Основным орудием служит бойкот школ, судов, выборов в законодательные советы и частичный неплатеж налогов. Наравне с политическим развивается и экономический бойкот, направленный, главным образом, против заграничных мануфактурных товаров.

Англо-индийское правительство исходит из иных оснований. Факт порабощения Индии оказывается доказательством, что истинное понимание интересов этой страны доступно не индийскому, а английскому народу, взятому притом в составе парламентского большинства. Само правительство непогрешимо и почти не ограничено в административном произволе, поскольку последние реформы 1919 г. весьма обусловлены «их соответствием интересам Англии, как верховной силы, обладающей в отноешнии Индии суверенными, неотчуждаемыми правами» *). Маловажные изменения в порядке осуществления власти допустимы, поскольку сама она остается носителем английского интереса, проводником воли лондонского кабинета. Эта же точка зрения не менее последовательно проводится в общем терроре против освободительного движения, массовых арестах, карательных экспедициях. Колониальная диктатура, удачно копируя образцы абсолютизма, устанавливает для населения только два допустимых политических подразделения — на бунтовщиков и верноподанных, преследует первых во вне-судебном порядке, награждает вторых в из'ятие общих правил чинопроизводства. Действует ряд исключительных законов для борьбы со смутой — «sedition». Кое-где введено военное положение.

---

*) Из речи статс-секретаря по делам Индии Монтегю в палате общин 1919 г. 3 февраля.

Политическая борьба в такой обстановке самым фактом своего возникновения сталкивается с существующим строем в его целом. Движение механически стеснено в своем развитии. Предварительным условием всякого шага вперед становится разрешение вопроса о принадлежности государственной власти, и при том во всей полноте. Революционные силы организуются, как государство в государстве, а подымающийся к власти класс сознает себя, как национальность. Такова внешняя сторона событий — *борьба за национальное государство против деспотии.*

Теперь рассмотрим, каковы экономические предпосылки этих событий.

Абсолютная форма и полицейские приемы с полной точностью отражают и целевое содержание английского владычества. В них нет ничего случайного. Сами англичане, особенно из представителей реакционной мысли, охотно подчеркивают подчиненное, служебное значение своего индийского творения, предназначенного будто бы выполнить определенную историческую миссию и с ней закончить свое временное существование.

Индо-британская империя исторически слагалась, как доходное предприятие. Напомним, что основанная в 1613 году *Ост-Индская компания* предприняла завоевание земель, ставших впоследствии «лучшей жемчужиной британской короны», в целях личного обогащения немногих сотен своих пайщиков. В эпоху хищнического капитала, когда торговля переходит в непосредственное присвоение ценностей, трудно провести сколько-нибудь твердую грань между разбойничьей добычей и законной прибылью этого «Высокопочтенного общества»,—как называет его королевская грамота. Пиратство на водах Индийского и частью Атлантического океанов, разграбление судов с пилигримами к святым местам мира Ислама, организация случайных сухопутных набегов внутрь Индии и, наконец, монопольное посредничество между рынками среднего Востока и северной Европы приносило компании в продолжение первых восьмидесяти лет ее существования баснословные прибыли в среднем по 174% в год на затраченный капитал. Но этого было мало. Уже в конце 17-го века ненасытное правление директоров предвкушает всю выгоду устройства в Индии своего государства на началах коммерческого расчета. Вот, что писало лондонское управление своим агентам на местах в 1689 г.—«Увеличенное поступление налогов в такой же степени представляет предмет нашей заботы, как и торговля. На этом должна основываться наша сила в минуту, когда тысячи случайностей прервут торговлю. Это-то и сделает нас нацией в Индии» *). Пятьдесят лет спустя комбинированными средствами дипломатического жульничества и массового подкупа в сочетании с европейской техникой истребления, компания захватывает первый земельный надел в Бенгале. Задачи и методы управления первых английских правителей этой провинции в значительной степени предопределили все будущее Англо-Индийской империи. С замечательной прозорливостью устанавливает-

*) Цит. по „How England occupered India". Извлечение из договоров Англо-Индийского правительства. Стокгольм.

ся известное разделение в приемах разграбления различных классов туземного общества. *В отношении командующих слоев практиковалась единовременная экспроприация.* Извлекались драгоценные металлы и камни, но не брезгали и предметами потребления. Типичным примером может послужить своеобразный договор между пресловутым Клайвом, основоположником территориального могущества Компании, и Мир-Джафаром, посаженным английскими штыками на место Набоба Бенгальского. Джафар обязывался внести наличными деньгами в переводе на англо-валюту 1½ миллиона фунтов стерлингов, кроме ценностей на сумму еще полутора миллиона фунтов. Сверх этого Клайв отдельно получал 500,000 рупий и право сбора налога с 24 парганов (уездов). Этим исчерпывалась оффициальная часть договора. Путем частного принуждения было дополнительно извлечено в форме «подарков» ценностей еще на 1.250.000 фунтов, из них на долю Клайва 50,000 фунтов. За первым последовали другие не менее удачные опыты, которые дали в период 1757—1857 только военных трофеев на сумму 300,000 миллионов фунтов. Прямое перекачивание богатств со временем принимает смягченную форму спора о правах наследства. При отсутствии в уцелевших туземных владетельных домах наследника по прямой линии от отца к сыну, Ост-Индская компания провозглашала себя более близким родственником умершего, чем его братья, жена или приемный сын. В этом порядке были конфискованы княжества Сатары, Джанси, Танджоры. Придание грабежу характера юридического акта не мешало, конечно, одновременному процветанию старых приемов в духе Клайва или более ранних носителей европейской культуры.

Эпизодическое и в общем поверхностное разграбление правящих верхов играло второстепенную роль в перераспределении богатств между Индией и метрополией. *Основное значение имел непрерывный, мощный поток ценностей из под налогового пресса.* Умелое использование найденного на месте податного аппарата с первых дней английского владычества придало делу эксплоатации длительный характер и твердые организационные формы. Само по себе установление преемственности с податными учреждениями Великих Моголов не предрешало степени их использования при новом хозяине. Приведем несколько цифр: в Бенгале до перехода правления в руки компании земельный налог не превышал 818.000 ф. стер. В первый же год губернаторства Клайва он подымается до 1.470.000 ф. стер. и достигает к1790 г. цифры 2.680.000 ф. стер. Еще более яркие примеры дают Центральные провинции. Здесь с падением махратской династии земельное обложение проделывает в двух уездах (Ножандабадском и Леонийском) с приходом англичан следующие скачки. До оккупации—2.277 ф. стер. После оккупации в 1821 году—10.359 ф. стер. В 1825 г.—13.877 ф. стер. Последовало восстание и пересмотр ставок. Однако, прибыльность работы налогового винта оправдывала всякий риск и потери в людях. За покрытием всех «организационных расходов», куда в первую очередь следует зачислить содержание вооруженных

сил и удовлетворение аппетитов чинов компании, один Бенгаль дает по налогу чистую прибыль в размере 4.000.000 ф. стер. за время 1765—1771 г.г. Впоследствии ставки обложения несколько понижаются. Высокая доходность первых лет податного нажима влекла разряжение населения в степени, устранявшей самую возможность эксплоатации. *Процесс вымирания целых областей опережал рост дивидентов *).*

На последнем по доходности месте стоят чисто-торговые операции. Обмен опирался на прямое принуждение и носил несколько односторонний характер, лишь неуловимыми градациями отличаясь от грабежа. Раз'ездные туземные агенты—gomastah при определении цены закупаемых товаров скорее исходили из соотношения сил ими представляемой компании с одной стороны,—продавца с другой, чем из действительной стоимости продукта. Редкостные пряности оплачивались парой ломанных безделушек. Кашемирские ткани или даккский муслин выменивался на негодный железный лом. Вот как описывает англичанин-очевидец подобную торговлю: «Gomastah насильственно присваивают товары и предметы потребления купечества и крестьянства, уплачивая в лучшем случае лишь четвертую часть их стоимости; путем прямого насилия они принуждают крестьян платить пять или восемь рупий за безделушку, никому решительно не нужную».

Ценности, извлеченные самой Ост-Индийской компанией или переведенные в Англию в форме добычи частных лиц, не поддаются даже приблизительному учету. По мнению Дитби **) общая сумма ценностей, выкачанных из Индии за время 1757—1857 г., равняется 1.000.000.000 фунтов стер. Мартини останавливается на более умеренной цифре 723,000,000 ф. стер. ***). Другие источники колеблются между этими крайностями, приближаясь к одной из названных цифр.

Перераспределение богатств между Индией и Англией не замедлило вскоре привести к *географическому разделению труда между ними.* До середины 18-го века высокая степень разделения общественного труда в Индии придавала изделиями туземного ремесла разнообразие, дешевизну и прочность, устранявшую потребность в привозных товарах. Более того, Индия сама обслуживала внешний рынок. Особенно славились индийские хлопчатобумажные и шелковые ткани, в течение долгих веков расходившиеся на всем протяжении передней Азии и даже северной Африки. С установлением прямых сношений с Европой бенгальские муслины, коленкор из Коромонделя, скатерти из Патны, кашемирские шали и узорчатая выделка Масулипатама находят широкий сбыт на Западе и успешно соперничают с англий-

---

*) Вот что писал второй губернатор Бенгаля правлению директоров в 1772 г.: „Несмотря на смерть по крайней мере одной трети обитателей вверенной мне провинции и соответственное уменьшение запашки, общий сбор налога превышает таковой 1771 г. Сбор насильственными средствами был поддержан на высоте прежнего уровня". Извлечение из официальных депеш Компании и ее губернаторов. Цит. по „Hunter'y, Annals of rural Bengal" L. 1868, стр 381.

**) Mr. W. Digby: „Prosperous British India", стр. 224—226 London, 1906.

***) Привожу по L. L. Rai: „Englands debt to India" op. cit. стр. 92.

ской мануфактурой на лондонском рынке. Против опасной конкурренции вывозимых из Ост-Индии тканей принимаются запретительные меры. В 1700 г. при Вильгельме III продажа крашенных индийских шелков карается штрафом в 200 фунтов. Впоследствии прямое запрещение ввоза заменяется суровыми пошлинами от 32—500% стоимости различных сортов ткани. Чисто охранные средства, устранявшие опасного соперника с внутреннего рынка, принимают иной оттенок по мере мощного индустриального роста Англии. Введение механического двигателя в текстильное дело дает возможность перейти от обороны в наступление против индийского ремесла. Интересы Ост-Индской компании, соединившей до 1834 г. монополию внешней торговли с аппаратом государственного принуждения на месте, непосредственно определяют будущие формы участия Индии в международном обмене. Искусственное закрытие внешнего рынка в сочетании с общей дезорганизацией экономической жизни Индии в краткий срок нескольких десятков лет превращают самодовлеющую единицу мирового хозяйства в беспомощный колониальный придаток, поставщика продовольствия и сырья для английской промышленности. Стремительность этого процесса можно проследить по цифрам падения вывоза тканей туземной выделки заграницу, при параллельном увеличении импорта английской мануфактуры:

Годы.	Вывоз индийских тканей.	Ввоз англо-мануфактуры.
1814	1.266,608 кусков	818,208 ярдов.
1821	534,495 »	19.138,726 »
1828	422,504 »	42.822,077 »
1835	306,086 »	51.777,277 » *).

Та же участь постигла большинство туземных производств. Особенно долго выдерживало неравную борьбу судостроительное дело и связанная с ним морская торговля. Царица восточных морей не легко уступила свое историческое место «просвещенным мореплавателям» парового флота.

Годы.	Число судов и тоннаж туземного флота.		Число и тоннаж англ. судов, посетивших порты Индии.	
1857	34,286	1.299,958 тон.	59,441	2.475,472 тон.
1899	2,302	133,033 »	6,219	7.685,009 » **).

После экспроприации правящих верхов старой Индии, с падением их организационного значения и политического веса, с разгромом туземных

*) Из показаний директора Ост-Индской компании G. de Larpente перед парламентской комиссией в 1840 г. Цит. по L. L. Rai op cit. стр. 135.

**) Сопоставление цифр из „Parliamentary Blue book exhibiting the moral and material progress of India" за годы 1884 и 1901.

ремесл и устранением индийского купечества от внешней торговли, заканчивается первая часть исторической миссии британского владычества. Переход от преимущественно вне-производственных методов извлечения ценностей к более интенсивным способам эксплоатации можно приурочить к событиям 1857 г. Близорукая политика вице-короля Дальхузи, стремившегося механически устранить всяких посредников между податными учреждениями и крестьянством, подняла против англичан поместные слои Ауда, Агры и частью центральных провинций. К восстанию присоединился ряд князей из вымороченных за последнее время династий и других, ждавших со дня на день конфискации своих владений. После разгрома движения, не имевшего подлинно народного характера, правительство Индии отказывается от всякого посягательства на права помещиков и дальнейшей аннексии туземных княжеств. Проводится и политическая реформа. *С 1858 г. вся полнота власти над заморской вотчиной частного общества передается британскому парламенту.* Самодержавие метрополии сменяет случайный произвол ничтожной группы капиталистов. Правительство Индии получает облик строгой законности и порядка.

Однако, начальным толчком, приводящим в движение всю систему обезкровления Индии продолжает оставаться нажим налогового винта. Использование податного бремени, как орудия длительного понуждения к расширению производства, в частности земледельческого, получает исключительное значение.

Наиболее радикальным и непосредственным способом воздействия на сельскую Индию служит *поземельный сбор.* Он вместе с тем является основным питательным источником английской власти и в среднем составляет около трети всех поступлений по государственной росписи (в 1913 г.—36%).

Некоторое представление о невероятной тяжести налога для трудовых масс Индии может дать *сопоставление общего годового дохода на душу населения с суммой, извлекаемой по земельному сбору.* В исчислении первой цифры мы будем опираться на свидетельство небез'известного лорда Керзона, определившего ее для индийского крестьянства в размере 30 рупий или 480 пенсов (2 фун. стер.) в год *). Вряд ли есть основание заподозрить одного из вдохновителей английского империализма в желании сгущать краски. Скорее, обратное. Лорд Кроммер, бывший министром финансов в правительстве Индии, остановился в 1882 году на 27 рупиях, как общей средней для всей Индии. Виллиям Дигби, знаток и исследователь экономического положения страны, путем никем пока не опровергнутых выкладок доказал, что общий доход среднего жителя Индии в лучшем случае равняется 17½ рупиям. Но если даже взять в основу расчет Керзона, то из нищенской суммы 480 пенсов правительство извлекает по земельному на-

*) Привожу по J. Keir—Hardie „India, Impressions and suggestions". London 1909 г.

логу не менее 52 пенсов *). Это сверх всех прочих видов обложения, начиная с монополии на соль, занимавшей до конца 19 века второе, после земельного налога, место в росписи, кончая всевозможными натуральными повинностями, дорожными и полицейскими сборами, акцизом и таможенными пошлинами. Общее преобладание косвенных налогов над прямыми, *видная роль монополии* в привозе предметов первой необходимости и непомерная тяжесть земельного сбора наводит на мысль, что *податная разверстка в Британской Индии особо приспособлена к давлению на основной производственный класс Индии, ее многомиллионное крестьянство.*

Непрерывный налоговый нажим не замедлил нарушить экономическое равновесие сельской Индии—задача, значительно облегченная всей предшествующей политикой Ост-Индской компании. С быстротой, едва ли не прямо пропорциональной тяжести податного ярма, *происходит развал старых, замкнутых форм хозяйства.* Продукты земледелия становятся об'ектом массовой торговли. *Индийское крестьянство начинает работать на мировой рынок.* Внешний оборот индийской торговли в последний год перед войной доходит до рекордной цифры 4.760.600,000 рупий, что дает по сравнению с 1834 г. (143.422,000 руп.), увеличение в 35 раз. В распределении торговли по отдельным странам *исключительное положение занимает Великобритания, на долю которой приходится около трети вывоза и половины ввоза.*

С каждым годом между промышленной, капиталистической метрополией и ее заморским поставщиком устанавливается более тесная экономическая зависимость, более полное разделение труда.

Запад почти исключительно снабжает Индию готовыми изделиями. Среди них на первом месте стоят—хлопчатно-бумажные ткани и металлы. Последние, главным образом, в виде посуды, сельско-хозяйственных орудий и листового железа. За последние двадцать лет до войны основные статьи импорта сохранили между собой устойчивые соотношения.

Вывоз в подавляющей массе слагается из продуктов сельского хозяйства. До восьмидесятых годов на первом месте стояло продовольствие—рис и пшеница. С конца 19-го века общий характер экспорта претерпел значительные изменения. При сохранении непрерывной повышательной тенденции происходит резкая перегруппировка его составных частей. Несмотря на быстрый абсолютный рост вывоза продовольствия, оно неуклонно оттесняется на задний план. Первое место завоевывает продукция специальных культур—как хлопок, джут, масляничные семена. Одновременно меняется и товарное обличье хлопка и джута. В последние годы половина общей стоимости их вывоза падает на полу-фабрикаты.

Расширенное участие Индии в мировом обмене складывается почти на *90% из продуктов сельского хозяйства,* в сыром и частью в полуобработанном виде. С ростом их вывоза из страны, казалось, должно происходить как общее увеличение посевной площади, так и равномерное, в соответствии с ха-

*) Рассчет сделан для 1913 года.

рактером экспорта, распределение этого прироста между с'едобными злаками с специальными культурами, как хлопок, джут и т. д. Нарушение такого соотношения в случае отсутствия подвоза из заграницы и сохранении старого уровня производительности с единицы обрабатываемой почвы грозит отразиться на потреблении самого населения.

В Индии прежде всего бросается в глаза сравнительно *ничтожный прирост общей посевной площади:* в 1895 г. было засеяно—195,896,049 акров, в 1904—205.205.128 акров, и еще через десятилетие—224.165.602 акра. Если взять с одной стороны два важнейших, как для потребления внутри страны, так и для экспорта, с'едобных злака,—рис и пшеницу, а с другой—хлопок, джут, масляничные семена и чай, то увеличение посевной площади по обоим категориям выразится так:

	1895 г.	1913/4 г.
С'едобные злаки	87.228.707 акров	98.287.000 акров
Нес'едобные злаки	25.694.252 »	44.033.714

Общий прирост равен—29.442.755 акрам. Из него на долю риса и пшеницы падает 37.4%, а на долю нес'едобных злаков—62.6%, В то время, как для первой группы посевная площадь увеличилась по сравнению с 1895 г. лишь на 12.6%, для второй это увеличение выразится в 71.7%. Не менее замечательно ничтожное повышение производительности с акра обрабатываемой площади, занятой под рис и пшеницу. По сведениям Представительства РСФСР в Кабуле она повысилась за последние двадцать лет, предшествовавших войне, только на 8%, что свидетельствует о безусловном *сохранении старых, отсталых способов обработки для продовольственной группы. Иначе обстоит дело со злаками, прямо расчитанными на заграничный сбыт. Здесь наряду с быстрым увеличением посевной площади идет введение более интенсивных форм хозяйства.* Продукция акра хлопка поднялась на 23% за отчетный период, а для остальных—на 36.5% *).

Как видно, головокружительный рост внешней торговли двояко отражается на сельском хозяйстве Индии. Возникают оширные площади, занятые под специальные культуры. Их расширение поглощает около половины общего прироста обрабатываемых земель за время 1896—1913 г. и сопровождается качественными улучшениями в хозяйстве. Продукция хлопка, джута, масляничных семян, почти целиком уходит заграницу, прямо расчитана на мировой рынок и лишь в ничтожной степени потребляется на месте.

Усиленный экспорт продовольствия мало отразился на соответственной производственной среде. Его быстрый под'ем не сопровождается параллельным увеличением количества земель под рисом и пшеницей, или введением более интенсивных методов обработки. При устойчивых размерах пло-

*) Доклад коммерческого агента от 15 августа 1921 г. № 314.

щади, занятой другими с'едобными злаками (в 1895 г.—82.927.655 акров; в 1904 г.—82.467.143 акра) и отсутствии подвоза продовольствия извне, питание самой Индии становится в прямую зависимость от правильного распределения урожая риса и пшеницы между внутренним и внешним рынком.

Социальные следствия блестящего роста международной торговли торговли между метрополией и колонией в частности, можно с приблизительной точностью проследить на *постепенном вымирании Индии.*

При технически отсталой культуре (слабая сеть искусственного орошения) физической причиной голодных лет и связанной с ними высокой смертности служит недостаток осадков. Резкие колебания урожайности каждой области на протяжении сравнительно кратких отрезков времени, исторически присущи сельскому хозяйству Индии и не раз приводили к частичному голоду. Имеются данные о трех местных голодовках в течение 16-го столетия. В 17-ом веке жестокий неурожай и, следовательно, голод, три раза посетили Индию. Наконец, в 18 веке—8 голодовок, из них четыре падают в период 1769—1800 на провинции, едва завоеванные, но основательно использованные Ост-Индской компанией. Принимая атмосферные условия за постоянную величину, мы должны отметить, что в 19 веке об'ективная опасность стихийного бедствия значительно падает. Европейская техника, принесенная английским владычеством, прорезает железнодорожными и шоссейными путями необ'ятные пространства Индии. Исчезает местная замкнутость, хозяйственная изолированность областей. Оживленный внутренний обмен служит взаимным обеспечением на случай местного голода. Растет и сеть искусственного орошения. Грандиозные гидро-технические сооружения обращают раскаленные пустыни в обетованные земли и за уплату соответственной ренты служат страховкой против любой засухи. Правда, увеличение ирригационной сети не так уж обширно, хотя бы по сравнению с густым сплетением военно-стратегических дорог на северной границе Индии. Но факт остается фактом. Известный прирост на-лицо. Между тем голод не только не уменьшается, но ширится, распространяется с каждым годом английского владычества. Из местного неурожая *возникает всеобщее бедствие, недохватка в отдельном уезде обрекает на голод целые провинции и на наших глазах уменьшается самая способность Индии к некоему самовозстановлению сил.* Следующая краткая таблица засух и непосредственно ими вызванной смертности, заимствованная из книги Дигби *), показывает резкое увеличение повторяемости неурожаев и периодическое возрастание размеров голодной казни:

1800—1825 г.г.	пять голодовок	число смертей	1.000.000
1826—1850 »	две голодовки	» »	500.000
1851—1875 »	шесть голодовок	» »	5.000.000
1876—1900 »	восемнадцать голодовок	» »	26.000.000

*) Digby Prosperous British India op. cit. стр. 36.

Цифры смертности заслуживают полного доверия, как основанные на оффициальном отчете комиссии (парламнтской), назначенной для обследования причин голода.

С начала XX века голод становится явлением хроническим, не уступая по об'ему поражаемых территорий и числу уносимых жертв тем бедствиям, что в прошлом лишь случайно и через большие промежутки времени постигали Индию.

Число непосредственных жертв голода и их % возрастание по сравнению с прошлым трудно проследить по правительственным данным, ежегодно представляемым в британский парламент с предвзятой целью выявления «морального и материального прогресса Индии». Однако, сопоставление ряда материалов позволяет нам, правда, весьма приблизительно, исчислить смертность от голода и сопровождающих его епидемий в 27—29 миллионов человеческих жизней за время 1901—1911 г.г. В Пенджабе, Ауде и Агре, старейших земледельческих областях, колыбели арийской цивилизации, где сосредоточено свыше трети всех жителей Индии, за послдние двадцать лет наблюдается прямая убыль:

	Пенджаб	Ауд и Агра
1891 г.	20.866.847	46.905.085
1901 г.	20.330.339	47.691.782
1911 г.	19.974.956	47.182.044
1921 г.(предварит.)	20.678.893	45.590.946

Общая убыль 614.932 или на 0.9%.

Не менее знаменателен непрерывный, правильный рост общей смертности. Неоффициальный, но заслуживающий доверия, английский источник приводит следующие цифры смертности на тыс. жителей для ряда отдельных годов: 1893-й—25.00, 1903-й—35.20, 1918-й—62.00 *). Правда 1918 год был исключительным даже для многострадальной Индии. Жестокий неурожай совпал с эпидемиями испанки, чумы и холеры. Но общая тенденция ясна. Постепенная убыль живых сил населения еще заметнее проявилось в понижении сопротивляемости болезням. Смертность от чумы, имеющей в Индии эпидемический характер, составляла:

1898 год—89.265 человек, 1899 г.—102.369, 1900 г.—73.576, 1901 г.—236.433, 1902 г.—452.655, 1903 г.—684.445, 1904 г.—938.010, 1905 г.—940,821 человек **).

Планомерное истребление миллионов и миллионов человеческих жизней стало обычным, нормальным явлением в общем размахе колониальной по-

*) Whither's Almanac за 1921 г., стр. 289.

**) Очерк социально-экономической жизни Индии. Л. Кржевицкий. Статья в энциклопедии бр. Гранат, т. 22-й, стр. 13. Ср. Nevinson. Newspirit in India. Стр. 53 London. 1908.

литики британского империализма. Конечно не потому, что корректные чиновники на службе его британского величества за морями пали жертвой безкорыстной страсти разрушения. Нищая, вымирающая Индия имеет необходимаго антипода в метрополии, сытой и процветающей. По вычислению Сэра Роберта Гиффена сорока двух миллионное население Соединеннаго Королевства тратит на одну еду и питье сумму равную всему доходу трехсотмиллионной Индии. Углубление, расширение этой разницы и составляет предмет отеческой заботы англо--индийских властей. Надо только отдать должное постоянству, широте и решительности в приложении начал коммерческой выгоды к аппарату политическаго убийства.

Переложение на самое Индию всех расходов по содержанию британской администрации и обращение доходов на нужды расширения и охраны существующей колониальной системы—это частные следствия общей политической линии. Но Индо-британское государство не только самоокупается. Оно приносит прямую прибыль. Среди расходных статей видное место, около 20% всего бюджета (19.5% в 1913 г.), занимает графа платежей Англии. Примечательно самое название, оффициально присвоенное этим эмигрирующим из Индии средствам—«home charges» уплата родине. Сами индийцы обычно говорят «foreign charges»—уплата заграницу, дань, выкуп. Эти платежи складываются из возмещений по обязательствам различнаго рода. На первом месте стоит выплата % по займам. Метрополия составляет для Индии единственный заграничный кредитный рынок, и всякий внешний заем обязательно размещается среди английских держателей. Колониальное правительство играет двойную роль в этой сделке: орудия создания новых и новых сфер приложения отечественного капитала и честного маклера Индии по выработке самих условий займа на началах наибольшего благоприятствования «родине» в оффициальном понимании слова. До 19-го века и в его начале производительным приложением привознаго капитала были войны. В 1799 г. государственный долг Индии равнялся 100 милл. фун. стер. С этого времени расширение владений Ост-Индской компании происходят под прямым давлением банковских кругов Сити: всякая новая авантюра англо-индийских властей прежде всего котируется как новый заем в счет настоящих и будущих налогов Индии. К 30-му апреля 1858 г. в результате завоевания ряда провинций Индии и войн с Авганистаном (1838) и Китаем (1839), долговые обязательства Индии превышают 70 милл ф. стер. откуда только 14½ милл. ф. были израсходованы на общественно-полезные работы *). Немного забегая вперед во времени, отметим еще следующие войны и заморские экспедиции с участием индийского пушечного мяса, оплаченные Индией же в форме новых займов: Абиссинская война 1867 г., Перакская экспедиция 75 г., 2-я афганская война 78 г., египетская война 82 г. суданская экспеди-

*) Цифры роста долговых обязательств заимствованы из Statistical abstract for British India.

ция 86 г., англо-бурская война 1899 г. и боксерская экспедиция 1901 г. Итого семь войн в промежуток каких-нибудь 30 лет.

Созидательная деятельность английскаго капитала при правительственном посредничестве протекает преимущественно в сфере железнодорожных сооружений. Несмотря на полную новизну железных дорог для самой Англии уже в 1849 г. образуется первая компания, по прокладке рельсового пути из Калькутты в Дакку. Правительство Индии гарантирует доход 5% на затраченный капитал. В таком же порядке до 1877 года образовалось множество английских акционерных обществ с капиталом около 100 милл. фунтов. Необычайно дорогая стройка, полное игнорирование местных интересов, преобладание стратегических линий над коммерческими характеризируют этот период железно-дорожной политики англо-индийских властей. Дороги абсолютно не окупались и выплата гарантированных %% производилась в сметном порядке из индийскаго бюджета. Таких платежей было произведено на общую сумму 28.425.285 ф. стер. по 1881 год включительно. С 1873 г. расширение сети производится главным образом путем казенной стройки и в более упорядоченных формах, особенно после парламентской комиссии 1874 г., обнаружившей грандиозные хищения. К 1880 г. было открыто 9.310 миль рельсового пути, к 1900 г. протяжение дорог превышало 25.000 миль, а в 1915 г.—35.285.

До 1899 г., несмотря на коммерческую выгодность отдельных линий, дороги в целом приносили убыток, который в дополнение к платежу срочных %, покрывался из бюджета. С того времени (1901 г.) государство, выплачивая держателям железнодорожных бумаг по 5.46% на затраченный капитал в размере 439.04 крор *) (в 1911 г.), само довольствуется доходом в 0,62% с этой суммы.

Наконец, последним и самым узким полем приложения хозяйственной деятельности государства были общественные работы в узком смысле слова, главным образом, в области гидро-технических сооружений. При громадной важности ирригации для всего хозяйства страны земледельческой по преимуществу и страдающей от неравномерного поступления осадков, бросается в глаза ничтожная затрата капитала на искусственное орошение по сравнению с жел. дорогами. В 1913 году в последние было вложено 232.575.510 ф. стер., а в ирригацию только 42,669 ф. стерл. Другой особенностью является архи-коммерческий подход. В то время, как при постройке железных дорог меньше всего обращалось внимание на их доходность, в деле ирригации непременно требуются исключительно высокие доходы. Как указывалось выше, первые приносят в общем не свыше 6% на капитал; для сети искусственного орошения этот % выразится в 9. Для Пенджаба, где сосредоточены 2/5 всей сети, он поднимается до 11%. Отдельные каналы служат источником прямо спекулятивных прибылей. Канал Джумны приносил за десятилетие 1901—1911 г.г. в среднем по 20—25%;

---

1) Крор—10 мил. рупий.

ирригационная сеть Нижнего Ченаба дала за один 1914 г. свыше 34% на затраченный капитал. Излишне добавить, что эти суммы выколачиваются в форме особо-тяжелых, добавочных налогов с каждого акра обрабатываемой земли, включенной в сеть. В 1907 году арендаторы государственной воды подняли восстание в районе Ченаба, не имея возможности выплачивать чудовищных ставок, установленных администрацией канала. После подавления безпорядков, были проведены кой-какие реформы. Но прибыль осталась на прежнем уровне.

Весь государственный долг Индии распределялся в 1915 году следующим образом: общая сумма—320.729,923 ф. стерл. Из них размещено в Англии—183.190,358; Индии—137.538,665. По областям приложения капитала: 234.123,268 ф. стерл. железн. дороги; 41.122,020—ирригация; остальное, главным образом, военные займы: 45.484,636 ф. стерл. Ежегодный взнос % в метрополии—6.230,040 ф. стерл. *).

Следующим средством государственной осушки Индии служит оплата лондонского министерства по делам Индии, составляющая в круглом числе 250,000 ф. ежегодно. Сюда же относятся другие расходы по управлению оплачиваемые в Англии—пенсии европейским чинам военной и гражданской службы, содержание всевозможным комиссиям и т. д. В сложности составляется не малая сумма в 6.500,000 ежегодно, в среднем за десятилетие 1901—1911 г.г.

Наконец, на последнем месте стоит деятельность правительства по закупкам различных материалов в метрополии, главным образом, военных (в 1913—1914 г.г.). На военные и военно-морские припасы ложится больше половины всех закупок—873,036 ф. ст. из 1.366,271 ф. ст.). С округлением общий расход по этой статье выражается в 2.000,000 ф. ст. ежегодно.

За время 1902—1913 г.г. общая сумма «home charges» определяется суммой около 223 милл. фунтов стерлингов.

Сверх государственной существует еще частная «дань». Сюда относятся избытки громадных окладов европейских чиновников, пересылаемые ими на родину, доходы английских торговых фирм и промышленных предприятий, поскольку они не проводятся одним перечислением торговыми книгами, и не покрываются обратным потоком денежных поступлений из Англии в Индию.

Самый баланс внешней торговли становится в таких условиях ярким показателем не экономических, но политических взаимоотношений метрополии и колонии. Постоянное превышение вывоза над ввозом может служить мерилом эксплоатации Индии, правда, весьма приблизительным, так как цена импортируемых товаров исчислена со всеми накладными расходами, как страховка, перевозка франко один из портов Индии, что по вычислению Хайндмана **) дает повышение на 15%, и потому, что займы,

*) Stateman's jear book 1916 г.
**) H. Hyndman. Bancrumpsy of India. London. 1906, стр. 58, 56.

размещенные в Англии, обычно расходуются на месте и ввозятся уже в виде товаров.

Различные исследователи выводили на основе того или иного сочетания цифры превышения вывоза над ввозом, размеров государственных платежей в Англии и общей суммы денежных переводов из Индии в метрополию, приблизительную величину индийской дани. Мр. Хайндман останавливается на сумме 40 милл. фун. стерл. в год (вычислено для 1906 г.). Мр. Уильсон на 33 милл. фунтов в год. Сэр Теодор Морисон называет цифру 21 милл. фунтов для «проблематической дани». Таким же образом получается и общая сумма средств, извлеченных по «осушке» за время британского владычества. По мнению Дигби *) государственная и частно-капиталистическая эксплоатация Индии принесла метрополии в период 1757—1899 г.г. грандиозную сумму в 6.080.172,021 фунт. стерл.

При таких формах эксплоатации, осуществляемой преимущественно через и при посредстве аппарата политического насилия, сам английский капитал действует в финансовой форме, лишь в минимальных размерах участвуя в промышленной разработке естественных богатств Индии. В 1916 г. весь английский капитал, помещенный в Индии распределялся следующим образом: общая сумма: 264.190.358 фун. стерл. Из них государственные фонды 183.190,358 фун. стерл., или 69,4%, транспорт водный и железнодорожный 43.890,000, или 16,6%, банки, торговые и посреднические конторы—13.209,758 ф. стерл., или 5%, обрабатывающая промышленность, как горное дело, рудники и т. д.—10.380,000, или 3%, и на остальные виды промышленного производства 6% **). Английский капитал в самой ничтожной степени оказывается заинтересованным в развитии производительных сил Индии, или связанным прочными корнями с местным производством. Этот краткий обзор экономического состояния Индо-Британской империи дает основу для понимания той политической борьбы, которая в настоящее время в ней разыгрывается.

И. Рейснер.

*) W. Digby. Prosperous British India op. cit. стр. 224.

**) В этот расчет вошли только компании, зарегистрированные в Англии, но действующие в Индии; степень участия англо-капитала в индийских акционерных компаниях нам удалось вычислить только для отдельных отраслей промышленности, как, напр. чайной, где сверх 1.303.000 ф. капитала чисто английских акционерных обществ еще 3.094.560 ф. было вложено в смешанные предприятия.

Аграрный вопрос в современной Персии*).

Самый запутанный вопрос в стране шахин-шахов (царя-царей), даже при теперешней безнадежной запутанности всех ее дел, все же является аграрный вопрос. В стране, где подавляющее большинство населения живет землей и продуктами земли, где государственный бюджет и вместе с ним вся шахская камарилья, духовенство и феодалы живут налогами и поборами с крестьян, где внешняя и внутренняя торговля главным образом и оперируют сельско-хозяйственными продуктами, в такой стране и по сие время еще не имеется никаких твердых законодательных норм для регулирования земельных отношений. Причина этого печального явления кроется не в том, что шахская власть настолько тупоумна, что не понимает своих обязанностей, нет, конечно, здесь сказывается могущественное влияние помещиков и феодалов, которые не только не хотят этих законодательных норм, могущих сократить поле их произвола, но и будучи все время у власти (к сожалению, и до сих пор), стремятся представить земельным баронам как можно больше возможности ограбления подчиненных им крестьян.

По воле и преступной деятельности этих господ, сейчас Персия является одной из отсталых стран мира. Фабрично-заводской промышленности она почти не имеет, а в сельско-хозяйственном отношении она напоминает только средневековую Европу, когда капитализм еще не успел в больших размерах проникнуть в деревню, но все же он продолжал свое воздействие на разрушение натурального хозяйства. Приблизительно в таком же положении, хотя несколько с иной вариацией, находится сейчас Персия.

Поэтому перед тем, как приступить к изложению собственно аграрных отношений в Персии, нам хотелось бы в кратких чертах восстановить в памяти читателя те колоссальные изменения, которые произвел в сельском хозяйстве национальный капитализм в каждой отдельной стране. Этот исторический процесс, разумеется, лучше всего можно наблюдать в современных европейских странах, где захватывание сельского хозяйства капиталом, по-

*) В русской литературе по аграрному вопросу имеется работа М. Павловича „Экономическое положение и аграрный вопрос в Персии". Гос. Изд. 1921 г. Эта брошюра, переведенная между прочим и на персидский язык, может служить введением к изучению аграрного вопроса в Персии. Наша работа написана по официальным материалам, добытым нами во время последней нашей поездки в Тегеран (1921).

степенно и бесповоротно, расшатывало старые формы производства и выдвигало на их место новые, превращая таким образом средневекового крестьянина в чистого земледельца, каким мы его видим в настоящее время.

И. действительно, средневековая крестьянская семья была—совершенно самодовлеющий хозяйственный союз, который не только производил средства продовольствия для собственного потребления, но и сам строил свое жилище, сам изготовлял для него мебель и домашнюю утварь, сам делал большую часть орудий, дубил кожи, перерабатывал лен и шерсть, сам шил свою одежду и т. д.

Но с развитием капитализма мало-по-малу заканчивается период привольной жизни этого независимого крестьянства. Первым шагом к этому было вытеснение крестьянского ремесла городской промышленностью и торговлей. Благодаря незначительного разделения труда внутри крестьянской семьи, городская промышленность очень скоро обогнала крестьянское ремесло и стала производить для крестьян утварь и орудия, которые крестьянин мог изготовлять далеко не столь совершенным образом, а часто даже вовсе не в состоянии был делать. Но развитие промышленности и торговли породило в городах и новые потребности, которые, подобно новым улучшенным орудиям, проникали в деревню тем быстрее и неудержимее, чем оживленнее становились сношения между городом и деревней—крестьянская промышленность не могла удовлетворить этих потребностей. Суконное платье заменило холщевые куртки и овчинные полушубки, лапти были вытеснены кожаной обувью. Развитие хлопчато-бумажной промышленности, необычайно удешевившее ситец, повсеместно очень ограничило, а во многих местах совершенно уничтожило разведение льна для собственного потребления крестьянина.

Чем дальше продвигался этот процесс, тем более разлагалась первобытная крестьянская домашняя промышленность, тем сильнее испытывал крестьянин нужду в деньгах: ему нужны были теперь деньги не для покупки предметов роскоши, а для покупки самого необходимого, без чего он не мог обойтись. Нормальное ведение его хозяйства стало невозможным без денежных средств. Если к этому прибавить, что постепенно развивалась и возрастала нужда в деньгах и у тех властителей—феодальных сеньеров, князей и прочих лиц, которые эксплоатировали крестьянина, то безотрадная картина изменившейся крестьянской жизни будет ясна. Как известно, это последнее обстоятельство привело к превращению натуральных повинностей в денежные, но вместе с тем породило стремление все более повышать эти повинности, благодаря чему потребность крестьянина в деньгах возросла еще более. Ко всему этому прибавляются еще налоги, процент за долги и арендная плата.

Единственный способ, которым он мог добыть деньги, состоял в том, чтобы превращать свои продукты в товар, выносить их на рынок и продавать там. Так постепенно сельский хозяин втягивался в круговорот капиталистических отношений, и его благополучие ставилось в зависимость от капризов городского рынка.

Так было в странах, где капитализм развивался в нормальных условиях, где за счет деревни и при помощи деревни воздвигались заводы и фабрики и процветала торговля, где сырье обрабатывалось внутри страны и возвращалось в деревню в виде фабрикатов, усиливая таким образом развитие национальной промышленности. Но совершенно иначе обстояло дело в колониальных и полуколониальных странах. Персия, как полуколониальная страна, выступила в 80-х годах на мировой рынок только как поставщик сырья и сельско-хозяйственных продуктов. Взамен всего этого она получала из индустриальных центров Европы всевозможные фабрикаты и предметы роскоши. Таким образом, Персия очутилась перед Европой в таком же положении, в каком находилась средневековая деревня перед промышленным городом.

Аграрные взаимоотношения в современной Персии во многом, как мы уже указали, напоминают европейское средневековье. И сейчас здесь те же феодалы, те же повинности, та же барщина, тот же произвол, только с той разницей, что в Персии, как и в других мусульманских странах, крестьянин не прикреплен к земле. На этот счет священные законы Ислама признают полное равноправие всех правоверных перед законом. Но это, разумеется, только на бумаге, а на деле экономическое неравенство в этих странах создало худшие формы рабства, какого никогда не видала Европа.

В Персии существует пять форм землевладения: халисе (государственная), умуми (общинная), вакуф (церковная), хурдамалик (мелкопоместная), арбаби (помещичья). Под халисе понимаются те поселения, которые являются собственностью государства. Эти имения правительство обычно передает в аренду, чтобы избавиться от административных затруднений. Большей частью берут их люди, не имеющие никакого понятия ни о земледелии, ни часто даже об отводимых участках. Так как аренда казенных имений очень выгодный «промысел», то за ней гонятся многие даже из помещиков, но почти всегда она удается только тем, кто имеет солидные связи с правящей кликой. При чем часто дело не обходится без оказания друг другу взаимных услуг, т.-е. без взятки. Такой арендатор, разумеется, ничем не стесняется. Ему не столь важно ведение рационального хозяйства, ему нужны деньги и по возможности в большем количестве. Отсюда—безжалостная эксплоатация крестьян и батраков и хищническое пользование землей. Если все же ему не удается выколачивать из этого предприятия 200—300% прибыли на внесенный им капитал, то он начинает жаловаться на свои убытки и просит об облегчении арендных условий. Теперь дело за его протеже: если он является влиятельной персоной в высших кругах, значит, арендная плата будет уменьшена, в противном случае вновь придется прибегнуть к обычному оказанию «взаимных» услуг.

До сих пор сдача казенных земель в аренду крестьянам почти совершенно не практиковалась. Летом прошлого года (1921) была образована комиссия при министерстве финансов, в целях регулирования этого вопроса, и передачи им части государственных земельных владений на правах арендного пользования.

Малиат (налоги) с казенных имений взимаются по заранее установленной форме. Сумма налога в денежной или натуральной форме определяется фиксированной правительством таксой, но весьма приблизительной. Кадастр, составленный около 100 лет тому назад и после не пересмотренный ни разу, не соответствует современной действительности. Многие из прежних поселений или не существуют, или же изменились до неузнаваемости. Во многих местах появились новые деревни и села, о которых кадастр не знает. Своекорыстие сборщиков малиата не дает возможность фискальным органам зарегистрировать все эти вновь появившиеся поселения, оставляя таким образом место для бесконечных злоупотреблений. Налог с государственных владений должен был взиматься в размере $^1/_{10}$ урожая, согласно шариатским установлениям. Но это так говорится, но всегда делается иначе. Большая часть этих владений или передается в аренду—тогда арендатор, не считаясь с шариатом, взыскивает малиат во всяком случае не в меньших размерах, чем обыкновенный помещик, или же государство управляет своими имениями через назначенных чиновников, которые тоже ничем ни стесняются и собирают с крестьян иной раз в несколько раз больше установленной нормы, присваивая таким образом себе львиную долю малиата.

Под умуми (общинная) понимаются такие местности, которые на праве собственности принадлежат данной общине. Сюда относятся кладбища, выгонные места, где пасется скот всей общины или села, гуменные места, водные источники (кяхризы) и т. п. Такие имения составляют собственность поселений или на праве столетней давности, или же на основании купчих крепостей. Количество общинных земель в Персии очень мало и встречается не везде. Более или менее обширные участки (умуми) встречаются в урмийской провинции. В таких районах луга, пригодные для обработки, частично передаются в аренду отдельным крестьянам с разрешения всей общины.

Третья категория земельной собственности в Персии известна под именем вакуф. Это те имения, которые принадлежат религиозным учреждениям и святым местам. Большинство вакуфных имений образовались путем завещаний тех или других богатых людей. Количество этого рода земель огромно. Святыня имама ризы в Мешхеде является обладателем сотни таких имений в Хорасанской и других провинциях. Святыня Шах-Абдулазим под Тегераном тоже владеет колоссальными латифундиями. Святыне Хазират Аббаста завещены в Салмасте не только крупные имения и фруктовые сады, но и виноградники, леса и др. В таком положении находятся и отдельные мечети в разных частях страны.

Секрет этой щедрости со стороны богатых правоверных заключается не только в том, чтобы закрепить за собой грядущее блаженство рая, но и в том, чтобы обеспечить за своими наследниками определенный размер твердого дохода. К этому их принуждают, с одной стороны, ничем не ограниченный произвол государственных чиновников и сборщиков податей, а с другой—не прекращаемые тяжбы или между ними и крестьянами, или же с соседними

помещиками, претендующими на части их имений. Последнее обстоятельство дает возможность корыстолюбивым губернаторам постоянно заниматься вымогательством, брать взятки со всех жалобщиков, но дело не решить ни в чью пользу; так действуют не только губернаторы, но и в свое время Магомет Али Шах, в бытность свою наместником (валиатом) Азербейджана, занимался этим постыдным делом.

Но когда имение, в силу завещания или передачи его владельца, становится вакуфным, то оно освобождается от всякого рода налогов и обложения. Религиозное учреждение, которому принадлежит данное имение, получает свою часть дохода на основании указанной нормы завещателем. Эта норма обычно варьируется от $^1/_{10}$ дохода и выше. Остальная часть делится между помещиком и крестьянами. В некоторых районах Персии, как, например, в Имамкендии (Урмийск. провинц. Энзель), четверть получаемого дохода идет в пользу святыни, остаток же распределяется по системе «секут», т.-е. $^1/_3$ помещику, а $^2/_3$ крестьянам. На доходы от вакуфов содержатся: неимущее духовенство, сироты, религиозные школы и т. д. Такие имения, в случае отсутствия наследников, переходят в полную собственность святых мест. Некоторые правоверные передают им свои имения сразу, тогда весь доход поступает в распоряжение святыни. Так поступают, главным образом, для приобретения популярности, наиболее богатые помещики.

В Тегеране существует центральное учреждение вакуфов, которое и заведует всеми имениями в разных провинциях. Все подробные сведения относительно местонахождения вакуфов, их площади, размер доходов, имена завещателей или дарителей, рода имения и прочее поступают в это центральное учреждение. Вокруг этих вакуфов почти по всей Персии собрался целый слой дармоедов и праздных людей, которые растаскивают эти колоссальные богатства. После них, разумеется, для сирот и школ остаются только крохи.

Четвертую категорию земель составляют «хрдамалик», как называют их в северных провинциях (т.-е. мелкопоместная). Это те земли, которые принадлежат крестьянам на правах частной собственности. В таких селениях крестьяне имеют свои дома, построенные на своих участках, и за них никаких налогов не платят (дехкаде). В смешанных районах, где часть села принадлежит помещику, а другая часть—крестьянам, последние часто строят свои дома и на помещичьей земле. В таких случаях они обязаны платить ему за это особый налог. В Персии встречаются и такие селения, которые хотя и являются собственностью арбаба (помещика), но и крестьяне там пользуются кое-какими правами. В таких местностях помещики издавна распределили земли между крестьянами так, что каждый из них имеет свою определенную территорию и обрабатывает ее наследственно. Это так-называемые сай-хампаи (соуделы). Они вводят в них массу улучшений: культивируют почву, превращают неудобные для пашни земли в пригодные, проводят каналы для орошения полей, обводят их заборами, насаждают их деревьями, словом, прилагают известное старание для обеспечения себя и на будущее время, так же,

как это делают они на своих собственных землях. Местами за крестьянами признается даже право купли, продажи таких земель, но только между собой. В купчей ясно указывается о продаже сая, т.-е. право обработки полей. Что касается домов «дехкаде», то в селениях сай-хампаи они составляют или собственность арбаба-помещика, если они построены на его средства, или собственность крестьян, если они построены без помощи арбаба. В первом случае помещик может всегда удалить крестьянина из его жилища, а во втором случае—только по возвращении ему стоимости сырого материала, каким построен дом (труд его не ценится). За пользование землей арбаба, крестьяне уплачивают ему ежегодно $^1/_3$ собранного урожая. Это называется малиат арбаби, а малиат дивани, т.-е. налог государству, уплачивается по определенной таксе. Однако, надо заметить, что описанная система «Саи» отнюдь не влияет на уменьшение денежного малиата-арбаби со скота и прочих статей крестьянской собственности, как мы это увидим в дальнейшем. Но несмотря на это, на землях Хрдмалика и Сай-Хампаи крестьяне живут гораздо лучше, чем на землях чисто-арбаби. Система Сайхампаи (соуделы) является одним из способов прикрепления крестьян к земле. Но и это не всегда.

В многих районах Персии лет 25—50 тому назад многие селения составляли частную собственность крестьян (Хрдмалик), как, например, в Урмийском, Карабахском, в Милане и других. Но с течением времени, путем целого ряда злоупотреблений, путем захвата части села и об'явления впоследствии всего села арбабским, или же благодаря тиолю—ленного пользования, эти поселения переходили в собственность помещиков. Дело в том, что каждое хрдамаликское селение обязано было, как и все другие, уплатить государству поземельный налог — Малиати-дивани. Государство же, в видах своих удобств, отдавало взимание этого налога в качестве тиюля тому или другому помещику-хану. И вот, укрепив за собой этот тиюль (часто же купив его у государства), помещик постепенно повышал норму натуральных и денежных податей и доводил ее до такого размера, что она ничуть не уступала размеру налогов арбабских сел. Таким образом, приобретатель тиюля становится собственником целого селения. А при существовании судов, где главную роль играли сами помещики, голос протеста со стороны крестьян оставался всегда без всякого результата.

Другой способ захвата помещиками крестьянских земель заключался, как мы уже указали, в том, что он приобретал сперва только часть их, и спустя некоторое время он об'являл себя собственником всего села. Например, крестьяне села Кулунджи, Карабахского мхала, Энзельского округа, в 1900 году, нуждаясь в деньгах, продали часть своих земель помещику, оставляя в своих руках, кроме части земель, и сады, водные источники, общинные земли, пастбища и частью «дехкаде», т.-е. право на свои жилища. Но в дальнейшем помещик начал требовать малиата арбаби со всех об'ектов, составляющих неоспоримую крестьянскую собственность. Никакая жалоба крестьян не могла предотвратить это грубое насилие над ними. Часто помещик, приобревши

часть села, об'являет его исконных владельцев-хрдамаликов «атрафи», т.-е. посторонним для данного села элементом, и требует от крестьян или покинуть село, или же платить малиат-арбаби полностью, как это было в Салмастском районе. Редко в таких случаях персидское правосудие, даже в теперешнем реформированном виде, способно бывает защитить крестьян от такого произвола.

Пятую категорию земель в Персии составляют помещ. земли—земли арбаби. В прежнее время персидские Шахин-шахи часть казенных земель отдавали разным кочевым племенам на ленном праве в тиюль. Взамен этого кочевники обязаны были поставлять отряды всадников в шахские войска или охранять границы государства. Так, например, некоторые курдские племена были переселены из своей родины в Хорасан, где им были отведены земли для защиты населения края от туркменских набегов, а впоследствии и для защиты границ. В Солдузском районе лет 85 тому назад также было заселено племя «Карапанах» для тех же целей. Оно получило от государства населенные ими места на праве вечно-наследственного владения. Все 124 села, занимаемые сейчас этим племенем, принадлежат помещикам-арбабам. Точно в таком же положении находились на западной границе страны—разные арабские, курдские и тюркские племена. Кроме того, в 16 веке правители Персии, для своего удобства, целые округа передавали отдельным сановникам в наследственное управление под названием ханство, т.-е. крупных административных территориальных единиц во главе с повелителем-ханом. Так, например, часть теперешнего Закавказья, входившая раньше в состав Персидской империи, образовали ханства: Нахичеванское, Эриванское, Нухинское, Ширванское, Ленкоранское и т. д. Все эти ханства признавали над собой, в большей или меньшей степени, власть Иранского Шахин-шаха и, как его вассалы, обязаны были во время войны придти ему на помощь войском и аммуницией. Подобно феодалам средневековой Европы, ханы получали от своего сюзерена-шаха определенные территории в вечное владение и пользование (тиюль). Таким образом тиюль в те времена давалась лишь тем лицам, которые обязаны были оказывать помощь шаху в военное время и платить ему определенные подати [1]).

С течением времени военная мощь Персии постепенно идет к упадку, и вассалитет ханств фактически вымирает. От бывшего политико-экономического ханства отпадает его первое качество, и ханство становится лишь обширным владением наследников умершего хана тиюледара. Свободная продажа земель ханами частным лицам, с одной стороны, и распределение этих земель между его наследниками, в силу наследственного права, с другой, ведут к мелкопоместному владению землей. Сейчас из более или менее сохранившихся ханств остались: Маккинское, Карадахское, Бахтиарское и

---

[1]) До 1906 г. персидские шахи все еще продолжали даровать тиюли, и все придворные, фаворитки со всеми их приближенными широко пользовались этой шахской милостью. Но после революции сдача государственных земель в тиюль была воспрещена.

другие, которые являются в некотором смысле полунезависимыми от шаха. Главнейший центр Маккинского ханства—город Макку. На территории ханства насчитывается около трех тысяч сел, из коих свыше 150 принадлежат самому Сердару (главному хану), а остальные мелким ханам, которые в административном отношении подчиняются Сердару, как генерал-губернатору всего Маккинского ханства. Но это не мешает им вести между собой, за обладание тех ил. других сел, постоянную междуусобную борьбу, часто выливающуюся в открытый военный поход одних против других. Точно в таком же состоянии находятся карадахские ханы. Что касается до бахтиарских ханов, то они относительно более дружно живут, чем эти первые два. Каждый год в городе Испагане собирается сезд ханов из бахтиарских земель, и наиболее спорные вопросы, возникшие между ними, решаются там.

С 80-х годов, когда Персия постепенно втягивается в орбиту мирового хозяйства и из года в год увеличивает экспорт сельско-хозяйственных продуктов, земельная рента сильно повысилась. Денежные и торговые капиталисты из городов спешно начали скупать земли у разных тиюледаров и быстро заняли их места. А со времени первой революции правительство окончательно воспретило дарование государственных земель частным лицам, таким образом, понятие тиюль мало по малу сошло на нет. Но зато появился более могущественный стимул для угнетения и эксплоатации крестьянских масс. Растущий спрос на сельско-хозяйственные продукты усилил натиск помещиков на крестьян и, кроме того, привел к захвату последними целого ряда имений, сел и деревень, принадлежащих раньше крестьянам, религиозным учреждениям и государству. Одновременно с этим увеличивалась и зависимость крестьян от помещиков. Этому особенно способствовал существующий правопорядок, который ретиво охранял интересы нескольких тысяч помещиков в ущерб миллионам трудового крестьянства. Правда, «шариат» представляет последним право требовать правосудия, но существующие судебные учреждения, зачастую находящиеся или в руках помещиков или же в зависимости от них, почти всегда игнорировали жалобы крестьян и держали сторону арбаба. Торжество грубой силы постепенно становилось руководящим фактором в персидской деревне.

И, действительно, в Салмасском районе можно указать десятки таких имений, присвоенных помещиками путем грубого захвата: селения Савра, Паядшук, Сарнак, Дришк, Махлам и друг. Крестьяне не один раз протестовали, жаловались на домогательство помещиков, но безрезультатно[1]).

Исторически все селения обязаны были платить государству так называемый «от—арпаси», т.-е. ячмень для казенных лошадей в размере 1/10 урожая. И вот помещики, взяв под свое руководство осуществление этого целевого налога, постепенно присвоили себе имя арбаба-собственника и путем применения силы стали повышать ставку 1/10 до 1/7, а местами

---

[1]) Мы пользуемся для иллюстрации материалами, собранными С. Авакяном северной провинции Персии—Азербейджане.

даже до ⅓ (село Сарнак). Ни купчие крепости, имеющиеся в руках крестьян и написанные иногда сотни лет тому назад, ни право их владения (тассаруджа) в течение нескольких десятков и сотен лет не в состоянии были служить в глазах пристрастного суда, часто состоящего из таких же арбабов-помещиков, достаточным доказательством собственности крестьян на оспариваемые земли. Согласно купчей крепости, написанной 170 лет тому назад, гор. Дильман считался вакуфом и, как таковой, следовательно, не мог быть отчуждаемым, а теперь тот же Дильман со своими районами составляет собственность частных, светских и духовных лиц. Такая же судьба постигла в Урмийском районе села: Кущи, Джмалабад, Гяулан, Кулунджи, Кяхриз и друг. В Гиланской провинции и по сие время масса имений находятся в руках помещиков, на основании каких-то шахских ферманов и приказов. В округе Арванак, лежащем к северо-западу от Тавриза, подавляющее большинство сел сейчас составляют помещичью собственность, в то время, как лет 20—30 тому назад, согласно сохранившимся документам, там существовала масса селений «Хурдмалик», т.-е. составляющих собственность крестьян. О некоторых селениях спор и до сих пор еще не закончен. Только этим об'ясняется, то обстоятельство, что в руках нескольких сот помещиков этого района сосредоточены десятки тысяч имений.

Можно было бы привести еще сотни таких примеров, являющихся живыми свидетелями того неслыханного произвола, который царит в стране Льва и Солнца. Если помещики так легко и безнаказанно могут захватить крестьянские земли, то можно себе представить, какой адски тяжелой эксплоатации подвергают они крестьян, находящихся на их собственных землях. Когда после подавления революционного движения в Гилане, продлившегося около двух лет, помещики вернулися в свои имения, то они потребовали от крестьян уплаты не только налогов и поборов с процентами за два года, но и всех убытков, причиненных им революцией. Кто знает, чем кончился бы этот произвол, если в дело не вмешались бы власти. И это, несмотря на то, что большинство этих имений раньше принадлежало государству, и на основании каких-то шахских подачек захвачены были помещиками. Дело дошло до того, что даже умеренная тегеранская газета «Иттихад» выступила на защиту крестьян против чрезмерных требований помещиков.

Но ничто так не разоряет персидского крестьянина, как эти неслыханно тяжелые налоги, поборы и повинности. Трудно представить себе какую-либо страну в мире, где налоги с такой тяжестью и беспощадностью давили бы на мелкого сельского хозяина, как это имеет место и по сейчас в Персии. Чрезвычайно трудно составить даже приблизительный список всех тех повинностей, которые несет персидский крестьянин на своих плечах. Но все же мы попытаемся ознакомить читателя, хотя бы с основными их видами, наиболее распространенными в стране.

Основной налог, который платит крестьянин,—это налог на землю с собранного урожая. Но размер доли помещика в этом урожае обусловли-

вается еще наличностью или отсутствием у крестьянина семян, рабочего скота, земледельческих орудий и т. д. Если крестьянин обращается к помещику с просьбой помочь ему семенами, рабочим скотом или еще чем нибудь, то соответственно его доля сокращается в пользу помещика. Поэтому существует несколько форм эксплоатации крестьянского труда: нисфакар, сеекбар и чарекдар. Как показывают и значения этих слов, доля крестьянина в собранном урожае, выражается дробями ½, ⅓, ¼.

Под нисфакар понимаются те крестьяне, которые располагают рабочим скотом, земледельческими орудиями и прочими материалами и работают на помещичьей земле, при чем они уплачивают предварительно две десятых собранного уражая помещику, после чего остаток делят с помещиком поровну.

Вторая форма взимания натуральных податей является—сеекбар, т.-е. когда крестьянин берет необходимое для обсеменения полей количество зерна у помещика и для обработки земли пользуется его рабочим скором. Из полученного урожая помещику сначала отсыпается 2/10, а остаток делится на три части, из коих 2/3 поступает опять помещику а ⅓ крестьянину. Помимо разницы между размером платимых помещику доходов, формы сеекбар и нисфакар различаются друг от друга еще тем, что при форме сеекбар, крестьянин государственного малиата (налога) не платит, тогда, как нисфакар платит—½ этого малиата, а другую половину платит сам помещик.

Под чарекдар понимаются крестьяне, которые не располагают ничем, сеют на помещичьей земле рис (все на средства помещика) и по получении урожая имеют право выделять в свою пользу только одну четверть с одной пятой части общего урожая, т.-е. одну двадцатую. Таким образом, по отношению к пшенице и ячменю общеустановленной долей помещика до раздела является две десятых, продукт же риса почти всецело поступает к помещику.

Но вышеуказанные нормы взимания натуральных налогов не везде выдерживаются. Во многих районах, как например, в Урмийской провинции, помещик получает ½ и только в некоторых местностях ⅓ чистого дохода. Обычно орошаемые поля (оби) платят ½ или ⅓, а нагорные поля (демат) ¼, собранного продукта. В Маккинском ханстве крестьяне обязаны внести арбабу (помещику) не менее ½ части урожая. В Тегеранском районе помещик получает $^2/_5$ со всего урожая. Под Тавризом орошаемые—платят ⅓, а нагорные поля $^2/_9$. И это только тогда, если крестьянин у арбаба не просит никакой помощи. В противном случае, доля арбаба соответственно увеличивается. Как видно из приведенных примеров, в Персии не существует единообразной системы взимания натуральных податей. Все зависит от произвола помещика. Даже государственные налоги, которые более или менее точно установлены, взимаются раза в два, в три больше общей нормы. И вся разница опять-таки остается в кармане арбаба помещика, так как он является в данном случае почти всегда агентом фиска.

Натуральный налог взимается также с огородных растений: так бостан (арбуз, дыня, тыква и т. д.) платят 5% продукта, енджа (клевер) 20%. С фруктовых садов тоже взимается определенный процент. Но если крестьянин добровольно уходит из села, то он лишается результов своего труда, т.-е. сад, выращенный им на земле помещика, целиком отходит к помещику. Очень часто вода, идущая на орошение полей, тоже является собственностью помещика. Как известно, в Персии без воды чрезвычайно трудно вести сельское хозяйство. Орошаются не только хлебные поля, но и фруктовые сады, виноградники, искусственные леса и т. д Поэтому, в чьих руках находится распределение воды, тот фактически является монопольным хозяином данного района. Разумеется вода сплошь и рядом принадлежит помещику, и он постоянно спекулирует ею. Цена за воду так же, как и норма натурального налога зависит от желания и произвола помещика. Но спекулируют водой не только помещики, часто этим занимаются и местные власти. Дело в том, что в Персии речная вода является государственной монополией, но эта монополия осуществляется через губернаторов, а те в свою очередь через крупных землевладельцев. В конечном результате вся тяжесть опять-таки ложится на несчастного крестьянина. Так, например, в Тегеране правительство от продажи воды для орошения полей Верамина и Шахрияра, получает только 30,000 туманов ежегодного дохода, а потребитель уплачивает раз в пять больше этой суммы. Очень часто крестьянин не имеет нужные деньги для уплаты за воду и должен брать их у ростовщиков под невероятно высокие проценты (от 120 до 200%), или же запродавать свой будущий урожай по чрезвычайно дешевым ценам, чтобы иметь возможность своевременно купить у правительственных агентов необходимое количество воды. С другой стороны, агенты отпускают воду крестьянам не по той установленной цене, а в несколько раз дороже. Результатом всего этого является сокращение посевной площади и вздорожание хлебных продуктов. В Тегеране за последние пять лет цены на хлеб поднялись с 5—6 до 20—25 туманов за харвар (харвар рав. 18 пуд.).

Таким образом, основными элементами, на которые делится урожай являются: семена, рабочий скот, вода, земля и труд. Если крестьянин кроме своего труда обладает и рабочим скотом и семенами, тогда он получает $^3/_5$ урожая, а помещику, как хозяину воды и земли остается $^2/_5$. В противном случае, доля той или другой стороны соответственно увеличивается или уменьшается. Это правило является общим почти для всей Персии, с небольшими отступлениями. Все налоги и поборы падают, главным образом, на крестьянскую часть урожая.

Кроме натурального налога в виде малиата арбаби и малиата дивани, собираемых самим помещиком, крестьянин должен платить тому же арбабу и государству еще целый ряд денежных налогов, которые тоже поступают сначала к помещику, после он вносит в казну. Из денежных налогов наиболее крупным является подушная подать, она взимается с совершеннолетних муж-

чин, а местами и с женщин. Женатый признается за полную душу, неженатый совершеннолетний—пол-души и малолетние от десятилетнего возраста за четверть души. В селениях, расположенных в окрестностях Тавриза, каждый холостой крестьянин платит 5 кран (около рубля золотом), а женатый 10 кран. Несколько дальше от Тавриза, в полосе тавризской железной дороги Софиан—Маранд и проч., холостой платит 6 кран, а женатый 12½ кран. В районе Мараги и Хаштаруда подушная подать взимается и с женщин от 10 до 12 кран.

Далее идет налог на воинскую повинность, называемый «падаром» Этот налог слагается из определенного, для каждого села, числа рекрутов, с установленной денежной платой. Местами он составляет очень крупную сумму и по своей норме равняется почти сумме всех прочих статей малиата. «Падар» собирают крестьян между собой путем раскладки на взрослых членов семьи. Сумма налога зависит от числа сарбазов (солдат), подлежащего набору из данного села. В некоторых районах (например, в Марагинском), за каждого сарбаза уплачивается 52 крана, в Тавризском районе эта сумма доходит до 20—25 туманов.

Местами, сверх того, крестьянами выдается еще по одному харвару пшеницы.

Но дело этими налогами не ограничивается. После них еще идет длинная вереница налогов, взимаемых почти со всех об'ектов крестьянского хозяйства и произведенных им продуктов. В деревнях, находящихся под Тавризом, существуют следующие ставки: так, буйвол платит 3 крана, верблюд—7 кран, мул—5 кран, лошадь—2½ крана, корова—25 шаи (1 шаи рав. 1 коп.), баран—10 шаи, соле—25 шаи, с каждых 10 приращенных деревьев по одному для помещика, с каждых 10 харваров зерновых продуктов по 5 харваров соломы (саманули), с урожая клевера, одна десятая и т. д. Кроме того, каждый крестьянский двор должен дать помещику ежегодно по несколько куриц или деньги по их стоимости (тжуджанули), определенное количество дров для отопления или соответствующую сумму денег (тазакнули) и т. д. Крестьяне эту систему называют гёрал, т.-е. все, что доступно для глаза помещика, неминуемо будет обложено. Надо сказать, что Тавриз является и по сие время центром персидской революции, и крестьяне этого района являются более сознательными в смысле отстаивания своих прав. Поэтому здесь целый ряд налогов и натуральных повинностей или вовсе отсутствуют, или же существует весьма слабо. Значительно хуже обстоит дело в районе столицы Тегерана, где крестьяне, помимо всех остальных, должны еще содержать управляющего, кормить старшину и удовлетворить писаря. В общем и целом налог со скота взимается в Персии, почти повсюду [1]).

Но ничто так тяжело не отражается на крестьянском хозяйстве, как

---

*) Налог не взимается только с тех животных, которые участвуют в обработке и вспашке поля, как например, буйвола самца, быка, коня и т. д., самки же все облагаются.

барщина (бегар). Это даровая работа крестьянина на помещика. Отбывание барщины отнимает от 30 до 200 дней в году. Никакой установленной нормы на этот счет, как и в области обложения, не существует. Все зависит от желания арбаба. По его приказу крестьяне чинят мосты, проводят и очищают канавы, орошают помещичьи поля, даром свозят помещичью часть продуктов в его амбары, молотят его хлеб на гумне и на мельнице, ремонтируют, а местами и выстраивают для помещика дома, словом делают все, что нужно для арбаба. Даже женщины не остаются без работы, они должны перерабатывать хлопок, шерсть, прясть нитки, месить тесто и т. д. и т. п. Кроме всего этого, в Маккинском районе, крестьяне должны еще иметь ружье для защиты своего помещика в случае надобности. Несмотря на то, что после революции 1906 г. барщина (бегар) формально была отменена, но фактически положение крестьян в этом отношении очень мало изменилось. Бегар свирепствует не только в окраинах, но и под самым Тегераном—столицы царя-царей, крестьяне плачут от него[1]). В некоторых захолустьях (например, в Карадахском районе) помещик совершенно безнаказанно может и убивать своего крестьянина и за малейший проступок, подвергать его штрафам, пеням, избиению и т. д.

Но и это еще не все. Крестьяне еще обязаны преподнести своему помещику особые подарки, которые можно делить на обязательные и необязательные. В состав первых входят поздравления во время Байрама (большой мусульманский праздник) с подношением помещику сахара, баранов, денег, вязанных изделий и т. д. Затем при выдаче замуж девочек в самом селении, помещик имеет право взимать по одному крану с каждого тумана тех денег, которые жених платит родителям невесты. Если же девочка выдается в другое село, то свадебная подать с каждого тумана составляет 2 крана. В некоторых районах Соуджбулага уцелел даже институт «первой ночи». В Карадахском районе выдача замуж вообще не может состояться без формального разрешения помещика. И это можно достигнуть только путем представления ему одного или нескольких баранов в качестве подарка.

В этом маленьком очерке, разумеется, невозможно перечислить даже десятой доли тех унижений и страданий, которым подвергается ежечасно персидский крестьянин. Священные законы Ислама требуют от него подчинения своему старшему, т.-е. своему арбабу-помещику. А институт частной собственности об'явлен нечто неприкосновенным, с точки зрения шариата, установленным самим Аллахом. Об этом говорят ему священные книги и ежедневные проповеди духовных отцов. Низкая ступень его культурного развития дает возможность его эксплоататорам за счет голодного бюджета трудового крестьянина вести привольную жизнь в роскошных парках и дворцах столицы и других городов.

---

*) Во многих местах крестьяне обязаны бесплатно доставлять своими средствами и часть урожая, перешедшего в виде налога к государству, в амбары министерства финансов.

Такое бесправное состояние с бесчисленными налогами и поборами, очень тяжело отражается на крестьянском хозяйстве. И до сих пор еще в Персии в большинстве случаев действует соха, только местами земля пашется плугом. Только этой неслыханно варварской эксплоатацией об'ясняется то явление, что ежегодно десятки тысяч персидских крестьян покидают родной край и ищут себе кусок хлеба в промышленных центрах Туркестана, Кавказа и других районах России. Они покидают родной край потому, что не находят там места для приложения своего труда. И это в то время, когда в Персии имеется необ'ятное пространство пустующих земель, пригодных для обработки и принадлежащих государству. Но господствующая клика — феодальные аристократы и помещики в союзе с монархической сворой умышленно не хотят допускать крестьян к этим землям, в противном случае они лишились бы сотен тысяч своих рабов, которые с величайшим удовольствием покинули бы свои проклятые гнезда, где помещики так бесцеремонно обирают их последнее достояние, и заняли бы эти новые места.

Но, повидимому, этот вопрос не подвинется с места до тех пор, пока власть в стране будет находиться в руках помещиков. Только победоносная революция, только уничтожение могущества феодалов даст возможность персидскому крестьянину облегчит, хотя бы отчасти, адские условия своей жизни и сбросить с себя цепи векового рабства.

Но горе персидского крестьянина заключается не только в том, что на его шее сидят и за его счет кормятся: помещик, духовенство, шахские агенты, чиновники, армия и сотни тысяч других дормоедов, но и в том, что он является об'ектом эксплоатации и со стороны иностранных капиталистов. Если развитие капитализма в европейских странах положило конец привольной жизни крестьянина, создав национальную промышленность, где он все же мог приложить свою рабочую силу, то в Персии оно стало не только величайшей помехой развитию туземной промышленности, но и ускорило пауперизацию крестьян и кустарей, выбросив их в за пределы своей страны в качестве дешевой рабочей силы. Потребность персидского помещика в деньгах также усилилась, как в свое время у феодальных сеньеров средневековья, но усилилось и бремя денежных налогов, выплачиваемых персидским крестьянством, который превратился под конец в простого поставщика сырья в индустриальные центры Европы и покупателем их фабрикатов. Вся разница между дешевым сырьем и дорогими фабрикатами, являлась кровавой данью, которую преподносил персидский мужик европейскому капитализму. В результате этой двойной эксплоатации своих и чужих эксплоататоров персидское крестьянство сегодня является самым отсталым и самым нищим во всем мире.

А. Султан-Заде.

Персидские партии.

(Письмо из Тегерана).

Возникновение политических партий в Персии относится к эпохе введения конституционного режима. В самом начале революционного движения в Персии никаких партийных группировок не было: наметилось лишь два лагеря,—революционеров—сторонников конституции и противников последней. Первое национальное собрание (Меджлис), работавшее с 7/X 1906 г. до 23/VI 1908 г., когда оно было разогнано по приказу Мамед Али шаха казаками Ляхова, также не имело в своем составе партийных группировок и было составлено по принципу сословного и даже цехового представительства. Борьба с абсолютизмом Мамед Али шаха и свержение его вызвали об'единение конституционалистов и образование персидской демократической партии, единственной партии в нашем смысле слова.

Для того, чтобы история персидской демократической партии была ясна, а также для правильного учета значения и влияния как этой, так и других партийных группировок, постоянно возникающих на политическом горизонте Персии, нужно иметь в виду характерные особенности персидской общественности. **Вообще общественная жизнь в Персии начиналась лишь с эпохи конституции и до сих пор проявляется очень слабо.** Феодальный строй в Персии, держащийся до сих пор, главным образом, благодаря существованию в стране отдельных племен полунезависимого характера, давал возможность развиваться только племенным об'единениям, которые выступали в политической жизни Персии лишь под влиянием отдельных событий и определенных вождей, личное влияние которых в значительной степени определяет собой линию их поведения. Таково было выступление бахтиар в персидской революции, имевшее своей целью свержение Каджар и установление в Тегеране бахтварской династии. Это личное начало сохраняет в Персии до сих пор свое значение в современных общественных об'единениях и политических партиях.

Современные персидские партии, хотя и имеют официальную программу, обычно переведенную с европейского образца, и более или менее соответствующую наименованию партии, однако, программа эта в большинстве случаев не играет никакой роли. Персидская партия является сообществом нескольких лиц, желающих провести какую-либо определенную кампанию, часто проведение определенного лица в министры, губернаторы или в депутаты. Иногда поставленные такой партией цели являются более широкими и общими, например, борьба против направления существующего кабинета или проведение в Меджлис депутатов определенной ориентации. Этим текучим и практическим характером задач, которые вызывают к существованию такого рода партии, об'ясняется их быстрое возникновение и столь же быстрое исчезновение, при котором часто часть членов переходит в другую партию, а часто организует новую, не имеющую ничего общего с прежней. Крайним выражением характерных особенностей персидской партии являютсся так называемые комитеты, которые обычно возникают для проведения определенного дела и потом также быстро исчезают. Конечно, поскольку в общественной жизни Персии начинают вырисовываться классовые интересы и группировки, постольку и партии, выражающие эти интересы, приобретают более устойчивый характер. **В общем можно**

отметить, что на всем протяжении конституционного периода партийные группировки в Персии являлись отражением двух тенденций—консервативно-реакционной и прогрессивной. В начале эти тенденции дали «умеренных» и демократов», потом «тешкили» и «зедде тешкили», затем «парламентское большинство» и «меньшинство» и т. д.

Эпоха второго Меджлиса (15/XI 1909 г.—24/XIII 1911 г.) является свидетелем окончательного сформирования демократической партии и ее политической работы. Основателями партии является группа европейски-образованных персов, из которых многие и сейчас занимают выдающееся место в политической жизни Персии: Таги-заде (прибывший в Персию тотчас после свержения Мамед Али шаха и изгнанный из нее через год происками духовенства, об'явившего его язычником), Госсей Голи-хай Навваб (сейчас находящийся в Берлине), Солейман Мирза и Моссават (теперь лидеры парламентского «меньшинства») и др. В противовес демократам реакционные и консервативные элементы об'единились в партию т. н. «умеренных («эхтиделиюн»). Во главе их стал регент юного Ахмед шаха Насер-оль-Мольк, человек европейского образования, но являющийся типичным представителем персидских либералов, не обладающих ни настойчивостью, ни смелостью. В партию входили Мушир-ед-Довле, Мотамен-оль-Мольк, Теба-Тебаи, Мазед-эс Салтанэ и др. Во втором Меджлисе были депутаты, не примкнувшие ни к демократам ни к умеренным, которые образовали т. н. «коалиционную фракцию» («хейяте Мо'талефе»), в их числе был известный теперь лидер реакционного духовенства Имам Джоме Хойский. Кроме этих групп во втором Меджлисе была малочисленная кучка т. н. «прогрессистов» («эттефаг тереки») основателем которой был Мостеан-оль-Мольк.

Демократы были в значительном меньшинстве в Меджлисе, где они имели только двадцать два места. Однако, им удалось повести за собой большинство по вопросу о русском ультиматуме об отставке Шустера, американского финансового советника, против какового ультиматума Меджлис второго созыва заявил протест, что и явилось причиной его роспуска. Демократическая фракция Меджлиса почти в полном составе покинула Тегеран и выехала в Исфаган. При выборах в третий Меджлис, работавший с 14/XII г. до 16/XI 1915 г., от Тегерана прошло большинство «этедалиюн», однако провинциальные выборы дали большинство демократам, которые, затем, составили большинство и в кабинете. Выборы в Меджлис третьего созыва прошли под лозунгом определения позиции Персии в международной войне. Демократы в это время принимают открыто ориентацию против насильнической политики Антанты и склоняются в пользу Германии, официально провозглашая своим лозунгом невмешательство Персии в войну, охрану нейтралитета Персии, заявив протест против вторжения русских и английских войск на территорию Персии. Русский нажим с севера и угроза оккупации Тегерана русскими войсками вызвали капитуляцию персидского правительства, закрытие Меджлиса и бегство демократов в Кум, образование там «комитета защиты родины», а потом «временного правительства» в Керманшахе во главе с демократами. При дальнейшем продвижении русско-английских войск большинство лидеров демократов эмигрировало в Константинополь, а потом в Германию. Произошел форменный разгром демократической партии. Немедленно после капитуляции англо-русское политическое давление в Персии чрезвычайно усилилось. В это время секретарь английской миссии в Тегеране Черчилль сделал попытку организовать из оставшихся демократов новую демократическую партию, которая должна была вести агитацию за открытие нового Меджлиса и в дальнейшем за об'явление войны Турции и Германии. Попытка эта окончилась неудачей (1916 г.). Это период истории Персии характеризуется почти полными прекращением партийной жизни. Диктатура англо-фильского кабинета Восуг-эд-Довле имела своей целью полное искоренение всех элементов, стоявших в оппозиции английскому влиянию. Однако, это вызвало деятельность нескольких

подпольных комитетов террористического характера, пытавшихся бороться против политического гнета путем устранения отдельных лиц.

Русская революция всколыхнула политическую жизнь Персии. Политические элементы начали об'единяться. Возникла мысль о новой организации демократической партии и об открытии Меджлиса. Однако, то обстоятельство, что лучшие элементы партии находились в изгнании, вызвало в рядах партии сомнение, своевременно ли проводить партийную организацию и намечать кандидатов в Меджлис. По этому вопросу возник раскол. Остатки демократической партии, принявшие после разгрома английскую ориентацию, надеясь возродить Персию при помощи английской экономической поддержки, решили немедленно провести партийную организацию, добиться скорейшего открытия Меджлиса, проведения туда своих кандидатов и дальнейшего заключения соглашения с Англией. Меньшинство, верное старой программе, заявило протест против сформирования партии впредь до возвращения из-за границы эмигрантов.

Так демократическая партия распалась на две группы «тешкили» (сторонники немедленной организации партии) и «зедде тешкили» (противник организации). Лидерам демократов «тешкили», пошедшим на соглашение с англичанами, в дальнейшем пришлось сыграть печальную роль инициаторов или пособников англо-персидского договора 9/VIII—1919 г., коим закреплялась экономическая и политическая гегемония англичан в Персии. Лидерами этой группы были Носрет эд-Довле Фирух, Восуг-эд Довле, Малек-ош-Шоар-Садраи, Тедайон, Джалиль-оль-Мольк и др., руководившие политической жизнью Персии вплоть до весны 1920 года.

Группа «зедде тешкили» в это время была численно и политически слаба, и во главе ее были: Моххамед Кемераи, Ага Шейх Моххамед Али Сабет и др., которые благодаря своей малочисленности не могли действовать с успехом. Эти партийные группировки, возникшие специально для проведения выборов в Меджлис 4-го созыва, по окончании периода выборов распались. В 1920 году, в эпоху кабинета Мушир-эд-Довле и Сепехдара, когда был поставлен на очередь вопрос об открытии Меджлиса, группа «зедде тешкили» начала организовывать вокруг себя левую часть старых демократов и в дальнейшем стала называть себя «левыми демократами». В эту группу вошли: Кемераи, Пехлеви, Феррахи (редактор газеты «Туфан»), Бахроми, Сабет и др. В своей программе они требуют демократических реформ и конституционных гарантий и, в сущности, имеют лишь небольшое влияние, являясь своего рода политическим клубом.

В это же время сформировалась т. н. партия «независимых социалистов», в которую вошли Шейх Госсейн Гивечи, Федаи, Зия-оль-Ваэззин (редактор газеты «Иране Азад» — Свободная Персия), Шейх Абдул Али Лариджани, Мирза Ага Хан Асре-Энгеляб и др. Группа никакого отношения к социализму не имеет и подобно предыдущей является в значительной мере личным об'единением.

Обе эти группы сильно пострадали во время февральского переворота 1921 г. Сеид-Зия-эд-Дина. После приезда из Берлина старого лидера демократов Сулейман Мирзы они начали об'единяться вокруг него и Муссавата, которыми была организована партия «социал-демократов» («эджтемаюн амиюн»), в которую вошли все левые демократы и большая часть «независимых социалистов». Другая часть последних перешла во вновь образованную депутатом Теба-Тебаи партию «об'единенных социалистов» («эджтемаюн эттехадиюн»). Последняя группа является в сущности новым изданием партии умеренных второго Меджлиса (этедалиюн). Кроме Теба-Тебаи в нее входят Дех Хода Себа (редактор газеты «Сетаре-ие-Иран»), Мирза Касем Хан (редактор «Суре Исрафил» — одной из первых газет эпохи конституции), Насер-оль-Ислам (редактор газеты «Шура» — «Совет», того же периода). К этой группе примкнули Зия-оль-Вазовин (редактор «Ирана Азад»), Федаи и другие независимые социалисты. Партия является исключительно интеллигентской.

Социал-демократы с Сулейман Мирзой во главе стремятся в настоящее время создать единую партию, об'единяющую все прогрессивные элементы страны и отдельные группы, образовавшиеся на развалинах старой демократической партии. Однако приходится констатировать, что и эта партия в значительной мере является об'единением личного характера и не имеет за собой никакой массовой организации.

Отдельно от тегеранских организаций демократической партии находится тавризская группа, называющая себя «Обновление» — «Теджеддод», которая возникла путем об'единения демократических элементов Тавриза вокруг крупного тавризского вождя Шейха Мамеда Хиабани, убежденного поборника идей демократизма и конституции, издателя газеты «Тетжеддод», от которой получила свое название сама партия. Борьба Хиабани с реакционным центральным правительством Восуг-эд-Довле вызвала фактическое отделение от Персии Азербайджана, принявшего название «Азадистан» — «Страна свободы». Эта борьба, закончившаяся трагической смертью Хиабани 14/IX — 1920 года от руки присланного центром губернатора Мухбир-эс-Салтанэ, наложила сильный отпечаток на физиономию партии «Теджеддод». Оппозиция обновленцев правительству и губернатору продолжалась, и в дальнейшем в их тактике наметился уклон к сепаратизму. Обвинения, выдвигавшиеся против обновленцев в том, что они хотят блокироваться с кемалистами для отделения Азербейджана, конечно, не соответствуют действительности, т. к. обновленцы, как и другие демократы, являются яркими националистами, и так как узы шиитской религии оказываются в Азербейджане сильнее этнического родства с турецкими суннитами. Однако, их участие в февральском восстании в Тавризе Лахути-хана с жандармами, подтвердило наличность такого сепаратистского уклона в их тактике. В Меджлисе четвертого созыва представителей этой группы не имеется, так как тавризские депутаты до сих пор не прибыли в Тегеран.

Из других политических групп, выплывающих почти еженедельно на политическом горизонте Тегерана для проведения какой-либо кампании, отмечу еще группу «бронированных демократов» — демократов «зерех пущ», во главе которых стоял редактор газеты «Неджате Иран» — Насере Сейф и его друзья: Монтесер-ед-Довле, Нури-заде и Энтезам-ед-Довле. Эту группу называли также «комитетом», а комитеты в Персии избрали своей специальностью перевороты (подобно «железному комитету» Зия-ед-Дина и «стальному комитету» Мошар-оль-Молька). Подозревали, что эта группа составила заговор против Риза-хана. 3-го марта 1922 года Насере Сейф опубликовал статью, протестуя против существующего военного положения, и заявил, что газета закрывается в знак протеста против нарушения правительством конституции. На следующий день группа была арестована, за исключением редактора, который скрылся, и была выслана в Семнан. После десятидневных скитаний Насере Сейф в переодетом виде заявился в Русскую миссию и сел в бест.

Из других групп назову «независимых демократов» и «младо-демократов», которые считают в своем составе по нескольку человек, группирующихся около какого-либо депутата или редактора газеты и не пользуются никаким влиянием.

Летом 1921 года внутри Меджлиса образовалась группа депутатов из 5-ти человек, об'явивших себя партией «прогрессистов», в которую вошли лидеры бывших «зедде тешкили»: Носрет-ед-Довле, Модеррес, Мирза Хашем Аштиани, Насмир-эс-Салтане и Сердар Моаззам. Целью группы было захватить в свои руки руководство большинством Меджлиса, чего она и достигла. Фактически эта группа превратилась в комитет парламентского «большинства». Сердар Моаззам вышел из этой группы после сформирования кабинета Мушир-эд-Довле в январе 1922 г., куда он вошел с портфелем министра юстиции. После открытия Меджлиса четвертого созыва 24-го июня 1921 г., депутаты разбились на две группы, большинство

и меньшинства. Это произошло уже при проверке депутатских мандатов, когда Сулейман Мирза и отдельные представители «левых демократов» выступили с обвинениями против неправильности выборов во время Восуг-ед-Довле и протестовали против утверждения мандатов тех депутатов, которые прошли при поддержке англичан: например, Носрет-ед-Довле. Борьба на этой почве сплотила небольшую группу вокруг Сулеймана Мирзы, которая в дальнейшем выступила активно, как левое меньшинство парламента. Из 88 депутатов, находящихся в Тегеране, в «меньшинство» вошло в начале 9 человек: Сулейман Мирза, Муссават, Хаким-оль-Мольк, Асеф-уль-Мемалек, Фахим-оль-Мольк, Тонекабони, Теба-Тебаи, Джалиль-оль-Мольк, Тедайон. Впоследствии к меньшинству примкнуло еще несколько человек. Несмотря на такую малочисленность, меньшинство сумело путем энергичных выступлений оказать большое влияние на настроение Меджлиса, ввиду того, что лидеры большинства Носрет-ед-Довле и Сердар Моаззам весьма непопулярны, а большинство в целом представляет из себя аморфную массу. Меньшинство очень умело использовало, например, неудачное выступление Сердара Моаззама в Меджлисе в начале января против забастовки учителей и сумело на этой почве организовать большую демонстрацию как внутри Меджлиса, так и вне его, поддержанную организованными массами у рабочих организаций и профсоюзов. К этому времени относятся энергичные выступления меньшинства против бюджета, составленного кабинетом Кавам-эс-Салтанэ, что было одной из причин ухода последнего в отставку. В настоящее время меньшинство занято мыслью создать блок с рабочими организациями вне Меджлиса, чтобы выступать более успешно при поддержке масс.

Из других партийных группировок, имеющих местное значение, упомяну организацию млодо-бахтиар — «Сетаре-Бахтиари», возникшую в конце 1921 года, которая выставила своей программой демократические реформы в Бахтиарии. Довольно обширная программа партии на деле разоблачает стремление младо-бахтиарских ханов упрочить независимость Бахтиарии и ее экономическое положение. Финансовые пункты программы определенно предусматривают, что доходы провинции не поступают в центральную правительственную казну, а будут расходоваться на собственные нужды провинции. Действительными членами партии могут быть только бахтиары. Возникновение партии «Сетаре Бахтиари» легко об'ясняется курсом, который взяло центральное правительство по отношению к полунезависимым окраинам, и борьбой его с феодалами, отказывающимися подчиниться правительству и платить ему налоги. Боязнь бахтиарских ханов перед растущими формированиями армии, производимыми Риза-ханом, и угроза пребывания в Исфагане одной из крупнейших дивизий вызвало появление племенной бахтиарской партии, — партии бахтиарского национализма и самообороны. Характерно, что предвидя предстоящую борьбу с центральным правительством, партия делает попытки установить связь с представителями Советской России, хотя до сих пор тесно связана с англичанами, интересы которых по защите Южной нефти вызывают поддежку ими националистических и сепаратистских тенденций бахтиар, которые даже получают от англичан 3% валового дохода с нефти. Той же линии политики придерживаются англичане по отношению к кашкулийцам, одному из племени кашкаи, с которыми они также входят в сепаратные соглашения по вопросу о разработке английской компанией Южной нефти принадлежащих им нефтяных источников.

Одной из разнородностей персидских партийных группировок являются так называемые «комитеты», в которых характерные черты персидских партий выступают наиболее отчетливо. Комитеты являются исключительно личными группировками и возникают обычно для проведения какого-либо одного политического предприятия. Специальностью их являются или террористические акты, или переворот (слово ку д'эта получило полное право гражданства в персидской прессе).

Одним из первых комитетов был террористический комитет во главе с Гайдар Ханом, который после покушения на Мамед Али шаха в 1908 году получил титул бомбиста.

После изгнания Мамед Али шаха, в эпоху 2-го Меджилиса, организовался «комитет 17 человек», во главе которого стоял один из известных революционеров Джехангир Мирза. Программой комитета было путем террористических актов и удаления контр-революционеров упрочить конституционный строй в Персии.

Известнейшим комитетом последнего времени был комитет «Возмездия» («Комитет Моджезад»), возникший в 1916 году, после разгона Меджлиса, бегства демократов из Тегерана и установления в Персии англо-русской опеки., проводившейся через кабинеты Ферман-Ферма и Восуг-ед-Довле. В комитет входили Абдуль Фатх-заде и Мунши-заде (бывшие офицеры казачьей дивизии германской ориентации), Вогадур-эс-Салтанэ (бывший полицмейстер Курдистана) и другие. Этот комитет имел в своем распоряжении несколько террористических агентов и привлек между прочим к работе Эхсануллу хана, вызвав последнего из Керманшаха. Комитет поставил своей задачей добиться отставки англофильского кабинета Восуг-ед-Довле, произвести давление на тегеранских англофилов, не останавливаясь даже перед убийствами, чтобы таким образом изолировать английскую миссию, отняв у нее сторонников и лишив ее возможности играть какую-либо роль в Тегеране. Комитет наметил убийство Восуг-ед-Довле, Восуг-эс-Салтане (нынешнего Гилянского губернатора), Носрет-ед-Довле, Черчилля (секретаря английской миссии). На самом деле члены комитета, по крайней мере, в начале своей деятельности преследовали свои личные цели, почему их выступления носили случайный характер. Первое убийство Мирзы Исмаил хана, личного друга Черчилля, произошло на почве личной мести одного из членов комитета. Вторым выступлением было убийство редактора газеты «Асре Джадид» («Новое Время»), субсидируемой англичанами (в мае 1917 г.). В июне 1917 года был убит тегеранский мудштеид Мирза Мохсин, поддерживавший в своих речах и проповедях Восуг-ед-Довле и англичан. Последней жертвой комитета был Монтохеб-ед-Довле, ведший агитацию против кабинета Ала-эс-Салтанэ в пользу возвращения Восуга.

Истинной пружиной деятельности комитета были Сепехсалар, желавший сесть на место Восуг-ед-Довле, и принц Шоа-эс-Салтанэ, старший брат Мамед Али шаха, мечтавший восстановить свои права на тегеранский престол путем дворцового переворота. Планы Сепехсалара на захват власти путем террора так напугали правительство, что Восуг вышел в отставку, так как шах отказался дать ему чрезвычайные полномочия по борьбе с комитетом, и новый кабинет Ала-эс-Салтанэ принял меры к ликвидации и аресту комитета (лето 1917 г.). Характерно, что в дела комитета были весьма замешаны многие влиятельные члены правительства, пытавшиеся через него достичь своих личных целей. В дальнейшем многие члены комитета были арестованы и казнены при втором кабинете Восуг-ед-Довле в 1918 году, когда он, установив свою диктатуру, расправился со своими врагами.

К этому же периоду относится возникновение т. н. «комитета друзей» («комитет ведадиюн») во главе с Саад-ед-Довле, Мохтешем-эс-Салтанэ, Мошевероль-Мемалек с бахтиарами Самсам-эс-Салтанэ, Сердар Дженг и др. Этот комитет работает в контакте с комитетом «Возмездие», проявил себя мало и, очевидно, имел в виду, главным образом, провести своих членов в правительство.

После русской Октябрьской революции в Тегеране образовался тайный комитет во главе с Шейх Гасан ханом (лидером недавно возникшей партии «младодемократов»), который сгруппировал около себя несколько лиц, наполовину авантюристической окраски, куда вошли Хаджи Баба хан Ардебили, известный астарийский разбойник, Хадши Пишнамаз Хойский, Ази улла хан и др. Комитет провозгласил ряд большевистских лозунгов, члены его отзывались о Ленине и Троцком как о своих товарищах, и хотели произвести ряд экспроприаций у аристократов.

Впоследствии комитет установил связь с Эхсануллой ханом и привлек к своей работе начальника тегеранской артиллерии Шоджа Низам Карагани. В эпоху кабинета Сепехдара они хотели устроить переворот, но были опережены Сеид Зия-ед-Дином.

В 1919 году, при втором кабинете Восуг-ед-Довле, последним был организован комитет «Черной руки» («комитее Десте Сиях»), в который вошли, кроме самого премьера, Сеиз-Зия-ед-Дин, Саляр-Фатех, Носрет-ед-Довле и Вестдаль, начальник тегеранской полиции, который должен был устранить путем террора всех противников англо-персидского договора.

В дальнейшем прославился т. н. «железный комитет» («комитет ахен») в составе Сеид Зия-ед-Дина, Теба Тебаи, Апикьян, Александ-хан Туньянц, Хаджиян и Казем хан (военный губернатор Тегерана), подготовивший переворот 21/II—1921 года. В деле комитета был замешан наследный принц.

Осенью 1921 года начались слухи об организации «стального комитета» («комитет фуляд»), при чем говорили, что его поддерживают англичане и, что его местопребыванием является Гольхек (летняя резиденция английской миссии в Тегеране). В дальнейшем оказалось, что этот комитет имел ввиду произвести покушение на Кавам-эс-Салтанэ и Риза-Хана и устроить переворот в пользу Мошар-оль-Молька, министра двора, одного из деятелей эпохи Зия-ед-Дина. Говорили, что в этом были замешаны некоторые принцы, мечтавшие о дворцовом перевороте. Заговор был раскрыт в ноябре 1921 г., участники комитета были арестованы, а Мошар-оль-Мольк бежал за границу. После уверяли, чт комитет был действительно организован англичанами, которые затем выдали его Риза-хану, для того чтобы вызвать с его стороны признательность и доверие.

Идея профессиональных союзов возникла в Персии после русской революции вместе с идеей необходимости об'единения и солидарности трудящихся. Персидские профессиональные союзы не являются, строго говоря, рабочими союзами и во многих случаях имеют сходство с цеховыми организациями. Союзы эти имеются пока лишь в Северной Персии, как благодаря наличности в ней рабочих и ремесленников, так и благодаря большому знакомству с рабочим движением в России. Первые по времени возникновения профессиональные союзы находятся в Гиляне. В Энзели имеется профсоюз грузчиков (амбалов) и кержимщиков, об'единяющие оба до полутораста человек. Второй союз является об'единением нескольких социально различных групп. В него входят: рабочие по найму, арендаторы лодок, мелкие собственники, работающие без эксплоатации наемного труда, и крупные собственники, сдающие лодки в аренду или содержащие наемных лодочников—рабочих. Против последней группы в союзе началась борьба. Кроме этого, в Энзели имеется профсоюз рабочих рыбных промыслов, являющийся производственным об'единением.

В Тегеране в 1921 г. возникло 10 профсоюзов:

1) пекарей, 2) печатников, 3) телеграфистов, 4) почтовых служащих, 5) кондитеров, 6) приказчиков, 7) портных, 8) учителей, 9) торговых служащих оптовых складов и 10) галунщиков. Эти профсоюзы выдержаны строго по принципу об,единения исключительно рабочих по найму. Об'единяют они около 8 тысяч человек. Деятельность и работа союзов постепенно рисширяется и захватывает новые виды труда. Профсоюзы сыграли большую роль в январьских событиях в Тегеране, и их организованное выступление на поддержку парламентского меньшинства ускорило отставку кабинета Кавам-эс-Салтанэ, а в дальнейшем вынудило у кабинета Мушир-ед-Довле обещание провести некоторые меры по рабочему законодательству.

Примечание. История партии Адалет и ИКП составит отдельную справку.

ОСЕТРОВ.

Монголия *).

1. ПРИРОДА.

Внешняя Монголия (о ней только идет речь в настоящем очерке), расположенная между 42° и 52° северной широты и 88° и 116° восточной долготы, представляет из себя обширное плоскогорье, приподнятое на 4,000—5,000 футов над уровнем моря. Плоскогорье это почти со всех сторон окружено высокими горными цепями: на северо-западе и севере—русским Алтаем, Тануола, Саянами, Кентеем и отрогами Яблонового хребта, на востоке—Большим Хинганом, на юго-западе и отчасти на юге—Монгольским Алтаем. Лишь на юго-востоке прерывается это сплошное кольцо гор, и здесь Внешняя Монголия соприкасается с обширной центрально-азиатской пустыней «Великой Гоби». Из 7,000 верст пограничной линии Монголии около 3,000 приходится на долю ее границ с Россией и около 4,000 на долю границ с Китаем. Общая площадь Монголии определяется круглым счетом в 1,250,000 квадратных верст, то-есть несколько превышает взятые вместе площади Великобритании, Франции и Германии в их довоенных границах.

Поверхность Внешней Монголии изобилует горами. Кроме пограничных горных цепей, на поверхности самого плоскогория встречается не мало горных массивов, наиболее важными из которых являются: Хангай, который тянется на протяжении более 400 верст с северо-запада на юго-восток, Хан-Коко, узкий и скалистый хребет, ответвляющийся от Хангая в западном направлении, и некоторые другие. Высшая точка Монголии—вершина Кийтын в Монгольском Алтае—подымается на 15,000 футов над уровнем моря. В других частях страны разбросан также ряд вершин, переходящих за снежную линию и достигающих высоты в 11—13 тысяч футов. Таковы, например, Мунку-Сардык на северном берегу озера Косогола и Очирвани, недалеко от г. Улясутая.

Кроме гор, на Монгольском плоскогорье встречаются степи и пески. Степей очень много, они составляют большую часть территории страны. Нередко степи носят безводный характер. Однако, трава в этих степях, как общее правило, очень хороша, и пески, попадающиеся там и сям на террито-

*) Большая часть сведений, приводимых в этом очерке, собрана экспедицией Центросоюза по экономическому обследованию Монголии, посетившей эту страну в 1919—20 г.г. Во главе экспедиции стоял автор настоящих строк. Подробности см. И. Майский. Современная Монголия, 1921 г. Иркутск.

рии Монголии, представляют из себя «отроги» Великой Центрально-Азиатской Гоби и разбросаны крупными пятнами по преимуществу в южной и западной частях страны. Из них наиболее обширными размерами отличаются пески, тянущиеся по течению реки Кунгуй (около 150 верст длины и от 8 до 35 верст ширины), по нижнему течению реки Тес (170 верст в длину и от 5—35 верст в ширину), а также в районе озера Дурганор и реки Дзапхына. Монгольские пески медленно двигаются с места на место, уничтожая все признаки жизни на своем пути.

Основные элементы подпочвы Монголии, а также ее горных хребтов—гнейс и гранит. В степях преобладают песок, галька, иногда суглинок, в долинах рек почти всегда встречаются наносные почвы, особенно суглинок, который, за отсутствием чернозема, представляет здесь лучшую для земледельческой обработки почву. Очень часто встречаются солончаки. Почвенный слой везде чрезвычайно тонок, обычно не свыше 2 м. 4 вершков, нередко встречаются местности, где почва находится еще в периоде образования, и земная поверхность пока состоит из гальки и хряща.

Орошение Внешней Монголии осуществляется целой системой рек и озер. Важнейшими из рек являются: Керулен (около 1,000 верст), Селенга (900 верст в пределах Монголии и еще около 300 в пределах России), приток Селенги-Орхон (700 верст), Тес (700 верст), Кобдо (500 верст), Дзапхын (600 верст) и некоторые другие. Из озер самыми крупными являются: Косогол (120 верст в длину и от 15—40 верст в ширину), Упса (100 верст в длину и 75 верст в ширину), Киргизнор (60 верст в длину и 20 верст в ширину), Хараусу (70 верст в длину и 20 в. в ширину) и Дурганор (70 верст в длину и 15 верст в ширину). Все перечисленные озера, кроме Косогола, имеют горько-соленую воду и являются, повидимому, остатком ранее бывшего здесь моря. Только Косогол, расположенный на высоте 5,500 фуутов над уровнем моря и отличающийся редкой красотой, имеет пресную воду. Несмотря, однако, на большое число рек и водоемов озерного характера, орошение Монглии в общем и целом крайне недостаточно. Об'ясняется это главным образом тем, что высокие горные цепи, окружающие плоскогорие, задерживают большую часть влаги, приносимой ветрами с океанов, и препятствуют проникновению ее внутрь страны. В результате количество атмосферных осадков в Монголии крайне недостаточно. В Урге, например, их среднее годовое количество достигает 238 м.м., что соответствует количеству осадков в Ташкенте и Астрахани. Благодаря той же причине, зимы в Монголии чрезвычайно малоснежны, так что употребление саней почти невозможно. Зато монгольское небо отличается необыкновенной ясностью, и звезды по ночам сверкают здесь с изумительной для европейца красотой. Колебания температуры в Монголии очень велики: максимальная амплитуда колебаний за год для Урги составляет 82°, для Улясутая—80 и для Кобдо—74. Поразительные колебания температуры подчас наблюдаются на протяжении 24-х часов: летом в Монголии в дневные часы сплошь да рядом царит невероятный зной, а ночью—невозможно обхо-

диться без шубы. Вообще климат Монголии носит резко выраженный континентальный характер, при чем, благодаря большой возвышенности местности, средняя годовая температура соответствует таковой северных частей европейской и азиатской России. Так, например, годовая температура Урги (2,9°) равняется годовой температуре таких мест, как Березов, Тобольской губернии, а средняя температура Улясутая (0,2°), таковой же Пермской и Вологодской губерний.

Благодаря суровости климата, *растительное царство* монгольского плоскогорья не отличается роскошью и богатством. Лесов в Монголии очень мало, и они не спускаются ниже 48-й параллели. Монгольские леса, по общему правилу, не велики и растут главным образом по северным и северо-западным склонам гор, на южных склонах растительность исключительно степная. Последнее об'ясняется тем, что необходимая для древесной растительности влага, в ограниченных количествах приносимая сюда ветрами с Ледовитого океана, осаждается на северной стороне горных хребтов. К югу от 48-й параллели Внешняя Монголия представляет из себя чистую степь, кое-где перемежающуюся с сыпучими песками. Вы можете проехать 300, 400, 500 верст и не увидать ни одного дерева. Из трав, встречающихся в монгольской степи, необходимо особенно отметить могучие заросли чия (дерисун), представляющего любимую пищу верблюдов.

Животный мир Внешней Монголии таже не блещет особым разнообразием. Из домашних животных встречаются верблюды, лошади, рогатый скот, бараны, козы, свиньи (последние только у китайцев), собаки, кошки. Из диких животных и зверей заслуживают упоминания: бурый медведь, красный волк, дикий осел (по монгольски «хулан»), изюбр или марал, рысь, дикая кошка, соболь, белка, сурок (по монгольски «тарбаган» и несколько видов антилоп. Сурок встречается в большом количестве на высоких, сухих местах, антилопы же бродят по горам и долинам, иногда собираясь громадными стадами в двести, триста, четыреста и больше голов.

2. НАСЕЛЕНИЕ.

О *численности населения* Внешней Монголии до сих пор существовали весьма смутные представления. Различные исследователи, как граф Беннигсен, проф. Котвич, г-н Болобан и другие определяли его в 400—1,400 тысяч, так что максимальная амплитуда колебаний достигала 250%. Только экспедиции Центросоюза 1919—20 гг. выпало на долю впервые определить более точно количество населения Внешней Монголии: ей удалось получить данные первой и пока единственной переписи населения и скота Внешней Монголии, произведенной правительством последней в 1918 г. Так как в организации переписи участвовали русские специалисты, то результаты ее могут считаться относительно достоверными.

Согласно данным переписи 1918 г., в пределах Внешней Монголии на-

считывается 542 тысячи монголов. Если сюда прибавить около 100,000 проживающих в Монголии китайцев и около 5,000 русских, то общее количество населения Внешней Монголии в 1918 г. определится в 647,000 человек, что дает приблизительно 0,52 человека на квадратную версту. Не будет преувеличением поэтому утверждать, что нынешняя Внешняя Монголия представляет собой почти пустыню.

Монголы, населяющие Внешнюю Монголию, в *этнографическом отношении* не представляют из себя вполне однородной массы. Они разделяются на 6 племен. Главнейшим из этих последних являются халхасцы (492 тысячи человек), затем следуют дюрбеты (39 тысяч человек), заселяющие северо-западный угол страны, дзахачины (4,500 человек), олеты (3,000), мингыты (2,000) и котоны (1,500). Как видим, почти $^{9}/_{10}$ монгольского населения составляют халхасцы, занимающие к тому же сплошную территорию от границ Манчжурии до Кабдосского округа. Таким образом, несмотря на наличность различных монгольских племен, туземное население Внешней Монголии в общем и целом все-таки отличается большой монолитностью.

Половой состав монгольского населения приблизительно таков же, как и европейских народов: согласно данным переписи 1818 г., мужчин и женщин среди монголов оказывается поровну. Что касается возрастного состава населения, то он характеризуется следующими цифрами: количество населения до 18 лет составляет 36,6%, от 18 до 50 лет—40,1%, свыше 50 лет—23,3%. Средние размеры монгольской семьи равняются 4,3 человека, т.-е. несколько меньше, чем в России. Общее число монгольских семейств-хозяйств определяется в 125 тысяч.

Сословное деление монгол, как оно было до 1921 г., ведет свое начало от времен седой древности. Всего в Монголии имеется 5 сословий: князья, дворяне, свободные обыватели, духовенство и крепостные. Сверх того, имеется еще особая группа вне сословий, вербующаяся главным образом из людей «без роду и племени» и незаконнорожденных.

Князья являются высшим правящим сословием страны. Так как Внешняя Монголия еще не вышла из удельного периода, то каждый князь стоит во главе своего удела, именующегося «хошуном». Все князья ведут свое происхождение от Чингиз-хана и в настоящее время разделяются по чину на шесть степеней в следующем нисходящем порядке: 1) цинь-ван, 2) ван, 3) бейле, 4) бейсе, 5) туше-гун и 6) гун. Все это китайские и манчжурские титулы, вошедшие в употребление лишь со времени подчинения монголов Китаю (т.-е. с 1691 г.). Общее число княжеских домов во Внешней Монголии достигает 115.

Дворяне являются вторым по значению сословием в государстве. Они вербуются из младших членов княжеских семей. Дворянство наследственно и связано с определенными привилегиями. Дворяне обычно занимают посты высших чиновников в хошунных управлениях и в центральном правительстве. Они пользуются известными льготами в податном и судебном отношении. Так, например, на дознании дворяне не подлежат пыткам, а приговоры по

делам дворян вступают в законную силу лишь по утверждении их министром юстиции.

Духвное сословие во Внешней Монголии состоит исключительно из монахов, обязаннных обетом безбрачия (монголы исповедуют буддизм в форме тибетского ламаизма). Так как у монголов существует обычай посвящать одного из двух сыновей богу, то число лам (монахов) чрезвычайно велико: ламы составляют 44,6% всего мужского населения страны. Конечно, лишь сравнительно незначительная часть этой огромной монашеской армии живет постоянно в монастырях и твердо соблюдает обет безбрачия. Подавляющее большинство монгольских монахов лишь числится таковыми на бумаге: они, правда, бреют головы и носят ламские костюмы, но живут в миру, женятся и ведут хозйство. Тем не менее принадлежность громадного числа мужчин к монашескому званию не может не иметь известного физиологического (сокращение числа рождений) и хозяйственного (отвлечения от производительной работы) значения.

Свободные обыватели являются главными плательщиками податей и выполнителями государственных и общественных повинностей, вместе с тем они служат основной движущей силой монгольского народного хозяйства. Однако, число их не очень велико и социальный удельный вес довольно скромен.

Крепостные являются свитой или дворней князей и дворян. Во избежание недоразумений, необходимо заметить, что нынешнее их положение весьма мало отличается от положения свободных обывателей. В наши дни зависимость крепостного от князя или дворянина выражается главным образом в том, что он обязан личной службой своему господину (обычно крепостные по очереди дежурят в ставке своего хозяина) и нередко уплачивают за него сделанные им долги. Зато крепостной пользуется известными податными льготами и не несет воинской повинности. В общем институт крепостных во Внешней Монголии—один из бледных пережитков далекого прошлого, быстро умирающий в условиях современной действительности.

Численное соотношение сословий в мужской половине населения представляет следующую картину:

Князья	205	0,1%
Дворяне	13274	5,6%
Монахи	105577	44,6%
Свободн. обыват. . .	62048	26,2%
Крепостные	39389	16,6%
Вне сословий	16915	7,0%
	237408	100%

Среди русских исследователей Монголии существует широко распространенное мнение, что монголы представляют из себя слабое вымирающее племя. Мои личные наблюдения и впечатления не подтверждают этого взгляда: современные монголы являются еще крепким и здоровым народом.

Внешность монголов типична для представителей их расы: лица широкие с выдавшимися скулами и приплюснутым носом, кожа слегка смуглая, глаза черные, похожие на узкие косо поставленные щелки, зубы изумительно белые, уши оттопыренные. Растительности на лице у монголов почти нет. Волосы густые, цвета вороного крыла. Переднюю половину головы мужчины и девушки до 16 лет бреют, оставляя сзади длинную туго скрученную косу. Замужние женщины волос на голове не бреют, а делают из них особую прическу весьма фантастической внешности. По общему правилу монголы плотны, но худощавы, роста среднего, в движениях на земле неуклюжи и медлительны, так как большую часть жизни проводят в седле. Разница во внешности между мужчиной и женщиной очень невелика, а одинаковость платья и отсутствие у мужчин растительности на лице еще более увеличивает сходство. Из болезней, которые распространены среди монгольского населения, наиболее важны: оспа, сифилис, рак желудка, геморой (последствие верховой езды), а также различные глазные и кожные заболевания. Самой опасной болезнью является, конечно, сифилис, однако, те представления о его повсеместности, которые существуют у русских, значительно преувеличены. Сифилис чрезвычайно распространен в городах и прилегающих к ним районах, в степи он встречается гораздо реже.

В *духовном отношении* монголы также остаются верны основным чертам своего расового типа. Они очень пассивны и ленивы по характеру, особенными бездельниками являются взрослые мужчины, не знающие другого занятия, как только лежание на боку в юрте или раз'езды по гостям, за собиранием новостей и сплетен. Женщины и дети обыкновенно выполняют всю текущую хозяйственную работу. Как всякий мало культурный народ, монголы крайне нечистоплотны и живут в тесной дружбе с различными насекомыми, главным образом, с вшами. При этом, так как по буддийским законам грешно уничтожать живые существа, то монголы, ловя вшей, не убивают их, а лишь выбрасывают на землю. От этого число насекомых, конечно, не уменьшается. У монголов даже есть поверие, что грязь приносит счастье,—поэтому они никогда не моют свою посуду.

Невежество и суеверие монголов поразительны. Грамотных людей среди них очень мало,—едва ли один процент населения умеет читать и писать. На почве народной темноты пышным цветом расцветают самые фантастические представления. Так, монголы верят в чертей, которые бродят по ночам и ложными огнями сбивают путников с дороги. Они твердо убеждены, что ламы (монахи) могут путем заклинаний разогнать тучи и предупредить грозу. Я слышал любопытный рассказ об одном монгольском

святом,—Нарбанчи-Гегене,—который, чтобы не платить в положенный срок своего долга китайским купцам, привязал солнце и, таким образом, приостановил течение времени. Только, когда напуганные жители собрали между собой сумму, необходимую для покрытия долга, ловкий святой отвязал солнце и восстановил нормальный порядок в природе.

Как всякий народ, живущий близко к природе, монголы очень наблюдательны и любопытны. При встречах друг с другом они, прежде всего, осведомляются о новостях и с поразительной быстротой разносят весть о каком-нибудь факте или событии по необ'ятной шири своих степей. Вместе с тем, монголы очень добродушны и гостеприимны. Грабежей, убийств среди монголов почти не встречается, за то довольно широко распространено воровство, правда, часто носящее какой-то детски-наивный характер. Гостеприимство считается долгом каждого хозяина, и вплоть до настоящего дня оно свято соблюдается в каждой монгольской юрте.

Отношения между полами в Монголии чрезвычайно своеобразны. По-видимому, в более отдаленном прошлом эти отношения регулировались довольно суровыми началами. По крайней мере, в «Великом Ясе» («законодательном сборнике Чингис-хана) прелюбодеяние наказывалось смертью. Однако, теперь ничего подобного нет. Половая жизнь у монголов начинается очень рано, особенно в высших классах,—среди князей, например, с 8—9 лет. Но и среди обыкновенных смертных дело обстоит немногим лучше. Оффициальные браки заключаются, начиная с 15—16 лет, но многие представители молодого поколения уже и до брака успевают вкусить от прелести запретного плода. Европейские понятия о женской чести, супружеской верности и семейных добродетелях в Монголии совершенно неизвестны, как неизвестна и столь обычная у нас ревность.

При таких условиях неудивительно, что в Монголии крайне широко развита *проституция*. Ее распространению в особенности способствовали следующие два обстоятельства. До революции 1911 г. манчжурское правительство запрещало в'езд в Монголию женщинам-китаянкам, — поэтому китайское население Монголии состояло исключительно из одних мужчин, проводивших здесь годы и десятки лет подряд. Естественным последствием подобного положения было вступление китайцев во временные связи с монголками. Другим фактом, действовавшем в том же направлении, являлось и является огромное количество монахов, связанных обетом безбрачия. Не имея возможности заключать оффициальные браки, ламы вынуждены были удовлетворяться «незаконными» сожительствами различного рода, от прочных и длительных связей почти семейного типа, до мимолетных встреч обычно-проституционного характера.

Бытовой уклад монгольской жизни чрезвычайно прост и незатейлив. Одежда монгола состоит из штанов и рубашки, сшитых из довольно грубой материи (далемба или цуемба), из верхнего кафтана, подпоясанного кушаком и кожаных сапогов (гутулы) с толстой матерчатой подошвой. Голову мон-

гола прикрывает высокая остроконечная шапка. Зимой монгол одевается в овчинные штаны и овчинную шубу, которая натягивается прямо на голое тело. Одежда мужчины и женщины почти одинакова, и только хозяйки дома допускают некоторые отступления от общепринятого покроя платья. Кроме того, как упоминалось уже выше, замужние женщины носят особые прически, которые делаются из склеенных волос и украшаются серебром и кораллами. В этих прическах замужние женщины и работают, и спят.

Пища монголов весьма неприхотлива. Хлеба монголы не употребляют. Летом они питаются почти исключительно молоком и молочными продуктами (варенец, толстая пенка, кумыс, сыр, особая молочная каша). Зимой они пьют китайский кирпичный чай (специальный сорт, из плохо спресованных неперебродивших листьев) и едят мясо. Очень часто употребляют мясо, павших от разных причин животных. В небольшом количестве монголы употребляют муку, которая идет на лепешки и на заправку бараньей похлебки. В общем и целом питание монголов должно быть признано вполне удовлетворительным. По произведенным мной подсчетам, в среднем взрослый монгол ежедневно получает около 3,500 калорий, т.-е. норму, полагающуюся при тяжелой работе, между тем как фактически выполняемый им труд должен быть отнесен к разряду легких. Весьма любопытно, что 55% всех калорий монгол получает из молока и 20% приходится на долю мяса, остальные 25% даются различными другими составными частями его пищи.

Жилищем монгола является легко переносимая с места на место юрта, состоящая из деревянного решетчатого остова и обтягивающей его войлочной покрышки. Свернуть или развернуть юрту можно в пару часов, а для перевозки ее вместе со всем ее несложным внутренним убранством требуются один-два верблюда. Впрочем, в современной Монголии встречаются и более постоянные жилища. Таковы небольшие домики, глинобитные и деревянные, в которых живут монголы в городах и монастырях. Изредка встречаются у богатых людей и князей большие дома русского и китайского стиля. Но это все-таки исключение. Даже в Урге монголы предпочитают жить в юртах, которые они ставят внутри больших огороженных частоколом дворов.

Семейные отношения в Монголии носят в общем естественный и здоровый характер. Правда, мужчины и женщины вступают в брак в очень раннем возрасте (начиная с 15 лет), но это, повидимому, не имеет особенно вредных последствий для населения. Брак обставлен целым рядом сложных обычаев и церемоний, в которых деятельное участие принимает духовенство. Жених платит выкуп за невесту, а невеста приносит с собой приданое. Развод очень легок, и при расхождении каждый из супругов получает обратно то, что он вложил в общее хозяйство. Так как заключение брака связано с довольно крупными расходами, то в последнее время, особенно среди небогатых монголов, все шире распространяется обычай «умыкания» невест. Через месяц, другой после умыкания, вольный брак узаконяется, но уже

попросту, без всякой торжественности, а стало быть, и без больших расходов.

Положение женщины в семье сравнительно благоприятно. В Монголии нет того затворничества женщин, которое встречается в странах мусульманского востока. Здесь женщины вполне свободны, лица не закрывают, ходят и ездят куда угодно и отличаются очень разбитным характером. Муж, хотя и считается главой семьи, однако, редко решает какие-нибудь важные дела, не посоветовавшись с женой.

Отношение к детям в монгольской семье вполне хорошее. Ребенка считают божьим благословением. Бездетные родители нередко покупают или воруют детей. Воспитание подрастающего поколения строго, но любовно. Мальчики и девочки вначале воспитываются приблизительно одинаково, и только лет с 10—11 в этой области намечается известное раздвоение: девочки приучаются к ведению домашнего хозяйства, а мальчики к обращению с лошадьми, верблюдами и т. д.

Чрезвычайно любопытной чертой бытового уклада монголов является их способ *погребения умерших*. Своих покойников монголы в землю не зарывают, так как это считается грехом. Умершего просто выносят куда нибудь в поле или на горку и оставляют. Там его с'едают животные и птицы. Если по каким-либо причинам труп остается неприкосновенным, то монголы приходят в большое беспокойство: по их представлениям это означает гнев небес по отношению к покойному. Тогда приглашают ламу и начинают служить молебны. Все эти церемонии продолжаются до тех пор, пока от трупа не останутся одни кости. В Урге существует особая категория собак, которые поедают трупы умерших. Эти собаки-людоеды очень опасны, так как в случае сильного голода они бросаются даже на живых людей.

Игр и развлечений у монголов не очень много. Имеется ряд больших церковных праздников («цам», «маидари», «обо») и др., которые одновременно являются также и народными развлечениями. Кроме церковных праздников по летам устраиваются праздники стрелков из лука. В каждом хошуне имеются свои знаменитые стрелки, все они с'езжаются в Ургу и на широкой поляне за городом, в течение 45 дней проявляют свое искусство на глазах огромной толпы любопытных. Лучшие стрелки получают при этом награды. В частной жизни монголы любят играть в карты, в кости, в «бук» (нечто в роде нашей игры в шашки), но достойно замечания, что в азартные игры монголы никогда не играют. Игры на деньги у них не существует.

Вопрос о том, как развивается монгольское население, за отсутствием точных статистических данных не может быть решен с достаточной определенностью. Перепись 1918 г. пока единственное начинание в этом роде, и ее цифры не с чем сравнивать. Среди русских исследователей и русских колонистов, живущих постоянно в Монголии, господствует мнение, что монголы вымирают. В такой категорической форме это утверждение кажется мне не достаточно обоснованным. Целый ряд соображений экономического

и исторического характера приводит меня к выводу, что население Монголии за последние шесть, семь веков находится в стационарном состоянии: оно не увеличивается, но и не уменьшается, а только более или менее благополучно сводит баланс. Это, конечно, очень опасное положение, стоящее на границе вырождения, но это все-таки не подлинное вымирание.

Как выше уже упоминалось, в пределах внешней Монголии кроме монголов, живут еще китайцы и русские. Для полноты картины необходимо остановиться вкратце и на них.

Китайское население Монголии носит очень своеобразный характер: по причинам, уже известным читателю, оно состоит исключительно из мужчин, занимающихся здесь, главным образом, торговлей. В настоящее время число китайцев, проживающих в пределах Внешней Монголии, достигает примерно 100.000 человек. Около 75% всей этой массы поглощается торговлей, остальные применяют свои силы в земледелии, ремеслах и некоторых других профессиях. Общий культурный уровень китайской эмиграции весьма невысок. Книги и газеты среди китайских купцов и ремесленников встречаются крайне редко, круг их интересов ограничен мелкими заботами текущего дня, и почти единственным их культурным развлечением является так-наз. китайский театр. Живут китайцы на чужбине, по большей части, особняком от остального населения, образуя «маймачены», т.-е. торговые слободы. В этих слободах они имеют свое особое управление, свои лавки и храмы, свои административные и благотворительные учреждения, Хотя колонизация Внешней Монголии китайцами началась около 1.000 лет тому назад, однако китайское влияние на местное население в общем и целом довольно слабо. Достаточно сказать, что ни китайская одежда, ни китайский язык не пользуются распространением среди монголов. Наоборот, все китайцы, живущие в Монголии, говорят по монгольски. Об'ясняется этот странный факт двумя причинами: во-первых, тем, что Внешняя Монголия сравнительно далеко расположена от Китая и связана с последним очень плохими путями сообщения; и во-вторых, тем, что самая китайская культура, несмотря на свою тысячелетнюю древность, в условиях наших дней отличается глубокой внутренней нилостью. Она не может выдержать конкуренции с гораздо более свежей и действенной культурой—европейской.

Проводниками этой последней в пределах Внешней Монголии являются *русские*. В противополность китайской русская эмиграция в Монголии насчитывает едва-ли более полустолетия. Число русских поселенцев здесь крайне невелико—в 1918—19 г.г. оно не превышало 5.000 человек. Социально - русская эмиграция состояла главным образом из мелкого купечества и мещанства, рекрутировавшегося из приграничной с Монголией полосы Сибири, главным образом, из г.г.: Кяхты и Бийска. Культурный уровень русских колонистов в Монголии, конечно, отличался чрезвычайной низостью. По существу, все это были мелкие кулаки—пауки, пришедшие в Монголию грабить

и наживать деньгу. Устраивались они здесь обыкновенно довольно прочно: строили русские дома, открывали лавки, заводили заимки и постепенно раскидывали сеть своих торговых операций по округе. Впрочем, главная масса русских (около 3.000 человек) жила в Монгольской столице Урге; по 100, 200, 300 человек концентрировались в других городах Монголии, как Кобдо, Улясутай, Кяхтинский Маймачен, остальные мелкими группами и даже в одиночку были разбросаны по различным пунктам широкой монгольской степи. Как однако ни несовершенен был тот русский элемент, который вплоть до самаго последнего времени проникал в пределы Внешней Монголии, он всетаки нес с собой туда начатки европейской культуры—лучший по качеству товар, лучшие приемы скотоводства, новые методы лечения человеческих и скотских болезней, более совершенные формы транспорта и т. д.—и таким путем оказывал сильное влияние как на экономический, так и на бытовой уклад монгольского народа. В общем и целом необходимо признать, что, начиная с первого десятилетия двадцатого века, русское влияние в Монголии во всяком случае не уступало по силе китайскому.

Чтобы покончить с вопросом о населении, стоит упомянуть еще о его делении на *городское и степное* (деревенского населения в Монголии нет, т. к. монголы почти не занимаются земледелием). По данным переписи 1918 г., общую численность городского населения Внешней Монголии можно принять равной 140.000 человек. (из общего количества 647.000), т. е. 21,6%. Главными городами являются: Урга (100.000 населения), Улясутай (3.000), Кобдо (3.000) и Кяхтинский Маймачен (4.000). По национальному составу городское население подразделяется следующим образом:

Китайцы.	85.000	человек,	62%
Монголы.	50.000	«	36%
Русские	5.000	«	2%
Итого.	140.000	человек,	100%

Как видим, почти две трети городского населения состоит из иностранцев. Русские колонисты целиком относятся к категории городского населения, китайцы—на 85%. Наоборот, среди монголов только 9% их общего числа может быть зачислено в разряд горожан. Таким образом, город во Внешней Монголии наших дней носит пока еще чужеземный костюм. Он является городом—иностранцем.

3. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Единственным занятием местного населения является *скотоводство* первобытно - экстенсивного типа, т. е. с минимальным вмешательством человека в стихийные процессы природы. В Монголии встречается пять видов домашнего скота: лошадь, рогатый скот (среди которого необходимо различать монгольского быка, сарлыка или прирученного яка, и хайныка, представ-

ляющего помесь монгольского быка с орлычкой), верблюд, баран и козел. Система монгольского скотоводческого хозяйства в высшей степени примитивна. Частной собственности на землю в Монголии нет. Пастбища составляют общенародное достояние, которое принимает конкретную форму обще-хощунного владения травяными угодиями. Каждый хощун имеет свою территорию, в пределах которой каждый член хощунного союза, от князя до крепостного, на равных правах с другими выкармливает свой скот. Ни конюшен, ни стойл для своего скота монголы не строят, ни сена, ни овса не заготовляют. Скот круглый год—и зимой и летом—ходит по степи и питается исключительно подножным кормом. Неизбежным следствием данного обстоятельства является необходимость частых перекочевок. И, действительно, монгольский скот в течение всего года кочует с места на место, а вслед за ним кочует и его владелец—монгол. Число перекочевок довольно значительно. Каждая монгольская семья в среднем меняет место жительства не меньше 10 раз в году, но бывают случаи, когда число перекочевок подымается до 25—30. Территориальное протяжение отдельных кочевок тоже бывает довольно значительно. Обычно крайние пункты кочевок отстоят друг от друга на 50—60 верст, но в больших хощунах это расстояние нередко превышает 100, 200 и даже более верст.

Слабой стороной монгольского скотоводства является колоссальный процент ежегодной гибели скота, падающего зимой и ранней весной от голода, холода и снежных бурь. Особенно тяжелый урон наносит эта суровая система содержания скота молодятнику. В общем ежегодная убыль стада достигает примерно 20%, так что ежегодный валовой прирост его не превышает 10—11%. И так как (об этом речь будет ниже) известная часть монгольского скота ежегодно же уходит за границу—в Россию и Китай—в виде эквивалента за ввозимые оттуда продукты промышленности, а другая часть с'едается, то в конечном итоге монгольское скотоводство вот уже много десятков, если не сотен лет, пребывает в стационарном состоянии.

О *количестве монгольского скота* до сих пор господствовали еще более смутные представления, чем о количестве монгольского населения. Почти все исследователи прежних времен определяли это количество значительно выше действительного. Достаточно указать, что, например, совещание о Кяхтинской железной дороге (1909 г.) определяло общее количество монгольского скота в 122.000.000 голов, в том числе 20.000.000 рогатого скота. Это, правда, максимальное исчисление. Другие источники указывают меньшие цифры, но всетаки, даже наиболее осторожный из них не опускается ниже 14.000.000 голов *).

Подлинное число голов монгольского скота, как оно выяснилось на основании переписи 1918 г., вовсе не так значительно. Всего во Внешней Монголии насчитывается:

---

*) См. гр. А. П. Бениксен. Несколько данных о современной Монголии 1912 г., стр. 11—12.

Верблюдов	300.000
Рогатого скота	1.400.000
Лошадей	1.500.000
Баранов и коз	9.500.000
Итого.	12.700.000

Таким образом, общее количество монгольского скота не превосходит 13.000.000 голов. В среднем на одно хозяйство приходится: верблюдов 2,4, рогатого скота—11, лошадей—12, баранов и коз—76, а всего 101,4. Ясно, таким образом, что Внешняя Монголия является страной мелкого скотоводства.

Конечно, распределение скота между отдельными социальными группами не вполне равномерно. По данным той же переписи оказывается, что из общего количества скота приходится на долю:

Податного населения	79,1%
Князей	3,9%
Церкви	17,0%
Итого.	100,0%

Иными словами, почти 80% всего скотоводческого богатства страны находится в руках простолюдинов, составляющих главную массу ее населения. Наоборот, в руках правящего сословия—князей, едва насчитывается 4% всего скота. Ясно, что экономический удельный вес княжеского сословия не может быть особенно значителен.

Несмотря на почти стационарный характер численности монгольского скота и на скромные размеры самой численности, страна при господстве нынешней системы скотоводства близка к пределу насыщения скотским населением. Правда, летние пастбища могли бы прокормить даже и сейчас значительно большее количество скота, но за то на зимних пастбищах уже и теперь, ощущается большая теснота. Действительного увеличения скота в пределах Внешней Монголии можно ожидать только в случае перехода к более интенсивной системе скотоводства.

Из продуктов, даваемых скотоводством местному населению, необходимо отметить следующее: мясо (около 2.750.000 пудов в год), шерсть (600.000 пудов овечьей и 50.000 пудов верблюжьей), конский и сарлычий волос (100.000 пудов), шкуры домашних животных (овчин 2.600.000, кож рогатого скота 350.000, конских кож 315.000, верблюжьих кож 36.000) и молоко (71.000.000 ведер в год).

Кроме скотоводства, монгольское население еще в очень незначительных размерах занимается *звероловством*. Главным продуктом последнего являются сурковые шкурки, которых в лучшие годы вывозилось из Монголии

до 2—2½ миллионов штук. Однако, со времени мировой войны сурковый промысел пришел в упадок, и в настоящее время монголы собирают ежегодно не свыше 500.000 сурковых шкурок.

Почти столь же незначительно и монгольское *земледелие*. По самым своим естественным условиям Внешняя Монголия весьма мало пригодна для ведения сельского хозяйства. Для этого здесь слишком мало влаги, тепла и плодородной почвы. По моим приблизительным подсчетам, общая площадь пригодной для сельскохозяйственной обработки земли не превышает пяти миллионов десятин на протяжении всей страны. Это составляет 3—4% поверхности. Ясно, что широкого земледельческого будущего пред Внешней Монголией нет. Но даже и те небольшие земледельческие возможности, которые она имеет, до настоящего времени были почти неиспользованы. В самом деле, общая площадь обработанной земли в Монголии едва достигает 50.000 десятин. Сеются, главным образом, ячмень, овес, просо и пшеница (последняя впрочем довольно плохо вызревает), близ городов возделываются также и огородные растения. Занимаются хлебопашеством по преимуществу китайцы, особенно в Кобдосском округе и по тракту Кяхта-Урга. В меньшей степени земледелием занимаются монголы, главным образом, в Северо-Западной части страны, немного занимаются русские. Орошение всюде искусственное, т. к. без последнего монгольская почва не дает плодов. Техника земледелия в высшей степени примитивна, тем не менее урожаи бывают недурные: в среднем они составляют сам—пятнадцать. Продукты земледелия идут исключительно для местного потребления, да их так немного, что для вывоза ничего не остается. Чрезвычайно любопытна система монгольского землепользования. Частной собственности на обрабатываемую землю нет. Иностранцы арендуют землю за деньги, монголы же получают ее бесплатно во временное пользование от хошунов. Так как земли много, то монгольские земледельцы очень часто кочуют с места на место: просидят два-три года на каком-нибудь участке и затем переходят на новый.

Немногим лучше обстоит дело и с монгольской *промышленностью*. Сами монголы ни ремеслами, ни промышленностью почти не занимаются. Единственное монгольское промышленное предприятие—это угольные копи около Урги, принадлежащие монгольскому правительству и руководимые русскими инженерами. Зато в стране имеется кое-какая китайская и русская промышленность. Китайцы занимаются, главным образом, изготовлением предметов широкого потребления, как-то: седел, уздечек, сапог, серебряных украшений, домашней утвари и т. д. Главным центром китайской промышленности является Урга, в которой сосредоточено до 500 китайских ремесленных мастерских с 4.000 рабочих. Русские обращают свое внимание,главным образом, на добывание ископаемых и на переработку продуктов скотоводства. До 1920 года в Монголии функционировала русская золото-промышленная компания (Монголор), имелось до 20 русских кожевенных заводов, около 100 русских моек для очистки шерсти, а также некоторое количество сало-

топенных и кишечных заводов. Несмотря, однако, на столь слабое развитие монгольской промышленности в настоящем, нельзя сомневаться, что в более или менее отдаленном будущем пред страной открываются весьма широкие индустриальные возможности, так как горные богатства Внешней Монголии по всем видимостям очень велики. Даже те весьма несовершенные данные о геологическом строении страны, которыми мы располагаем в настоящее время, свидетельствуют о том, что недра монгольского плоскогория изобилуют медью, железом, золотом и каменным углем. А ведь сколько-нибудь систематической разведки в этих краях никогда не производилось.

Неизмеримо большую роль в народном хозяйстве Внешней Монголии играет *торговля*. Согласно данным монгольских бюджетов, собранным экспедицией Центросоюза, современная Монголия уже довольно глубоко втянулась в сферу менового хозяйства. Как оказывается, лишь около 70% своего бюджета монгольская семья покрывает продуктами собственного хозяйства, 30% она покупает на стороне, причем главными покупными продуктами служат предметы одежды и продовольствия. При таких условиях не удивительно, что торговля в Монголии должна быть развита достаточно широко. Так оно и есть в действительности. Общий оборот внешней торговли Монголии исчисляется примерно в 50.000.000 руб. золотом в год, из которых 40.000.000 приходится на долю монголов и 10.000.000—на долю китайских и русских колонистов. Главнейшими продуктами импорта являются: чай 4,5 миллионов руб.), мука (3,3 миллиона руб.), ткани (3 миллиона руб.), крупы (2,2 миллиона руб.), металлических изделий (1,5 миллиона руб.), и выделанная кожа (1,3 миллиона руб.).

Главнейшими же продуктами экспорта являются: скот (9,3 милл. руб.), шерсть (2,2 милл. руб.), шкуры (1 милл. руб.). Внешняя Монголия всегда до сих пор имела пассивный баланс, так как ее ввоз приблизительно на 5 милл. руб. превышал вывоз. Этот дефицит страна покрывала извозом, дававшим населению ежегодно до 10 милл. руб. в год.

Важнейшими торговыми центрами Монголии должны быть признаны Урга, Улясутай и Кобдо. Экономическое значение тяготеющих к этим центрам торговых районов нагляднее всего иллюстрируется следующими цифрами:

	Население.	Единицы скота.
Ургинский район	400.000	2.000.000
Улясутайский район.	200.000	1.000.000
Кобдосский район	70.000	500.000
	670.000 *)	3.500.000

*) Приводимые здесь цифры населения несколько превышают соответственные цифры, которые давались раньше, т. к. при исчислении населения Кобдосского округа принимались во внимание и киргизы, кочующие по обоим склонам Монгольского Алтая.

Торговля во Внешней Монголии находится целиком в китайских и русских руках, монгольской торговли не имеется. В лучшие для русской торговли времена (1911—1915 гг.) на ее долю приходилось около $^1/_3$ всего товарооборота страны, остальные $^2/_3$ падали на долю китайцев. Сейчас русская торговля сильно ослабела, и китайцы являются почти монополистами на рынке.

Что касается китайской торговли, то она носит весьма широкий и разветвленный характер. Вся она сконцентрирована в руках двадцати пяти крупных фирм, из которых некоторые располагают очень крупными капиталами. Особенно славится банкирская фирма Да-Шен-Ку, основной капитал которой равняется 30 милл. руб. золотом. Оборот ее в Монголии в 1919 году составил около 2 милл. руб. Другие фирмы значительно меньше. Общий оборот 12-ти крупнейших китайских фирм в Монголии в том же 1919 году достигал 10 милл. руб. Во всех значительных торговых компаниях введено участие служащих в качестве пайщиков в предприятиях,—этим создается прекрасный кадр работников, выполняющих свои обязанности не за страх, а за совесть. Густая сеть китайских торговых ячеек покрывает буквально всю страну, и фигуру китайского купца вы можете встретить в самых глухих и недоступных районах Внешней Монголии.

В высшей степени своеобразен самый механизм китайской торговли. До 1912 года она вся целиком была построена на кредите. Китайский купец меньше всего любил, когда монгол покупал у него товар на наличные. Наоборот, самым горячим желанием его всегда было давать монголу товар в долг, ибо таким путем он искусственно повышал цену товара в два и три раза. Подобная система торговли поддерживалась существовавшим ранее институтом круговой поруки хошуна за долги каждого из своих сограждан. После отделения Внешней Монголии от Китая, происшедшего в 1911 году, эта торговля в долг сократилась по крайней мере на 75%, так как новое монгольское правительство отменило круговую поруку, однако и в настоящее время кредит все еще является одной из основ китайской торговли в Монголии. Конечно, при общем низком уровне монгольской экономики в сфере торговли не может существовать какой-либо специализации функций. Поэтому, по общему правилу, китайские фирмы являются универсальными предприятиями, которые продают все, что нужно монголу (пищу, одежду, домашнюю утварь и т. д.), и покупают у него все, что он может им предложить (скот, шерсть, шкуры и т. д.). Некоторое исключение составляют лишь две фирмы—Да-Шен-Ку и Тянь-И-Де, специализировавшиеся главным образом на банковских операциях. Впрочем, и они занимаются универсальной торговлей, но только в более скромных размерах, чем другие.

Русская торговля во Внешней Монголии по своему типу и характеру до самаго последнего времени весьма мало отличалась от китайской. Вернее, она была уменьшенной копией китайской, так как в ней господствовал по преимуществу мелкий капитал. Действительно, средний оборот самых круп-

ных из оперировавших в Монголии частных русских фирм в лучшие времена не превышал 500,000 руб. в год. Перед 1912 годом русская торговля переживала тяжелый кризис, не будучи в состоянии соперничать с более могущественной китайской, но события, сопровождавшие об'явление монгольской независимости в 1911—12 г.г. (погромы китайских фирм, массовое бегство китайских купцов из Монголии) внезапно избавили ее от могущественного конкурента. Однако, благодаря недостатку средств, близорукой жадности и невежеству, русские коммерсанты не сумели использовать благоприятного стечения обстоятельств и с наступлением войны и революции быстро потеряли все свои позиции. В помощь русской торговле в 1915 году в Урге был создан «Монгольский Национальный Банк», являвшийся филиальным отделением «Сибирского Торгового Банка». Но и он не сумел спасти положения, и в 1919 году принужден был закрыться. На смену частному капиталу пришел общественный капитал. В 1915—18 гг. во внешней Монголии широко развернула свои операции так называемая «Монгольская Экспедиция», созданная Министерством Земледелия в целях закупки скота в Монголии для нужд действующих армий. Какой широкий характер носила работа «Монгольской Экспедиции», можно судить по тому, что за четыре года своего существования она выгнала из Монголии в пределы России до 250.000 голов крупного скота. Позднее, с 1919 года, вместо ликвидированной «Монгольской Экспедиции», в пределах Внешней Монголии стал работать Центросоюз. Правда, благодаря целому ряду неблагоприятных экономических и политических обстоятельств, Центросоюзу не удалось развить здесь особенно крупных операций, но все-таки он сумел пустить в Монголии достаточно прочные корни и внести туда новые принципы и методы торговой деятельности, сильно отличающиеся от принципов и методов как прежней русской, так и китайской торговли.

Торговля невозможна без *валюты*. В этом отношении Внешняя Монголия до сих пор еще переживает стадию полупервобытного хаоса. Какой-либо одной твердо установленной денежной единицы нет. В качестве таковой употребляются: овца, кирпич чая, слиточное серебро, серебряная монета (русская и китайская), наконец, бумажные деньги (русские и китайские). До 1918 года безусловным преобладанием на рынке пользовались русские кредитки, с 1818 года началась усиленная борьба китайцев против русских бумажек, приведшая в итоге к полному вытеснению русских кредиток с монгольского рынка. В настоящее время китайская валюта безусловно доминирует в пределах Внешней Монголии.

Наш очерк народного хозяйства Внешней Монголии был бы не полон, если бы мы не остановились хотя бы вкратце на ее *транспорте*. Конечно, монгольский транспорт еще более первобытен, чем монгольская валюта. Ни железных дорог, ни пароходных линий в стране нет. Колесные дороги существуют далеко не везде, так как обычный способ передвижения по Монголии —это езда верхом на лошади, на быке или на верблюде. Переправы через

реки обычно производятся вброд или вплавь, мостов почти нигде нет. В пустынных местах обеспеченность водой весьма сомнительна, так как колодцы редки, и никто о них не заботится. Для государственных надобностей существует так называемая уртонская повинность (почтовая гоньба): хошуны выставляют по определенным трактам юрты с ямщиками и лошадьми, которые обслуживают важнейшие пути сообщения Монголии. Летом все движение совершается на лошадях и быках, зимой—только на верблюдах. Грузы перевозятся или вьюком на животных, или же на допотопных арбах, ведущих свое существование от времен Чингис-хана. Средняя цена тракта по монгольским дорогам составляет 0,18 копейки с пудо-версты,—это значительно дороже, чем цена железно-дорожного транспорта, не говоря уже о водном. Но зато население зарабатывает от извозного промысла, как уже выше упоминалось, около 10 милл. руб. в год. В самое последнее время, впрочем, наблюдаются зачатки европеизации транспорта: на озере Косогол теперь ходит пароход, принадлежащий Центросоюзу, по линии Урга—Калган китайско-американской компанией установлено регулярное автомобильное сообщение, по линиям Кяхта—Урга—Калган, Монды—Улясутай и Кошагач—Кобдо имеется русский телеграф, в самой Урге функционирует устроенный русскими телефон. Кроме того, по наиболее важным трактам ходят русская и китайская почта. Однако, все это лишь отдельные небольшие штрихи, которые не в состоянии изменить общего первобытного фона картины.

Само собой разумеется, что страна, обладающая такой экономикой, как выше описанная, не может отличаться особенной хозяйственной мощью. Действительно, Внешняя Монголия чрезвычайно бедна. Общая сумма ее *национального имущества* определяется в 250 милл. руб. золотом (в том числе 132 милл. руб. составляет ценность скота). Ежегодный *национальный доход* страны равняется 74,5 милл. руб. (в том числе от скотоводства 66,5 милл. руб.), ежегодный *национальный расход*—73,5 милл. руб.), в том числе на пищу 51 милл. руб.), ежегодная свободная наличность—около 1 милл. руб. В среднем на одну душу населения приходится: национального имущества—461 руб., национального дохода—137 руб., национального расхода—135 р., национальной свободной наличности—2 руб. Как видим, Внешнюю Монголию без труда мог бы купить даже не самый крупный из американских миллиардеров.

4. ПОЛИТИКА.

Не вдаваясь в более отдаленное прошлое Внешней Монголии, представляющее большой исторический интерес, остановимся на характеристике государственно-политических отношений этой страны, как они сложились к началу XX века.

До 1911 г. Внешняя Монголия представляла *вассальную провинцию* Китайской Империи. Зависимость ее от последней выражалась, главным

образом, в том, что манчжурское правительство назначало во Внешнюю Монголию своего генерал-губернатора, нескольких губернаторов и отправляло туда сотни три-четыре длиннокосых китайских солдат. Никакой дани с Внешней Монголии Китайская Империя не взимала. Зато китайские купцы, торговавшие в монгольских степях, опираясь на помощь административного аппарата, умели извлекать большие экономические выгоды от эксплуатации монгольского населения. Внутреннее управление Внешней Монголии в период китайского владычества оставалось таким же, каким оно сложилось с незапамятных времен: продолжали существовать удельные княжества (хошуны), удельные князья, деление на пять сословий, буддийский культ и вообще все те формы административной, бытовой и культурной жизни, к которым население привыкло испокон веков. В этом отношении Китай вел, несомненно, либеральную политику.

В 1911 году произошло насильственное отделение Внешней Монголии от Китая. Главной причиной его были интриги старого русского правительства, которое стремилось подчинить эту часть центральной Азии своему политическому и экономическому влиянию. Воспользовавшись временным ослаблением Китая, вызванным китайской революцией 1911 года, царское правительство приняло необходимые меры и добилось «революционного» об'явления независимости Внешней Монголии. Этот акт нашел себе значительное сочувствие в широких слоях монгольского народа. Выше мы видели, как жестоко эксплоатировала китайская торговля монгольское население,— на почве этой вековой эксплоатации, среди монголов развилось и окрепло чувство глубокой неприязни к китайцам, и, когда по указке русского правительства, монгольские князья и высшее монгольское духовенство, прокламировали отделение Внешней Монголии от Китая, народ приветствовал это событие. Тем более, что одновременно были аннулированы все долги, как монгольских правительственных органов, так и частных граждан китайцам.

Период 1911—1919 г.г. может быть назван периодом *монгольской* автономии. После драматических событий 1911 г., необходимо было урегулировать международно-политическое положение Внешней Монголии. Это было сделано в договоре 1915 г., заключенном между Россией, Китаем и Внешней Монголией. Согласно данному соглашению, Внешняя Монголия, формально признавая над собой суверенитет Китая, получала тем не менее очень широкие автономные права. Она даже имела возможность самостоятельно заключать международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности. Китай лишался права иметь во Внешней Монголии своих генерал-губернаторов и должен был ограничиться посылкой туда лишь своих консульских представителей. Точно также, по договору, предусматривалось, что ни Китай, ни Россия не могут содержать в Монголии никакой вооруженной силы, кроме небольшой консульской охраны. Фактически договор 1915 года предоставлял доминирующую позицию в Монголии России, и царское правительство не замедлило использо-

вать это обстоятельство. Оно ссудило новому монгольскому правительству, образованному из князей и высших лам в три приема четыре миллиона рублей золотом и послало в Ургу особого финансового советника С. А. Козина, который должен был заняться приведением в порядок монгольского бюджета и монгольского государственного хозяйства. Кое-что в этом направлении Козину, действительно, удалось сделать, и, конечно, совершенно ясно, что он очень быстро стал фактическим руководителем новорожденного государства.

Однако, ничто не вечно под луной. Пришла империалистическая война, за войной пришла революция в России. Эти два всемирно-исторические события сильнейшим образом отразились и на положении вещей во Внешней Монголии: под влиянием их «престиж» России в этой стране сильно упал, так как Россия, занятая совсем другими делами, не могла уделять достаточно сил и внимания защите своих интересов в Центральной Азии. Параллельно с ослаблением русского влияния, начался под'ем влияния китайского. Снова русских торговцев повсюду стали вытеснять китайские купцы, и снова влияние китайских советников при Монгольском правительстве стало побеждать влияние русских советников. В 1918 г. монгольское правительство даже официально отказалось от помощи русского эксперта по финансовым делам, и последнему пришлось расформировать созданное им в Урге управление. В конце 1919 г. был сделан дальнейший шаг: китайцы, противозаконно сосредоточившие к тому времени в Урге и ургинском районе около пяти тысяч солдат и подкупившие ряд влиятельнейших монгольских сановников, заставили Внешнюю Монголию подписать договор об аннулировании данной ей по соглашению 1915 года автономии и возвращении ее вновь в подданство Китая.

Однако, на этот раз торжество китайцев было очень кратковременно. Едва они почувствовали себя опять у власти, как китайские купцы поспешили тотчас же пред'явить монголам ко взысканию все счета по их старым аннулированным революцией 1911 г. долгам. Это создало взрыв негодования среди широких масс местного населения и подготовило почву для дальнейших антикитайских выступлений.

Эти выступления не замедлили. Осенью 1920 года один из сподвижников атамана Семенова, эстляндский барон Унгерн-фон-Штернберг, спасаясь от натиска красных забайкальских партизан, отступил в пределы Внешней Монголии. При поддержке японцев, он сформировал здесь довольно значительный отряд (тысяч около трех) и, желая расположить в свою пользу туземное население, провозгласил борьбу за независимость Монголии. Призыв этот был услышан. Под знамена Унгерна стали стекаться монгольские князья и простолюдины, и подкрепленный ими семеновский бандит двинулся походом на Ургу. Китайцы, сосредоточившие в Урге свои главные силы, пытались дать Унгерну отпор. Первоначально они даже имели успех и отбросили унгеровскую армию верст на 200 к востоку от города. Однако, Унгерн не оставил своего намерения. Получив известное подкрепление, он снова пе-

решел в наступление и в феврале 1921 г., выбив китайцев, занял монгольскую столицу. Четырехмесячное пребывание эстляндского барона в Урге было сплошным кошмаром зверских злодеяний, равных которым немного найдется в истории нашей гражданской войны. Но как бы то ни было, а попытка китайского господства в Монголии Унгерном была ликвидирована, и Внешняя Монголия вновь обрела свою самостоятельность.

Так как весной 1921 г. Унгерн двинулся из Урги в пределы России, то военному командованию Сибири и ДВР пришлось принять необходимые контр-меры. Под Троицкосавском Унгерн был разбит соединенными силами армий обеих республик и вынужден искать спасения снова в Монголии. Преследуя его, красные войска дошли до Урги и на время закрепились там, как в главном политическом и стратегическом центре Монголии. Вместе с тем в стране началось широкое революционное движение, образовалась народно-революционная партия, которая взяла в свои руки власть и сформировала новое революционное монгольское правительство. После поимки Унгерна в августе 1921 г., большая часть красных войск была выведена из Урги, однако, по просьбе народно-революционного правительства Монголии, там была оставлена небольшая армейская часть впредь до полного установления в стране нормального государственного порядка.

Зима 1921—22 г.г. прошла в усиленной организации новой власти. Была создана красная монгольская армия, перестроен на новых началах старый правительственный аппарат, заключен политический и торговый договор с Россией и сделаны попытки для оформления международного положения Внешней Монголии, в видах чего народно-революционное правительство последней обратилось с нотой к Советскому правительству, прося его выступить в качестве посредника в переговорах между Монголией и Китаем. Одновременно была проведена отмена сословий и созван Великий Хурурдан. (Учредительное Собрание), работы которого еще не закончены.

Не подлежит сомнению, что Внешняя Монголия вступила в полосу быстрой эволюции, в сторону европеизации ее экономических, социальных и политических отношений. Однако, для того чтобы легче представить себе вероятный ход предстоящего развития, необходимо бросить беглый взгляд на те государственно-административные и правовые условия, которые господствовали во Внешней Монголии накануне совершившегося переворота и которые еще в очень значительной степени продолжают существовать и сейчас.

5. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Основной административно-политической единицей в стране являлся хошун (удельное княжество) с наследственным князем во главе. Князь управлял хошуном с помощью хошунного управления из назначаемых им чиновников. Размеры хошунов были весьма различны: от 150 человек до 24 тысяч, в среднем, однако, численность хошуна определялась примерно в 4—5 тысяч

человек. Права хошунного князя были очень широки и власть его чрезвычайно универсальна: князь соединяя в своем лице административную, судебную, военную и даже отчасти духовную власть. Для покрытия своих расходов князь получал особый «цивильный лист», состоявший из определенного количества баранов, коров, лошадей, кирпичей чая и т. д. в год. Хошун, кроме того, обязан был уплачивать за князя все сделанные им долги. При князе имелась свита из дворян и известного числа крепостных. Князь освобождался от уплаты всех налогов, был неподсуден обычному суду и не подлежал воинской повинности.

Хошун в свою очередь подразделялся на более мелкие административные единицы—«баки» (общества) и «сумуны» (эскадроны). Хошунов во Внешней Монголии имелось 111, сверх того было еще 13 «шаби» (духовных княжеств). Последние с административной точки зрения мало чем отличались от хошунов, разница между теми и другими состояла только в том, что во главе шаби находились князья церкви. Хошуны и шаби были об'единены в шесть аймаков: Цецен-хана, Тушету-хана, Сайн-ноин-хана, Дзасакту-хана, Далай-хана, Дзорикту-хана, во главе которых стояли председатели аймачных сеймов. Эти сеймы, состоящие из хошунных князей данного аймака, раз в три года выбирали своего председателя. Впрочем, значение аймачных сеймов явно падало, и выборы председателя все больше превращались в пустую формальность: по существу аймачный председатель был не больше, как ставленником центрального правительства. Аймаки в свою очередь об'единялись в три наместничества: Ургинское, Улясутайское и Кобдоское, — по два аймака в каждом наместничестве.

Центральная власть воплощалась в лице Богдо-Гегена, являвшегося одновременно и главой церкви и главой государства. Внешняя Монголия 1920 года представляла собой, таким образом, одну из последних теократий в мире. Богдо-Геген пользовался правами абсолютного владыки и назначал кабинеты министров из пяти человек: военного министра, министра юстиции, финансов, внутренних и ностранных дел. Эти министры были ответственны только перед Богдо-Гегеном. К числу центральных правительственных учреждений относилась также Великошабинское ведомство (управление личными подданными Богдо-Гегена). Таких собственных подданных у последнего насчитывалось около 85 тысяч. Подавляющее большинство их жило разбросано по территории всей Монголии. Но в одном месте, в районе озера Косогол, Богдо-Геген имел даже свою собственную территорию, насчитывавшую 35.000 кв. в. Глава велико-шабинского ведомства участвовал в заседаниях совета министров.

Не обходилось дело и без зачатков парламентаризма. Во Внешней Монголии 1920 года существовали две совещательных палаты: верхняя, состоявшая из князей, и нижняя, состоявшая из высших министерских чиновников, т. е. фактически из дворян. Однако, эти палаты собирались крайне нерегулярно, не любили много дебатировать по вносимым вопросам и были лишены

решающего голоса в государственных делах. Власти Богдо-Гегена они фактически не ограничивали.

Политических партий в настоящем смысле слова во Внешней Монголии 1920 г. еще не было. Однако, в правящих сферах имелись некоторые группировки, напоминающие партии: так, были защитники русской и китайской ориентации, сторонники светского и духовного владычества в стране. Группировки эти носили весьма аристократический характер и не имели никаких разветвлений среди широких масс населения.

Государственные финансы Внешней Монголии описываемого периода находились в состоянии полного хаоса. Государственный бюджет состоял из двух частей: бюджета центрального правительства и бюджета хошунных и аймачных управлений.

Бюджет центрального правительства был построен целиком на косвенном обложении, (таможенные сборы, концесии и т. д.). Сумма его в период 1913—1918 г.г. колебалась от 1½—3½ милл. рублей золотом, в среднем составляя около 2½ мил. рублей в год. Очень важной составной статьей центрального бюджета были доходы от русских займов.

Бюджет аймачных и хошунных управлений был построен на прямом обложении населения, известном под именем «алба», и носил совершенно первобытный характер. Постоянных, твердо-фиксированных налогов не было, а сборы производились от случая к случаю, в зависимости от потребности. Виды албы были чрезвычайно разнообразны,—их насчитывалось не меньше 17 родов, главными из которых являлись следующие: уртонская повинность (содержание почтовых станций), воинская повинность, караульная повинность, обязательная служба в общественно-административных и полицейских должностях, содержание князя, столовое и квартирное довольство чиновников, сборы на строительство и ремонт монастырей, сборы на ежегодный подарок Богдо-Гегену, содержание аймачных управлений и т. д. Главное зло албы,—это безконтрольность ее назначения и нерегулярность ее взимания. Здесь все зависело от князя, от председателя аймака, наконец, от Богдо-Гегена. Исчислить общую сумму уплачивавшейся монгольским населением албы довольно трудно, однако, по самым осторожным предположениям, она должна была составлять в переводе на золотую валюту не менее 5 миллионов рублей в год. Таким образом, общие размеры бюджета Внешней Монголии, как центрального, так и местного, определялись примерно в 7—7½ миллионов рублей золотом.

Чрезвычайно велика была *задолженность* хошунных управлений китайцам. На основании данных, собранных Козиным, можно утверждать, что общая сумма хошунной задолжности Внешней Монголии достигала 15 миллионов рублей золотом. Размеры долгов отдельных хошунов были прямо поразительны. Так, например, в хошуне Цецен-хана (аймак Тушуту-хана) сумма хошунного долга, приходящаяся на одну юрту—хозяйство, равнялась

331 лану *), в хошуне Тушету-Гуна (аймак Сайнноин-хана)—546 лан, в хошуне Цоктой-Гуна (аймак Тушету-хана)—758 лан, в хошуне Дархан-Гуна (аймак Сайннюин-хана)—даже 1.008 лан. Если принять во внимание, что стоимость одного средне-типичного монгольского хозяйства достигает приблизительно 1000 лан, то все ужасающее значение вышеприведенных цифр станет совершенно очевидным.

Так как Внешняя Монголия должна России четыре миллиона рублей, то общая сумма государственной задолжности страны накануне революции достигала, таким образом, 19 миллионов рублей золотом или около 35 руб. на душу населения.

Для полноты характеристики государственного строя Внешней Монголии, как он был в 1920 г., необходимо еще упомянуть об основах действовавшего и еще действующего в Монголии права. Это право представляет из себя своеобразную амальгаму китайского писанного и монгольского обычного права. Специально судебных организаций в стране не имеется. Судебными делами ведают обще-административные учреждения: хошун, аймак, наместничество и, наконец, министерство юстиции, играющее не столько роль министерства, сколько роль нашего старого сената. Различия между уголовным и гражданским судопроизводством не существует. На предварительном следствии применяются пытки физического и морального характера. Самой распространенной формой пытки является битье по щекам широким ремнем и битье палками по мягким местам. Как общее правило, число ударов не превышает ста. Но есть и более рафинированные формы мучений: обвиняемому забивают под ногти тонкие камышевые гвозди, наливают на ладонь рук расплавленный свинец, ставят голыми коленями на острые камни и т. д. Правда, в последние два десятилетия вместе с усилением русского влияния наиболее варварские формы пытки стали постепенно отходить в область преданий, однако, еще и сейчас широкое применение принципа «пристрастия» составляет одну из основ монгольского судопроизводства.

Наказания, применяемые монгольским правом, весьма разнообразны,— они варьируют от простого выговора или замечания до смертной казни включительно. Чаще всего применяются штрафы, телесное наказание и арест. За убийство полагается смерть. Кроме официально указанных наказаний, имеется еще ряд других, применяемых к особо закоренелым преступникам в порядке обычного права или вернее безправия. Таковы, напр., ослепление путем выкалывания глаз или насыпания в них купороса; ампутация конечностей (рук и ног), производимая весьма варварскими и мучительными способами; зашивание преступника в сыромятную кожу и зарывание его в таком виде в землю по самую шею и др.

Что касается гражданского права (семейного, наследственного и т. п., то в нем имеется много общего с европейскими нормами. Впрочем есть

*) Лан—1 р. 43 к. золотом.

также и своеобразные черты, вытекающие из общего уклада своеобразной монгольской жизни. Среди этих последних стоит отметить мягкое отношение монгольского обычного права к незаконнорожденным. Внебрачное рождение в Монголии вообще не считается позором,—в соответствии с этим, внебрачный ребенок пользуется в семье почти теми же самыми правами, что и ребенок законный.

Таковы были основы монгольского государственного строя в 1920 г. Сейчас, под влиянием вышеописанных событий, они подвергаются серьезной переработке. Однако, дело реформы еще далеко не закончено, и пока еще трудно определить границы, до которых докатится творческая инициатива народо-революционной Монголии.

6. РЕЛИГИЯ.

Хотя в отдельных, более глухих районах Внешней Монголии можно еще и сейчас встретить остатки древняго шаманизма, однако, официальной религией монгольского народа является буддизм, в той его форме, которая известна под именем *ламаизма*. Буддизм Монголия заимствовала из Тибета в конце 16-го столетия и в течение последующих трех веков сумела достаточно широко и прочно развить у себя культ нового вероучения.

Глава монгольской церкви является ургинский Богдо-Геген—перерожденец знаменитого буддийского святого Джебцзун-Дамба-Хутухты, ученика самого Будды. По представлениям ламаитов, за протекшие со времени существования последнего 25 веков, этот святой возрождался на земле 23 раза, в том числе 6 раз в Индии, 15 раз в Тибете и 2 раза в Монголии. Кроме своих воплощений на земле, Джебцзун-Дамба имел за это же время целый ряд перерождений в других частях вселенной, о которых знает только он сам. Богдо-Геген, как духовное лицо, занимает первое место в церковной иерархии Внешней Монголии. Он является верховной инстанцией для решения всякого рода возникающих в стране религиозных дел, он утверждает других монгольских святых, общее число которых простирается до 100, назначает высших сановников церкви и настоятелей крупных монастырей. Церковных соборов Монголия не знает, и потому Богдо-Геген в области религиозной является таким же абсолютным владыкой, как и в области политической. Он живет постоянно в Урге, где имеет несколько дворцов: один в главном монастыре, два—летний и зимний—за городом на беергу реки Толы, у подножья священной горы Богдо-ула.

Центрами религиозной жизни Внешней Монголии являются *монастыри*. Обыкновенно каждый хошун имеет свой хошунный монастырь, но иногда бывает и по два—три монастыря в княжестве. Общее число монастырей достигает приблизительно 150. В прежнее время многие монастыри жили в юртах и кочевали с места на место,—теперь кочевой период для них миновал, они осели и превратились в зародыши городских поселений. По величине главные монастыри располаются в следующем порядке:

Да-Хуре (Урга)	13.000	монахов.
Гандон (Урга)	7.000	»
Дзаин-Шаби	3.000	»
Ванпин-Хуре	2.000	»
Ван-Хуре.	2,000	»
Эрдени-Цзу.	1,500	»
Джахандзы-Хуре	1.500	»

Это наиболее крупные монастыри, кроме того имеется много мелких, насчитывающих триста, двести, сто, даже двадцат-тридцать лам. Общее число монахов в стране достигает 115.000. Однако, лишь около трети из них, (всего до сорока тысяч) живет постоянно в монастыре. По религиозному значению на первом месте стоят Эрдени-Цзу и оба ургинских монастыря. Далее следуют Дзаин-шаби и Джахандзы-Хуре. Как общее правило, наиболее священные монастыри в то же время являются и наиболее богатыми.

Внутреннее управление монастырей регулируется особым статутом «Винаи» и в общем построено на выборном принципе. В каждом монастыре имеется администрация двух родов: по духовным и по хозяйственным делам. Настоятели монастырей утверждаются хошунным князем или самим Богдо-Гегеном, все низшие члены монастырской администрации утверждаются настоятелем. В каждом монастыре имеется свой особый духовный суд, ведающий нарушениями монастырского устава и различного рода религиозными преступлениями. Суд этот состоит из старых, более уважаемых лам и в качестве карательных мер применяет как церковные эпитемии, так и телесное наказание.

Монгольские *храмы* очень многочисленны и весьма своеобразны. Построены они обыкновенно из дерева в тибетском или китайском стиле и отличаются самыми разнообразными размерами: есть маленькие часовни, есть церкви средней величины, есть и огромные соборы, поражающие грандиозностью своей архитектуры. Имеются храмы-юрты, войлочные и деревянные, напр. в Ургинском Да-Хуре. Внутренность монгольского храма больше напоминает внутренность католического костела, чем православной церкви. Храмы украшены иконами и статуями богов, изображающих Будду, Дзонхаву, различных святителей церкви, символические воплощения человеческих страстей и пороков. Чисто статуй безусловно преобладает над числом икон. Из монгольских храмов больше всего славятся три: «Цзу» в Эрдени-Цзу, Майдари» в Ургинском Да-Хуре и «Ариавало» в Гандоне. Последний храм особенно величествен: в нем находится четырнадцатисаженная статуя Ариаволо (буддийского Спасителя), сделанная из литой меди.

Обыкновенно три раза в день—утром, днем и вечером—в монастырях происходит *богослужение*. Богослужение ведется на тибетском языке, совершенно непонятном массам населения, и по своим внешним формам сильно напоминает католическую службу. Во время богослужения читаются молитвы, поются гимны, звенит колокольчик, играет музыка. Хора певчих нет, но все

присутствующие в храме тянут большей частью речитативом, нараспев, слоза какой-нибудь молитвы или канта. В качестве музыкальных инструментов употребляются: большие бубны, литавры, гонги, особые флейты, сделанные из окованной серебром берцовой кости человека, и, наконец, большие медные трубы (обыкновенно четыре), издающие жутко торжественный, низко-гудящий звук. Эти трубы несколько напоминают католический орган. Перед изображением богов горят многочисленные светильники, а перед статуей Будды курится фимиам. Молящиеся сидят длинными рядами на войлочных подушках, по монгольски, поддавши под себя ноги, а особый распорядитель богослужения («чоремба») ходит по рядам с палкой и зорко следит, чтобы все совершалось по чину. Во время богослужения бывают перерывы, тогда по рядам молящихся разносят чай или кумыс. Характерной чертой монгольских богослужений является полное отсутствие на них мирян,—молятся исключительно монахи.

Кроме обычных богослужений бывают и экстраординарные службы различного рода—поминальные, умилостивительные, благодарственные и т. д., заказываемые за особую плату частными лицами или предписываевые по каким-либо поводам свыше от князей церкви и Богдо-Гегена. Имеются и религиозные празднества. В общем таких празднеств не очень много. Самые важные из них «Майдари» и «Цам». Майдари—буддийский мессия, который должен придти для спасения человечества. Во время праздника «Майдари» изображение последнего в особой колеснице обвозят вокруг монастыря, тем же порядком обносятся вокруг монастыря Ганжур и Данжур (священные книги), затем церковная часть кончается, и вступает в свои права часть мирская: начинаются скачки, состязания в силе, пьянство, ссоры, драки, после чего изрядно пошумевшие и покуражившиеся монголы мирно раз'езжаются по домам. «Цам» имеет несколько другой характер: в религиозной части он состоит из довольно замысловатых плясок маскированных монахов, изображающих мертвые черепа оленей, собак, медведей, слонов, драконов, и каких-то иных непонятных чудовищ. По окончании плясок, продолжающихся целый день, сжигается «золик» (чорт), а затем, на следующий день открывается мирская часть празднества, ничем не отличающаяся от таковой же части «Майдари». Внутренний смысл «Цама» таков: маски, выступающие в плясках, есть изображения тех сверх'естественных существ, с которыми всем верующим придется встретиться в потустороннем мире. «Цам» имеет целью приготовить их к этой встрече, дабы они, очутившись лицом к лицу с небожителями, не были слишком потрясены и испуганы.

Средства, на которые существует церковь, слагаются из нескольких частей. Во-первых, монастыри имеют свой скот, всего около 2 миллионов голов или 17% всего количества единиц скота, которым располагает Внешняя Монголия. Во-вторых, монастыри получают пожертвования и плату за заказываемые им службы, а отдельные ламы еще гонорар за выполняемые ими требы. В-третьих, некоторые большие монастыри, в роде напр. Ургинского Да-хуре, пользуются известной финансовой поддержкой со стороны

государства. В четвертых, наконец, церковь извлекает порядочный доход из ростовщических операций. Обычно все средства монастыря делятся на три части: одна часть идет на содержание монастыря, другая—на содержание лам, третья—составляет одновременно запасный капитал и свободную наличность. Вот эту-то третью часть монастырские финансисты и пускают в оборот, отдавая ее в рост под хорошие проценты. В итоге монастыри получают весьма солидные суммы, позволяющие им вести более чем безбедное существование. Общая ценность церковного имущества определяется приблизительно в 57 миллионов рублей золотом, т. е. составляет несколько больше одной пятой всего национального богатства страны. Ежегодная же стоимость церкви для населения достигает 7 миллионов рублей золотом, или в среднем 35 рублей на одного человека.

Как уже упоминалось выше, главными носителями монгольской церкви являются *ламы* (монахи). Карьера ламы начинается обычно с 7—8 лет, когда мальчик поступает в монастырь в учение кому-либо из живущих там монахов. В течение последующих десятилетий лама проходит очень длинный и сложный курс обучения, занимающий в общей сложности не менее 35-ти лет. Только в 45 лет монгольский монах может считать свое богословское образование завершенным. Люди особой любознательности могут продолжать занятия и дальше, причем в виде награды они получают титул «агримба», что можно, пожалуй, перевести, как профессор богословия. Таких профессоров в Монголии очень немного, на всю страну их насчитывается 40—50 человек.

Кроме чисто богословского образования, в монастырях еще дается специальное астрономическое и медицинское. Астрономия или, вернее, смесь астрономии с астрологией, преподается в особых школах, имеющихся только в крупных монастырях, и обнимает учение о мироздании, искусство составления календаря и вычисления затмений, методы гаданий, способы узнавать по священному писанию прошлое и будущее и т. д. Все обучение астрономии производится по книгам, не только никаких наблюдений над небесными телами не делается, но даже и самаго элементарного ознакомелния с звездным небом не практикуется.

Ламы, желающие стать врачами, начинают обучаться медицине с самаго вступления в монастырь. Обучение лекарскому искусству на первых порах идет индивидуально, параллельно изучению тибетской грамоты и богослужебных книг, а затем, будущие врачи специализируются на своих особых задачах. Полный курс общего богословия для них необязателен. Монгольская медицина (весьма родственная тибетской) носит очень своеобразный характер: она представляет из себя пеструю смесь некоторых элементов эмпирической науки с самым беззастенчивым религиозным знахарством.

Обыкновенно каждый лама начинает и кончает курс своего обучения в том монастыре, куда определили его родители. Однако, считается очень полезным и даже почетным на протяжении этого курса посетить крупнейшие религиозные центры Монголии, напр. Ургу, а еще лучше Тибет. В Тибет монгольские ламы ездят для усовершенствования в богословии, медицине и

астрономии, совершенно так же, как русские ученые ездят для завершения своего образования во Францию или в Германию.

Параллельно с обучением тайнам тибетской теологии идет принятие ламами монашеских обетов. Всего таких обетов имеется четыре, один более строгий, чем другой. Четвертый самый важный обет, налагающий на принявшего около 250 различных ограничений (воздержание от роскоши, умеренность в пище и питье, сокращение ночного отдыха до трех, четырех часов и т. д.), принимается ламой в возрасте 25-ти лет. После него лама считается уже настоящим монахом.

Ламы, занимавшие исключительно высокое положение в церковной иерархии или прославившиеся особенной святостью жизни, по смерти удостаиваются чести быть превращенными в мощи. Делается это следующим образом: в рот умершему вливается ртуть для очищения внутренностей, затем труп обкладывается толстым слоем соли для вытягивания влаги из тканей; когда вся влага оказывается вытянутой, тело высушивается и покрывается особой смесью из глины, клея и т. д.; лицо подкрашивается и золотится, глаза, губы и брови разрисовываются; приготовленные таким образом останки, одеваются в торжественные одежды, приводятся в сидячее положение и выставляются на поклонение народу. Впрочем, монгольские мощи чудес не совершают, они являются только памятником ушедшего человека.

В умственном отношении ламское сословие несомненно стоит значительно выше остальной массы населения. Это — подлинная интеллигенция страны, которая живет чище, питается лучше, имеет некоторые культурные привычки и обладает сравнительно крупным, по монгольскому масштабу, запасом теоретических и практических знаний. Церковь в современной Монголии играет приблизительно ту же роль, какую она играла в прежние века в западной Европе и в России: Она является здесь хранительницей и рассадником просвещения и, потому, доминирует над всей умственной, духовной и политической жизнью страны. Роль лам в монгольской жизни громадна. Можно без преувеличения утверждать, что лама провожает монгола от колыбели до могилы. Лама молится о даровании потомства бездетным родителям, лама оказывает помощь матери во время родов, лама участвует в церемонии наименования и острижения ребенка, лама лечит его в случае болезни и своими заклинаниями отгоняет от него злых духов. Когда ребенок превратится в юношу, лама благословляет сделанный им выбор невесты и освящает его брак, лама гадает для него во всех сомнительных случаях жизни, лама назначает ему счастливый день для выезда из дома, для перекочевки или для начала какого-либо дела. Если у монгола падает скот, лама служит молебен для избавления от напасти. Под старость лама выслушивает его завещание, а по смерти совершает над ним последнее отпевание, открывающее перед ним пути спасения души. По огромности и всеобъемлющести своего влияния монгольское духовенство может быть сравнено только с католическим, однако, даже в такой классической стране воинствующего папизма, как Испания, патер не имеет столь решающего значения, какое имеет в Монголии лама.

Таковы основные черты современной Внешней Монголии. Такова она была вплоть до 1920 г. Бурные события, свидетельницей и участницей которых страна явилась в 1921 г., события, связанные с мировой войной и российской революцией, кладут резкую грань между прошлым и будущим монгольского народа. Не подлежит сомнению, что в 1921 г. старая Монголия, каковой она была в течение целого ряда веков после Чингис-хановской эпохи, умерла и больше не воскреснет. Вихрь мировых событий втянул в свой великий круговорот даже и этот всеми забытый уголок азиатского континента. Монголия вошла в орбиту мировой политики, и вместе с этим на наших глазах началось и в дальнейшем все быстрее будет совершаться ее экономическое, социальное и политическое перерождение. Какие формы жизни в конце концов выкристализуются в новой Монголии, пока трудно сказать с определенностью. Одно во всяком случае не подлежит сомнению: глубокая перестройка внутренних отношений в Монголии пойдет тем легче и успешнее, чем теснее будет ее связь с Советской Россией.

И. Майский.

Современный Китай.

(Письмо из Пекина.)

I.

Трудно себе представить зрелище более грандиозное, чем крушение одной из старейших культур человечества, которое наблюдается в Китае. Процесс разложения, начавшийся уже довольно давно, постепенно ускоряясь, перешел за последние годы в какой то головокружительный вихрь. Мировая война явилась роковым девятым валом, захлестнувшим необ'ятный Китай широким потоком новых идей, новых чувств, новых стремлений.

Нет в настоящее время ни одного отдаленного уголка этой великой страны, вернее конгломерата стран, как нет ни одной области быта, которые оставались бы в стороне от великой ломки тысячелетних устоев. Религия, философия, наука, государство, семья, взаимоотношения сословий и классов, весь многотысячелетний строй,—все рушится почти на глазах.

Куантон и Чили, Юннан и Шенси, Шантун и Сычуан, Хунан и Гирин, Север и Юг, побережье Тихого Океана и границы Тибета—все пришло в движение, всюду идет лихорадочная работа: закладывается фундамент нового возрождающегося Китая. Ибо, несомненно что, несмотря на кажущийся сплошной хаос, сплошную дезорганизацию, последний вступил в эпоху, которая будет зарегистрирована мировой историей, как эпоха великого возрождения: возрождения Китая, возрождения Азии.

Охватить весь бесконечно сложный процесс современной трансформации Китая, пожалуй, несравненно труднее, чем даже разобраться в том клубке противоречий, описать всю ту социальную и политическую борьбу, которая кипит в десятках европейских стран. Не надо забывать, что Китай значительно превосходит Западную Европу и по народонаселению и по пространству им занимаемому, что многие из его провинций и по пространству и по народонаселению более любой из европейских стран; к тому же, при отсутствии развитой сети железных дорог Китай гораздо менее связан, чем Европа.

Чтобы проехать из Кантона в столицу соседней провинции, в Куэйлин, требуется minimum две недели; чтобы добраться до Ченту из Пекина необходимо потратить еще более времени; мы не говорим уже о таких отдаленных провинциях как Кансу или Синкиан.

Надо также принять во внимание, что жители многих провинций говорят на наречиях весьма различных. Речь шанхайца столь же непонятна для пекинца, как, скажем, польский язык для жителей Москвы; речь же кантонца или фужиэнца является для Северных и Западных провинций тем же, чем для читателя китайская грамота. Интеллигентным китайцам различных провинций, чтобы столковаться, часто приходится прибегать к помощи иероглифов, а то и к английскому языку.

Большинство провинций живет своей самостоятельной жизнью, имеет свою особую внутреннюю и внешнюю политику. Разверните любой номер китайской газеты и, если вы умеете читать иероглифы, вы убедитесь, что Китай — это целый материк с десятками различных более или менее независимых стран, между которыми ведутся войны, заключаются перемирия, устанавливаются соглашения, подписываются договоры и т. д.

Сычуанская провинция вот уже почти три месяца, как ведет переговоры о заключении мира с провинцией Хупей.

Тан-Ти-Яо, бывший тутюн (читай диктатор) Юннана только что потерпел поражение, пытаясь вновь завладеть своей старой провинцией.

Хунан, зажатый между Куантоном и Хупей'ем, безнадежно старается отстоять свой нейтралитет в готовящемся столкновении между «Югом» и «Севером».

В Шенси, Чен Шу-фан все еще не теряет надежды изгнать своего соперника Фэн Ю-сиана.

Кансу является ареной борьбы между военной партией Ма Фу-сиан'а, теперешнего тутона (военного администратора) Суй-ю-ан'а и военной партией тутюна Лу Хун-тао.

С другой стороны, три восточные провинции (Манчжурия), три так называемые «особые территории» Чахар, Жехол и Суй-ю-ан составляют как бы федерацию во главе с Чан Зо-лин'ом, союзниками которого в его борьбе с Чилийской партией являются Анхуэй и Чекиан. С газетных столбцов не сходит вопрос о формировании так называемого союза восьми провинций - стран: Чили, Шантун, Хонан, Шанси, Хупей, Киансу, Кианси и Кансу, союза долженствующего противостоять вышеуказанной конфедерации.

Если главными центрами политической жизни современной Европы являются Лондон, Москва, Париж, Берлин, то страны, составляющие Китай, имеют свои центры: Мукден, Кантон, Паотинфу, Лоян, Пекин. Любитель аналогий мог бы легко подыскать во взаимоотношениях различных китайских провинций ряд сравненний со взаимоотношениями различных европейских государств.

В то время, как одним из наиболее жгучих вопросов западных стран является вопрос о созыве Генуэзской конференции, китайские политиканы не менее интересуются возможностью созыва в Пекине представителей провинциальных стран, составляющих Китайскую республику.

Государственные мужи Европы и Америки, высказывавшие в Вашингтоне столько презрительного соболезнования по поводу отсутствия единения и мира в Китае, упускали, вероятно, из виду, что последний приходится сравнивать не с той или другой из европейских стран, но со всей совокупностью последних. Если же мы возьмем и сравним тот хаос, ту вражду, тот разлад, то отсутствие единства, которые наблюдаются в Европе, с тем, что происходит в Китае, то еще не известно, в чью пользу будет сравнение.

Мы указали, что Китай может быть расматриваем, как конгломерат независимых и полузависимых государств. Номинально же в Китае имеется всего лишь два правительства: одно Пекинское, признанное иностранными державами, и другое Кантонское, сферой влияния которого является Куантон, Куанси, Юннан, Куэйчоу, Сычуан и северо-западная часть Шенси. Номинально, Чан Зо-лин, «некоронованный король Манчжурии», носит лишь скромный титул генерал-инспектора Манчжурии; У Пей-фу, свергающий кабинеты — генерал-инспектора Хупея и Хунана, а его шеф Цао Кун—генерал-инспектора Чили, Хонан'а и Шантун'а.

Наконец, как во всякой Республике qui se respecte в Китае имеются политические партии: Чили, Анфу, Цинпутан, партия Путей Сообщения (Старая и Новая) и т. д.—партии, часто вступающие в своей борьбе за власть в блоки, как например, в настоящее время, когда грозящее столкновение с «чилийцами» заставило

«фэнтиенцев» заключить союз со своими вчерашними врагами «Анфуистами», а также с партией Путей Сообщения. Если прибавить ко всему этому непрекращающиеся официальные заявления о необходимости скорейшего созыва национального парламента и весьма частые кризисы кабинета, то получается как бы сколок с настоящей Республики.

В действительности дело обстоит далеко не так, ибо Китайская Республика находится лишь в периоде установления, в периоде перехода от своеобразного феодализма к капитализму и федералистическому строю.

Представьте себе средневековую Европу, чудом перенесенную на какую-либо планету с высоко развитой формой капитализма, но только средневековую Европу с телеграфом, с телефоном, с железными дорогами, быстро растущей индустрией, рабочими союзами и могучим стремлением масс отстоять свою независимость среди враждебного мира, создав единое политическое об'единение—представьте себе это, и вы будете иметь картину современного Китая.

Могучее стремление создать единое политическое целое, отстоять свою независимость и в то же время использовать опыт Запада в своем строительстве новых политических и социальных форм, — вот что составляет отличительную черту Китая, что заставляет говорить о современном моменте, как о периоде возрождения. Это стремление зародилось не вчера, но только, как мы уже сказали, мировая война сделала его массовым.

Пятое мая 1919 года — эту дату вы постоянно встречаете на столбцах китайских газет, слышите на китайских митингах, ибо она более, чем 10 октября 1911 года знаменует собою в жизни китайской общественности новую эру. Демонстрация пекинских студентов 5-го мая 1919 года послужила началом грандиозной агитации против подписания Версальского договора, агитации, впервые обнаружившей единый национальный лик Китая и ставшей исходным пунктом современного общественного движения.

Прежде, чем коснуться последнего, будет небесполезно бросить ретроспективный взгляд на его зарождение. Это необходимо, чтобы составить себе представление, как о пройденном пути, так и о коэфициенте скорости поступательного движения.

Студенчество, которое явилось душою агитации против подписания Версальского договора, прекрасно понимало, что заставить правительство капитулировать в таком важном вопросе можно, лишь приобретя поддержку широких масс, создав могучее национальное движение, для чего необходимо было наметить определенный план, координировать свои действия, словом сорганизоваться. Это и было сделано. Во всех школах начались митинги для выбора делегатов в собрание, долженствующее представлять собой все учебные заведения столицы. После организации подобных собраний во всех главных центрах — в Шанхае, Тяньцзине, Нанкине и т. д., был создан орган, об'единивший все китайское студенчество.

И вот начинается невиданная по своим размерам агитация: митинги на улицах и площадях, демонстрации, бесконечное количество петиций, протестов, беспрерывно идущих со всех сторон, даже из самых медвежьих углов и, наконец, всеобщие стачки коммерсантов в Шанхае, в Тяньцзине и других городах, присоединившихся к движению и запиравших свои лавки: все это создало такую революционную атмосферу, что правительству пришлось уступить, и в результате Китай официально отказался от подписания Версальского договора.

Таким образом, начальная цель, которую поставило себе студенчество, была достигнута: тем не менее движение на этом пути не остановилось, ибо в период агитации всплыли новые задачи, поставлены были новые цели и прежде всего— вынудить Японию путем бойкота ее товаров отказаться от политики захватов. »Не покупайте японских товаров» — эта фраза постоянно повторялась на бесчислен-

ных митингах, эту же фразу чаще всего можно было прочесть на знаменах демонстрантов.

Многие, зная насколько Японии во время войны удалось завладеть китайским рынком, высказывали скептицизм относительно продолжительности бойкота. Отказываться от японских товаров для многих коммерсантов было равносильно в то время закрытию своих магазинов, а для потребителей — отказу от предметов самой первой необходимости. Сами студенты отдавали себе отчет в том, что бойкот может носить лишь временный характер, и что он мог бы длится лишь при условии, если национальная индустрия была бы способна, хотя в некоторой степени, удовлетворить нужды потребителя и при том по ценам, непревосходящим цену японских товаров. И вот, бойкот начинает рассматриваться как одно из средств, долженствующих содействовать росту китайской промышленности, и студенческие союзы приходят к мысли о необходимости обратить внимание на широкую организацию технического образования. Застрельщиками этого нового движения явились пекинские и шанхайские студенты.

Таким образом, поле действия студенческих организаций постепенно расширяется.

Политическое воспитание всех граждан путем устройства публичных рефератов, путем участия в работах гильдий, а также организации технических курсов для рабочих и создания органов, ставящих в контакт школу, индустрию и коммерцию,—вот такова была в общих чертах программа студенческих союзов. Для того, чтобы сблизить школу, мастерскую и торговое предприятие, были организованы Национальный совет студентов, Ассоциация различных классов народа и, наконец, Индустриальная лига.

В Тяньцзине появился первый «Союз Четырех Классов», в который входили представители интеллигенции, религиозных групп, коммерческих палат и различных гильдий.

Программа этого союза состояла в наблюдении за иностранной политикой, в работе по об'единению страны, в формировании общественного мнения и, наконец, в создании Индустриальной Лиги. Последняя, по мысли ее инициаторов, должна была быть образована путем федерации местных комитетов, составленных из коммерсантов, ремесленников и студентов.

Так было положено начало общественной самодеятельности, которая за эти три года так широко развилась, что дать хотя бы общий обзор ее результатов, подвести итоги работе всех сетей переплетающихся организаций, покрывающих в настоящее время Китай,—есть вещь, далеко выходящая за пределы одной журнальной статьи. Остановимся поэтому лишь на некоторых наиболее интересных проявлениях этой самодеятельности.

Как ни слабо так называемое Центральное Правительство, авторитет которого по большей части не выходит за пределы Пекинских стен, тем не менее оно благодаря факту признания его иностранными державами, «ведет иностранную политику» Китая. На Вашингтонской Конференции от Китая официально принимала участие в работах только делегация этого Правительства. Однако, на ряду с ней в порядке неофициальном находились представители как Кантонского Правительства, так и представители китайского народа, посланные в Вашингтон «Всекитайской Национальной Федерацией дипломатических обществ», Центральный комитет которого находится в Шанхае. Эти представители играли при официальной делегации роль политкомов, постоянно держа в курсе общественное мнение о всех шагах, предпринимаемых китайскими дипломатами. После окончания конференции вышеуказанная Федерация решила превратиться в постоянный орган наблюдения за иностранной по-

литикой. Таким образом, на ряду с Вайтяопу центрального правительства делается попытка создать «Вайтяопу» китайского общественного мнения.

Это в области иностранной политкии. Что касается финансовой политики, то «Национальное Финансовое Общество» пытается поставить под свой контроль деятельность Цайченпу; кроме того, когда мы пишем эти строки, из Шанхая в Пекин направляются четыре делегата, посланные «Национальным Союзом китайских коммерческих палат и обществ народного образования» с целью потребовать отчета о деятельности министра финансов.

В деле народного образования «Национальный Союз обществ народного образования» пользуется и большим авторитетом и фактически играет большую роль, чем Тяоюну. Последнее время, в виду полного финансового банкротства пекинского правительства, ведется широкая агитация как за полную академическую, цак и финансовую автономию всего дела народного образования—автономию, фактически равносильную упразднению Мин. Нар. Просв.

То же самое наблюдается в большей или меньшей степени во всех остальных областях национальной жизни: повсюду интеллигенция в союзе с мелкой и крупной буржуазией пытается овладеть государственной машиной; повсюду идет стихийная организационная работа, имеющая тенденцию превратить этот конгломерат враждующих между собой провинций-стран в единое национальное целое.

В этом месяце в Шанхае открывается Всекитайский конгресс общественных организаций: провинциальных собраний, коммерческих палат, земледельческих союзов, обществ народного образования, банковских синдикатов, союзов журналистов и т. д.

Знаменательно, что на последнем прелиминарном заседании конгресса было решено допустить в качестве полноправных членов представителей рабочих организаций, по три делегата от каждой провинции. Инициаторы конгресса мечтают о создании постоянного органа, который, фиксируя усилия бесчисленных организаций, переплетающих весь Китай, явился бы высшим выражением общественного мнения. Удастся ли это или нет сказать трудно. Скорее—нет. Но дело не в этом, а в том, что общественное движение, как бы не стремились использовать его в своих целях как китайские милитаристы и политиканы, так и иностранные империалисты—вовлекает все более и более широкие массы, все более и более, путем организаций в национальном масштабе, стирает границы отдельных провинций и неизбежно ведет к уничтожению власти военных клик и превращению Китая в прочный национальный организм.

Борьба с военными кликами то явная, открытая, то скрытая, но упорная идет повсюду, в частности, выливаясь в так называемую «борьбу за автономию провинций».

Это движение, являющееся прямым следствием роста общественных организаций и начинающее, мало по малу, переходить из области агитации в область практического осуществления, носит специальный характер. Энтузиазм, с которым оно было поддержано буржуазией, ремесленниками и интеллигенцией, об'ясняется не столько центробежными стремлениями, ибо мы уже указывали на почти полную независимость в данное время большинства китайских провинций, сколько желанием освободиться от военной диктатуры.

Для сторонников автономии последняя означает, прежде всего, уничтожение института генерал-губернаторов, введение провинциальной конституции, организация провинциального парламента с подчинением ему гражданского губернатора и самое широкое самоуправление на местах. Инициатором этого движения явились Хунан (провинция) и отчасти Чекиан. Номинально все провинции, находящиеся в сфере влияния Кантонского правительства, т. е. Куантон, Куанси, Юннан, Куэйчоу и Сычуан принадлежат к «самоуправляющимся провинциям». Есть основания пола-

гать, что к движению в скором времени присоединится также и провинция Киансу. Фактически на путь реализации вступили, главным образом, Куантон, Хунан и, пожалуй, Куанси и Сычуан. Кантон имеет первый настоящий муниципалитет в Китае с советом, образованным по образцу Ньюйоркского. Главной реформой все же являются выборы уездных префектов самим населением и право вота, полученное женщинами. Что касается выработки провинциальной конституции, то проект ее уже представлен на одобрение населения.

1-го января текущего года в провинции Хунан была обнародована первая в Китае провинциальная конституция, и в настоящий момент во всех областях этой обширной провинции идет горячая избирательная кампания, на основании прямого, равного и т. д. избирательного права. Интересно отметить, что хунанские женщины, которые добились не только пассивного, но и активного права, принимают в этой кампании самое живое участие. Недавно Жен. Лиге удалось, путем угроз саботировать выборы, ввести своих представителей в избирательные комиссии. Конечно, дело не обходится, как впрочем во всякой демократической стране, без подкупов, а также административного давления, тем не менее благодаря наличию активных общественных организаций можно надеяться, что эти злоупотребления не смогут существенно повлиять на результаты выборов. Таким образом, китайская буржуазия в союзе с интеллигенциею неуклонно идет к завоеванию власти, как в национальном, так и в провинциальном масштабе. Даже в тех провинциях, которые еще решительно не примкнули к движению за автономию, где функционируют еще старые цензовые, часто фальсифицированные провинциальные собрания, борьба с военными и бюрократическими кликами, стоящими во главе управления, не прекращается. Так в Шантунской провинции тутюн Тиэн Чун-ю, вероятно, вынужден будет уйти вследствие энергичной оппозиции, встречаемой им в лице большинства провинциального собрания. В провинции Анхуэй взаимоотношения между собранием и губернатором тоже весьма враждебные. Последний, повидимому, попытается распустить неугодное ему собрание, что, конечно, едва ли послужит к упрочению его позиции.

Эти примеры не исключение, а скорее общее правило.

До сих пор мы касались, так сказать, внутренней политической борьбы, оставляя в стороне деятельность общественных организаций, связанную с непосредственным отпором, даваемым иностранным империалистам. Кроме бдительного надзора за взаимоотношениями последних с властями предержащими, общественные организации весьма часто прибегают и к action directe. Так, недавно еще одна крупная английская фирма сделалась об'ектом самаго решительного бойкота. Не помогли ни энергичные представления английского посланника, ни даже его демонстративное отсутствие во время новогодней церемонии, когда весь дипломатический корпус является во дворец президента для принесения поздравлений. Вообще, бойкот, особенно со времени знаменитого движения 1919 года, сделался излюбленным и умело используемым орудием самозащиты китайцев. Пишущему эти строки пришлось недавно присутствовать на прелиминарных дебатах студентов одного из высших учебных заведений Пекина, долженствующих принять участие в состязании в ораторском красноречии на тему: «Следует ли Китаю войти в оборонительный союз с ДВР и Сов. Россией». Один из ораторов, отвечая на возражение своего оппонента о слабости такого союза в военном отношении, привел следующее любопытное возражение: в случае союза Китая с Россией, две величайшие в мире республики смогут, одной угрозой согласованного бойкота, заставить каждую империалистическую страну призадуматься прежде, чем решиться на какую-либо агрессивную меру.

Гонконгская стачка моряков, встретившая сочувствие и поддержку во всех классах китайского общества, представляет не только новое орудие борьбы против

империалистической эксплуатации, которое выковывает молодой китайский пролетариат, но и новую эру в судьбах нарождающегося рабочего движения.

«Рабочий вопрос принимает серьезный оборот» — пишет The Weekly Review.

Констатирование этого столь прискорбного для многих факта мы встречаем почти во всех иностранных газетах, комментирующих последние события в Гонконге. «Китайские коммунисты в Кантоне, сообщает американское радио, выпустили воззвание к морякам и прислуге, призывая продолжать борьбу против бессердечных и порочных капиталистов иностранных, равно как и китайских. Это воззвание является первым китайским коммунистическим манифестом, проповедующим борьбу классов. Отмена постановления Гонконгского Правительства о запрещении китайских рабочих организаций, придало смелости прислуге, и можно опасаться, что, в случае удовлетворения требований бастующих, в Хунане, Куанси, Юннане, Куантоне и Куэйчоу неминуемо вспыхнут рабочие беспорядки».

Гонконгская стачка кончилась, как известно, полной победой моряков. Об этой стачке, ее последствиях, равно как и перспективах рабочего движения в Китае, в частности в Южном Китае, мы поговорим особо. Сейчас же отметим факт, который определенно указывает, как много изменилось за последние годы.

В Чанша, месяца полтора тому назад, военные власти, в целях подавления стачки, вспыхнувшей на ткацкой мануфактуре, казнили двух представителей профессионального союза. Несколько лет тому назад подобный факт, вероятно, не вышел бы за пределы городских стен. Не то теперь Не только это убийство взбудоражило все общественное мнение Хунана, вынудившее тамошнего военного губернатора принять репрессивные меры против исполнителей убийства,—но вызвало энергичный протест во всех главных центрах Китая. Портреты жертв с соответствующими негодующими статьями появились и в Пекинских газетах. Воззвание куантонского союза молодежи циркулирует по всему Китаю. В Шанхае создался комитет в целях расследования этого дела и наказания виновных. На-днях Чэш Бао сообщала, что подобные комитеты возникли в Пекине, Тяньцзине, Нанкине и других городах. Удастся или нет этой агитации достигнуть своей цели—конечно, сомнительно, тем более, что главным виновником убийства является, повидимому, сам хунанский тутюн Чао Хэн-ти; во всяком случае, бесплодной эта агитация не останется... Таких фактов, свидетельствующих о глубоких изменениях, происшедших за последние годы в общественной психологии, можно было бы привести сколько угодно.

«Я не был в Кантоне всего лишь два года,—говорит в частном письме к одному из своих друзей бывший студент пекинского университета,—и по возвращении нашел его столь изменившимся, что мне он кажется новым Кантоном Новой Республики. Что более всего поразило меня, это не высокие здания и не широкие улицы, выросшие за время моего отсутствия, и даже не то, что в правительстве имеется уже много честных людей, а то, что рабочие массы с'организовались в сильные союзы, и что эти союзы санкционированы»...

«В Пекине, во всех демонстрациях участвуют почти исключительно студенты; в Кантоне студенты возвратились к своим занятиям, и их место заняли рабочие»...

Таким образом, какую бы область общественной жизни мы ни взяли: культурную, политическую, социальную—всюду замечается колоссальный сдвиг. Китай уже не то аморфное тело, каким он многим представлялся еще совсем недавно; и это прекрасно учитывается мировым империализмом. Поведение последнего на Вашингтонской конференции является лучшим тому доказательством. Конечно, никаких существенных уступок Китай не получил, конечно, и после Вашингтонской конференции пред Китаем стоит все та же опасность империалистической петли; тем не менее те уступки, которые им все же получены, являются при-

знанием «Великими Державами» того факта, что Китай не пассивный об'ект эксплоатации, с которым можно совершенно не считаться, а живой национальный организм, способный реагировать и реагировать весьма энергично.

В этом беглом письме мы приподняли завесу лишь над весьма ограниченным кругом явлений: так, мы совершенно не коснулись экономических проблем, основы движения, не говоря о чисто культурных проблемах, о колоссальной борьбе между новыми влияниями и тысячелетними традициями. Одно перечисление этих проблем, принимая во внимание все несходство условий стран, составляющих Китай, как и этническое разнообразие этого великого человеческого океана, потребовало бы весьма обширного тома.

Целью этого письма является лишь указание на все богатство, всю сложность политической и социальной жизни Китая, к которому приходится подходить с иной меркой, чем к какой-либо другой стране. Мы хотели также отметить как исходный пункт, так и настоящее состояние общественного движения, которое пытается под писанную конституцию, завоеванную революцией 1911 года, подвести прочный фундамент реального соотношения сил.

Трудно, конечно, быть пророком, особенно в Китае, и предсказать, когда этот фундамент будет закончен; одно только можно утверждать, что это дело ближайшего будущего. Прибавим, что особенно тормозит движение—недостаток лидеров с широким кругозором, пользующихся неоспоримым авторитетом в национальном масштабе; лидеров с ясно намеченной целью и отчетливой программой ее достижения. Другое препятствие—это экстремизм наиболее передовых элементов китайской общественности, и проистекающия отсюда теоретичность, оторванность от земли, от живого практического дела. Боязнь буржуазной скверны заставляет часто эти элементы, воспринявшие последнее слово европейской социалистической мысли, презрительно держаться в стороне от повседневной борьбы, и, таким образом, лишает движение многих весьма ценных работников.

Но как бы там ни было, движение растет с колоссальной быстротой, и страна, которая желает вести в Китае действительно реальную политику, должна теперь стремиться не столько к соглашению с тем или иным из существующих правительств Китая, сколько к тесному союзу с китайской общественностью.

Вот почему каждый наш шаг, каждое наше мероприятие по отношению к Китаю должны быть предварительно исследованы с точки зрения того, как они могут отразиться на судьбах этого союза, от которого в известной степени зависит не только наше будущее, но и будущее Китая, а, следовательно, и Азии.

II.

Мы указывали на громадный сдвиг, который совершился за последние годы во всех областях китайской жизни. Когда присутствуешь при этом сдвиге, при этой трансформации всех устоев быта, то кажется какой-то иронией ходячее представление о неподвижности Китая. Вообще, мнение о китайском застое, китайском квиэтизме является по большей части лишь следствием незнакомства с историей этой страны, бывшей в течение тысячелетий величайшим культурным центром Азии, страны, пережившей ряд иноземных нашествий, ассимилировавшей целые народы, видевшей десятки революций политических, религиозных и социальных.

Однако, как ни богата китайская история великими переворотами, тот переворот, который совершается в настоящее время, без сомнения, наиболее радикальный. Сама основа китайского быта, семья и культ предков, пережившие все революции, все нашествия, под влиянием меняющихся экономических условий, как и под влиянием великого прилива западных идей—дала уже трещину, которая с каждым днем углубляется все более и более.

Форма хозяйства, вследствие колоссального роста внешней торговли и империалистического внедрения, претерпевает в свою очередь глубокое изменение. Говорить в настоящее время о государстве в Китае не приходится; оно еще в стадии становления. Традиционная китайская философия, религия, эстетика при теперешнем столпотворении неусвоенных западных идей, наводнивших страну, имеют тенденцию стать лишь предметом изучения для синологов. Весь Китай представляет собою какой-то необ'ятный хаос, из которого смутно проступают контуры нового общественного организма.

Этот хаос, это отсутствие откристаллизовавшихся форм, этот скрытый процесе становления, повергая одних в отчаяние, дает другим какое то необычайное ощущение свободы: свободы творчества. Китай кажется tabula rasa ожидающей творческой кисти человека, долженствующей начертать письмена будущего.

«Насколько мне кажется»,—пишет один видный политический деятель Китая,—«нет ни одной страны в мире столь благодарной для всякого-рода социальных и политических экспериментов, как Китай. Наша политическая и социальная жизнь еще не организована, как следует; у нас нет ни резкого классового деления, ни религиозных конфликтов, ни капитализма, словом ни одного из препятствий, стоящих в Европе на пути реформатора. Нам, китайцам, непонятно, как можно противиться разумной идее. Мы можем смело похвастаться, что, если у нас будут посеяны добрые семена, мы скорее соберем жатву, чем какая-либо другая страна». Словом многие интеллигентные китайцы чувствуют себя так, как-будто они живут не в стране, находящейся в предверии капитализма, а в стране, уже совершившей скачек «из царства необходимости в царство свободы».

Само собою разумеется, что во всем этом заключается большая доля иллюзии, утопичности. Говорить о свободе творчества, о возможности успеха социальных экспериментов, — значит не считаться с об'ективной действительностью, забывать, что Китай находится в империалистическом окружении, а главное, что, как бы «разумны» ни были идеи, одной «разумности» далеко недостаточно для их воплощения в жизнь... даже в Китае.

Тем не менее тот факт, что выкристаллизование новых социальных и политических форм Китая совершается в атмосфере XX столетия, при наличии коллективной воли масс, олицетворяющейся в сложной сети многочисленных организаций, переплетающих страну,—этот факт организованности значительно повышает силу влияния суб'ективного элемента на образование новых общественных форм. Так, можно сказать с уверенностью, что, если Китай должен будет «перевариться в фабричном котле», то эта «варка», благодаря присутствию у самой колыбели народившегося капитализма сильных, конечно относительно, пролетарских организаций, будет носить несколько иной характер, чем это было в европейских странах.

То же самое можно утверждать и касательно политической области. Одно существование широких организаций, охватывающих все стороны общественной жизни, неизбежно должно отразиться на форме государственного устройства, которое, следовательно, не может вылиться в рабское подражание, в простую копию политических форм какой-либо страны со слабо развитой общественной самодеятельностью.

Прежде, чем подойти к рассмотрению этого вопроса, необходимо сказать несколько слов по поводу одного весьма распространненного, но в то же время весьма ошибочного представления о политических группировках Китая.

Обычное представление широкой публики о политической борьбе в Китае, как о борьбе между конституционализмом и милитаризмом, между конституционалистским демократическим Югом и милитаристическим, реакционным Севером, далеко не охватывает действительного положения вещей, хотя бы уже потому,

что в этой схематизации не находится надлежащего места для доминирующего фактора китайской политической жизни: именно, для того широкого общественного корпоративного движения, которое ведет свое начало со знаменитой демонстрации 5-го мая 1919 г.

Многочисленные организации, вызванные к жизни этим движением, общий очерк которого мы дали выше, конечно, по духу своему ярко враждебны всему политическому укладу сев. Китая; однако, было бы ошибочно заключать из этого, что они всецело или хотя бы в значительной своей части на стороне кантонского правительства. Так, например, карательная экспедиция Сун Ят-Сен'а встречает весьма мало сочувствия не только среди демократических элементов Севера, но даже и самого Юга. Общественные организации Хунан'а, провинции, которая лежит на пути продвижения южных войск к долине реки Ян-цзы (первого этапа предполагаемого об'единения Китая под знаменем конституционализма) самым решительным образом протестуют против нарушения «нейтралитета» их провинции и даже грозят прибегнуть к всеобщей забастовке, главным образом, коммерсантов, в случае неудовлетворения их протеста. Интересно отметить, что инициаторами этого протеста являются студенты, т.-е. как раз наиболее передовые в настоящее время элементы китайской общественности. Подобных примеров отрицательного отношения к «карательной экспедиции» мы могли бы не мало привести и из других провинций.

Чем об'яснить такое отношение передовых элементов к проектам кантонского правительства? Причины весьма разнообразны, но одно из главных — это полное неверие в то, чтобы карательная экспедиция, даже в случае военного успеха, могла в политическом отношении дать желательные результаты. Пример того, как предыдущая «карательная экспедиция» закончилась вынужденным уходом из кантонского правительства всех демократических элементов, во главе с Сун Ят-Сен'ом, слишком жив еще в памяти у всех, чтобы не относиться скептически даже к победе Сун'а, победе, одержанной при содействии Ку-Пин-чен'ов, Тан-Ти-яо, Сюн-Ке-у, Чен-Фу-фан,ов и других военных лидеров, по существу ничем не отличающихся от тутюнов Севера. Победа над северными милитаристами при помощи милитаристов Юго-Запада неизбежно приведет к замене одних милитаристов другими, но отнюдь не к победе демократии, — вот обычное возражение, которое встречают сторонники кантонского правительства. Правда, последнее время Кантон, благодаря многочисленным свидетельствам о действительно демократической атмосфере, созданной в куантонской провинции новым правительством, стал как-будто привлекать к себе взоры и возбуждать надежды молодого Китая. Однако, попытки Сун Ят-Сен'а вести «реальную политику», выражающуюся в настоящее время в его флирте с Чан-Зо-Лин'ом (в целях борьбы с У-Пей-Фу, преграждающим путь южан к Ян-Цзы), сделали и делают не мало, чтобы разрушить возникшие надежды. Таким образом, повторяем, было бы заблуждением смешивать так называемое конституционалистское движение Юга с массовым общественно-корпоративным движением Китая. Последнее, потому ли, что еще слишком молодо, или же потому, что элементы, входящие в него, далеко не однородны, до сих пор не имеет ясной программы, говорим о программе положительной, ибо «программа отрицания» определилась довольно отчетливо.

Все общественные организации высказываются самым недвусмысленным образом против милитаристов, против, так наз., «вражды Юга с Севером», против расхищения народного достояния, против всего современного «государственного строя», но характерно, что до сих пор нет ни одного лозунга, не ведется ни одной широкой кампании, например, за созыв старого, или за выборы нового парламента. Движение растет, организации множатся, всякого рода с'езды не прекращаются, но плана общего действия во имя общей цели не выявляется (по крайней мере так обстояло еще совсем недавно). Невольно напрашивается вопрос: если внутренним

смыслом современного общественного движения в Китае является установление буржуазной республики и парламентского строя, то почему «после десятилетнего существования республики» движение это недостаточно осознано.

Другой вопрос: если русская революция выдвинула новые формы государственной организации, то почему китайская революция, происходящая тоже в атмосфере XX столетия должна явиться лишь более или менее удачной копией какой-либо из революций XVII илиXIX столетий.

Вопросы эти, непосредственно связанные с сущностью современного движения имеют без сомнения первостепенное значение, и потому всякая попытка их разрешения—пусть даже не совсем удачная—большой интерес для всякого интересующегося судьбами Китая. Особенно любопытными, конечно, являются ответы, даваемые на эти впросы самими китайцами. С одной из таких попыток уяснения дальнейшей эволюции политического строя Китая, трудом пр. Чан'а, видного политического деятеля южан, мы и намерены познакомить читателей. Главнейший недостаток автора, это несколько утопический подход к социальной и политической проблеме. Недооценивая значения современного общественного движения, пр. Чан в своей аргументации опирается не столько на тенденции этого движеняи, сколько на «разумность» своего плана политического переустройства Китая. Так как нашей задачей является не столько критика, сколько ознакомление читателей с основными взглядами автора, то в дальнейшем изложении мы постараемся в возможно более сжатом виде дать сущность его книги, воздерживаясь от какой бы то ни было полемики.

В революцию 11 года,—пишет г. Чан,—китайские революционеры стремились к установлению республиканской формы правления и парламентаризма, ибо видели в этом последнее слово политической мысли Запада. Они об'явили себя конституционалистами, слово никогда раньше не встречавшееся в истории Китая, и наспех скопировали с западных образцов, так наз., «Временную Конституцию».

С тех пор прошло уже с десяток лет ожесточенной борьбы между милитаристами-бюрократами и конституционалистами, но Китай попрежнему продолжает оставаться при той же «Временной Конституции», с которой по существу мало кто считается, даже конституционалисты. Единственным положительным результатом явилось упрочение республиканской идеи. Сами монархисты отказались от своих планов и даже Чан Сюн, герой попытки монархического переворота 1917 года, открыто признал, что, исполнив свой долг по отношению к императору, он чувствует теперь своею обязанностью служить нации, как республиканец. Так что, если и есть в настоящее время сторонники установления монархии, то их приходится искать лишь среди иностранцев, особенно англичан типа лорда Брайса, автора книги «Современные Демократии», или известного журналиста Бланда.

Но этот десятилетний период явился не только крахом идеи монархизма (Юан-Ши-кай) и военной диктатуры (Туан-Ци-Жуэй), но в то же время и банкротством парламентаризма.

Прежде всего сами принципы парламентаризма совершенно чужды китайским политическим концепциям. Китай никогда не знал такого понятия, как «абсолютный суверинитет», даже в эпоху деспотизма. Ни один император не считал себя в праве действовать, считаясь лишь со своей волей; никогда и народ не признавал за сыном неба подобного права. То же самое относится и к идее суверенитета «единого и нераздельного». Тысячелетняя система патриархальной семьи возлагает на индивидуума одинаковые и параллельные с государством обязанности. Отношения семьи к государству суть не болье, как отношения группы к группе. Долг перед государством не уничтожает долга по отношению к семье. Для большинства же народа, из поколения в поколение живущего в деревне, государство есть пустой звук, ибо китайская социальная организация покоится не на государственном, а на семейном начале.

Члены китайских гильдий связаны определенным регламентом. Дисциплина по отношению к своей гильдии более сильна, чем по отношению к государству. Земледельцы, ремесленники и торговцы пользовались обыкновенно полной автономией в своей сфере деятельности, без какого бы то ни было вмешательства со стороны государства, конечно, при условии уплаты—весьма, впрочем, незначительного—налога.

Эта укоренившаяся концепция государства, как лишь более широкой группы, вмещающей в себе все остальные меньшие группы, является, разумеется, прямым отрицанием идеи неделимого суверенитета.

Теперь обратимся к практике парламентаризма. Подавляющее большинство избирателей видит в вотировании лишь новую повинность, навязанную правительством; им в голову не приходит даже мысль о том, что они призваны таким образом участвовать в управлении. На кандидатов, будь то государственный деятель, ученый или проходимец, население смотрит как на особого рода торговцев—покупщиков вотов. Вопрос о политических убеждениях даже и не ставится.

Избирательная кампания, являясь для широких масс иностранным новшеством, часто рассматривается последними, как что-то опасное, нечто вроде западни. Примечательно, что среди сотен представителей, как «Старого», так и «Нового» парламента вы не найдете людей с именем; даже революционеры-конституционалисты, гордые своею ролью в деле установления республики и конституции, испытывают страх перед перспективой быть выбранными в депутаты..

Одни боятся быть забаллотированными и таким образом «потерять лицо», другие считают унизительным для себя быть в среде «молодых политиканов», третьи, непривыкшие к публичным выступлениям, страшатся трибуны.

Избирательные кампании, проводимые, главным образом, мелкими политиканами, становятся с каждым разом все более и более нископробными; мораль как избирателей, так и кандидатов все более и более падает, тогда как подкуп и насилие начинают играть все более и более решающую роль. Кроме того, большинство китайских парламентариев принадлежит к бывшему сословию ученых, смотрящих на политику, лишь как на новый способ заработка.

Отвращение к политиканам настолько глубоко укоренилось за эти десять лет, что трудно ожидать, чтобы вновь созванный парламент мог пользоваться каким-либо авторитетом. Наличие всех этих фактов заставляет автора видеть в уничтожении «Временной Конституции» необходимый и в то же время неизбежный шаг.

Для того, чтобы демократия,—говорит он,—могла стать реальным фактом, первое условие—это поднятие интереса масс к политике: при настоящей политической системе вещь почти безнадежная.

Несравненно легче, заинтересовав рабочих, интеллигенцию и буржуазию в их непосредственных делах, расширить этот интерес до пределов государственных задач через посредство профессиональных организаций. Со времени принятия парламентарной системы не было примера, чтобы избиратели формулировали свое политическое кредо, ограничиваясь исключительно механическим вотированием. Иначе обстоит дело с китайскими корпоративными организациями. Во всех критических обстоятельствах дело не обходится без их вмешательства в правительственные дела. Телеграмма за подписью таких организаций, как коммерческие палаты, общества народного образования, студенческие союзы и т. п., адресованные правительству, губернаторам, провинциальным собраниям и т. д., пользуются большим весом у населения, чем резолюции национального собрания. Все эти корпорации, которые охватывают значительную часть населения, должны быть приняты во внимание при реорганизации государства. По традиции весь китайский народ подразделяется на четыре группы: ученые, земледельцы, ремесленники и торговцы. Сословие ученых, хотя обычно и не рассматривается, как гильдия, в последнее время начинает принимать цеховый характер. Кроме ремесленников и торговцев, организованных в гильдии, новое положение требует подобной же формы организации:

и для земледельцев. Организация этих четырех основных групп и должны поставить своей целью совместную работу над созданием нового государственного организма. Разве не несравненно легче,—говорит автор,—возбудить движение, которое находится в соответствии со всеми нашими обычаями и традициями, чем пытаться направить национальную энергию на осуществление совершенно чужой нам системы парламентаризма. Таким образом, на очереди дня,—таково заключение автора,—не агитация за созыв парламента, а агитация за созыв представительного органа всех китайских корпораций и профессиональных организаций. Этот орган и должен взять на себя всю полноту государственной власти.

«Не я первый,—замечает автор,—являюсь защитником этой идеи. Вскоре после поражения Туана, генерал У-Пей-фу энергично стоял за созыв Конвента граждан, долженствующего быть избранным на основе представительства профессий. Хотя этот план, благодаря оппозиции милитаристов и недостаточной поддержке со стороны населения и был признан непрактичным, тем не менее он является событием исторического значения».

«Отбросив наши собственные политические теории, мы, следуя примеру запада, приняли систему парламентаризма, как составную часть нового республиканского режима. Банкротство нашего парламентаризма заставляет нас спрашивать себя, в состоянии ли и в дальнейшем столь чуждая всем нашим идеям система спасти страну. Кроме того, все растущее недовольство парламентаризмом на Западе поселяет в нас сомнение в самой желательности осуществления подобной системы. Этот скептицизм, хотя еще недостаточно ярко проявившийся, указывает на тенденцию искания нового принципа государственного управления. Парламентаризм, помимо своей неприспособленности к нашим социальным условиям, был, кроме того, еще слишком наспех введен. Наши парламентарии, несмотря на все их претензии, ничего не сделали, наоборот, сами превратились в общественное зло. Что касается избирателей, то они вопреки возлагаемым на них надеждам, проявили слишком малый интерес к государственным задачам. Возможно, что это зло неизбежно, когда приходится вводить в жизнь чуждую систему, и что со временем, скажем лет через 50—100, наш парламентаризм станет лучше приспособленным и будет давать более удовлетворительные результаты... К сожалению, мы не можем позволить себе роскоши такого долгого ожидания и вынуждены искать другой системы, более отвечающей как характеру нашего народа, так и политическим идеалам современной эпохи».

Главный недостаток труда г. Чана заключается, как мы уже на это указывали, в том, что в своих доводах он часто исходит не столько из об'ективных условий развития современного Китая, сколько из «разумности» своей системы. Уделяя много места укоренившимся традициям, он обращает недостаточно внимания на современное движение и на тенденции, которые в нем намечаются. Правда, взгляды автора, изложенные нами, были им формулированы вдали от родины и почти уже год тому назад. С тех пор движение ушло вперед, благодаря чему для исследователя стало легче определить его характер. Каков же характер этого движения: идет ли оно в направлении укрепления парламентарного государства, или же к формированию государства корпоративного?

Китай столь велик, страны-провинции, его составляющие, часто по своему характеру столь несходны, что, конечно, общая тенденция сказывается не везде с одинаковой силой; тем не менее эта общая тенденция существует, и есть некоторые основания полагать, что последняя во многом подтверждает взгляды автора. В то время, как государственная машина, разбившись почти на столько кусков, сколько имеется провинций, совершенно дезорганизована, при чем большинство ее органов существует лишь номинально, корпоративные организации обна-

руживают все растущую тенденцию к централизации и, что примечательно, все более и более пропитываются политикой, а некоторые, как, например, Всекитайский союз обществ народного образования, претендуют даже взять на себя все те функции, которые до сих пор даже в самых демократических странах считаются специально правительственными функциями.

Агитация за полную автономию не только академическую, но и административно-финансовую всего дела народного образования, начавшись совсем недавно, приняла в настоящий момент уже довольно широкие размеры, нашла живой отклик во многих провинциях: Чокиан, Фукиэн, Анхуэй и т. д. В газетах уже печатаются детально разработанные проекты, каким образом реорганизовать Всекитайский союз обществ народного образования (долженствующего взять на себя функции министерства народного просвещения), чтобы он мог успешно справиться со своей новой задачей.

Мы, конечно, не хотим сказать, что эта агитация добьется своей цели в ближайшем будущем, но для нас она интересна, как показатель известной тенденции.

Если до сих пор общественные, корпоративные организации выступали исключительно по отдельным вопросам, в связи с тем или иным злом государственной жизни, то последнее время замечается с их стороны стремление разрешения государственной проблемы в целом. Национальный с'езд восьми организаций (провинциальных собраний, образовательных обществ, коммерческих палат, земледельческих союзов, рабочих организаций, союзов юристов, банковских синдикатов, союзов журналистов) особенно замечателен, как показатель этого стремления. «Целью настоящего с'езда является—глас т первый пункт проекта программы—: руководствуясь волею народа, отыскать средства спасения страны». По мысли инициаторов, с'езд должен по окончании своих работ выделить постоянный орган, в который вошли бы по три представители от каждой провинции и который стал бы выражением общественного мнения страны. Открытие с'езда ввиду неприбытия многих делегатов отложено до мая. Удастся ли ему исполнить намеченные задания, или же вследствие сильной оппозиции со стороны южан, желающих во что бы то ни стало сорвать с'езд, за кулисами которого им чудится интрига У-Пей-фу, ему не удастся даже и сорганизоваться, сказать, конечно, трудно, как трудно также гарантировать, что извне не делается тех или иных попыток его использования.

Существенным все же является сам факт организации такого с'езда и тот отклик, который он уже встретил среди общественных корпоративных организаций многих провинций.

В революции те организации, те органы, те об'единения, которые вырастают стихийно, повинуясь внутренней логике революционного процесса, имеют обыкновенно больше шансов стать доминирующими в политической жизни страны, чем органы, существующие лишь в абстракции. Россия, где восторжествовали советы, а не учредительное собрание, является тому ярким примером.

Политическая жизнь Китая, не говоря о внутреннем хаосе противоречий, слишком сложна уже и потому, что здесь, как нигде, сталкиваются и перекрещиваются интересы и влияния мирового империализма. Эта сложность делает рискованными категорические суждения относительно будущего. Тем не менее, если современный двусторонний процесс дезинтеграции и строительства пойдет по тому же пути и тем же темпом, каким он шел до сих пор, то можно будет сказать с известной долей вероятия, что Китай придет к организации государства нового типа, в котором труд, профессия, корпорация будут играть большую роль, чем абстрактный принцип гражданства.

Но, если даже и не иметь ввиду подобных перспектив, то и тогда тенденция, обнаруживаемая профессиональными организациями Китая—к централизации и выделению постоянного представительного органа, важна в другом отношении, именно: как указание одного из наиболее действительных способов об'единения Китая.

Мы уже говорили о всей иллюзорности ожиданий последнего в результате военных действий Кантона. Еще менее вероятно, что прочное об'единение могло совершиться путем компромисса между Кантоном и Пекином, в частности между Сун Ят-сен'ом и Чан-Зо-лин'ом, о якобы состоявшемся соглашении которых трубят все газеты. Об'единение путем выбора нового парламента невозможно уже вследствие того, что сам национальный парламент может явиться лишь в результате об'единения. Что касается попыток подчинения юга северными милитаристами, то прошлые попытки, кончившиеся полным крахом, достаточно свидетельствуют об их неосуществимости.

Таким образом, если ставить вопрос о прочном национально-государственном об'единении Китая, при чем, как вопрос à l'ordre du jour, мы вынуждены прийти к тому выводу, что наиболее вероятным орудием такого об'единения может при настоящих условиях явиться лишь орган, представляющий все живые, общественные, корпоративные организации страны — организации, уже перешагнувшие как рамки отдельных провинций, так и искусственные границы, искусственно разделяющие Китай на две враждующие стороны. Вот почему создание такого аппарата есть прямая задача всех тех, кто желает видеть Китай достаточно сильным, чтобы дать решительный отпор мировому империализму и таким образом положить предел его гегемонии в Азии.

А. Ивин.

Пекин, 1/IV 1922.

Политические общества и партии в Китае *).

Китайцам издавна присущ дух об'единения для совместного достижения общих целей. В истории общественного развития Китая известна об'единенность китайских ремесленников, купцов, студентов, промышленников как в Китае, так и заграницей.

Социальные и экономические условия толкали китайцев иногда и на создание широких политических партий, ставивших свою работу в национальном масштабе. Так, еще при маньчжурской династии зародились первые тайные общества—будущие политические партии, направленные к свержению монархии. Они слагались, главным образом, из революционеров и идеалистов, организовывались в эмиграции, но об'ективно выражали собой стремление китайской буржуазии к свободной деятельности и указывали на ее стремление к власти. Этим об'ясняется та щедрая поддержка, которую китайские революционные организации получали от китайских купцов и промышленников, живших за границей в Сиаме, Сингапуре, Филиппинах, Америке, и т. д.

Здесь необходимо отметить заслуживающее внимания обстоятельство. Китайские партии до сих пор не обладали той крепостью спайки, единством стремлений и решимостью в своей борьбе, какой отличаются европейские партии. Они проникнуты духом компромисса и распадаются так же быстро, как и возникают.

Партии, возникшие до революции и работавшие после нее, существовали недолго. Их политическая деятельность, как партий, закончилась, когда был распущен парламент. Только остатки наиболее сильной партии—Го-минь-дан продолжают свою деятельность в Кантоне, где они провозгласили свое правительство, во главе с вождем первой революции д-ром Сун Ятсеном. Дальнейшая эпоха разложения республики (1915—1920), была временем распада старых и возникновения и умирания различных новых партий или вернее клик, об'единявшихся вокруг одного или нескольких лиц для достижения целей личного обогащения и возвышения путем захвата власти.

---

*) Интересующихся могу отослать к следующим новейшим книгам, дающим сведения о политических обществах и партиях в Китае.

1) China year book 1920/21, Tientsin.
2) Enciclopedia Sinica, Samuel Couling 1917 Shanghai.
3) China and The social revolution, Kiang Kan hu 1914.
4) „Минь-Шень". Сборник анархистов на кит. яз. 1921.
5) Первый с'езд революционных организаций Д. Востока. Сборник 1922. Москва.
6) Мировой империализм и Китай. А. Е. Ходоров 1922. Шанхай.

Такие группировки (Путей сообщения, Аньфу) всегда опирались на военную силу какого-либо ду-цзюн'а, с которым они блокировались.

Последние годы, благодаря разочарованию в республике, ознаменовались выступлением партий, стремящихся к общественному перевороту и к коренному переустройству— анархистов, социалистов и коммунистов. Последняя партия опирается на широкие социальные низы, на новый промышленный пролетариат и в ходе экономической борьбы за интересы трудящихся укрепляет свои ряды, являя собой пример первой партии в Китае, стремящейся к защите широких масс, построенной не на влиянии отдельных лиц, а на широком участии всех ее членов.

ТУН-МЭН-ХУ (Союзное общество).

Партия, о которой было больше всего слышно после учреждения республика, известна под названием Тун-Мэн-Ху. Она была основана, как революционная организация, в Токио д-ром Сун-Ят-сен'ом и Хуан Син'ом еще в 1901 г. В то время китайские студенты, обучавшиеся в Японии, имели там целый ряд независимых революционных обществ. Партия Тун-Мен-Ху имела целью об'единить все эти разрозненные общества, и Сун'у действительно удалось привлечь большое количество молодых китайцев в свою организацию.

Прямо и косвенно эта партия играла большую роль в китайской революции. После восстания в У-чан'е она была об'явлена политической организацией, во главе с д-р Сун Ят-сен'ом, в качестве председателя, и Хуан Син'ом и ген. Ли-Юань-хун'ом, в качестве тов. председателя. Она об'единила большое количество выдающихся революционных деятелей, и, когда Тан-Шао-и образовал первый революционный кабинет (в 1912 г.), не менее пяти министров (включая премьера), оказались членами этой партии. Однако в Национальном Собрании (Го-ху) она могла рассчитывать только на одну треть, как своих членов, и, когда она столкнулась с временной коалицией партий Гун-Хе-Дан (республиканская) и Тун-И-Гун-Хе-Дан, члены Тун-Мэн-Ху оказались в значительном меньшинстве. Тем не менее, она получила первенство в правительстве и наименование партии кабинета. и не только запретила своим членам принимать участие в коалиционном кабинете, но, движимая борьба с другими партиями, с'умела воспрепятствовать созданию кабинета из выдающихся деятелей, но не состоявших членами ее.

Она была откровенно радикальной и в некоторых отношениях даже социалистической партией. Она руководила завершением об'единения государственной политики, путем создания однородного административного аппарата и полной спайкой различных народностей республики. Она также стремилась поставить Китай в равное положение с великими державами. Ее цели и организация изложены в следующем отрывке из устава:

1) Наше общество фиксируется под названием «Тун-Мэн-Ху».

2) Его задача—укрепление республики и распространение среди широких масс республиканских идей.

3) Политическая программа:

а) централизация власти,

б) развитие местных самоуправлений,

в) об'единение пяти народностей (об'единявшихся бывшей китайской империей),

г) справедливое приложение социалистических теорий,

д) распространение обязательного обучения,

е) равноправие полов,

ж) принудительная военная служба.

з) уничтожение Лицзинь'я (ликина) и реорганизация таможенных пошлин,

и) поднятие государства до равноправного положения с другими державами,

к) развитие земледелия, колонизации и производительных сил страны.

...10) Членам воспрещается самостоятельно вступать в другие тайные общества.

11) Заявления о вступлении, для того, чтобы быть рассмотрены, должны быть подписанными по крайней мере пятью членами.

...20) Общество будет иметь пять отделов:

а) общих дел,

б) иностранных сношений,

в) политических дел,

г) финансовых,

д) секретариат.

Большинство членов партии Тун-Мэн-Ху были уроженцами провинций к югу от р. Ян-цзы, в большинстве кантонцы, которые приобрели известность в первые периоды республики, состоя членами этой партии. Ее кампания за то, чтобы быть партией правительства, и обструкционная тактика в Национальном собрании со временем сделали ее крайне не популярной, и ее влияние вскоре сошло на нет.

Наиболее выдающимися деятелями Тун-Мэн-Ху были: д-р Сун Ят-сен, Тан-Шао-и, Хуан-Син, Цай Юань-пей, Ван Чжун-Ху, Ван Чжао-мин, Ю Ю-ян, Чжан-Чжи, Цин Яо-юэ, Ху Хан-мин, Лин Гуан-сян, Чжен Чжи-мей, Пай Вень-ю, Ху Ин, Чжен Пин-кун, Сун Ю-юн, Вей Чжен-цзу, Ван Чжи-сян, Тянь Тун, Чжоу Ляо, Чжан Яо-цен, Ли Чжао-фу, Лин Шен, Сун Чжао-ян, Чжоу Ляо.

Членами общества состояли также ду-ду (нынешние ду-цзюнь'и, губернаторы) следующих провинций: Ху-нань, Гуань дун, Цзян-си, Чже-цзян, Фу-цзян, Сы-чуань, Шень-си, Шань-си, Гуань-си, Ань-ху и Гуй-чжоу.

ГУН-ХЭ-ДАН (Республиканская Партия).

Партия Гун-хэ-дан образовалась после учреждения Республики из слияния следующих партий и обществ: Мин-чже, Мин-го-гун-ху, Го-минь-се-цзинь-ху, Го-минь-дан и Тун-н-дан.

1) Минь-чже была организована ген. Ли Юань-хун'ом и его сторонниками в пров. Ху-бей и, хотя она не имела никакого революционного значения, в то вермя, когда она образовалась, в числе ее членов находились многие лидеры революции.

2) Минь-го-гун-ху была маленькой политической партией, организованной Чжан Го-вей'ем и другими в Су-чжоу.

3) Го-минь-се-цзинь-ху была организована в Пекине, имела влияние на Севере.

4) Го-минь-дан (не надо смешивать с коалиционной партией, о которой речь ниже) была организована в Шанхае Фан Тин-хун'ом и Лю Хун-и.

5) Тун-и-дан была организована Чжан Пин-лин'ом, редактором китайской газеты «Минь-бао» в Токио. Он был прежде членом партии Тун-мен-ху, но вышел из него из-за разногласий с д-р Сун Ят-сен'ом и Хуан Сином. В эту партию вошло большинство тех, кто при старом режиме входил в конституционную партию.

Тун-и-дан и Минь-чже, наиболее влиятельные из названных партий, будучи не в силах бороться с Тун-мэн-ху, решили слиться с тремя другими вышеуказанными партиями и образовать новую политическую партию. Этот план был приведен в исполнение на об'единенном заседании, происшедшем 5-го мая 1912 г. в Шанхае, и новая группа получила название Гун-хэ-дан. Позже Чжан Пин-лин вместе с группой членов Тун-и-дан откололся и образовал группу, которая поддерживала независимое, хотя и не имевшее никакого влияния, существование.

Тем временем Гун-хэ-дан продолжала расти, приобретая мощную организацию и распространяя свое влияние. Ее позиции еще более укрепились от слияния с организацией Бао-хуан-ху. (Общество защиты императора), возглавляемой Лян Ци-чао и она пиробрела силу в Правительстве и в Национальном Собрании.

Более консервативная, чем Тун-мэн-ху, она привлекла в число своих членов оффициальных лиц старого режима, обычно последователей и сторонников Юань Ши-кай'я. Члены этой партии почти всегда поддерживали президента и только в двух случаях, когда были сделаны попытки помешать премьеру (Лу Чжен-сян'у), они сочли такой шаг невозможным, воздержавшись от следования за Национальным Собранием и таким образом лишили его возможности получения требуемого кворума.

Программа кратко может быть изложена в следующем:

а) Об'единение всей страны под однородной властью с ярко выраженным национализмом,

б) упрочение силы государства, содействие прогрессу нации,

в) Организация страны на базисе мира и пользы, в согласии с общей тенденцией во всем мире.

Председателем этой партии был избран ген. Ли Юань-хун. Из членов партии можно указать: Чжан-цянь, У Дин-фань, На Ян-шу, Сюн Си-лин,

Чень Те-цзюнь, Тан Чжоу-цян, Шен У, Сун Фа-сюань Чжоу Дэ-ле, Ци Чжунин, Ван Чжун-бао и ду-ду (военные губернаторы) пров. Чжи-ли, Мукденской, Гиринской и Цицикарской (три маньчжурских провинции—Фэи-тянь, Цзи-линь и Хэй-лун-цзян), Шаньдун и Ху-бей. Она имела главное влияние на Севере и штаб-квартиру в Пекине.

ТУН-И-ГУН-ХЭ-ДАН (Коалиционная Республиканская).

Эта партия была организована ду-ду пров. Юн-нань Цзай Ао и Ин Чжули, в то время, когда Временное Национальное Собрание заседало в Нанкине (Нань-цзин). Собственно, она была накануне об'единения с партией Тун-мэн-ху, многие члены которой также состояли членами и этой партии. Когда Национальное Собрание переехало в Пекин, Тун-и-гун-хэ-дан поддерживала равновесие сил в Кабинете. Когда члены конкурировавших партий Тун-мэн-ху и Гун-хэ-дан находились во вражде, партия Тун-и-гун-хэ-дан, перебрасываясь то на сторону одной, то другой, получала таким образом возможность контроля над Собранием. Так,находясь в наиболее тесных союзнических отношениях с Тун-мэн- ху (с которой она голосовала за первый список кандидатов в кабинет Лу Чжен-Сян'а), она тем не менее не всегда действовала заодно с ней, как это выяснилось при голосовании второго списка, выдвинутого партией Тун-мэн-ху, которая добивалась однородного кабинета.

Ее программа заключается в следующем:

1) Путем реоганизации административного аппарата об'единить все под властью центрального правительства;

2) реформой фискальной системы, достичь справедливого распределения налогов;

3) проведением социальных реформ достичь улучшений условий жизни для народа;

4) принятием протекционной системы промышленности развить национальную индустрию;

5) принятием за основу золотой единицы проложить путь к реформе денежного обращения;

6) принятием системы национальных банков достичь изменения в финансовом деле;

7) усилить с возможной быстротой строительство железнодорожных магистралей и развивать все средства сообщения.

8) усилить национальное военное обучение и развивать профессиональное образование так скоро, как только будет возможно;

9) развивать армию и флот и ввести некоторые формы принудительного набора;

10) поддерживать эмигрировавших в чужие страны и поддерживать распространение в Китае культуры западных стран;

11) распространить цивилизацию на все народы Китая и, таким образом, ассимилировать и об'единить эти народности;

12) признавая всю важность международных отношений, поддерживать равноправное положение Китая среди других держав.

Наиболее известными членами этой партии были: Ин Чжу-ли, У Цин-лян, Тан, Хуа-лун и Го Цзун-сю. Тун-и-гун-хэ-дан прекратила существование в августе 1912 г., когда вместе с Тун-мэн-ху и другими партиями вошла в образованную ими новую партию Го-минь-дан.

ГО-МИНЬ-ДАН (Республиканская партия).

Как уже было показано, притязания партии Тун-мэн-ху на то, чтобы сделаться партией правительства и кабинета, и обструкционная тактика в Национальном Собрании не встретили популярности и подвергли серьезной опасности ее влияние.

Следующей обзор путей, приведших к организации партии Го-минь-дан взят из оффициальных источников, сообщенных в китайской прессе.

После кризиса кабинета, в июле 1912 г., члены Тун-мэн-ху решили обсудить план реорганизации своего общества, и некоторые члены выразили свой взгляд, что лучшим выходом могло бы быть слияние с другими партиями.

Чжан Яо-цен, Пин Кун и Вень Чун первые приняли представителей партии Го-минь-гун-цзин-ху, которые из'явив согласие на слияние с Тун-мэн-ху, пред'явили три условия: 1) перемена названия общества; 2) предоставление права контроля его политики и 3) общая реорганизация общества. По соглашении представителей Тун-мэн-ху с этой схемой слияния, было приступлено к намечению определенной формы слияния. Между тем, оппозиция некоторых крайних членов Тун-мэн-ху вызвала переговоры о сохранении на некоторое время старого положения.

Во время этого перерыва была найдена основа для соглашения между Го-минь-гун-цзин-ху, Тун-и-гун-хэ-дан, Го-минь-гун-дан и Гун-хэ-се-цзин-ху. Платформа, на которой сошлись эти партии, была следующая: а) всеми силами поддерживать целостность государства; б) развивать местные самоуправления; в) отменить национальные различия; г) покровительствовать общественным реформам; д) поддерживать международный мир.

Каждая из этих четырех партий, упомянутых выше, выбрала по два представителя, которые встретились на конференции и условились относительно предложенных положений. Узнав об этом движении, Тун-мэн-ху, считаясь с необходимостью коалиции, начала раздумывать, какими средствами и на чем об'единить все пять партий. Название, намеченное для новой партии было «Го-минь-дан» (Демократическая партия). Временно были приняты следующие положения, на которых согласились все пять партий: а) поддерживать союз юга с севером; б) поощрять местные самоуправления; в) отменить национальные ограничения; г) поднять образ жизни и улучшить

экономические условия для народа; д) поддерживать международный мир.

Следующие девять представителей были избраны от пяти обществ для того, чтобы договориться о деталях об'единения: Сун Ят-сен, Хуан Син, Сун Чжао-жень (эксминистр земледелия и лесоводства), Цзай Ао (ду-ду пров. Юн-нань), Чжен Цзин-лао (финансовый советник и эксминистр Временного правительства в Нанкине), У Чен-лян (председатель Национального Собрания), Ван Чжун-ху эксминистр юстиции), Цзен Чжун-сюань (эксвице-король при манчжурской династии и усмиритель пров. Сы-чуань) и Чжан Фын-ху.

Эти представители встречались несколько раз в здании Ан-фуй'ской гильдии в Пекине и уполномочили Сун-Чжао-жень выработать конституцию для нового общества-партии. Таким образом, Го-минь-дан начала свое существование. Ее главная квартира была временно утверждена в Пекине. Все организации и учреждения этих пяти партий, вошедших в соглашения, были распущены.

Условия соглашения были окончательно приняты на собрании, происшедшем 13 августа 1912 г. Д-р Сун-Ят-сен и Хуан Син телеграфировали во все отделения о вступлении Тун-мэн-ху в это об'единение.

Согласно манифеста Го-минь-дан: «Хорошее или плохое правительство зависит от силы, которая поддерживает его. Если эта сила крепкая,—правительство сильное. Если эта сила худосочная,—правительство слабо. Это одинаково правильно по отношению ко всякому правительству, независимо от того монархическое оно или республиканское. Китай теперь превратился из монархии в республику, и сила, поддерживающая ее перешла от монарха к народу. Ответственность, которую мы несем, велика, и, так как все не могут участвовать в делах государства, должны быть выдвинуты вожди, а организации должны помогать, как рабочие аппараты. С учреждением республиканского правительства, политические партии начали выскакивать, как грибы. Но в то время, как некоторые были хорошо организованы и спаяны, немногие об'единения заслуживали названия политической партии. Их действия не согласовывались с их принципами и они больше отстаивали собственные выгоды, чем общественные интересы. Деятельность партий зависела от остроты конфликтов, в которых находились партии между собой Фактически из-за борьбы партий была задержана организация кабинета и был задержан прогресс страны. Опечаленные настоящим положением пять вышеупомянутых партий после общего совещания решили об'единить мудрость и силу их, чтобы вместе работать для благоденствия молодой Республики».—Го-минь-дан.

Программные положения были изложены в следующем:

1) протежировать и поддерживать сильное и об'единенное правительство; централизовать административный аппарат так, чтобы все мероприятия, касающиеся строительства государства, были бы систематизированы и координированы;

2) поощрять и поддерживать местные самоуправления и развивать в народе такую силу местных самоуправлений, какая необходима для того, чтобы последние были в состоянии исправлять несовершенства центрального правительства;

3) действительно проводить все меры, направленные к об'единению различных народностей Китая, и практически проводить настоящее равенство и цивилизацию, чтобы, таким образом, народ стал сильным и об'единенным.

4) Выработать принципы общественной службы, приготовить путь для введения социализма, в целях облегчения и улучшения условий жизни, увеличить мощь и силу правительства и развивать рессурсы страны.

5) Поддерживать дружественные отношения с иностранцами и другими нациями, со всей мудростью вести дипломатические сношения так, чтобы показать свое право на уважение и быть в состоянии поддерживать равновесие сил, обращая большую долю внимания на собственное самоусовершенствование.

Партия Го-минь-дан, преследовавшая чисто республиканские цели, вошла в конфликт с президентом республики Юань Ши-кай'ем, который стремился к единоличной диктатуре. Борьба кончилась победой диктатора. В ночь на 4-е ноября 1913 г. президент подписал три длинных приказа, скрепленных премьером и министром внутренних дел, в коих предписывалось немедленно выселить Го-минь-дан за пределы страны. В приказе были приведены доказательства того, что Го-минь-дан «бунтовщическая» организация. Министру вн. дел было предписано отобрать у всех членов Национального Собрания, не вышедших до июльского восстания в Ху-коу, их избирательные удостоверения и членские мандаты. Всю эту ночь и два следующих дня полиция была деятельно занята посещением квартир членов партии Го-минь-дан, конфискуя уличающие документы, удостоверения и мандаты, без которых они не могли попасть в помещении Народного Собрания.

С 1913 года деятельность партии носила нелегальный характер. В настоящее время партия Го-минь-дан является правительственной партией южного Китая, во главе которого стоит правительство, состоящее из членов этой партии, во главе с д-р Сун Ят-Сен'ом, как президентом (непризнанным пока) всего Китая.

МИНЬ-ЧЖУ-ДАН.

Более поздней организацией была Минь-чжу-дан. Ее члены были в большинстве из ученых, которые больше интересовались вопросами будущего, чем политическими вопросами момента в целях установления в Китае подлинного республиканского гражданства. Минь-чжу-дан гордилась собой, исполняя роль счастливого посредника между радикализмом и консерватизмом.

ЦЗИНЬ-БУ-ДАН.

Партия Цзинь-бу-дан была создана в результате слияния нескольких мелких партий с целью оппозиции в парламенте партии Го-минь-дан, в 1913 г. Организаторами партии были—известный в Китае ученый Лян-Ци-чао и Сюн-Си-лин. Эта партия заняла первое место после разгрома партии Го-минь-дан.

Когда Юань Ши-кай проявил намерение восстановить монархию с своей особой в качестве первого императора новой династии Хуан-Сян, он встретил оппозицию обоих партий: и Цзинь-бу-дан и Го-минь-дан. Хотя последняя и была разогнана, но проявляла большую активность в борьбе против восстановления монархии. Во время этой борьбы обе партии условились работать в контакте в деле благоустроения страны. Однако, как только после смерти Юань Ши-кай'я вновь был созван в 1916 г. разогнанный им парламент, старые группировки всплыли снова. Не будучи официально признаны, они продолжали быть активными организациями. В этой борьбе члены парламента разделились, часть отошла к одной партии, часть к другой, а третьи об'явили себя внепартийными. В августе 1917 г. партия Цзинь-бу-дан получила возможность официальных выступлений под своим именем, но так как партия Го-мин-дан не предпринимала никаких шагов, партия Цзинь-бу-дан поступила так же.

В то время, как в партию Го-минь-дан входят более радикальные демократы, в партию Цзинь-бу-дан входят люди более умеренных взглядов, из которых некоторые даже поддерживали монархию.

ГУН-МИНЬ-ДАН.

20-го августа 1919 г. были сделаны приготовления и 7-го сентября она была вполне организована. Организаторами этой партии были Лян-Чжи-и, И Гун-се и 10 других. Более 240 членов Народного Собрания позднейшего состава были членами этой партии. Она имела отделения в провинциях Чжи-ли, Шень-си, Цзян-си, Фу-цзянь, Гуань-дун, Гирин (Цзи-линь), Цзян-су, Чже-цзян и т. д., где имела более 40.000 членов. Она имела свой совет, состоявшей из 54 членов, и пять секций, называвшихся: общей, политической, сношений, связи, счетной, каждая из которых имела специальных сотрудников для заведывания делами. Цель этой партии была: «Использовать силу нации для действительного укрепления администрации и правительства, надеясь поднять благосостояние и интересы народа». Теперь эта партия не существует.

МИНЬ-СЯН-ДАН.

Уставши от постоянных споров между Цзинь-бу-дан и Го-минь-дан, более 12 руководящих членов обеих партий пришли к соглашению организовать новую партию с единственной целью избегнуть бесполезных ссор с обеих сторон. Но до того, как партия могла приступить к осуществлению

своих целей, был подписан приказ о роспуске Го-минь-дан и конфискации избирательных удостоверений у ее членов. Таким образом, многие из членов этой партии были удалены из Народного Собрания, а партия распалась сама собой.

ЦЗЯО-ТУН (Клика Путей Сообщения).

Видную, активную роль в политике Пекинского правительства играют политические группы, известные под именем старой и новой Цзяо-Тун—старой и новой партии путей сообщения.

Главой Старой Цзяо тун'ской партии является известный китайский финансист Лян Ши-и, бывший в 1911 г. и в последующие годы главным финансовым агентом Юань-Ши-кай'я. Вплоть до 1915 г. все главные посты в министерстве путей сообщения занимали сторонники и ставленники Лян-Ши-и. Другими видными членами этой партии являются Е Гун-чжо и Чжоу-Цзы-ци, теперь исполняющий должность премьера.

С 1917 г. в министерстве путей сообщения произошла смена министров, во главе его стал Цао Чжу-лин. С этого времени он возглавил новую клику Цзяо-тун.

Однако происхождение и борьба этих двух групп не столько связаны с министерством, сколько с банком Путей Сообщения. Этот банк был еще учрежден при династии Гуан-сюй. После финансового кризиса, который переживал этот банк вслед за первой революцией, акционерами банка был учрежден Совет банка, председателем которого был избран Лян- Ши-и. В том же банке, Цао Чжу-лин исполнял обязанности директора.

Так как высшая администрация банка в то же время занимала оффициальные посты в министерстве путей сообщения, а отсюда принимала участие в Пекинском правительстве, это создало борьбу двух групп — более влиятельных акционеров, создавших во главе с Лян Ши-и старую Цзяо тун, и второстепенных акционеров банка, об'единившихся под руководством Цао Чжу-лин'а. Как члены одной, так и другой группы время от времении принимают участие в делах пекинского правительства, большей частью занимая ответственные посты в Министерстве Путей Сообщения.

Цао Чжу-лин обесславил позорными поступками свою группировку за время пребывания министром в кабинете Ань-фу. За продажность японцам и за заведомое обкрадывание казны, он был избит студентами в мае 1919г. в Пекине и вслед за этим немедленно устранен от должности.

Однако вряд ли следует считать, что старая клика Путей Сообщения многим лучше новой. Лян Ши-и в достаточной мере скомпрометирован той поддержкой, которую он оказывал Юань Ши-кай'ю, когда тот пытался восстановить монархию. Причиной теперешнего министерского кризиса в Китае, выражающегося в том, что Лян Ши-и, премьер, находится в отпуску, является выдвинутое против него обвинение в тайной сделке с японским правительством относительно шаньдун'ских ж. д.

АНЬФУ.

Делая обзор политических обществ и партий Китая, необходимо указать на организацию, игравшую в течение последних лет такую видную роль в жизни Китая,—клуб Аньфу. Эта политическая организация финансировалась японцами и служила ширмой для проведения их колониальной политики. В создании клуба принимали участие настоящий президент Сюй Ши-чан, который и был выбран в президенты парламентом, искусственно созданным в 1918 г. из большинства членов этого клуба.

Главой партии был маршал Дуань Ци-жуй, который, будучи сам уроженцем провинции Ань-ху, об'единил вокруг себя своих земляков и создал клуб своих сторонников на улице Аньфу в г. Пекине. Отсюда и название партии.

Другим видным членом этой партии был генерал Сюй Шу-чжен (которого в отличие от президента Сюй называют маленьким Сюй'ем), который получил звание генерал-губернатора Монголии и подготавливал военные операции против Советской России.

Вполне понятно, что большинство членов этой организации составляли администраторы высших разрядов (включая министров) и более мелкие чиновники, вступавшие в организацию с карьеристскими целями. Эта организация возникла в 1917 г. Клуб Аньфу, включая в число своих членов большое количество очень видных администраторов, пользовался большим влиянием на дела государства, имея в каибнете министров к июлю 1920 г. 10 министров и большое количество членов парламента и сената.

Правительство клуба Аньфу считается наиболее позорным и бесчестным правительством, когда либо бывшим в Китае. Его откровенная продажность Японии, присвоение казенных денег, невнимание к национальным интересам привели к студенческим демонстрациям в 1919 г. и к полному падению, встреченному общей радостью в 1920 г. Одним из наиболее важных актов этого правительства был военный договор с Японией о совместных действиях пртив Советской России, в результате которого Япония получила свободные руки в Маньчжурии и Монголии. Японофильская политика Аньфу вызвала всеобщее недовольство и организацию, в противовес себе, группы ду-цзюнь'ей, под названием Чжи-ли. В результате военного столкновения этих групп, клуб Аньфу потерпел поражение и под давлением происшедших событий 3-го августа 1920 г. президент Сюй Ши-чан подписал приказ о роспуске клуба Аньфу и об аресте лидеров партии.

Однако, после ликвидации клуба осталось еще большое количество его членов, продолжавших занимать ответственные посты, и, несмотря на разгром клуба, деятельность аньфуистов не была пресечена в корне.

Через два года, в 1922 г., в разгаре борьбы за власть, разыгравшейся между представителями Чжи-ли'йской военной группировки и их недавним союзником, ген. Чжан Цзо-лин'ом, благодаря содействию последнего, Дуань Ци-жуй и другие министры аньфу'исты были амнистированы. Стремясь укре-

пить свои позиции против Чжи-ли'йцев, Чжан Цзо-лин решил превратить вчерашних врагов в друзей, или по крайней мере нейтрализовать их и во время обсуждения вопроса о создании в конце 1921 г. нового кабинета поставил условием поддержки кандидатуры Лян Ши-и на пост премьера полную амнистию аньфу'истов.

Лян Ши-и не преминул исполнить свое обещание и, как только был назначен премьером нового кабинета, немедленно издал приказ об амнистии. Вскоре даже двое из бывших аньфу'истов Цао Чжу-лин и Лу Цзун-юй были назначены на ответственные посты. Таким образом аньфу'исты вновь выплывают на китайской политической арене.

МИЛИТАРИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ.

Одним из ранних политических об'единений китайских милитаристов является Бей Ян'ская военная партия, как ее называют в Китае. Она об'единяла всех высших представителей дореформенной армии при Цин'ской династии. Однако, это об'единение не являлось партией в современном смысле слова, и члены его не придерживались однородных взглядов. Наоборот, в ней резко выделялись три группировки, возглавлявшиеся видными военными и политическими лидерами, которые вели между собой борьбу за положение при дворе. Эти группировки и лидеры были: Юань Ши-кай и его сторонники, Дуань Ци-жуй, родившийся в пров. Ань-ху и возглавлявший группировку того же наименования, и Фын Го-чжан, родившийся в пров. Чжи-ли и возглавлявший одноименную группировку.

После свержения манчжурской династии, когда Юань Ши-кай в 1912 г. стал у власти и начал безгранично пользоваться ею, Дуань Ци-жуй'ю и Фын Го-чжан'у пришлось занять второстепенное положение. Это сблизило их на некоторое время между собой. Но мир и контакт этих двух милитаристов был вскоре нарушен после смерти Юань Ши-кай'я, когда встал вопрос о власти. Этот вопрос решился в пользу Фын- Го-чжан'а, который был назначен вице-президентом при новом президенте Ли Юань-хунь'е.

Летом 1917 г. в Китае произошло второе монархическое движение ген. Чжань Сюн'а, стремившегося восстановить на троне малолетнего императора Сюан-тун'а. Это движение имело некоторый успех, и Сюань-тун в течение недели даже занимал пекинский трон, после чего снова был свергнут. Последствием движения был уход президента Ли Юань-хун'а и назначение временным президентом Фын Го-чжан'а. Но не ему была обязана республика своей защитой. Все движение было подавлено, главным образом, благодаря активности ген. Дуань Ци-жуй'я. С этого времени он приобретает популярность защитника республики, благодаря чего ему впоследствии были прощены его антинациональные деяния в 1919 и 1920 годах, когда он руководил правительством Аньфу.

После подавления движения ген. Чжан Сюн'а положение Дуань Ци-жуй'а значительно укрепилось. Под его руководством и при содействии дру-

гих представителей высшей администрации был организован японофильский политический клуб Ань-фу (см. выше).

Когда, осенью 1918 г., вместо Фын Го-чжан'а был избран новый президент Сюй Ши-чан (теперешний), Дуань Ци-жуй в роли премьер-министра оказался вершителем китайской политики, действуя по линии клуба Ань-фу и выставляя на первый план интересы своей Ань-хуй'ской военной группировки.

Его антинациональной политике был положен предел в 1920 г. соединенными усилиями лидеров Чжи-лийской военной партии—ген. Цао-кун'ом и У Пей-фу и главой Фынь-тянь'ской—ген. Чжан Цзо-лин'ом. Последняя группировка стала в последние годы играть крупнейшую роль в китайской политике, в лице своего главы, «некоронованного короля» Маньчжурии ген. Чжан Цзолин'а.

Таким образом, в настоящее время на севере Китая существуют две действенные военные группы, фигурирующие под именем партий: 1) Чжили'ская возглавляемая ген. Цао-Кун'ом и У Пей-фу и 2) Фынь-тянь'ская (мукденская, называется также по имени резиденции Чжан Цзо-лин'а г. Мукдена), во главе которой стоит генерал-инспектор Маньчжурии Чжан Цзо-лин.

ШЕ-ХУ-ДАН (Социлистическая партия).

Идеи социализма начинают проникать в Китай с того времени, как многие китайские студенты, получившие образование в Японии, стали возвращаться на родину. Это было незадолго до первой китайской революции 1911 г. Напитавшись духом западной культуры, которая в то время являлась таким ярким противоречием косности, существовавшей при манчжурской династии, и познакомившись с социалистическими учениями, китайские студенты и профессора начали популяризировать их среди широких кругов китайской интеллигенции. Первоначально этой популяризацией занимались отдельные личности, совершенно несвязанные между собой. Среди этих популяризаторов выдвинулся Цзян Кан-ху, ставший затем организатором социалистической партии в Китае.

Столкнувшись с социалистической литературой, он стал ревностно изучать и проповедывать социализм. Одной из первых книг, с которыми он познакомился, была книга Бебеля «Женщина и Социализм». В июне 1911 г. он раз'езжал по провинции Чже-цзянь, где читал лекции на тему: «Женщина и социалистическое движение». Его выступления вызвали недовольство наместника провинции, и в результате он должен был бежать на английскую концессию в г. Шанхай, где он был вне пределов досягаемости для китайской полиции. Издававшаяся им радикальная газета, проповедывавшая новые идеи в Китае, и брошюра «Женщина и социалистическое движение» были конфискованы. Это был первый случай преследования социалиста в Китае.

10 июля 1911 г. в г. Шанхае Цзян Кан-ху организовал социалистический клуб и тогда же начал издавать первую социалистическую газету в Китае: «Социалистическая звезда». Деятельность клуба носила больше академический характер изучения западной социалистической литературы, нежели пропаганды социализма. В клубе было 50 членов.

Но 3-го ноября 1911 г., когда в Хань-коу вспыхнула первая революция, социалистическуй клуб переименовался в социалистическую партию и резко изменил направление своей деятельности. Партия установила связь с революционным югом, открыла около 400 отделений, собрав в короткое время до 400.000 членов. Во главе партии стоял Исполнительный комитет, Цзян Кан-ху был избран национальным секретарем. Под его редакцией партия начала издавать газету «Ежедневная звезда».

5-го ноября 1911 г. в Шанхае состоялся с'езд китайской социалистической партии, где была принята предварительная программа и платформа. Основные пункты рабочей платформы были формулированы в следующем:

1. Установление республиканского образа правления.

2) Уничтожение расовых различий.

3. Уничтожение всех оставшихся форм феодального рабства и установление принципа равенства всех перед законом.

4) Отмена права наследования.

5. Бесплатное и всеобщее совместное школьное обучение. Бесплатная раздача учебников и бесплатное питание школьников.

6. Отмена всех званий и сословий.

7. Налог на прибыли, главным образом, на землю, и отмена личных налогов.

8. Роспуск армии и флота.

Деятельность партии носила больше просветительный характер. Под руководством Цзян Кан-ху в г. Нанкине была открыта школа для детей жертв революции на 600 чел. Под руководством партии развивалось и женское движение, насчитывавшее в своих рядах до 100.000 чел. Главным и филиальными отделениями издавались социалистические газеты.

На втором году своего существования партия столкнулась с репрессиями со стороны правительства, распространявшего сведения о социалистах, что они воры и разбойники. В марте 1913 г. агентами правительства был убит кандидат на пост министра, видный член общества «Молодой Китай»—Сун Чи-жень.

В это время партия широко распространяла разоблачения действий Юань Ши-кай,евского правительства. Это совпало с момента окончания президентских полномочий Юань Ши-кай'я, но, благодаря подкупу членов парламента, а затем разгону его Юань Ши-кай остался на своем посту.

15-го июля 1913 г. в г. Хукоу началась вторая революция. В Пекине было об'явлено военное положение. Секретарь комитета Социалистической

партии в Пекине Чен Е-лун был арестован и 8-го августа обезглавлен. Вслед за этим был издан президентский декрет о роспуске социалистической партии. Приводим полностью текст декрета:

«Пекин, 8-го августа 1913 г.

«Китайская социалистическая партия пользуется маской политической партии, чтобы скрыть свои преступные намерения. Эти демагоги в своих корыстных интересах оказывают давление на правительство и сулят народу несбыточные обещания. Они являются опасностью для народа и закона. Они проповедывают насилие и убийства. Поэтому они навлекли на себя недовольство не только правительства, но и всего народа. Нами получено много сообщений от чиновников из Тяньцзина, Пекина и других мест, предупреждающих нас относительно заговоров социалистов. Много иностранных анархистов присоединились к ним, с целью нарушения международного мира. Китайская социалистическая партия не похожа на социалистические партии других стран, поставивших своей целью только изучение социализма. Если мы не положим предела их деятельности, то в результате таковой произойдет взрыв. Поэтому настоящим декретом приказываем всем провинциальным управлениям и губернаторам распустить социалистическую партию Китая, где бы она ни была и арестовать ее лидеров. Таким образом, будут охранены законность и порядок.

ЮАНЬ ШИ-КАЙ
Временный президент Республики».

После разгона партии, она распалась. Цзян Кан-ху—руководитель ее, бежал в Америку, где читал лекции о Китае в Берклеевском университете штата Калифорнии. Он снова вернулся в Китай только осенью 1920 г., но уже не как лидер китайских социалистов. Хотя он сам и продолжает считать себя социалистом, но не пользуется популярностью вождя. В 1921 г. он посетил Советскую Россию с целью принять участие в конгрессе Коминтерна, но неясность его позиций была причиной того, что он не был принят.

Но социалистические организации не исчерпываются этим одним примером. Организовавшиеся после 1917 г. в Китае союзы учащихся под несомненным влиянием русской революции начали пропитываться духом социалистических учений, и в августе 1920 г. в г. Шанхае выделилась группа молодежи, которая основала «Союз социалистической молодежи». В течении ближайших месяцев аналогичные группы были образованы в Пекине, Тяньцзине и Гуаньдуне (Кантоне). Эти союзы заняты весьма важным делом, при отсутствии статистики в Китае, собирания сведений о положении рабочих и крестьян и изучением рабочего вопроса. Ими издаются листовки и газеты для рабочих. Ими издавался в Шанхае рабочий популярный журнал «Лао-дун-цзе» («Рабочий Мир»), редакции которого из-за преследования губернатором пришлось перекочевать в ГуаньДун (Кантон). В настоящее

время в нескольких пунктах выходят аналогичные журналы на новом разговорно-популярном языке для рабочих.

На основании указанной выше численности социалистической партии в 1911 г. не следует делать прямых выводов относительно силы и влияния социалистической партии Китая. Хотя идеи социализма без сомнения родственны китайскому духу и теперешнему состоянию хозяйства, большую роль играл в образовании партии и массовой записи в нее революционный под'ем 1911 г., когда каждый, как у нас в 1917 г., считал себя партийным. Между тем, на отсутствие спайки и слабость развития социалистического сознания у масс указывает тот факт, что партия распалась так же быстро, как и организовалась.

У-ЧЖЕН-ФУ ДАН (Анархисты).

Анархизм у китайцев имеет корни, пожалуй, еще более глубокие, чем социализм. На протяжении истории китайской культуры мы встречаем выдающихся китайских мыслителей, исповедывавших и проповедывавших анархизм, в том или ином виде. Таким ярким примером является известный китайский философ Лао Цзы, конгениальный Толстому мыслитель, живший в IV в. до Р. Х. и проповедывавший родственное Толстому учение. Близость Индии, развивавшееся со временем, в духе чисто китайской культуры, абстрактное мышление, породило в умах китайцев способность намечать и видеть только идеал, какой-то абсолют, не связанный в своем развитии с практической действительностью. Таким образом первоприрода китайского анархизма глубоко заложена в существе и духе китайской культуры. К развитию анархизма позднее привели условия управления китайским народом пришлыми чужеземными властителями. С другой стороны, в новейшее время, развитию анархизма способствовало проникновение в Китай оригинальной и переводной анархической литературы из Европы и Японии.

Анархические секты существовали в Китае с древних времен. Одной из видных сект подобного рода было общество «Жень Ши Пай—«Враги Общества». Члены этой секты были полны отрицания всех общественных установлений и условностей. Под влиянием своего фанатического отрицания, члены общества зачастую уходили совсем от него и уединялись от какой бы то ни было общественной жизни.

Анархические группы с не менее путанными идеями существовали и в более позднее время.

Первоначальная практическая деятельность китайских анархистов, в новейшее время выразившаяся в издании печатного органа, имела место за границей. Организовавшаяся в Париже группа китайских анархистов 21-го июля 1907 г. начала издавать на китайском языке, с целью пропаганды анархизма среди китайских студентов во Франции, газету под названием «Новый Век» «Син Ши Цзе». В этой газете принимал участие известный анархист писатель Уо Чжи-Ху, журналист Чен Бо-чуань и в качестве ре-

дактора и издателя Ли Ши-чжен, отец которого был одно время премьером, а впоследствии фабрикантом в Париже. Эта газета проповедывала «три отрицания»—«Сан у чжу-и»; «нет религии, нет семьи, нет государства». Эта газета выходила в течение трех лет, ее контрабандно провозили в Китай, где распространяли среди китайской интеллигенции, вернувшихся из Европы китайских студентов и оппозиционно настроенных к правительству кругов.

Одновременно с этим, в том же году, в Японии в г. Токио, другая группа во главе с Чжан Цзи (б. председателем парламента, ныне зав. пропагандистским бюро партии Го-Минь-Дан) и Лю Гуан-хан (впоследствии советник вице-короля Дуань-Фань'я) организовала «Общество Изучения Социализма»—«Ше-ху чжун цзянь сюэ ху». Под маркой этого общества, облегчавшего им легальное существование, они фактически занимались изучением анархизма. В это общество входил также виднейший пионер японского анархизма Котоку, впоследствии убитый японским правительством. Для пропаганды анархизма среди китайских студентов, обучавшихся в Японии, под редакцией Лю Гуан-хана издавалась нерегулярная газета «Хун Бао»—«Равенство». Судьба этой газеты, как и всех нелегальных изданий, одна. Она выходила только до 1908 г. Из эмигрантских организаций история китайского анархизма отмечает только эти две организации.

Развитие движения и об'единение анархистов в организации современного типа в самом Китае, ведет начало с 1912 г. Это движение тесно связано с именем популярного в Китае анархиста Тин Ши-фу или просто Ши-Фу.

Ши-фу родился 7-го июля 1884 г. в Сянь-шанье пров. Гуань-дун (место рождения другого китайского революционера Сун Ят-сена). Первоначальное образование он получил в общем для китайских детей тогда порядке т. е. в местной школе. В раннем возрасте он проявил свои организаторские способности и революционный характер. В 1901 г. мы видим его уже организатором «Янь шо Ше»—дискуссионного клуба, где велась пропаганда за свержение манчжурского правительства, (в г. Тан). Некоторое время спустя он поехал учиться в Японию и там вступил в созданную д-ром Сун Ят-сен'ом партию Тун-мэн-ху (впоследствии Го Миньдан), целью которой также было свержение манчжурской династии. Оттуда он был послан партией в г. Гонконг для редактирования революционной газеты. По приезде, он организовал в Гонконге женскую школу, что по тем временам было очень смелым и революционным действием.

В 1907 г. он произвел покушение на гуаньдунского чжи-ду (губернатора) Ли Чжунь. Террористический акт оказался неудачным. В результате он только ранил самого себя, но этот случай дал ему широкую популярность. Он был арестован. Сидя в тюрьме, он написал книгу: «о реформе тюрем» и адресовал ее высшей судебной администрации. Благодаря этой работе, во время суда, судебные власти оправдали его. После оправдания Ши-фу уехал в Гонконг. Здесь он организовал террористическую группу для борьбы с реакционными китайскими чиновниками. В конце концов, в революции 1911 г. одним из членов этой группы губернатор Ли Чжунь был убит.

В этом году Ши-фу поехал в Пекин с целью покушения на регента империи. Но когда он доехал до Шанхая, стало известно, что манчжурское правительство свергнуто. Тогда он возвратился в Кантон, где создал организацию анархистов под названием «Миньше шэ»—«Общество Голос Народа». Эта организация сыграла большую роль в деле развития китайского анархизма. Сам Ши-фу перевел много трудов Бакунина, Кропоткина, Прудона и др. видных европейских анархистов.

Будучи сторонником международного языка и признавая будущность такового за эсперанто, он способствовал распространению его в Китае и был представителем международной организации эсперанто в Китае.

В октябре 1912 г. на происходившем совещании нелегальных социалистических групп, совместно с анархистами, лидер социалистов Цзян Кан-ху склонял совещание к созданию одной общей социалистической партии. Но группа анархистов под руководством Фын-фын и Лоу (имена вымышленные) откололась, не согласившись на предложения Цзян Кан-ху. Через месяц эта организация была разогнана.

Хотя Ши-фу формально продолжал оставаться в партии Тун Нэн-ху, или, как она тогда называлась, Го минь-дан, он уже имел очень мало общего с ней, и нужен был только предлог, чтобы окончательно порвать с этой организацией. Такой случай представился в 1913 г., когда в Ху-Коу пров. Цзян-си вспыхнула вторая революция. Организаторами этого восстания, как и первой революция, была партия Го-минь-дан. Но, когда все сотоварищи Ши-фу отправились в Цзян-си, Ши-фу отказался ехать с ними и остался на пропагандистской работе, распространяя учение анархизма. Это можно считать моментом окончательного разрыва с партией Го-минь-дан.

28 августа 1913 г. организация «Минь шен-шэ» начала издавать под руководством Ши-фу, в Кантоне, еженедельный журнал «Мин шен»—«Голос Народа». На втором номере губернатором Лун Цзи-го это издание было прикрыто, журнал конфискован, общество после этого также было закрыто. Тогда члены общества и редакция перекочевали в португальскую колонию в Китае Макао, где продолжали издание журнала. Но и здесь их постигла та же участь. После второго номера выход журнала был воспрещен португальской администрацией. Ши-фу пришлось после этого уехать в Японию.

Но не прошло и года, в 1914 г. Ши-фу снова едет в г. Шанхай, где организует анархо-коммунистическое об-во для пропаганды анархизма и подготовки анархистов к будущей социальной революции. 1-го октября 1914 г. это общество возобновило издание неоднократно закрываемого журнала «Минь-шен».

В этом году возник целый ряд организаций, подобных первой. Так в г. Чан-фу пров. Цзян-су анархисты об'единились в «У чжен фу цюань бо шэ» —«Общество пропаганды анархизма». В г. Нанкине анархисты имели дискуссионный клуб «У Чжен-фу-чжу и Тао-лунь-ху». Помимо упомянутого органа, китайские анархисты издавали на одном из малайских островов, в колонии, принадлежащей Голландии журнал «Чжен шен»—«Голос Справедливости».

Под влиянием сильно напряженной нервной работы Ши-Фу заболел и 27-го марта 1915 г. умер Созданные Ши-фу организации, после смерти продолжают существовать в разных городах, под разными названиями. Последние годы в большом количестве печатается переводно-анархическая литература. Благодаря отсутствию организованной оппозиции, китайские анархисты до 1920 г. пользовались довольно большим влиянием на китайскую интеллигенцию.

В 1919 г. в г. Пекине организовалась ассоциация анархистов под названием: «Ху-Чжу туань»—«Взаимная помощь». Большой популярностью пользуется организация анархистов студентов пекинского университета, об'единенных в общество «Цзянь-дэ-ху». Эта группа, не имея своего органа, пользуется легально издающимся журналом союза учащихся того же университета, на страницах которого мы находим переводные и оригинальные статьи, посвященные анархизму. Наконец, отдельных анархистов можно встретить в разных партиях, не мешающих своим членам одновременно быть в партии и исповедывать анархические убеждения.

Что касается чисто анархических об'единений, они прежде всего построены в согласии с принципами анархизма и не имеют писанных уставов. Отдельные члены и группы об'единяются независимо от тактических взглядов. Достаточно заявить себя анархистом, это дает право вступления в ассоциацию.

Среди китайских анрхистов сильно распространены учения Прудона, Бакунина, а особенно Толстого и Крапоткина. Последнее время среди китайских анархистов замечается больше сторонников Крапоткина, чем Толстого. Учением последнего китайские анархисты увлекались в первый период знакомства с европейским анархизмом, когда их интересовали проблемы личности. Когда же китайские анрхисты стали смотерть на анархизм, как на средство, как они выражаются, к реконструкции общества, первое место занял Крапоткин, и его труды переводятся, широко распространяются и изучаются преимущественно перед другими.

Несмотря на широкое распространение, анархизм до сих пор составляет предмет интереса среди китайской интеллигенции. Среди широких рабочих масс анархизм, как идейное течение, места себе не нашел.

В 1921 г. группой анархистов выпущен сборник, в котором воспроизведенны все журналы «Минь шен», издававшиеся в 1914 году, под тем же назнанием.

ГУН ЧАН ДАН. (Коммунистическая партия).

Революция 1911 г. в Китае дала сильный толчек рабочему движению. Были сделаны попытки к организации рабочих, устройству клубов, рабочих школ и т. д., но это движение скоро прекратилось, когда во главе правительства очутились старые реакционеры.

Новый толчек к развитию рабочего движения был дан в 1918 г. Благодаря усилиям империалистической Японии и других держав, заинтересованных в бесконтрольной эксплоатации Китая, последний с начала Русской революции до конца 1918 г. был подвергнут особой блокаде. Чтобы не создавать помех спокойной эксплоатации Китая вроде забастовок, рабочих волнений и т. п., иностранцами не пропускалось в китайскую прессу ни одно сведение, касавшееся русских дел и хода русской революции, за исключением тех, которые они преподносили сами, вроде того, как «большевики занимаются людоедством» и т. п.

Но к концу 1918 г. в китайскую прессу начинают проникать более достоверные сведения о Советской России, о новых принципах государственного строительства, об ином совершенно отношении Советской России к угнетенным народам, чем то видели китайцы со стороны царской России; начали проникать в печать также сведения о большевиках-коммунистах и их идеях. На китайском книжом рынке начала появляться литература, популяризующая социалистическое и коммунистическое учения.

В результате широкого распространения коммунистических идей, 1-го мая 1920 г. Китай впервые приобщился к мировому освободительному движению и отпраздновал этот день широкими рабочими демонстрациями, во время которых выступалии ораторы, раз'яснявшие сущность этого дня. Этому дню были посвящены специальные брошюры, и, впервые, издающийся в Китае прогрессивный журнал «Син-цин- нянь» (Новая молодежь) был исключительно посвящен этому дню и международному рабочему движению. В этом же номере мы находим первую рабочую статистику и сведения о положении китайских рабочих.

1920 г. и надо считать моментом самоорганизации китайских коммунистических сил. Все китайские коммунисты сб'единились под руководством центральной организации в г. N, образовав на местах ячейки. Весь следующий год был посвящен внутренней организации.

Теперь китайскую коммунистическую партию можно считать существующим фактом. Под руководством Китайской коммунистической партии в 1921 г. был организован в г. Шанхае Всекитайский Рабочий Секретариат, об'единяющий рабочие организации и стоящий на страже рабочих интересов. Коммунистическая партия Китая принимает активное участие в китайском рабочем движении, руководя фактически экономическими забастовками и раз'ясняя рабочим истинный характер классовых интересов. Коммунистическая партия имеет в своем распоряжении несколько периодических изданий. Ее издательская деятельность, начавшаяся в 1920 г. изданием журналов «Лао дун-цзе» (Рабочий мир) и «Рабочее эхо» были по распоряжению французского консула в Шанхае и пекинского правительства прикрыты.

Центральным органом партии теперь является ежемесячный журнал «Коммунист». Этот журнал начал выходить в 1920 г. в Шанхае, откуда его

пришлось со временем перевести в Кантон; помимо него с 1921 г. выходит газета «Цюнь-бао» в Кантоне и журнал «Син Цзя-нянь». Последний—старый прогрессивный журнал, выходящий теперь под редакцией Чен Ду-сю. Кроме того под руководством партии издается ряд рабочих журналов.

Из переводных трудов, заслуживающих быть отмеченными, партией изданы «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса в 1920 г. и «Экономическое учение Маркса» в изложении Каутского (в 1921 г.) и мн. др.

БОРЬБА МИЛИТАРИСТОВ И ПОЗДНЕЙШЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Борьба упомянутых *) милитаристов между собой, с одной стороны, и южного правительства с ними, с другой, и определяют позднейшее политическое положение и тенденции политического развития Китая. Анализ конкретной заинтересованности сторон откроет нам истинную сущность их стремлений и об'яснит кажущееся на первый взгляд странным и непонятным имевшее в мае 1922 г. место сотрудничество Сун Ят-сен'а с Чжан Цзо-лин'ом против ген. У Пей-фу. Соперничество Чжан Цзо-лин'а с У Пей-фу вылилось в мае 1922 г. в военное столкновение, результаты которого будут нам понятны, когда мы проследим развитие их отношений в предшествующий период.

На Тяньцзин'ской конференции в апреле-мае 1921 г., опасаясь усиления своих противников, Чжан настоял при разделе Китая на подвластные сферы управления, на выделение сверх принадлежавшей ему Маньчжурии еще Синь-цзян'а (Китайского Туркестана), Монголии и трех прилежащих к Монголии округов—Жэхэ, Чахар и Сюйюань. Для фактического завладения указанными округами Чжан'у необходимо было посадить в них своих людей. Но желаемая операция с перемещением жэхэского ду-ду Ма Фу-цян'а не удалась благодаря тому, что последний пользовался поддержкой ген. У Пей-фу. Такая же участь постигла другой проект Чжан'а о внедрении покровительствуемого им монархического ген. Чжан- Сюн'а на пост ду-цзюн'а (губернатора) провинции Цзян-су. Осуществление обоих планов имело для Чжан'а целью на случай войны с противниками обеспечение своего тыла и ослаблении врага У Пей-фу. Однако, провал обоих планов заставили его искать других планов.

Новый Кабинет.

Нити для новых выступлений дал Чжан Цзо-лин'у назревший в конце 1921 года кризис кабинета Цзин Юн-пен'а. Собственно говоря, кризис этого кабинета назрел еще летом 1921 года, но приготовления к Вашингтонской конференции (желание выступать от имени Китая в це-

*) См. главу „милитаристические группировки".

лом) и борьба У Пей-фу с южанами отвлекли на время внимание и отсрочили падение кабинета. Однако, уже в то время большую активность проявляла снова выплывшая партия Цзяо-тун старая, так называемая клика путей сообщения, во главе с банкиром Лян Ши-и и бывш. мин. пут. Е Гун-чжо. Учитывая создавшееся в конце октября положение, эта группа сумела завоевать себе сторонников и протянула руки к министерским портфелям.

Играя на неудачах Чжан Цзо-лин'а, эта группа пообещала ему содействие в осуществлении всех его планов. Оценив по достоинству возможность контроля действий нового правительства и возможность содействия планам своим и японским, в чем Чжан сильно заинтересован, Чжан не преминул сразу же поставить конкретные требования. Желая обеспечить себя на случай борьбы с У Пей-фу, Чжан решил превратить вчерашних врагов в друзей. С этой целью он поставил условием поддержки притязаний клики Цзяо-Тун освобождение и амнистию анфуистов во главе с Дуань Ци-жуй'ем, которые им же Чжан Цзо-лин'ом совместно с У Пей-фу были свергнуты в 1920 г.

Таким образом, 24 декабря 1921 г., президентским мандатом, Лян Ши-и было поручено сформирование нового кабинета, в состав которого вошли: премьер-мин. Лян Ши-и, зам. премьер-мин. и мин. ин. дел. Ян Ху цинь (д-р Иен), мин. вн. дел Гао Лин-юй, мин. фин. Чжан Ху, мин. прос. Хуан Ян-пей, морской мин. Ли Дин-син, воен. мин. Бао Гуй-цинь, мин. пут. сообщ. Е Гун-чжо, мин. зем. Ци Яо—шань и мин. юст. Ван Чжун-ху.

Вскоре же после сформирования этого кабинета, в числе первых постановлений, был декрет об амнистии аньфуй'истов. В частности двух опозоренных общественным мнением экс-министров Цао Жу-лин'а и Лу Цзун-юй не только прощали, но сразу дали им ответственные посты.

Шаньдун'ский вопрос.

После войны, Япония, овладев германскими колониями в Китае, несмотря на неоднократные заверения о возврате их Китаю, тем не менее не проявляла такового намерения. На этой почве за последние годы в Китае сильно развилось национальное анти-японское движение. Весь Китай требовал возврата Шаньдун'я (освобождение Циндао и Киаочао и Цзинань-Киаочао'ской жел. дор.). Сильная борьба вокруг этого вопроса разгорелась между Китаем и Японией перед Вашингтонской конференцией. Желая предстать перед конференцией безгрешной, Япония пыталась вызвать Китай на непосредственные переговоры независимо от конференции, но на это китайцы не пошли. Во время борьбы китайских и японских делегатов на конференции, в Пекине между тем произошла смена кабинета. Это немедленно отразилось на разрешении Шаньдун'ского вопроса, так как китайским делегатам по распоряжению нового кабинета было предложено ликвидировать шаньдун'ский вопрос на условиях японских делегатов, заключавшихся в том, что дорога от Цзинаньфу до Цзяо-чжоу (Киаочао) должна быть выкуплена в течение 15 лет на средства, полученные от займа у Японии же.

У Пей-фу и его позиция.

Когда сведения о заключении такого соглашения стали известны в Китае, У Пей-фу поднял большую кампанию против кабинета Лян Ши-и, как ставленника Чжан Цзо-лин'а. В своих двух настойчивых телеграммах к президенту, У требовал отставки Лян'а, угрожая в противном случае занять Пекин вооруженной силой, подобно тому как он уже раз проделал это в 1920 г. во время борьбы с аньфу'истами. Его угрозы, действительно, подействовали и заставили Лян'а дважды брать продолжительные отпуска, но это не спасло его от падения. Лян'а некоторое время заменял д-р Иен, а затем Чжоу Цзы-ци.

Обвиняя Лян'а в изменническом заключении договора по Шаньдун'скому вопросу, У Пей-фу заявил, что средства, необходимые на выкуп дороги, могли быть получены путем сбора и среди китайцев. В числе других обвинений У Пей-фу ставил в вину Лян'у амнистию аньфу'истов (которых он У Пей-фу, в 1920 г. свергал) и, наконец, представление опозоренным министрам государственных должностей.

Что же представляет из себя генерал У Пей-фу, каковы его стремления и планы. Имя У Бей-фу стало особенно популярным летом 1920 года, когда он занял своими войсками город Пекин и способствовал разгону японофильского кабинета, руководимого клубом Аньфу. Свергая в 1920 г. японофильское правительство Дуань Ци-жуй'я, стоя перед фактом существования двух парламентов и большого административного хаоса, У Пей-фу провозгласил идею созыва Национального Учредительного Собрания Го-минь дану. Однако дальнейшие события изменили его планы и сделали его практическим руководителем борьбы с южанами. Таким образом, на словах не поддерживая пекинского правительства, ведя борьбу с южным, У выпустил инициативу из своих рук. Но постепенное усиление ген. У Бей-фу заставляло пекинское правительство настороженно следить за ним и, несмотря на то, что и правительство Цзинь Юн-пен'а (сменившего Дуань Ци-жуй'я) являлось креатурой Чжан Цзо-лин'а, оно назначило ген. У Пей-фу генерал инспектором двух крупнейших провинций по р. Ян-цзы-Ху-бей и Ху-нань.

Декларативный демократизм У Пей-фу и абсолютистские стремления Чжан Цзо-лин'а, представлявшего единственную реальную силу на севере Китая, тесно связанную к тому же с японцами, врагом которых является У Пей-фу, поставили перед последним задачу ликвидации Чжан,цзолиновского влияния в пекинском правительстве.

Однако разрешение этой борьбы не могло не стоять в сявзи с другой довольно большой силой, южным правительством Сун Ят-сен'а, стремящейся, не только к свержению Чжан Цзо-лин'а и пекинского правительства, но и самого Пей-фу. Таким образом, желая на случай войны с Чжан Цзо-лин'ом

обеспечить себе тыл, несмотря на открытую враждебность к Южному правительству, У Пей-фу был вынужден обратиться к нему с тем, чтобы заручиться его нейтралитетом или даже помощью. С этой целью У Пей-фу отправил своего представителя к военному главе южного правительства генералу Чен Цзюнь-мин'у.

Это в свою очередь заставило и Чжан'а искать соглашения с южным правительством, которое могло оказать ему значительную помощь, напав на У Пей-фу в момент столкновения с Чжан Цзо-лин'ом.

Позиция южного правительства.

Целью южного правительства является желание стать центральным правительством Китая и стремление к признанию Сун Ят-сен'а президентом всего Китая. На пути к осуществлению своих стремлений, южное правительство сталкивается с войсками ген. У Пей-фу, борющимся против него, и с борьбой северных милитаристов У Пей-фу и Чжан Цзо-лин'а между собой. Таким образом, перед южным правительством стояла задача: кому из двух борющихся милитаристов оказать помощь с тем, чтобы после легче было свергнуть оставшегося.

Соглашение с Чжан Цзо-лин'ом для Сун Ят-сен'а неприемлемо, но также мало приемлемо соглашение и с У Пей-фу, так как войска последнего находятся на пути территориальноого продвижения южан на север. Помочь У Пей-фу в борьбе с Чжан Цзо-лин'ом это значит закрыть себе возможность дальнейшего продвижения на север. Поэтому Сун считал для себя выгоднее оказать поддержку Чжан Цзо-лин'у с тем, чтобы покончить с врагами территориально более близкими, как У Пей-фу. Это соображение и послужило стимулом данного доктором Сун Ят-сен'ом Чжан Цзо-лин'у обещание поддержать именно его в случае столкновения с У Пей-фу.

ПОЗДНЕЙШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Неизбежное столкновение между войсками Чжан Цзо-лин'а и У Пей-фу, очевидное по ходу развития их отношений, и произошло в мае с. г. Однако, результат этого столкновения, оказался несколько неожиданным. Как и следовало ожидать, на стороне Чжан Цзо-лин'а участвовали амнистированный, благодаря его содействию, Дуань Ци-жуй и монархический генерал Чжан Сюн. Тем не менее последние и Сун Ят-сен, сыгравший по отношению к Чжан Цзо-лин'у коварную роль, в решительный момент, ожидаемой поддержки не оказали, и случилось, что казавшийся столь сильным «некоронованный король» Маньчжурии Чжан Цзо-лин потерпел полное поражение.

Вслед за разгромом армии Чжан Цзо-лин'а, происшедшем недалеко от Пекина, генерал У Пей-фу, занял г. Пекин и снова взял в свои руки политическую инициативу. По его требованию, президент издал декрет об аресте

Лян Ши-и и его сподвижников. И совсем ново зазвучал декрет президента о лишении Чжан Цзо-лин'а всех его чинов, смещения с теперешнего поста генерал инспектора трех маньчжурских провинций и о предании его суду. Какую же роль играет теперь президент Сюй Ши-чан? Чувствуя неустойчивость своего собственного положения, президент пытался служить посредником между Чжан Цзо-лин'ом и У Пей-фу, но по дальнейшим декретам, изданным под давлением У Пей-фу, видно, что все его попытки ни к чему не привели. Положение президента становится еще более неустойчивым в связи с притязанием Сун Ят-сен'а и в связи с перспективой созыва Го-минь-да-ху— Национального Учредительного Собрания, идея которого была провозглашена тем же У Пей-фу в 1920 г. Однако внутреннее положение Китая нисколько от победы У Пей-фу не стало лучше. В случае реальности победы генерала У Пей-фу, остаются теперь две борющиеся стороны У Пей-фу и Южное правительство Сун Ят-сен'а, взаимно непризнающие друг друга и ищущие случая поражения врага.

М. Абрамсон.

Железные дороги Китая.

«Пушка расчистит путь, железная дорога пройдет, цивилизация утвердится»,—так сказал французский военный министр Лефевр о политике Франции в ее колониях. Это откровенное и в достаточной степени циничное заявление, в котором Лефевр, не рискуя назвать капитал его собственным именем, осторожно употребляет туманное слово «цивилизация», удивительно верно передает картину современной колониальной политики империалистических держав, и если то положение, что с проведением железных дорог, утверждается цивилизация, является еще большим вопросом, то не подлежит никакому сомнению, что капитал получает при этом прочное основание,—фундамент, на котором воздвигается его экономическое и политическое господство. Пути сообщения и железные дороги, в частности, являются тем могучим рычагом, с помощью которого приводится в движение и регулируется вся промышленность и торговля. Поэтому нет ничего непонятного в том, что капиталисты тотчас вслед за «расчисткой пути пушками», приступают в своих колониях к энергичному стоительству железных дорог. Но то, что сказал Лефевр о политике Франции в ее колониальных владениях—в Малой Азии, Марокко и др., и что вообще вполне характеризует политику империалистов в своих колониях, то едва ли не в самых больших размерах проводится империалистами всех наций в Китае—этой громадной полуколонии мирового капитала.

Почти до средины XIX века Китай жил своеобразной, замкнутой жизнью, сохраняя свои архаические, патриархальные формы общественного быта и тщательно охраняя их от разрушающего влияния иноземцев. Но такая обособленность была возможной до тех пор, пока европейский и американский промышленный капитал довольствовался теми сферами своего приложения, которые он получил от торгового капитала. С возрастанием промышленного, а затем и финансового капитала, с увеличением потребностей в рынках и колониях и развитием военного могущества в капиталистических странах, естественно, должны были пасть все преграды, отделявшие Китай от всего остального мира. Китай стал потребностью для капитала, как рынок, как колония, и никакая «китайская стена» не могла уже больше предохранить его от вторжения иностранцев, которые со второй половины прошлого столетия энергично стали прокладывать путь своему капиталу, не останавливаясь перед применением вооруженной силы там, где их алчные стремления вызвали протест среди туземного населения. Долго

и упорно, но безуспешно боролся Китай с наглевшими с каждым годом иностранцами, и в конце-концов должен был покориться своей участи. Пушки англичан, русских, французов, японцев, немцев и американцев «расчистили путь» и к концу XIX века открыли доступ капиталу этих наций и их «цивилизации». В последний раз все эти нации соединились в дружном подавлении боксерского движения в 1900 году, чтобы начать затем самую бешеную конкурренцию за «сферы влияния» в раздавленном ими Китае. С этого же времени, т.-е. с конца 19 века и начинается период железнодорожного строительства в Китае.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

Еще в 1876 году иностранными предпринимателями была построена незначительная по размерам Вусунская железная дорога. В 1877 году она была «выкуплена» китайским правительством, и когда последняя плата была внесена, рельсы были сняты и отправлены на Формозу. Через несколько лет китайцы сами начали постройку Пекин—Мукденской железной дороги, именно участок ее между Таншанскими копями и Сю-Ку-Чаном. В 1886 году эта короткая линия была расширена до Лютая, и почти в то же самое время была построена до Тянцзина, достигши этого пункта в 1889 году. Постройка в северном направлении к Шан-ай-куну началась в 1891 году и была проложена до Шанхая—в 57 милях от Великой Стены, но в 1897 году постройка прекратилась из-за отсутствия средств в казне. В 1898 году постройка возобновилась на средства британского займа в сумме 2.300,000 фунтов стерлингов, и в 1903 году англичанами была закончена. Таким образом, с помощью английского капитала в течение 5 лет была построена большая половина Пекин—Мукденской железной дороги, первая половина которой строилась китайцами в течение 20 лет. Англия таким путем получила полный административный и хозяйственный контроль над единственной в это время правительственной железной дорогой, Китай же оказался совершенно несостоятельным в финансовом отношении, и с этого момента, т.-е. с 1897—1897 г.г. железные дороги Китая строятся на средства исключительно иностранных займов и самими иностранцами. В то же время военное бессилие Китая, особенно ясно обнаружившееся в результате его войны с Японией в 1895 году, укрепило среди других иностранных держав мнение о слабости сопротивления Китая в случае раздела его территории. В результате европейские страны и особенно Россия, Франция, Германия и Англия начали усиленно интриговать для получения привиллегий на постройку железных дорог в Китае, расчитывая, что районы, занятые ими, таким образом, могут со временем перейти под их протекторат. Этот период интриг известен, как период «борьбы за концессии». Конечным результатом его было то, что Россия, Франция и Германия получили концессии на постройку железных дорог: первая—Китайско-Восточной и Южно-Манчжурской, вторая—Юнаньской и последняя—Шаньдунской жел. дор., как предприятия

чисто иностранного характера, и как частная собственность этих государств. Подобные экономические вторжения наряду с другими факторами подняли волну финансовых протестов по всему Северному Китаю, вылившуюся, как известно, в боксерское восстание, которое и послужило первым предупреждающим уроком для зарвавшихся империалистов и заставило их сделать некоторые уступки в течение следующих 8 лет. С 1908 года все контракты, заключенные иностранными предпринимателями с китайским правительством уже признают за последним право административного контроля на железных дорогах, но право назначения специалистов на высшие ответственные посты все же остается за первыми, в результате чего должность главных инженеров почти на всех китайских железных дорогах заняты иностранцами; исключение в этом отношении составляют лишь несколько мелких дорог, построенных в последнее время исключительно на китайские средства,—это Пекин—Синьюанская жел. дор., и так-называемые провинциальные дороги. Заслуживает упоминания также движение среди провинциальных китайских коммерсантов в пользу постройки железных дорог на исключительно китайские средства, но попытки их в этом направлении были неудачны и «местное движение» потерпело фиаско. Как показал опыт постройки Киангсийской железной дороги, и здесь китайцы не могут обойтись без иностранного капитала (Нан-Хунский ж.-д. заем). Это обстоятельство в свою очередь привело к выпуску Правительственного указа в мае 1911 г., в котором указывалось, что все главные линии, построенные, или предполагаемые к постройке, перейдут к правительству, и только побочные и второстепенные линии «могут оставаться в частных руках, согласно их способностей». После революции 1911 года железнодорожная программа в Китае сводится к двум основным положениям: 1) Расширенные контракты на новые постройки и 2) Об'единение существующих линий в одну национальную систему.

Заканчивая этим краткую историю железнодорожного строительства в Китае, я перехожу к непосредственному обзору жел. дор., пользуясь при этом большею частью данными «Чайна Ирбук» (китайский ежегодник-полуофициоз), причем считаю нужным предварительно заметить, что в целях удобства все суммы в иностранных денежных знаках мною переведены по курсу последнего довоенного 1913 года, с точностью до 0,01, в китайские или, что то же мексиканские доллары, которые не следует смешивать с американскими золотыми долларами. Все исчисления произведены мною поэтому тоже в китайских долларах.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В КИТАЕ.

В настоящее время насчитывается в Китае 17 правительственных жел. дорог, общим протяжением в 5.339 миль. Ханькоу-Сычуанская жел. дор.—460 миль, участок Шучоу—Хенчоу—Чанша Кантон-Ханькоуской ж. д.—300 миль, участок в 130 миль Ченчатунь-Таонаньской жел. дор. и участок

в 190 миль Лунхайской жел. дор. находятся еще в периоде постройки. Открыты для сообщения и эксплоатации правительственных жел. дор., следовательно, имеется 16, протяжением 4.259 миль.

Сумма иностранного капитала, вложенного первоначально в виде займов в эти дороги, определяется в 433,770,427 китайских долларов. Распределение этого капитала по национальностям может быть выражено в следующей таблице:

Национальность.	Общая сумма займов в кит. долларах.
Англия	104.087.827
Англо - Германия	98.000.000
Англо-Франция	56.440.000
Франция	16.000.000
Франко-Бельгия	68.400.000
Англо-Франко-Японо-Германия	63.020.000
Итого.	433.770.427

За то же время китайским правительством был вложен капитал в следующие железные дороги:

Наименование дорог.	Сумма затрачен. капитала.
Пекин-Мукденская жел. дор.	23.903.392 д.
Пекин-Синьюанская » »	28.824.379 »
Чен-Тайская (Шанси) » »	6.244.226 »
Чанчоу-Амойская » »	2.141.139 »
Итого.	61.113.135 д.

Суммируя итоги этих таблиц, мы получаем цифру 484.883.562 долл., это и есть общая сумма затраченного на постройку правительственных ж. д. Китая капитала. При этом сразу бросается в глаза относительно небольшая часть капитала, затраченного самим китайским правительством. Эта часть составляет немного более 12 процентов.

В течение приблизительно 20 лет китайским правительством погашено железнодорожных займов всего на сумму 40.588.311 долларов и, следовательно, на ту-же цифру увеличился и его капитал, помещенный в жел. дор. В среднем погашение жел.-дор. займов происходило по 2 миллиона ежегодно и если в дальнейшем будет производиться тем-же темпом, то срок погашения только этих займов должен растянуться почти на 200 лет.

Таким образом в настоящее время китайское правительство имеет в правительственных жел. дор. 61.113.135 долл. первоначально вложенного капитала плюс 40.588.311 долг капитала, приобретенного впоследствии пу-

тем погашения на эту сумму жел. дор. займов, а всего, следовательно, 101.701.446 долл. или 20,4% общей суммы затраченного капитала.

Иностранный капитал после произведенного погашения соответственно уменьшился, и распределение его по национальностям представляется уже в следующем виде.

Нация.	Вложенный капитал.	% общей суммы затрач. кап.
Англия	81.870.627 д.	16,6
Англо-Германия . .	94.250.000 »	19
Англо-Франция . . .	48.788.880 »	9,9
Франция	12.060.000 »	2,4
Франко-Бельгия . .	68.400.000 »	14
Япония	24.792.689 »	5
Англо - Франко - Японо-Германия . . .	63.020.000 »	12,7
Итого	393.182.116 д.	79,6%

Здесь цифры настолько красноречивы, что комментарий, пожалуй, и не требуется, но для большей полноты картины я позволю себе привести еще одну таблицу, показывающую приблизительно степень участия капитала каждой из указанных выше наций в правительственных ж. д. В моем распоряжении нет достаточных данных для точного определения процента, какой выражает собой капитал каждой нации в различных смешанных корпорациях, финансировавших Китай, но, если допустить, что капиталы этих наций представлены в равных долях (чего в действительности, конечно, нет и быть не может) и произвести грубое разделение сумм смешанных корпораций между заинтересованными нациями поровну, то основной капитал правительственных ж. д. в Китае распределяется следующим образом:

Нация.	Основной кап., помещ. в ж. д.	% общей суммы
Англия	169.145.027 д.	34,2
Франция	86.409.400 »	17,4
Германия (Америка) *)	62.880.000 »	12,6
Япония	40.547.689 »	8,4
Бельгия	34.200.000 »	7
Итого	393.182.116 д.	79,6%
Катий	101.701.446 д.	20,4%
Всего	494.883.562 д.	100%

*) См. примечание.

Примечание: Принадлежавшие Германии акции китайских ж. д. займов (Хукуанского и других) в настоящее время находятся в руках американцев, и потому везде на месте Германии нужно иметь в виду Америку.

Итак цифры вышеприведенных таблиц ясно показывают, что 79, 6% или 4/5 всех «правительственных» ж. д. Китая принадлежит иностранным капиталистам и только 20,4%, или 1/5 их—самому китайскому правительству.

Кто-же пользуется реальными выгодами в результате эксплуатации этих дорог? Цифры и на этот вопрос дают нам ясный ответ. Чистый доход за 1919 г. выразился в сумме 27.780.407 долл., которую и можно взять, как среднюю годового дохода китайских правительственных ж. д. (доход 1918 года значительно ниже). Уплата процентов, которые колеблются по различным займам от пяти до восьми, если принять средний процент за шесть с половиной, составляет с действительной суммы займов в 393 миллиона ежегодно больше 25 с половиной миллионов. Таким образом уплата одних процентов поглощает почти весь годовой доход этих дорог; если же принять во внимание единовременные взносы комиссионных, которые по некоторым займам достигают 10% с общей суммы займа, то станет совершенно очевидным, что доходом с китайских правительственных ж. д. пользуются исключительно иностранные капиталисты, а видимая принадлежность их в административном отношении китайскому правительству сводится лишь к жалкой роли полицейского наблюдателя там, где иностранные денежные тузы набивают себе карманы золотом.

КОНЦЕССИОННЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ.

В концессионном владении находятся 4 ж. д., общим протяжением 2530 миль. Эти дороги были построены русскими, французами, германцами и японцами: первыми—Восточно-Китайская ж. д., вторыми—Юнаньская, третьими Шаньдуньская и последними — Южно-Манчжурская. Большинство акций К. В. Ж. Д. находится в руках французов, Шаньдунская же ж. д. в 1914 г. захвачена у германцев Японией и потому в настоящее время более правильным будет считать концессионные ж. д. Китая собственностью только Франции и Японии. Сумма затраченного в эти дороги капитала равняется 606.960.000 долларов, из коих 232.460 принадлежит Японии и 374.500.000—Франции. Точных данных за последнее время о сумме годового дохода, получаемого Японией и Францией с этих дорог в моем распоряжении не имеется, но если судить по доходу Южно-Манчжурской ж. д., который в 1919 году равнялся 37.627.736 кит. долларов, то эта сумма должна быть весьма значительна.

ЧАСТНЫЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ.

И, наконец, в Китае имеется еще 4 ж. д., протяжением 194 мили, находящиеся во владении провинций и частных лиц. Стоимость этих дорог определяется в 18.572.503 доллара, из коих 7.725.000 или 42% получены по Нанхсунскому займу от Японии, а остальные 10.847.507 долларов или 58% общей суммы от местных провинциальных коммерсантов. Доход этих ж. д. настолько незначителен, что едва покрывает издержки на эксплуатацию их, одна-же из них (Киангсийская ж. д.) приносит даже убыток.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

Подводя итоги всем этим данным, мы получаем полную картину железных дорог Китая, которая рисуется в следующем виде.

Всего в Китае насчитывается 25 ж. д., протяжением 8.063 мили, из коих открыты для сообщения и эксплуатации 24 ж. д., протяжением 6.983 мили. Общая сумма капитала, вложенного в железные дороги Китая, равняется 1.129.416 тысяч долларов. По нациям этот капитал распределяется, приблизительно, следующим образом.

Нация.	Сумма вложенного капитала в тысячах долларов.	Проценты капитала.
Китай.		
а) правительство . . .	101.701	
б) частные лица и провинции	10.848	10%
Англия	169.145	15%
Франция	460.909	41,2%
Япония	280.733	25%
Америка (б. Германия) . .	62.880	5,7%
Бельгия	34.200	3,1%
Итого	1.120.416	100%

Приведенная таблица позволяет правильно оценить ту роль, которую играет иностранный капитал в железнодорожном строительстве Китая. Роль эта определяется не больше, ни меньше, как обладанием 90% всей стоимости китайских железных дорог. Отсюда ясно, что истинными хозяевами китайских ж. д. являются мировые капиталисты и, в силу громадного значения ж. д. в торговле и промышленности, понятно их господство в Китае, как в экономическом, так и в политическом отношении. Цитированные мною выше слова Леферва воплотились в китайской действительности с такой очевидностью, что только слепой может не видеть всей жестокой последователь-

ности отмеченных выше трех моментов проникновения в Китай иностранного капитала. В самом деле, разве не ясна картина, как на расчищенном в прошлом столетии пути, капиталисты всех наций строили ж. д. и утверждали затем свою «цивилизацию» или точнее выражаясь — капитал? В настоящее время мы наблюдаем в Китае этот последний момент, момент все усиливающегося господства иностранного капитала. Железные дороги—это стальные цепи, которыми мировой капитал прочно сковал свою жертву в лице гиганта Китая и посредством которых он выкачивает последние жизненные соки из несчастной страны.

В заключение я должен указать на возможность еще большего закрепощения Китая мировым капиталом при проведении в жизнь дальнейшей железнодорожно-строительной программы. Невозможность обойтись без помощи иностранного капитала при осуществлении этой программы толкает Китай на путь новых ж. д. займов, иностранные же капиталисты пользуются этим для того, чтобы еще туже затянуть ту петлю, в которой, задыхаясь под тяжестью колоссального государственного долга, бьется Китай. Так, за время с 1914 по 1920 год включительно иностранными предпринимателями заключены контракты на постройку 11 новых ж. д., протяжением более 5000 миль. Займы должны быть произведены на сумму более 600.000.000 доларов, из которых правительстом в виде авансов уже получено около 40 миллионов. Если этим последним займам будет суждено осуществиться, то Китай очутится в еще более тяжелой зависимости от иностранных капиталистов; и проблема его финансового банкротства станет реальностью.

А. Садовский.

ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Азия, как прародина и учительница человечества, ее настоящее и будущее.

С давних пор на Азию привыкли смотреть, как на колыбель человечества. Здесь полагали культурные народы свою прародину, свое первое местопребывание—земной рай. Здесь—принималось—была создана первая человеческая пара и отсюда расселились люди по земле после того, как избранная часть их спаслась от всемирного потопа и вышла из ковчега на вершине Арарата. Позже эти предания уступили место другим воззрениям, но еще в первой половине XIX-го века многие ученые разделяли мнение, что родина человечества совпадает с великим плоскогорьем Средней Азии, откуда вышли насельники окружающих стран, образовав различные расы и группы племен.

Во второй половине XIX века явились, однако, другие взгляды. Когда в геологии утвердилась теория ледникового периода, по которой, в предшествовавшую современной геологическую эпоху, последовало постепенное охлаждение климата, бывшего ранее теплым по всему земному шару, то пришлось допустить, что именно к этому времени должно быть отнесено образование растительных и животных форм умеренного и холодного климатов. Эти формы должны были возникать по мере все большего охлаждения полярного севера, по мере расширения умеренной и холодных зон насчет тропической и распространения все далее к югу накоплявшегося вокруг северного полюса ледяного покрова. В числе этих форм мог быть и человек, который также должен был распространяться с севера на юг и заселить постепенно обширные пространства Азии, Европы и Америки.

Предлагались впрочем и другие гипотезы: пробовали приурочить происхождение человека к южной Азии, к Австралии, к Южной Америке, к проблематической «Лемурии», материку, бывшему, будто бы, некогда на месте Индийского океана и соединявшего Индию с Африкой через остров Мадагаскар (где сохранились еще в большом числе видов так называемые полуобезьяны или лемуры, формы, ныне вымирающие, а когда то бывшие широко распространенными почти на всех материках, до Европы и Северной Америки включительно). Еще с большим основанием можно было высказывать предположение о происхождении человека в Европе, после того как

здесь, начиная с половины прошлого столетия, найдены были многочисленные доказательства древности человека, остатки его первобытной культуры и его самого. Находки эти были сделаны в слоях земли, относящихся к различным эпохам ледникового периода, заключающих в себе кости многих давно вымерших животных видов—в слоях, удаленных по времени своего отложения за многие десятки, даже сотни тысяч лет до нашего времени. Здесь, в Западной Европе, в Германии, Франции, Бельгии, Австрии были открыты в разное время, преимущественно в пещерах (служивших отчасти для обитания, отчасти для погребения) многие человеческие костяки или отдельные части их, причем некоторые из них выказывают такие своеобразные особенности в своем строении (в форме черепа, развитии челюстей, в длинных костях конечностей и т. д.), что специалисты выделили на основании их особые типы, отличные от человека позднейшего времени и от современного (Homo sapiens—«Разумный человек»). Особенно своеобразен тип, так называемого, «Неандертальского» или «Первобытного» человека, отличавшегося сильно покатым в зад лбом, очень развитыми надбровными дугами (окаймлявшими в виде валиков сверху глазницы), выступавшими вперед челюстями, изогнутыми длинными костями ног и рук и другими признаками. Этот тип вымер еще в течение древнекаменного, палеолитического века и сменился другими типами, отчасти сходными с современными типами европейцев, отчасти напоминающим типы других рас (напр. скелеты, найденные во одном из Ментонских гроттов на Ривьере, выказывающие некоторые признаки негров). Рядом с первобытным человеком, а может быть еще ранее его жили, впрочем, в Западной Европе и другие типы людей, отчасти сходные с Homo Sapiens отчасти имевшие особые признаки, как например,—установленные, впрочем, по весьма неполным остаткам, найденным в Англии в Пильтдауне (гр. Сессекс),—так называемый Eoanthropos Dawsonii. Все эти находки свидетельствуя о громадной древности человека в Европе, позволяют сделать предположение, что именно здесь то он и появился, что здесь была его прародина, откуда он и распространился потом в другие части света.

Однако, все эти находки не могут еще служить доказательством, что человек появился впервые именно в Западной Европе. Факт, что здесь были сделаны многочисленные находки остатков древнейших людей и их культур, доказывает только, что нигде археологи и палеонтологи не прилагали таких стараний к открытию древнейших следов человека, нигде не производилось таких тщательных обследований пещер, таких систематических раскопок, не относились так внимательно к случайным находкам древних каменных орудий, костей ископаемых животных, остатков человека и т. д. На ловца и зверь бежит, говорит пословица, и неудивительно, что розыскания многочисленных ученых в течение многих десятков лет увенчались успешными открытиями доисторической археологии и палеонтологии человека. В Азии, с ее менее культурным населением, с ее низким уровнем науки и техники, трудно было ожидать подобных находок. Систематических исследований в этом направлении почти не производилось, случайные находки, если иногда

и делались, не обращали на себя внимания и редко когда привлекали к себе людей науки. И тем не менее, и в Азии известен уже ряд находок, свидетельствующих о существовании здесь человека в древнекаменный (палеолитический) век, одновременно с жившими здесь такими вымершими формами животных, как ископаемые слоны (мамонт), шерстистый носорог, большерогий олень, ископаемый овцебык и др. Такие находки были сделаны в Восточной Сибири, на берегах Енисея и его притоков, причем найденные там каменные и костяные (из рога северного оленя) орудия оказываются очень сходными с соответственными палеолитическими орудиями Франции. Каменные орудия древнейшего палеолитического века (так наз. «ручные топоры»— миндалевидной формы) были найдены и в Индии, а из Передней Азии (Сирии) известны даже находки в пещерах, соответствующие изделиям различных палеолитических эпох Европы. Таким образом, Азия была, несомненно, заселена человеком еще в древнекаменный (палеолитический) период, а следовательно нет оснований отрицать древность здесь человека столь же, а, вероятнее, даже более высокую, чем в Европе.

В пользу происхождения человека именно в Азии говорит находка здесь остатки одной ископаемой формы, которую можно считать предшественником человека, так как она соединяет в себе признаки человека и антропоморфной обезьяны. Мы говорим о форме, открытой д-ром Дюбуа на острове Яве и названной «обезьяночеловеком прямостоящим» (Pithecantropus erectus). К сожалению, остатки эти очень неполны, найдены были только череп (черепная крышка, без лицевых костей), три коренных зуба и бедреная кость, но и из них можно заключить, что это была форма ростом с человека, но с менее развитым и вместительным черепом, который однако, при всех своих чертах низшего строения, не выказывал многих признаков, свойственных антропоморфным обезьянам. Нельзя утверждать, чтобы эта форма была действительно прародичем человека, но она, несомненно, принадлежала к числу тех, вероятно бывших некогда многочисленными, форм, которые предшествовали человеку в их появлении на земле, и от которых произошли уже формы с еще большим преобладанием человеческих признаков над животными.

Какой тип представляли древнейшие обитатели Азии, мы не знаем, так как пока здесь не найдено ископаемых остатков человека палеолитического периода. Но если в Европе обитало в этот период несколько типов (или рас) человека, то в Азии, принимая во внимание ее гораздо большее пространство, жило, надо думать, еще большее их число. Как известно, расы (или породы) человечества, при всех, представляемых ими особенностях, неразграничены резко одна от другой и связываются между собой множеством переходных форм. Отсюда трудность установить наиболее вероятное число рас, и в то время как одни исследователи принимали их 2 или 3, другие насчитывали 5—7, а некоторые 29 или даже более 60. Со времен знаменитого естествоиспытателя Кювье довольно распространенным стало однако деление человечества на три расы: белую, желтую и черную. Такое деление

не выделяет, правда, некоторые характерные расовые типы и соединяет под одной рубрикой многие, более или менее разнявшиеся между собой расы, но оно представляет преимущество простоты и все-таки разграничивает наиболее выделяющиеся по своим признакам породы человечества. Из этих трех рас желтая или монгольская, хотя и не оправдывает во многих своих представителях желтую (точнее смуглую) окраску кожи, тем не менее настолько выделяется некоторыми признаками своего сложения, своих волос, черепа, лица, глаз, носа и т. д. от других двух рас, что с вполне достаточным основанием может быть обособлена в отдельную расу. Раса эта, несомненно, вполне азиатская, в Азии живут все ее типичные представители—монголы, китайцы, японцы, индо-китайцы, тибетцы, малайцы, но к ней же приходится отнести и первобытных обитателей Америки—индейцев и эскимосов. Несмотря на попытки некоторых исследователей доказать, что не только индейцы, но и вообще люди, получили свое начало в Америке, имеются веские доводы против такого утверждения. И, подобно тому, как животный мир Северной Америки, в общем, сходен с таковым же Евразии (т. е. Европы и Азии) и ведет свое происхождение от общих прародичей, так и человеческие типы Америки и Азии имеют между собой много общего и, очевидно, находятся между собой в довольно близком родстве.

Среди сибирских инородцев имеются, например, такие, как Енисейские остяки, как некоторые группы тунгусов и долган, которые по многим признакам напоминают американских индейцев. Народности крайнего Северо-востока Сибири, чукчи и коряки, тоже подходят к индейцам, даже по типу своих языков, а что касается эскимосов, то небольшая часть их и теперь еще живет в нескольких поселках по азиатским берегам Берингова моря и Ледовитого океана, и есть основание думать, что эскимосы вообще распространились по крайнему северу Америки, от Аляски до Гренландии, в направлении с запада на восток, из Азии.

Что касается черной (темнокожей) расы, то наиболее типичных и многочисленных ее представителей мы видим в лице шерстоволосых негров, в Африке, к югу от Сахары, с одной стороны, и в лице курчавоволосых папуасов и волнистоволосых дикарей Австралии,—с другой. Но имеются основания утверждать, что темнокожая раса была распространена некогда и в южной Азии и даже, может быть, имела здесь свое начало. И теперь еще кое-где на полуострве Малакке, на Андаманских островах, на некоторых из Филиппинских—сохранились здесь темнокожие, шерстоволосые, малорослые народности (семанги, минкопии, аэты), которым придают общее название негритосов (маленьких негров). С ними представляют большое сходство и некоторые малорослые племена папуасов Новой Гвинеи, повидимому, близко им родственные. Ранее, надо полагать, этот негрообразный элемент имел в Южной Азии бо́льшее распространение; о нем упоминают, например, некоторые древние свидетельства, как о населявшем некогда область Ефрата—Тигра. С другой стороны, негры Африки, может быть, распространялись в ней в древние времена с востока, из южной Азии, судя потому, что и

значительно позже происходили в Африке многие передвижения племен с востока на запад, причем, например, древние обитатели южной Африки, готтентоты и бушмены, были оттеснены пришедшими кафрами на юго-запад.

Что предки волнистоволосых темнокожих обитателей Австралии имели первоначальной родиной также Азию, в этом едва ли можно сомневаться. На австралийском материке они образоваться не могли, так как там нет, да, повидимому, и никогда не было, никаких животных форм, от которых можно было бы вести эволюцию человека. С другой стороны, и теперь еще в Азии сохранились племена (например, ведды на острове Цейлоне и некоторые дравидийские Южной Индии), напоминающие по физическим своим признакам первобытных австралийцев и, повидимому, стоящие с ними в более или менее отдаленном родстве.

Остается белая раса, или, как ее назвал в конце XVIII века Блюменбах,—кавказская. Последнее название, как об'яснил сам Блюменбах, возникло, впрочем случайно; названием этим он не думал утверждать, что, указанная раса вышла с Кавказа, им дано было это название только потому, что, сравнивая между собой черепа разных рас, он нашел, что для белой расы самым типичным показался ему череп одной грузинки. Вообще же, белая раса, занимающая всю Европу, распространена широко и в Азии, населяет весь передний Восток, Малую Азию, Сирию, Месопотамию, Аравию, Персию, Закавказье, Афганистан, часть Средней Азии и Индии, равно как и всю Северную Африку. Относительно этой расы высказывалось мнение, что родиной ее могла быть Европа, ввиду того, что к ней принадлежали, вероятно, племена, населившие Западную Европу уже в последние эпохи палеолитического периода, начиная с так называемой Ориньякской. Человеческие костяки, найденные в отложениях этих эпох, например, в Кро-Маньоне, Комб-Капелль, в Ментонских гротах и т. д., относятся несомненно к типам белой расы, не выказывая никаких признаков черной или желтой. Однако, нам неизвестны человеческие остатки тех же эпох из Азии, хотя, как сказано было выше, человек уже существовал тогда там. С другой стороны, мы знаем многие примеры распространения племен из Азии (и из Африки) в Европу, а потому можем допустить, что и древние засельники Европы явились туда с азиатского континента. Относительно некоторых групп племен, как, например, семитической и родственной ей по языкам, хамитической, едва ли может подлежать сомнению происхождение их из Азии, и оттуда же вышли, вероятно, народности Кавказа, об'единяемые теперь по языкам, академиком Марром, в общую группу народов яфетических. Из Азии же вышли народы Иранского (персидского) корня, заселявшие еще за много веков до Р. Х. южно-русские степи—скифы, сарматы, массагеты и другие. Наконец, с незапамятных времен жили в Азии и племена так называемые индо-европейские (или индо-германские), хотя относительно их высказывались более или менее солидные доводы и в пользу их европейского происхождения.

Ранее, в первые три четверти XIX века, языковеды держались мнения, что Европа была заселена из Азии, что оттуда пришли и населившие ее с древних времен индо-европейские народности—греки, латиняне, кельты, германцы, славяне и друг. Позже, однако, это мнение стало встречать возражение, и многие филологи, основываясь не только на данных палеантропологии, но и на свидетельствах, представляемых самими языками, начали утверждать, что индо-европейские племена образовались в Европе. Однако, где именно, насчет этого высказывались самые различные мнения: исследователи в области доисторической археологии указывали на Скандинавию, область Среднего и Нижнего Дуная, на северо-германскую равнину, на южно-русские степи; языковеды—на Дунайскую низменность, область нижнего Дуная, северную Германию, южную Россию, Кавказ. По Ратцелю, родиной индо-германцев были «степи, окаймляющие Кавказ и Каспийское море, из которых вышли первые арийские народы на историческую сцену». Раскопки, произведенные американской экспедицией института Карнеги под руководством Пемпели у Анау (близ Асхабада), открыли там ряд культурных слоев, начиная с неолитических и продолжая слоями бронзового века, оставленных каким-то земледельческим народом, по всем признакам индо-германским. Что индо-германцы жили некогда в Средней Азии, доказывают фрагменты рукописей, добытые прусской экспедицией в Восточном Туркестане, и написанные на неизвестном до сих пор индо-германском языке, названном разбиравшими его—тохарским. Письмо этих рукописей состоит из знаков, заимствованных из санскритского алфавита; с некоторыми прибавлениями к ним. Самый язык, однако, стоит ближе к западным индо-германским языкам, чем к азиатским, арийским. Открытие это дает новое подкрепление прежнему взгляду об азиатской прародине индо-германцев *). Таким образом, есть основания думать, что Азия была прародиной всех главных рас человечества, что отсюда выходили одни за другими разнообразные группы племен, заселивших Европу, Африку, Америку, Австралию.

Переселение народов с востока на запад из Азии в Европу может быть прослежено в течение всех исторических и многих доисторических эпох. Пришельцами с востока в Европу были болгары, мадьяры, татары, волжские калмыки, а также многие другие тюркские племена: печенеги, половцы, хазары, османы, гунны, авары, скифы, сарматы и т. д. Еще ранее в Европу пришли племена, занесшие с востока земледелие, скотоводство, знакомство с металлами, обычай строить себе постройки на сваях в озерах и т. д. Как антропологи, так и языковеды, высказывали мнение, что из Малой Азии через Балканский полуостров до Франции распространились в доисторические времени короткоголовые народы, так называемой альпийской расы, а также короткоголовое население неолитического века Англии.

Несомненно, что в Азии впервые были достигнуты стадии культуры,

*) S. Feist. Europa im Lichte der Vorgeschichte und die Ergebnisse, der vergleichenden indogermanischen. Sprachwissenschaft, in Seiglon's «Quellen und Forschungen zur alten Geschichte etc.» B. 1910 г.

выведшие человечество из состояния бродячей жизни и каменного века. Здесь, в Передней Азии, последовало знакомство с медью и первое добывание ее из медной руды, а затем и открытие бронзы, т.-е. сплава меди с оловом в пропорции около 90—95% к 10—5%. Отсюда это знакомство с медью и бронзой распространилось и на запад, в Европу, но сюда оно дошло только за 2500—2000 л. до Р. Х., а в Азии оно стало распространяться уже за 5000—4500 л. Распространение бронзовых изделий (оружия, орудия, украшений) в южной, западной и северной Европе (Скандинавии) было вызвано торговыми сношениями финикиян и греков, которые вывозили из Испании и Англии нужное для изготовления бронзы олово, а из прибалтийских стран дорого ценившийся в древности янтарь, предлагая в обмен бронзовые изделия. Позже в Азии же последовало открытие железа, знакомство с которым древние свидетельства также связывают с передним Востоком. В Европу этот металл перешел уже позже; древнейшие железные изделия мы встречаем в погребениях известного Гальштадтского могильника на Дунае в Австрии, относящихся ко временам за 1000—500 л. до Р. Х. Из находимых здесь предметов многие по своим формам ясно указывают на подражание бронзовым образцам, хотя оказываются уже сделанными из железа. Мало по малу железо получает, однако, полное право гражданства, и находки, сделанные в кельтском поселении Ля-Тен (служившем, повидимому, укреплением и торговой факторией) на Невшательском (Неуенбургском) озере, относимом к 500—100 л. до Р. Х., указывают уже на типичный железный век, с его характерными формами оружий и орудий.

Еще ранее знакомства с металлами, из Азии распространилось в Европу знакмство со скотоводством, и были вывезены прирученные животные, также знакомство с земледелием, с разведением ячменя, пшеницы, льна. Что касается домашних животных, то за исключением немногих, которых дала Африка (осел, кошка, цесарка), Америка (индейка, лама) и Европа, все прочие были приручены в Азии. Отсюда они появились в Европе впервые в течение так называемого новокаменного, неолитического века, в эпоху швейцарских свайных построек, в остатках коих, сохранившихся на дне озер в слоях торфа, и были найдены кости собаки, свиньи, овцы, козы, рогатого скота, вместе с костями некоторых диких животных, бывших добычею охоты. Остатки свиньи и рогатого скота указывают на азиатские формы, полученные от приручения азиатских диких видов, и только позже к ним присоединились породы, происшедшие от одомашнения европейских видов—дикого кабана и первобытного быка (тура). Лошадь появилась в Европе несколько позже, к концу неолитического и даже уже в бронзовый век и при том первоначально также в азиатской форме, к которой уже позже присоединилась и европейская, получившаяся от приручения дикой европейской лошади. Относительно азиатской лошади прежде высказывалось мнение, что диким прародичем ее мог быть кулан, вид осла, водящийся в прикаспийских и азиатских степях, но со времен Пржевальского стало известно, что в глубине Азии, в Джунгарии, сохранилась еще настоящая

дикая лошадь, названная зоологами «лошадь Пржевальского» (Equus Przewalski). От этого дикого вида и произошли, надо думать, азиатские породы лошадей, каковы, например: монгольская, киргизская, арабская и др. Впоследствии была приурочена, как уже сказано, и европейская дикая лошадь, давшая начало более тяжелым и рослым породам, с удлиненной головой, в отличие от более легкой и менее рослой азиатской расы, с более короткой и широкой головой и часто горбоносой мордой. Из Азии же пришли в Европу разные породы домашних птиц: куры, утки, гуси, лебедь, павлин, а из млекопитающихся: буйвол и верблюд, распространившиеся в Северной Африке и у прикаспийских номадов *).

В отношении к культурным растениям значение Азии не менее важно. Немногие питательные растения дали Америка (маис или кукуруза, картофель, бататы, ямс, какао), к которым надо присоединить еще, как возбуждающее наркотическое средство, получившее позже широкое распространение—табак, и Африка (просо, финиковая пальма и некоторые другие). Европа дала очень немного—может быть, здесь родина овса и ржи, но и то не наверное. Все остальные злаки, корнеплоды и многие др. растения, как рис, гречиха, сахарный тростник, чай, кофе, хлопок, индиго, разные огородные овощи, виноград, плодовые деревья, агрумы (апельсины, мандарины, лимоны) и т. д.—азиатского происхождения, хотя некоторые из них и были значительно улучшены в их полезных свойствах, путем разведения в Европе.

Если Азия дала так много человечеству в области древнейшей техники, скотоводства, земледелия, то не менее велик ее вклад в историю мысли и чувства, в историю религий, литературы, искусства, науки. Здесь, в Азии, человечество, повидимому, впервые перешло от примитивных форм анимизма, фетишизма и шаманизма к более высоким формам политеизма и монотеизма. Здесь оно вышло позже из стадии национальных религий (вавилонская, ассирийская, еврейская и др.), на путь создания религий мировых, не признающих узкого национализма и обращающихся с призывом ко всем народам, всему человечеству. Таково было явившееся в VI в. до Р. Х. учение Будды, затем учение Христа, наконец, в VII в. по Р. Х. учение Магомета. Все эти мировые религии возникли в Азии, в зоне между 22 и 34° сев. широты, в Северной Индии, Палестине, Аравии. Отсюда они распространились во все стороны и охватили, наконец, обширные области, где впрочем впоследствии одно учение часто вынуждено было уступить место другому. Так, буддизм распространился некогда по всей Индии, в Афганистане, Тибете, Восточном Туркестане, Китае, Монголии, Корее, Японии, Индо-Китае, Яве, но затем он вынужден был уступить место

*) В Азии же был одомашнен северный олень, сперва повидимому на юге Сибири, а затем он распространился отсюда, через посредство тунгусов и самоедов на север и встречается теперь у всех северосибирских инородцев, а также и у самоедов, лопарей и зырян на севере Европ. России. Северный олень водится и в Северной Америке, но тамошние индейцы и эскимосы не в состоянии были его приручить, и на севере там ездят исключительно на собаках, которые, может быть, были приручены там независимо от азиатских народностей, судя по тому, что способ их запряжки и форма саней в Америке иные, чем в Азии.

в Индии—брахманизму, а в Афганистане, Восточном Туркестане, на Яве, отчасти и на Цейлоне—исламу.

Подобным же образом христианство, распространившееся некогда по всей Малой Азии, Сирии, в Армении, на Кавказе, в Средней Азии, в Египте, и по всей Северной Африке, наконец, по всей Европе, в Америке и других частях света, принуждено было во многих странах (в Малой Азии, Сирии, Срденей Азии, На Кавказе, в Северной Африке) уступить место исламу, пропагандирующему свое учение успешно и в настоящее время в Африке среди негров и в Азии среди китайцев. В Азии же были составлены все священные книги разных религий—брахманизма, учения Зороастры, Лао-Цзи, Конфуция, буддизма, иудейства, христианства, манихейства, ислама, созданы культы этих религий и выработана мораль или нравственное учение, имеющее многие общие черты во всех главных религиях, но и представляющее в каждой характерные особенности и неодинаковую степень духовной высоты.

В Азии же получили начало древнейшие литературы, связанные большей частью с религией, как Веды, Авеста, Библия и др., но отчасти и не стоящие с ней в связи, как индийские поэмы и драмы, персидские поэтические произведения, арабские описания путешествий, сказки и др. Раннее развитие литератур обусловливалось в известной степени и ранним появлением здесь письменности, в Вавилонии и Ассирии (клинопись), в Египте (иероглифы) в Индии, Китае, хеттов, финикиян, евреев и др. Алфавит европейских народов, греков и латинян, также тесно связан с алфавитом Переднего Востока, хотя в выработке так называемого «финикийского» алфавита важная доля участия принадлежала и древним критянам и киприотам, передавшим выработанные ими знаки, через посредство филистимлян, финикиянам. Рядом с литературой, в Азии было положено начало монументальному искусству,—в произведениях зодчества (храмах, дворцах, мавзолеях), скульптуры и отчасти живописи—в Вавилонии, Ассирии, Малой Азии, Персии, Индии, Китае, Средней Азии, Индо-Китае, Японии, при чем развитие художественного творчества вызывалось, главным образом, потребностями религий и культов.

Наконец, в Азии же были положены основы науке—математике, астрономии, философии, а если к Азии причислить и ионийских греков, то и основы истории, географии, естествознания. На этой основе уже стали строить дальше эллины, но Азия заявила о себе еще и в средние века, в лице арабов, сохранивших научное наследство древности и развивавших его дальше в области изучения природы и человека.

Развитие эллинской, а позже и римской культуры имело, однако, следствием усиление культурного влияния Европы на Азию. Хотя и Азия продолжала оказывать влияние на культуру Европы, путем распространения, например, в ней, в эпоху римской империи, восточных религий (митраизма, иудаизма, христианства), восточных воззрений, обычаев, мод, но не прекращалось и западное влияние, проявлявшееся со времен эллинизма и до средних

веков включительно. Оно выражалось, например, во влиянии классического искусства на буддийское, западного зодчества—на Передний Восток, европейской литературы и науки—на азиатские. Позже, когда арабы и турки прервали торговые и иные сношения Европы с Азией, обмен запада с Востоком стал почти невозможным, пока не был проложен морской путь в Южную Азию и пока европейцы не получили возможности проникнуть в страны Дальнего Востока.

Из приведенного краткого очерка значения Азии в истории культуры, видна ее роль в жизни человечества, видно, как многим обязаны ее народам Европа и другие части света *). Культурное влияние Азии идет с отдаленнейших времен каменного века и продолжается до развития эллинской и римской культуры, когда оно начинает слабеть, хотя в лице персов, евреев, арабов оно продолжается и в течение Средних веков. Но, в общем, влияние Азии с того времени падает, соответственно с тем, что и многие страны Азии приходят все более и более в упадок. Вторжения малокультурных кочевников, опустошение ряда стран, утверждение в бывших культурных областях фанатичных и невежественных властителей, а отчасти и ряд других причин, вызвали разрежение и разорение населения, упадок земледелия и промышленности, падение культуры. Так, Мессопотамия, бывшая во времена Геродота (V в. до Р. Х.) житницей Азии, где искусственно орошаемые поля и сады давали обильные урожаи хлебов и фруктов, поддерживавшей еще свою славу и во времена арабских калифов, позже все больше пустела и при турецком владычестве превратилась в пустыню, отчасти в песчаную, отчасти в болотистую, с немногими оазисами по берегам Тигра и Евфрата и с боль-

*) В последнее время значение Азии в истории первобытной культуры стало некоторыми оспариваться. Указывают на многочисленные находки в Юго-западной Европе, ознакомившие с бытом и искусством человека древнекаменного (палеолитического) периода, а затем на Северо-западную Африку, в которой Фробениус и его последователи видят один из наиболее древних источников первобытной культуры. Действительно, в Юго-Западной Европе, именно во Франции, а затем и в Испании, найдена была масса предметов, относящихся к различным эпохам палеолитического века, в том числе замечательные произведения изобразительного искусства, в виде резьбы по кости и рогу, гравюр и живописи на внутренних стенах пещер. Ничего подобного такому натуралистическому пещерному искусству неизвестно из других стран, и если кое где и встречаются на скалах изображения животных и другие знаки, то они относятся обыкновенно к более поздним эпохам и притом выказывают значительно меньшее совершенство в воспроизведении форм охотничьих животных и в технике исполнения. В виду этого допустимо мнение, что пока не будут найдены в Азии аналогичные произведения палеолитического искусства, юго-западная Европа остается страной древнейшего развития художественного творчества, а следовательно и древнейшего развития культуры вообще. Что касается Северо-Западной Африки, то имеющиеся на скалах Атласа доисторические изображения (гравюры) животных и людей и многие следы древней культуры, найденные Фробениусом в тропической Северо-Западной Африке, в областях Сенегала и Нигера, и выражающиеся в формах оружия, утвари, в постройках, в погребальных обычаях, в преданиях, мифах и т. д. указывают на известное значение, которое имели эти страны в развитии и распределении древнейшей культуры. Едва ли однако можно видеть здесь самостоятельный культурный центр, а скорее область распространения культурных влияний, шедших, с одной стороны, с Востока, из стран Нила и Переднего Востока, а с другой с севера, из области Средиземного моря.

шими холмами, заключающими в себе развалины древних культурных городов. В этих холмах раскопки англичан и французов—Лейарда, Ботты, Смита, де-Сарзека и других открыли, как известно, развалины древних храмов и дворцов, художественные скульптуры, целые библиотеки из глиняных таблеток, покрытых клинообразными текстами и т. д. Имеющееся ныне в стране большей частью кочевое население из бедуинов и курдов, само, конечно, бессильно возродить страну; нельзя было этого ожидать и от оттоманского правительства. Мечтали было об этом немцы и германское правител., подробно изучавшие Малую Азию и Мессопотамию и старавшиеся путем проложения железнодорожного пути в Багдад оживить промышленность и торговлю края и направить туда немецкую колонизацию. Последняя война нарушила все эти планы, и Мессопотамия находится теперь, как и Палестина, под влиянием Англии, которая едва ли скоро будет в состоянии существенно улучшить положение страны.

Другую страну упадка представляет Восточный или Китайский Туркестан, бассейн реки Тарима, находящийся в глубине Средней Азии, между горной системой Тянь-Шаня, на Севере, Куэн-Луня (Алтын-тага), на юге и Мустаг-ата на западе. Реки, стекающие с названных гор и сливающиеся в реку Тарим, не в состоянии проложить своим водам сток в море и разливаются в восточной части страны в большое озеро-болото Лоб-нор. Сухой климат, малое количество выпадающих атмосферных осадков вызывают здесь образование пустыни Такла-Макан, которая сопровождает Тарим и занимает большую внутреннюю часть страны. Только по окраинам пустыни и у подножья окаймляющих страну гор, где возможно искусственное орошение, могут существовать человеческие поселения и развиваться земледелие и садоводство. С давних пор проникнувшие сюда племена белой и монгольской расы использовали здешние реки для организации орошения и тем превратили окраины пустыни в плодородные оазисы. Страна, как показали археологические раскопки, была заселена еще в каменный (неолитический) век, но об этом древнейшем населении имеющиеся сведения очень скудны. Они увеличиваются только в позднейшие века, когда в страну стали являться переселенцы из окружающих стран, в том числе из Индии, Персии, Китая. По мере того, как возникали и распространялись восточные религии—буддизм, христианство, манихейство,—последователи их проникали сюда и заносили свои культы, алфавиты, литературу, искусство. И было время, в III—IX веках, когда эта страна процветала, когда здесь были культурные поселения, когда сюда стекались со всех сторон буддисты, христиане (несториане) и манихеи, имели здесь свои храмы, монастыри, библиотеки, и мирно уживались одни с другими, занимались земледелием, разными видами промышленности, искусствами. Распространение ислама, нашествие арабов, а после—турок, положило конец этой мирной жизни и благосостоянию населения. Ислам не отличается терпимостью, поэтому и здесь началось преследование иноверцев, причем храмы и монастыри подвергались разорению, произведения искус-

ства (скульптуры, фрески)—разрушению, рукописи—уничтожению, и скоро вся культура страны погибла и исчезла. Население разбежалось и уменьшилось, ирригационные сооружения были заброшены, многие поля и сады превратились в пустыни, и новые насельники, турки-мусульмане, расселившись по оставшимся немногим оазисам, могли только в малой доле использовать благоприятные при искусственном орошении климат и почву края. Заброшенные же участки стали подвергаться влиянию сухого климата с его жарами летом и ветрами зимой. Ветер выметал песчанистую почву, превращал ее в летучие пески, засыпал ими места бывших поселений, и, наконец, древние храмы, монастыри, дома оказались погребенными под толщами наносов, скрывших под собой остатки древней культуры. Случается иногда, что ветер развевает песок и жители находят в нем статуэтки, монеты, предметы домашней утвари, фрагменты рукописей и т. д., свидетельствующие о некогда существовавшей здесь богатой жизни. С конца 1890-х годов в Восточный Туркестан стали направляться ученые экспедиции для исследования здешних древностей, при чем наиболее удачными и продолжительными были английские и немецкие, вывезшие отсюда громадные коллекции древностей домусульманского периода, статуи, барельефы, фрески, рукописи и другие предметы, давшие обширный новый материал для изучения буддизма, манихейства, несторианства, греко-иранского, индийского, китайского искусств, древних литератур на индийском, персидском, китайском, уйгурском (древнетюркском) языках и материальной культуры того времени.

Третью страну упадка представляет Персия, когда-то бывшая великим мировым государством, игравшая выдающуюся роль на всем Переднем Востоке и даже за его пределами и оставившая по себе в наследие от разных эпох разнообразные произведения искусства (зодчества, скульптуры, живописи) и литературы (поэмы, прозаические произведения, философские и иные трактаты). В стране процветало земледелие, обрабатывающая промышленность, искусство, она вела обширную внешнюю торговлю со странами Азии—Индией, Китаем, с Передним Востоком.—Восточной Европой, Египтом. Смена династий—Ахеменидов, Селевкидов, Аршакидов, Сассанидов, Саманидов, несмотря на деспотический характер правителей, не препятствовала сохранению и развитию вековой культуры и мощи государства, но вторжение монголов и затем турок привело постепенно к упадку страны, остающейся и ныне в таком состоянии. В XIX веке Персия становится предметом соперничества между Россией на севере и Англией на юге, и ниспускается до уровня второстепенной державы, с которой не считались даже туркмены и курды в их разбойничьих набегах на страну.

Утрату былого величия представляет и Индия, которая так долго славилась своим богатством, вызывавшим такие преувеличенные о нем представления в древности и в средние века. Проложение португальцами морского пути в Индию и последующие захваты ее частей французами и англичанами были начальными стадиями упадка великой страны, вложившей когда-то

так много в историю мысли и чувства, литературы, искусства, религии, материальной культуры. Английское владычество внесло в Индию элементы внешней европейской цивилизации, покрыло ее сетью железных дорог и телеграфных линий, улучшило порты, обстроило города, старалось внести основы европейского образования, принимало меры для упорядочения управления и т. д., но оно явилось чуждым для страны, население которой было лишено самоуправления и держалось, что называется, в черном теле, как низшая порода, обязанная подчиниться расовому и культурному превосходству англичан. Не имея возможности, вследствие климатических условий, осуществлять колонизацию Индии, англичане являются в ней только в роли администраторов, военных, торговых и других агентов, и в конце-концов признаются народными массами за угнетателей страны, чуждых ей во всех отношениях. Разделение Индии на части, находящиеся непосредственно в английском управлении, и на части, управляемые местными властителями (раджами), при чем в последнем случае нередко эти раджи отличаются по религии и происхождению от населения (например, являются магометанами при населении индусском или наоборот), а затем и распадение населения на индусов (брахманистов) и магометан с прибавлением еще других сект (парси, джайна и др.) и на ряд социальных каст, иногда глубоко между собой разобщенных,— все это препятствует национальному об'единению и служит к выгоде англо-индийского правительства. И вообще при данных условиях Индия не могла проявить себя до последнего времени расцветом своей культуры и принуждена была довольствоваться участью английской колонии, долженствовавшей прежде всего удовлетворять потребностям английской администрации, промышленности и торговли. Только в последнее время эти условия стали изменяться, как об этом будет сказано далее.

В таком же положении кроме Индостана находится остров Цейлон и так называемая задняя Индия или Индо-Китай, принадлежащий отчасти Англии, отчасти Франции (за исключением Сиама), а равно и Голландская Индия или Малайский архипелаг, население которого, в общем, стоит на низших ступенях культуры, чем в Индии и Индо-Китае. Все эти страны утратили свою независимость и находятся в колониальном владении или под протекторатом европейских государств. Независимость сохранил еще Китай, хотя многие окраинные части отняты в разное время и у него, отчасти путем мирных соглашений, отчасти путем силы—Англией, Францией, Японией, Россией. Китайское государство тоже находится в состоянии упадка, и уже довольно давно, по меньшей мере с XVIII века. В последнее время оно преобразовалось из неограниченной монархии в республику, но новый строй все не может наладиться, отчасти из-за соперничества между Севером и Югом, отчасти вследствие стремления губернаторов отдельных провинций не считаться с центральной властью. Во всяком случае Китай находится на перепутьи; он все более утрачивает свою оригинальную культуру, то лучшее, что в ней было, и не может еще усвоить себе европейскую образованность хотя бы через посредство Америки и Японии.

Вообще, почти вся Азия, включая в нее и Передний Восток и Среднюю Азию, находится теперь в состоянии упадка, сравнительно с тем, чем были эти страны в прежние времена, в древние и последующие века. Нашествия малокультурных народов — монголов, турок, манчжур; обеднение и вырождение населения и понижение в его среде уровня культуры, перемещение культурных центров и очагов просвещения на запад, в Европу,—все это привело постепенно к тому, что Азия утратила свое культурное значение, отстала в развитии цивилизации, население ее перестало принимать участие в духовной работе человечества, довольствуясь только служением материальным интересам и выполнением тех формальных требований, которые налагаются господствующими религиями.

Если упадок культуры вызывается, как можно думать, и вырождением народов, то является вопрос, в состоянии ли такие народы выйти из состояния застоя и начать новую культурную жизнь. Пример Японии, повидимому, доказывает такую возможность, но Япония представляет пока исключительное явление в пределах Азии. Для об'яснения такого явления следует принять во внимание островное положение Японии, которое позволило ей оградить себя от вторжения малокультурных завоевателей и сохранить свой народ от порабощения и смешения с чужеземцами. Народ сохранил в целом свои способности и применил их к восприятию европейской культуры, в которой, сравнительно в короткое время, сделал большие успехи. Пользуясь сначала услугами европейских и американских инструкторов и руководителей, японцы скоро подготовили им преемников из собственной среды, причем в числе их оказалось даже несколько научных знаменитостей. Правда, японская оригинальная культура при этом все более и более утрачивалась, ее сменила европеизация, но в этом усвоении европейских знаний японцы заявили себя необычайно способными и энергичными. Через 50—60 лет после открытия доступа к себе европейцам, Япония заняла видное место в ряду мировых государств и стала одною из пяти оставшихся теперь великих держав. Насколько в Японии сильно стремление к образованию, видно из мер, принятых ею в последние годы в этом направлении. В 1920 г. к пяти существовавшим ранее в стране университетам решено было прибавить еще одиннадцать, образовав их из имевшихся специальных институтов. Кроме того, ассигновано еще 44 миллиона иен на высшее образование, на постройку и оборудование зданий для 10 высших школ, 17 технических и коммерческих институтов, 1—иностранных языков и 1—фармацевтического института. Микадо пожертвовал для той же цели 10 миллионов иен из собственных средств. Приняты меры к тому, чтобы все эти высшие институты были открыты до 1925 года. Ни одно государство не прилагает таких усилий к поднятию высшего образования. Достигнув значения великой державы, с 78-миллионным населением, Япония сознает свой долг усиленно работать над развитием духовных сил своего народа, чтобы поравняться с нациями, стоящими во главе современной мировой цивилизации.

Пример Японии наглядно доказывает возможность преобразования и возрождения азиатских стран, но вместе с тем, этот же пример свидетельствует, что для такого культурного под'ема необходимо наличие известных условий, и, главным образом, соответственных способностей в народе и воли к усвоению европейских знаний и цивилизации у власти. Не у всех азиатских народов имеются, повидимому, это условия, скорее они составляют исключение. Едва ли, например, к такому преобразованию способен в ближайшее время Китай, несмотря на то, что в некоторых отношениях китайский народ проявил себя более способным, чем японский. Китайская религиозно-философская мысль, китайская художественная и иная промышленность выявили себя высоко, а китайская работоспособность, выносливость, приспособляемость могут считаться образцовыми. Но у китайцев формализм, схоластика, внешность получила чрезмерное преобладание над внутренним содержанием, которое с давних пор приносится у них в жертву видимости, приличию, тщеславию. Впрочем, за последние годы Китай заметно сдвинулся с мертвой точки,—он расстался со своей косой, с системой своих правительственных экзаменов, со своими «сынами Неба»—богдыханами, и усваивает себе европейские порядки в организации войска, флота и других отделов управления. Перестав довольствоваться своим схоластическим литературным образованием, китайцы стали сознавать значение европейской науки, начали открывать правительственные и частные училища европейских типов, в том числе и высшие университеты и политехникумы. Приглашаются преподаватели из американцев, японцев, европейцев, а способные и успешные студенты посылаются для окончания образования в Японию, Америку, Европу; организуются даже под руководством американцев ученые экспедиции и полагается начало научным музеям. Правительство высказывает положительное стремление к усвоению европейской образованности и оно находит себе в этом поддержку и в обществе; жажда знаний начинает проявляться и у китайских женщин, и среди учащихся в китайских высших школах уже имеются студентки. Пример Японии, вероятно, значительно способствовал развитию такого стремления к образованию; как бы то ни было, но Китай уже тронулся с своих вековых устоев и пытается идти по проторенной дороге европейской цивилизации. Правда, движение это пока слабо, оно затронуло только тонкий слой населения, но оно, несомненно, будет распространяться, пускать корни, проникать вширь и глубь и, надо думать, через несколько поколений Китай преобразится и европеизируется, хотя пока и трудно сказать насколько эта европеизация будет успешна и сколько времени она потребует. Едва ли, во всяком случае, Китай будет в состоянии догнать в этом движении Японию, по крайней мере, в ближайшие десятилетия.

Под Китаем, мы разумеем, конечно, собственно Китай, не включая окраинных его частей: Тибета, Китайского Туркестана или Кашгарии, Монголии, Манчжурии, где имеется более низкая или более своеобразная культура, отчасти поглощенная религиозными интересами, как в Тибете, отча-

сти мусульманская, как в Кашгарии. Для этих частей, как и для стран Индо-Китайского полуострова (кроме Сиама) *) шансы возрождения еще слабее и то же можно сказать о странах мусульманского Востока. Ислам вообще относится подозрительно к европейской культуре и слишком еще предан своим религиозным заветам, хотя последние десятилетия дают многие примеры стремления мусульманских народов к европейскому образованию и цивилизации. Наиболее заявили себя в этом отношении арабы: в Каире, Дамаске, Бейруте и других центрах у них существуют лицеи и университеты, издаются газеты и журналы, имеется изящная и научная литература. Но арабы значительно разобщены между собой, распределены по разным странам:—Сирии, Египту, Малой Азии, Месопотамии, Аравии,—разнятся по уровню культуры (от более или менее цивилизованных горожан, то полудиких кочевых бедуинов), а часть и по религии—есть арабы—христиане, католики и православные, а также сектанты (несториане и друг.). Тем не менее культурные арабы могут считаться наиболее прогрессивным мусульманским элементом, в большей степени, чем, например, турки, курды, персы, афганцы и другие. Турки заявили было себя также способными к усвоению некоторых начал европейской цивилизации, но это усвоение было делом небольшой сравнительно кучки интеллигентов и не находит себе повидимому опоры в народных массах. Во всяком случае, в среде мусульманского мира, едва ли можно ожидать в ближайшем будущем мощного культурного движения, которое было бы способно преобразовать соответственные народы в цивилизованные нации.

Больше шансов можно было бы возлагать на Индию, древняя культура которой еще живет в населении, не забывшем своих литературных и исторических традиций, а с другой стороны, уже начинающем поддаваться влиянию европеизма. Современная Индия уже имеет парламент, в ней издаются политические газеты, имеются политические партии, развивается общественное мнение. Англичане вынуждены считаться с этим движением в стране. Известный поэт, писатель и философ Рабиндранат Тагор, играющий такую роль в современной Индии, получил баронство, титулуется теперь сэр Рабиндранат Тагор. Современная Индия уже производит крупных ученых в европейском масштабе. Таков, например, известный физик и физиолог Джагадис Хундер Бооз, которого покойный профессор К. А. Тимиря-

*) Движение Сиама в направлении к европеизации было начато покойным королем Чуланкорном, который сам посетил Европу (был между прочим и в Петербурге), и принял ряд мер к преобразованию в своем государстве различных отраслей управления при содействии европейских и американских советников (advisers). Преемник его продолжает дело реформ; в 1917 г. был открыт в столице Сиама, Бангкоке, университет с факультетами-медицинским общественно-политическим и естественно-инженерным, и с преподавателями из американцев и европейцев. Были организованы и некоторые средние и технические училища, лицеи в Бангкоке, Пастеровский институт и т. д. Стремление к просвещению, несомненно, на лицо, надо иметь в виду, что из девяти миллионов населения Сиама (преобладающая народность-Таи-(Thai) только около 1/9 обладают знанием грамоты, так что стремлением к образованию может пока воспользоваться только небольшой сравнительно слой населения.

зев сравнивал с нашим, безвременно скончавшимся физиком П. Н. Лебедевым и ставил очень высоко, как искусного экспериментатора и глубокого оригинального мыслителя. Бооз работал отчасти в Индии, отчасти в Лондоне; вполне европеизированный он остается, однако, верен своему народу, как то показывает, между прочим, посвящение его первого научного труда «Моим соотечественникам» и ссылка на Ритведу при изложении им своих взглядов на сходство жизненных явлений в растениях и животных. Можно было указать и на ряд других ученых, литераторов и мыслителей современной Индии, которая несомненно выказывает себя способной не только к восприятию основ европейской цивилизации, но и к внесению новых идей и образов в европейскую науку и литературу. Правда, это скорее единичные явления, в массе народа еще крепко живут старые политеистические верования и грубые предрассудки, но они уже начинают колебаться, благодаря воздействию прогрессивных элементов. К таким предрассудкам относится, например, отношение к отверженным кастам—париям, которых насчитывается более 40 миллионов, и запрещение вдовам, даже молодым, 12—15 лет, выходить вторично замуж (а их насчитываются тоже десятки миллионов). Но понемногу это последнее запрещение начинает обходиться, а что касается париев, то они находят себе выход, в принятии «английской веры», т.-е. в крещении, или в предпринятом несколькими прогрессивными брахманскими орденами, в противовес крещению, повышении отверженных на более высокую кастовую ступень, т.-е., к официальному из'ятию их из наиболее презираемой низшей касты—париев. Начинает усиливаться в стране и стремление к образованию, даже среди женщин, которые ранее были почти сплошь безграмотными, а теперь насчитывают уже 6% учащихся; что же касается мужчин, то число грамотных среди них доходит уже в некоторых провинциях до 15%, при чем интересно, что вассальные владения обгоняют в этом отношении находящиеся всецело в английском управлении. Недавно магараджа Кумар завещал все свое состояние (7 милл. фунт. стерл.) на развитие в своем владении женского образования. Вообще современная Индия представляет многие признаки культурного прогресса и есть все основания надеяться, что начавшееся движение не заглохнет, а будет идти дальше, совмещая усвоение начал европейской цивилизации с прогрессивным развитием элементов туземной культуры.

Таким образом, для некоторых, по крайней мере, стран Азии возможно возрождение и преобразование на основе усвоения европейской цивилизации. Такое усвоение должно исходить из самих народов и только тогда оно может быть успешно и прочно. Но ему может значительно способствовать и содействие более цивилизованных наций в лице доставляемых ими специалистов, произведений их художественного и литературного творчества, методов и результатов их научной, философской и политической мысли. Под таким влиянием началась европеизация Японии, проявляется ныне влияние в Китае и подобное же в Индии. В таком культурном влиянии участвовала и Россия, главным образом, через посредство своей литературы, таких

художников слова и мыслителей, как Лев Толстой, Достоевский и другие, менее через посредство своей теоретической и прикладной науки. В этом отношении азиатские народы привыкли обращаться к англичанам, американцам, французам, немцам, литературы которых заключают в себе также наиболее ценные и солидные пособия для познания природы, географии и истории Азии, ее народов и государств. Англичанам и французам принадлежат и лучшие издания, с комментариями азиатских классиков, индийских древних поэм и драм, Библии, буддийских канонов, персидских религиозных и философских трактатов и т. д. Если европейцы владеют многими частями Азии и эксплоатируют их, то они и изучают Азию во всех отношениях через посредство не только отдельных исследователей, но и специальных учреждений, комитетов, ученых обществ и т. п. Европа (и Америка) выступает в Азии не только, как политическая и военная сила, но и как сила умственная, влияющая своим теоретическим и прикладным знанием, своим духовным творчеством, широтою и глубиною своей мысли.

Россия с давних пор не только владеет частями Азии, но и сама является в значительной степени государством азиатским. Это дает ей, с одной стороны, право принимать участие в судьбах азиатских стран, а с другой налагает нравственную обязанность изучения Азии, ее народов и их истории, и содействия развитию в ней гражданственности и просвещения. Если ранее Азия видела в России только силу политическую и материальную, то в будущем надо стремиться к тому, чтобы Россия проявила себя по отношению к Азии, и как сила духовная, способная внушить уважение к себе, и оказывать непосредственное влияние на развитие культур азиатских народов.

Проф. Д. Анучин.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатая статью крупнейшего авторитета в области этнологии и географии Азии—проф. Анучина—редакция считает долгом заявить, что она не согласна с положением, развиваемыми в последней части статьи, поскольку наш знаменитый ученый затрагивает вопросы, касающиеся будущего азиатских народов и относящиеся к области социально-экономических и политических предвидений. Прогноз—дело вообще очень трудное. Напомним, что известный англичанин Юнг, изучая положение Франции накануне 1789 г. и подчеркивая косность, отсталость и неподвижность народных масс Франции, предрассудки и суеверие, царящие в стране, разложение высших кругов общества и т. д.,—предсказывал, что во Франции лет через пятьдесят, несомненно разразится революция, а через год после того, как эти страницы были написаны Юнгом, во Франции разразилась величайшая в мире революция, которая послужила началом глубочайшего перелома в жизни всей Европы и многих стран в других континентах. Мы не

сомневаемся ни на минуту, что предположение проф. Анучина относительно коренного преобразования Китая через *несколько поколений* будет также быстро опровергнуто историческим ходом вещей, как и знаменитое предсказание Юнга. Не согласна редакция и со взглядом проф. Анучина на ислам, как на *особенно* опасное препятствие возрождению мусульманских народов. Ислам служит не большим препятствием в этом отношении, чем являлись другие религии. Вспомним знаменитое открытие Галилея и католическую церковь. Знаменитая фраза Галилея: «а все-таки движется» с особой яркостью может быть применена теперь к недавно только косному, неподвижному Востоку, где во всех странах мы наблюдаем могучее национально-революционное и культурное движение, женское движение, рабочее движение, выражающееся, например, в Китае и Индии в забастовках, принявших в этом году небывалые еще до сих пор размеры (Гонк-конгская забастовка моряков), глубокий сдвиг народных масс и великие социально-политические потрясения, являющиеся лишь колебаниями почвы, свидетельствующими о надвигающемся землетрясении, которому не помешают самые отчаянные усилия «цивилизованных стран» задержать Восток в его неудержимом движении к лучшему будущему, к освобождению от всех видов духовного и материального рабства, главным виновником господства которого на Востоке является капиталистическая Европа.

Хеттский вопрос.

Незадолго перед войной внимание исследователей древнего периода Средиземноморской истории стало обращаться в сторону Малой Азии. Здесь думали найти происхождение или позднейшую стадию Эгейской культуры. Известный лингвист Август Фик выпускает еще в 1905 г. работу «Die Vorgriechische Ortsnamen», в которой путем анализа географических названий указывает на близкое родство догреческого населения Эгейского моря с малоазийскими народностями и полагает видеть в этом догреческом населении хеттов. Во второй своей работе (Hattiden und Danubier) он под влиянием сделанных ему возражений несколько видоизменил свою гипотезу, признав древнейшее население Эгейского моря не хеттами, но хаттидами, т.-е. элементами лишь родственными малоазийским хеттам.

Оживлению интереса к хеттам в значительной мере, конечно, содействовали также раскопки Г. Винклера в Богаз-кей, давшие неожиданно материал для суждения о языке этого загадочного народа в виде клинописного архива хетских царей. Архив этот дал нам ряд глиняных табличек, содержащих переписку и договоры «великих царей страны Хета» с египетскими фараонами, а также ряд силлабаров на нескольких языках. Предварительное сообщение Винклера, напечатанное в «Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft» № 35, привлекло особенное внимание тем, что в свидетели святости договоров призываются боги, носящие индо-европейские имена Индры, Варуны и Ашвинов.

В 1912 г. выходит книга J. Garstang'a, The Land of Hittites, An account of recent explorations and discoveries in Asia Minor, заменяющая прежние общие обзоры хетских памятников в IV т. Perrot et Chipiez, Histoire de l'Art dans l'Antiquité, и книге Sayce'a, не говоря уже о старой работе Wright'a. Книга снабжена очень хорошо выполненными снимками с хетских памятников, но текст не дает ничего нового. Несколько ранее вышедшая книга W. Leonardt'a, Hettiter und Amazonen (Lpz. 1911 г., см. мою рецензию в «Гермесе» 1913 г. № 13) поднимает вопрос о том, почему греки не сохранили никаких преданий об этом могущественном малоазийском царстве, памятники которого Геродот приписывает египтянам, и автор решает это в том смысле, что в греческой традиции хетты замещены были амазонками. Народ, у которого царь, называвшийся солнцем (существо женского пола), выступал на празднествах в женской одежде; народ, с толпами кастрированных, одетых по женски, жрецов; народ, у которого религиозная идея о приравнении мужчины к женскому божеству должна была сделаться второй натурой, не мог ли с полным правом у соседних народов, у отраженного и поверженного врага, которому он благодаря своим противоестественным нравам казался вдвойне страшным, и у победителя, которому по той же причине он должен был казаться вдвойне презренным и трусливым, вызвать представление о народе, состоявшем из настоящих женщин? По вопросу о происхождении хеттов названный автор думает, что они пришли из степей центральной Азии, так как вместе с ними в Передней Азии явилась лошадь; кроме того, их одежда в значительной степени напоминает одежду позднейших скифов. Окончилось же господство хеттов вследствие нашествия бродячих варварских племен с севера и запада, которые в своем движении на юг проникли до Египта. Параллельно с нападением этих «народов моря» на прибрежные границы хеттов шло движение

и внутри самого полуострова. Вероятно, это были те народы кавказского и фракийского племени, имена которых с этих пор встречаются в ассирийских памятниках: Muski, Tuḫal, Kasku и т. д. (ср. F. Wirth. Der Gang der Weltgeschichte. 1913).

Последние исследования, однако, как будто опровергли все ранее высказанные положения о не индо-европейском происхождении хеттов, но ранее, чем перейти к ним, мы отметим еще несколько работ о хеттах. В 1914 г. Эдуард Мейер прочел в Deutsche Orient Gesellschaft доклад о хеттах, выпущенный затем в виде отдельной книги под заглавием Reich und Kultur der Chettiter. Рассмотрев известные нам хетские памятники, он особенно останавливается на хетских иероглифах и выясняет в них начертания царских имен, ранее толковавшихся как эдикулы, и делает даже попытку прочесть эти имена. Подробно рассмотрена им и хетская религия, поскольку мы можем судить о ней на основании изображений. В том же 1914 г. появилась часть отчета о раскопках Британского музея в Джерабисе, древнем Кархемише *). Carchemish. Report on the excavation at Djerabis on behälfof the British Museum conducted by C. Leon Woolley. M. A. and T. E. Lowece B. A. Part I. Introductory by D. G. Hogarth. London. 914 in 4°, 29 стр + 28 таб.

Текст книги дает самые краткие сведения о местности раскопок, «оставляя всякий комментарий и описание раскопок для будущей части или частей», которых до сих пор, насколько мне известно, не появилось. Весь центр тяжести издания в приложенных к нему таблицах, которые «имеют целью дать в руки ученых возможно скорее некоторые результаты раскопок», 12 таблиц дают снимки с ряда надписей хетскими иероглифами, а на 15-ти изображены рельефы, найденные в исследованном городе. Среди них можно отметить процессию воинов, человека, стоящего на одном колене среди диких зверей, борьбу царя с помощью божества с фантастическими животными и, наконец, изображения типа Эабани.

После смерти Г. Винклера анализом Богаз-кейских былингв занялся известный ассириолог Фр. Делич и установил по ним некоторые категории хетского языка (Sûmerisch-Akkahisch-Hettische Vocabularfragmente в Abh. d Preuss. Akad. 1914.3). Вслед за ним венский проф. Grozny в докладе в заседании Передне-азиатского общества (Ueber die Entzifferung der Hettitischen Sprache) и в особом исследовании: Bogazkoi-Studien und Bearbeitungen zu den Rulschriften aus Bogazkoi. 1915 слл. пришел к весьма неожиданному и с первого взгляда парадоксальному выводу, что хетский язык принадлежал к числу индо-европейских. Сущность его выводов такова. До настоящего времени никто не сомневался, что хетты были не индо-европейцы, но трудно было сказать, были ли они родственниками разноплеменных жителей Кавказа или же родственниками минойцам (ср. Hall в его Ancient History of the near East.

Авг. Фик, как мы упоминали, склонялся к последнему. Ак. Н. Я. Марр склонен более к первому. Как бы то ни было, их внешность на египетских памятниках не похожа на внешность минойцев, но с другой стороны она очень похожа на внешность этрусков; кроме того, можно отметить у минойцев черты скорее италийские, чем греческие. Это указывает на связь с италиками обоих народов. Обратим внимание на Larthi Atharnies знатного лукумона, изображенного на рельефе во Флорентийском музее; разве это не хетт в высоких сапогах с косой и прочими характерными чертами. Или, и не близкий-ли он родственник воину, который сторожит на рельефе ворота Богаз-Кёя. То же можно сказать о lituus'е и шапке хетского фламина в Язым Кайе. Можно привести и другие соображения. Мы знаем, что соседними с хеттами митанийцами управляла в это время аристократия,

*) О раскопках в Кархемише см. статью М. А. Харузина: „В столице хетских царей" (в журнале: „Хождение по Руси и за рубеж" 1915, I, стр. 22—38).

говорившая на индо-европейском языке, и что индо-европейские князья царствовали в это время в Палестине бок о бок с хеттами. Все это допустимо, но вот что любопытно: Грозный утверждает, что хетты говорили на индо-европейском языке западной ветви, близком к латинскому. Тогда, на каком же языке говорили этруски? Был-ли он азиатским, и вышел-ли этот загадочный народ из Азии, как обычно думали до сих пор, или, наоборот, хетты являются переселенцами с Запада? Соседние с ними митанийцы и (возможно) касситы говорили восточной ветвью индо-европейских языков, родственной санскритскому и древне-персидскому, их имена включали в себе иранские элементы arta и dâta; Sûrya dâta «дар Солнца» — имя одного палестинского вождя в амарнской переписке, Jaz dâta— имя другого; касситы, повидимому, называли солнце suryash, а бога bugash (иран. bâga, санскрит—bhaga, слав. бог; ср. фригийское название Зевса «Багаиос»).

Если Грозный прав, то мы должны видеть в хеттах индо-европейское население, пришедшее с Запада через Балканский полуостров, а в митани и касситах другое, пришедшее с Востока, вероятно, как думают исследователь, из Туркестана.

Исследования Грозного легли в основу труда A. E. Cowley, известного своими работами по разбору синайских надписей, и, вслед за Gardner'ом, высказывающегося в пользу египетского происхождения семитического алфавита. The origin of the semitic Alphabet в. „Journal Egyptian archaeology III". The Hittites (Schweich Lectures for 1918. London, publiched for the British Academy 1920) ред. H. K. Hall в Engl. Hist. Review vol XXXVI, № 41, January 1921, стр. 100—103.

Соглашаясь с выводами Грозного, Cowley не согласен с ним по поводу хетской письменности. Грозный предполагает, что язык хетских иероглифов тот же, что и клинописных табличек, т. е. индо-европейский. Но мы не знаем, так ли это. Может оказаться, что в то время, как язык клинописи индо-европейский, язык иероглифов не индо-европейский, и что последний и есть подлинный хетский язык, а другой является арийской lingua franca, западного происхождения. Против этого однако можно возразить, что иероглифы, которые наиболее обычны в сирийских владениях Хетов и часто попадаются в Кархемише, почти не попадаются в Богаз-Кёе и по времени значительно моложе клинописных текстов, которые они окончательно вытеснили. Из каппадокийских клинописных семитических табличек мы знаем, что семитский диалект, писанный клинописью, употреблялся в области Галиса по крайней мере за 2500 л. до Р. Х. От авторов этих табличек хетты и научились писать клинописью, на своем языке. Но мало вероятно, чтобы, пользуясь клинописью, хеты изобрели затем или усвоили неудобное иероглифическое письмо. Это идет в разрез со всем, что мы знаем о развитии какого бы то ни было алфавита. Не нахождение в Богаз-Кёе и Эйюке связных иероглифических надписей не доказывает, чтобы хетты не обладали связным иероглифическим письмом; они могли писать свои национальные письмена на коже, а затем перейти к употреблению вавилонской системы письма на глиняных табличках. Поэтому скорее прав Грозный и Cowley, признающие, что хетты писали и клинописью и иероглифами на одном и том же западном индо-европейском языке или во всяком случае на языке, каково бы то ни было его происхождение, с сильной примесью западного индо-европейского.

В дальнейшей части своей работы Cowley делает очень интересный вклад в изучение системы иероглифов в своих попытках дешифрировать многие из надписей. Для этого он снова опирается на знаменитую надпись над изображением Таркондема, которая приводит его к толкованиям других надписей.

Относительно этнического родства хетов Cowley отмечает якобы монгольские черты в египетских изображениях хетов, косу и недостаток волос на лице.

По коса и безволостость на лице, как отмечает Холл, вовсе не являются специально монгольскими чертами, и Холл указывает, что, если искать этнических связей для хетов на основании их кос, то мы можем найти параллель у современных им, и соседних с ними минойцев. Ношение длинных волос было распространено в разное время и у разных народов, начиная от хетов и минойцев XIV ст. до Р. Х., до греческих атлетов VI ст. и от германцев III в. до европейцев XVIII ст. по Р. Х.

Но Cowley и не настаивает, чтобы все хетты были монголами; на ближайших страницах он говорит, что предполагает существование в Малой Азии двух рас, которые были изображаемы: одна египетскими, а другая туземными скульпторами. Первая долихокефальная и, вероятно, средиземно-морская, вторая брахикефальная арменоидная. Это может соответствовать гипотезе двух языков в стране — индо-европейского и не индо-европейского. Холлу однако кажется невероятным, чтобы на памятники, все равно египетские или хетские, можно было бы полагаться как относительно внешности, так и относительно черепа. И хетты, нарисованные египтянами, кажутся арменоидными по типу. Можно было бы ожидать, что армяноидный тип встречается чаще средиземно-морского, но одинаково вероятно, что длинноголовое и короткоголовое население существовали одновременно в Малой Азии. Конечно, можно приписать индо-европейский язык коротконоловым или скорее «квадратноголовым» жителям, и, если Грозный прав, те хетты были предками современных анатолийцев, сходство, которых с «квадратноголовыми» немцами альпийского типа было замечено многими на Востоке в последнюю войну. Такова в общих чертах книга, Cowley'e, являющаяся не только сводкой всех последних розысканий в области изучения хетов, но и представляющая попытку истолкования нескольких хетских надписей. Можно только пожалеть что он сравнительно мало касается вопросов, связанных с археологическими находками в Передней Азии и в Закавказье, где, быть может, некоторые из доисторических культур возможно связать с хеттами, если мы признаем, что некоторые из языков богаз-кёнских табличек родственны с кавказскими языками, в частности с грузинским, как это указывает др. Эмиль Форрер в своем докладе: Die Acht Sprachen der Bogazkoï—Inschriften, читанном в заседании Берлинской Академии Наук (Sitzungsberichte 1919, стр. 933, 1029—1041).

Языки эти таковы: сумерийский; аккадский; канесийский, ранее называвшийся хеттитским: праиндийский, харрийский, протохетитский или хаттийский лувийский и балайский.

Мы имеем в названных табличках трехязычные (суммерийско-аккадско-канесийские) вокабулярии; аккадско-канесийские билингвы; аккадские тексты, заключающие много писем, несколько религиозных текстов и довольно большой медицинский трактат. На канесийском языке написаны летописи, законы, царские указы, положения о разного рода должностных лицах и т. п., а также много текстов о порядке принесения жертв, заклания, описаний совершения религиозных церемоний, молитвы и omina. Отдельно стоят кадастровые описи и астрономические тексты, и совершенно нет деловых бумаг и математических текстов.

Названия почти всех языков мы узнаем из самих текстов: в заклинаниях и описаниях религиозных празднеств, написанных на языке канесийском, ранее называвшемся хеттийским, встречаются большие или меньшие места, написанные на трех других языках, причем каждый раз они вводятся выражениями: «затем он говорит (поет) на таком-то языке», или «певец поет в честь бога имярек на таком-то языке». Причем указанная формула выражается трояко: или «певец из Харри (Хаттеми, Луви, Канес) поет», или «харрийский (хаттийский, лувийский, певец поет»,—прилагательного от Канес не встречаем,—или «певец поет на харрийском (хаттийском, лувийском)», и здесь встречается, повидимому, наречие nasili, дающее повод Форреру называть четвертый язык и насилийским. Почему

он предлагает заменить ранее употреблявшееся название хетитский язык через канесийский видно из следующего, так как все три, встречаемые в этих текстах не хетитские языки уже названы, как харрийский, хаттийский и лувийский, то выступление певца из Kànes, на языке которого и написаны тексты, несомненно является выступлением певца, господствующего народа, которым и были хетиты. Было бы совершенно необычайным явлением, если бы боги хетского царства воспевалось только на языках покоренных народов, а не на языке того народа, который господствовал над всей Малой Азией. Нужно также отметить, что Hasanencilis'у специальному богу хранителю царя Mursilis, хвала поется по-канесийски, точно также как и Тешубу. Из этого, по мнению Форрера, следует, что язык, до сих пор называвшийся хетитским, правильнее называть канесийским.

По орфографии все эти языки разделяются на две группы: орфографии восточной Малой Азии следуют языки: харрийский, который был распространен от Каппадокии до Верхней Армении; протохетский, господствовавший от Каппадокии до Черного моря, и балайский к востоку от него. Орфографии Западной Малой Азии следуют языки канесийский и лувийский.

Харрийский язык весьма близкий родственник митанийскому.

Протохетский или хаттийский удивительным образом не родственен ни с харрийским, ни с канесийским. Он—язык населения страны Hatti в узком смысле слова. Если какой-либо язык называть хаттийским, то этот, а не тот, который до сих пор назывался хетитским.

Лувийский язык встречается весьма в немногих фрагментах и до сих пор не поддается полной дешифровке: он не имеет никаких префиксов и не стоит ни в каком отношении ни к харрийскому, ни к митанийскому языкам, но очень близок к канесийскому, и последний заимствовал из него свой коньюнктивный суффикс и, вероятно, многие слова. Характерно для него, между прочим удвоение в Praeteritum (?), как в индо-европейских, например, tetarhanda, mimentowa, delhanda. Глагольные окончания —du, —andu, —indu напоминают о соответствующих индийских суффиксах —d u, —ént, также, как окончание существительных —s и —n (ср. —s в Nom., —m в Acc в индо-европейских или финно-угрских языках. Можно, пожалуй, поставить вопрос, не следует ли отнести лувийский язык вместе с лидийским к исчезнувшей южной ветке финно-угрского ствола.

Балайский язык встречается неоднократно в описании празднеств в однообразной формуле: «жрица говорит по-балайски заговор на хлеб вино, просо».

Последний из восьми богазкейских языков — праиндийский встречается пока всего в 4 табличках; попадающиеся там слова суть termini technici разведения лошадей.

О распространении этих языков можно сказать следующее:

Суммерийский изучался только, как мертвый язык, в высших хаттийских школах в Hattasas и Arinna.

Аккадийский употреблялся лишь в дипломатических сношениях со странами, где не говорили по-канесийски. По-аккадийски составлены договоры с Египтом, Митани, Халабом и Kizwadna. Из этого мы видим, что в Kizwadna, области, простиравшейся вдоль Черного моря приблизительно от Амиса до Колхилы, во времена царя Muwattalli правящий слой говорил не по-канесийски, между тем, как рассказ о жертвоприношении позднейшего царя Ballijas составлен по-канесийски.

При жертвоприношениях, как мы говорили, певец поет песнь богу на языке той страны, которая является местом происхождения данного бога. Когда месторасположение этой страны известно, то им определяется область распространения языка. На харрийском языке воспевается Istar из Ninuwa. Можно было бы думать о городе Ninwe-Afrodisias в Карии, но он назван вместе с Rimussi, т.-е.

дело идет о Ниневии. Все вавилонско-суммерийские боги, как Anus, Antum, Ea, Enlil, Ninlil, Damkina, Allatum, Ningal, Zamama, воспеваются по-харрийски, из чего следует заключить, что хетты приняли культы этих божеств через харрийское посредство.

Только митанийских, а не хеттийских божеств: Mitrassil, Arunassil, Indara, Nasattiganna переняли харрийцы, вероятно, у пограничных с ними на северо-востоке праиндийцев. Местожительства последних мы можем принять на правом берегу р. Куры приблизительно от Елизаветполя до Каспийского моря. И теперь нет никакого сомнения, что одно из двух коссейских слов, обозначающих солнце— surijas, — не только созвучно, но и действительно идентично с индийским словом surya. Так как kassi (коссеи) носили то же имя, что и Кассеи—(—р есть обычное окончание pluralis, помимо многих кавказских языков, в эламском и луллубейском) — и так как они впервые появились на восточной границе Вавилонии в 2073 г. до Р. Х., то устанавливается следующая вероятная историческая связь: Кассии в третьем тысячелетии сидели на южном берегу Куры и Каспийского моря, примыкая к грузинской группе языков. Около 2500 г. до Р. Х. пришли с севера через Кавказ пра-индийцы и оказали своими более высшими религиозными представлениями влияние на кассиев. Под давлением вторгнувшихся индо-европейцев часть населения, область которого в долине р. Куры была открыта врагу, искала нового местожительства и нашла его сперва в Западной Мидии, где она подобно клину врезалась между лаллубеями и эламитянами, а оттуда проникла в Вавилонию. Пра-индийцы же, или, по крайней мере, часть их, должны были удержать свое местопребывание до 14—13 столетия, времени найденных текстов, и затем в свою очередь двинулись на восток.

С запада с праиндийцами граничила группа грузинских языков, «которые по летописям некогда должны были распространяться также на северную половину **Малой Азии»**. Она сильно отличалась от харрийского языка, позднейшим потомком которого является халдский (алародийский) язык до-армянских клинописных надписей.

Страна Balâ, имя которой встречается в местности Blaene в Пафлагонии, лежала к востоку от Hattusas (Богаз-Кей) в горах между понтийской Команой (Tokat) и Севастией (Sivas). Упоминание страны Balâ рядом со страной Hatti и страной Luvia в законах делает вероятным, что баллайский язык имел большой Hinterland, и факт, что заговоры на серебро были составлены по-балайски, позволяет заключить, что в балайской области лежали важные места культа, жречество которых сочиняло эти тексты, ибо заклинания какого-либо горного народа не могли бы достигнуть такого значения в области чужого языка. К этому присоединился авторитет знаменитого места культа Kummanni (Понтийская Комано), которое было столицей царства Rizwadna. Что область балайского языка охватывала также прибрежные понтийские горы, видно из того, что заклятие на серебро составлено было на этом языке, ибо в этих горах лежат серебряные рудники в Аргирии у Триполиса (Arrian. Peripl. 29) и в Гюмишханэ у Трапезунда. Здесь именно следует, вероятно, искать страну Алибу в области ализонов, в которой по каталогу Илиады было серебро. Но если балайский язык был языком страны Kizwaelna, то его следует отнести к грузинской группе кавказских языков, к которой, как не раз указывали, близок армянский язык. Так как свидетельство надписей указывает, что в Великой Армении перед самым вторжением туда армян, говорили по-халдски, так, что этот язык не мог повлиять на близость армянского языка к грузинскому, то первый мог получить грузино-кавказский оттенок только в Малой Армении. Когда ветвь фригийцев ок. 706 до Р. Х. передвинула армян в Малую Армению, они подверглись там сильному туземному влиянию, которое Форрер считает балайским. Затем армяне, приобретшие этот балайско-грузинско-кав-

казский отпечаток, в следующем столетии завоевали Великую Армению. Таким образом, к области балайского языка следует отнести царство Hajasa, которое было расположено в верховьях долин Евфрата, Аракса и Чороха.

На западе к Bala примыкал союз городов гастейцев, отдельные местности которых, употребляли, может быть, хатийский язык. К таким хатийским городам к северу от Галиса принадлежали Hattusus, Zippalanda, Nerig, Zithara, Sihbina. К югу от Галиса в Аринна, которая должна была лежать в области Mazaka—хаттийский язык был местным языком. Не индо-европейск. язык населения Arzawa в Киликии, повидимому, должен быть родственным хаттийскому, ибо имя царя Qaue (Que). Kate, упоминаемые в летописях Салманассара III (Annal. 128, 132) есть ничто иное, как протохаттийские слова Katté—«царь». Напротив Каталония и Мелитена, обе говорили по харрийски.

Город Kanés лежал в местности между Анкирой, Гангрой, Скилаком и Богазкей, скорее всего в области Анкиры. Он был столицей народа, вторгнувшегося из Европы во Фригию и основавшего здесь большое царство. Город называется в одном небольшом фрагменте как враг одного царя из династии Аккала—вероятно Нарам-Сина. (ок. 2750 г. до Р. Х.)—рядом с царствами Hatti и Gorsaura, т.-е. Г'арсаура. Последнее название одного из немногих имен, которые сохранились в течение тысячелетий вплоть до римского времени. В этой области впервые путем смешения с лувиями канегийский народ и его язык развились в особое целое и здесь была принята для канессийского языка лувийская орфография. Мы впрочем не знаем, было ли население страны Kanes индо-европейским, но это вероятно, так как язык этих индо-европейцев, названный Форрером по имени города канесийским уже ок. 2000 г. до Р. Х. был в употреблении также в стране Hatti в тесном смысле. Из царства Kanés в последующее время канесийский народ распространился на всю Малую Азию вплоть до Rizwanda харрийских пограничных земель, Сирии и Арцавы, где он представлял всегда господствующий слой знати.

Нельзя сказать, принадлежали ли гастейцы местности к западу от Нижнего Галиса в позднейшей Пафлагонии. Во всяком случае из имен, которые Страбон приводит как специально пафлагонские Patotec, не канесийское, ибо в этом языке ни одно слово не начинается с р.

Из факта, что лувийцы пользовались тою же орфографией, как канесийцы, можно было заключить, что в них следует видеть население западной Малой Азии. Заимствование канесийских слов и частиц из лувийского языка, также говорит за их тесное родство. Но с другой стороны мы находим в лувийских тесктах слова которые лувийцы несомненно заимствовали у канесийцев.

Многочисленные в прото-хаттийской области и в всех частях Малой Азии также как встречающиеся вообще в Передней Азии имена местностей и лиц представляют пртохаттийцев, как действительно первоначальное население Малой Азии и Сирии, которые в Каппадонии удержались до римского времени. Так как харийцы вероятно вторгнулись сюда с Кавказа, то протохеттийский язык примыкает к суммерийскому, к которому он стоит ближе всего по сравнению речи. Многое также говорит за то, что язык, который встречается в протоэламских, еще не дешифрированных, табличках из Сузы (см. De Morgan. Delegation en Perse, Memoires vol. 6) и который вымер уже в середине третьего тысячелетия до нашей эры, совершенно отличен от древне-эламского. Дальнейшая связь хаттийского языка с дравидскими языками не определима, благодаря префиксному характеру хаттийского и суммерийского языков. Идет ли связь с хаттийским языком на запад в Грецию и Лигурам и (или?) Иберам, остается выяснить дальнейшим исследованиям. Но чтобы иероглифические надписи, главная область распространения которых была на

Западе Северной Сирии, в Мелитене и Катаонии, были написаны канесийцами, это едва ли можно думать, так как именно эти страны последними вошли в Хетское государство. Может быть, думает Форрер, они относятся к вошедшему в Хаттийское государство великому харийскому царству Халаба и к еще более древнему царству Мараша. Нахождение иероглифических также надписей на границе Мелитены и Малой Армении говорит скорее за харрийский характер надписей.

Таковы в общих чертах новейшие взгляды в области изучения хетов, взгляды, которые при самом первом появлении вызвали скептическое отношение,*) до того идут они вразрез с ранее установившимися представлениями, и несомненно, в них много спорного, что вероятно будет отвергнуто, но за Грозным и другими исследователями останется заслуга пересмотра вопроса, который имеет капитальное значение для древнейшего периода Средиземноморской и Переднеазиатской истории.

Проф. А. ЗАХАРОВ.

*) Bartolomae.—Die Sprache der Hettiter (Wochenschrift für kl. Philologie 1916. № 3. стр. 67-70; по поводу предварительного сообщения Грозного: Die Lösung des hettitischen Problem в Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft Dezember 1915). Возражение Грозного". Wochenschrift für kl. Phil. 1916, № 1. стр. 259-262, ответ Bartolomae там же.

Из религиозной жизни кызылбашей Малой Азии [1]).

С тех пор, как написана (в 1913 году) моя статья о сивасских кызылбашах „Из религиозных исканий в Малой Азии“ (увидавшая свет в „Русской Мысли“, 1916, № 11, стр. 78—97),—у меня подобрался новый материал, разного происхождения. Кое-что разыскал я в старых своих тетрадях; ряд сведений pêle-mêle сообщил мне, в письме из Сиваса от 1914 г., Карапет Капигиан [2]); наконец, в поездку на Кавказский фронт, летом 1916 года, я записал в Хнысе (Эрзерумского вилайета), при содействии М. М. Попова, исполнявшего тогда обязанности переводчика при Штабе 4-го корпуса, названия кызылбашских селений Хнысского района, и др. Помимо этого, в заметку ввожу я книжные отзвуки, — упоминания о кызылбашах, на которые я натыкался во время чтения, нередко, впрочем, случайно. Все это, разумеется, — мелочи, этнографического или бытового содержания, и я решаюсь скомбинировать их, только ввиду скудости и туманности известий о религиозной жизни Малой Азии.

Работа моя прошла через три редакции. Первый набросок сделан был летом 1918 года в деревне Тульской губернии (на Зуше); через два года, я опять, подготовляя заметку к печати, пересмотрел поднакопившийся материал, и статья увеличилась, примерно, раза в два; третья редакция (которая фактически мало изменила отлившийся уже общий контур) обусловлена была неожиданной получкой из-за границы [3]) от Фр. Бабингера (Fr. Babinger) этюда о Бедр-эддине (Shejch Bedr-ed-din, der Sohn des Richters von Simaw. Ein Beitrag zur Geschichte des Sektenwesens im altosmanischen Reich. Berlin-Leipzig. 1921) [4]).

Изучая сектантство, я убеждаюсь, что экстенсивный обзор религиозных течений в Малой Азии должен уступить место интенсивным исследованиям над отдельными группами сектантскими, сохраняющими, вследствие географо-этнографических условий страны, старые религиозные особенности.

I.

Почва Малой Азии (входящей ныне в состав мусульманского государства) хранит всюду следы домусульманского культурного господства. Борьба за существование выработала на Востоке религиозную „аккомодацию“ [5]), без которой сектанту, конечно, и не уцелеть бы. Но мусульманство в сложном, запутанном мировоззрении малоазиатского населения занимает только верхний слой, а в глубине таятся старые верования, заносные, иранские, или туземные — древнемалоазиатские (в которых также, впрочем, могли удержаться следы и — арийской культуры). Некоторые элементы уже отжили свой век, по крайней

[1]) Доложено 28 го мая 1922 года на заседании Восточной Комиссии Московского Археологического Общества.
[2]) См. о нем у меня в „Русской Мысли“, 1916. № 11, стр. 90.
[3]) Этим я обязан любезности Н. Я. Марра.
[4]) Оттиск из журнала „Der Islam“, т. XI.
[5]) Ср. мусульманский термин „китман“.

мере, не попадают в поле наблюдения путешественников, хотя само по себе, это еще мало убедительно для суждения о наличии или исчезновении того или иного явления. В Малую Азию черты иранские проникали давно, во время народных переселений с востока на запад; турецкие племена, наводнявшие Малую Азию с XI века, были посредниками, проводниками иранской культуры [1]), воздействие которой они испытали уже в Средней Азии; на персидских традициях основана была и культура малоазиатских сельджукидов. Среди туземного малоазиатского населения, настроенного оппозиционно к исламу, мировоззрение иранское, удержавшее древнюю основу в смертной схватке с исламом, находило постоянно сторонников. Население одинаково чуждо было и ортодоксальному исламу, и ортодоксальному (восточному) христианству; недаром и религиозная жизнь христиан малоазийских отливалась часто в еретические формы, противоречившие канонам Вселенских Соборов. Оффициальные мусульмане, так же, скрепя сердце, исповедывали ислам, насильно им навязанный. А когда благоприятствовала политическая конъюнктура, мусульманская догма терпела между ними ущерб—вырастали религиозные учения, носившие отпечаток коммунистический, оргиастический, и естественно, от ислама шло тяготение к христианству—неизменно всплывали христианофильские тенденции. Так было в XIV — XV веках, согласно явно улавливаемым историческим свидетельствам. То здесь, то там на противоположных концах Малой Азии (Бруса, Ангора, Кара Бурун, Маниса, Эрзерум) вспыхивали религиозно-социально-политические волнения [2]); Малую Азию охватил дух религиозного свободомыслия. Брожение было непрерывно; оно прорывалось наружу во время смут или политического переустройства, когда падение старой власти поселяло надежды на религиозный переворот, который должен был умиротворить смятенные умы населения. Момент внешняго успокоения определяется созданием об'единенного Османского государства; оправившись после междоусобий, османцы чинили жестокую расправу с теми, кто отрицал суннитское учение. На-время подлинное религиозное лицо спряталось в подполье. Но в XVI веке народная мысль опять заметалась в страстном напряжении; опять всплыли шиитские идеи: народ жил ожиданиями обетованного Мессии,—Махдия или Имама. По Малой Азии шла усиленная агитация, толпы дервишей бродили по стране, возбуждая и обманывая население. Только случайно движение („джелали") обнаружилось в крошечном городке Турхале (Сивасского вилайета). Религиозный под'ем, удачно использованный шахом Исмаилом, питаясь из Персии, пробудился на востоке Малой Азии, втянутой в борьбу с персами. Если в XX веке мусульманское население областей лежащих на восток от Сиваса только номинально может быть причислено к суннитам,—в XVI веке культурные симпатии малоазийских жителей, конечно, были всецело на стороне противника султана Селима [3]). У шаха Исмаила везде были тайные или явные друзья; предание говорит о свирепых казнях (до 40 тысяч), совершенных над кызылбашами именем султана Явуза. Устроитель Курдистана, Идрис Битлисский применял также жестокие репрессивные меры [4]). От того времени сохранилось в полуинтелли-

---

[1]) Занесли они ее и в Европейскую Турцию—Фракию, Болгарию, Албанию, будучи нередко насильно сюда переселяемы из Малой Азии. Так, напр., в Кроебекташи на заре 10-го мохаррема приветствуют восход солнца, см. A. Degrand. Souvenirs de la Haute-Albanie. Paris. 1901, стр. 234; Fr. Babinger, цит. соч., стр. 90, прим. 1, стр. 99.

[2]) Fr. Babinger, стр. 14, прим. 3, 15—16.

[3]) Европейские свидетели также говорят о шиитских симпатиях населения, см. Fr. Babinger, стр. 91, след.

[4]) Fr. Babinger, 43, примеч. (Идрис собрал в Мардине шиитские шапочка и побросал в городской ров). — Поведение курда битлисского представляется

гентной среде инстинктивное отвращение к Ирану: „hер кім окур фарісі, гідер дінін јарісі“ (кто читает по-персидски, у того пропадает на-половину вера), — говорит османская пословица [1]).

Местные условия видоизменяли постепенно сектантскую жизнь: секты впоследствии обособились и стали во враждебные друг к другу отношения. Но между ними, несомненно, есть внутреннее сродство, пока мало выясненное (засвидетельствованное, впрочем, кое-где уже давно — между малоазиатскими сектами, с одной стороны, и сирийскими, с другой) В тех пунктах учения или культа, где наблюдается сходство, возможно говорить об общем источнике происхождения, о пережитках старых верований, на территории Передней Азии; это как-будто культурный отголосок, или наследство от эпохи хеттов или Саргонидов. Конечно, было бы ошибочно усматривать здесь исконное культурное единство: на территории уже хеттского государства открыто лингвистическое многообразие [2]), отражающее этнографическую пестроту населения.

II.

Для османца современные малоазиатские секты, заключенные в понятии „кызылбашство“, представляют, просто, тайные сборища, на которых, под покровом ночи или мрака, совершаются оргии; поверив этому, османцы дали им кличку „гасители свещ“ (мум сöндüрен, чераг сöндüрен) [3]). Иногда оргии связываются с отрезанием пол платья, — здесь, может-быть, скрывается какой-нибудь сектантский обряд, а иногда, рассказывая об оргиях, османцы хотят показать высокую степень безнравственности, как это видно, напр., из следующего анекдота. Однажды участник собрания, отрезавший ночью полы платья у подруги, догадался утром, что он сошелся с матерью, он пришел в ярость и проклял религию, которая допускает кровосмешение. Бывает, что дедэ, посещающий сектантскую деревню, отрезает полы платья у кого-нибудь, и это — условный знак, что женщина ему понравилась, и он ее ждет.

Древние переднеазиатские религиозные культы (уже у хеттов) носили оргиастический отпечаток (ритуальная пляска, самоистязание); ритуальная пляска во время радения сохранилась в Малой Азии и у сектантов еретиков, и у дервишей мусульман (напр., у мевлеви), а самоистязание могло перейти в Персию, на „тазиэ“ — печальные воспоминания о судьбе Хусейна [4]). Пережитки религиозной проституции (переднеазиатской) сохраняются, как-будто, и в Персии, по крайней мере, доктор Л. Саад рассказывает (со слов Ханекинского губернатора), что девушки персидские дают обет пожертвовать jus primae noctis святыням Кербелы и Неджефа [5]). Жители Малой Азии знают об обособленности сектантов, но понимают таинственность (scil. для непосвященных) учения,

---

мне, впрочем, странным и непонятным; в Битлисе находится могила его отца Хисам-эд-дина, верования которого, как рассказывали мне в Битлисе, уклонялися от ортодоксального учения, см. мои „Османские сказания и легенды“. „Этнографическое Обозрение“, 1916, № 3—4, стр. 16—17.

[1]) Fr. Babinger, стр. 96, прим. 1.

[2]) E. Forrer. Die acht Sprachen der Boghazköj Inschriften. Sitzungsberichte d. Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1919, стр. 1029—1041.

[3]) Ср. собранный материал у Fr. Babinger'a, стр. 99—100, прим. 2.— В ничтожной статейке „кызылбаши“ в „Новом Энциклопедическом Словаре“, т. XXI, стр. 550 по вине ли составителя, или корректора, термин (непонятый, очевидно, в русской транскрипции) передан для чего-то латинскими буквами, и получилась бессмыслица.

[4]) См. Б. Тураев. История Древнего Востока. СПБ. 1911, т. I, стр. 155, (мнение Эрмана).

[5]) Lamec Saad, Der Aberglaube bei den Orientalen. „Der Neue Orient“, 1918, Bnd IV, стр. 163.

как проповедь свального греха, воспрещаемого, конечно, мусульманством. Перенося на современные секты то, что характерно для исчезнувших культур, население наглядно доказывает живучесть народной памяти. В IX веке о сектантах-тондракийцах (около Вана) говорили, что они также предаются свальному греху. В Малой Азии мусульмане о кызылбашах повторяют те слухи, что ходили о христианах первых веков; в России православное духовенство в пылу миссионерской полемики утверждало то же и о мусульманах,—везде, стало-быть, одинаково воззрение господствующей церкви на инако верующих.

Но не было бы ничего удивительного, если бы очаги древних малоазиатских мистерий были локализованы там, где в настоящее время распространены между жителями рассказы о половых безчинствах у сектантов. Впрочем, указания на оргии так рассеяны по Передней Азии, что скорее можно предполагать повсеместность оргиастических культов, т.-е., наши литературные сведения неполны и только случайно регистрируют тот, а не иной пункт. Как бы то ни было, об оргиях между сектантами — османцами курдами, арабами упоминают путешественники и писатели — на Ливане, в Курдистане, в Закавказье; наиболее часты рассказы о нусайри, на Ливане; о „гасителях свещ" в горах Финикии говорит уже Д. Кантемир [1]), оргии длятся у них, будто-бы, сорок дней. М. М. Самсонов, консульский агент в Дамаске, передавал мне в 1906 году, что раз в году в Бальбеке совершается свальный грех — брат спит с сестрой, мать - с сыном, отец—с дочерьми и т. д. В Сирии культ страстной богини, соединенный со священной проституцией, процветал искони. В Бальбеке был храм Астарты, разрушенный в IV веке по Р. Х. Константином Великим. На соседей-египтян это производило, повидимому, сильное, отталкивающее впечатление. „Я не был развратен в храме родного бога", — говорит египтянин в „Книге мертвых" [2]).

Половой разгул, который символически должен был побуждать и землю к плодородию, подготовляется обстановкой —танцами, музыкой, вином и т. д.; „возлияния Бахусу", влекущие за собой не-ритуальные половые оргии, у соседей превращаются в типическую культовую черту, уже утраченную. Ан. А. Соколов обратил мое внимание, что к сложению рассказов о половых оргиях могли подать повод и браки внутри рода (эндогамический родовой строй). Но, прежде, ритуальные оргии, возможно, присущи были народам не одной Передней Азии. Оргиастические радения отмечены были и в Туркестане (в Самаркандской обл.) у сектантов „штан-салды" [3]).

III.

Если полуостровообразную часть Малой Азии отрезать линией от Черного моря к Средиземному, то на восток от нея должны сказаться у сектантов черты иранские—шиитские, а на западе—малоазийские—христианские. На двойственный характер малоазийского кызылбашства обратил уже внимание Р. Обергуммер. [4]) Но инородная примесь в малоазийском сектантстве, а стало-быть, и основные его элементы выяснятся, только, когда описаны будут подробно главные сектантские ячейки, ибо неопределенный термин „кызылбашство" заключает в себе сложный этнографо-религиозный комплекс.

Предстоит еще решить, насколько изменилось кызылбашство в Малой Азии.

---

[1]) Д. Кантемир. Книга Сустима или состояние мухаммеданския религии. СПБ. 1722, стр. 335—337.

[2]) Б. Тураев, I², 302.

[3]) Зет. Мусульманское сектантство. „Туркестанские Ведомости", 1911, № 83.

[4]) См. E. Oberhummer und H. Zimmerer. Durch Syrien und Kleinasien, Berlin. 1899, стр. 397.

Р. Обергуммер дал беглый очерк географического распространения термина в Средней Азии: оказывается, он был известен в Джунгарии (Зап. Монголия) уже в XIII веке. В Восточном Туркестане, по сообщению А. Лекока, „кызылбаш“ и „шиит“ синонимы, между тем как суннитов называют там «ешильбашами», т. е., зеленоголовыми,[1])—как-будто, принципом деления положен внешний признак,—цвет головного (?) убора[2]); красные шапочки были, как известно, на головах союзных шаху Исмаилу турок [3]), а зеленый цвет—цвет религиозно-мусульманский par excellence [4]). Вообще, цвета, формы головного убора у дервишей играют большую роль, и для этнографа намечается здесь интересная задача, сопоставив материал по одежде, определить этнографо-культурные центры в Малой Азии. Несомненно, в терминах скрываются старые, забытые представления, потому что, если бы исходить из современного понимания, эпитет «красный» должен бы получить обратное приложение — к суннитам-османцам, которые носят красные фески[5]). Названия могут быть переводом старых терминов, бытовавших в Малой Азии в эпоху хеттского господства [6]).

В Малой Азии (отчасти, кажется, и в Персии) наряду с термином «кызылбаш» употребляется слово «алеви»—сторонник Алия, т. е., в «алеви заключен смысл определенно религиозный (арабское словообразование указывает на литературное его происхождение), а в слово «кызылбаш» вкладывается содержание этнографическое—перс, исповедующий расположение к Алию [7]); этнографический смысл усвоен слову всюду, куда проникли персы — на западе, у османцев, и на северо-западе в России у русских, ведших сношения, торговые и политические, со Средней Азией. Персия именовалась постоянно кызылбашским царством, термин этот перешел и в народные песни [8]). Путешествовавшие в XVIII веке по России академики Паллас и Лепехин нашли кызылбашей на Волге (по реке Черемшану), между Ставрополем и Симбирском [9]), под кызылбашами разумеют они «азиатов», т. е. пришлое (из Средней Азии) население (персов, хивинцев и бухарцев), которые избавились от киргизского плена и приняли христианство [10]). В Ставрополе жил, между прочим, командир тамошних крещеных персов. В 50-х годах XIX века их оставалось всего 25 семей [11]). Любопытно было бы выяснить, сохранились ли еще там воспоминания о

---

[1]) A. Le-Coq. Kyzylbasch und Yäschilbasch. Orientalisches Archiv. Bnd. III. стр. 61—65.

[2]) H. Grothe. Meine Vorderasiatische Expedition 1906—1907. L. 1912, II, стр. 161 (красные передники).

[3]) Вл. Гордлевский. Из религиозных исканий в Малой Азии, стр. 81. Теперь, быть-может, на сохранение термина влияет и окраска бороды хеной.

[4]) Отмечаю, в примечании, значение слова „карабаш“, черноголовый, т. е. монах христианский и (здесь совершается заимствованный у христиан процесс) несчастный, несущий несчастье; на Кавказе (у балкар) карабаш—нищий класс.

[5]) См. E. Boré, Correspondance et mémoires d'un voyageur en Orient, Paris, 1840, I, стр. 277, прим. 2.

[6]) Ср. E. Forrer, стр. 1039.

[7]) В Хиве кызылбашами называли персидских пленников (т. е., персов—шиитов, которых уводили хивинцы-сунниты), см. Е. Килевейн, Отрывки из путешествия в Хиву (в 1858 г.), стр. 13.

[8]) Вл. Гордлевский, цит. статья, стр. 81.

[9]) П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Спб. 1809, ч. I, стр. 178 (первая деревня от Ставрополя,— Санчалево, т. е. Сюнчелеево), И. Лепехин. [Дневные] Записки путешествия. СПБ. 1821, ч. I, (П. С. путешествий по России, т. III), стр. 146, 160, 256.

[10]) История одного из „кызылбашей“ Шуджа-эд-дина-хана Зенда рассказана у В. В. Вельяминова-Зернова, Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией. Уфа, 1853. Т. I. Приложения, стр. 1, след.

[11]) Д. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Русского Географического Общества. II. 1916, вып. III, стр. 1210—1211.

кызылбашах или, если они уже совершенно растворились, не сказалось ли это на двоеверии местного населения [1]).

Употребление термина «кызылбаш» в Малой Азии показывает, что османцы первоначально видели в них персов—шиитов, с которыми столкнулись в XVI веке [2]), и только впоследствии термин распространен был на всех малоазийских сектантов, туземных жителей Малой Азии, испытавших другие влияния. Слияние сектантов, восточных и западных, в османском представлении было тем легче, что по существу, основа у них одна. Здесь народная мысль, инстинктивно, стала на верный путь.

IV.

Общее число кызылбашей определяется проф. Г. Якобом, приблизительно,—«более миллиона» [3]), но цифра эта исчислена все-же скромно [4]). Кызылбаши заполнили Малую Азию. Пора, пожалуй, составить карту расселения кызылбашей в Передней Азии, собрать воедино все сведения, какие о них известны в литературе [5]). Центр кызылбашей - горы Дерсима между двумя верхними рукавами Евфрата, здесь пребывает и их глава. Но и на юге Малой Азии есть у них религиозные центры — в Элмалы (в др. Ликии) [6]). Они живут и вблизи Константинополя, в Брусском вилайете, встречаются и в Киликии (в Зейтуне), занимаясь, как армяне, ремеслами. Вот еще новые указания на кызылбашей По сообщению Карапета Капигиана, в нахийэ Гермюгад (к западу от Йени-хана) живут исключительно кызылбаши. Во время пребывания в Хнысе я записал данные о количестве кызылбашей Хнысского района; конечно, в действительности, их больше: война, несомненно, разогнала их; но моя цифра выше той, которую показывает Линч, посетивший Хныс в конце XIX века; у Линча для Хнысского района дано 15 селений кызылбашей-курдов [7]). Вот мой список деревень: Баш-кёй (40 домов), Каладжук (25 домов), Гермик (6 домов), Кымсор (12 домов), Кара-килиса [8]) (15 домов), Су-арам (30 домов), Надж-арам

---

[1]) Между татарами, удаленными от религиозно-этнографической распри между „Ираном и Тураном", слово „кызылбаш" получило значение „хитрый человек"; не армян ли так называют,—спросил у меня один знакомый татарин—елабужец.

[2]) О термине „кызылбаш" (таджи Хайдар, корона Хайдара) см. Fr. Babinger, стр. 84—85, примечание.

[3]) G. Jacob. Die Bektaschijje... München, 1909, стр. 16.

[4]) Вл. Гордлевский, стр. 88.

[5]) Библиография (дополнительно-случайная) о кызылбашах: 1) Закавказье. Ф. Султанов. Некоторые сведения о секте али-аллахи. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XVII (задорная статья); А. Ерицов. О секте тондракских армян. Труды V Археологического с'езда в Тифлисе. М. 1887 (речь идет о туркменах Карсской области, на которых сунниты смотрят, как на сектантов; туркмены платят османцам ненавистью, а к армянам, т. е. к христианам питают симпатию); 2) Курдистан. Путевой журнал Е. И. Чирикова, изд. п. р. М. А. Гамазова. СПБ. 1875, стр. 282; P. Lerch Forschungen über die Kurden. S-t Petersburg. 1875, I, стр. XVII—XVIII; Экспедиция инженера Черника. Приложение к VI тому Известий Кавказского Отдел. И. Р. Г. О., стр. 14—16. П. Томилов. Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г. СПБ. 1907, ч. I, стр. 228—229 (Диарбекрская каза); 3) Сирия. J. Russegger. Reisen in Europa, Asien. Stuttgart. 1841—3, Band I, H. Lammens. Une visite au seih suprême des Nosairis Haidaris. Journal Asiatique. XI. sér., vol. V (1915).

[6]) E. Banse, Das Orientbuch. Strassburg-Leipzig. 1914, стр. 134, также стр. 332.

[7]) Х. Г. Линч. Армения. Тифлис. 1910, т. II, стр. 240.

[8]) Конечно, не Алашкертская.

(20 домов), Гюзель-дерэ (20 домов), Мейдан (20 домов), Хайран (12 домов), Дерик (8 домов), Чичек-оглу (8 домов), Гуме-Тахар (50 домов), Гуми Али-мерк (30 домов), Гуми-Маму (10 домов), Гуми-Харами (15 домов), Хуруджа (15 домов), Гевререш (10 домов), Мергазор (50 домов), Халеф-Али (30 домов), Мир-сейид (40 домов), Сылдыз (30 домов), Казанджи (25 домов), Шахлам (20 домов), Кетанджи (20 домов), Дюбекли (15 домов), Гунле-Исахун (15 домов), Хызлан (20 домов), Гумекан (10 домов), Мезре (15 домов), Таяр-куми (20 домов) (иначе: Хасан-ага-куми?) [1]), Чак-куми, Харбасор-куми, Хелафан (?), Шейх-куми. Всего, стало-быть, тридцать пять деревень

Запись была произведена после занятия края русскими войсками, когда часть, вероятно, ушла со страху из военной зоны. Повидимому, эти кызылбаши были из курдов. Сначала были здесь и курды-суннниты, потом они ушли, и кызылбаши остались одни. Кызылбаши использовали удобный момент и пограбили слегка деревни курдо-мусульман. С русскими пытались они сперва установить добрососедские отношения,—поставляли для армии скот (брат главы кызылбашей Хасана-аги); все-таки, сторонились от русских, потому что солдаты, как они жаловались, на них нападали. Чтобы быть подальше от места расположения войск, жители некоторых деревень, Чак-куми, Харбасор, выселялись якобы для обсеменения полей. С армянами кызылбаши дружили, защищали от курдов, но армяне не всегда платили им взаимностью. Был, рассказал мне дорогой офицер,—такой случай. У одного кызылбаша скрывались армянин с дочерью. Пришли курды и, требуя у армянина деньги, увели его. Через некоторое время выяснилось, что армянин убит курдами. Тогда, чтобы спасти армянку, кызылбаш ввел ее в общину, она была удочерена соседом, и спаситель на ней женился. Недолго продолжалась спокойная жизнь. Скоро армяне заявили, что кызылбаш насильно держит у себя армянку. Она была отнята у кызылбаша и спешно выдана замуж за армянина [2]). Этот рассказ о кызылбашах рисует ходячее представление беспристрастного наблюдателя, полное симпатии к сектантам.

Живут, конечно, кызылбаши и в Диарбекрском вилайете. М. М. Попов (вынужденный, с началом войны с Турцией, в октябре 1914 года покинуть Ван) говорил, что дорогой на пути в Халеб (Алеппо) проезжал он через деревню Саты кёй, население которой состояло из кызылбашей: кызылбаши были забиты и трусливы и подделывались под суннитов. Разговаривая с жандармом, сопровождавшим М. М. Попова, кызылбаши выказывали знаки внимания—держали руки у живота или почтительно подносили руку ко лбу, и т. д.. А жандарм издевался над ними, называл их веру противной. Вот я пойду на охоту, убью тебе зайца и шаху персидскому пошлю зайца,—смеялся жандарм.

V.

Вследствие нетерпимости господствующей церкви положение сектантов в Малой Азии было опасно; кызылбаши предупреждали гонения тем, что искали защиты у бекташи. С одной стороны, они приобретали могущественных покровителей, а с другой стороны, в учении бекташи кызылбаши находили сходные, знакомые им черты. Новейшие исследователи (Якоб, Гротэ) склонны отож-

[1]) Здесь (или в Баш-кёе?) жил глава кызылбашей, Хасан-ага. По словам М. М. Попова, он носил короткую бороду; А. А. Соколов (бывший также в тех местах) сообщает, что Хнысские кызылбаши особенным образом пробривали себе волосы на голове.

[2]) Отмечаю факт (сделавшийся, впрочем, общим местом) о насильственном обращении армянок в ислам: в Муше у вольного дивизионного переводчика, армянина К. видел я возвращенную из „агарянского плена“ дщерь армянскую, мать которой была похищена османцами.

дествлять бекташи, кызылбашей и али-илахи[1]); я сказал бы, что масса сектантская сохранила старый культ,—элемент религиозной мысли (жизни), более устойчивый; но бекташи были „кодификаторами" религиозной жизни, вносившие все, что требовалось условиями обстановки. Странствующие дервиши, эксплоатировавшие простодушный народ,—бекташи давно уже, вероятно, в XVI веке вошли в Малой Азии в силу. Буассар, выпустивший жизнеописания восточных деятелей в конце XVI века, молчит о бекташи, но на них, очевидно, указывают и кой-какие внешние черточки (ношение серег в левом ухе), а титул главы их в Анатолии Azem-baba (т. е. Хаджи-баба) указывает, как-будто, что описание (заимствованное у Бека)—современно жизни бекташийского вождя, и естественна, тогда, замена имени почтительным обращением [2]).

Между орденами мусульманскими бекташи в большей степени, чем кто-либо другой, отдалились от ортодоксальной догмы. Как заметил уже Якоб, они устраивались часто на насиженных местах, по наследству, так-сказать, собирая поклонников, почитателей старого культа. Культ Хаджи Бекташа[3]) впитал в себя элементы христианские. Могила Хаджи Бекташа в городке, носящем его имя (около Кыршехира, Ангорского вилайета) находится на месте древнего христианского храма, посвященного св. Харлампию [4]). Здесь происходила синкретизация христианских и мусульманских верований. Местные греки (живущие в городке Хаджи Бекташе), напр., рассказывают, что св. Харлампий некогда помог мусульманину Хасану-аге. В настоящее время Х. Бекташа почитают не только мусульмане, но и христиане [5]), веруя в чудодейственную силу угодника. Христиане бессознательно сохранили от предков воспоминание об исконном христианском характере бекташийского святилища.

Как и христианские святые, Х. Бекташ окружен нимбом—от него исходит сияние, и как Моисей, прикрывает он лучезарный лоб звездообразным знаком.

---

[1]) H. Grothe, стр. 156 (руководствуясь соображениями антрополого-этнографическими) сюда включает и нусайри; таким образом, он новым подходом подкрепляет взгляды В. А. Жуковского, R. Dusssaud и G. Jacob'a, ср. впрочем, голословные утверждения Cl. Huart'a, Encyclopédie de l'islam, I, 295.

[2]) J. J. Boissardus. Vitae et icones sultanorum, principum... Francf. ad Moenum. 1596. Pars I, pag. 97.

[3]) Это имя, прозвище, значит: „твердый, как камень". В родословном дереве Хаджи Бекташа, составленном, как выяснил Г. Якоб (Die Bektaschijje, стр. 23—24), поздно, в XVII веке,—оно часто встречается; носили его иногда и мусульмане (тайные бекташи?); так, оно было вырезано на одном небольшом кладбище около „кумбеда" в Стамбуле; между прочим, Бекташем звали остроумного дервиша шаха Аббаса II (в XVII веке).

Кругом все полно воспоминаниями о Х. Бекташе; так, соседняя гора „Баглар-таши" (из камня которой бекташи приготовляют „теслимы") образовалась от плевка угодника; см. также A. Degrand, стр. 230 (превратил плевок в мрамор, облагодетельствовав жителей дер. Эрмени).

Литература о бекташи в хронологическом порядке собрана у Г. Якоба (Die Bektaschijje, стр. 15, след.), но в ней есть пробелы; вот еще три добавления из XVIII века: Д. Кантемир, стр. 300—301, 331—332, Neue und vollständige Beschreibung des Ottomanischen Reiches. Nürnberg. 1763, стр. 70—72 (наряду со вздором, передается странный (шиитский) рассказ о процессиях, во время которых бекташи ходят с кинжалами и кричат „ху-ху"); Habesci, Der gegenwärtige Zustand... Lübeck... 1785, стр. 147 (отрицание молитвы, содомитство).

[4]) В европейской литературе есть довольно старое (начала XVIII века), правда, краткое описание монастыря Х. Бекташа, принадлежащее П. Люкасу (P. Lucas, Allerneueste Reise im Klein Asia... [Перевод с французского]. Hamburg. s. a., стр. 111—112); между прочим, он говорит о громадном котле (вместимостью на 24 быка).

[5]) G. Jacob, Beiträge zur Kenntnis .. der Bektaschis (= Türk. Bibliothek, Bnd. IX), стр. 2, 11 (цитата из современного немецкого путешественника Э. Наумана).

Хотя представление об излучении от угодников света восходит к глубокой древности, бекташи заимствовали это, вероятно, от христиан, у них оно возникло на почве христианского культа, именно культа св. Харлампия.

Личность Хаджи Бекташа легендарна [1]); год смерти его 738 х. = «1337» искусственно извлечен по «абеджеду» из арабского слова «бекташийе»; впоследствии ему приписывали авторство суфийского трактата, хранящегося ныне в Лондоне [2]). О нем ходят легенды, формирующиеся уже в стройное житие; думаю даже, что только случайно не попадает оно в руки европейских исследователей. Несколько легенд, указывающих, что на нем от юных лет почивала благодать Божия, записано было мною в Сивасе [3]), т. е., в месте, где кызылбашство сильно распространено.

Фактическим основателем ордена бекташи, — его ветви монашеско-аскетической, отрицавшей мир, считается Балим-баба, живший в XVI веке, [4]) но и его имя тоже подозрительно. Символом введенного им безбрачия («теджеррӱд») являются серьги, поэтому последователи его протыкают себе на его могиле [5]) мочку уха. Это установление особенно распространено между албанцами; в городке Хаджи Бектаще аскетическое течение возглавлялось в 1913 г. албанцем (Фейзи-баба), отношение которого к «Челеби», потомкам Х. Бекташа, натянутые [6]). Серьги, играющие такое значение у бекташи, бросают на другой конец Малой Азии. В памятнике XVI века, в Книге Коркуда, говорится, что у бека Йекенка была в ухе золотая серьга [7]). Как-будто, учение бекташийское шло или развивалось в северо-восточной части Малой Азии. Там, на границах между османскими и азербайджанскими племенами, создавались и памятники народного словесного творчества; там кипела внутренняя религиозно-социальная жизнь (вспл. волнение в Эрзеруме).

В народной среде бекташи пользовались, повидимому, сильным влиянием; менее образованные, чем представители других мусульманских орденов [8]), они за-то соприкасались с широкими слоями народными, они и говорили языком близким, угодным народу; как внешний облик, так и внутренний, был у них демократический. Социальный характер носило и движение, поднятое в XVI веке в Карамане Календер-оглу [9]).

В янычарском войске (в 99-й „орта“) находился оффициальный представитель-заместитель, „векиль“ Х. Бекташа; бекташи участвовали в политической жизни страны и, возможно, подстрекая янычар, оказывали влияние и на дворцовые перевороты, и на ход войны. Любопытна зажигательная проповедь

---

[1]) G. Jacob, Die Bektaschijje, стр. 22 след.

[2]) Ch. Rieu, Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum. London, 1888, стр. 246—247.

[3]) Вл. Гордлевский. Османские сказания и легенды. „Этнографическое Обозрение“, 1916, № 3-4, стр. 2, 6—9, также „Из преданий о Тимур-Ленге. Эти. Об., 1914, № 1—2, стр. 164, см. также A. Degrand, 229—230.

[4]) См. G. Jacob, стр. 24, след.

[5]) G. Jacob, Die Bektaschijje, стр. 24 (свидетельство Сами-бея); о железных кольцах в ушах „календеров“, т. е. бекташи (гезгинджи) говорит в XVI веке Менавино.

[6]) Вспомни легенду о (чудесном) происхождении потомства от Х. Бекташа, также исповедавшего безбрачие. Эти. Об., 1916, № 3—4, стр. 8—9.

[7]) В. Бартольд. Китаби Коркуд. ЗВО., т. XII, стр. 057.

[8]) Меньшую роль играли бекташи в культурной жизни страны; впрочем, в бекташийстве был заподозрен историограф Шани-заде, см. G. Jacob. Die Bektaschijje, стр. 9.

[9]) Fr. Babinger, 92—93.

одного бекташи (агитатора?); передает ее, правда, оффициальный историк султана Махмула II, Эс'ад, автор „Основы победы", но так как событие отнесено к концу XVII века, оно представляется мне правдоподобным. Бекташи удивлялся, почему народ проливает кровь за султана, который, как и его враг (франкский король) проводит время в удовольствиях[1]).

Когда в 1826 году султан Махмуд II уничтожил янычарское войско, („детей Х. Бекташа") [2]), гонение должно было обрушиться и на бекташи[3]), однако преследование скоро прекратилось. Разрушены были только новые монастыри. А в Малой Азии у бекташи были между населением многочисленные заступники, и правительство удержалось, очевидно, от массовых казней, чтобы не озлоблять народ. Еще показательнее, что бекташийские теккэ возникали в самом конце XIX века [4]). Очевидно, бекташийство пустило в стране глубокие корни, и правильно замечает Якоб, что это не столько орден, сколько секта [5]), это—верхушки, верхний слой кызылбашства.

VI.

Несомненно, бекташи, и вследствие ярко выраженного антимусульманского уклада, и вследствие широкого влияния на народные массы, были неприятны другим мусульманским орденам; здесь затронуто было и рвение о вере, а может-быть, говорили и эгоистические, завистливые соображения о преумножении вакуфных доходов и доброхотных даяний. Наибольшая борьба шла, повидимому, между бекташи и мевлеви (хотя, замечу в скобках, у мевлеви, с суннитской точки зрения, также не все обстоит благополучно). Те и другие в государстве были в большом почете и сумели добиться особых прерогатив. Х. Бекташ, согласно легенде, благословил янычар, оплот старой дореформенной Турции, но и мевлеви, еще в Конии, явно стали на сторону мелкого князька, потомкам которого суждено было создать великое Османское государство, и за это, при вступлении на престол султана, главе мевлеви присвоена честь опоясания его мечем. В довершение всего мевлеви (которые справедливо могли гордиться таким суфийским поэтом, как Джеляль-эд-дин Руми) безусловно должны были сознавать себя в интеллектуальном отношении выше грубоватых, мужиковатых бекташи. Уже одно то, что история основания ордена бекташийского, а также история Х. Бекташа темна,—свидетельствует о малой культурности их. Естественно, что мевлеви всячески нападали на бекташи и измышляли небылицы. Бекташи, в свою очередь, также хотят показать свое превосходство над противниками. Современная легенда, (сравнительно позднего происхождения), бросая ретроспективный взгляд, возводит разномыслия между орденами к Хаджи-Бекташу, мнимому основателю ордена бекташи, и Джеляль-эд-дину Руми, подлинному основателю ордена мевлеви.

Однажды они заспорили между собой. Руми, восхваляя себя, укорял бекташи в разврате, т. е., в педерастии. Хаджи-Бекташ (следуя, быть-может, тем дервишам, которые хотят предстать перед людьми хуже, чем они на самом деле, чтобы, вызвав осуждение человеческое, возвыситься перед лицем Бога [6]),—заметил на это Руми, парируя обвинение: „Мы море, мы все очищаем, и никакая грязь к нам не пристает". Это—странствующее замечание, слышанное

[1]) G. Jacob, Beiträge, стр. 7—8.

[2]) О значении бекташи среди янычар см. Muradgea d'Ohsson. Tableau général de l'Empire Ottoman. Paris. 1791. т. IV, стр. 675; о жизни их—на стр. 664—665.

[3]) A. Degrand, стр. 248 определяет число погибших тогда кызылбашей в 60 тысяч.

[4]) G. Jacob, Die Bektaschijje, стр. 52.

[5]) G. Jacob, Beiträge, стр. 2.

[6]) См. В. Бартольд. Ислам. П. 1918, стр. 66.

мною (в Конии) о Баязиде Бистамском, представителе мистического опьянения[1]). В самоуничижении бекташи и самовосхвалении мевлеви слышатся, как-будто, отголоски евангельской притчи о мытаре и фарисее. Во время препирательства, Руми и Бекташ решили померяться духовными силами, но и тут Бекташ превзошел противника — он двинулся к нему на встречу, сев на стену[2]). Вспоминая об этом случае, бекташи говорят: „Джансыз діварлары jürüden beli-dyr" („Он - святой, заставляющий двигаться бездушные безжизненные стены").

Рассказ о том, как Бекташ сел на стену (скалу) и посрамил своего противника, очень распространен; уже историк Алий († 1599) говорит об этом, только у него, состязание происходило между Х. Бекташем и Махмудом Хайрани[3]). В старой версии Алия ценно упоминание имени Х. Бекташа. Стало-быть, к концу XVI века и в среде ортодоксально-мусульманской было представление о Х. Бекташе, как о святом чудотворце. Мотив, конечно, принадлежит к числу странствующих; только меняются противники Х Бекташа: в Албании—Ахмед Рифаи), кое-где в Малой Азии—Хаджи Байрам". Я записал в Скутари (под Константинополем) вариант, где с Х. Бекташем препирается Караджа Ахмед [5]). Словом, бекташийская легенда хочет показать, что их патрон выше кого бы то ни было. В такой форме легенда сложилась или точнее: перелицована на почве Малой Азии, если не задетой бекташийством, то расположенной к кызылбашеству. В Персии Х. Бекташа не знают; там фигурирует Султан-Исхак (строивший мост на земле старца Михаила[6]).

В полународных произведениях, вышедших из дервишествующей, еретической, среды, как, напр., з «Житии Сейид Баттала», монастырь которого в Малой Азии представляет один из главных очагов бекташийства,—ясно выражено пантеистическое учение о бесконечном превращении материи, заключающей в себе частицу божества (трава—баран—С. Баттал). Центральный рассказ этот и породил прозвище кызылбашей—«от dinli» (травоверы) [7]), и усиливал позицию противников их,—мевлеви.

VII.

В народной массе, суннитской, заметно двойственное отношение к бекташи: она должна отворачиваться от шиитствующего ордена; у нее недоброжелательство, даже презрение к бекташи проглядывает рельефно, принимая циничные формы. Сунниты обвиняют, напр., бекташи в педерастии, т. е., в том, в чем сообственно, и сами то не безгрешны; высмеивают они также таинственное учение бекташи, вошедшее в поговорку „бекташі сырры гібі" (подобно тайне

---

[1]) О нем—К. Смирнов. Персы. Тифлис. 1916, стр. 204.

[2]) Движение стены, исхождение из стены, очевидно,—признак чудодейственной силы, источник которой однако лежит не в Божестве; срв. народное название чорта „дувар jаран" (рассекающий стену): В. Радлов. Опыт словаря, столб. 1797—1798.

[3]) G. Jacob. Die Bektaschijje, стр. 7—8. (Здесь приведена из Алия легенда

[4]) A. Degrand, стр. 229.

[5]) Вл. Гордлевский. Османские сказания и легенды. М. 1912, стр. 68. — Еще раньше. подробнее изложил легенду о «Кара-Джамете» Ю. Казибек—Современная Турция. СПБ 1897, стр 43—44.

[6]) В. Жуковский. Секта «Людей истины» в Персии. ЗВО, т. II. 17.

[7]) В. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы, стр. 452—453, также Вл. Гордлевский. Из религиозных исканий, стр. 96.

бекташи).[1]) Но с другой стороны, справедливость вносит поправки: да, бекташи — ценитель красивых мальчиков, однако, мимоходом, в анекдоте осуждается неверие или равнодушие к вере, суннита[2]). Отступление от сунны рассматривается под углом зрения дервишей-юродивых[3]). Собственно, и у мусульман есть хадисы, изображающие, напр., пост, не в одном воздержании от пищи и питья, а и в воздержании от злоречия и дурных поступков. В Конии, где преобладают мевлеви (пожалуй, представителей других орденов, там и не может быть), о бекташи записал я то, что в Константинополе рассказывают о Дервише-Мехмеде. Потому что, для мевлеви очень удобно и выгодно несоблюдение сунны взвалить на бекташи.

Народные круги все-же, не вдаваясь в тонкости, но приближаясь к истине, об'единили кызылбашей и бекташи; бекташи и кызылбаш для них — равнозначущие понятия, и тех и других обвиняют они в еретических и безнравственных наклонностях. В Сивасе османцы сочинили на дедэ, обходящих кызылбашские деревни, стишки:

„Кяфір дедејім деі седіре гезерсін[4]),
Гелінін, кызларын еісіні сечерсін,
Тütünін сертіні ічерсін,
Кејфчі олдун, кяфір алабаш".

(Перевод: Гяур, которого величают „дорогой дедэ", ты проходишь на почетное место, выбираешь лучшую между молодками и девицами, ты куришь табак, что́ покрепче, ты живешь в свое удовольствие).

Здесь обращают на себя внимание презрительные эпитеты-наименования кызылбашей: суннит готов причислить их к гяурам; впрочем, слово „гяур" употребляется в смысле, не столько строго-религиозном, сколько ругательном, любопытнее слово „алабаш" (пестроголовый), как синоним „кызылбаш".

В записанном мною (от давнишнего моего приятеля Нури, уроженца Аяша, Ангорского вилайета), странствующем фаблио на тему „Шемякин Суд",—все, о чем недоуменно вопрошает мусульманин судью, возводится на кызылбаша, хотя, собственно, это—злая сатира на мусульман, но, конечно, безнаказанно писать портрет можно было только с кызылбаша. Вот русский перевод фаблио.

Один благочестивый („софу") мусульманин попал в округу, населенную кызылбашами, и услыхал, что муэззин, выкрикивая эзан, прибавляет слово „имиш", т.-е., „так говорят (мусульмане)". Пораженный, спрашивал он у встречных, что́ это значит, однако все отвечали: мы не знаем, спроси у муфтия. Он отправился к муфтию и видит, что тот напился пьян до потери сознания. Мусульманин решил тогда идти к кадию. Слуга кадия заявил ему, что тот занят, и просил обождать. Мусульманин, сгорая от нетерпения, заглянул в замочную скважину и увидал, что около кадия лежит красивый мальчик... Отодвинувшись от дверей, мусульманин стал ждать. Вышел кадий, и мусульманин рассказал ему сначала об эзане. Собравшись с духом, кадий сказал: у нас в округе нет человека, у которого был бы приятный голос, поэтому эзан читает еврей, а так как еврей не верит в то, что произносит, он и прибавляет непрестанно: так они, мусульмане, говорят. Хорошо, заметил мусульманин, но вот я отправился к муфтию, чтобы спросить его об этом, и нашел его пьяным, что́ это

[1]) Вл. Гордлевский. Образцы османского народного творчества. М. 1916, стр. 58.

[2]) Вл. Гордлевский. Материалы по османскому фольклору. Анекдоты. „Живая Старина", 1911, стр. 140 (анекдот XXIV).

[3]) Вл. Гордлевский. Османские сказания и легенды, стр. 61.

[4]) И конструкция, и рифма требует чтения „гечерсін"; при переводе я и принимаю это чтение.

значит? На-днях,—об'яснил кадий,—пьянчужки наши заявили, что водка [1]) в кабаках очень плоха—один спирт, и никак нельзя ее пить: она убивает человека. А кабатчики, напротив, утверждали, что это — ложь. Мы и поручили муфтию выяснить это, он, по необходимости, перепробовал водку, а так как кабаков у нас много,—разумеется, и опьянел [2]). Я удовлетворен, заключил мусульманин; но когда я ждал Вас, то видел Вас в неприличном положении.— Сударь, отец у мальчика умер, когда ему было 12 лет; опекуном назначили дядю („dajы"). А теперь мальчик говорит: мне 15 лет, и имею право распоряжаться имуществом, пусть дядя убирается. Дядя же твердит, что мальчик еще не достиг совершеннолетия („bilüya ermedi"). Вот, чтобы узнать, прав он, или нет, я и подвергаю себя испытанию. А вовсе не то, о чем ты подумал, ведь вестимо: не разобравши дела, решение нельзя постановить („anlamadan höküm verilmez") [3]). Так говоря, кадий надул простодушного мусульманина [4]).

VIII.

Единообразия в своих верованиях не усматривают и кызылбаши, они дробятся на ряд более мелких групп. Но сколько их—на этот счет исследователи расходятся, их показания не совсем достоверны и говорят только о смутности источника, откуда они почерпали сведения. Так, Гобино (человек, несомненно, наблюдательный, и очень) пишет, что али-илахи делятся на восемь сект, но в число их он вводит и „хамуши" [5])—персидский эквивалент (сокращенный) турецкого термина „гасители свеч". Упоминает он и секту „дауди"—это, вероятно, почитатели псалмопевца Давида, известные и в Малой Азии (напр., в Сивасском вилайете). По Degrand'у (к которому, впрочем, нужно относиться осмотрительно—восточных языков. он, очевидно, не знает), Х. Бекташ Вели основал десять теккэ [6]). во главе их он, между прочим, поставил: Несими [7]), Шемси Тебризи [8]), Мансура Халладжа, Наср-эд дина Ходжу, Сары Салтыка, Хаджи Байрама Вели. Что касается Несими и Халладжа, оба они, как известно, были казнены за еретическое вольнодумство; народная кызылбашская память их, так сказать, канонизовала). Османцы-сунниты в Малой Азии об'единяют в одну группу Несими, Халладжа и Наср-эд-дина Ходжу, считая их современниками. Рассказывают, что однажды они украли у наставника курицу—один *сдирал* с нея *кожу*, другой *бросал кости*, третий *смеялся* над проделкой товарищей. За это учитель предсказал им кару, какая их ожидает. Вот почему, напр., Наср-эд-дин обратился в шута, и все смеются, слушая анекдоты о нем. Конечно,

---

[1]) Разумеется анисовая водка.

[2]) В старой, до-махмудовской, Турции был особый чиновник, на обязанности которого лежало—пробовать привозимое в Константинополь вино. См. анекдот, связанный на этой почве с именем народного гуляки Бекри Мустафы, у А. Мидхата „Долабдан темаша". Константинополь. 1307 г. х., стр. 19, след. По-русски содержание было передано мною в „Османских сказаниях и легендах". М. 1912, стр. 4.

[3]) Пословица.

[4]) Мой вариант близко подходит к персидскому, сообщенному покойным В. А. Жуковским — „Персидские версии Шемякина суда" (ЗВО., V), возможно, что обработка возникла где-нибудь в Азербайджане.

[5]) A. Gobineau. Trois ans en Asie. Paris. 1905, стр. 328.

[6]) A. Degrand, стр. 230.

[7]) О Несими см. G. Jacob, Die Bektaschijje, 20 (показание Менавино от XVI века), также: Th. Menzel. Mehmed Tevfiq, Das Abenteuer Buadem's (=Türk-Bibl., Bnd XIII), стр. 96 и прим. 1.

[8]) Запятая(—у A Degrand'а) между словами „Шемси" „Тебризи", конечно, должна быть уничтожена.

рассказ (подробности его у меня улетучились из памяти) представляет искусственное, надуманное, об'яснение, но общий тон, как-будто, указывает на симпатию к жертвам гнева; во всяком случае, отсутствует элемент враждебности. Шемс Тебризский и Хаджи Байрам Вели в список шейхов бекташи попали случайно: это уже попытка включить в ученики Х. Бекташа, людей, связанных с другими течениями религиозной мысли, придать больше блеска своему ордену.

Наибольшее внимание, с точки зрения сектантства, привлекает ученик Х. Бекташа, Сары-Салтык, служивший у него пастухом и потом отпущенный („салдык") на волю [1]). Культ его довольно старый, по крайней мере, о нем говорит уже в XVII веке Эвлия-Челеби [2]), посетивший во время странствий по Малой Азии, местечко Османджик, где покоится бекташийский угодник. Коюнбаба [3]). Бабингер сообщает (из неизданной венской рукописи), что в XIII веке, во вр-мена монгольского нашествия, от 10-ти до 12-ти тысяч туркменов переселилось в Бессарабию—Баба даг и в окрестности Адрианополя под предводительством Сару-Салтук-дедэ [4]). Понятно, почему популярность Сары Салтыка велика и в Европейской Турции [5]). Это—любимый народный герой, воитель за веру, о подвигах которого сложена книжка [6]). У албанцев, склонных к двоеверию [7]), Сары-Салтык находится в большом почете. На нем, вероятно, контаминировались черты какого-нибудь христианского святого. Отсюда, из Албании, культ Сары-Салтыка захватил и остров Корфу, восприняв черты греческого святого Спиридона [8]).

Дегран передает подробные сведения о теккэ Сары Салтыка (в Крое), а также легенды о нем, извлеченные из какой-то рукописи, содержание которой автору переводилось [9]). Одна из этих легенд (борьба с дьяконом) очень распространена, как в сказочной, так и в агиографической литературе. Вообще, весь агиографический материал о Сары-Салтыке — международное, фольклорное достояние. В дальнейшем, личность Сары-Салтыка у сектантов-албанцев приобретает новые черты—это уже не кто иной, как Алий, божество, которое—везде и нигде. Так, умирая [10]), Сары-Салтык наказал поставить у него в комнате сорок гробов, но ни в один не класть его тела. Когда по смерти открыли гроба, в каждом лежало по Сары Салтыку. Правда, подлинный Сары-Салтык был один, именно тот, что пошевелил рукой [11]) Эта легенда о Сары-Салтыке — видоизменение (шиитского) верования о вездесущии Алия [12]). Но в заключении чувствуется уже осложнение пантеистического представления мотивом (христианским) об опозна-

---

[1]) A Degrand, 240; о значении слова „салтык" см. П. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омар-шейха. ЗВО, т. XVI, стр. 06.

[2]) Путешествие (константинопольское издание) II, 153, III, 366, 475, 481.

[3]) Тоже II, 180-181, также G Jacob, Beiträge, стр. 12.

[4]) Fr. Babinger, стр. 24. примечание.

[5]) Не из его ли рода (Баба Салтык) вел свое происхождение крымчак Исмаил Гаспринский?

[6]) В. Смирнов, Очерк истории турецкой литературы, стр. 454, где беглыми штрихами намечено содержание „Жития Султана Сары-Салтыка" (литографированное издание константинопольское).

[7]) О других почитаемых ими бекташийских баба (в Крое) см. у A. Degrand'а, 243, след.

[8]) См. Сами-бей. „Камус уль-алам", т. IV, стр. 2916.

[9]) См. A. Degrand, стр. 2 6—243.

[10]) Смерть его, согласно легенде (A. Degrand, 240), произошла на Корфу; вероятно, там должны быть тоже следы двоеверия между населением (греческим).

[11]) A. Degrand стр. 241—242.

[12]) Вл. Гордлевский, Из религиозных исканий, стр. 95—96; см. также: К. Леонтьев. Из жизни христиан в Турции. М. 1876. Т. I, стр. 311 (о картинках у албанцев).

нии предмета (тела) среди сходных (ср., напр., открытие матерью Константина В., Еленой Честного Креста).

В наряде Сары-Салтыка есть одна мелкая, но любопытная подробность—он опоясан деревянной саблей (такая же сабля и у другого бекташийского угодника, Хаджима Султана—дар Ахмеда Есеви) [1]. Здесь сохранился отголосок воинствующих течений [2] в исламе, отголоски насильственного прозелитизма. Деревянная сабля—аттрибут хатыба в мечети, с нею поднимается он во время пятничной молитвы на „минбер". Повидимому, у шиитов удержался этот обычай. Конечно, сектанты прозелитизмом заниматься не могли, но в душе они сочувствовали ему, им по-сердцу были подвиги за мусульманскую веру: во время собраний они, напр., распевают песни о Кёр-оглу, тоже воителя за веру [3].

IX.

Теперь я набросаю очерк духовной жизни сивасских кызылбашей, насколько он вырисовывается, в большей части, из письма К. Капигиана, в меньшей—из моих наблюдений и записей. Оговариваюсь, что цель моя только ввести дополнения к тому, что уже было сказано мною на страницах „Русской Мысли": известная отрывочность или недомолвки об'ясняются, таким образом, свойством находящегося в моем распоряжении материала или нежеланием повторяться, хотя, конечно, кое-где повторения, для установления связи, были неизбежны.

Видимым для кызылбаша, невидимым для постороннего, сектантским знаком является сияние на лбу, — звезда [4]. В этом символе скрывается старое международное представление. Сияние на лбу, исходящее от звезды, — признак выдающегося ума или души,—признак, возвышающий обладателя над окружающими людьми. Образы обычны и в русской поэзии; они пропикли и в литературу изящную из народной речи (см у Пушкина: „. . . А во лбу звезда горит", у Гончарова: „Счастливый, сияющий, с месяцем во лбу, по выражению няньки, пришел он домой"); распространены и в Передней Азии: человек со звездой на лбу—описательное выражение для обозначения мудреца, читающего судьбы [5]. О предке турок, Огуз-хане говорится, что на челе его блистали знаки правого пути и истинного верного руководительства [6]. Здесь уже несколько затемнен прямой смысл, а все выражение употреблено аллегорически, как-бы ввиде сравнения (скрытого). В Дамаске записал я от верующего мусульманина следующий рассказ (уже с книжными домыслами), о внуке Алия, Зейн-уль-Абидине. Однажды явился он в Мекку, и все расступились перед ним из уважения к его благочестию, у него на лбу был знак от частого преклонения („седжад") [7]. Сын халифа, Ибн Хишам осведомился о нем, и поэт Фараздак сказал касыду, в которой восхвалял достоинства Зейн-уль-Абидина [8].

---

[1]) R. Tschudi, Das Vilajet-name des Hadschim Sultan. Berlin. 1914 (Türk. Bibl, Bnd XVII), стр. 17 (примеч. Г. Якоба), по A. Degrand'у, стр. 240 это—дар Хаджи Бекташа.

[2]) Ср. опоясание мечем султана при вступлении на престол: см. выше стр. 268.

[3]) Вл. Гордлевский. Из религиозных исканий, стр. 86.

[4]) Вл. Гордлевский. Из религиозных исканий, стр. 80, R. Tschudi, 13.

[5]) Н. Марр. Ossetica-japhetica. ИАН., 1918, стр. 2091.

[6]) В. Радлов. К вопросу об уйгурах. (Приложение к XXII тому Записок ИАН). СПБ. 1893, стр. 30.

[7]) У нас след от усердной молитвы остается на полу, всп. рассказы о вдавленных камнях в церкви, молельне и т. д.

[8]) О скромности его ходит такой рассказ: клиент бани принял его по цвету ножи (мать его была эфиопка) за раба, и велел ему растирать себе тело. Когда отсутствовавший хозяин бани явился и увидал это, он ужаснулся, ожидая наказания, но Зейн-уль-Абидин успокоил банщика.

Во время встречи кызылбаши целуют иногда друг у друга бороду. Борода — гордость кызылбаша, и умереть без бороды — несчастье для него. Могильный камень, вздыхая, говорит: „Я несчастнее камня [1]) в уборной".

В обиходной жизни у кызылбашей также сохранились, как-будто, старые переднеазиатские представления. Кызылбаши, говорят, упорно избегают взвешивать товар. Если это так, весы для них, очевидно,—символ справедливости ("мизан-уль-qыст" — весы справедливости) [2]). Не только для них, но вообще в народной османской поэзии весы—аттрибут Судного Дня [3]). Только справедливое божество может решиться на оценку, на взвешивание: человеку это не под силу. Пророк Амос говорит о финикиянах, что они, держа в руках неверные весы, обижают евреев [4]). Между сектантами переднеазиатскими нередки упоминания о весах, ср. наставление бабидов: „И держите весы перед собою справедливо [5])".

Для кызылбашей особенно характерно почитание Алия, — культ Алия. Они говорят:

„Бін бір дона [6]) бір Аллаh,
Alijy—belijy Лла [7]),
Belijy Aliji — Алла".

(Перевод: В тысяче одной оболочке —все один Аллах, ибо Алий—наместник Аллаха, наместника Алия).

То-есть, Алий не только заступает место пророка Мохаммеда, но Аллах растворяется в Алии, все поглощающем, все наполняющем божестве. Высшие образованные круги (дервиши) увлекаются философско-богословскими тонкостями пантеистического учения. Веруя в непрерывное нисхождение божества на землю, они приводят слова из религиозной поэмы Теслима Абдала, указующие на пребывание на земле божества и в данный момент [8]): „Шімді hамду liЛла

---

[1]) На который человек становится.

[2]) S. de Sacy, Exposé sur la religion des druzes. Paris. 1838, т. 2, стр. 469.

[3]) Fr. Giese. Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Koniah. Halle—New-York. 1907. (Песня № 5) — Детальное исследование народной османской малоазиатской поэзии (в частности, сборника Гизе) должно обнаружить уклонения от суннитства.

[4]) Б. Тураев, II, 84.

[5]) В. Жуковский. Российский Императорский консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма, ЗВО. XXIV, стр. 81.

[6]) Пожалуй, проще бы ожидать здесь местный падеж: „донда", но истолкование дательного падежа также возможно: Аллах—одна сущность для тысячи одной оболочки; число „тысяча один"—эпическое, восходящее, впрочем, к семитическим представлениям. Мысль о тысячности божественных образов очень распространена между кызылбашами, см. у меня „Из религиозных исканий в Малой Азии", стр. 94, также стихи, слышанные гр. Э. фон Мюлиненом о Кайгусуз-султане (в бекташийском монастыре Мукаттам в Египте), см. Türkische Bibliothek, XI, стр. 70, о Кайгусуз-бабà см. G. Jacob. Die Bektaschijje, стр. 28-29.

[7]) Подобные признания об Алии возможны и для шиита.

[8]) Вл. Гордлевский: Из религиозных исканий в Малой Азии, стр. 94 с примечанием. Теслим Абдал и себя, как-будто, считал за воплощение божества; ср. стихи:

„Teclім Абдал дер бунјада:
Міріміз калды Конјада,
Іште relдім бу дунјаја,
Бу кадарджік іспат (існад ?) олдум".

(Перевод: Теслим Абдал говорит потомству: Nаш надел остался в Конии Вот пришел я на этот свет; вот, столичко, об'явил я о себе).—СловаТеслим-Абдала указывают, вероятно, на его бекташийство: ср. „теслим-таш. G. Jacob, Beiträge, стр. 19-20, „абдал"—синоним бекташи, там же, стр. 18. Т. е., автор оказывается анонимом. Интересно здесь упоминание Конии, центра не бекташи, а мевлеви.

Шіррі дедіlер» (Перевод: Теперь слава Богу — прорекли Ширри). В слово „Ширри“ они вкладывают таинственный смысл, но какой, — и сами не дают себе отчета.

Кто попроще, от кого далеки умствованье или душевные достижения, а нужна конкретизация,—тот знает только, что в культе Алию отводится первое место. Так, кызылбаши именем Алия клянутся [1]): втыкают в землю палку, — „палку Алия“, и говорят: „јазын—ајрансыз, кышын—јоргансуз, аhретте — іман-суз каласын-мы?“ (Хочешь остаться летом—без айрана, зимой—без стеганного одеяла, на том свете без веры, т. е., без оправдания в грехах?).

Курды племени кочгири (около Зара̀) верят, между прочим, в диаволов и демонов, а Алия признают пророком. У них существует, повидимому, братская трапеза во время собраний. Османцев они презирают и говорят о них: „доче дреж“ [2]) (длинный хвост), т е., собака, нечистое животное, способное на всякие гадости. Кызылбаши, вообще, ненавидят османцев и желают им от Бога всяких наказаний за их неверие:

„Нічін мӥнкір олурсун, ej hоджа језід,
Бу чарху дӧндӧрен Ali' дejil-мі?“

(Перевод: Почему ты, ходжа, отрицаешь это: разве не Алий вращает колесо мироздания?).

Конечно, неудовольствие обрушивается не на одного ходжу, а и на всех не-кызылбашей:

„Аlінін кылыджы гӧктен асылды,
Језідін кысметі јерден кесіlді“.

(Перевод: Меч Алия свесился с неба [3]); оборвалась на земле [4]) доля езида).

Слово „језід“ здесь—синоним суннита. И не случайно, быть-может, сказывается совпадение с наименованием сектантов-езиди: в Малой Азии, граничащей с Сирией, память об Езиде, мучителе Алия, была жива, и противники шиитов, сунниты, легко могли получить прозвище «езиди». Но в устах кызылбашей (сектантов), употребление слова в ругательном смысле говорит о современной розни между отдельными сектами.

По поводу кызылбашского поста, зашедшего от армян [5]), сивасские армяне, повторяя старый сюжет о дочерях Даная, рассказывают так [6]). Однажды византийский император воевал с султаном. Борьба была упорная, и император запросил помощи у армян. Армянский царь послал двенадцать богатырей, которые и одолели мусульман. Встревоженный тем, что армяне возьмут потом верх и над ним, он отобрал двенадцать красавиц и велел им перерезать ночью богатырям горло. Девушки исполнили волю императора, к одной, впрочем, закралась в сердце жалость: когда она наклонилась над богатырем, слеза капнула на щеку, и Сурп-Саркис (то был он) проснулся (сказочный мотив!). Он схватил меч и, посадив девушку к себе на коня, проломал городскую (константинопольскую)

---

[1]) Способы клятвы у кызылбашей, как-будто, говорят о старине, клянутся травой (?) „келле-кесме“ на могилах почитаемых бекташи, см. A. Degrand, стр. 233.

[2]) „Дреж“, т. е. „діріж“ (перс. діра̄з) — длинный, см. A. Jaba. Dictionnaire kurde-français. St-Pét. 1879, стр. 182, но слова „доч“ я не разыскал.

[3]) Это также старый образ с неотвратимости судьбы, ср. Дамоклов меч.

[4]) Собственно, „отрезана“ (у корня) от земли, и первоначальное значение глагола „кесмек“ больше вяжется с „мечем“—первого стиха

[5]) Об этом посте: Л. Меликсет-Беков. Грузинский извод сказания о посте „араджавор“. ХВ., т. V, стр. 73; Г. Халатьянц в Юбилейном Сборнике в честь В. Ф. Миллера. М. 1900, стр. 257 258..

[6]) Вскользь у меня, см. „Из религиозных исканий в Малой Азии, стр. 83, примечание 2.

стену — там, где ныне ворота „Чатлыджа капу»[1]), и бесстрашно погнал коня в море. Армянский царь рассердился на Сурп-Саркиса, зачем он покинул товарищей, и казнил его. Тогда внезапно поднялась буря. Греки, со страху, попрятались по домам, многие все-таки погибли. У армян буря эта зовется „рум боган" (душительница греков). Памятуя казнь Сурп Саркиса (св. Сергия), армяне постятся в 22-ю неделю от Пятидесятницы. Греки, наоборот, во что бы то ни стало едят скоромное и, если нет мяса (зимние запасы могли кончиться, а резать котных овец нельзя), «грызут, как говорят армяне, кожу на чарыках». К армянам чувствуют они ненависть и избегают давать младенцам имя св. Сергия.

В Нигдэ (Конийского вилайета) греки, зная, как почитают армяне св. Сергия, дразнят их этим именем, и слово „саркис" обратилось почти-что в синоним армянина (как у татар русские имена : Иван и Марья). «Бір еlінде тарак, бір еlінде јарак, сізе догру варыјор„ (вот идет он к вам, в одной руке у него — расческа, в другой — penis), — говорят жители деревни Мисти, когда кто из сельчан вздумал бы назвать младенца именем св. Сергия. Возникла эта издевка с давних, будто-бы, пор, после того, как армянин, соблазнив в деревне гречанку, которая от него родила, — бежал.

О нерасположении греков к армянам давно уже (с XV века) стало известно европейским путешественникам по Турции[2]). Рознь сохранилась и теперь; армянин, уроженец Гемерека (Сивасского вилайета) напомнил мне раз пословицу: «іт дерісінден пост олмаз, рум ерменіје дост олмаз" (из собачьей шкуры не бывает кожи (теплой), грек не будет другом армянина).

Дедэ, наставляющий кызылбашей в вере, окружен в деревне почетом и вниманием[3]). Священные деревья иногда называются просто „деревьями дедэ" („деде агаджы"). Его приход знаменует благословение:

„Деде гelді евімізе,
Берекет конду уне, петејімізе".

(Перевод: К нам в дом пришел дедэ, и спустилось благословение на жнивье и пасеку).

Одежда дедэ типическая[4]). Он, непременно, стянут *поясом* (кемер[5]) — христианское заимствование: в ушах у него *серьги* (кйпе), — очевидно, символ безбрачия, у некоторых кызылбашей место серег заменяют подковы, весом до 2-х фунтов, это уже как-бы вериги, для самоистязания, для умерщвления плоти[6]). В наряде дедэ армян особенно интригует шапочка: двенадцать складок или разрезов символизует Двенадцать Апостолов, думают армяне, вершина шапочки — Иисуса Христа, четыре угла — Четырех Евангелистов. Конечно, здесь и элементы, зашедшие от христиан, но армяне преувеличивают это, так, напр., 12 складок на шапке скорее сделано по числу имамов шиитских.

---

[1]) Трещина в стене образовалась во время землетрясения в 1532 г. Ворота эти называются Чатлады-капу.

[2]) См. Путешествие И. Шильтбергера (с 1394 по 1427 г.). Перевел Ф. Брун. Записки Новороссийского Университета, I, стр. 121 — 122 (сообщает тот же рассказ о „причинах вражды греков против армян").

[3]) По сообщению H. Grothe, II, стр. 150, след. дедэ проводит в деревне 15 дней, цифра 15 вообще играет у кызылбашей большую роль: 15 дней гостит гость; 15 девушек приводят к дедэ, там же.

[4]) См. G. Jacob, Beiträge, стр. 19—20, Degrand, 235—236. Некоторые сектанты — хайдари, очевидно, как указывает прозвище, поклонники Алия Хайдара, — носят еще *безрукавку* („гурдік"), обычный костюм армян в деревнях; отсутствие рукавов должно указывать, что на земле они беспомощны.

[5]) Иначе: „камберие" — термин, и внешне и внутренне соответствующий алидским настроениям сектантов (см. Fr. Babinger, 83, примечан. 4).

[6]) И серьги, и пояс описываются в наряде Йекенка (см. выше стр. 267.); но искаженное слово „ко(у)ркурма", конечно, не „наводящий ужас" (ЗВО., т. XII, стр. 045) а скорее, должно обозначать материал (аффикс „ма").

Члены общины, подчиняющейся одному дедэ, называются *учениками* его („талубами“) [1]). У дедэ есть в деревне *указчик* («delil») [2]), который доносит ему о поведении талубов. Дом, где останавливается дедэ, называется *домом собрания* («джем дамы»). Во время собрания на дедэ нисходит наитие («далдурма»), и он начинает перечислять погрешности паствы. Отпуская грехи, дедэ обматывает шею грешника новой веревкой, а присутствующие обещают или дедэ или теккэ (представителем которого он является), — дар, жертву [3]); затем дедэ режет веревку ножем. Обряд отпущения грехов совершается и так. Дедэ выписывает грехи какой-то краской („ашу бояcы“) на чураке, потом разводят огонь и сжигают чурак. Весь смысл здесь в очистительной силе огня. Аналогичный обряд записан был Лушаном о тахтаджи [4]). Стало-быть, в разных местах Азии встречается культурный пережиток; при исключенности современного (религиозного) общения между населением Конии и Сиваса, естественно, крепнет убеждение в ограждениях некогда единого религиозного мировоззрения на территории Малой Азии.

Во время собрания жители приветствуют дедэ; приветствуют как мужчины, так и женщины. Молодые женщины целуют дедэ руки. Дедэ распевает на чонгуре [5]),—по сообщению Д. Кантемира, инструменте, специально бекташийском,—песни (религиозные вирши); женщины танцуют, становясь на больших пальцах, *танец, неведомый собакам* [6]) („іт bilmez“), т. е. суннитам; распеваемые при этом песни называются гиацинтом („замбак“) [7]). Дедэ может выбрать между женщинами себе кого-нибудь [8]). С нею дедэ проводит ночь; утром дедэ обмывают и раздают воду по домам—очевидно, эта вода заключает в себе плодотворящую силу.

Особа дедэ вообще священна, землю, на которую ступала лошадь дедэ, раздают больным [9]).

Когда дедэ покидает деревню, жители поют:

„Cöjle, hej шah-i belajet,
Eсед-у Ллahy Ali,
Jетіш, hej nip-i tapiket,
hаджі Бекташ-і Beli!“.

(Перевод: Пророки, о шах святости, о Алий, лев Божий; поспеши, о старец, наставляющий на путь, о Хаджи Бекташ Вели!).

---

[1]) Т. е., араб. „тālиб“—ищущий, стремящийся к знанию, студент; „талебе“, как известно, по-османски — семинарист-бурсак. (В озвуквом отношении обр. внимание на гласный „у“ второго слога).

[2]) Ср. также „делилей“, как помощников, заместителей шейха у каракоюнлу (в Маку), вообще у сектантов.

[3]) Говорят, что, принося жертвы, кызылбаши делают на дверях (теккэ) изображение креста.

[4]) Luschan. Die Tachtadschy und andere Reste der alten Bevölkerung Lykiens. Archiv für Anthropologie. Bnd XIX, стр. 35.

[5]) Инструмент чогур или чар известен и в Персии, см. Д. К. (В. А. Жуковская). Персидский эндерун. „Вестник Европы“. 1886. № 10, стр. 519.

[6]) Обычное прозвище суннитов, см. Вл. Гордлевский, „Из религиозных исканий“, стр. 85, G. Jacob. Die Bektaschijje, стр. 8, прим.: „üзерімден бір көпек атлады“ — значит: суннит опозорил жену бекташи.

[7]) Вл. Гордлевский. „Из религиозных исканий“, стр. 86, прим. 1: между кызылбашами распространен, как-будто, условный язык.

[8]) См. выше, стр. 261. Но некоторые кызылбаши (те, что живут на горе Бинбашдаге) соблюдают единоженство.

[9]) О лечении землею с могилы угодников, см. у меня—„Османские сказания и легенды“, стр. 46.

Укажу еще на странный до невероятности, каннибалистический обряд, совершаемый, будто-бы, кызылбашами деревни Вели-бек (казы Йылдызлы): вместо того, чтобы зарывать в землю покойников, они, будто-бы, варят мясо и потом с'едают. Очевидно, принимать это нужно, как обычный рассказ мусульман или христиан, желающих замарать противников, а в действительности, это не что иное, как поминовение умерших родственников (известное у некоторых курдских племен—«кочгири») [1].

Обряд этот, по-курдски мезер helani [2]) (поднимание могилы), состоит в том, что приготовляют дома «гомбэ» («священный хлеб»), при чем, замешивая тесто, воду льют из медных чашечек [3]), потом идут на кладбище, плачут; середку хлеба, мякиш весь вынимают и кладут туда «йогурт» и кушают. На это пиршество приглашают соседей и знакомых со всей деревни. Возможно, что небылица о каннибализме происходит от неправильного, буквального понимания курдского выражения.

X.

Заканчивая заметку, подчеркну, что кызылбашство—сложный, спутанный комплекс из религиозных верований, различных народов. Изучение современного кызылбашства может осветить проблемы древних малоазиатских, или переднеазиатских верований, необходимо только предварительно собрать точные сведения обо всех сектантских общинах, сохранившихся в Малой Азии. А пока не будет описано все, что уклоняется от мусульманской нормы, точное разграничение влияний немыслимо.

Инородные элементы сектантства переднеазиатского учитываются неравномерно: зависит это, быть-может, и от неодинаковой степени изученности религиозных течений в Малой Азии, и от индивидуально окрашенных подходов исследователей. Более об'ективным представляется мне Г. Якоб, внимательно региструющий и шиитские, и христианские отзвуки в учении бекташи; у новейшего работника в этой области Фр. Бабингера—ясный уклон в сторону искания шиитства, современные секты для него—обломки большого шиитско-суфийского движения, которое достигло апогея в эпоху шаха Исмаила в XVI веке. В сектантстве малоазиатском, в мусульманских орденах (пока, насколько мне известно, не изученных с этой стороны) найдутся, несомненно, следы—и христианские, и шиитские, и все это восходит к старому переднеазиатскому мировоззрению, отразившемуся в Малой Азии и на христианстве, и на мусульманстве. Через тысячелетия тянется в Малой Азии в XX веке духовная связь с прошлым.

Вл. Гордлевский.

Зуша—Москва.

---

[1]) Ср. Вл. Гордлевский „Из религиозных исканий", стр. 85, примеч. 1-е. К. Иностранцев. К истории до-мусульманской культуры Средней Азии, ЗВО. т. XXIV, стр. 139.

[2]) T. e. hil-anin - lever, emporter. A. Jaba, стр. 442.

[3]) О значении медных чашечек, см. Вл. Гордлевский. „Из религиозных исканий в Малой Азии", стр. 92.

Революция в Древнем Египте.

Египетский мудрец Ипувер в своей речи к царю развертывает перед нами грандиозную картину социально-экономического переворота, какого мы не ожидали бы найти в, казалось, еще только полвека назад столь незыблемой в своих консервативных основах истории Нильской долины [1]). Этот переворот интересен тем, что он происходил в глубокой древности (за два тысячелетия до Р. Х.), являясь, таким образом, первой революцией, о которой нам что-нибудь известно; интересен он также своей напряженностью, размахом и глубиной; интресен, наконец, и тем, что многие его черты и факты живо напоминают происходящее перед нашими глазами. Все потрясено до основания, все перевернуто вверх дном. Рабы заняли место господ; неимущие захватили достояние богатых и пользуются всеми жизненными благами, в то время, как прежние вельможи и родовитые князья скитаются по стране, бездомные и голодные. И, что самое невероятное—в Египте, в этой стране божественного по преимуществу, в этом священном и царственном оплоте, раздается дерзновенно-насмешливое восклицание «горячих голов»: «Если бы знать, где Бог, мы принесли бы ему жертву» [2]), и вольнодумцы, низвергнув знать по городам, стремится низложить и самого царя [3]). Голос реально-житейских потребностей шумно звучит по всей стране, заглушая высшие интересы, культивировавшиеся в храмах и дворцах. Голос пробудившегося забитого большинства властно заставляет замолчать голос избранного роскошествовавшего во всех отношениях меньшинства. Удивительно ли, что этот голос, впервые зазвучавший в истории, хрипл и страшен? Удивительно ли, что рабы, веками приученные к пассивному исполнению чужих приказаний, ничего на первых порах не могут по существу *создать,* а только жадно присваивают до тех пор недосягаемые

---

[1]) Папирус, на основании которого написана статья, хранится в Лейдене (Пап. 344, лиц сторона). Я обозначаю его в сносках сокращенно П а п. Он имеет в длину 378 см., в ширину 18 см. и в настоящее время сложен в виде книги, в 17 страниц. Издан и впервые переведен он Аланом Гардинером, в Лейпциге, в 1909 г. (A. Gardiner, The admonitions of an egyptian sage. Leipzig. 1909). В литературном отношении папирус примыкает с одной стороны к политически—обличительной, с другой—к дидактически пессимистической литературе эпохи Среднего Царства. Папирус был найден, повидимому, в Мемфисе (Саккара?). Он относится ко времени не ранее начала 19 династии, но и в культурно-историческом и лингвистико-лексическом отношении его следует отнести на несколько столетий назад. По форме и по содержанию к нашему папирусу примыкают теснейшим образом несколько других описаний великой египетской смуты, а именно поучение гелиопольского жреца Хахеперсенбу—Анху и пророческий эрмитажный папирус, связанный с именем жреца богини Баст Нефр—реху. Я остановился на папирусе Ипувера, как на наиболее полном и близком по своему содержанию к описываемым событиям.

[2]) Пап. 5, 3, стр. 41—42.

[3]) Имя фараона не названо.

для них жизненного блага? Из «Обличения Ипувера» перед нами вырисовывается революция в ее первой разрушительной стадии. Что следовало за этим? История об этом умалчивает. Быть может, дальнейший ход революции был пресечен восторжествовавшей реакцией, одним из вдохновителей который как-раз является наш обличитель Ипувер; быть может, она была задушена все развивавшимся иноземным вторжением. А, может быть, факты, хотя бы временно, сложились так, что дело не остановилось на переходе материальных ценностей из одних рук в другие и что новые люди древнего Египта, найдя в себе созидательные импульсы, не закоснели в хищнически добытом сибаритстве, едва ли более ценном для культуры, чем былое роскошествование вельмож. Вопрос остается открытым.

Ипувер нигде не говорит о себе; в истории это имя неизвестно [4]). Тем не менее, живая и образная речь мудреца ясно рисует перед нами его духовный облик, а также отчасти и физический. Он уже в летах, если не старик. Он ходит и говорит размеренно. В нем видна большая школа, внедренная воспитанием и довершенная жизнью. Если в детстве и юности приходилось применять к нему золотое правило египетских наставников: («Уши у мальчика на спине, он слушает, когда его бьют»), то это не пропало для него даром. Впитав в свою плоть и кровь, в свой ум и в свою совесть этот вразумительный прием, Ипувер получивший теперь на это право в силу своих лет, положения и исключительных событий, в свою очередь бьет своим словом растерянного монарха, жалкого, как набедокуривший ребенок. Авось, злосчастный, услышит и одумается, авось стряхнет малодушие, вспомнит былую гордую мощь державных фараонов и, вскочив как лев на бранную колесницу, пронесется вихрем по стране, сметая крамолу и вновь раздвинет сжатые до крайности пределы Египта до гор Ману и Бахтет—восхода и заката солнца—и далее того!

Вот, стоит величественный Ипувер в смятенном дворце, где не только люди, где самые предметы кажутся испуганными. Только на первый взгляд здесь все по старому. Встречают «семеры», «друзья» фараона и другие придворные чины, соблюдается сложный и пышный церемониал приема. Еще лобызается прах у ног царя, еще подобострастно называют его «Благим Богом», «Владыкой Обеих Стран», т.-е. Юга и Севера, всего Египта. Увы, от в с е г о Египта во владении царя осталась ничтожная область Фиванды [5]), а от его божественности не осталось ничего, кроме придворной мишуры и памяти о былом!

События и положение вещей, о которых повествует Ипувер, происходят либо между Седьмой и Десятой династиями, на что, как будто, указывают филологические и некоторые другие данные, либо между блестящей

[4]) Мудрец назывался Ипу-ур, Ипу-вер «Ипу Великий» или сокращено Ипу. Чтение имени не вполне достоверно.

[5]) Из одного, к сожалению поврежденного места папируса, повидимому, следует, что египетская держава заключала в то время только область между Элефантиной и Тином. C. A. Gardiner, Admonitions, стр. 9.

эпохой Двенадцатой династии (20—18 вв. до Р. Х.) и известным нашествием гиксосов (17—16 вв. до Р. Х.), чьими предтечами, если не передовыми полчищами, в таком случае возможно, что и были те внешние враги, о которых говорится в нашем папирусе [6]). На эту дату, повидимому, указывают исторические данные. И я, хотя, разумеется, и не без колебания, останавливаюсь на ней. Строго централизованный и бюрократический Египет испытал к этому времени существенные внутренние перемены. В древнейшую пору «строительства пирамид» все живые силы страны, как лучи в фокусе вогнутого зеркала, сходились в особе монарха, признанного к эпохе IV—V династий «Сыном Солнца» во плоти. Этот исключительный порядок вещей в силу разных причин не мог длиться вечно. Располагая колоссальными средствами и безпрекословным трудом своих подданных и рабов, «Сын Солнца» употребил их на то, чтобы дать идее, выраженной в новом царском титуле, поистине величественное выражение. В ряде грандиозных пирамид, вознесшихся на грани вечного безмолвия пустыни, фараон навеки запечатлел идею богочеловека, в его отношении к космосу. Пирамида—памятник изумительный и притом в нескольких отношениях. В истории развития человеческой мысли и свободы пирамида знаменует собой тот фазис, когда личность, как таковая, еще не существовала. Все и вся в стране Сфинкса тонуло в личности фараона. Но и сам фараон довлел не себе, не своему «я», а «Я» божественному. Это был сын божества солнца, в наитиях которого он почерпал и собственное самосознание и стимулы для управления страной. В плане экономическо-социальном пирамида гласит об отсутствии частной инициативы в долине Нила в сколько-нибудь крупном масштабе, ибо для создания и возведения гигантских призматических гор, нужно было, чтобы творящее высшее «Я» принудительно диктовало свою волю с высоты престола. Египтяне в то время живут и самоопределяются *через* фараона. И благо это, пока вдохновляющая его идея возвышенна и не успела еще закоснеть в неподвижном каноне, «установленном», как это говорилось позднее, «богами на их совете». Из десятилетия в десятилетие сотнями тысяч рабочих рук воздвигались пирамиды, знаменуя собою от века и до века титанически-гениальное устремление человека, возмнившего сродниться с солнцем.

Но гаснет мысль, окостенелая в догмате и зодческом каноне, и лучи социально-экономической жизни страны, до тех пор собранные в едином фокусе, фараоне, медленно но неуклонно расходятся в стороны. Державный светоч, в течение ряда веков сиявший в «Великом Доме» (название дворца), тускнеет, централизованная власть теряет обаяние. Вместо одного государственного центра в стране, намечается их несколько, и некогда слитное теократически-государственное *единство* распадается на десятки, сотни, тысячи зачаточных человеческих *индивидуальностей*. Сначала робко, потом все решительнее, люди начинают заявлять о себе. У них понемногу

[6]) Эту точку зрения разделяет Зете; см. цит. пр., стр. 18.

пробуждается сознание их собственной значительности, их личного достоинства. Жизнь каждого отдельного человека становится для него самоцелью. То, что было, и то, что совершается позднее, находит себе, в частности, выражение в том, что в то время, как прежде вельможи стремились и после смерти не разобщаться с монархом и располагали свои гробницы «мастабы» вокруг его пирамиды, теперь они высекают себе усыпальницы в скалах на территории своих вотчин, постепенно сделавшихся из нарочисых царских даяний их наследственной собственностью. Пустеет царский некрополь, все ниже и ниже становятся пирамиды, как бы пригнетаемые землей, торжествующей в тысячах нарождающихся маленьких индивидуумов, хлопотливо занятых своим личным благополучием, над солнечной и небесной идеей, некогда парившей, как мощный сокол на «Высоким Домом» фараона. Параллельно хирению дворца все более и более усиливается и богатеет провинциальная *знать*.

Процесс на этом не останавливается. Каждый поместный князь, фараон в миниатюре, претерпевает в свою очередь то же самое, что по милости его и ему подобных претерпел его державный владыка. Когда-то средоточие всей местной жизни, он постепенно оттесняется и затирается разбогатевшими горожанами, купцами, ремесленниками и проч. Приходит время и нетитулованному среднему классу заявить о себе. Опять-таки это находит себе выражение в дошедших до нас вещественных памятниках древнеегипетской веры. В Абидосе, священном некрополе Осириса, и в других местах мы находим обетные плиты с именами вовсе неблагозвучными для аристократического слуха. Социальный реактив проникал все глубже и глубже. Буржуазная, если можно ее так назвать, полоса общественно-исторического развития древнего Египта сменилась полосой широкого демократизма. На передний план истории Нильской долины выступают городской пролетариат, так-называемые «неджесы», люди до тех пор «никогда не видавшие дня» [7]), жалкие батраки, «лившие воду на земь» [8]), т.-е. орошавшие поля от зари до зари, и прочий ничтожный люд. Все они теперь, по выражению Ипувера, «ходят без помехи» [9]) и «встречают всякий новый день без боязни [10]).

Ипувер отмечает, как один из факторов неблагополучного положения вещей в стране, иноземное вторжение. «Племена пустыни, говорит он, сделались повсюду египтянами» [11]), «азиаты стали искусны в ремеслах страны богов [12]). Что это за «племена пустыни» и «азиаты», мы не

[7]) Пап. 4, 9, стр. 38. Тормин неджесу в египетских текстах означает далеко невсегда неимущих батраков. Очень часто его следует поминать более обще-горожанин (пе).

[8]) Пап. 7, 5, стр. 55.

[9]) Пап. 4, 9, стр. 38.

[10]) Пап. 10, 1, стр. 71. На основании уже этого краткого очерка видно, что смуту никоим образом нельзя вменить в вину, как это делает Ипувер, одним „неджесу". Она явилась следствием длинного исторического процесса, в корне изменившего психику и экономику Нильской долины.

[11]) Пап. 1, 9, стр. 20.

[12]) Пап. 4, 8, стр. 37—8.

знаем, как не знал этого, как видно, и сам Ипувер, совершенно неопределенно называющий их в другом месте «чужеземным племенем» [14]). Из его слов явствует только, что незваные гости явились со стороны Синайского полуострова, что они стали быстро усваивать туземные навыки и едва ли слишком угнетали коренных жителей покоренных областей. Правда, мудрец замечает мимоходом: «нигде (речь, очевидно, идет о Дельте; вторжение коснулось, главным образом, ее), нигде не стало египтян» [14]). Но не следует ли это понимать в том смысле, что и сами египтяне стали ассимилироваться и смешиваться с пришельцами, как позднее с гиксосами, и начали вследствие этого утрачивать исконные египетские черты? По крайней мере, на это как бы намекают возмущенные слова патриотов, вещающих устами Ипувера: «Те, которые были (раньше) египтянами, сделались (теперь) иноземцами» [15]), и далее: «народ (подлинно египетский народ, блюдущий свою этническую чистоту и обособленность) наверное скажет: «Будь проклято недоступное место! Вот оно в руках тех, кто ведал о нем, так же, как и тех, кому оно было неизвестно» [16]). Здесь «знающие», местные египтяне, и «неведующие», т.-е. «племена пустыни», обоюдно владеют Нижним Египтом, названным недоступным или «сокровенным» местом, из-за своих непроходимых болот и топей. Последние, равно как и наиболее центральная область Египта—Фиваида, не раз играли в истории Нильской долины роль последнего национального оплота. Это нашло себе даже выражение в Осирисовом мифе. Туда, в болота Дельты, удаляется богиня Исида, гонимая Сетхом, убийцей ее супруга-брата Осириса, дабы в полной безопасности воспитать среди камышей мстителем за отца сына Гора, зачатого в ее лоне последним взглядом уже умершего Осириса. Сетх, или, в его азиатском наименовании, Сутех, являлся богом гиксосов, следовательно, возможно, что также и тех «племен пустыни», о которых говорит Ипувер. Отсюда нам понятна сугубая горечь египетских патриотов. Предавая врагам сокровенное место Дельты, ее жители грешили не только против национальной идеи. Дружа и якшаясь на почве священных мест и городов Нижнего Египта, Бусириса («Места Осириса»), Джеду (Места Хребта Осириса) и т. д., они творили смертный грех против страдающего бога Осириса и гнали вместе с клевретами Сетха душу Египта, скорбную Исиду, с младенцем Гором на руках, этот древне-египетский прототип Богоматери или Мадонны. Отсюда вопль Ипувера: «Воистину, народ проклянет их»—отступников божественно-национальной идеи! [17]).

Еще внешне уязвим был Египет на западной границе Дельты, со стороны Ливии. Оттуда тоже, вероятно, вторгались враги. Действительно, Ипувер упоминает о ликийцах-темеху [18]). Наконец, враги наседали и с юга, из «презренного Куша», Эфиопии. Ипувер, называет «маджаев» и «негров»

[13]) Пап. 3, 1, стр. 30.
[14]) Пап. 3, 2, стр. 31.
[15]) Пап. 3, 14—4, 1, стр. 35.
[16]) Пап. 4,7, стр. 37—8.
[17]) Пап. 4, 7, стр. 37.
[18]) Пап. 14, 12, стр. 90.

в числе врагов [19]. «Судно южан, сообщает он, пошло наугад, города разрушены, Верхний Египет стал безплодной пустыней» [20]); «Элефантина и Тин, вот все, чем владеет Верхний Египет, но и они не платят податей из-за смуты [21]). Всякий раз, как Египет ослаблялся изнутри, а более ослабленным, чем в занимающую нас эпоху, трудно его себе представить—через все его пределы, естественно незащищенные безконечными и безлюдными пустынями, в роде той, которая простирается на тысячи верст к западу, обычно устремлялись дикие полчища хищников-ливийцев, бедуинов, эфиопов. Так было, вероятно, и теперь. Жаль, конечно, что мы не знаем, какую роль и какое место занимало иноземное вторжение в ходе древнеегипетской революции. Не исключена возможность, что оно играло внешне первенствующую роль, что именно оно вызвало разруху и социальный переворот, а не явилось только их следствием. Строить домыслы и спорить относительно этого, однако, едва ли стоит. Несомненно, что вызвать столь грандиозное и глубоко захватывающее потрясение можно только в том случае, если для этого имеется достаточно подготовленная идеологическая и общественно-экономическая почва. С другой стороны, едва ли можно сомневаться, что в дальнейшем ходе вещей иноземное вторжение и социально-экономический переворот развивались параллельно, пока они не столкнулись вплотную, и один из этих факторов не восторжествовал над другим, или же оба они не были побеждены третьим—возродившимся абсолютизмом. Если «племена пустыни» были передовыми полчищами гикососов, то в течение одного или полутора столетия египетской истории, связанных с ними, оба фактора могли несколько раз попеременно осиливать один другой. В конце-концов, все же восторжествовали национальная идея и импульс воинствующего империализма. Фараон, каким его хотел видеть Ипувер, явился в лице победителя гиксосов, царя Яхмоса. За ним следовал ряд блестящих воителей, Тутмосов и Аменхотпов, распространивших славу египетского оружия до отдаленнейших пределов Нубии, на юге, и до берегов Евфрата, на северо-востоке, перед которыми должен был снова безпрекословно склонить свою выю народ Нильской долины.

В описываемую эпоху внутри страны царила страшная смута и гражданская война. «Страна полна восставших, говорит Ипувер: человек выходить пахать вооруженный щитом [22]), «птицеловы шествуют в боевом порядке» [23]) и т. д. Результаты подобного порядка вещей ясны сами собой. Государственное и частное хозяйство терпят страшный ущерб. Как известно, Египет славился во все времена своим необычайным плодородием. В старину, как и теперь, он являлся мировой житницей. Изо всех неурожайных и малохлебных стран туда стекались люди и племена за пропитанием.

---

19) Пап. 14, 13, стр. 90.
20) Пап. 2, 11, стр. 28.
21) Пап. 3, 10—11, стр. 34.
22) Пап. 2, 1, стр. 23.
23) Пап. 1, 3, стр. 19.

Вспомним, хотя бы, Авраама и Иакова, со чадами их. Тем же массовым алканием хлеба было, несомненно, вызвано и нашествие «племен пустыни», в частности гиксосов. Египтянин так сроднился с этим тучным плодородием своей земли, что и посмертное пребывание представлял себе не иначе, как среди безконечных нив, «Полей Иаару« (или Иалу), где росли пшеница и ячмень, вышиной (да простится им преувеличение!), в семьдесят локтей! И что же мы слышим от Ипувера? «Нил разливается, но никто не пашет для него. Каждый говорит: «Мы не знаем, что происходит в стране!» [24]). Да и что это за Нил! «Река превратилась в кровь» [25]). Разве может взойти доброе семя на крови? Всех охватили неуверенность и страх. Кто посмелее, выходит кое-где пахать, вооруженный щитом. Робкий, (а сколько таких!) прячется в кустах. Да один ли только робкий? Слушайте!—«На дорогах подстерегают, люди хоронятся в кустах, пока не подойдет застигнутый ночью путник, чтобы разграбить его ношу. То, что на нем, отнимается. Его избивают ударами палки и зверски убивают» [26]). А то так «поперек дороги протягиваются тенета» [27]) и в них ловят запоздалых путников, как перепелов. Нельзя быть уверенным за свою жизнь ни в дороге; ни дома, нельзя доверять ни случайным попутчикам, ни своим собственным родным. «Если трое путешествуют по дороге, то позже оказывается, что их только двое: больше число убивает меньшее» [28]). «И дальше—человека убивают на крыше его дома» [29]), «человека убивают рядом с его братом» [30]). А что же делает брат? «Как может каждый человек убивать своего собственного брата?» [31]), с горечью восклицает Ипувер, и его вопрос не оставляет в нас сомнения в том, насколько глубоко вошла социальная рознь: она проникла даже в самую семью, в эту, казалось бы, такую прочную и любовную древнеегипетскую семью. Брат восстал на брата [32]), и отец относится к собственному детищу как к врагу. «Человек смотрит на своего сына, как на недруга» [33]), с содраганием отмечает Ипувер. Не стало более кровного родства. Оно заменилось родством по убеждению, родством социальным. Чаще же, надо думать, в то смутное время, люди панибратствовали на почве хищнической солидарности. Превратники говорят: «Пойдем грабить» [34]). Вот, таких попутчиков не убудет, а, скорее прибавится на дороге, разве что только передерутся на дележе!

Было бы, однако, близоруко и пристрастно видеть в том, что происходило тогда в Египте, только хаотическое воровство и хищнический грабеж.

---

[24]) Пап. 2, 3, стр. 24, ср. 9, 7—8, стр. 69.
[25]) Пап. 2, 10, стр. 27.
[26]) Пап. 5, 11—12, стр. 44, ср. также Пап. 13, 5, стр. 84.
[27]) Пап. 13, 4, стр. 84.
[28]) Пап. 12, 13—14, стр. 84.
[29]) Пап. 13, 3, стр. 84.
[30]) Пап. 9, 3, стр. 67.
[31]) Пап. 14, 14, стр. 90.
[32]) Пап. 5, 10, стр. 43.
[33]) Пап. 1, 5, стр. 19.
[34]) Пап. 7, 1, стр. 19.

Мы и вы! Прежде и теперь! Добрая половина жалоб Ипувера рассечена, может быть, совершенно помимо его воли, острием социально-революционной секиры и гласит о непримиримой классовой розни. Каждая его фраза распадается на две части, одну с положительным знаком, другую с отрицательным. Переверните фразу, сделайте ее начало концом и наоборот, взаимно переместите знаки, и речь ярого защитника старины, каковой является «Обличие» Ипувера, превратится в речь столь же ярого древне-египетского революционера. Ощущение социального рубежа, или, следует сказать резче— ощущение политико-экономической и религиозно-этической *пропасти* проходит, видимо, красной нитью через сознание всех тогдаших людей, все равно каких бы убеждений каждый в отдельности ни держался. И эта красная нить, нить не отвлеченных *горячих* рассуждений, а подлинно *красная* нить льющейся по всему Египту крови и пылающих по всей стране пожаров. Порабощенный веками народ, наконец, с беспощадной ясностью осознал несовместимость своих интересов с интересами людей, склада и обычая Ипувера, и об'явил им борьбу не на живот, а на смерть.

Появление самосознания в народе Нильской долины, начавшееся с его верхов, имело своим следствием коренной перелом в умозрении и этике древнего Египта, который наметился ещ в эпоху, предшествующую описываемой, Указанный перелом сказался в появлении в древнем Египте *пессимизма.* В благодатной и изобильной Нильской долине впервые в истории возник зародыш той истинно человеческой неудовлетворенности, которая, особенно развившись в новейшей Европе, получила в наши дни название «мировой скорби». Каковы причины появления пессимизма именно в Египте, около II тысячелетия до Р. Х. в эпоху так наз. Среднего Царства? Причин, разумеется, несколько. Первая причина, возможно что, кроется в сложном этническом составе древне-египетского типа и в том, что различные этнические элементы, далеко между собой не равноценные, и в умственном, и в нравственном отношении, не слились до конца, не сплавились между собой совершенно и без остатка в горниле длинного ряда поколений, когда образовывался древне-египетский пит. Этим, может быть, об'ясняется тот странный «консерватизм» древних египтян, который заставлял их, напр., сохранять чудовищно варварские произведения их праафриканских предков, наряду с возвышенными солнечными прозрениями других своих предков, азиатских прасемитов. Эта этническая смесь из четырех основных народностей, только наполовину вступивших в прочное, неразложимое, так сказать, химическое соединение, которое, собственно, и обусловливало возникновение нового древне-египетского типа, каким мы его знаем в истории, получила мощный культурный импульс либо от азиатских завоевателей дофараоновской поры, так наз. «служителей» или «спутников Гора», либо фараонов первых династий, либо, наконец, в совокупности от тех и других. Импульс был одинаково сильный и в сфере религиозно-этической, и в сфере государственного и общественно-бытового строительства. Двинутый могучим порывом своих великих вождей,

народ Нильской долины с невероятной энергией принялся, с одной стороны, за урегулирование сложной системы орошения, постройку городов, добывание всякого рода естественных богатств, как в самой стране, так и за ее пределами, и т. д., и т. д. С другой стороны—он созидал храмы и вечные усыпальницы «Сынам Солнца», разрабатывал сложные теологические системы и ритуалы, достигал величайших успехов в искусстве. Невероятное творческое напряжение, проявленное египетским народом в эпоху так наз. Древнего Царства, поглощало все его силы и все его внимание, и не было ему времни оглянуться и приметить, какие «кони» влекут колесницу его культуры. То был, говоря метафорически, по-истине, изумительный бешеный бег в одной упряжи праафриканского дикого льва, стихийного ливийского страуса, мощного азиатского быка и тяжеловесного южно-африканского бегемота.

Разложение наступило с замедлением и остановкой культурного творчества. В силу разных причин, после блестящей поры, отмеченной строительством пирамид, наступило, начиная с Седьмой династии, смутное время, продолжавшееся около 300 лет, вплоть до эпохи Одиннадцатой династии. Сколько нибудь значительных и интересных литературных памятников от этой поры не сохранилось. Но, вот, наступает новая блестящая полоса древнеегипетской истории, так. наз. Среднее Царство, и народ получает опять созидательный импульс. Однако, мы тут же сразу видим, что и народ, и импульс не те, что были раньше. Изменился и сам фараон. Дейстительно, мыслимо ли было в дни Нармера, Снофру, Хуфу (Хеопса)—царей, зачинателей культуры, такие подточенные в корне речи, как «Наставление» фараона XII династии Аменемхета I сыну Сенусерту.

Не приближайся к людям один,
Не заполняй своего сердца братьями,
Не знай друзей,
И да не будет у тебя лиц,
Которым ты бы доверял:
В этом нет никакого смысла! [35]).

Народ в лице его передовых людей, начал задумываться над смыслом жизни. Окружающее стало неудовлетворять его, правда, преимущественно с утилитарной стороны, но все же достаточно остро и непоправимо, чтобы доводить людей до самоубийства.

Итак, первая причина появления пессимизма в указанную эпоху в древнем Египте, кроется, возможное дело, в том, что с ослаблением творческо-культурного импульса проявилась мозаичность народного типа, и в то время, как одни составные этнические элементы способствовали его парению в сферу духа, другие, как раз напротив, пригибали его к земле. Вместо изумительной картины колесницы древне-египетской культуры, бешено мчащейся

[35]) См. Д. Г. Брэстед, История Египта, т. I, стр. 188.

в одном определенном направлении,—несмотря на то, что ее влекли разнородные, чуть что не апокалиптического вида животные, получалось... лебедь, рак и щука! Однако, остановиться на подобном истолковании все же значило бы слишком недооценивать египтянина, как *человека*.

Мы видим, что пора полной порабощенности древнего египтянина авторитетом фараона и жрецов понемногу сменяется освобождением его личности. Внешне это ознаменовывается, как я уже говорил, отходом поместной знати от фараона и, далее, среднего городского сословия от поместных князей, появлением чего то в роде биографий, упоминанием со стороны военачальников и руководителей экспедиций о своих собственных подвигах и достижениях, наряду с царскими деяниями, которыми прежде исчерпывали все содержание анналов. Но всего поразительнее сказалась эмансипация личности в древнем Египте, как это ни кажется странным на первый взгляд, в развитии *магии*.

Глубоко показателен самый факт появления и дальнейшего пышного развития в Нильской долине мантики. Несомненно, то, что мы имеем по этой части в древнем Египте, по большей части, представляет собою *суррогат мысли*, как таковой. Тем не менее, самый факт от'единения себя от божества и предположение о возможности воздействовать на него, так сказать, извне *своей* волей и *своим* словом, это, само по себе уже мысль [36]), чего нельзя сказать относительно солнечных прозрений древнейшей поры, как бы ни были они возвышены. Эта мысль есть ничто иное, как подсознательная формула новейшего индивидуализма: «Я есмь я». За свое богоотступничество человек несет тяжкую кару. Тоска одиночества сменяет прежнее уверенное и счастливое пребывание в лоне небесного и земного божества (фараона). Наряду со все чаще и чаще разгорающимися гражданскими смутами, обусловленными тем, что каждый стремится устроиться, как *ему* лучше, развивается разочарованность человека, непривыкшего опираться только на собственные силы. Жизнь становится тягостной, смерть начинает казаться желанной.

В связи с вышесказанным интересно узнать, что сам Ипувер отмечает в числе всякого рода разглашенных во время революции заповедных вещей, также и *тайну мантики*. «Опустошено сокровенное место, говорит он: разоблачены магические чары. Заклинания *сем* и заклинания *сехен*, потеряли силу, ибо все их знают [37]). В другом месте Ипувер отмечает: «Змея вынута из своего гнезда. *Тайны царей* Верхнего и Нижнего Египта *разглашены*» [38]). Что это значит? Змея—это царский *урей*, или аспид, украшавший корону и знаменовавший собой о высочайших и глубочайших прерогативах фараона,

---

[36]) Я, разумеется, ни одной минуты не упускаю из виду, что магия встречается у самых малокультурных народов, причем лишена у них какого бы то ни было намека на мысль, в собственном смысле слова, а является продуктом особого стихийного психофизиологического процесса. Сближая, хотя и крайне осторожно, с мыслью магию именно др. Египта, я делаю это в силу ея специфических особенностей.

[37]) Пап. 6, 6, стр. 46, 47.

[38]) Пап. 7, 5—6, стр. 55.

как сына солнца и как земного божества. Змея—это богиня Хатор-Тефнут, это страшное око солнца, испепеляющее врагов, топящее в море крови супостатов, как об этом повествует в эпико-мифической «Повести об истреблении человеческого рода», дерзнувшего итти наперекор божественному властелину, изначальных времен, богу-солнцу, Ра. Вспомним это, когда услышим воззвание Ипувера к «пастырю», еще могущему вернуть Египту утраченную славу. Этот пастырь—все тот же бог Ра. Священный урей, которым он венчает чело фараона, это знак переданной ему божественной власти. И, вот—«*Урей вынут из своего гнезда*»—фараон развенчан? «*Тайны царей* Верхнего и Нижнего Египта *разглашены*». Здесь было бы слишком долго говорить о том, какие безконечно важные религиозные подосновы крылись в представлении древних египтян в институте царской власти. Я ограничусь только указанием на то, что царская власть, само царское бытие в древнем Египте, это установление не только исключительно государственно-юридического порядка, как в наши дни, а ознаменование глубочайшей и притом действенной мистерии. Ее, эту мистерию, надо было через определенные промежутки времени, в так. наз. празднества *Хеб-сед*, как бы заново оживотворять, заново сочетать с жизнетворными токами солнца. Тогда воздвигались новые, по возможности высочайшие, обелиски, и царское «я» обретало новый, освеженный импульс к созидательной работе, а через царя и весь народ. Так было *до* революции. Теперь же урей вынут из своего гнезда на короне, и тем самым царь от'единен от божества, а через него и весь народ. Тайны царей, как и высших достижений мысли, тайны магии, развеяны по ветру и потеряли свою действенную силу, ибо любой невежда бормочет или насвистывает их на площадях и перекрестках. Надо только на минуту осознать всю ценность божественных установлений *мысли* и *власти*, как они представлялись египетским мудрецам-патриотам, чтобы понять ту действительно потрясающую трагедию, которую они переживали в то время, и то, как они болели душой за свою страну, опозоренную и опустошенную тлетворным, мирским духом времени. Египет без магических чар, Египет с обезбоженным царем-пигмеем, игрушкой в руках вольнодумцев, которые сегодня еще терпят его призрачную власть во дворце, а завтра могут, если захотят, его прикончить [39]), такой Египет—не Египет! Это настолько невыносимо тягостное переживание, что Ипувер не решается много говорить о нем. Упоминая об этом с содроганием, как то вскользь, мудрец продолжает набрасывать короткими нервными штрихами картину полной государственной и общественной разрухи, с его точки зрения, полного социально-экономического переворота, как бы сказали в наши дни. Поражен пастырь и рассеялись овцы. Да, именно такими словами характеризует Ипувер состояние государственного механизма страны—«Вспугнутое стадо без пастыря»! [40]).

---

[39]) Ипув. 7, 1—7, 3, стр. 53—54.
[40]) Ипув. 9, 2, стр. 66.

Ипувер и с ним древне-египетский консервативный народ, которого, как показал дальнейший ход истории, было в долине Нила, куда больше, чем прогрессивного, на происходившее —

. . . . . в недоуменьи
Смотрит полный дум.
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.

Ах, этот шум, эта воцарившаяся неутомонная суета, они способны свести с ума египетских консерваторов, почитателей размеренной, раз навсегда установленной жизни! Они способны привести в отчаяние египетских мудрецов, познавших тайну безмолвия и свято соблюдающих формулу душ, угодных Осирису—«Я не говорил *лишних* слов» [41]). «Смута, вот, что ты посеял во всей стране вместе с шумом сумятицы» [42]), возмущенно кидает Ипувер в лицо обличаемого им порочного и слабовольного царя. «Шума достаточно в годы шума», восклицает он в другом месте своей филиппики: «нет конца шуму» [43]). Для мудреца это так докучно, что, будь это в его власти, он, пожалуй, решился бы на отчаянное средство, сущность которого ясна из его стона: «О, еслибы пришел людям конец, не было больше ни зачатий, ни рождений! О, еслибы затих шум на земле, не стало больше сумятицы!» [44]). Интересно отметить, что этот же самый «шум» пробуждающегося к жизни народа, ах, как был неприятен и внешним врагам Египта! «Возня» фиванских «гиппопотамов», как об этом повествует в символически-образной форме древне-египетская сказка, не дает покоя ни днем, ни ночью царю гиксосов Апопи. И, так как его требование убрать несносных «гиппопотамов» не исполняется фиванским князем Секененра, то разгорается война, в результате которой, увы, «гиппопотамы» торжествуют, и их докучная «возня», перекатившись через пределы Египта, преследуют врагов на их собственной территории! Если внешние враги, о которых повествуется в нашем тексте, были гиксосы или их передовые полчища, то факт шума, сугубо отмеченный, как с их, якобы, стороны в фольклористически-образной форме, так и со стороны египетского консерватора, приобретает особый интерес. В то время, должно быть, действительно, был такой адский шум и происходила такая сумятица, которые не обещали покоя ни днем, ни ночью уравновешенным представителями старого строя.

Ипувер подробно знакомит нас с тем, откуда проистекал этот «шум», именно, с новым порядком вещей. Вот, каковы частно-экономические отношения. «Люди зажиточные охвачены печалью, а неимущие ликуют». «Неимевший собственности, теперь состоятельный человек. Бедняки стали

[41]) См. Отрицательную Исповедь, в Книге Мертвых, гл. XXV.
[42]) Пап. 12, 12—13, стр. 84.
[43]) Пап. 4, 2, стр. 36.
[44]) Пап. 5, 14—6, 1, стр. 44.

богачами, а владельцы собственности сделались неимущими» [45]); «тот, кто вымаливал для себя подонки, теперь владеет чашей, переполненной до краев» [46]); «бывший владелец одеяний ходит в лохмотьях, а тот, кто никогда для себя не ткал, имеет теперь полотно» [47]); тот, кто раньше никогда не делал для себя лодки, теперь владелец судов» [48]), «тот, кто не мог построить себе погреба, теперь хозяин палат» [49]); «неимевший хлеба, владеет закромами, его амбар переполнен чужим достянием» [50]) и т. д., и т. д. Одним словом, тот, кто раньше ничего не имел, преизбыточествует теперь во всем. А в каком положении тот, кто раньше владел состоянием? Ему негде преклонить свою голову ночью, у него «нет тени» [51]) днем, ярким раскаленным египетским днем! И, как днем, так и ночью, его одинаково мучают голод и жажда, «Князья голодают» [52]) , говорит Ипувер. «Некогда состоятельный человек проводит ночь томимый жаждой» [53]), «на земле» [54]), благородные дамы ходят голодные» [55]), «хорошие вещи имеются в стране, а оне говорят: «Ах, если бы у нас было что поесть!» [56]), и это потому, что «мясники сыты тем, что предназначалось для них» [57]). Далее они ходят оборванные, «их членам приходится плохо, так как оне в рубищах» [58]). Но бедствия их не исчерпываются этим. «Прежние рабы, слышим мы, стали господами рабов» [60]). И эти новые рабы, не старые ли это господа? Мы находим в свитке указания на принудительные, или во всяком случае подневольные работы для египетской знати с жестокими приемами Так, мы читаем, что «князья находятся в запасном магазине» [61]), что «тот, у кого не было раньше подчиненных, теперь имеет рабов, знатный же человек исполняет теперь, чужие поручения» [62]), «строители пирамид сделались земледельцами» [63]), одевавшие в виссон, подвергаются побоям» [64]), «благородные дамы страдают как рабыни» [65]). «В общем им живется так плохо, что «сердце у них замирает» [66]), когда они встречаются друг с другом и видят, до чего довел их новый строй. Вчерашние господа стараются

[45]) Пап. 8, 2, стр. 61.
[46]) Пап. 7, 11, стр. 58.
[47]) Пап. 7, 11—7, 12, стр. 58.
[48]) Пап. 7, 12, стр. 58.
[49]) Пап. 7, 9, стр. 57.
[50]) Пап. 8, 3—8, 4. стр. 61.
[51]) Пап. 7, 13 стр. 58.
[52]) Пап. 5, 2, стр. 41.
[53]) Пап. 7, 10—11, стр. 58.
[54]) Пап. 9, 1, стр. 66.
[55]) Пап. 9, 1, стр. 66.
[56]) Пап. 3, 3, стр. 31. Ср. Пап. 7, 11, стр. 58.
[57]) Пап. 9, 1—2, стр. 66.
[58]) Пап. 3, 4, стр. 31.
[59—60]) Пап. 8, 2—3, стр. 61.
[60]) Пап. 8, 2—3, стр. 61.
[61]) Пап. 7, 10, стр. 57.
[62]) Пап. 9, 5, стр. 68.
[63]) Пап. 3, 6, стр. 32.
[64]) Пап. 4, 8—9, стр. 38.
[65]) Там-же 4, 12.
[66]) Пап. 3, 4, стр. 31.

улучшить свое положение подобострастием. Они «прославляют» [67]) новых владык. Но это ни к чему не ведет. Преследование идет все дальше. «Дети князей выбрасывают на улицу» [68]) и «разбиваются об стены» [69]). Гонениям подвергаются не только живые представители привиллегированного класса, но также и мертвые. Мы читаем об осквернении могил: «владельцы гробниц выброшены наружу» [70]), «находившиеся в месте бальзамирования, кладутся теепрь наземь» [71]), входят в гробницы и сжигают статуи» [72]). Все это проделывается нетолько с одними простыми смертными. Не щадятся и мумии царей». «Тот, кто погребался как сокол (бог Гор), выброшен вон. То, что хранила в себе пирамида, исчезло» [73]). Если учесть что значил для древних египтян погребальный культ, то это преследование мертвых приобретает особый оттенок и силу. Высокородному человеку наносился удар и в этой жизни и в той, наносился, как в лице его самого, так и в лице его предков и потомков. Таким образом, социальная революция в древнем Египте, как и всякое, вообще, явление в этой стране переступало, может быть, помимо сознания ее деятелей, за пределы времени— в вечность. Следует, однако, заметить, что самое установление высокого положения в этой жизни и надежда на спасение в потустороннем мире не уничтожались. «Тот, кто не мог соорудить себе саркофага, стал теперь владельцем гробницы [74]). «Следовательно, дома мертвых, так же, как и дома живых, только меняли своих владельцев. И, как в прежнее время, рабы оставались рабами своих господ и в загробной жизни, так же точно и в дни революции новые рабы, из числа низведенных до этой степени господ, должны были играть холопскую роль и в том мире, если только они не претерпевали «второй», или окончательной смерти, в силу того, что были насильственно лишены всего своего посмертного снаряжения. Так глубоко взрывала революция в этой чудесной стране народную душу!

Присвоение чужой собственности носило в значительной мере хаотический и хищнический характер. Этого отрицать нельзя. Но на ряду с самым бесшабашным стремлением египетской голытьбы урвать, что только можно, в то время, может быть, намечалось и нечто вроде социализации царской и частной собственности. Так, мы слышим от Ипувера, что «царские склады сделались *общим* достоянием» [75]), при чем перечисляется содержимое этих складов: «пшеница и ячмень, гуси и рыба, беленая ткань и тонкое полотно, бронза, масло» [76]) и т. д. В другом месте свитка мы читаем, как будто, о национализации хлеба: «зерно Египта сделалось общим

---

[67]) Пап. 8, 2, стр. 61.
[68]) Пап. 6, 13, стр. 51.
[69]) Пап. 4, 3, стр. 36.
[70]) Пап. 7, 8, стр. 56.
[71]) Пап. 4, 4, стр. 37.
[72]) Пап. 16, 14, стр. 94, ср. также Пап. 12, 10, стр. 83.
[73]) Пап. 7, 2, стр. 54.
[74]) Пап. 7, 8, стр. 56.
[75]) Пап. 10, 3—4, стр. 72.
[76]) Пап. 10 4—5, стр. 72.

достоянием» [77]). Я говорю «как будто». Факт не может считаться никоим образом установленным, ибо, с одной стороны, не окончательно достоверно чтение самого слова «зерно», а потом «общее достояние» пониматься может двояко, и в смысле социального, и в смысле самого широкого, если хотите общенародного, но все же частновладельческого достояния [78]). В заключение следует заметить, что переход собственности, как движимой, так и недвижимой, в народные руки навсегда обходился благополучно. Дома неоднократно разрушались или сжигались, обстановка разносилась в щепы. «Раскалывались драгоценные ларцы из черного дерева» [79]) и другие высокохудожественные произведения прославленных древнеегипетских художников и ремесленников. Не надо, однако, видеть, здесь нарочитой тенденции гонения на искусство. Напротив, наблюдается своего рода любование в этой сфере со стороны новых ценителей прекрасного. Естественно, прежде всего, это касается предметов прикладного искусства—обстановки, украшений, косметики. «Неимевший ларца сделался теперь владельцем ларя» (ларя, конечно, художественного) [80]). «Вчерашний раб покоется на роскошном ложе [81]), пьет из драгоценных, чудесно изукрашенных сосудов. Не обходится дело без женского кокетства. «Та, которая раньше смотрелась в воду (да часто ли она за недосугом и в воду-то смотрелась?), теперь получила зеркало [82]). «На что же она любуется в нем? А вот на что «Золото и лупис-лазули, серебро и малахит, сердолик и бронза, висят на шее у рабынь [83]). «Мужчины не отстают от женщин. «Тот, у кого волосы падали в беспорядке, и у кого не было туалетного масла, получил теперь в свое обладание сосуды с чудесной миррой [84]). Некогда батрак, подавленный работой и не помышлявший даже о лютне, он владеет теперь арфой [85]). Итак, припомаженные и принаряженные, новообеспеченные кавалеры и дамы сходились вместе, чтобы «восхвалять богиню Мерт», другими словами, чтобы петь и веселиться [86]).

Перевернутым вверх дном, или даже совершенно уничтоженными оказались старое законодательство и судопроизводство, старая система цензового обложения и вся вообще централизованная бюрократическая машина. «Законы судной палаты, говорит Ипувер, выброшены, и люди топчут их ногами в общественных местах, неимущие нарушают их на улицах» [87]). «Прежнее судопроизводство Палаты Тридцати разглашено. Великая судебная палата переполнена толпой. Бедняки входят и выходят из Ве-

---

[77]) Пап. 6, 9, стр. 49.
[78]) На это как будто намекает другое место в Папирусе, 10, 3—4, стр. 72.
[79]) Пап. 3, 4, стр. 32.
[80]) Пап. 8, 5, стр. 62.
[81]) Пап. 7, 10, стр. 57.
[82]) Пап. 8, 5, стр. 62.
[83]) Пап. 3, 2—3, стр. 31.
[84]) Пап. 8, 4, стр. 62.
[85]) Пап. 7, 13, стр. 59.
[86]) Пап. 4, 12—13, стр. 38—39, ср. также Пап. 7, 14, стр. 59.
[87]) Пап. 6, 9—11, стр. 49.

ких судебных домов» [88]). То же короче в другом месте: «Великолепный судебный зал—документы похищены из него» [89]). Великие судебные дома», о которых здесь говорится, числом шесть, функционировали в эпоху Среднего Царства, или, вскоре после того. В последнее время они находились в столице Иттауи, несколько южнее Мемфиса, и правосудие отправлялось в них административными чиновниками, под председательством великого визиря. Также под председательством визиря функционировала, повидимому, и упраздненная в дни египетской революции высшая судебная инстанция. так.-наз. «Палата Тридцати». Документы, или «писания», которые по словам Ипувера были уничтожены толпой, это, надо думать, с одной стороны, своды законов, с другой, судебные акты. Наряду с разгромом судов, преследованию подвергались и те, кто отправлял правосудие, так мы читаем, что: Судьи страны разогнаны по стране» [90]).

О разгроме бюрократической системы и цензового обложения читаем нижеследующее: «Ни одно должностное лицо не на своем месте. Они точно вспугнутое стадо без пастыря» [91]). «Общественные учреждения раскрыты настежь и цензовые листы оттуда похищены [92]), «чиновники убиты, и их бумаги унесены» [93]), «свитки писцов уничтожены» [94]) и т. д. «Начальники страны», бегут [95]), и никому не сообщается о «положении страны». Смысл последних слов, очевидно, тот, что данные относительно начала и течения нильских разливов, степени поднятия воды, виды на урожай и т. п., одним словом, все данные, касающиеся государственного фиска, раньше неукоснительно сообщавшиеся в столицу, в канцелярию визиря, теперь остаются втуне. Стройная централизованная система сложного земледельческого и иного хозяйства в стране рушилась, и следствия этого не замедлили сказаться самым пагубным образом. «Все гибнет» [96]), с отчаянием восклицает Ипувер. Дело в том, что природные условия в Египте таковы, что страна может экономически процветать только при наличности в ней единой и сильной власти. В описываемую же эпоху старая, царская власть фактически была сведена к нулю, новая же, народная, еще не успела организоваться. Центробежные силы преобладали. Разруха сказывалась необычайно резко.

Общие условия, при которых древне-египетским демократам приходилось налаживать государственный механизм, были необычайно тягостны. Отдельные факты роскошествования в их среде только еще сильнее подчеркивали картину общего оскудения и обнищания. От голода и ужаса «стон стоит по всей стране, вперемежку с рыданиями» [97]). Сколько раньше засева-

[88]) Пап. 6, 11—12, стр. 50—51.
[89]) Пап. 6, 5—6, стр. 46.
[90]) Пап. 7, 9, стр. 57.
[91]) Пап. 9, 2, стр. 66.
[92]) Пап. 6, 7, стр. 48.
[93]) Пап. 6, 8, стр. 48.
[94]) Пап. 6, 9, 49.
[95]) Пап. 8, 14, стр. 66.
[96]) Пап. 9, 6, стр. 69.
[97]) Пап. 3, 14, стр. 35.

лось зерна и сколько теперь, когда приходится, как мы слышали, выходить пахать вооруженным? И и та малость нередко погибает на корню за недостатком рук для уборки, а временами всю страну постигает жестокий неурожай. Приходится питаться лупином, дуррой и другими кормовыми злаками, отнимая их от скота, «вырывая их изо рта свиней» [98]), а то так и просто травой. Прянностей и масла нет и в помине» [99]). В результате нельзя отличить живых от мертвых. «Люди бродят по земле, как сонная рыба [100]). Более робкие от ужаса «ничего не различают на земле», в то время, как более решительные, гонимые все тем-же ужасом, сами кидаются в пасть крокодилам, «уже пресыщенным добычей» [101]). Вся страна в целом «предоставлена собственной усталости, точно скошенный лен [102]). После этого понятно, что «великий и малый говорят—«мне хотелось бы умереть!»—И дети бросают упрек по адресу отца—«Ему не следовало бы производить меня на свет!» [103]). Бедствие таково, что даже «сердца животных обливаются слезами» [104]). При настоящих условиях ясно, что «смерти вдосталь» [105]) в стране. «Всюду можно найти человека, закапывающего в землю своего брата» [106]). «Покров мумии, говорится потрясающе красноречиво, вопиет, еще прежде, чем человек к нему приблизится» [107]). Умирает так много людей, что негде хоронить. «Много мертвых погребается в реке» (другими словами, просто кидаются в воду), «поток служит гробницей, и местом бальзамирования сделалась река» [108]). Смертности, кроме голода, убийства, гражданской резни и войн на все фронты, способствует чума, свирепствующая по всей стране. Тяжко умереть, но еще ужаснее умереть и не быть набальзамированным, хотя бы примитивно, и тем спасти от разложения свое тело, а следовательно и душу. И, вот, Ипувер, как будто забывая, что не стало теперь вельмож и обнищал клир, горестно восклицает, намекая на внешнюю изолированность Египта: «Никто больше не плывет теперь на север в Библ (в Сирию). Где же нам достать кедров для наших мумий, с помощью которых погребаются жрецы, и маслом которых набальзамировываются вожди? Их не доставляют больше!» [109]).

Мы слышали достаточно фактов, чтобы довольно отчетливо представить себе картину Египта тех революционных дней. Страна, некогда простиравшаяся за третьи нильские пороги, на юге, и включавшая в свои пределы Синайский полуостров и южную Сирию, на северо-востоке, урезана теперь до крайности. Это уже более не первостепенная монархия, а ничтожное

[98]) Пап. 6, 2, стр. 45.
[99]) Пап. 6, 3, стр. 46.
[100]) Пап. 2, 13, стр. 29.
[101]) Пап. 2, 12, стр. 29.
[102]) Пап. 4, 5, стр. 44.
[103]) Пап. 4, 2—4, 5, стр. 36.
[104]) Пап. 5, 5, стр. 42.
[105]) Пап. 2, 6, стр. 25.
[106]) Пап. 2, 13—14, стр. 29.
[107]) Пап. 2, 6, стр. 25.
[108]) Пап. 2, 6—7, стр. 26.
[109]) Пап. 3, 6—8, стр. 32.

полукняжество, полуреспублика, внутри раздираемое междоусобиями и терзаемое врагами извне. Все его устои поколеблены до основания, и, кажется, вот-вот он рухнет и не поднимется вновь. «И он переселен, пошел в плен, даже и младенцы его разбиты на перекрестках всех улиц, а о знатных его бросали жребий, и все вельможи его окованы цепями» [110]). Да, поистине, взирая на тогдашний Египет, можно вспомнить эти слова пр. Наума, обращенные к нему хотя и много позднее, и другие слова того же пророка, обращенные к его будущему смертельному врагу Ассирии, которой тоже предстояло в свое время пасть: «Все твои укрепления подобны смоковнице со спелыми плодами: если тряхнут их, то они упадут прямо в рот желающего есть. Вот и народ твой,—как женщины у тебя: врагам твоим настежь отворятся ворота твоей земли, огонь пожрет запоры твои» [110]).

Мы видим в то время на арене мировой истории противопоставленными друг другу все тогдашние наиболее могущественные государственные образования. Подобное же грандиозное взаимное столкновение мы обнаруживаем и в сфере идеологии того времени. Сторона общественная, политико-экономическая, внешняя, развертывается в этом смысле параллельно стороне внутренней, индивидуально-умозрительной. Самоопределяется государство в целом, самоопределяются и отдельные его составные части. Египет внешне обессилен. Как будто обессилен и, даже более того, как будто, до конца сокрушен и его исконный державно-теократический принцип. Новая народно-индивидуалистическая идеология, кажется, готова торжествовать победу над старой идеологией отрешенного самоопределения в боге через фараона.

Какова же идеология того времени, или вернее *идеологии*? Ибо в действительности их две—воинствующая новая и старая, не желающая сдавать своих позиций.

Я уже вкратце указывал на индивидуалистическую предпосылку новой идеологии. Отмечу теперь другие, практически-жизненные. Говорит, однако, об'ективно о новой идеологии невероятно трудно, и это потому, что приходится извлекать ее из фактов, сообщаемых ярым ее противником. Первая революция в истории человечества не имела *своего* историографа, *своего* панегириста. Факт знаменательный и вполне понятный. Древнеегипетская революция, это был, заимствуя образ для сравнения из вавилонской истории о потопе, как бы первый *ворон*, выпущенный из ковчега пращуром мятежа слишком рано и не нашедший среди хлябей взбаламученного моря жизни той пяди земли, за которую он мог бы прочно уцепиться. По ходу дальнейшей истории страны видно, что он должен был снова вернуться в ковчег и притаиться в нем на много, много столетий. Египетские летописцы в общем обошли это важнейшее событие глубоким молчанием в силу, конечно, условий разрухи, с одной стороны, с другой же может быть, памятуя, что всякое слово, хотя бы и полемическое, дает силу и бытие факту, и что вернейшее средство уничтожить нежелательное явление или нежелательного человека,

[110]) Пр. Наум. III, 12—13.

это предать его полному забвению, совершенно стереть из памяти людей даже самое его *имя*. И если бы не экспансивность Ипувера, и нескольких других патриотов, о которых упоминалось выше, мы ничего не знали бы об этой революции [111]).

Идеология новых людей Египта в описываемый период, не отличалась, повидимому, четкостью. То была, как я говорил, первая, разрушительная стадия революции, когда всегда бывает больше стихийных порывов, нежели тщательно продуманных и планомерно проводимых в жизнь социальных формул. На этой стадии всегда видят врага в своем непосредственном окружении. Враг—это фараон, это знать, это разбогатевший и ставший влиятельным третий класс. Всех их надо стереть с лица земли, что делается без дальнейших проволочек. Следующее побуждение такое—надо усилиться самим. И, опять таки, как всегда, этого думают достигнуть путем присвоения оружия и собственности противника. Оба элемента, как бы бурно не проявлялись они во-вне, какими бы заревами и потоками крови не были они отмечены, являются по существу пассивными, они еще лишены творческих, созидательных элементов. В них, как таковых, кроется великий соблазн, которому легко подпадают восставшие рабы,—соблазн тлетворного влияния легко добытой власти и роскоши. Можно залюбоваться на себя в зеркало при виде сверкающих ожерелий, браслетов и запястий, сорванных с ненавистных плеч и рук. Пассивность пробуждения может иметь своим следствием пассивность в жизни. На то, что именно так и было в данном случае, имеется не одно указание в нашем свитке. Поля не обрабатываются. и, конечно, не только в силу страха перед внешними и внутренними врагами, а в немалой степени, вероятно, потому, что старые закрома еще не до конца расхищены. Новые здания не возводятся. и опять таки не из-за недостатка рабочих рук и материала, а потому, что не изо всех наличных домов выгнаны прежние владельцы. Ничто новое по существу не творится, а только перераспределяется старое. Но, может быть, в этом самом нераспределении кроется творческий момент. Да, действительно, из него *может* изойти новое стремление в сторону равенства и справедливости, но это не обязательно, и пока, на описываемой стадии революционного процесса первое стремление находится еще в самом зачатке, другого же и вовсе не видно. Новый привиллегированный класс населения поставлен на место старого. Это, опять таки, момент пассивный, сколько бы шума и суеты не было вокруг. Но покончить с древне-египетской идеологией описываемой поры подобным образом было бы, конечно, несправедливо. Она не исчерпывается одной пассив-

---

[111]) Не исключена, конечно, возможность нахождения анналов великой египетской смуты Если же их вообще нет, то самый этот факт, вместе с удручающим описанием Ипувера окажется чрезвычайно красноречивым. Надо помнить, как древние папеписты—Пентаулы умели представлять положение как победу, если к тому имелось хоть какая-нибудь защита. Хотя, конечно никогда не надо забывать, что argumentum ex silentio в общем аргумент не очень прочный.

ностью. Не забудем с одной стороны ее индивидуалистической закваски, не забудем, с другой, того, что эта революция протянула руку помощи меньшему брату, человеку, что, хоть и страшной ценой, но она отерла смертный пот со лба задавленных рабов, что в этом, как никак, сказалась *любовь*, что делать, что любовь к одним за счет ненависти к другим. И за эту, хотя бы частичную, хотя бы жестокую, *любовь* может быть прощено до семижды семидесяти раз. Итак эмансипация личности, стремление к свободе, власти и достатку, желание обеспечить лучшую долю угнетенным, вот основные побуждения новых людей Египта.

Спрашивать себя далее, какова старая идеология, побуждает нас не только чисто археологический интерес. Торжество новой идеологии было по существу, как ясно из вышесказанного, не очень прочным, и старой идеологии суждено было через некоторое время снова стать руководящей. Каковы же основные ее лозунги? Скажу кратко, их три—бог, царь и народ. Их три, но все они, как стороны в треугольнике, сочлены в единство. Это единство—непостижимо таинственное отражение на земле мира божественного—Египет. Посягнуть на одно, значит разрушить все. Что такое царь? Царь—это подобие и плоть бога-солнца. Что такое Бог? Бог—это творец и промыслитель людей. Люди его слезы. Они одушевлены, пока они в тесном союзе с ним. Без него, от него от'единенные, они немыслимы; вне Бога они увядают, как сорванный лотос. Народ египетский—народ, в своем роде, единственный: народ-богоносец! Итак, народ, царь и бог составляют в совокупности слитное единство. Величественным выражением последнего служит пирамида. Ее основание—народ, ее стороны, оформляющие ее в стройное целое — царская власть. И все вместе завершается в вершине, золотом пирамидионе—Боге.

Что же мы видим в дни революции? Пирамида поколеблена в самом своем основании—в народе. Устрашенные, растерянные, истощенные голодом и мором египтяне—это, по словам мудреца, «вспугнутое стадо без пастыря» [112]), готовы забыть, что они египтяне. Они перестают ходить в чистых белых одеждах, они начинают разбивать себе палатки, в подражание азиатам, они разгласили перед своими и чужими все тайны страны—священные стародавние тайны: тайна сокровенных мест, оплотов стратегических и религиозных, тайна нильской державы, тайна царской власти, тайна суда и расправы и много, много других исконных тайн родной земли разглашено, развеяно по ветру! Страна «повернулась, как круг горшечника» [113]), все стало в ней наоборот. Итак, народ уязвлен и растлен в самом своем корне. Второй устой Египта—в царе. И этот устой теперь уже не более, как призрак. «Змея вынута из своего гнезда» [114]) и тем самым ее носитель от'единен от Бога. Царь обезсилен и перестал служить опорой. Наконец, третий устой — вера. Но что же говорить о вере, когда люди, жалкие, презренные, сплошь и рядом готовы на подлог, когда вместо того, чтобы закалать тучных быков, они приносят в жертву тощих гусей [115]), и вместо того, чтобы кропить водой и

[112]) См. выше, стр. 289, пр. 40.
[113]) Пап. 2, 8, стр. 27.
[114]) См. выше, стр. 228, пр. 38.
[115]) Пап. 8, 12, стр. 65.

воскурят фимиам, они открыто хвастаются своим неверием? Нет более у Египта ни одного устоя, нет более Египта... «Все погибло!» [116].

Как ни страстно обличительна и полемична речь Ипувера, и как ни склонен мудрец представлять все в пределе, от нас не может укрыться, что рисуемые им перемены в стране далеко не так радикальны. Все внешне поколеблено, слов нет; но ни один из основных элементов древне-египетской жизни ни уничтожен окончательно. Сколько бы ни хотел уверить и себя и других Ипувер в том, что египтяне уже более не египтяне, мы видим, что по существу они остались все теми же. Царская власть обезкровлена до последней степени, но все же она продолжает существовать. Наконец, несмотря на вопли отдельных атеистов, несмотря на то, что богам приносят неподобающие жертвы и кадят перед ними ладаном, похищенным у старых ревнителей веры, несмотря на расхищение и захват гробниц и проч., и проч., все же, видно, что и вера в стране не угасла до конца, а как и все в долине Нила переживает *кризис*. В результате вся эта революция в целом рисуется нам, по существу, не как переход к новому миросозерцанию и к новому социально-экономическому строю, а как мощная встряска все еще действенных старых сил, встряска, имевшая своим следствием их *возрождение*.

Со свойственным древним египтянам противоречием Ипувер переходит без обиняков от полного отчаяния к надежде на это возрождение. В его речи имеется замечательное место, которое до сравнительно недавнего времени понималось, как пророчество о грядущем Мессии. Теперь, после раз'яснений издателя и толкователя текста Аллана Гардинера, замечается склонность видеть здесь намек на бога солнца, Ра, во время египетской доисторической правившего долиной Нила, не только как бог, но и как земной царь. То был, само собой разумеется, золотой век Египта. Но, вот люди стали порочны, замыслили измену, и бог, покарав их своим смертоносным оком, олицетворенным во всеуничтожающей богине Тефнут, вознесся от них подальше в небо. К нему, к доброму пастырю великих стародавних времен, обращается Ипувер своею мыслью, в боге полагает он свою главную надежду на спасение страны от людей, он ждет нравственного самосовершенствования и энергии, но все же Бог-Солнце нелицеприятен. Он «*не отмечает кроткого перед яростным*. Он изливает прохладу и на то, что распалено. Сказано: он *пастырь людей, нет зла в его сердце*. Когда стадо его рассеется, он посвящает день на то, чтобы собрать его вместе» [117]). Мудрец скорбит, что Бог заблаговременно не прозрел этой природы людей. Иначе бы он пресек порок, или даже искоренил бы человеческий род в самом начале Теперь же единственная надежда на грядущего Спасителя. «*Семя должно изойти от женщины из народа*, в пророческом провидении восклицает мудрец: и явится воитель,

---

[116]) Пап. 9, 6, стр. 69.
[117]) Пап. 11, 13—12, 1, стр. 78.

дабы уничтожить неправое, что совершили люди. Нет кормчего в их время. Где он в сей день? Или он дремлет? Вот, мощи его еще не видно!» [118]).

Так надежда и отчаяние нераздельны в сердце старого Ипувера. «Трости надломленной не переломить...». Он не отмечает кроткого перед яростным, «Нет зла в его сердце». В этих и нескольких других фразах мудреца египетская древность перекликается с Новым Заветом.

В своем возвышенном провидении Месии Ипувер—Ипувер не ревнитель старины, непримиримо возстающий против всего нового, а Ипувер-мыслитель, Ипувер-хранитель двухтысячелетней мудрости, этот Ипувер, поднимается до такого безпристрастия, которого редко когда удавалось достигать древнему человеку. Его Бог—*нелицеприятен*. Спасение народа *в равенстве*. И еще—«семя взойдет от женщины *из народа*». Так, в момент высшего прозрения представитель знати говорит почти в унисон с тогдашней демократией, в первом случае, т. е. в отношении идеи равенства, конечно, поскольку, как я говорил, в устремлениях этой самой демократии имелось налицо соответствующее побуждение. Ипувер говорит *почти* в унисон. Совпадение не абсолютное, больше по форме, чем по существу. Мудрец говорит о равенстве *перед Богом*. Народ ж, если и думает, то только о равенстве в отношении *распределения материальных благ*. Но все же примечательно, что в какой то точке, пусть еще не в реальной действительности, а только в идеологии, да сошлись древне-египетские полярности того времени—сбрасывающий цепи многовекового рабства темный народ и носительница древней мудрости—знать. Сошлись, это правда, чтобы тотчас же вновь разойтись, одна—стремясь к далеким потусторонним идеалам теократического государства Солнца, другая—увлекаемая непреодолимым желанием, какой угодно ценой, и не заботясь о далеком, обеспечить всем униженным и оскорбленным наилучшую долю здесь, на земле.

В. Викентьев.

---

[118]) Нап. 12, 4—6, стр. 78.

Проф. В. К. Мальмберг и искусство Древнего Востока.

«Он летит, летящий.
Он улетает от вас люди,
Он не к земле—он к небу».
(из «текста Пирамид»).

Мой небольшой этюд посвящен обзору одной из сторон ученой деятельности недавно скончавшегося известного исследователя в области древнего искусства, Владимира Константиновича Мальмберга, именно его штудиям в области искусства Древнего Востока, по преимуществу скульптуры.

Проф. Мальмберг в течение ряда лет пристально вглядывался в многочисленные образцы примечательного творчества египетских скульпторов, находящихся в голенищевской коллекции Музея Изящных Искусств, которую он хорошо изучил.

Он тонко почувствовал все своеобразие, всю прелесть прекрасных памятников, созданных одареннейшим народом Востока.

Заинтересовавшись этим искусством, проф. Мальмберг старался выяснить многие, неясные с нашей точки зрения, стороны египетской скульптуры, главным образом в рельефе.

Считаясь с религиозными, с магическими представлениями, влиявшими на это искусство, с крепкими традициями, приведшими к созданию известного канона, проф. Мальмберг все же тщательно старался реально об'яснить многие своеобразные приемы египетских скульпторов.

Обладая исключительно хорошим глазом, замечающим мельчайшие детали, тончайшие нюансы в рассматриваемом им памятнике, он делал ряд важнейших наблюдений. Глубокий ученый, создавший ряд ценных теорий, в корне меняющих установившиеся взгляды, проф. Мальмберг обладал крупным научным фундаментом, который в соединении с его наблюдательностью давал блестящие результаты.

Проф. Мальмберг, прежде всего, смотрел памятник, он проникал в его сущность, он детализировал его, он сживался с ним, а затем уже начинал его обследовать, знакомясь подробно с существующей по данному вопросу научной литературой. В процессе работы он всегда так искренно, почти по-детски увлекался и всецело отдавался намеченной им теме, часами он мог о ней говорить, наблюдать и обследовать.

Имея поразительную зрительную память, В. К. никогда не забывал того памятника, который он хотя бы и один раз и порою мельком видел.

Мы, его ученики, подчас даже удивлялись этой особенности; проф. Мальмберг моментально припоминал памятник, приведя все подробности его и делал соответствующие ссылки и сравнения с другими.

Заняться тем или иным вопросом египетской скульптуры побудило покойного, главным образом, Голенищевское собрание. Посещая этот отдел, проф. Мальмберг сначала в своих лекциях, а затем семинариях и частных беседах и, наконец, в научных трудах высказал свои соображения по интересующим его вопросам. Результат получился блестящий—проф. Мальмбергу безусловно принадлежит новое в области изучения древних египтян, хотя напечатано им по этому вопросу немного.

С первого года существования Музея начали издаваться «Памятники Музея Изящных Искусств», посвященные описанию и обследованию подлинников, хранящихся в стенах Музея. Общая редакция принадлежала таким видным специалистам, как проф. Мальберг и проф. Б. А. Тураев, участниками же являлись выдающиеся русские и иностранные ученые. Вот здесь то покойный проф. Мальмберг и поместил несколько статей-описаний, подлинников египетского собрания.

Представляя большой научный интерес, эти работы являются классическими образцами научно-художественных описаний памятников. Заинтересовавшись специальным вопросом об изображении человеческой фигуры в египетском рельефе, проф. Мальмберг в 1915 году выпустил свой оригинальный труд «Старый предрассудок». В этой работе проф. Мальмберг дает ряд очень интересных наблюдений по поводу изображений человеческой фигуры в египетском рельефе. Все наблюдения базируются на подлинных произведениях египетского искусства блестящей коллекции В. С. Голенищева, а также на прекрасно подобранном, необходимом ему материале памятников, находящихся в заграничных музеях, которые он дает в художественно исполненных фотографиях.

Преобладающий взгляд в руководствах по египетскому искусству по поводу воспроизведения человеческой фигуры в рельефе и рисунке сводится к следующему: египетский скульптор передавал на плоскости человеческую фигуру так, что голова и ноги ставились в профиль, а верхняя часть корпуса en face, живот в три четверти и служит как бы переходом от одного положения к другому. Делались попытки других толкований, но в достаточной степени несмелых и несколько неясных, как, например, у Capart,а затронувшего эту тему, так успешно разработанную проф. Мальмбергом.

Рассматривая в собрании Голенищева изображения «начальника казначейства Иси», представленного на двух плитах, причем один раз фигура изображена вправо, другой—влево и еще ряд других, не менее интересных подлинников египетского искусства, проф. Мальмберг приходит к выводу, что в «египетском рельефе и рисунке, при развернутых плечах мы никогда не имели перед собой туловище впрямь, а всегда сбоку, как доказывает линия очертания: одна всегда представляет контур груди и живота, другая спин и сидения», что же касается расширения туловищ, то это об'ясняется изображением обоих плеч и необходимостью пригнать внешние контуры корпуса к подмышникам.

Касаясь изображения груди в рельефе, проф. Мальмберг убедительно доказывает, что всегда представлялась та грудь, в какую сторону более обращена фигура, для чего он сравнивает рельефное изображение со статуарным в профиль и применяет опыт скомбинированного бокового снимка фигуры со снимком плеч спереди.

Затем проф. Мальмберг останавливается на обзоре женских изображений в рельефе, отметив те же приемы, которые применялись для изображения мужчин.

Кроме того, проф. Мальмберг рассматривает фигуры более или менее правильно предетавленных в профиль, как-то изображения пленников, изображения богини Нут на саркофагах и в качестве иероглифического знака позднего времени и некоторые другие.

Попытки изменить положение плеч встречаются еще в период Древнего Царства, как например, в гробнице Ти или на столбах, относящихся к могиле вольможи Нефер-Сехем-Ра.

Вполне правильный профильный рисунок в Древнем Царстве давался только в изображении статуй и не живых людей, и вот проф. Мальмберг приходит к следующему выводу: «Итак нельзя говорит о неумении изображения египтян человека на плоскости, о стремлении выразить эти измерения посредством двух наиболее ха-

рактерных: профильное изображение комбинируется с развернутыми плечами и поставленным en face глазом».

Смелая и в достаточной мере убедительная теория проф. Мальмберга о том, что контур тела изображается в полном профиле, находит живой интерес и приветливый отклик среди историков египетского искусства, среди египтологов. Правда, некоторые детали возбуждают сомнения и частично опровергаются.

Кроме работы о египетском рельефе проф. Мальмберг еще напечатал «Заметки о древне-египетской статуарной пластике», являющиеся эстетическим введением в описание статуй и статуэток Голенищевского собрания. Интересуясь вопросом о материале для круглой скульптуры, о влиянии его на характер произведения и на способ их обработки, проф. Мальмберг, отмечая существовавшее в некоторые эпохи стремление к преднамеренной борьбе с материалом, указывал на господствующую тенденцию, заключающуюся в том, что обычно материал ставил известные границы творчеству художника, что, безусловно, наблюдается в скульптуре древних египтян.

Отметив монументальный характер этого искусства, проф. Мальмберг разбирал отдельные позы египетских статуй, указывая на те или другие их особенности, как со стороны эстетической, так и технической.

Своими исследованиями проф. Мальмберг всячески старался подтвердить постепенно укоренившееся сознание, отрицавшее косность египетского искусства, его, якобы, застывшие формы, его абсолютное однообразие на протяжении тысячелетий.

Если можно говорить о консерватизме египетского искусства, то только в его относительной условности.

Имея под руками готовый материал в египетском отделе музея, проф. Мальмберг обследовал статуарные изваяния разных периодов и в различных стадиях обработки.

Описания его могут считаться образцовыми, так как он в истинном смысле слова обследовал памятник со всех сторон, давая его художественно научное описание, попутно бросая свои тонкие наблюдения и остроумные замечания, являющиеся материалом для дальнейших исследований в этой области.

Целый ряд наблюдений сделал проф. Мальмберг и в области ассирийской скульптуры, главным образом в рельефе. Некоторые из его замечаний напечатаны в описании памятников азиатского зала в путеводителе Музея Изящных Искусств.

Проф. Мальмберг интересовался различием в приеме передачи плеч в ассирийском рельефе.

В изображении царей и божеств при профильном положении фигуры, отдаленное от зрителя плечо было выдвинуто вперед, это было обусловлено установившейся традицией. К второстепенным же фигурам, как слуги, воины,—применяется новый прием и перспектива тут передавалась правильнее. Следовательно, характерным является то, что успехи в развитии искусства связывались с изображением второстепенных лиц. Как чрезвычайно убедительную параллель из области греческого искусства, проф. Мальмберг проводит двоякого рода изображения кентавров.

Проф. Мальмберг в течение ряда лет читал лекции в университете, на Высших Женских Курсах и в Археологическом Институте по искусству Древнего Востока и вел практические занятия по этому же вопросу. И тут опять проф. Мальмберг старался использовать имеющийся богатый подлинный материал Голенищевского собрания. Ряд чрезвычайно интересных тем давал он на этих семинариях и заинтересованная молодежь с увлечением работала над подлинниками, знакомясь с литературой данного вопроса.

Последнее время проф. Мальмберг подготовлял со своими слушателями перевод труда «Hedwig Fechmeier. Die Plastic der Aegypter», предполагая дать к нему введение с рядом своих соображений по скульптуре древнего Египта, дополнив этим оригинал.

Много работ подготовлял, обдумывал покойный проф. Мальмберг, но не суждено было ему их закончить.

Правда, одну свою работу, представляющую огромный интерес, о древнем рельефе, куда входит и восточный рельеф, проф. Мальмберг отправил печатать в Ригу, но дальнейшая судьба этой рукописи неизвестна.

Тем больнее, тем тяжелее утратить такого выдающегося ученого, чем больше вспоминаешь, что было им задумано, что было даже обработано.

Великая любовь к искусству, крупная творческая сила дают проф. Владимиру Константиновичу Мальмбергу место среди тех, кому «дана жизнь на век»—по выражению древних египтян.

Т. Козьмина-Бороздина.

Искусство Восточной Азии на выставке в Ганновере.

Показателем глубокого интереса Европы к Азии, ее культуре и искусству является целый ряд специальных работ и статей, вышедших на Западе в последние годы.

Об этом же свидетельствует устроенная летом минувшего года в Ганновере выставка искусства Дальнего Востока. Этой выставке посвящены в выходящем в Лейпциге журнале «Cicerone» обстоятельные статьи Карла Вита*).

Имя К. Вита стало известно лишь за последние годы, как автора ряда работ, касающихся искусства Азии. Под его редакцией предпринято обширное издание: «Geist, Kunst und Leben Asiens». Первый том издания, посвященный Яве, написан Витом; им же в сотрудничестве с Krause написаны 2-й и 3-й томы: «Insel Bali».

Первая статья Вита о ганноверской выставке—общего характера, вторая трактует о малой пластике (Kleinplastik). Иллюстрационным материалом являются 18 воспроизведений с памятников малой пластики, бывших на выставке.

К. Вит начинает с утверждения значения азиатского значения ганноверской выставки. Ему кажется необходимым открыть широкую дорогу воздействия на европейский мир жизненным ценностям далекой Азии.

Эти ценности живут и в великих вещах, и в малых: в гимне из Упанишад, и в индийском храме, и в статуе Будды из Камбоджи, и в образе Кваннон из Китая, и в ландшафте эпохи Сунг, и в японской керамике, и в ясности мысли Конфуция, и в миросозерцании малайских народов, таком земном и таком детском, и в богатой культуре японского жизнеощущения.

Этот великий дух чувствуется и на выставке во всех этих малых вещах. Здесь разорванности, раздробленности европейского мироощущения противостоит ясная гармония Восточной Азии.

По размерам Ганноверская выставка уступает Берлинской 1912 г., но богаче и обширнее, чем Франкфуртская выставка 1920 г. Здесь широкое поле для новых открытий и сопоставлений в сфере изучения искусства. Отдельные отрасли искусства представлены далеко не одинаково по полноте и качеству экспонатов. Так, собрания тканей, нетцуке и украшенных эфесов шпаг очень небогаты; живопись, за исключением немногих картин, представлена посредственными образцами; лак и cloisonné также. Зато очень богат подбор фарфора и коллекция предметов из жировика, горного хрусталя и аметиста. Но особенный интерес представляет скульптура Восточной Азии, Китая, Японии, Сиама, Бирмы, Тибета, Явы, Передней Индии. Из произведений монументальной скульптуры следует отметить очень редкий торс из Сиама; две сиамских головы и Будда XVI—XVII вв., погруженный в Нирвану; фигуру Парвати из Передней Индии—типический идеал женской красоты этой страны, выросший на почве тропической эротики, ряд произведений китайской пластики.

---

*) Karl With. Ostasien (Die Aufstellung der Restner—gesellsehaft in Hannover)—„Cicerone" 1921. Nov. 605—614 s. u Dec. 675—684.

проникнутых посредственной теплотой и свежестью впечатления (напр., статуя Куан-ин с младенцем); японская деревянная скульптура (фигура принца Шотоку) и др. Но вообще монументальная скульптура представлена, главным образом, относительно поздними вещами и прибавляет немного существенно важного и нового к изучению этой области искусства. Зато малая пластика, необычайно богато представленная на выставке, вносит много нового и представляет значительный художественно-исторический интерес.

Хотя нам было известно очень большое количество предметов восточно-азиатской малой пластики, но вопросы хронологии, классификации и локализации их далеко еще не исчерпаны и требуют внимательного изучения. Для этого большой материал дала науке Ганноверская выставка.

Известные доселе произведения малой пластики сосредоточены были в музеях, раскинутых по всему миру. Так, в Токио и Киото богатейшие собрания китайских бронз, в Коломбо и Мадрасе—индийских, в Батавии и Лейдене—яванских. Назовем еще замечательные собрания в Этнографических музеях Берлина и Мюнхена (там находятся прекрасные сиамские бронзы от Döhring'a). Музей восточно-азиатского искусства в Кельне обладает богатой коллекцией китайских глиняных фигур и японской малой деревянной пластики*). Отдельные замечательные фигурки есть в собраниях Фульд и Церпер в Франкфурте, Vonwiller в Боцене, Roordaa в Aerdenhaut, Vecht в Амстердаме и дома Юи-Юан там же.

Малая пластика является более свободной от строгой связанности религиозного и формального канона, чем большая пластика; она поддается более легко непосредственному импульсу, возникает из более богатого круга представлений и служит более непосредственно человеческой потребности. С этими маленькими фигурками из дерева или бронзы, лака или камня сживался человек Востока; он вносил их вглубь своего маленького повседневного существования. Малая пластика чрезвычайно интимна, так что путем гибкого и многостороннего сопоставления работ из Китая, Японии, Тибета, Южной Индии, Сиама и Явы ясно приходит к выражению все многообразие азиатского континента со всеми его различными ландшафтами, народами и темпераментами.

Малая пластика должна быть, прежде всего, расклассифицирована по странам и эпохам, а также по среде их окружения и по назначению. Но эту работу не легко выполнить. Классификация таких легко перевозимых маленьких фигурок очень трудна; места находок часто совершенно неизвестны; в пограничных странах (напр. в Непале и Лаосе) местные произведения перемешаны с обильным количеством привозных: тибетских, сиамских и южно-индийских.

Возникает ряд серьезных и интересных задач, которые послужат темами художественно-научного изучения целого ряда будущих исследователей. К. Вит в ожидании этих специальных работ ограничивает свою задачу лишь предварительным классифицированием малой пластики: на основании материала выставки, он выделяет лишь некоторые главнейшие группы. Так, он характеризует группу южноиндийских (брахманских) бронз, тибетскую группу, яванскую сиамскую и китайскую.

К группе брахманских бронз из Южной Индии относится фигура Парвати, супруги Сивы. Она воплощает женский идеал Шиаиза, как он был выражен 2000 лет тому назад в сиваизме, когда крепкая круглая грудь, тонкая талия и выступающие бедра сделались мотивом выражения почитания женственности. Изображение до краев полно чувственностью, опьянение ведет в недра мира; танец есть космический ритм. Так возникают затем царственные бронзовые

*) G. Züthgen. Das Museum für Ostasiatische Kunst der Stadt Röln. („Kunst u. Künstler" за 1911 г. июнь).

изображения Çiva Nataraja, господина Вселенной, который, танцуя, воплощает подвижность мирового целого в ореоле пламени с луной и змеей,—все три символа уничтожающихся и постоянно вновь возникающих сил, (см. чудесные изображения у W. Cohn. Indische Plastik. 1921 г.).

Сходны в эротическом основном настроении, которое обнаруживается уже через прибавление женского принципа, тибетские маленькие бронзы. В Тибете бешеную страстность и экстатические вспышки долго сдерживаемых сил мы встречаем в изображениях многоруких и многотелых Jamantaka и Dharmapala, охранителей религии. В женских образах Тара и Дакини более успокоенности, умиротворенности. Одна из статуй на выставке, представляющая богиню-покровительницу в украшениях Бодисатвы, с молнией в руках, дает понятие об этом более спокойном типе изображений, в котором дикость смягчена праздничнонестрой системой подвижного профилирования и сияющей золотом и полудрагоценными камнями поверхностью.

Изображения женских божеств и бурно движущихся фигур Dharmapala часты и на Яве, в то время как в Сиаме они отсутствуют в силу преимущественного распространения там буддизма. Но яванские бронзы проникнуты совершенно другим основным настроением, чем бронзы Южной Индии и Тибета—бесконечно более спокойным и непорочным, как то внутренне освобожденным лишеньем внешней яркости и крикливости. Человечная теплота, мирная веселость, что то необычайно простое и ровное в успокоенной погруженности в себя определяют форму выражения. Это относится прежде всего к произведениям среднеяванской эпохи, красоту которых оценивают «классической» мерой. Более поздние восточно-яванские бронзы скурильны, полны страстного настроения, демонически фантастичны и марионеточны в жесте.

Далее характеризуется пластика из Сиама. Точки соприкосновения с Камбоджей в раннюю эпоху здесь очевидны, но такие ранние вещи очень редки. Средневековые работы все обнаруживают глубокую духовную задумчивость и мечтательную серьезность. Однако, чувствуется порой, что в этих характерно очерченных губах живет много земной тягости и во всем профиле - образовании лежит очень утонченная и культивированная чувственность; но она действует при этом почти как отягчение и вырождение.

Брахманско-индийская, тибетская, яванская и сиамская пластика представлены на выставке с большой полнотой и отчетливостью. Далеко не с такой полнотой представлена малая пластика Дальнего Востока, напр., фигур самых ранних эпох почти нет. Из таких вещей отметим статуетку верблюда удивительного мастерства. Схвачен тот момент, когда верблюд становится на колени: передняя часть тела глубоко опущена, шея поднята, голова поворочена в сторону. Эта глиняная фигура полна реалистической остроты наблюдения и моделирования. Основательность отнесения этой статуи к эпохе Танг кажется, однако, сомнительным; ибо трактовка отдельных частей, как то поклажи, гривы, слишком мелочна, деталировано-расчлененно, лишена того пластического обобщения, которое обнаруживают памятники эпохи Танг.

Должны быть отмечены китайские изображения богини Куан-йин с младенцем, полные удивительной теплоты и сердечности выражения, простоты и незатейливости деревенского искусства. Такие изображения по общему впечатлению заставляют вспомнить какую-нибудь швабскую Мадонну в маленькой деревенской церкви.

Особенное положение занимают три бронзовые статуетки, согласно указанию в «Orientalisches Archiv», происходящие с острова Борнео. По сведениям Sehlösser'a, однако, такое происхождение их сомнительно. К тому же с предметами из Борнео эти бронзы не имеют ничего общего. Хотя более точное опре-

деление весьма трудно, но предположение, что они происходят из южного Китая очень правдоподобно. Надпись на сосуде несомненно китайская. Бронзы инкрустированы цветными камнями, как то лапис-лазурью, кварцами и др., оправленным в свинец, покрытый патиной, что дает богатый красочный аккорд. Первобытная вескость и фантастическая суровая серьезность придает обоим изображенным зверям особенное выражение. Дикая фантастика южного Китая соединена здесь с любовью к пестрой игре красок Тибета и Индии. Это работы промежуточного характера, где мы видим строгую пластичность основной формы, но эта пластичность перебивается сопоставлением цветных плоскостей, что соответствует живописному принципу. Такое смешение живописного и пластического стилей при инкрустировании имело широкое распространение. Мы находим его на скифских находках на юге России и в эпоху переселения народов на обширном пространстве в Европе от Семиградья до Испании. Этот способ сначала в побережьи Черного моря, а затем во всей римской культурной зоне повсюду уничтожал эллинистическо-римский принцип чисто пластического формообразования.

Но вопросы о возможности связи между параллельными художественными явлениями, имевшими место в столь удаленных друг от друга географически областях и в различных культурных слоях должны быть предметом специального исследования. Здесь же это может служить одним из примеров возникновения новых проблем, вызванных материалом, данным на Ганноверской выставке. Отметим также значение данной Витом классификации малой восточно-азиатской пластики на основании экспонированных предметов для развития художественно-исторического изучения этой отрасли скульптуры, а в частности для изучения коллекций дальневосточной пластики в русских собраниях.

Проф. **Б. Денике.**

К истории санскритологии в России.

(Неизданные материалы к биографии Роберта Ленца и проф. Павлом К. Петрова). Посвящается памяти Франца Боппа.

Начало изучения в России санскрита и древне-индийской культуры связано с двумя именами: ад'юнкта Академии Наук **Роберта Ленца** и профессора Московского Университета **Павла Яковлевича Петрова,** занимавшихся, между прочим, под руководством Франца Боппа.

Франц Бопп, всегда весьма чутко относившийся к своим ученикам, проявил не мало забот и по отношению обоих молодых ученых из России, как об этом свидетельствует содержание двух писем знаменитого берлинского языковеда к петербургскому академику Христиану Френу (Frähn), остающихся до сих пор неиспользованными.

В числе прочего научного наследия, поступившего после смерти академика Френа в основанный по его же инициативе Азиатский Музей Российской Академии наук, весьма важное значение имеет его обширная переписка с выдающимися современными деятелями в области науки, литературы, а также и администрации, поскольку последняя имела отношение к академическому миру.

В этой корреспонденции проходит перед нами, на протяжении нескольких десятилетий, чуть ли не вся современная история востоковедения, так как почти все более или менее выдающиеся ориенталисты Европы (Silvestre de Sacy, Klaproth, Rask, Justi, Remusat и мн. др.) оказываются представленными здесь одним или несколькими №№. Но не только для изучения истории западно-европейской ориенталистики важна эта ученая переписка: в ней мы находим не мало ценных материалов и огромной важности сведений, имеющих отношение к судьбам как востоковедных дисциплин в России, так и к прошлому русской образованности вообще. Таковы материалы, заключающиеся, например, в письмах Болдырева, Языкова, Мусин-Пушкина (попечителя казан. и петерб. уч. округов), Сеньковского, Востокова, Уварова и др. В этой же коллекции оказалось, между прочим, и письмо (на немецком языке) Грибоедова, письмо, в котором заключаются новые данные для суждения об интересе автора «Горя от ума» к делу изучения Востока. **)

Из вышеупомянутых писем Франца Боппа к петербургскому академику-ориенталисту Христ. Френу, в которых заключаются материалы для биографии пионеров санскритологии в России—одно помечено 28-м июня 1833 г., другое 30-м января 1839 г., таким образом, оба письма принадлежат к тому периоду жизни Боппа, когда он уже занимал кафедру в берлинском университете и состоял членом берлинской академии наук. Оба этих письма, адресованные академику Френу, остались неизвестными профессору Лефману, и, потому мы их не

---

*) Основная часть настоящей работы была прочитана в заседании Московского Лингвистического Общества 27 марта 1921 г.

**) См. наш этюд „К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока, С.-Петербург, 1909.

находим среди других аналогичных материалов его прекрасно документированного труда, посвященного обстоятельному изучению судеб ученой деятельности основатели науки сравнительного языковедения («Franz Bopp. Sein Leben und seine Wissenschaft», 2 части и приложение. Берлин, 1891—97),—труда, в котором вообще ничего не говорится об отношениях и ученых связях обоих академиков.

Одно из этих писем—хронологически более раннее—касается жизненных судеб санскритолога **Роберта Ленца** (Robert Lenz), одного из старейших учеников Боппа.

Как известно, первый, кто высказался за необходимость изучения в России санскрита—был и С. С. Уваров. В 1810 г., будучи еще молодым человеком, служившим при российском посольстве в Париже, он составил, отчасти при содействии Клапрота, обратившую на себя всеобщее внимание записку—«Projet d'une Academie Asiatique», в которой языку древней Индии отводилось почетное место.

Когда, впоследствии, Уваров был назначен на пост министра народного просвещения и президента Академии наук, то он имел уже полную возможность осуществить свою мысль. Между тем, санскритологов в то время в России еще не было, и предстояло озаботиться их подготовкой. Выбор Уварова остановился на питомце дерптского университета Роберте Ленце, который и был командирован с целью изучения санскрита заграницу, между прочим, в Берлин к Боппу.

По возвращении в Россию, Ленц, в 1835 г. был определен ад'юнктом в Академию наук и преподавателем петербургского университета, где и начал, с марта 1836 г., преподавание санскрита и сравнительного языковедения. Но учено-педагогическая деятельность Ленца была весьма непродолжительна: в июле того же 1836 г. он скончался. В числе его **приватных** слушателей был и будущий профессор Павел Петров.

Письмо Боппа к Френу, в котором мы находим материал для ученой биографии Ленца, помечено, как мы уже сказали, 28-м июня 1833 г., оно относится к тому времени, когда Ленц возвращался из заграничной командировки в Россию. Данное письмо он должен был лично вручить Френу, так как оно тесным образом было связано с вопросом о его дальнейших занятиях заграницей.

В это время Бопп еще не был знаком с акад. Френом и не находился с ним в ученой переписке, как это мы узнаем из первых же строк этого письма, в котором берлинский профессор рекомендует Ленца вниманию петербургского ориенталиста. «Ленц», писал Бопп, «в течение своего многолетнего пребывания здесь, (т.-е. в Берлине) слушал мои лекции по Санскриту и сравнительной грамматике и, благодаря быстрым и очень основательным успехам в занятиях этими предметами, весьма выделился (hoch rühmlichst ausgezeichnet)... «Доказательством «основательных познаний» Ленца—«доказательством», которое всеми друзьями индийской литературы будет принято с благодарным признанием, является изданное им «Urvaçi» Калидасы, **второе** индийское драматическое произведение, появившееся в Европе и **первое,** которое снабжено столь прекрасным аппаратом для облегчения, понимания (текста), что, благодаря этому, открывается доступ к данному прекрасному творению великого индусского поэта для менее опытных».

После этой общей характеристики Ленца, Бопп обращается к непосредственной цели своего письма. Он обращает внимание Френа, что Ленц, по его убеждению, заслуживает, благодаря упомянутой «основательной работе», право на «милостивое внимание» (huldreiche Berücksichtigung) со сторны своего правительства. Далее Бопп высказывает уверенность, что это внимание будет уделено Ленцу, если, со своей стороны, акад. Френ окажет необходимое содействие, т.-е.

будет ходатайствовать за него перед министром народного просвещения С. Уваровым, которому, как известно, была посвящена и самая работа Ленца.

Уже из предисловия к изданию «Urvaçî», мы знаем, что с самого начала Ленц не считал этой работы окончательной: он расчитывал предварительно изучить те рукописи данной драмы, которые хранились в Париже и Лондоне, считал нужным, по образцу филологов-классиков „tantam scholiorum et lectionum comparandarum copiam reportare, quanta ad fabulam ab omnibus priorum editorum erroribus vindicandam necessaria vide—retur" (Praefotio, p. XIV) Но осуществить эту мысль ему не удалось; поездка во Францию и Англию не состоялась. Поэтому, считая свою работу предназначенной, главным образом, «in usum tironum», Ленц расчитывал усовершенствовать ее впоследствии, когда ему удастся извлечь необходимый материал из лондонских и парижских рукописей („... hoc tandem cepiconsilium, ut... reliquam vero partem negotii in illad tempus reponerem quo ipse codices Sondinieuses et Pasieuses pervolutare postem"; ibid, p. XVI). **Акад. Френ и должен был, повидимому, в этом отношении оказать содействие Ленцу, являясь за него ходатаем перед министром народного просвещения.**

Что Бопп высоко ценил Ленца, это мы можем заключить не только на основании письма от 28 июня 1833 г. Спустя шесть лет, в своем втором письме к акад. Френу, о котором сейчас будет речь, Бопп с чувством глубокого сожаления вспоминает о Ленце, как о своем «друге и бывшем ученике», «к сожалению слишком рано похищенном (смертью) у науки». Ленц, в свою очередь, с пиэтетом признательного ученика относился к своему наставнику, к своему «almus praeceptor (Urvaçî Praefatio, XXV'), с одобрения и при содействии которого был предпринят им труд по изучению текста «Urvaçî» (срв. там же).

Мы переходим теперь ко второму письму Боппа, заключающему материалы по биографии скончавшегося 46 лет тому назад профессора (сначала в Казани, а потом в Москве) Павла Яковлевича Петрова,—известного насадителя, после Болдырева, ориентализма в московской академической среде, учителя академиков Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова, В. Ф. Миллера и др.

П. Я. Петров, как известно, питомец московского университета, где он окончил курс по словесному отделению и был утвержден кандидатом словесных наук в 1832 г., будучи 18-летним юношей. По окончании университетского курса, он продолжал работать (отчасти в Москве, отчасти в Петербурге), изучая, главным образом, восточные языки, в том числе и санскрит. Необыкновенные полиглоттические способности Петрова не остались незамеченными и, по ходатайству акад. Френа, министр народного просвещения С. Уваров зачислил его в 1834 г., воспитанником профессорского при дерптском университете института, с прикомандированием, однако, в Петербургский университет. Здесь Петров имел возможность слушать лекции Сеньковского, Шармца, и др., а также privatim заниматься санскритом под руководством Р. Ленца, о чем мы уже имели случай говорить.

Результатом занятий языком древней Индии была первая индологическая работа Петрова—перевод на русский язык эпизода из Рамаяны «Похищение Ситы» (Sitaharanam), в сопровождении предисловия словаря и грамматического анализа. Эта работа имела решающее значение для дальнейшей судьбы Петрова. Акад. Френ, представив министру народного просвещения Уварову рукопись Петрова с предложением издать ее, вместе с тем, возбудил вопрос о командировке ее автора заграницу с целью усовершенствования в санскритском языке. Уваров отнесся с полным сочувствием к ходатайству акад. Френа и 24 ноября 1837 г. вошел в конференцию Академии наук со следующим отношением: «Г. академик Френ, представив мне рукопись студента Петрова, под названием **Ситахаранам**, которая, по мнению его, за-

служивает быть изданной в свет, просит об исходатайствовании высочайшего соизволения на отправление Петрова, для усовершенствования в санскритском языке, в Берлин, Бонн, Париж и Лондон. Препровождая при сем донесение г. академика Френа вместе с означенною рукописью студента Петрова, предлагаю конференции поручить рассмотреть оную г.г. академикам Грефе и Шмидту и о последующем мне донести».

Отношение Уварова было доложено в заседании конференции Академии наук 1 декабря и, согласно его предложения, было постановлено возложить на акад. Шмидта и Грефе рассмотрение рукописного труда Петрова. В заседании конференции 2 марта 1838 г. упомянутые академики представили свой благоприятный отзыв о занятиях Петрова восточными языками, а также весьма сочувственно высказались относительно предполагаемой его командировки заграницу *).

Выслушав доклад академиков Шмидта и Грефе, Академия Наук вполне согласилась с их мнением, о чем и было решено поставить в известность министра народного просвещения Уварова, который 7-го мая вошел с особым отношением к попечителю петербургского учебного округа, сообщая о состоявшемся постановлении по делу о командировке Петрова заграницу. Министр, между прочим, писал: «При сем имею честь препроводить к вашему сиятельству написанное акад. Френом для кандидата Петрова наставление по предмету занятий его тремя магометанскими языками (т.-е. арабским, персидским, турецким); что же касается порядка изучения языка санскиртского, то покорнейше прошу ваше сиятельство предложить университету отрекомендовать Петрова профессору Берлинского университета Боппу, который, без сомнения не откажет ему в руководстве по этой части».

Уезжая в Берлин, Петров увозил с собой письмо, врученное ему Френом, которое, он, вместе с некоторыми печатными работами петербургского ориенталиста, должен был передать Боппу.

В первом письме из Берлина от 24 октября 1838 г., которым открывается заграничная переписка Петрова с Френом, ничего не сообщается о Боппе. Боппа в это время в Берлине не было: он уехал в родной Майнц и должен был вернуться к началу зимнего семестра (т.-е. к 1 ноября).

Следующее письмо Петрова к Френу также из Берлина, помечено 24-м декабря 1838 г. (5 янв. 1839 г. нов ст.) и на нем нам следует несколько остановиться, так как оно является некоторым комментарием к письму Боппа к Френу от 30 января 1838 г. В этом письме Петров сообщает, что возвращение в Берлин профессора Боппа и Петермана было для него «une circonstance agréable» и что, благодаря рекомендательным письмам он встретил прекрасный прием. Далее Петров останавливается на характеристике Боппа и Петермана, особенно подчеркивая привлекательные черты их характера и их преданность науке («Ilm'est impossible de Vous depeindre la bienvaillance et la bonté qui caracterisent ces deux savants, M-Bopp surtout m'a enchenté par sa complaisanee et son amour pour la science»r Но вместе с тем, одно обстоятельство огорчало Петрова, а именно элементарность бопповских курсов по санскриту, элементарность, находящаяс себе об'яснение в нуждах, начинающих изучать священный язык древней Индии. Отрывки из Махабхараты для Петрова были слишком легки: «les épisodes du Mâhâbharde„—писал он «que nous traduisons maintenant sont si faciles que je n'ai jamais besoin de m'y preparer» Из этих слов можно видеть, насколько Петров уже

*) Отзыв был составлен на немецком языке („Gutachten über die orientalischen Studien des Herrn Candidaten Petrov und über dessen vorhabende Reise in Ausland"). К оригиналу был приложен русский перевод, (который мы и воспроизводим полностью в приложении к настоящей работе. Как оригинал, так и перевод впервые появляющийся в печати) хранятся в качестве „протокольных бумаг" в архиве конференции Российской Академии Наук.

обладал основательными познаниями в санскритском языке, когда он появился в аудитории Боппа.

Далее, Петров сообщает, что Бопп советует ему ехать в Англию, уверяя, что там можно найти более материала для занятий санскритом, но что он предпочитает остаться еще на некоторое время в Берлине, имея в виду усовершенствоваться в греческом и латинском языках.

Вместе с тем, Бопп счел нужным обратить внимание Петрова на условия жизни в Англии, указав, что пособие, получаемое им от Российского правительства, слишком недостаточно для проживания в этой стране. Это обстоятельство очень обеспокоило Петрова; но он, тем не менее, надеется, что министр народного просвещения не откажет в необходимой прибавке к той сумме, которая ему уже выплачивается [1]).

Этот вопрос о поездке в Англию и является основной темой письма Боппа к академ. Френу от 30 января 1839 года.

В этом письме, полученном Френом 15-го февраля, Бопп, поблагодарив предварительно Френа за присланные работы, выражает прежде всего свое удовольствие, которое доставило ему личное знакомство с Петровым. «Этот талантливый и обладающий основательными познаниями молодой ученый,—пишет знаменитый языковед,—составит, несомненно, честь и славу индийской филологии и явится достойным преемником моего друга и бывшего ученика Ленца, похищенного, к сожалению, столь преждевременно у науки (смертью)». Таким образом, Бопп высказывает почти теми же словами ту мысль и те чувства, которые, как мы уже знаем, годом раньше высказывала в своем годичном отчете петербургская академия наук (см. выше, подстрочное прим.).

Далее, Бопп выражает сожаление, что Петрову придется не долго оставаться в Берлине, но в его собственном и в интересе науки он, Бопп, «может только желать, чтобы Петров отправился по возможности скорее туда, где протекают обильные источники, способные утолить его ученую жажду». А так как в распоряжении Петрова остается только одно лето, то Боппу кажется наиболее целесообразным, если этот, остающийся срок своей ученой командировки всецело проведет в Лондоне, а на возвратном пути посетит и Париж. Обоснованию этой мысли и посвящена главная часть письма.

Бопп обращает внимание академика Френа, что в Париже не имеется столь большого выбора санскритских рукописей, как в Лондоне, и что в столице Франции можно найти соответствующий материал лишь для установления надлежащего текста немногих произведений. Между тем, на берегах Темзы имеется целый ряд библиотек (Остиндской компании, Британского музея, Королевского общества, Азиатского общества) и такие богатые частные собрания, каково, например, собрание Вильсона, которые делают возможным обработку самого полного критического аппарата того или другого текста. «Г-н Петров, — пишет в заключении своего письма Бопп, — внимание которого я обратил на это обстоятельство, просил меня (в

---

[1]) Какие надежды связывала Академия Наук с будущей ученой деятельностью Петрова, можно видеть из следующих строк, которые мы находим в официальном отчете о трудах и действиях Академии Наук за 1837 г., напечатанном в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1838 г. (ч. XVII, № 2, стр. 389 и след.): «...молодой ориенталист Г. Петров сделался известным Академии русским переводом санскритского отрывка, под заглавием: Сита Гаранам, «Похищение Ситы», извлеченного из поэмы Адгиатна-Рамаяна,—переводом, который он обогатил пояснительными замечаниями и грамматическим разбором. Можно надеяться, что Г. Петров, пробыв несколько времени в Берлине, Бонне, Париже и Лондоне, будет весьма способен к замещению среди нас покойного г-на Р. Ленца, о преждевременной кончине которого мы с прискорбием извещали в прошедшем году».

свою очередь) обратить на эту сторону дела также внимание и Вашего Превосходительства. И если вы согласны, что... наиболее целесообразным для г. Петрова является более продолжительное пребывание в Лондоне, то я покорнейше просил бы Ваше Превосходительство ходатайствовать за него, в этом смысле, перед правительством...».

Из Берлина, по дороге в Лондон, Петров направился для занятий в Париж, откуда и прислал академику Френу несколько интересных писем.

Уже из одного берлинского письма Петрова к акад. Френу (от 27 марта 1839 года) мы узнаем о состоявшемся согласии министерства на поездку его, Петрова, в Лондон. Молодой санскритолог, таким образом, ожидал лишь урегулирования финансового вопроса. В другом письме Петрова, написанном из Парижа и датированном 1-м июля того же года, отсутствие окончательного решения вопроса о денежном пособии вновь выдвигается им, как главное препятствие к осуществлению поездки по ту сторону Ламанша. В последнем письме из Парижа, от 20 декабря 1839 г., Петров сообщает Френу, что он рассчитывает в непродолжительном времени выехать в Лондон.

Однако, поездка Петрова в Англию, повидимому, не состоялась. Последующее письмо его к акад. Френу, помеченное 9-м апреля 1842 г., уже написано из Казани, где он занял, по возвращении в 1841 г. в Россию, впервые учрежденную кафедру санскритского языка.

Проф. **Л. Мсерианц.**

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Русский перевод докладной записки академиков Грефе и Шмидта, прочитанный в заседании Академии Наук 2 марта 1838 г. (ст. ст.) *).

«С таким удовольствием, которое могут ощущать только те, кои умеют ценить произведения умственной деятельности, мы просматривали переданный нам труд г-на Петрова, молодого человека, который по своему неутомимому прилежанию и любви к наукам в полной мере заслуживает щедрое содействие правительства для дальнейшего развития прекрасных его способностей и для облегчения его успехов на избранном им самим поприще.

Труд сей состоит из красивого списка санскритского текста, Ситагараманама и из русского перевода этого отрывка, с приложением предисловия словаря и весьма подробного грамматического разбора.

По рассмотрении сего труда мы не только вполне одобряем сходственное с волею его высокопревосходительства, г-на министра народного просвещения, желание г-на Петрова касательно дальнейшего усовершенствования прекрасных его познаний в санскритском и других восточных языках посещением главнейших библиотек и назидательным знакомством с известнейшими знатоками санскритской литературы в чужих краях, но и считаем долгом своим содействовать с своей стороны исполнению сего желания ревностнейшим нашим ходатайством. А потому мы предлагаем:

а) Чтобы г-ну Петрову было дозволено пробыть три года за-границей в таких местах, в которых он мог бы с пользой продолжать свои занятия санскритским языком, а именно преимущественно в Берлине, Бонне, Париже, Лондоне и в некоторых других городах Англии.

---

*) Как русский перевод, так и немецкий оригинал хранятся в качестве протокольных бумаг в архиве конференции Российской Академии Наук.—Текст руского перевода мы печатаем без всякого изменения его стиля.

б) Чтобы ему на время его пребывания в чужих краях даровано было такое же денежное воспоможение, как и другим молодым русским ученым, путешествующим на счет правительства для распространения своих познаний, т. е. по-крайней мере по 300 червонных в год или 900 червонных на все три года и сверх того еще 100 червонных на издержки пути в чужие края и оттуда обратно в Россию; и так всего 1000 червонных.

Что же касается дохода, и порядка предполагаемого им учения, то здесь невозможно предначертать их во всей полноте; и как г. Петров на всякий случай в ученом своем путешествии должен избрать Берлин первым главным своим местопребыванием, то он найдет там в г-не профессоре Боппе самого лучшего руководителя на этот счет, и мы покорнейше просим, чтобы его высокопревосходительство г-н министр соблаговолил, в особенности отрекомендовать его сему достойному ученому. Относительно к его арабским, персидским и турецким занятиям наш ученый сочлен г-н Френ снабдит особою инструкцией молодого человека, который и в сих языках приобрел очень хорошие сведения.

Впрочем, мы не можем сделать никакого важного возражения против того плана, который г-н Петров предначертал себе сам, да и вообще нет нужды противуполагать препятствия полету юного ума, если он принял хорошее направление. Из сего плана оказывается, что он желает сперва заняться санскритскою драматической поэзией, а потом так называемою Историей Кашмира; первое полезно потому, что в драмах встречаются кроме санскритского, также практическое, а может быть и другие индийские наречия, а второе потому, что в истории Кашмира попадается множество слов и оборотов, об'яснение которых тщетно стали бы искать в Амаракоше и в Словаре Вильсона.—В особенности мы находим похвальным то, что г-н Петров намерен заниматься вместе и другими новейшими языками Индии и древним Зендом, в чем он найдет себе отличную опору в г-ах Лассене в Бонне и Бюрнуфе в Париже. Но то, что он сам почитает как бы конечным результатом своих ученых розысканий в чужих краях и что увенчало бы некоторым образом его заслугу, это есть достохвальная мысль издать по возвращении своем в отечество санскритскую хрестоматию из одних неизданных доселе текстов и потребным для того словарем, заимствуя материалы не только из литературы Браманов, но и Буддаистов....»

Материалы и документы

Абиссиния.

(Доклад министру иностранных дел С. Сазонову А. Кохановского, бывшего врача при императорской российской миссии в Абиссинии, 1 июня 1913 года) *).

Происхождение Менелика II и его молодость. Борьба с императором Федором III и Иоганнесом VI: Федор III и Менелик II. Менелик, как человек. Отношение Менелика к труду и европейцам. Меры для развития торговли и промышленности. Санитарные реформы. Меры для развития земледелия. Дороги. Военное дело. Роль европейцев в походах и внешней политике. Научные командировки и школьное дело в Абиссинии. Политика Менелика. Покорение новых земель и ассимиляция инородцев. Борьба с феодалами. Учреждение министерств. Выгодное положение новой столицы. Соперничество держав. Торговые договоры. Появление держав на Красном море. Первая итальянская война. Училийский договор. 2-ая итальянская война. Роль Франции и России. Фашода. Ряд договоров с Абиссинией. Договор о разделе Абиссинии на зоны влияния. Германия. История железной дороги. Заседание 11 апреля 1905 года. Болезнь Менелика II. Регентство и Лидж Яссу. Новое соотношение сил. Будущее Эфиопии. Русская политика. Интриги против России. Религиозное, политическое и экономическое значение Эфиопии для России.

Экономический и политический расцвет Эфиопской империи во вторую половину XIX и в начале XX века неразрывно связан с крупной личностью Менелика II. По настойчивому стремлению к цивилизации, по глубокому уважению к труду, по удивительной скромности Менелик II был Петром Великим черного материка, по беспощадной борьбе с феодалами, он напоминал Ивана Грозного, только более последовательного и менее жестокого.

Внук Селя-Селяса, негуса Шоя и Ефата, Менелик II родился 17 августа 1844 года. Его дед, умирая, велел принести к своей «альге» (постели) двухлетнего Села-Мариам, будущего Менелика II и предсказал, что Менелик будет царствовать долго и восстановит Эфиопскую Империю в ее древнем блеске.

Первая половина жизни Менелика II была полна тяжелых испытаний. Его отец, Хаили Малякот, поздно занявший престол своего отца, царствовал всего 10 лет (1846—1856): он умер от многочисленных ран, полученных в борьбе с императором Федором III (1855—68). Один из его дядей, Абато-Сенфа, продолжая борьбу, заперся в столице Шоа, Анкобере. После отчаянного сопротивления Анкобер был взят и сожжен. Оставшиеся в живых подверглись жестокой расправе. Неистовый Федор приказал отрезать пленным левую ногу и правую руку; по-

---

*) Подлинник хранится в Восточном отделе Наркоминдела.

страдавших было 230 человек. К счастью для Менелика, его в это время не было в Анкобере. Мальчика нашли на дороге из Минджара в Черь-Черь в Баракето и доставили Федору. Император сделал его своим пажем и увез в столицу Гондар. До 22 лет Менелик томится в бездействии при дворе. Много времени он провел в крепости Магдали в «амба». Так называли столовидные утесы-плато с отвесными стенами со всех сторон или с трех, куда заключали мятежных феодалов или соперников принцев. Бежать отсюда было почти невозможно. Амба являлась и крепостью и острогом-тюрьмой в одно и то же время. Из такой «амба» в Магдали Менелику удалось бежать при помощи дочери Федора III, его будущей жены, а по другим рассказам, при помощи своего раба. Вырвавшись на свободу, Менелик собирает вокруг себя смельчаков, подымает восстание и в 1866 году без труда овладевает Анкобером, в котором сидел Мельканья, ставленник Федора, впрочем независимо управлявший Шоа в последние года. 22-летний Селя Мариам провозглашает себя негусом Шоа и Ефата и принимает имя Менелика II в память своего предка, основателя Эфиопской Империи, сына Соломона и царицы Савской.

В 1868 году Федор III терпит поражение от англо-египетского отряда под командой лорда Непира. В том же году Менелик об'является императором Шоа. Но в 1872 году в Тигре об'явился новый император, один из бывших любимцев Федора. Поддерживаемый англичанами, он коронуется в священном городе Аксуме в 1872 году под именем Иоганнеса VI. Менелик, разбитый Иоганнесом при Литче в 1873 году, признает себя вассалом и отказывается от титула императора. Но в 1882 году Менелик сам наносит жестокое поражение союзнику Иоганнеса, вождю Гаджама. Тогда враги Иоганнес и Менелик заключают союз. Император признает все завоевания Менелика: Кафа, Харар и другие и получает за это Уолло. Для закрепления договора сын Иоганнеса, Ареа-Селясе, берет в жены дочь Менелика, Заудиту. Брак имеет политический характер: жениху было 12 лет, невесте 7 лет, почему их семейная жизнь началась три года спустя после свадьбы. Тут же решено, что Иоганнесу должен наследовать Менелик, а после Менелика императором должен быть Ареа-Селясе. Впрочем Ареа-Селясе умирает раньше своего отца в 1888 г. Чтобы вернее обеспечить за собой императорскую власть, Менелик II заключает договор с итальянцами, тот знаменитый договор в Учили, который позже вызвал итальянскую войну.

4-го ноября 1889 года Иоганнес погибает в стране Галабате в бою с махдистами, а с 6-го ноября, т. е. через два дня, Менелик II провозгласил себя императором Абуна Метеос в новой столице Энтого, сейчас Аддис Абаба.

Как видим, путь Менелика к престолу негуса, потом к трону императора был долгий и трудный. Неудачи и поражения чередовались редкими удачами. Но эти-то трудности и закалили Менелика и выработали из него осторожного и тонкого дипломата и мудрого правителя, который лишь в крайнем случае вступает в открытую борьбу. Необычайная осмотрительность в сношениях с европейскими представителями, старания по возможности ладить с феодалами и кончать распри миром, стремление не столько к личной славе, сколько к благу родины выделяют Менелика II среди других владык Эфиопии XIX века.

Федор тоже об'единил Эфиопию и раздвинул ее пределы до самого моря, но лишь на короткое время. Царствование его было подобно извержению вулкана: при чем Абиссинию разрывали беспрерывные междуусобия, и кровь заливала всю страну. Сын губернатора провинции Куара (родился в 1817 или 1820 году), потеряв рано отца, он был заключен соперниками в монастырь близ озера Цана, где и получил свое образование, а мать его из нужды, став монахиней, продавала «куссо» (глистогонное) на улицах Гондара. Но скоро судьба вынесла Федора на самую вершину могущества. Опьяненный успехами, Федор лю-

бил говорить: «я заключил с Богом договор, Бог обещал не сходить на землю для расправы со мной, а я обещал не подыматься на небо и не бороться с Ним». Неукротимая и свирепая натура Федора III сказывалась неоднократно. При взятии Уахни, он умерщвляет до 500 человек мужчин, детей и женщин, среди них многих принцев крови и членов высшей аристократии, поднявшихся на своего императора. Нередко он производит казни собственноручно. Когда два верных друга англичане Плоуден и Белло погибли, первый от руки двоюродного брата императора, Гареда, а второй—от руки Гаредова брата (сам Гаред был убит в той же схватке Беллем), Федор, мстя за смерть друзей, казнит 1700 неповинных солдат Гареда, хотя те сложили оружие и просили пощады. Однажды к Федору явились жители Тирзы, 400 человек и просили позволения продолжать промысел их отцов и дедов на основании манифеста — пусть каждый возвратится к занятиям своих предков. Промысел Тирзы был—разбойничать на больших дорогах.

Федор с миром отпустил разбойников, но затем велел перебить их всех, окружив по дороге войсками. Неоднократно он заковывает европейцев за недостаточно вежливый ответ или за слишком резкий отзыв о нем. В 1863 году он заключает в тюрьму капитана Камерона и епископа Штерна, а в 1866 г. 25 января, он запирает сперва в Дабра-Таборе, а потом в Макдаля около 60 европейцев, англичан, французов и немцев, среди них были консулы и правительственные чиновники: это вызвало англо-египетскую экспедицию против Федора под командой лорда Непира. Жестокие расправы Федора, его сатанинская гордость, создавали ему врагов и в Абиссинии и в Европе. За первые два года царствования Федора было сделано 17 заговоров и 11 покушений, в которых он был ранен шесть раз.

Менелик, спокойный, последовательный, предпочитавший действовать за кулисами, через других, часто европейцев, на которых можно было свалить вину, уступчивый, более чем вежливый в отношениях с европейскими державами, нетребовательный, не замечавший, якобы, непочтительности некоторых представителей, прятавший в глубине сердца личные обиды,—всегда занят государственными задачами и ставит их выше не только себя, но и своей личной чести. Как в Федоре сказался характер гордого и горячего жителя северных провинций, так в Менелике проявился спокойный и рассудительный южанин шоанец. Проводя известную параллель Вольтера, можно сравнить стремительного героя Федора с Карлом XII, а Менелика II с Петром Великим.

Приходившие в соприкосновение с Менеликом европейцы любили и уважали его за его личные качества. Менелик платит своим белым друзьям тем же и является их заступником в столкновениях с абиссинским народом.

Менелик не любит лести, предпочитая прямых и резких. Когда нужно, всегда скромный Менелик, умел импонировать; так перед войной с итальянцами он сказал в Орело своим войскам: «Эфиопия не нуждается ни в ком. Она протягивает руку одному Богу».

По свидетельству многих европейцев, Менелик был умный, талантливый собеседник, интересовавшийся всеми формами труда, всеми новыми для него знаниями, предметами, конечно, не всегда умел разобраться в массе новых впечатлений и отделить существенное от несущественного. Положению своего друга или собеседника, его платью и манерам, он придавал мало значения. Как американец, он определял прежде всего, конечно, по абиссински, что стоит такой человек, как работник, как производитель ценностей.

Его любимцами были всегда врачи, купцы, инженеры, ремесленники. Ведя с ними дела, он забывал о величии «царя царей», сам заходил на дом, отбрасывая придворный этикет; звал к себе и держался, как равный и в то же время, обращаясь иногда с высокомерием варвара с европейскими представителями.

Убедившись, как много пользы приносит европейская медицина, он особенно сближается с врачами, ездит к ним, помогает при операциях, на вскрытиях изучает тело человека и при всяком случае подчеркивает свое уважение к врачам, как представителям европейской науки, подымая их престиж в глазах своего народа. В Адис-Абаба сейчас есть постоянный госпиталь и придворный врач; есть оспопрививательный институт, где приготовляется свежая вакцина, это величайшее благодеяние для Абиссинии, которая ежегодно опустошается жестокими оспенными эпидемиями. В условиях тропического климата вакцина долго не сохраняет своей силы и потому не переносит перевозки из Европы. В 1903 году другой госпиталь был открыт в Хараре. Приглашенные Менеликом ветеринары принимают меры против местных эпизоотий и производят периодический осмотр скота. Под влиянием врачей Менелик в 1900 г. воспретил ввоз в страну абсента; в том же году он запрещает своим подданным курение табаку. Выделив человека, он относится к нему с полным доверием, советуется с ним в самых серьезных случаях и щедро вознаграждает. Доктору Витальену он передает постройку французской железной дороги в виде концессии. Часовому мастеру Эвалету он дарит лесную концессию для устройства лесопильни, и теперь там устроен большой завод, работающий турбиною и дающий значительные доходы. Итальянскому рабочему он дает водопад Голота для устройства мельницы, которая тоже работает турбиной и освещается электричеством. Коммерсанту Савуре он уступает большой земельный участок близ Фонтали в Аура-Малька для разведения хлопка, кофе и тропических фрукт. Телефоны скоро покрывают не только столицу, но и всю страну. Автомобили с огромными трудностями доставляют товары из Дирре-Дауа, а в город подвозят камень для построек и мостовых. В Адис-Абаба проводятся широкие улицы, вымащиваются. Через реки перекидываются мосты. Нечистоты города выводятся особыми цементированными каналами, конечно, не везде. А из гор, из кристально чистых ключей проводится вода по трубам во дворец и в дома знати. Каптируется горячий целебный источник «феллюха» и устраиваются удобные помещения, вроде русской бани с цементированным бассейном. Горячая вода проводится из этого источника по особой трубе во дворец; благодаря воде появляются везде насаждения.

Эвкалиптусы в 5 лет вырастают в огромные деревья; в садах выращиваются не только огородные овощи, но даже цветы. Сейчас Адис-Абаба утопает в эвкалиптусовых рощах и в розовых кустах, покрывающихся круглый год цветами. Прививка роз становится обычным знанием туземца. Чтобы поднять земледелие, Менелик поддерживает всякое начинание, часто дает европейцам бесплатных рабочих. Учреждается абиссинский банк для кредитования недостаточных туземцев при покупке земли. Не вина Абиссинского правительства, что банк плохо функционирует. Зато энергично работает Английский банк. The Bank of Abissinia, который составляет отделение Национального Египетского Банка, the branch of the Nationale Bank of Egypt.

До Менелика II, труд «сары» почитался делом рабов; «сарытынья» было презрительным названием даже для слуги-ашкера, который имел сам собственных рабов. И вот Менелик II прислуживает врачам при операциях или же на прогулке выходит из экипажа, слезает с мула, берет на плечи булыжник и несет его через город в свой дворец «гиби», для предстоящих построек. Тысячи человек, составляющих его свиту, начиная с министров, должны, подражая императору, выбрать камень потяжелее, чтобы заслужить похвалу негуса. В голодный 1889 год, когда эпизоотия, холера, оспа, саранча почти одновременно опустошали Эфиопию, он сам для примера обрабатывает собственными руками и обсеменяет поле. В то же время он открывает для голодных свои амбары и выписывает на свои деньги рис из-за границы. Отделение для машин и автомобилей император

устраивает около дворца у главного под'езда и здесь проводит время, беседуя часами с инженерами и механиками. Моторы, турбины, кинематографы, ружья, фотография, электрическое освещение, лекарства — ничто не остается без внимания Менелика. Во дворце устраивается кинематограф и аптека, проводится электрическое освещение, а близ дворца строится большая паровая мельница. «Знакомством с предметами и вещами обогащается ум», любил говорить Менелик.

Как ни ценил Менелик подарки, как он высоко ни ставил материальные выгоды, но в отношении с европейцами был осторожен и строго разбирался. В то время, как Менелик II охотно дарит первым участки земли близ Аддис-Абаба и смотрит на выходцев бедняков, почти как на абиссинских граждан, тем более, что они скоро овладевают местным языком, в это самое время он упорно отказывает в земле вторым. И чем выше европеец по положению, тем труднее ему стать собственником земледельцем, я не говорю концессионером. Исключение делается лишь для тех, кто обзаводится семьей в Абиссинии и таким образом становится, если не вполне абиссинцем, то отцом абиссинских детей.

Чтобы поддержать и развить торговлю, Менелик ссужает охотно бедных европейцев деньгами. По примеру императора, знатные абиссинцы тоже раздают ссуды индусам, грекам, армянам, получая прибыль в торговых предприятиях до 24% капитала. На такие ссуды возникли крупные торговые дома: Джеваджи, Махомед Али и др. Хотя не мало денег потеряно таким образом Абиссинским правительством, но потери компенсированы и 24% с капитала, и приносимыми подарками, и развившейся торговлей, и, наконец, тем предприимчивым духом, которым заразились от европейцев в последнее время и абиссинцы. Для развития торговли Менелик проводит дороги, шоссирует дорогу от Адисс-Абаба и Адисс-Алем, устраивает дорогу от Аддис-Абаба к р. Ауашу и дальше через Билен в Дирре-Дауа. По ней впервые в Абиссинии вьючные караваны заменены телегами и даже моторами. В 1901 году 30 апреля открыта телеграфная линия Аддис-Абаба—Эритреей, а в декабре 1902 года телефон соединил Аддис-Абаба с Дире-Дауа и другими административными пунктами на юге и на западе Абиссинии. В том же 1902 году из Джибути приходит первый железнодорожный поезд в Дире-Дауа. В настоящем 1913 году железная дорога должна достигнуть р. Ауаша. При Менелике Абиссиния входит в почтовый союз. Тадеры и разменная монета появляются всюду. В 1882 году Менелик об'является свободу вероисповеданий и ограничивает рабство. Хотя этот закон не всегда остается в силе, но все же он оказывает некоторое влияние. Для внешней торговли учреждается таможня; 10% со стоимости товаров собираются особыми чиновниками и поступают в пользу казны. В Аддис-Абаба сосредоточиваются огромные склады сырья, которое свозят отовсюду. Большие торговые дома скупают кожи, шкуры, кофе, каучук, слоновую кость, воск, золото, мускус; в столицу на мулионы привозят хлопчато-бумажные ткани для обмена, а также керосин, сахар, спиртные напитки, машины, железные и другие изделия. Европейские агенты проникают вглубь страны; новые торговые пункты возникают даже на окраинах Абиссинии. Вдоль всего Чер-Чера строятся европейские фактории для меновой торговли. Цены на продукты быстро растут; земледелие и, особенно, скотоводство делаются прибыльными и развиваются с необычайной быстротой. В настоящее время торговые обороты Абиссинии через один порт Джибути достигают более 70 миллионов франков в год.

Менелик—глава военного государства, и сам превосходный стрелок и наездник, солдат с детских лет, не мог не интересоваться военным делом. Столкновение же Абиссинии с Италией и хорошо сознаваемая неизбежность и в будущем таких же столкновений с европейскими соседями, которые заменили прежних соседей-дикарей, заставило его обратить особое внимание на военные реформы. Ружья, орудия ввозятся в большом количестве из разных европейских стран. С 1896 г.

Менелик из своих складов роздал от 100 до 150 тысяч ружей, системы Гра, Бердана, Маузора, трехлинеек и др. Много трехлинеек, оставшихся в руках японцев, продано в Абиссинию. На руках у солдат сейчас находится не менее 500 тысяч ружей; в разных местах Абиссинии и в Аддис-Абаба есть ружейные склады, впрочем, плохой и сырой климат, быстро портит ружья и еще скорее патроны. У абиссинцев к настоящему времени должно быть не менее 150 орудий разных систем. Недавно один англичанин Гемфрис получил концессию на устройство патронного завода, который будет работать силой водопада на реке Акаки, в 3-х часах пути от Аддис-Абаба. Тот же водопад предназначается для электрического освещения города. Войска реформируются по возможности на европейский образец. Появляются европейские инструктора, назову графа Лягибуржера и неофициального инструктора, Краузе.

Почти в каждом походе особая роль отводится европейским офицерам, которые, командуя небольшим отрядом, дают советы, производят астрономические наблюдения, делают с'емки, и вообще играют роль генерального штаба, но нужно заметить, никогда не стоят во главе армии. Полковник Артамонов и французский офицер Февр (третий европеец был художник Поттер) сыграли значительную роль, особенно первый, в походе раса Тасамы для завоевания Судана по рекам Баро и Собату в 1898 г. Капитан Булатович не менее ценные услуги оказал в 1897 году расу Уольдегеоргису, который с большой армией прошел по реке Омо до озера Рудольфа, завоевав по берегам лежащие на пути страны. Только благодаря Булатовичу, английский отряд, двигавшийся секретно на север, т.-е. в обратном направлении, повернул назад и оставил абиссинцам весь багаж. В битве при Адуа в 1896 г. 1 марта в абиссинской армии отличился французский капитан Клошет. В дипломатических сношениях абиссинцев черному правительству особые услуги оказали Леонтьев, Шефне и Ильг.

Но мечта Менелика была все же заменить европейцев своими образованными людьми. Поэтому он поощряет и сам посылает молодых людей в разные страны Европы для приобретения европейских знаний. Не мало абиссинцев перебывало в России, учась в военных училищах, в духовных семинариях и фельдшерских школах. С той же целью 40 эфиопов прибыло, в 1904 году в Афины. Много абиссинцев посетили Италию, Англию, Францию, Индию, Швейцарию, проведя здесь по нескольку лет в школах. Аристократия избегает посещения школ заграницей, хотя известны случаи, когда даже принцы воспитывались в Европе. Я укажу на Деджазмача Абрага, который воспитывался в итальянском колледже и сейчас прекрасно владеет итальянским языком.

Труднее было создать такие же школы в Абиссинии. Копские школы, открытые в Аддис-Абаба и других городах, функционируют с переменным успехом. Впрочем, школа коптов в Аддис-Абаба дает хорошее знание новых языков и географии и насчитывает в своем составе дельных учителей. Гораздо лучше поставлены школы французских миссионеров, усиленно посещаемые абиссинцами и европейцами; сюда посылают своих детей и православные—греки, русские, армяне. Неудивительно, что дети при выходе из школы проникаются убеждениями в превосходстве католицизма, если сами не становятся католиками.

Политическая деятельность Менелика II была непрерывной борьбой с тремя силами, которые стояли на его пути; он заставил служить себе эти скорее враждебные силы и использовал их. Эти силы были—дикие пограничные народы, феодалы и европейцы.

Еще будучи королем Шоа, Менелик ведет целый ряд войн с негритянскими и с галласскими племенами и с кочевыми сомали и данкали на юге, западе и востоке своего государства. Став императором, он посылает воевать своих вассалов, направляя их неудержимую энергию на внешних врагов. Его главные сотрудни-

ки в походах были: рас Микаэль, покоривший Уолламо в 1894 г., женатый на одной из дочерей Менелика; рас Уольдергеоргис, достигший озера Рудольфа в 1897 г. и рас Тасама, завоевавший бассейн Собота и Барро в 1898 р. В течение своего царствования Менелик подчиняет себе Сидамо, Баку, Борона, Уолламо, Камбато, Арусси, Марокко, Бали, Каффа, Уоллога; на запад он доходит до Белого Нила, а на востоке он достигает берегов Красного моря и Индийского океана, потому что они заняты уже европейцами, но своевременно предупрежденный Ильгом и Шеффне о намерении англичан выступить из Зейлы, он оккупирует Харрар в 1887 г.

До Менелика Эфиопия, занимая абиссинское плато и склоны его, кончалась истоками Ауаша, где сейчас стоит Аддис-Абаба. Шоа лежало, как остров, среди моря негритянских и галласских племен. Это море кормило абиссинцев, но иногда оно поднималось и заливало волнами и Шоа, и всю Эфиопию. Полчища мусульман взбирались на плато и разоряли жителей, подобно татарам, туркам и маврам в Европе. Самое ужасное нашествие было Магомеда Гарада II, известного у абиссинцев под именем Грани. Сперва простой солдат, а потом царь адалей и Харрара (1527—1544 г.г.). Магомед Герад свирепствовал по всей Эфиопии, до тех пор, пока король Португалии Иван III не послал в Абиссинию отряд войск под командой старшего сына Васко де Гама, Этьена. После удивительных приключений Этьен прибыл в Массоуа в 1541 г. и завоевал город. Его младший брат Христофор-де-Гама и 500 португальских солдат рыцарей вступили в Тигре и спасли Абиссинию от мусульманского ига. Магомед-Герад был разбит окончательно абиссинскими войсками с помощью португальцев в 1544 г. и сам погиб в бою. Христофор де Гама, взятый в плен годом раньше, был пытаем и умер в страшных муках, славя имя Христа. Так кончилось грозное нашествие галласов и арабов на Эфиопию.

Обыкновенно же сами абиссинцы, как у нас казаки, жили набегами на окружающие племена; гонимые нуждой и неукротимым духом, они спускались с высот в цветущие долины, где было «больше меду, чем грязи», грабили туземцев, жгли деревни, кастрировали и убивали мужчин, а к наступлению дождей возвращались к себе домой с богатой добычей. Уводимые в рабство женщины и дети, награбленный скот, шли за победителями в горы, сгибаясь под тяжестью меда, тканей и зерна. Это была охота абиссинца, вооруженного ружьем на дикарей, которые защищались копьями, дротиками и стрелами. Когда за 5—10 лет следы набега заживали и к туземцу снова возвращался достаток, опять появлялись абиссинцы и опять повторяли кровопускание.

Менелик, завоевав и обессилив племена, обложил их податью, посадил везде абиссинских «шумов» на кормление; туземных королей и вождей, где оставил, а где, в более сильных государствах, увел в свою столицу, сохранив им королевское звание. Здесь, привыкая к более культурной и богатой жизни абиссинца, эти короли постепенно рвали связи со своим народом, с прежней жизнью, обычаями, одеждой, языком и становились чужими для своих соотечественников. Сыновья Уоламского короля Тона сейчас сами торгуют своими же земляками, продавая их в рабство. Если у убитого врага Менелика или у мятежного феодала оставались дети, он их воспитывал во дворце, как родных, готовя из них верных слуг. Так выросли лидж Гайли-селясе, ликамакос Беру и другие знатные юноши, составившие личную охрану императора.

Постепенно покоренные племена осваивались с новым положением и делались, хотя и неполноправными, но все же гражданами великой Эфиопии. Абиссинским «шумам», поставленным Менеликом, они платили не больше, чем раньше платили своим королям; зато теперь они были свободны от разбойных набегов, набегов, которые когда то были неизбежны, как гроза. Совершенно незаметно

галласы, гираги, уолламцы начали богатеть, жить по абиссински, перенимали много культурных привычек, заимствовали абиссинский язык и платье, появлялись в столице и, благодаря уму и трудолюбию, не только становились полноправными гражданами, но и достигали видного общественного положения. Так, например, фитурари Афтогеоргис, по происхождению галлас, сейчас занимает пост военного министра. Благодаря смешанным бракам, конкубинату с рабынями и отсутствию большой разницы в степенях культуры, ассимиляция покоренных абиссинцами племен идет быстро. Красота же и физическое развитие галласов, гураги и других, не только не понижают абиссинскую расу, но, напротив, вливая свежую здоровую кровь, придают ей новую силу и стойкость. Надо сказать, что галласы не принадлежат к негритянской расе; это или семиты, родственные эфиопам, или же азиатские выходцы, родственные кельтам или даже малайцем; примесь негритянской крови и климат изменили их цвет кожи, хотя среди галласов и уолламосов встречается окраска смугло-белая, темно-красная или оливково-желтая. Сами абиссинцы называют себя красными «кай», черный же цвет «тукур», цвет негров считается у них таким же презренным, как и белый «недж», которым они обзывают презрительно европейцев.

Так, окраины Абиссинии были вынесены Менеликом в отдаленные, неизвестные и таинственные пределы, населенные еще более дикими племенами и более слабыми, вследствие лихорадки и жизни впроголодь. Шоа из окраины стало центральной провинцией Эфиопской империи. Чтобы отсюда править созданным великим государством, в Шоа он устраивает столицу в Аддис-Абаба, удачно выбрав гору Энтото, являющуюся водоразделом бассейнов Голубого Нила и реки Ауаша, этих главных рек Абиссинии. Отсюда течет Ауаша—эта Волга Абиссинии; недалеко отсюда начинается цепь озер, идущих на юг и служащих дорогой для купцов и охотников, отправляющихся в Сидамо и Борона (озера эти — Зуай, Абжада, Хорошаля, Абай, Маргарита и Стефания); недалеко отсюда берет начало река Омо, огромная, полноводная река, орошающая богатые страны Джима, Каффа, Баку и др.; недалеко берет истоки Барро, которым начинается река Собат, несущая воды в Белый Нил—это главный путь на запад. Отсюда идет большая дорога на восток к морю в Джибути и другая дорога по притокам Джуба в Луг и к Индийскому океану. Здесь начинается дорога на север в Годжам, где она дает ветку на Хартум, в Египет и к Красному морю, в Массоуа. Вот почему Аддис-Абаба стала так скоро МосквойАбиссинии, вот почему здесь сосредоточилась не только политика, но и экономическая жизнь всей империи. Если взглянуть на карту Эфиопской империи в ее настоящих пределах, бросается в глаза точно центральное положение Аддис-Абаба.

В столицу к своему двору Менелик II собирает сильных феодалов, приучая их к праздности придворной жизни, иногда посылая на войны или на управление завоеванными провинциями. Часто он роднится с феодалами, отдавая им в жены своих дочерей и племянниц; эти жены являются не только родственными связями, но и политическими агентами Менелика. Одну свою дочь он отдает в жены галласскому вождю Микаэлю; сын последнего занимает престол Эфиопии. Другую дочь отдает Абато-афа-уорку, а третью—сыну императора Иоганнеса VI—Ареа-Селясе. Щедрый он делится своими богатствами, которые текут из вновь завоеванных земель, с верными слугами, он раздает им ружья и патроны, но с мятежными феодалами он расправляется беспощадно. Чтобы увеличить разницу между императором и феодалами, он учреждает министерства и назначает на эти места людей худородных, но талантливых и образованных. Вчерашние анкеры и писаря приобретают огромную власть и силу, перед которой склоняются высокородные аристократы. Таков министр иностранных дел Нагадирас-Хайлиге-оргис, получивший духовное образование, сын купца, министр земледелия Кандиба Уольдедадик, министр путей сообщения Мата-

фарья, верховный судья «Афанегус», начавший карьеру маленьким адвокатом, известный уже военный министр Афтагеоргис, родом галлас, и многие другие. Своих министров он усиливает, давая им в жены принцесс. Министр земледелия, таким образом, является ближайшим—родственником императорского дома. И вчерашний ашкер не только сидит рядом с феодалами, но не редко является в делах его начальником.

Особенный талант Менелик проявил в сношениях с европейцами, которые, враждуя между собой из-за влияния у Негуса наперерыв оказывают ему ценные услуги своими советами, работой и подарками. Европейские авторы часто говорят о morbus consularis в Абиссинии. Соперничество между миссиями, между влияниями, соперничество между частными европейцами, купцами, ремесленниками—для Менелика выгодно. Благодаря соперничеству он все знает, выслушивает мнения противников и никому не доверяет, даже России не всегда. Европейцы же, ослепленные ласками Менелика II, думают каждый о себе, что император слушает только его и почти каждый считает себя единственным советником Негуса. Читая европейского автора, француза, русского, итальянца, всегда кажется, что только эта национальность играла исключительную роль в эфиопской политике, и что только для нее эта роль является законной. Lennox Gilmour возмущается, что во французской прессе и в парламенте принято думать и говорить, что Abissinia is to become a franch colony in all, but name, но он восхваляет лорда Гарингтона, который в том же направлении работает для Англии. Италия находит, что ей суждено создать свою Индию в Африке. Германия приходит спасать Абиссинию от других, так как для нее ничего не оставлено, кроме выгод от взаимной дружбы с Абиссинией. И только все единодушны в одном, что не дело России лезть в Африку: для нее де достаточно авантюристической политики в Азии; она де не доросла до мирного экономического влияния и т. д. К сожалению, мы почти не зная об Абиссинии ничего, соглашаемся нередко с европейскими взглядами.

Менелику, конечно, оставалось уверять всех в своей дружбе и каждому обещать первенство и поддерживать между всеми озлобление. Он охотно принимает от всех деньги, подарки, особенно если это были ружья и орудия, но обещает как можно меньше. Торговые договоры заключены Абиссинией при Менелике с Францией, Италией, Англией, Соединенными Штатами, Австрией, Германией, со всеми, кроме России, которая почему то избегала получить права наиболее благоприятствуемой державы. Дипломатические сношения велись даже с Турцией, Грецией и другими государствами и, повидимому, делалась попытка завязать сношения со стороны Японии. В своей политике Менелик II шел по пути слабого, указанному Китаем, усложняя и запутывая международные сношения.

На политической арене Абиссинии первые появляются итальянцы. Поддерживаемые Англией, они ведут с начала своего появления агрессивную политику. В 1869 году Италия заводит на Красном море торговый флот, для чего покупает порт Ассаб. как угольную станцию, этот порт обстраивается лишь в 1882 году. В 1885 году Италия занимает Массауа с согласия, даже по предложению Англии (Массауа, древняя Макария, была отнята у абиссинцев турками в 1557 г.). Франция появляется на Красном море еще в 1859 году, заняв порт Зулла, а в 1862 г. купив порт Обок, но эта оккупация производится лишь на бумаге, в действительности, Обок начинает застраиваться лишь в 1881 году, а в 1888 году французами занят новый порт Джибути, куда переносятся все правительственные учреждения из Обока. С постройкой железной дороги Джибути становится серьезным соперником английского Адена. Стоя на пути из Франции в колонию Мадагаскар и Индо-Китай, на пути в Австралию и Южную Африку, Джибути быстро развивается, как торговый порт и оставляет далеко позади Аден. Сейчас Джибути покрылся великолепными общественными и частными зданиями, заселился и дает больше удобств для заходящих

пароходов, чем Аден, который стоит на краю пустыни, как безводная скала и имеет для англичан лишь значение военной крепости. Надо думать, что Джибути—ворота для богатой Абиссинии и порт французских колоний, станет в недалеком будущем Марселью Индийского Океана. Англия появляется на Африканском побережье Красного моря в 1884 году, занимая Зейля и Бербера. Так были разобраны все берега Африки на Красном море. Попытки, сделанные Россией, Испанией и Германией в этом направлении, остались без успеха. В 1886 году итальянцы, по прежнему поддерживаемые англичанами, устремляются из Массауа в глубь Эфиопии. Предчувствуя опасность, император Иоганнес VI об'являет итальянцам первую войну, 26 января 1887 года он наносит жестокое поражение итальянцам при Догали, абиссинцами командует рас Алула. В 1888 году итальянцы тайно подымают на Абиссинию махдистов, которые уже были разбиты расом Алула в 1885 году при Куфите. Таким образом, Иоганнесу приходится вести двойную войну. Рас Алула и теперь разбивает войска махдистов при Метимелите в 1888 году. В 1889 году Махдисты терпят поражение от самого Иоганнеса при Галабате. К сожалению в этом сражении погиб император Иоганнес, абиссинцы должны отступить. На трон императора садится Менелик II, и картина политических отношений сразу меняется. Абиссиния в силу Училийского договора 1889 года 2 мая становится союзницей Италии, и в том же году Италия беспрепятственно занимает своими войсками Эритрею и окраины Эфиопии. По Училийскому договору Менелик получил 2 миллиона из Флорентийского банка и в подарок от итальянского короля 38.000 рублей и 28 орудий. Он верит в дружбу Италии. Между тем в это время итальянское правительство оповестило европейские державы о свое протекторате над Абиссинией. Договоры 1891 года от 24 марта и от 15 апреля между Италией и Англией утверждают права Италии над Эфиопией, включая в последнюю Кафа и Харрар. Постепенно от 1890 до 1893 года Италия оккупирует почти весь Тигр, встречая поддержку англичан. Алуа занята еще в 1890 году. Одновременно в 1890 году Италия занимает 600 километров по берегу Индийского океана от английского Сомалиленд на юг до устья реки Джуба, уплачивая за это 100.000 рупий Занзибарскому султану.

Случайно Менелик узнает, что Училийский трактат посягнул на независимость его империи. Оказалось, что итальянский и абиссинский тексты Училийского договора разнятся в самом существенном. 17 статья абиссинского текста говорит, что Менелик будет иметь возможность пользоваться агентами итальянского правительства: L'empereur de l'Ethiopie aura la faculté de se servir des agents de gouvernement italien, а итальянцы поставили у себя: «Empereur de l'Fthiopie aura l'obligation de se servir, то-есть, будет обязан пользоваться агентами итальянского правительства. Узнав, что Эфиопия попала в ловушку министра Криспи, Менелик предупреждает Италию 12 февраля 1893 года, что через год с 24 мая 1894 г. она считает себя свободной от обязательств Училийского договора, одновременно он вносит в флорентинский банк 2 миллиона, как это ни было тяжело для бедной Абиссинии. Война об'явлена. Итальянцы первое время одерживают ряд побед: в 1895 году почти все Тигре занято итальянцами. Тогда 17 сентября 1895 года Менелик призывает всех, кто в силах подняться на врага. «Я все переносил—говорится в манифесте—я слишком долго вел переговоры. Враг, как крот, роет нашу землю».

7 декабря 40.000 шоанцев наносят первое поражение Италии; из 3.000 итальянцев, под командой Розелли, едва остается 300 человек. Вскоре затем Менелик занимает крепость Макале, гарнизон которой уплачивает выкуп 1 миллион. Мстя за неудачи, мелочный Криспи похищает в Невшателе трех абиссинских школьников и увозит в Италию. Когда командующий итальянской армией Баратьери просит подкреплений, Криспи шлет ему оскорбительные телеграммы, называя генерала чахоточным. 1 марта 1896 г. произошла катастрофа. 80.000 абиссинцев встретились при Аба-Герма, близь Алуа, с 27.000 итальянцами; 3 итальянских корпуса и

резервы были разбиты: 10.000 раненых и убитых итальянцев осталось на поле битвы; 7.000 было взято в плен; 5.000 рассеяно в разных направлениях. Охваченные ужасом, целые батальоны избивались копьями, не думая защищаться. Два знамени, 72 орудия и весь лагерь достались победителям.

После Алуа абиссинцы одерживают несколько мелких побед, занимая Адиграт, Кассаля и др. Несмотря на полученные после Алуа подкрепления итальянцы не решаются наступать. И 26 октября 1896 года подписывается мирный договор. Рыцарски благородный Менелик освобождает часть пленных до ратификации, ко дню рождения итальянской королевы, 20 ноября.

Во время всей этой борьбы Абиссиния встречает поддержку моральную и материальную со стороны двух государств, России и Франции. Россия посылает Красный Крест, Франция дает оружие и деньги. Франция настроена дружелюбно к Эфиопии еще с 1843 года, когда между Луи-Филиппом и Селя-Селясе Великим подписан 7 июня дружеский договор. Франции сильная Эфиопия нужна против Египта и против английского проекта железной дороги from Cap to Caïro. Чтобы поставить преграду домогательствам Англии,—Франция посылает две экспедиции к Белому Нилу: одну из Джибути через Абиссинию, под начальством Маркиза Боншана, другую—с запада от Атлантического океана, под командой офицера Маршана. После невероятных трудностей французами была занята Фашода, и здесь были водружены французский и абиссинский флаги. Но Англия, которая уже имела в своих руках несколько раньше Фашоду, протестует против французской оккупации. Лорд Китченер движется на юг с 18.000 солдат и, не доходя до устья Собата, утверждает английский и египетский флаги в Фашоде против флагов французского и абиссинского. Весь мир следил за драмой, разыгравшейся в неведомой Фашоде, но мало кто оценил ее значение. Здесь действительно столкнулись огромные интересы двух африканских соперников, и Фашода изменила навсегда или надолго всю африканскую политику. 11 декабря 1898 года была произведена эвакуация Фашода после чего англичане стали хозяевами всего Нила и зашли в тыл Абиссинии с запада. Франция была дискредитирована в глазах Абиссинии, которая следила внимательно за борьбой двух богатырей. Абиссиния была вынуждена сделать Англии значительные уступки в последующих разграничительных договорах.

Обилие договоров, заключаемых чуть ли не ежегодно с французами, англичанами и итальянцами, причиняет эфиопскому правительству много забот и затруднений. Один неудачный трактат, подобный Училийскому, и Абиссиния опять, без поражения на войне, потеряет политическую самостоятельность. Так, после договора 1896 года 26 октября, заключившего итало-эфиопскую войну, границы Эритреи между двумя государствами точно установлены не были. Целый ряд последующих трактатов 7 декабря 1898 г., 1 июня 1899 года, 24 января 1900 года, 16 апреля 1901 г. (англо-эфиопский договор), 1 июля 1901 года, постепенно лишь выяснили границы Эритрейской колонии, которая сейчас занимает 50.000 кв. километров и имеет ½ миллиона жителей, большею частью мусульман.

После Фашода Россия становится главной защитницей и покровительницей Эфиопии, работая совместно с Францией. Но постепенно на африканской почве происходит сближение между Францией и Англией, и Франция еще более отдаляется от Абиссинии. Франция вынуждена содействовать Англии по эфиопскому вопросу недаром англичане называют Абиссинию пробным камнем touch-stone англо-французского соглашения.

В декабре 1906 года между Англией, Францией и Италией подписан договор, разделяющий Абиссинию на три зоны влияния и известный под именем le traite de partage de l'Abissinia. Это происходит после того, как разбитая Японией Россия отказывается от своей доминирующей роли в мировой политике, сокращает пред-

ставительство в Абиссинии и расходы на Абиссинию, устраняясь от прежней деятельности друга-покровителя.

Тогда в Абиссинии появляется Германия, предлагая ей свое покровительство. Германия приходит с удивительно планомерной политической программой и утверждается здесь и как торговая держава, и как защитница Африканской Империи. Постепенно она завоевывает место на рынке Абиссинии, даже вытесняя совместно с Австрией некоторые товары, ввозившиеся другими странами, как спички, сахар, спирт; и одновременно приобретает всевозможные концессии. Появляются немцы-купцы, немцы-приказчики, концессионеры, служащие на абиссинской службе лица, и даже—правда не надолго—немцы—оффициальные советники. И сейчас самый ортодоксальный абиссинец упоминает в разговоре Германию рядом с Россией, прибавляя сюда Соединенные Штаты. Эта группировка является относительно Абиссинии естественной, так как упомянутые державы не могут иметь в Абиссинии территориальных интересов. Несмотря на группировки и договоры, враждебные отношения между членами групп продолжаются, пока Менелик II здоров; открытая борьба между Антлией и Францией из-за железной дороги, уступленной Франции между Дирре-Дауа и Аддис-Абаба, ведется упорно и тормозит постройку до последнего времени.

История железной дороги дает лучший пример постоянных трений между европейскими державами в Абиссинии. 9 марта 1894 года Менелик передал швейцарскому инженеру Альфреду Ильгу совместно с французским инженером Леоном Шефне,—концессию на постройку железной дороги от Джибути до Харрара, от Харрара до Энтото, т.-е. Аддис-Абаба,, от Аддис-Абаба до Кафа и Белого Нила. Ни одно другое лицо не имело права в будущем проводить другой дороги в том же направлении. Концессия давалась на 99 лет, после чего дорога переходила к Эфиопскому правительству. В 1897 году учреждается компания французских капиталистов для постройки дороги, но так как капиталы притекают неохотно, то в июле 1901 года был образован международный Эфиопский трест, в котором доминировали английские капиталисты. В 1902 году в декабре из Джибути в Дирре-Дауа прибыл первый поезд. В том же году 6 февраля французское правительство, после взрыва патриотических чувств в прессе и в обществе, решило субсидировать эфиопскую железную дорогу ежегодными суммами в ½ миллиона франков в течение 50 лет; субсидия была реализована на рынке в 11 миллионов франков, и дорога, после конвенции между компанией и французским правительством, из международной снова принимает характер чисто французский. Эта конвенция, как результат правительственной субсидии, встречена Менеликом с большим неудовольствием. Постройка дороги надолго задерживается, вопрос о дороге дебатируется в заседаниях европейских представителей не приводя ни к чему. 11 апреля 1905 года император Менелик собирает у себя всех европейских представителей и открывает заседание, особенно характерное по выраженным враждебным чувствам, следующими словами.

«Вам известно господа, что уже несколько лет я озабочен вопросом о железной дороге в моей стране, постройка которой уже решена давно».

«Вам небезызвестно, с чувством какого удовлетворения я приветствовал в 1902 году прибытие первого поезда в Дирре-Дауа. Я надеялся, что после первого усилия каждый месяц будет приближать к нам железную дорогу. Но вот уже прошли три года, а постройка не подвигается, и вы знаете причину. Время теряется напрасно на бесполезные споры. Я же надеялся, что дорога будет способствовать развитию страны, так как это наша главная забота. Я тоже надеялся и для себя, что с окончанием дороги мое сердечное желание посетить дружественные страны в Европе, наконец, осуществится. С живым сожалением я вижу, как проходят месяцы

и годы, а наши друзья все не могут согласиться и притти к определенному решению. Для того, чтобы положить конец такому положению дел, я вас пригласил сегодня. Прошу, сообщите своим правительствам то решение, которое я желаю сегодня принять относительно железной дороги. Мне бы хотелось, чтобы между различными державами состоялось бы без промедления определенное соглашение. До сих пор я от вас не получил никакого предложения.

Если я не получу никакого предложения от ваших правительств, которое могло бы согласовать ваши международные интересы, я буду вынужден приступить к постройке самостоятельно, не прося и не принимая ничьего содействия. Прошу вас, поставьте в известность ваши правительства относительно моего сообщения».

На что сэр Гаррингтон сказал:

«В качестве Британского министра, я рад засвидетельствовать, что Британское правительство относительно Эфиопии не придерживается иной политики, как поддержания ее полной независимости.

«Об'являю, что я готов сейчас же подписать любое обязательство, которое имело бы своим предметом подтвердить эту независимость.

«Железная дорога, построенная на деньги одной нации и под контролем одной державы, поставит Ефиопию в положение несовместимое с независимостью и нераздельностью ее территории. Мое личное мнение: железная дорога должна стоять на коммерческой основе, но отнюдь не должна быть политическим инструментом. Лучшее средство дать необходимые гарантии для различных интересов — это позволить капиталистам всех наций принять участие в постройке. Я не вижу неудобства в том, чтобы управление предприятием было предоставлено французской компании, лишь бы она сохраняла свой международный характер. Опираясь на международный характер, она одна в состоянии провести постепенно программу постройки разных участков, согласно степени их необходимости и преобладания интересов. Я поспешу передать моему правительству намерения Вашего Величества и могу уверить, Ваше Величество, что мы сделаем все необходимое для того, чтобы возможно скорее выработать удовлетворительное решение».

В ответ на выраженное императором удовольствие английский министр добавил:

«К несчастью я должен признать, что мои усилия не нашли поддержки другой стороны.

«Для меня немыслимо понять, как поддержание независимости Эфиопии может быть связано с идеей постройки французской железной дороги от моря к столице, под контролем одного французского правительства. К сожалению я должен сказать, что мне непонятна такая французская политика, тем не менее мне понятны предложения, которые были сделаны французским министром и которые отнюдь не соответствовали самому принципу независимости Эфиопии.

Французский министр Лягард делает резкое движение, готовый возразить.

Английский министр продолжает: «Мне кажется, мы могли бы притти к соглашению относительно железной дороги подобно тому, как мы согласились относительно учреждения банка. Я могу дать слово, что мое правительство никоим образом не замешано в деле учреждения банка, который есть чисто коммерческое и международное предприятие. Повторяю, что я с удовольствием приветствую и поддержу, вместе с моим правительством, всякое соглашение о железной дороге в том смысле, как я сказал».

Французский министр, в ответ на обвинения английского представителя, счел наиболее достойным отказаться от собственного мнения, сославшись на волю правительства Франции, которое ему укажет, как поступить. На вопрос одного из присутствовавших—расов, как об'яснить характер французской политики, Лягард

заметил: «Что я сделал в течение 22 лет для Эфиопии, может, надеюсь, успокоить Его Величество относительно намерений французского правительства».

Тогда Менелик II, оставаясь все время под впечатлением слов английского министра, выражает удивление и неудовольствие по поводу железнодорожной компании и просит передать французскому правительству, что он не одобряет конвенцию, заключенную между компанией железной дороги и французским правительством.

Вслед за этим свое мнение высказал представитель Италии.

«При моем от'езде из Италии правительство уполномочило меня передать свое желание об интернационализации железной дороги. Что касается независимости Эфиопии, то никто этого не оспаривает в Италии, и я могу дать уверения, что правительство готово засвидетельствовать это всеми средствами».

После описанного исторического заседания, на котором соперники Франции открыли свои карты и поставили министра Лягарда в положение обвиняемого,— дело о железной дороге опять тормозится вплоть до 13 декабря 1906 года, когда Франция была признана хозяйкой дороги. Впрочем, открытое соперничество и подпольная политика еще продолжаются. Лишь 30 июня 1908 года удается доктору Витальену получить права на продолжение дороги и разрешение уступить эти права новому обществу, образованному годом ранее, 3 июня 1907 года, взамен прежнего. Это общество, принявшее имя «La compagnie du chemin de fer Franco-Ethiopien», находится, согласно договору, под контролем французского правительства. И все же Абиссинское правительство продолжает ставить всяческие препятствия железно-дорожному обществу. Работы по продолжению дороги возобновляются лишь в 1912 году; с лихорадочной поспешностью строят линию в разных местах, одновременно возводя здания вплоть до реки Ауаша; сейчас открыта линия на 120 километров от Дирре-Дауа вглубь страны и к нынешнему 1913 году линия должна достигнуть Ауаша (в мае или июне мес.). Последние известия сообщают, что устранены препятствия к продолжению дороги от Ауаша к Аддис-Абаба.

В то самое время, как министр Гаррингтон обвинял на заседании 11 апреля 1905 года Францию в посягательстве на самостоятельность Эфиопии проведением железной дороги через ее территорию,—в это самое время он получил разрешение на постройку железной дороги через абиссинские земли от Харртума до озера Рудольфи (как часть дороги from Cap to Cairo). 5-я статья договора 15 мая 1002 года разрешает постройку железной дороги через всю Абиссинию не частному английскому обществу, а самому британскому правительству.

Италия также получает концессию на железную дорогу в северной Абиссинии, но в неопределенных выражениях; кроме того, Италией разработан проект железной дороги от Луга к Индийскому океану, так как Джуба недостаточно полноводна для развития судоходства.

Помимо железнодорожных концессий, абиссинское правительство по 3-й статье договора 15 мая 1902 года дало обязательство английскому правительству, не посоветовавшись, не производить никаких сооружений на севере Пана, Голубом Ниле и реке Собате для отведения воды. Хотя общий принцип международного владения реками, установленный еще в XVIII столетии, и лег в основу 3-й статьи, но, ввиду особого значения оросительных сооружений для Абиссинии и ввиду возможности широкого толкования этой статьи договора,—это «вето» на воду в значительной степени ограничивает сюзеренные права Абиссинии, которая, как сторона более слабая, должна будет подчиняться в вопросе о воде египетскому правительству.

Неизлечимая болезнь Менелика наносит ущерб интересам Эфиопии. Уже в последние годы еще здоровый, но несколько одряхлевший, Менелик II нередко подчиняется вредному влиянию окружающих его европейских советников и де-

лает, как мы это видели, опасные уступки. Лестью и подарками удается у Абиссинии вырвать то, что нельзя было взять силой оружия. Границы Эфиопии, устанавливаемые в это время при помощи особых комиссий, урезывают в разных местах Абиссинские пределы. Внутри лучшие земли раздаются в виде концессий, которых никто не разрабатывает, выжидая лучшего времени. В Абиссинию запрещено ввозить оружие. При каждом случае ей грозят ультиматумом. Деятельность европейских представителей становится более согласованной и дружной. В самой же Абиссинии феодалы, иногда поддерживаемые европейцами, поднимают голову и вновь зажигаются честолюбием. Тигре опять становится очагом революции. Но верные слуги Менелика II еще живы и продолжают работу вышедшего из строя вождя. Мятежные расы Уолле, деджазмач Абрага, рас Абата и многие другие разбиты или без боя подчинились правительству.

Между тем растет внук Менелика, наследник Лидж Яссу, проявляя недюжинные ум и волю. Пока жив был регент, твердый волею рас Тасама, сын раса Дирги и двоюродный брат Менелика, Лидж Яссу, как ребенок, во всем подчиняется своему воспитателю. Но рас Тасама неожиданно умирает в 1911 году. Регентом назначается фитурари Теляхун, преданный всей душой Лиджу Яссу, но мало опытный и не способный к власти. Лидж Яссу незаметно выходит из-под чужой опеки. Не желая быть игрушкой в руках европейцев и абиссинцев, он второй год ездит по своей империи, то для охоты, то чтобы наказать возмутившиеся племена. «Я бегаю под дождем одетый в овчину, как монах, отыскивая слонов и непокорных негров. Я убил 9 слонов и 4 негров. Мне приходится спать в галасских хижинах. Свита моя идет за мной и не может меня найти,—пишет он своей сестре Ойзеро Сахан, жене деджазмача Беру. Он бежит и из Аддис-Абаба, где его спаивали вином, развлекали кинематографом и женщинами, толкали его на некрасивые поступки, умышленно дискредитируя в глазах народа. Лидж Яссу не получил систематического образования, но он знает больше, чем дед; он недоверчив потому, что видел много унижения и лести; он не боится европеизма, иногда надевая даже европейское платье. От новшеств его удерживает страх народа. Националистическая партия, составленная из обломков партии императрицы жива и ждет момента для выступления; за ней, конечно, прячутся и враги Абиссинии. Слышны разговоры, что у Лидж Яссу кровь мусульманская—«ислам-лидж»; не гоже де государю быть все в от'езде. Но я думаю, что Лидж-Яссу пока удачно обманул и европейцев и абиссинцев, которые ждали обобрать молодого государя, выпрашивая у него обещаниями и угрозами титулы, земли и концессии: я думаю, что он не даром изучает свою страну, совершая продолжительные поездки. Но права Лидж Яссу оспариваются, несмотря на завещание Менелика; ведь он только сын дочери Менелика и сын галасского вождя Микаеля, крещеного мусульманина. Два сына Менелика, имевшие все права на престол, погибли, один в 1890 г. — другой в 1895 г. Лидж-Яссу вероятно придется выдержать сильную борьбу и проявить много энергии, чтобы не испытать судьбы Димитрия Самозванца. Ведь «в Абиссинии у кого длиннее сабля, тот и негус»,—говорит старая пословица.

А раз в Эфиопии настанет смутное время внутри, то вместе не замедлит выступление и европейских держав, — если только внимание ее европейских соседей не будет отвлечено в другом направлении и руки их не будут связаны на других материках. Результат нового столкновения с Европой едва ли может быть благоприятен для Эфиопии. Присущая абиссинцу самоуверенность превратилась после побед над Италией в ложное самомнение. Невежественный народ после Адуа уверен, что Абиссинии ничего не стоит одолеть всю Европу. Между тем, прежнее соотношение сил нарушилось не в пользу Абиссинии. Европейцы сейчас имеют порты Гамбелла, Розайрес (первый на Собате, второй на Голубом Ниле) Масоуа, Джибути, Зейля, Бербера, Рахайта (на Красном море), Луг (на Джуба), куда не-

редко заходят пароходы. Железная дорога скоро будет у Ауаша и упрется, таким образом, в самое абиссинское плато у Шоа. Везде по Абиссинии живут европейцы, имеют фермы, скот, дома. Абиссиния изучена в топографическом отношении. Все дороги изъезжены. Есть прекрасные карты. Аддис-Абаба, Гамбелла, Дирре-Дауа, стали складами европейских товаров. Кроме того европейцы на окраинах ласкают туземцев, рассчитывая на их симпатии, в случае столкновения. Нередко на окраинах раздается оружие, которое будет направлено против абиссинцев.

С другой стороны абисинец опустился в военном отношении. Современная Аддис-Аббаба стала Капуей для абиссинского солдата. Аббиссинец слишком долго не воевал, он отвык от копья и сабли и не научился стрелять, он разучился ездить верхом на лошади: Он стал сибаритом, полюбил европейский комфорт, так же как его обленившиеся ашкеры; он отрастил себе живот и пьет не в меру коньяк «шампань» и европейские вина. До сих пор абиссинец был воин и охотник, теперь он политик и купец. Феодально-военное государство переживает период ломки, перестраиваясь в более современные формы. Эта эволюция производится европейцами, когда еще многое не готово, когда старые формы еще живут в сознании, как идеал, еще не успели обветшать. Во время такой перестройки, да при том, при отсутствии государя, умудренного опытом, столкновение с Европой может привести Эфиопию к роковому концу, в лучшем случае к временной потере независимости.

Говоря о царствовании Менелика II, естественно остановиться на русско-абиссинских отношениях. К абиссинскому вопросу в России относятся, мне кажется, слишком легкомысленно. В «Биржевых Ведомостях» было даже указано однажды на бесполезное расходование денег в Абиссинии. Но так ли это. Действительно ли Абиссиния для России представляется чем то менее значущим, чем Сиам или любое государство мира. Почему же и Абиссиния и заинтересованные европейские державы, несмотря на нашу скромность, считаются с Россией в Абиссинии, одни уповая, другие опасаясь.

Еще с московскими царями допетровской Руси, Абиссиния хотела завязать сношения на почве религиозного родства. В прошлом столетии эти попытки повторялись неоднократно: в 1855 году, 1874, 1876, 1879, 1887 и др. К сожалению, абиссинцы, чуждые международной политики, выбирали нередко крайне невыгодный для нас момент, чтобы завязать сношения. В последнее время неоднократно абиссинское правительство хотело напомнить о себе России, но естественно этому всегда противились европейцы. Помимо политических отношений, отдельные русские лица, как генерал Шведов, полковник Артамонов, Булатович, Леонтьев, инженер Курмаков, министр Лишин, еще ранее Машков и многие русские врачи, сыграли, каждый в своей сфере видную роль за время царствования Менелика II.

Стоя на страже своих политических интересов, европейцы всячески старались дискредитировать в Абисинии русское имя.

После русско-японской войны абиссинцев уверяли, будто русских так много убили на войне, что они теперь стали маленьким народом... И они с трудом верят, что после войны народонаселение России увеличилось на десятки миллионов. На заседании Абиссинско-Европейского Комитета, по поводу покупки у японцев русских ружей, одним европейцем было сказано: «хотите, мы привезем вам не только ружья, но и русские мундиры». Я могу напомнить из прошлого — расстрел спутников Ашинова, отказ Менелика II, под влиянием европейцев от русского топографа, которого он сам просил прислать из Петербурга. «Ведь этот офицер уже делал с'емку Манчжурии, которую русские потом захватили. Так будет и с вашей Абиссинией», сказал Менелику один европейский представитель. Это так испугало суеверного абиссинца, что он, вернув топографа с дороги, позже обращался к топографам нерусской национальности. Таких случаев было не мало; не

мало и таких, которые не могут быть здесь упомянуты. Вот так смотрят на Россию и ее возможную роль в Эфиопии абиссинцы и европейцы.

Что же мы можем дать и получить взамен от Абиссинии. Прежде, чем говорить об экономических отношениях, два слова о религиозных и политических. Абиссиния считает себя страной православной, единоверческой России. Хотя монофизиты, копты, абиссинцы на Флорентийском соборе об'явили себя православными. Религиозными интересами в Абиссинии исчерпывается вся духовная жизнь. Вне религии у абиссинцев нет ни науки, ни искусства. Но и религиозная жизнь, весьма сильная верой, бедна содержанием. Духовенство часто не умеет читать. Церкви голы или покрыты изображениями, среди которых встречаются даже изображения чертей. О жизни Христа и его ученцы знают очень мало. Псалмы Давида представляют почти исключительное духовное чтение. «Сколько у вас Давыдов», сказал один образованный абиссинец, входя ко мне, и видя груды книг на полках и столе. Церковные облачения, утварь, невыразимо убоги. Литографии святых ценятся, как богатый дар. Книги церковные часто отсутствуют даже в церквах или полны грубых ошибок, сделанных переписчиками. За пожертвование 2—3 рублей местный священник делает земной поклон и целует руку. Нужно отдать должное высокой деятельности католического духовенства в Абиссинии: оно устраивает лепрозории и больницы, принимает больных, учит французскому языку, устраивает школы, занимается садоводством и огородничеством, скотоводством и пчеловодством, строит прекрасные церкви, имеет типографию и издает журналы. В результате, Абиссиния делится на два враждебных лагеря: католиков и абиссинцев и первые становятся иностранцами в собственной стране.

Политическая роль России в Абиссинии была ясна, пока пути Англии и политика России и Франции были противоположны. Создать Эфиопскую империю, как крепость и оплот против Египта, не дать английским колониям Африки соединиться, имело для нас высокой важности значение. Сейчас, говорят, Абиссиния, это отвлекающий пластырь в политике, это наблюдательный пост на случай компенсации. Но не в духе России требовать компенсаций.

Экономическое будущее Абиссинии начинает выясняться лишь в последнее время. Но об этом европейцы не любят распространяться, предпочитая скорее умалять богатства Абиссинии. Как в Сибири, найдя золото, не рассказывают направо и налево о находке, а делают заявку, так и в Абиссинии предпочитают сохранять страну для себя те, кто пришел сюда первым, разбогател или думает разбогатеть в ближайшем будущем. Эфиопия есть страна хлопка. Об этом знали еще римляне. О кофе арабские марабу пишут, что оно привезено к ним из Эфиопии, из страны Каффа. И кофе и хлопок растут в Абиссинии в диком состоянии, так же, как и каучук, ценимый на лондонском рынке выше американского. Абиссинский кофе по своим качествам стоит рядом, а иногда и выше мокко и ввозится в Аравию из Харрара; хлопок Абиссинии приближается к египетскому. Кроме того, Абиссиния есть страна хлеба, масла и меда, кож и мяса. Обилие этих продуктов и дешевизна их, обилие рабочих рук, необыкновенное богатство почвы (местами до 30% органических остатков), обилие горных рек и ключей для искусственного орошения, огромные неиспользованные пространства, чрезвычайно выгодное положение на мировом пути из Европы на Восток, сравнительная близость от моря, с проведением железной дороги (расстояние от центра Абиссинии, Аддис-Абаба, к морю то же, что между Москвой и Петербургом), здоровый климат на возвышенностях, которые встречаются всюду в виде небольших потухших вулканов на самых низменных местах вблизи рек (средняя температура дня 20° тепла круглый год), должны сделать Абиссинию в ближайшем будущем

страной большого мирового значения, напоминающей Египет, только Египет огромного масштаба. Сейчас трудно определить емкость Абиссинского рынка; она быстро растет по мере того, как растет спрос европейцев на сырье, обогащающий туземцев, по мере того, как увеличиваются их потребности и их производительность. Ввоз и вывоз Абиссинии за последний период удваивается через три-четыре года. Все страны Европы, включая Австрию, Румынию, Голландию, а также Северо-Американские Соединенные Штаты, посылают сюда разведчиков-торговцев. Укажу для примера, в Аддис-Абаба, есть около 15 больших домов американских, французских и др., занятых скупкою шкур, и кож; и для всех есть работа. Помимо хлопковых тканей, Абиссиния требует керосин, сахар, спирт, лес, спички, муку, железо, т.-е., именно те продукты, в сбыте которых заинтересована Россия. Рано или поздно, Россия будет торговать в Абиссинии; но лучше быть в первом ряду, чем в последнем. Уже и теперь все наши пароходы заходят не в Аден, а в Джибути, где и стоянка парохода ничего не стоит и пресная вода в изобилии, и есть необходимые продукты и запасы каменного угля. Об отдаленности же Абиссинии, которая все же ближе к Одессе, чем к Лондону и к французским портам, не нам говорить; не нам русским, посылающим свои товары на верблюдах в Центральную Азию за тысячи верст; не нам, отправляющим пароходы в Персию и Владивосток (к сожалению, иногда пустые). Абиссиния есть почти приморская страна, так как Тигре, Харрар, Бали лежат на расстоянии 300 верст от моря, а центр Абиссинии на 600—700 верст. Россия, как и другие страны умеренного пояса, потребляет в большом количестве продукты тропического климата. Колоний в тропическом поясе у нас нет. Для России, конечно, выгоднее вести самой торговлю с тропическими странами; и со странами независимыми выгоднее, чем с чужими колониями, которые естественно ставят иностранцам препятствия. Некоторые препятствия могут встретиться, правда, и здесь, так как Джибути порт французский, и железная дорога в Абиссинию принадлежит Франции; но эти препятствия транзитного характера и потому менее значительны.

Министр Лишин, уже давно обратил внимание на необыкновенные богатства провинции Марокко, но есть другие места, еще более богатые. Этот земной рай, где нет чахотки, где сифилис протекает, как незначительная болезнь, может быть не только здравницей для небогатого русского, но может нам дать кофе и хлопка на многие миллионы. Пока мы говорим об ирригации Туркестана, потребующей сотни миллионов, мы должны покупать ежегодно в Америке хлопка на 60 миллионов рублей и более. Неужели Абиссиния, не стоит того, чтобы здесь произвести, хотя бы опыт, тем более, что получение концессии в несколько тысяч десятин земли, потребует расхода не более десяти тысяч рублей. Ирригационные работы в Абиссинии, крайне легки для выполнения, и их стоимость ограничивается десятками, самое большее, сотнями рублей. Абиссиния является страной, где еще не собраны пенки. И Россия на них имеет такое же право, как и другие, тем блее, что она здесь не ищет ни территориальных, ни политических выгод, кроме поддержания независимости единоверческой и дружески к нам настроенной страны. А явятся у нас здесь экономические интересы, будет основание поддержать Эфиопию и в религиозном и политическом отношении *).

---

*) Отдельный доклад будет посвящен экономическому положению Абиссинии.

Макинское ханство.

Нижеследующие материалы о Макинском ханстве: Шаруро-Даралагезском и Нахичеванском уездах представляют совершенно исключительный, специфический интерес. Прежде всего интересен автор этих историко-дипломатических материалов. Дело в том, что рукопись материалов анонимная. Она была получена редакцией из Тифлиса, где она хранилась в архиве—существовавшей при меньшевистском правительстве организации Руссовета. Материалы дают возможность установить, что авторы их—казак, эсаул, провел много лет в Персии и в последние годы был воспитателем младшего сына Сардара Макинского. По своим убеждениям он кадет, уволенный из армии за «несочувствие» большевикам, интимный друг Макинских и вообще пограничных ханов, прикомандированных даже в свое время к экс-шаху, Мехмед Али, во время его авантюристической попытки вновь завоевать престол **Ирана.** И тем не менее вышедшие из-под его пера материалы дают необычайно яркую картину того кошмарного положения, в котором очутились полуколониальные области Востока, официально сохранившие нейтралитет, но вместе с тем, фатально вовлеченные в орбиту мировой войны и захватной политики малых и больших империалистических держав. Макинское ханство, географически вклиненное между Турцией, Россией и Персией, явилось своего рода «политической лабораторией», в которой в течение ряда лет проделывались всевозможные военные, дипломатические и политические опыты. Действительно, точно в калейдоскопе, мы видим, как здесь одна власть сменяется другою: русское оккупационное войско, сменяется отрядами Закавказского Комиссариата; на смену им приходят турки, войско дашнакской Армении и так до бесконечности. Для несчастного персидского, курдского и армянского населения, впрочем, вся эта смена форм, флагов и имен была совершенно безразлична. По отношению к нему все эти оккупанты действуют совершенно однородно: они реквизируют пшеницу и фураж, угоняют скот, подвергают насилиям и всевозможным вымогательствам мирных жителей, поджигают их деревни и т. п. и т. п. до бесконечности. Угнетаемое мирное население оказывает обыкновенно пассивное сопротивление, переходящее часто в прямой бойкот завоевателям и, лишь доведенное до крайности, стихийно восстает, устраивает погромы, резню или инсуррекцию. Наш документ дает таким образом возможность ознакомиться с динамикой национального вопроса, переходящего в зоологический национализм, который уже в течение десяти лет отравляет политико-общественную жизнь Закавказья. Но анонимные материалы содержат кроме того еще много интересных фактов и наблюдений, на которые мы здесь вскользь укажем. Мы знакомимся здесь с той игрой в политику, которую вели закавказские буржуазные республики до утверждения Советской власти, узнаем кое-что о сношениях их с Антантой и Деникиным и все это на бытовом фоне, нарисованном сочными мазками. Политика делается на вечерних посиделках (шеб-нешинах) на званых обедах, среди попойки, наконец, в передних у заезжих дипломатов. Кстати, автор материалов, несмотря на свои кадетские убеждения, относится крайне скептически к помощи Англии и Франции в деле урегулирования персидско-закавказских отношений. Несколько фактов, даже анекдотов, приводимых им, ярко рисуют те узко-эгоистические тенденции, которые исключительно преследуют державы Антанты в полуколониальных странах, вроде Персии или Маку. Записи охватывают период с конца 1914 г. до середины 1919 г.,

дают сведения о судьбе русского военного имущества, которое стало расхищаться со времени ухода русских войск из Персии (Февр. 1918 г.) и сообщают кой-какие данные об образовании Нахичеванской Республики и об ее отношениях с Арменией. Наконец, в заключительной части материалов содержатся некоторые сведения об экономической жизни и отношениях Макинского ханства, тем более ценных, что мы почти не имеем специальной литературы о последнем. Насколько было возможно, факты, сообщаемые в материалах, были подвергнуты проверке, причем кое-что пришлось опустить и посократить; что касается до суб'ективных взглядов и оценок автора-эсаула, то всякий вдумчивый читатель сумеет обнаружить их и отделить от чисто фактического изложения.

Редакция.

* * *

По географическому своему положению Макинское ханство соприкасалось своими границами в 1914 г. на западе с Турцией (Баязетским и Ванским вилайетами) на севере с Россией (Сурмалинским, Эриванским, Шаруро-Даралагезским и Нахичеванским уездами); в пределах своего суверенного государства, т.-е. в Персии, с магалами Самас и Маранд. Административно ханство это управляется правителем, известным под именем Сардара Макинского. Население состоит из персов, курдов, кавказских мусульман (до июля 1918 г. были также и персидско-подданные армяне, но в июле вырезаны турками). Жители этого ханства, по природе своей воинственны, храбры и в данный момент почти все вооружены.

Занятия: хлебопашество, скотоводство и торговля. В 1914 г. перед войной с Турцией, Сардар был заподозрен якобы в тайных сношениях с Турцией и в совместном с ней заговоре против России,—арестован и выслан сначала в г. Кисловодск, а затем был переведен в г. Тифлис. В начале сентября 1914 г. в Маку прибыл отряд русских войск, под командой генерала Николаева. Войска были радушно встречены и удобно размещены персидским населением, благодаря заботам макинских ханов. С приходом русских войск начались интриги против Сардара и других ханов. Был сделан донос, что во дворце Сардара спрятана масса русских и турецких винтовок. Произведен был внезапный тщательный обыск, в котором лично пришлось присутствовать мне с казаками моей сотни, но ничего найдено не было. Пользуясь присутствием русских войск, темнотою и неразвитостью персидского населения, в особенности курдов, макинские купцы облагали их и персов-крестьян, преимущественно деревень, более удаленных от Маку,—различными в свою пользу поборами, об'ясняя им, что если, что и берется у них, то это полагается согласно русским законам. Забирали у них,то барана, то еще что либо. Если кто-либо не давал требуемое, то в таком случае на него поступал донос, что он мол состоит в сношениях с турками. В таких случаях лицо это обыкновенно предварительно арестовывалось. Производилось дознание и в результате, за недоказанностью, отпускалось. Однако, никому не было желательно сидеть в цепях, так как персы содержались арестованными в местной тюрьме, под надзором персидского полицмейстера, а потому, каждый, к кому пред'являли указанные требования, чтобы отвязаться, давал не только одного, а даже и двух баранов. Не мало было злоупотреблений и при покупке у персов фуража, путем обвешивания.

Состоя в отряде также и в качестве переводчика, как владеющий персидским языком, я, по поручению начальства, вел разведку о турецких силах, расположенных на границе,—и благодаря этому мне пришлось из'ездить вдоль и поперек макинское ханство. Большую помощь в разведке оказал русским аваджихский губернатор, Амир-Туман-Али-Кулихан, рекомендованный нашим консулом в Маку и лич-

по мне известный в бытность своего прикомандирования к персидскому шаху, Магомет-Али, при его вторжении в Персию в 1910 г.

Уволенный в ноябре 1917 г. по постановлению полкового комитета, как не пожелавший служить в воинской части, перешедшей на сторону «большевиков», я в начале января 1918 г. переехал в Маку. Явился к Сардару, который предложил мне место у себя, но попросил помочь мне доехать к Амир-Туману. С проводниками персами я отправился к Амир-Туману. Путь мой пролегал через курдское селение (персидско-подданных). Как только мы вышли из этого селения, по мне и проводникам был открыт с гор ружейный огонь. Мы стали подавать стрелявшим знаки и кричать о прекращении огня. Огонь был прекращен и к нам подошли два курда, с которыми я об'яснился по персидски и просил их дать мне возможность пройти к Амир-Туману. Они пригласили меня пойти к их старшему, куда мы и пошли. Подходя к селению, ютившемуся в камнях, я был встречен почетно их старшим. Он просил меня войти в его дом, извиняясь, что последний не благоустроен. Переночевав в деревне я на следующий день был доставлен благополучно к Амир-Туману. Здесь поступил к нему на службу в качестве секретаря и переводчика.

В это время происходил уход русских войск из м. Сефали (Персия). Для приема имущества и складов от уходивших русских частей были назначены образовавшимся тогда Закавказским Комиссариатом, специальные агенты, в помощь которым были даны вновь сформированные части, находившиеся под командой, главн. обр., дашнаков.

С переходом власти в их руки начались притеснения и насилия над мирным персидским населением. К нему были пред'явлены насильственные требования доставлять фураж, причем в большинстве случаев производилась реквизиция сена и ячменя, без всякой уплаты персам денег за взятое. Воинская часть, если можно так выразиться в лице 5-го ударного полка, составлявшая гарнизон в с. Сефали,—была совершенно деморализована. Начальник гарнизона и комиссар абсолютно бездействовали и потворствовали своим подчиненным, благодаря чему в Сефали творилось что-то ужасное. Проживающие здесь в своем же селении персы, под предлогом, что они шпионы, подвергались ежедневно обыскам, причем, при обысках их беспощадно обкрадывали. При этом, обыски производил тот, кто хотел и кому было не лень. Персов без всякой причины и основания подвергали ежедневно невероятным побоям. Сами же караульные обкрадывали склады, приносили персам на продажу вещи и продавали их за бесценок. Естественно, что это дало повод к тому, что и среди персов нашлись любители легкой наживы. В результате м. Сефали обратилось в гнездо бандитов, наводивших террор и ужас на персидское население. Здесь происходило непрерывное пьянство и неумолкаемая стрельба, дошедшая под конец до того, что как то были обстреляны местные ханы, проезжавшие неподалеку от Сефали в свое селение; однажды обстреляли Амир-Тумана и меня, когда мы ехали на фаэтоне, наконец, караулом был убит перс, мирно шедший из Сефали в с. Бай-Кенд, и т. д. Подобные бесчинства вынудили Амир-Тумана подробно донести обо всем **Валиагду.** Кроме того, в это же время Амир-Туман получил достоверное сведение, что в Ахлате войска Закавк. Комиссариата разбиты турками. Сведения эти он сообщил их командованию, а так же донес и Валиагду, об'яснив, что, несмотря на ряд с его стороны предупреждений об опасном положении складов и просьб о необходимости для сбережения имущества как можно скорее его эвакуировать, никаких мер в этом отношении не принималось, между тем возможна гибель имущества, так как войска не в состоянии удержать напор турок. Скоро, действительно, сообщение телеграфное и телефонное с Баязетом было прервано, поддерживать же связь конными или пешими армяне не решались. Вскоре после этого из Тавриза приехал, с особыми полномочиями от Валиагда, офицер персидской казачьей бригады с 25 персидскими казаками, для выяснения важных вопросов. Амир-Туман просил начальника гарнизона и комиссара приехать к нему для переговоров. Последние, под предлогом бо-

лезни отказались приехать. Так как у офицера этого были еще и другие срочные дела, то он просил меня поехать с казаками в Сефали, для переговоров, и о результате таковых, сообщить ему через казаков. Я, юнкер персидской к. б. и урядник этой бригады приехали в Сефали. При переговорах я был в качестве переводчика, причем юнкер заявил следующее: «Ввиду заключенного между Турцией и Россией мира и заявления персов, сделанного еще до войны, о своем нейтралитете, а данный момент подтверждения этого нейтралитета, пребывание чужих воинских частей на территории этого государства, является нарушением со стороны Персии нейтралитета, поэтому, таковые войсковые части должны немедленно очистить территорию и уйти на границу Турции, если они ведут с ней войну». На это комиссар Сефали с начальником гарнизона заявили, что пребывание их здесь, в Сефали, вынужденное, что они находятся исключительно для охраны складов с имуществом, сданным им русским. Если русским было предоставлено право здесь находится, то в силу этого, находятся здесь и они. На это юнкер возразил, что с русским правительством было особое соглашение. «В рядах русских войск участвовали также и наши казаки и я лично, сказал он, был в отряде Мамонтова, поэтому все что делалось русским правительством—не может касаться вас». Далее юнкер предложил поступить армянским частям так, как это было сделано в других местах русскими, а именно: сдать все имущество под охрану и ответственность персидских властей, в данном случае губернатору Аваджиха, а воинские части из Сефали вывести. На это ему заявили, что материальный склад будет сдан Амир-Туману, но интендантский склад будет эвакуирован. Убийство и грабежи они стали отрицать. В конечном результате пришли к обоюдному соглашению приступить немедленно к приему и сдаче материального склада и к эвакуации интендантского—из последнего при этом подлежали немедленному вывозу только мука и с'естные припасы—все остальное имущество, кроме артиллерийского также должно было быть сдано под охрану и ответственность Амир-Тумана. После этого, казаки, доложившие о положении дела Амир-Туману, уехали. Между тем, несмотря на несколько напоминаний и официальных письменных сообщений, никто к сдаче имущества не приступал. Войска продолжали оставаться в Сефали, успехи же турок развивались все больше и больше. Из Альджеваза и Арджиша хлынула волна армян - беженцев, а с ними и дезертиры. Положение становилось опасным и Амир-Туман вновь просил приступить к сдаче имущества. Сефалийские власти оттягивали сдачу. Наконец в Сефали стали появляться отступавшие в полном беспорядке и панике воинские части и милиционеры. Затем в один прекрасный день все имущество было подожжено и дашнаки в беспорядке отступили, очистив Сефали.

Утром в с. Килиса-кенды, можно было видеть клубы дыма, которые как облака закрывали горы. Все персидское население с окрестных сел, пораженное такой необыкновенной картиной, выбежало из своих жилищ.

Немедленно, для установления факта и обстоятельств, при коих все произошло, Амир-Туман донес Сардару Макинскому и оттуда была прислана комиссия из персиян, для описи остатков имущества, уцелевшего от пожара.

Всему была составлена подробная опись и остатки эти сданы под охрану Амир-Туману.

С этой комиссией я переехал в Маку, где по предложению Сардара и с разрешения Валиагда, поступил на службу к Сардару, в качестве офицера-воспитателя при его сыновьях.

Спустя дня три после приезда моего в Маку, туда стали приезжать многие ханы из Эривани и Нахичевани. Причина бегства их и их семей была исключительно та, что дашнаки стали вырезать мусульман; в силу этих обстоятельств они принуждены были укрываться в Макинском ханстве, где среди ханов Маку у них были близкие родственники.

В числе этих ханов сюда также приехал и некто Буюк-хан из Эривани, с которым лично я был знаком с 1905 г. В Маку существует обычай по вечерам собираться ежедневно у какого-нибудь хана по очереди, и на таких, т. называемых, «шеб-гешинах», макинские ханы проводят вечера. Здесь же обыкновенно обсуждаются текущие события, составляются планы действия, а затем уже, через некоего Салар-Мансура-Амид-улла-хана докладываются Сардару. Салар-Мансур числится председателем в Маку персидской кадетской партии. Так как лично с ним я знаком еще с 1914 г., да и вообще с большинством Макинских ханов в хороших отношениях, то ежедневно на этих «шеб-гешинах я также присутствовал, будучи таким образом осведомленным о всех вокруг творящихся событиях.

Приблизительно в середине марта в Маку пришли турецкие войска, встреча им ханами и населением оказана не была.

С своей стороны, по отношению к ханам и населению, они вели себя крайне гордо и вызывающе. Производили уплаты турецкими ассигнациями за покупаемые продукты, а так же и пшеницу, но персы отказывались принимать эти деньги. Если же и принимали то по принуждению, и с весьма пониженным курсом. Тогда командующим турецкой армией был издан приказ принимать лиру (кредитку) за 25 кранов. Ханы и население отказались выполнить это.

Тогда начались притеснения турками персов различными приемами: если персиянин не принимал денег, то в таком случае его тащили к турецкому коменданту, который его избивал или сажал под арест, но эти меры не давали благотворных результатов.

Затем в один день турками были вырезаны все армяне в г. Маку, а потом уже резня их началась по всем окрестным деревням....

Общественное мнение, как среди ханов, так и среди купцов и низшего населения было против таких действий.

Вскоре после этого в Маку приехала из Хоя турецкая конная ремонтная комиссия, которая, однако, несмотря на все свои старания, успеха не имела, т-к Сардар, ханы и население и не давали им ни одной лошади. После них в Маку из Баязета приезжал турецкий комендант и с ним несколько турецких офицеров, желая завести с Сардаром дружеские отношения, но, однако, были приняты им очень холодно. Помещались они совместно со мной в одной квартире, и я лично убедился в этом. Даже слуги Сардара не оказывали им никакого уважения, и был случай, что однажды турки остались без обеда, что умышленно, как выяснилось потом, было сделано слугами. Не было ни одного сардарского слуги, который бы при приезде в Сардару турецких офицеров и их властей, выражал свое удовольствие.

Обыкновенно приезжающие под'езжали к отдельному от дворца помещению, в котором жил я. При виде издали турок, слуги говорили: «Г-н командир, запирайте свою комнату, а мы сейчас уйдем».—Приезжающие останавливались обыкновенно у дверей, на которых видели висящий замок и в недоумении обходили вокруг помещения. Вход же во дворец постоянно был снаружи закрыт и, таким образом, приезжающие, шатаясь вокруг зданий, не знали, к кому обратиться. Увидя случайно кого-нибудь из проходящих персов, обращались к нему, но последний обыкновенно заявлял, что ничего не знает.

Под конец уже появлялись слуги. Если гости спрашивали об обеде, то слуги извинялись, говоря, что обед уже кончен. Если просили доложить Сардару, о их приезде, и о времени, когда он их может принять, слуги возвращались и говорили, что Сардар спит или болен. Сыновья Сардара также игнорировали турок, поэтому большинство из них уезжали отсюда, не достигши никаких результатов и свидания с Сардаром.

Турок персы называли саранчею, которую Бог за какие то грехи послал на их землю. Это было метко сказано одним из ханов на «шеб-гешине», потому что под конец турки стали реквизировать пшеницу у ханов и населения, и последние вынуждены были прятать ее, вывозя в глухия селения. Подобное неудовольствие на турок было не только у Маку, но даже и в Нахичевани, что ясно видно из писем невесты моего воспитанника к нему. Вот фраза одного из этих писем. «Турки притесняют наш бедный исстрадавшийся народ и всех нас; насилуют наших женщин и жить в Нахичевани тяжело».

В скором времени в Маку приехал Джафар-Кулихан Нахичеванский с сыном Кирбалай-ханом. На «шеб-нешине» Кирбалай-хан подробно и обстоятельно изложил Макинским ханам, что творят турки в Нахичевани и в уезде. Здесь же на заседании было принято решение об'явить туркам бойкот. Действительно, после этого по всему Макинскому ханству поголовно все персидское население стало прекращать всякое сношение с турками, как возбудившими негодование общества. При появлении турецких аскеров на базаре, лавки моментально закрывались и жизнь замирала. К этому же времени в персидских газетах стали появляться статьи о чинимых турками в Персии насилиях.

В первые дни траурного месяца Маггарема толпы персиян демонстративно проходили выполняя: «шахсей-вахсей» мимо вокзала, в помещении которого жили турецкие войска. Это было сделано умышленно, так как в бытность стоянки русских войск, процессия никогда там не появлялась и, по издавна заведенному порядку, квартал этот никогда не входил в церемониал для шествия по нему этой процессии.

Церемониал этого шествия был выработан Макинским ханом умышленно, чтобы оскорбить турок,—суниатов, зная заведомо, что они выступить против персов по религиозным соображениям не могут,—с другой стороны они персы еще яснее подтвердят туркам свою кровную вражду и ненависть шиитов к сунитам.

На третий день этого месяца, что соответствует 12 октября нашего стиля, я и моя жена, по распоряжению Командира Турецкого корпуса были арестованы турецким комендантом в г. Маку и отправлены в Тавриз. По прибытии в г. Нахичевань, мы содержались при комендантском турецком управлении. Обращение со стороны турок к нам было внимательное и заботливое.

Узнав о нашем задержании, Нахичеванские ханы хлопотали, боясь, что с нами плохо обращаются, о разрешении нам жить у них на квартире, но турки в этом отказали. Из разговоров с турками, а также с Нахичеванскими мусульманами, да и из личных наблюдений было ясно видно, что между нахичеванцами и турками отношения не важные.

Отсюда мы были переведены в г. Карс и здесь командующим турецкой армией освобождены.

В Эривани, куда я попал совершенно случайно, я встретился с делегацией, прибывшей из Персии и Нахичевани. Состав делегации: армянский священник из г. Тавриза Карапетов и с ним еще один армянин, персидский губернатор Маранда и представители Маку: Муджа-хан, Джафар-Кули хан Нахичеванский, Гайдар-Кули-Бак, (бывший агент русского консульства в Маку) и еще один сеид. Всю инициативу взял на себя Карапетов и искусно вел дело. Персы и армяне были помещены в гостиннице, все в одном номере, а нахичеванцы помещались в доме у Али-хана Макинского, где так же помещался и я.

По отношению к персам была проявлена особая заботливость и внимание, при чем Карапетов старался показать товар, как говорится, лицом. В распоряжение

их был прикомандирован специально офицер, дан был автомобиль и они были представлены министрам республики и католикосу в Эчмиадзине.

Между тем, нахичеванцы игнорировались. Возмущенные таким обращением нахичеванцы стали действовать самостоятельно. В это же время сюда приехал некто Мирза Гусейн, который поместился также у Али-хана. При разговоре с нахичеванцами он торжественно поздравил их с включением их ханства в территорию Персии. Когда же начались дальнейшие расспросы, то оказалось, что у него нет никаких по этому вопросу официальных сообщений.

Однажды, дав мне прошение, написанное им на персидском языке, он попросил меня поручить моей жене (моя жена француженка), перевести совместно со мной это прошение на французский язык. Прошение это он хотел подать, бывшему в то время в г. Эривани военному агенту французской миссии капитану Пуадебару. Содержание этого прошения было приблизительно таково: Его Высокопревосходительству Пуадебару военному агенту блистательной республики Франции. Посланные Богом ангелы в лице культурных наций, Франции и Англии заставили замолчать грохот пушек и прекратить кровопролитную войну. Весь мир смотрит на них, как на избавителей от притеснений и покровителей угнетаемых, что дает мне основание обратиться к Вашему Высокопревосходительству и просить Вашего покровительства для угнетаемых мусульман. 90 лет тому назад Нахичеванское ханство было одной из провинций Персидского Государства и до настоящего времени там сохранилась религия и нравы этого государства. Будучи русскими подданными, мусульмане не были притесняемы и обижаемы, но ныне Армянское Правительство чинит над ними насилия и производит резню не только мужчин, но даже женщин и детей... Прилагая при этом коллективное прошение мусульман жителей Нахичеванского, Шаруро-Даралагесского и Сурмалинского уездов, в доказательство действительности диких расправ чинимых над мусульманами, прошу Вас принять меры к прекращению этих насилий. Льщу себя надеждой, что мусульманское население будет ожидать благотворных результатов и избавится от притеснений и насилий».

Бывшие здесь Нахичеванские делегаты предложили временно не подавать этого прошения, а предварительно поговорить с капитаном.

На следующий день я и моя жена были у капитана, прося его содействия для проезда в г. Маку. Вместе с нами у него была также делегация Нахичеванцев. Капитан предложил моей жене проехать на фаэтоне с Мирзой Гусейном, а мне ввиду неимения места на фаэтоне обещал устроить поездку в поезде с делегатами.

Придя домой делегация, делясь впечатлениями о переговорах определенно высказалась, что капитан несомненно сторонник Эриванского правительства.

Разочарованные, они совершенно пали духом. К этому добавилось еще и следующее обстоятельство. На званном обеде у Али-хана в числе приглашенных был один из влиятельных дашнаков, начальник эриванской городской милиции. Выбранный за столом «тамадою», он произнес речь за здоровье нахичеванских делегатов, приветствуя их приезд в г. Эривань и, косвенно в речи этой, высказался, что этим приездом они, так сказать, признали Армянскую Республику, а себя подданными ее, ибо уезд их входит в пределы этой республики. На эту речь возразил Джафар-Кули-хан, изложивший вкратце ту обстановку, в которой очутились нахичеванские мусульмане, а именно: с одной стороны на их город нападал Андроник, а с другой—на них вели наступление турки.

Подробно изложив все те средства и меры, кои были приняты нахичеванцами для прекращения национальной резни, он сказал, что уверен в будущем успехе миролюбивых отношений, если, конечно, Армянское правительство, хоть сколько-нибудь ласково и внимательно будет относиться к мусульманам, и не

будет посылать свои войска для занятия Нахичевани, не предупреждая даже о том население.

Это возражение не понравилось полицеймейстеру и он поднявшись, в сильно возбужденном состоянии, сказал: «Имейте ввиду, что Армянская Республика со своими войсками составляют 7-й корпус Деникинской Армии. Армия эта обладает большими силами. Мы хорошо знаем, что нахичеванцы изменники. Имейте ввиду, что все Ваши банды и Макинский Сардар будут стерты с лица земли. На Вас пойдет из Зангезура Андроник, а отсюда мы на Вас вышлем нашу Казахскую кавалерию».—После этого наступило временное молчание и каждый из присутствовавших чувствовал себя неловко.

Али-хан, как хозяин дома, чтоб сгладить этот неприятный момент, предложил тост за всеобщее братство. Оставшись наедине с нахичеванцами, я вынужден был выслушать жалобу Джафар-Кули-Хана. Старик со слезами на глазах сказал: «Вот вы более всех в курсе дел, были на месте и видели, что с нами делали турки и что делают теперь дашнаки. От французов и англичан, очевидно, нам ожидать помощи нечего, а Россия от нас отказалась и совершенно забыла о нашем существовании». Мне пришлось со скорбию выслушать все это. Я посоветовал нахичеванским делегатам обратиться непосредственно к самим министрам.

Присутствуя случайно при переговорах Джафар-Кули-хана с премьер-министром у него на квартире, я передаю происходивший между ними разговор. «Ваше превосходительство», сказал Джафар-Кули-хан, «я совершенно случайно попал к Вам на квартиру, и если бы Вы сами не вышли на звонок, то, вероятно, я, получивши расписку в передаче Вам пакета, не имел бы возможности быть приглашенным в Вашу комнату. Пользуясь этим случаем я, как делегат от г. Нахичевани, считаю своим долгом изложить Вам подробно создавшуюся обстановку и просить Вас, если Вы не желаете кровопролития, приостановить посылку Ваших войск на Нахичевань».

Премьер-министр на это заявил: «Это невозможно. Наш отряд посланный на Нахичевань, был вытеснен из Садарака и принужден был отступить под Давалу. В Давалу нет помещений и, кроме того, наши войска, самолюбие которых задето, настаивают на продвижении вперед. Военный министр с этим согласен и сделал уже распоряжение о посылке туда броневиков. Я просил его пока задержать отправление этого поезда, но он настаивает на этом. Кроме того, нам нужно очистить Эривань от нахичеванских беженцев, водворив их на свои места, ибо мы не ручаемся за будущее и вряд ли сможем удержать эту голодную массу». Тогда Джафар-Кули-хан сказал: «Нахичевань в данное время переполнена беженцами мусульманами, села и имущество их разгромлены и преданы огню и мечу. Если в Нахичевань и уезд придут ваши беженцы, то, следовательно, мы должны эвакуировать куда-либо своих; но нам их эвакуировать совершенно некуда. Кроме того, турками разрушены все армянские селения в Нахичеванском уезде и, следовательно, если только вы вышлете в уезд своих беженцев, то они останутся там совершенно под открытым небом, между тем, как здесь, они имеют хоть какой-нибудь приют. Турки, уходя из Нахичевани не поставили нас официально в известность о пределах и границах республики Армении. Вы также. не прислав нам никакого официального предупреждения, выслали воинские части, открывшие военные действия против нас. Начальник вашего отряда, захватывая мусульманские селения, производит без всякого суда расстрелы мирных жителей. Народная масса темна, с нею нужно быть осмотрительными. Ведь, если я в данный момент приеду в Нахичевань и об'явлю, что все мы вошли в состав и подданство республики Армении, то первым долгом каждый спросит меня: а где ж об этом письменный договор и кто был уполномоченным от нас? Кто решил нашу участь без нашего ведома?». Тогда премьер-министр сказал: «Но ведь Садарак принадлежит Эриванскому уезду, а не Нахичеванскому, а потому вы должны пропустить нас туда, да и кроме того военный министр, по стратегическим соображениям, требует

очистить «волчьи ворота», занятые вами после отступления наших войск». На это Джафар-Кули-хан возразил: «хотя Садарак и Нахичеванского уезда, но население его исключительно состоит из мусульман, если же «волчьи ворота» являются важным стратегическим пунктом для вас, то в этом отношении они также важны и для нас, завладевших ими с боя. Поэтому для обоюдного нашего миролюбивого соглашения, а так же во избежание ненужного кровопролития, я прошу вас и военного министра не передвигать никуда войска, впредь до разрешения вопроса о границах на мирной конференции, приказаниям коей мы подчинимся **беспрекословно.** Сейчас же необходимо командировать двух ваших делегатов, которые на месте ознакомятся с истинным положением вещей и убедятся в невозможности эвакуировать в настоящее время армянских беженцев в Нахичеванский уезд. Я, со своей стороны заявляю вам, что как только наступит теплое время, наши и ваши беженцы распределятся, займутся каждый своим делом и в теплое время у них здесь же на пашне будет возможность жить под открытым небом. Задержанных полковником Долухановым мирных жителей мусульман, я прошу выпустить из тюрьмы».

Премьер-министр обещал повлиять на военного министра и, с своей стороны, принять меры к предупреждению кровопролития.

Делегация выехала для переговоров, но или войска не захотели считаться с ней, или их начальник захотел отличиться, и, не ожидая приезда делегации, снова открыл военные действия против мусульман.

В результате мусульмане оттеснили армян из Давалу, и в данный момент перешли в Камарли. Что касается Макинского Сардара, то боясь, что население Персии также подвергнется нападению со стороны дашнаков, он мобилизовал свое население и занял наиболее важные пункты на границе.

Если только Сардаром об'явлена мобилизация, то следовательно, у него стоит под ружьем до десяти тысяч. Достоверно, что Кербалай-хан обладает силою в 5 тысяч солдат человек и избран населением командующим войсками.

Для полноты и ясности обстановки необходимо вкратце ознакомиться с биографией лиц, играющих роль в происходящих событиях.

* * *

Сардар Макинский Муртаза-Кули-хан, 51 год. Управляет Сардар Макинским ханством на особых исключительных основаниях. Подати правительству не платит; административно, хотя и подчинен Валиагду, но фактически власть его мало признает, а управляя почти неограниченно, самостоятельно, он обладает имениями, приносящими доход до 2-х миллионов в год. Путешествовал за границу: во Францию, Бельгию, Англию, Германию. Пользовался большими милостями и покровительством русских царей: имеет высокие награды от русского правительства, портреты русских царей, которые вывешены на видных местах его дворца и никогда с них не снимаются.

Сын его Аббас-паша воспитывался в России, был в личной свите Николая Николаевича, имеет награды от русского правительства. В данное время персидским правительством назначен военачальником всех курдов Макинского ханства. Кули-хан воспитывался в 1-м кадетском корпусе в Петрограде, но вследствие, беспорядков, вынужден был оставить корпус. Воспитывается дома под моим руководством, по программе военного училища, для держания экзамена на первый офицерский чин.

Салар-Машур-Амид-улла-хан большей частью жил в России, председатель Макинской кадетской партии. Кроме этих влиятельных ханов в Маку и в Аваджихском губернаторстве имеются много других ханов, которые все воспитывались в России.

Нахичеванский хан—Джафар-Кули-хан пользуется большой популярностью среди населения и большим влиянием на жителей. Сын его Кербалай-хан, ротмистр лейб-гвардии конного полка, имеет высокие боевые награды. Все ханы сторонники России. В этом нет ничего удивительного.

Прослужив 6 лет в Персии, мне приходилось одно время вести службу на персидско-авганской границе, совместно с отрядами английских войск и быть даже одно время в местах английской сферы влияния (мой пост Баржанд). Я интересовался настроением местных жителей, как они смотрят на своих «покровителей», и вот один перс в разговоре со мной, так охарактеризовал англичан. Жили два приятеля. Один из них постоянно обращался к другому с просьбами, так что от него никогда нельзя было услышать другого слова кроме «дай, дай, дай!». Однажды дававший завидя своего приятеля, уже издали обратился к нему: «ну, что-ж, опять что-нибудь «дай?»—«Нет, на»! Последний обрадовался, что услышал, наконец. это слово, но приятель его заявил ему: «На—иголку зашей мне платье».—Вот так и поступают с нами англичане, берут все с нас, а если что и дают, то исключительно в свою пользу, а это выходит все равно, что «дай».

* * *

В заключение, считаю не лишним дать некоторые сведения общего характера о Макинском ханстве.

Как известно, по шариату ханы Персии являются собственниками земли, крестьянское же население (райат) их крепостными подданными. По шариату райат, обрабатывая землю, должны платить ханам 10-ую часть, но далеко не во всей Персии это выполняется. Ханы берут гораздо более, и несмотря на это, крестьянство уплачивает им без ропота. Так как главное занятие крестьян Макинского ханства—земледелие, то следовательно, продуктами собираемыми с райата, является пшеница и ячмень. Издавна на этих продуктах производилась спекуляция и в голодные годы в особенности.

Существует обыкновенно такой порядок: ханы, собирая с райата пшеницу, складывают ее в особые амбары; имея большие запасы, они выжидают момента, для продажи таковой. В начале 1918 г. наблюдалось следующее положение вещей: 1917 г. был не урожайный в Азербейджане, за исключением Макинского ханства. В Тавризе сильно поднялись цены на хлеб и населению грозил голод. Тогда соц.-демократическая партия, сила и влияние коей в этот период было большое, командировало для покупки хлеба особую комиссию в Макинское ханство. Комиссия эта закупила пшеницу у ханов, но явилось осложнение с доставкой ее в г. Тавриз, так как по расчету комиссии доставка вьючными путями обходилась очень дорого.

Глава с.-д. партии, некий Кербалай-Хашил, немедленно выехал в г. Тифлис, где пригласил к себе на службу инженера Васильева, заключив с ним контракт. Выработан был следующий план: пшеница агентами партии должна быть сосредоточена в г. Маку, а отсюда по жел. дор. через Шахтахты-Джульфа в г. Тавриз. Агенты сосредоточили пшеницу в г. Маку и Хое (из Хоя предполагалось доставить пшеницу в Маку), но в этот момент произошел перерыв железно-дорожного сообщения, так как Андроник захватил линию Джульфа-Неграм и пшеницу, доставлять в Тавриз было уже нельзя. Вслед за этим вошли турки и захватили М. В. ж. д.: впоследствии, когда турки захватили сообщения, с.-д. хотели провезти пшеницу, но турки не разрешили. Тогда Кербалай-Халил стал протестовать и выпустил от с.-д. партии прокламацию, порицавшую поступки турок. В свою очередь турки стали преследовать с.-д. и Кербалай-Халил вынужден был скрыться и бежать. Многие же члены этой партии были арестованы, а пшеница конфискована. Вот и это обстоятельство было тоже одной из причин негодования народа против турок.

Макинские ханы тогда поняли какую важную роль играет в пределах их ханства М. В. ж. д. и стали усиленно поговаривать о приобретении таковой в собственность. В важности значения М. В. ж. д. в торговом отношении убедило их еще то обстоятельство, что турки в последнее время, занялись торговыми делами. Закупая в Тавризе товары и продукты по дешевым ценам, они продавали их персам с большою для себя выгодой. Ни одному же персу, в особенности торговцу, они не разрешали ни в коем случае проезд по ж. д. Это тоже было причиной ропота и недовольства макинцев, а отсюда и окрестных жителей.

Вот приблизительно те сведения о политическом и экономическом состоянии Маку, которые мне удалось собрать во время пребывания там.

Персидская пресса.

Идеологическое содержание персидской прессы чрезвычайно нетвердое и расплывчатое. Если правильно утверждение, что печать является отражением общественного уклада и социальных группировок, то в Персии оно так и есть. Здесь единственная группа, которая целиком и полностью сознает свои классовые интересы и руководит государственной машиной, не иначе, как в интересах своего собственного класса, это феодальная аристократия и помещики. Остальные классы не имеют еще под собой твердого экономического фундамента. Промышленная буржуазия, как таковая, почти совсем отсутствует, а торговая буржуазия не имеет определенного плана и ежечасно колеблется между революцией и существующим строем. Что касается рабочих и крестьян, то и они лишены ясного классового самосознания. большей частью благодаря экономической отсталости страны, хотя в идеологическом смысле они более последовательны, чем другие классы. Таким образом, развитие классовых противоречий не дошло и не могло дойти до тех пределов, которые мы замечаем сейчас на западе.

Но тем не менее, почти вся пресса, за исключением правительственных органов и тех, которые финансируются отдельными аристократами,—настроена оппозиционно. Но эта оппозиция носит не такой продуманный, по линии классовых интересов, характер, как это обычно принято думать, а часто она выливается в личные склоки и в мелочные ссоры. Все же наиболее выдержанными в этом отношении являются газеты «Иран» (Персия), «Сетаре-ис-Иран» (Звезда Персии), «Туфан» (буря) и «Хакикат» (Правда). Первая из них организовалась в 1916 г. при первом кабинете Восуг-эд-Довле, (который впоследствии подписал знаменитый англо-персидский договор), назначившем ей субсидию и превратившем ее в официоз правительства. Газета выражает, главным образом, интересы господствующей клики.

«Иран» распространяется в размере 4—5 тысяч экземпляров.

«Сетаре-ис-Иран» является выразителем интересов крупной торговой и денежной буржуазии. Она возникла летом 1917 г., всегда защищала русскую ориентацию, а после октябрьской революции требовала признания Советского правительства. Газета сознает непригодность существующего порядка вещей, энергично выступает против правящего класса, но часто в решительные моменты колеблется и плетется за другими.

«Сетаре-ис-Иран» распространяется почти столько же, сколько и «Иран». «Туфан» выражает интересы мелкой буржуазии и чиновничества. Печатает статьи об истории социализма, о классовой борьбе в России, решительно выступает против шахской власти и против Англии, но иногда согласна выступать и за целесообразные реформы. И все это делается в высшей степени непоследовательно и с боль-

шими противоречиями. Газета не ежедневная, а выходит только два раза в неделю Тираж около 2.000 экземпляров.

«Хакикат» (Правда) выходит с осени прошлого года. Является выразителем интересов рабочих и крестьян. Газета проповедует классовую борьбу, самым энергичным образом выступает против существующего строя, уделяет много места профессиональному движению в Персии и других странах, и, наконец, в классовом отношении она более последовательна, чем все другие. Тираж этой газеты тоже не выше 2—2½ тысяч экземпляров. Кроме этих четырех основных, наиболее выдержанных, выходят в Тегеране еще около 20—25 газет. Большинство из них еженедельные или выходят 2 раза в неделю. Распространяемость их во всяком случае не выше, а во многих случаях значительно ниже этих четырех. В идеологическом отношении все они менее ярко выражены, иногда даже бесцветны и большей частью колеблятся между вышеуказанными газетами то влево, то вправо. Но обычно правее «Ирана» и левее «Хакиката» ни одна из них не доходит.

Самая старая тема, тема, которая почти никогда не сходит со страниц периодической печати, это вопрос о существующем строе. Борьба против опеки все еще продолжающей править страной «аристократии» продолжается в самых резких выражениях. «Екдаль» (Молодежь) от 1 февраля с. г. призывает молодежь разрушить до основания это старое гнездо воров и разбойников. Нападая на всех сановников, неоднократно занимавших министерские посты, газета утверждает, что они каждый раз доказывали свою негодность. «Они неоднократно приходили, уходили, умирали и вновь воскресали, но что они делали... они только думали о том, чтобы утащить последние камни этого разрушенного здания нашего государства, чтобы украсить ими свои дворцы... нет, пора сжечь этих мертвецов, превратить в пепел их кости, обрубить им их цепкие руки, чтобы лишить их возможности вновь появляться на арене». «Туфан» (14 декабря 1921 г.) писал: «Многое с тех пор (с 1917 г.) изменилось в мире, но мы все еще являемся игрушкой во власти ничтожной кучки недостойных аристократов. Уже пять лет прошло с тех пор, как началась великая революция в соседнем с нами государстве, где все привилегии высшего класса уничтожены навсегда, а у нас находится несколько человек аристократов, которые забрали управление страной в свои руки и толкают ее вновь на край гибели... Власть в стране принадлежит тем самым лицам, которые несколько лет тому назад уже раз продали наше отечество за 130 тыс. фун. ст.» (намекается на взятку, полученную будто бы подписавшими Англо-Персидский договор).

Газета «Ватан» (Родина) от 1 февраля с. г.—обвиняет персидское общество в равнодушии, терпящим злодеяния представителей правительства. Против «прогнившей» аристократии выступает в своей передовой статье и новая газета «Иране-Азад» (Свободный Иран), вышедшая 5 февраля с. г. Статья очень резкая и направлена против всех премьеров и министров последних 15 лет, «считающих министерские места своим наследственным имуществом» и доведших страну до ее теперешнего беспросветного положения. Газета упрекает их в том, что они, монополизировав в своих руках министерские и правительственные должности, не допуская притока свежих элементов, плодя вокруг себя лишь толпы тунеядцев и паразитов, довели страну до невыносимого положения. «Туфан» от 7 февраля находит, что для борьбы с вкоренившимся пороком, для борьбы с пошлой средой, с этой безумной жадностью старых волков, необходимы молодые силы. «Ведь уже наступил тот день, когда мы можем видеть, как в одной громадной стране, на значительном пространстве земного шара, господствует стальной молот рабочего и железный серп крестьянина. По нашему мнению, говорит «Туфан», реформа постепенная и паллиативные меры в нашей стране ни к чему не приведут. Здание, которое сгнило до основания, надо разрушить окончательно и строить на его месте новое, иначе это старое здание может обрушиться, и под его развалинами погибнут напрасно ни в чем неповинные

люди». В № 47 та же газета в статье «Когда возникает революция», доказывает, что предыдущие революции в Персии были бесплодны, так как не было у персидских революционеров достаточного чувства мести, не было у них достаточного революционного темперамента, чтобы с корнем вырвать нашу вероломную аристократию... только тогда, когда пробудится сознание нашего трудового класса, только тогда революция выдвинет таких настоящих гениев и вождей, как Маркс, Толстой и Ленин».

Второй, наиболее наболевший вопрос, которым занимается пресса, это вопрос о Меджилисе (парламент). Меджилис был распущен в 1915 г. по настоянию России и Англии, и был созван только в июле 1921 г., главным образом, для ратификации «Англо-Персидского договора». Первоначально почти вся пресса высказалась за его немедленный созыв и за проведение выборов. Но когда Меджилис начал свою работу, и когда увидели на депутатских скамьях тех же помещиков и аристократов, против которых либеральная пресса вела отчаянную борьбу, тогда наступил период полного разочарования. Летом прошлого года, когда начались выборы в Меджилис, в двух провинциях, в Гиляне и в Хорасане, шло восстание против шахской власти, поэтому в означенных провинциях выборы происходили только недавно. Правительством на это было ассигновано 15.000 туманов (около 30.000 руб. зол.). Но как только началась выборная кампания, то отовсюду стали поступать жалобы. Из Решта жаловались на незаконным образом созванную выборную комиссию, в которую вместо местных жителей, по словам «Екдаля», попали, под давлением губернатора, лица иногородние и безграмотные. Из Энзели жаловались на некоторых клевретов одного крупного помещика, слишком энергично воздействующих на избирателей в пользу своего патрона. Такие жалобы раздавались и из Хорасана. В Тегеране еще раньше уже газеты обвиняли председателя городской управы в том, что он сделал крупного помещика одного, слишком энергично воздействующих на избирателей рые газеты, «Хейяте-Джавид», «Туфан», заранее пророчили, что и новые депутаты будут такого же типа, как и старые. «Хейяте-Джавид» писал, например: «Мы хотели и в начале 4-го Меджилиса избрать таких депутатов, которые могли бы бороться против насилия и защищить нас от взяточников и казнокрадов. А в результате в депутаты прошли эти самые насильники, взяточники и казнокрады...». «Туфан» же просто заявляет, что ассигнованные правительством 15.000 туманов вообще лучше было бы употребить на что-нибудь более полезное для страны, так как прошлый опыт достаточно убедил всех нас, что путного из этой затеи все равно не получится, и выбранные депутаты не только этой суммы, но и двух копеек стоить не будут...

Не менее жгучим вопросом на страницах персидской прессы является финансовое положение страны, которое все еще продолжает оставаться чрезвычайно критическим. Правительство усиленно взыскивает недоимки старых лет и взыскивает их при помощи военных властей так энергично, что сплошь и рядом приходят сообщения о севших в бест несчастных недоимщиков. Отдуваться, конечно, приходится, главным образом, бедноте. С крупных недоимщиков, вроде Эмин-эз-Зарб, Сенет-Салар и т. п., взыскать что-либо не так легко, все они влиятельные аристократы и пользуются поддержкой шахского двора. В ноябре прошлого года правительство Кавам-Эс-Салтане поспешно провело выдачу концессии на разработку нефтяных богатств Северной Персии американскому нефтяному тресту «Стандарт-Ойль-Компании», надеясь получить за это крупный заем. Тогда вся тегеранская пресса почти высказывалась за это. Но этот заем сорвался. Мало того, «благодарная» и «великодушная» американская компания, повидимому, пошла на соглашение с английской компанией южно-персидской нефти по поводу эксплоатации Персии. Это обстоятельство персидских патриотов больше всего разочаровало. Они думали создать

между Америкой и своим заклятым врагом Англией конкуренцию и попали в ловушку.

Поэтому новая газета «Нехзете-Шарк», с самого начала выступившая противницей отдачи концессии Северной нефти американцам и писавшая, что нельзя в 50 минут решать вопрос об отдаче концессии сроком на 50 лет, выступила 12 февраля с. г. с наделавшим шуму «Меморандумом Правительствам Англии и Америки».

«Еще во втором номере нашей газеты мы говорили, что американское правительство, при всем своем честолюбии, является поклонником капитала и наживы. Не прошло 50 дней, и наши предположения оправдались. Стандарт-Ойль и английская компания южной нефти ко взаимному удовольствию пришли к соглашению. Мы слышим также, что Стандарт-Ойль вскоре намеревается предложить персидскому правительству, в случае признания им этого соглашения, довольно значительный заем совместно с английской компанией под доходы южной и северной нефти. Таким образом, эти две жадные компании, эти два поклоняющихся золотому тельцу хищника, эти два представителя капиталов двух бряцающих оружием, неимоверно хитрых держав, во имя охраны собственных интересов, решили похитить из рук малолетних персидских политиканов ее самое ценное достояние. Они охотятся за этим богатством Персии и собираются поделить пополам свои трофеи... Возможно, миролюбивая и человеколюбивая Америка, идя рука об руку с неистовствующим в Азии палачом, начнет также подвергать нас гнету и насилиям. Вот почему от имени понимающих элементов населения Персии мы выступаем с этим меморандумом и адресуем его миссиям Америки и Англии.

«Мы громогласно заявляем, что концессионный договор, данный Стандарт-Ойль утвержден Меджилисом без всякого предварительного изучения вопроса... Теперь же, когда американское правительство так скоро обнаружило свою недобросовестность по отношению к Персии, когда оно протянуло руку к палачу Персии, мы во всеуслышание заявляем, что персидский народ договор с компанией Стандарт-Ойль считает отныне аннулированным и недействительным. Если некоторые трусливые представители нашей власти, депутаты, создавшие для нас в свое время английский договор, еще осмелятся после этого признать это соглашение двух вышеупомянутых компаний, то в самом непродолжительном времени они должны будут иметь дело с той властью, которая будет составлена из молодых, самоотверженных добросовестных и энергичных элементов Персии. И эта власть будет вполне способна порвать цепи рабства, надетые на нашу шею английской миссией. Тогда действительно Персия станет независимой...»

Что касается Генуэзской конференции, то тегеранские газеты, занятые своими домашними, узко-национальными вопросами, редко касающиеся вопросов международных, все же написали пару статей. «Сетаре-ис-Иран» в № от 1 февраля писала: «В современной России, где власть находится в руках народа, где исполняются законы, издаваемые рабоче-крестьянским правительством, никоим образом нельзя осуществить условия капиталистического строя. Поэтому вполне понятно, к какому бы соглашению не пришли на Генуэзской конференции, соглашение это не может быть жизненным и постоянным. Ныне революция и голод вынудили Россию временно изменить свою программу и вступить в соглашение с капиталистическим миром. С другой стороны, кризис мирового рынка и громадное количество безработных вынудили капиталистическую Европу вступить в переговоры с Советским правительством. Европейским державам придется официально признать Советскую Россию, и этим самым большевики одержат громадную победу...» В заключение газета обращает внимание персидского правительства на необходимость посылки своего представителя для участия на этой конференции. То же самое требовала и газета «Иране-Азаб» от 13 февраля.

Но самый новый вопрос, который дебатируется за последнее время на страницах персидской печати,—рабочий вопрос. Известная фраза депутата Сеия-Якуба на заседании Меджилиса от 22 января о том, что «в Персии нет рабочих», тогда же вызвала суровую отповедь нескольких газет, постепенно разгорелась в большую полемику. «Иран» 6 февраля поместил большую передовицу против демагогов, обманывавших темные массы. 9 февраля, как бы в ответ на эту статью, две газеты, только что возобновившие после запрета правительства свое существование, «Туфан» и «Хакикат», выступили с призывом к рабочим. «Хакикат» на первом месте в виде об'явления, поместила поздравление рабочим Германии от их товарищей, рабочих Персии, по случаю начавшейся в Берлине забастовки. «Туфан» же, развив мысль о том, что социалистические идеи приобретают господство во всех странах мира, и что гибель праздной аристократии и богачей неизбежна, говорила: «угнетенный трудящийся класс Персии скоро проявит себя и заставит с собой считаться... Он докажет, что власть принадлежит ему... А ныне господствующий класс в силу социальных законов неминуемо должен погибнуть...»

Занятые в это время восстанием в Азербейджане и «Иран», и «Иттихад» не сразу откликнулись на этот вызов, но 14 февраля «Хакикат» в № 22, во всю ширину страницы поместила «Призыв к товарищам рабочим». В этом призыве, напомнив, что классовая борьба является результатом экономического неравенства и пробуждения мысли рабочего класса, и что эта борьба теперь начинается, газета призывает их сплотиться в ряды, укрепить и расширить свои союзы и организации... «Аристократы и их лизоблюды еще вчера пытались отрицать в Меджилисе самое существование рабочего класса в Персии, поняв теперь, что скрыть это все равно не удастся, так как шила в мешке не утаишь, переменили свой образ действий и пустились на хитрости, пытаясь путем подачек подрывать основание вашего счастья...» Газета предупреждает рабочих не поддаваться на эти удочки, остерегаться этих господ в золотых пенснэ, являющихся создателями пресловутого договора (англо-персидского) и предупреждает их, что против них организовалась целая компания, собирающаяся расстроить их стройные ряды, что у этой компании имеется свой штаб в пять человек, что главнокомандующим этой компании является господин, проживающий в одном из парков северо-западной части Тегерана» (намек на Нусред-Эд-Довле—богатейший помещик и заместитель председателя Меджилиса). «Товарищи, первое, что нам нужно делать, это расширить наши профессиональные союзы и укрепить их основания... затем мы должны стремиться к ограничению прав предпринимателей и установлению условий работы... мы должны проявить стойкость и твердость против врагов нашего счастья... это наша священная обязанность».

На это откликнулась «Иран» рядом статей под заглавием: «То нация, то рабочие». В серии этих статей, занявших 5 номеров, газета всячески старалась высмеять это начавшееся рабочее движение... «Вчера болтали у нас о «нации», о «народе», теперь заговорили о «рабочем»... Завтра, вероятно, придумают еще что-нибудь, изобретут еще новые термины. Лексикон у нас богатый, рифмоплетам за словом в карман лезть не приходится... пока преобладает в стране темная масса, до тех пор она всегда будет служить об'ектом эксплоатации и обмана... А иностранные фокусники, которым приходится иметь дело с такой страной, всегда будут иметь удовольствие одурачить эту публику... Ведь конституция наша—продукт иностранного производства, ведь и ею торговали здесь иностранные миссии. Ведь это они внушали населению мысль, что с появлением конституции всякий будет есть жирный шашлык, но каждый сам попал на жаровню, а иностранцы извлекли из этого громадные барыши, получив возможность выкачивать из страны ее последние рессурсы... Это было несколько лет тому назад, а теперь у нас торгуют новым товаром, преподносимым под именем «пролетариат», «социализм», «трудящиеся». Все это

замаскированный большевизм... Прозорливые, образованные, хитрые европейские народы, говорит дальше газета, соперничают и борются друг с другом из-за права владеть миром и эксплоатировать слабые отсталые нации... А мы лезем на бросаемые ими приманки, тешим себя соблазнительными словами, бичуем друг друга и, надрываясь, спорим по самым бесплодным вопросам... А между тем, мы могли свободно использовать теперешний момент, мы могли бы урвать тоже свою долю, использовав наши права на наших соседях. Ведь именно для этого, чтобы отвлечь нас от этих мыслей, иностранцы развлекают нас, как малолетних детей, разными побрякушками, заставляя нас плясать под свою дудку...

«Между тем, если бы мы побольше думали о себе, мы могли бы теперь получить ближайшие к нам земли из области Месопотамии, прибережья Каспийского моря, а, может быть, кое-что и от Индии... Но у нас нет твердой воли, нет характера, поэтому играют нами, как хотят... вчера мы были «народниками», «националистами», теперь мы стали «сторонниками пролетариата»... Слова «пролетариат», «рабочий» для нас совершенно новые, мы получили их в качестве подарка из России... Теперь «рабочий вождь» это также модно, как прежде «националист». Раньше мы играли судьбою народа, обманывая его словом «нация», теперь мы выезжаем на нем на словах «рабочий», «пролетариат». Когда же мы, наконец, опомнимся. Когда же мы выйдем из этого заколдованного круга?» («Иран» № 1079).

В ответ на эту статью «Ирана», «Хакикат» № 23 поместил новое обращение, озаглавленное: «Товарищи-рабочие... Вы видите, как они сами выдали себя... Мы не хотели называть их имена, но кошка знает, чье мясо с'ела. Вы видите, как они теперь рассердились...» В следующей статье того же номера газета пишет: «Эти господа (намек на большинство Меджилиса), заметив об'единение рабочих и ремесленников, пришли теперь в ужас и боятся, что на предстоящих выборах им не удастся провести своих кандидатов... Господа, обращается газета к большинству, ведь если бы вас не защищал иностранный капитал, являющийся вашим благодетелем и хозяином, то эти, так называемые вами, «шарлатаны», давно выставили бы вас вон... Но обратите внимание на то, что происходит в Индии и других колониях Англии, и вы увидите, что вам суждено уйти, ибо уход ваших господ неминуемо повлечет за собой ваш уход» (Хакикат № 26).

На следующий день в № 27 «Хакикат» мы находим передовую за подписью «одного рабочего»... «Вы поняли, в чем дело, вы боитесь наших профессиональных союзов, вы хотите расстроить их, бросая нам обвинение в том, что мы играем на руку иностранной политике... Вы, конечно, опасаетесь за себя, зная, что ваши проделки скоро будут разоблачены... Вас, дармоедов—сторонников аристократии и капитала, всего каких-нибудь 300 человек, а нас, трудового класса Персии—10 миллионов душ...»

«Иран», приходя все в большее раздражение, 20 февраля, в № 1086, перекинул уже свои обвинения через голову «Хакикат»:

«Подобно тому, как 16 лет тому назад, Англия, соперничая с Россией, выдумала в Персии конституцию, точно также теперь ее соперница затеяла игру, но на новый лад. И пешками в этой игре являются те же персы, которые, не обладая никакими познаниями, стремятся создать у нас большевистский строй... Как во время первой революции при насаждении конституции «националисты-народники» надували публику, набивая себе карманы, так и теперь «вожди рабочих» в погоне за наживой не останавливаются ни перед чем... Что делали эти народники, когда в Тегеране недавно погибло от голода 200.000 человек бедного народа, когда трупы валялись повсюду на улицах (голодный 1918 г.)... «Народники, разорительная европейская роскошь, продажная печать, неимоверное количество никудышних листков—вот что дала нам наша конституция.

«Народники» наши недавно были конституционалистами, теперь они стали уже большевиками и вождями рабочих... Они не смеют открыто говорить, чего они хотят, но в то же время каждый из них мечтает быть Лениным или Троцким... И ради чего... ради того, чтобы Россия, за счет разорения Персии, могла одолеть свою соперницу Англию и получила бы возможность двинуть свои силы в Индию...

«А ведь может получиться и другое: борющиеся страны, убедившись, что у них силы равны, что им не одолеть друг друга, могут в результате решить, что им выгоднее воостановить соглашение 1907 г. и опять разделить Персию пополам... Когда это случится—будет уже поздно... И вы «рабочие вожди» будете горько раскаиваться, как раскаиваются теперь наши бывшие народники-националисты, затеявшие конституцию.

23 февраля редактор «Хакиката» тов. Декхан поместил в ответ на это большую передовицу под названием: «Черная неправда». «Обманутые уже не раз этими господами, мы знаем, что у них не может быть преданности народному делу... Теперь один из этих господ (редактор «Ирана») позволяет себе делать выпады против нас в совсем уже недопустимом духе: он пытается ввести в заблуждение правительство и понудить его принять против нас репрессивные меры... Это провокаторский прием и допущен он на страницах официального органа. Автор статьи: «То нация, то рабочие» имел смелость насмехаться над нашей конституцией, называть борцов за свободу орудием чужеземцев, представителей рабочих союзов он нашел нужным окрестить «рабочими вождями», о самых союзах—«большевистскими организациями»... Интересно узнать, все это мнение автора или же мнение самого правительства?..»

На другой день после этого на помощь »Ирану» пришла другая реакционная газета «Иттихад». Она обратилась к премьеру со следующими словами: «Ныне какая-то группа безответственных лиц, злоупотребляя свободой печати, позволяет себе оскорблять всех, кого вздумает... Такой порядок не только расстраивает нашу общественность, но и способствует падению нравов... Эти волки в овечьей шкуре издают газеты, получая на них средства из такого источника, что даже стыдно сказать—из иностранных миссий. Во имя спасения Персии из этого водоворота пошлости и падения нравов, умоляем вас, г. премьер, спасти страну от угрожающей ей гибели, как это вы делали не раз, спасая страну от катастроф...»

24 февраля «Хакикат опять вернулся к статье «То нация, то рабочий». Указывая на то, что теперешние рабочие это не те же темные люди вчерашнего дня, которыми можно было бы играть, как с игрушкой, газета говорит: «Любопытнее всего рассуждение автора этих статей о возможностях извлечь кое-какие выгоды в Месопотамии, на побережьи Каспийского моря, даже в Индии... Ведь еще так недавно автор этих статей говорил совсем противоположное и признал английский протекторат над Персией, заявлял, что Персия должна отдать все свои силы на сохранение престижа Британского правительства и на защиту его колонии... Нет, господа, ваши проделки и фокусы давно уже всем известны. Не воображайте, что вам еще раз удастся обмануть народ...» Обращаясь к своим читателям, газета пишет: «Не подавайтесь демагогии и обманам наших феодалов, не верьте их болтовне... Медленная, но неуклонная организация рабочих, ремесленников и крестьян началась. Движение это перекидывается из Тегерана на самые глухие провинции... Корреспонденции из Решта, Энзели, Брутшита, Иезда и др. показывают, что организационная работа налаживается».

Заканчивая этим наш неполный обзор, мы хотели бы сказать несколько слов о положении персидской прессы. В этом отношении чрезвычайно характерным для персидской действительности являются события, разыгравшиеся в феврале и марте сего года. 26 февраля «Сетареле-Иран» по поводу годовщины прошлогод-

него переворота Сеид-Эд-Дина, поместила сенсационную статью под заглавием: «Истинный виновник переворота», заявлял, что план этого пресловутого переворота был составлен в Багдаде по указаниям и советам принца Нустет-Эд-Довле (теперешний товарищ председателя Меджилиса), который был командирован оттуда в Тегеран привести его в исполнение. Был составлен список 108 лиц, в том числе теперешний премьер Меджир-Эд-Довле, которые немедленно должны были быть арестованы. По словам газеты, Сеид-Зия-Эд-Дин, узнав о предполагаемом перевороте и о том, что Нустет-Эд-Довле замышляет свергнуть шаха, об'явить республику и стать президентом, пришел в ужас, так как он хорошо знал, что Персия республикой быть не может, и эта авантюра грозит ей гибелью... Тогда Сеид немедленно сообщил обо всем этом теперешнему военному министру Риза-Хвид и вместе с ним двинули казачьи отряды на Тегеран*). В заключение газета призывает отомстить Нустет-Эд-Довле и обещает в случае, если принц будет отрицать вышеизложенное, опубликовать все документы и данные.

Через день после этого газета была закрыта. Редактор ее, Себа, был вновь приглашен к военному министру (первый раз летом 1921 г.), где находился и сам Нустет-Эд-Довле. От Себа потребовали помещения категорического опровержения, грозя закрытием. Себа предпочел последнее, а на следующий день выпустил новую газету—запасную «Сетаре-ис-Шерк» (Звезда Востока), официальным редактором которой выступил его товарищ Таба-Табаи. Но и это не прошло. На первом же номере газету закрыли.

На этот раз Себа отделался сравнительно легко. Дело кончилось без побоев, не так, как летом прошлого года. Военный министр ограничился лишь несколькими своийственными ему милыми шутками. А 22 февраля, в самый день годовщины, военный министр сам выступил в роли публициста и опубликовал в официозе («Иран» № 1083) об'емистую «декларацию», в которой решительно и определенно об'явил ко всеобщему сведению, что истинный виновник переворота—он сам, и только. Он сделал это потому, что находил так нужным, что вообще теперь, когда прошло уже столько времени, поднимать об этом разговор было бы совершенно праздным занятием... Он считает нужным об этом заявить раз навсегда. «Декларация» заканчивалась предупреждением, «что если в будущем, вопреки сему, какая-либо из газет еще раз затронет эту тему, то во имя страны и совести эта газета будет мною закрыта,а автор, кто бы он не был, будет подвергнут наказанию».

После такого диктаторского волеиз'явления, разумеется, большинство газет предпочли замолчать. Всем было ясно, что реакция в лице Риза-Хана поднимает голову, что малейшая неосторожность приведет к закрытию газеты. Только одна газета, начавшая свое существование в феврале «Неджата-Иран» (№ 4), нашла нужным громко выразить свой протест против такого упрощенного публицистического приема. Она поместила большую статью: «Прощайте, соотечественники»... «Не считая больше теперешний момент подходящим для публицистической деятельности, мы целуем наше перо и, повесив покров на наши свободные чистые мысли, прощаемся с товарищами и читателями... Глядя, как во время сессии Меджилиса, в присутствии представителей нации, топчется 29-я статья наших основных законов (о свободе печати), можем ли мы считать себя публицистами... мы говорим, что настоящие правители и в особенности г. военный министр считают, что народ слишком мал и не дозрел, чтобы понимать истину и государственные дела... Повидимому, мы дол-

*) Как известно этот переворот произвел колоссальное впечатление в Персии, так как Сеид-Зия арестовал свыше 100 человек самых крупных помещиков и феодалов и обложив их контрибуцией в размере около 100 милл. рублей золотм, об'явил англо-персидский договор аннулированным и проектировал передачу крестьянам государственных земель. Но под конец Риза-Хан с войсками перешел на сторону шаха и Сеид-Зия скрылся заграницу.

жны понимать истину на основании той силы, которая находится в их руках... Мы ведь маленькие дети, и несмотря на то, что преподносимые нам щербеты представляются нам касторкой, мы поневоле должны принимать эти истины, как сладости.

«Сетаре-ис-Иран» и «Сетаре-ис-Шерк» закрыты из-за одной статьи... Они покинули нашу среду, прибавив этим еще одно печальное воспоминание. Мы же предпочитаем сами закрыться... Сегодня уходим мы, а завтра наступит еще чья-либо очередь... Не радуйтесь смерти друг друга... Сегодня, если вы заговорите «об истинном создателе переворота», вас арестуют и накажут... завтра, когда вы вздумаете написать об аристократическом характере Меджилиса, вы можете оказаться на виселице... Пройдет еще некоторое время, вы напишете, что аристократическая партия негодна для управления страной, потому что она много раз уже доказала свою неспособность в этом деле, и вас подвергнут расстрелу... Следовательно, если вы хотите издавать газету, вам следует ежедневно поглядывать на западную часть Тегерана (местожительство военного министра, Кустет-Эд-Довле и др.) и принять тот цвет, который имеется там... А вы, господа депутаты, которые смеетесь, когда секут редакторов, помните, что если так будет итти дальше, и вас самих начнут пороть плетью... Мы же в этой атмосфере не можем писать, не можем изливать свою душу... Прощайте, соотечественники и сотоварищи, прощайте...»

Напечатав эту статью, редактор «Неджате-Иран» предпочел скрыться из предосторожности. И действительно, вся полиция была поставлена на ноги, но безуспешно. Этот номер газеты в тот же день поднялся в цене в 20 раз и стал теперь библиографической редкостью.

В последнее время реакция, повидимому, опять поднимает голову. По непроверенным еще сведениям, правительство закрыло «Туфан» и вслед за ним и «Хакикет». Долго ли будет так продолжаться, покажет ближайшее будущее.

А. С.

Турецкая жизнь в отражении турецкой прессы.

(Из турецкой жизни).

ВОПРОС ОБ ОТНЯТИИ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ У СУЛТАНА.

После долгого нахождения во главе правительства султана Ферид-паши, заклятого реакционера и открытого врага всякого прогресса, появление у власти Тевфик-паши и Иззет-Паши, в особенности последнего, назначенного министром иностранных дел, считавшегося сочувствующим младотуркам и пользовавшегося большой популярностью среди прогрессивной части турецкой интеллигенции, встречено было миллистами Анатолии одобрением и дало многим из них надежду на примирение Константинополя с Ангорой. Поездка Иззет-паши для переговоров с миллистами в Ангору рассматривалась, как первый шаг координирования действий обоих правительств против общего врага Турции, и, наконец, все это показывало на перемену политики Антанты по отношению к националистам-революционерам. «Анатолийское Телеграфное Агентство» через некоторое время сообщило, что Иззет-паша, как честный патриот, убедившись на месте в правоте и силе миллистов, отказался ехать обратно в Константинополь и остался в Ангоре, (конец 1920 года)... Однако, спустя некоторое время, в марте 1921 года, делегация правительства султана во главе с Иззет-пашей вернулась обратно в Константинополь.

В конце 1921 г. анатолийская печать подняла бурю против константинопольского правительства, в том числе против Иззет-паши и даже против самого султана. Ангорская газета «Ени Гюн», орган народников (левого крыла младотурков), сообщила о том, что англичанам удалось убедить султана в необходимости создания нового кабинета во главе с маршалом Фуад-пашей, который-де общеизвестен своим патриотизмом и пользуется любовью населения, при чем англичане обещали султану возвращение части оккупированных областей и смягчение некоторых пунктов Севрского договора, в случае, если удастся мирным путем вынудить миллистов сложить оружие. Все анатолийские газеты увидели в этом соглашении султана с Англией новую ловушку англичан, новую измену константинопольского правительства и резко нападали на тех, кто соглашался с этой затеей врага. «Хакимияс-миллия» («Власть народа»), официоз правительства М. Кемаля, в специальной передовой статье под заглавием «Сераль» очень резко критиковала политику, исходящую из султанского дворца, назвав всю свиту султана кучкой изменников, «интриганов и продажных людей». Нужно отметить, что подобных резких фраз по адресу Двора и его обитателей в турецкой печати никогда и ни при каких обстоятельствах до той поры не было. Одним словом, возмущению общественного мнения Анатолии против Константинополя и англичан не было предела.

Это смелое выступление главарей миллистов и систематическую борьбу против султанского Двора можно было об'яснить политическим шагом главарей анатолийского движения для подготовки темной массы, до сих пор еще слепо преклоняющейся перед величием султана.

В своей речи от 5 марта тек. года, Джаляль-Бей, врид. министра иностр. дел сообщил очень много интересных документов, касающихся взаимо-

отношений двух турецких правительств. В одном из ответов Ангорского правительства, посланных константинопольскому правительству, говорится: «Борьба, начавшаяся для защиты независимости страны против внешних врагов, фактически вылилась в форму внутреннего переворота. Наш народ, сознательно проливает свою кровь, стремится к восстановлению Турции на новых началах. Эти новые основы могут быть формулированы, как выражение национальной воли к полной внутренней и внешней независимости»... В конце февраля 1922 года Юсуф-Кемаль, министр иностранных дел великого национального собрания Турции вел переговоры с султаном. «20 февраля к Юсуф-Кемалю на квартиру в Константинополе пришел Иззет-паша, который сообщил ему, что с ним хочет повидаться сам султан». Свидание состоялось. «Юсуф-Кемаль-Бей старался убедить султана в необходимости признания ВНСТ и его политики, но получил от султана неясный и отрицательный ответ»... «Юсуф-Кемаль-Бей понял, что константинопольские деятели не желают действовать совместно с нами»—говорит далее Джаляль-Бей, который заканчивает свою длинную речь следующей фразой: «История заклеймит поведение этой малочисленной, жалкой и невежественной кучки, хладнокровно взирающей на бесконечные страдания народа, оскорбленного и возмущенного, и, несомненно, сам народ вынесет о них соответствующий приговор».

Еще до этого разоблачения Джаляль-Бея Великое Национальное Ангорское собрание реагировало на это положение, так как главари его знали ход событий и результаты их. В качестве ответа затеям Константинополя оно рассмотрело законопроект об обязанностях и ответственности совета министров и выслушало длинную речь Мустафы-Кемаля (1/XI—21 г.), которая определяет и будущий строй Турции. Эта речь Кемаля с добавлением основных пунктов проекта Конституции напечатана в виде особой брошюры и распространена для дискуссии. По проекту Кемаля, устанавливается следующий порядок управления: полнота всей власти, без всяких ограничений принадлежит Национальному Собранию. «Что же касается халифата, связывающего духовно мусульман всего мира, мы глубоко уважаем это священное учреждение, которое останется руководителем духовной жизни мусульман, но оно, как священное, не должно заниматься светскими делами». Затем в проекте указывается: «Турецкий народ, исторически связан с династией Османов, которых при желании оттоманских и других мусульман можно оставить на этом месте».

Из вышеизложенного вытекает, что Великое Национальное Ангорское Собрание с его правительством окончательно закрепляет за собою светскую власть, отбирая таковую у султана и, таким образом, оставляя последнего только халифом мусульман, вроде римского папы, хотя Кемаль сознательно и дипломатично не говорит об этом открыто. Таким образом, будущий строй Турции, можно полагать, будет Народной Республикой с Великим Национальным Собранием во главе и с мусульманским «Ватиканом»—халифатом для духовных дел. Это—крупный политический шаг в жизни Турции, где монарх являлся всем, и по адресу его никто не смел отозваться без «умиления» даже в революционной половине бывшей Оттоманской Империи.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТУРЕЦКОЙ ПЕЧАТИ.

Турецкое движение в конце-концов должно было вылиться в сторону демократизма. Вначале оно носило неопределенный характер. Тогда от анархо-коммунизма до абсолютизма были все уклоны, но общее определенное направление трудно было уловить. За последний период заметно наблюдается демократический уклон, как среди главарей, так и в обществе. Появление различных культурно-просветительных обществ, профессиональных и кооперативных организаций, обществ взаимопомощи, экономических и т. п. корпораций, а также стремление правительства улучшить положение массы и сочувственное отношение к этим организациям

дают нам право полагать, что националистическое движение взяло уже курс на демократизм.

Отражение демократических тенденций в печати мы уже имеем. Чтобы не быть голословным, я укажу на наиболее яркие места из статей некоторых анатолийских газет, которые в большинстве своем стремятся подойти ближе к массе. Официоз Ангорского Национального Собрания «Хакимиятэ-Миллийя», например, посвящает в защиту народа ряд передовых статей за подписью депутата г. Смирны Махмуд-Асада, который в статье, озаглавленной «Судьба народа» (№386), после подробного исторического подхода к вопросу, пишет: «Мы,—народники, и мы сторонники того, чтобы направление государственной политики имело задачей удовлетворение интересов народного труда. Что нужно делать для того, чтобы судьба нашей нации освободилась от личной и классовой борьбы и наша политика опиралась на непосредственные экономические интересы нашей народной массы? Достигнуть этого в полности нет возможности, пока народ не поставлен в такое положение, которое дало бы ему возможность управлять непосредственно своим государством»... «Мы требуем создания такой организации власти, которая даст возможность расти населению и даст последнему достаточно хлеба».

Газета «Ени-Гюн» от 30 апреля в передовой статье, озаглавленной «После Севра», пишет: «Падишах и наши враги знали, что без санкции представителей народа нельзя заключить мир. Когда парламент собрался, чтобы выразить волю нации, то в этот самый безславный день нашей родины, падишах оказался в союзе с врагами, разогнав парламент и растоптав как тряпку, волю народа. Двор и его последователи вместе с врагами говорили, что парламент не представляет нации. Кто же говорил это? Сераль (султанский двор)—союзник врагов нашей родины. Интересно то, что эти жалкие люди полагали, что выборный парламент—самочинный орган, а себя они считали настоящими представителями страны»... Теперь турецкий народ показал, что его воля вовсе не является ненужной тряпкой, а, наоборот, он, всех тех, кто хотел играть его волей, выбросил, как ненужную тряпку. Он разорвал Севрский договор».

Кастамунийская газета «Ачик-Союз» (Ясное Слово), № 412 от 14 февраля в статье «Уроки выборов», критикуя старую двух-степенную систему выборов, существующую в Турции и поныне и защищая всеобщее голосование, однако, с восторгом отмечает тот интерес, который проявило население гор. Кастамуни во время выборов и указывает с большим удовлетворением на победу «просвещенных». «Несмотря на неравное положение и несмотря на невыгодные условия, все-же, «просвещенные» получили больше половины всех голосов»,—пишет она. Кто же эти «просвещенные»? Во всяком случае не сторонники падишаха, которые совершенно провалились. Остаются кемалисты и кто-то еще просвещеннее кемалистов. Из статьи можно понять, что эти «просвещенные» элементы—суть демократы-народники, более левые, чем кемалисты. Газета, между прочим, говорит: «Если эти выборы производились бы тайным и свободным голосованием, как везде, то результаты их еще больше изменились бы в пользу победивших».

Издающаяся в освобожденной Адане, газета «Ени-Адана» в № 33 от 16 февраля в передовой статье, критикуя бездействие обществ и компаний (концессионеров), которые ничего не сделали в пользу Анатолии и ее населения, настаивает на национализации их предприятий:—«Нужно воспользоваться моментом и действовать, чтобы докончить начатое и оставленное на половине дело, которое необходимом для возрождения брошенной и отсталой Анатолии. Только тогда нашему народу обеспечена будет экономическая независимость».

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВОПРОСЫ В ТУРЕЦКОЙ ПРЕССЕ.

Ени-Адана» от 10 февраля в статье под заглавием «Наша газета под судом», ядовито критикуя заведующего отделом просвещения за его привлечение в суд редактора названной газеты из-за пустяка, заканчивает свою статью так: «Лучше было бы заведующему отделом просвещения подыскать школы и думать об их улучшении, чем заниматься такими ненужными делами, когда ученики и ученицы, желающие попасть в школы, не принимаются за неимением мест в существующих школах».

Конийская «Бабалык» на простом понятном народном языке посвящает ряд статей вопросам сельского хозяйства и улучшению положения крестьян.

Газета, приведя примеры уменьшения засева полей и разбирая правительственный закон об отстрочке по воинской повинности земледельцам, указывает, что под разными предлогами пользуются этим законом очень многие, но не крестьяне: «отсрочками пользуются торговцы, спекулянты и другие горожане». «О, несчастные крестьяне, несчастные настоящие земледельцы! Они этим законом не смогут пользоваться»,—патетически заканчивает газета... В этой же газете в № от 15 февраля подробно описывается печальное состояние турецкой деревни: «Староста рассказал мне, что оспа унесла сотни детей. На мой вопрос: почему он не обратился к правительству с просьбой прислать фельдшера?, он сказал: «Мы сообщили правительству, и приехал было фельдшер, но он в тот же день уехал обратно».

Конийская газета «Дердли» в № 104 от 14 февралл. в статье под заглавием «Любовь к просвещению наших крестьян» с большим удовлетворением отмечает стремление крестьян к открытию школ на свои средства. Газета приводит массу примеров открывшихся по инициативе крестьян и на их средства школ.

Газета «Эмель» от 26 февраля посвящает статью организации союза ломовиков и извозчиков и, оценивая их значение для страны, где нет железных и иных путей сообщения, всецело поддерживая это об'единение, пишет: «После разоренных скотоводов и после первобытных земледельцев возчики являются, пожалуй, одним из наиболее многочисленных ремесленников в Анатолии. У нас гужевой транспорт заменяет все: железные дороги, автомобили и т. д.... Возчики лишены всех личных и культурных прав. Их положение очень тяжелое. Понимая свое правовое и материальное положение, возчики, которых презирали, которых беспощадно эксплуатировали и которые терпели на своих плечах неуместные вмешательства правительства, пришли к сознанию, что им необходимо об'единиться для улучшения своей участи; и с этой целью обратились к правительству с просьбой утвердить их об'единение».

Керасунская газета «Ени-Керасун» от 26 февраля, указывая на медленную передачу телеграмм Анатолийским Телеграфным Агентством, пишет: «Мы получаем депеши из Европы и Константинополя через день, из оккупированных врагом областей через два дня, а телеграмму из Ангоры иногда и получаем через неделю!»

ВОПРОС О ЖЕНСКОМ РАВНОПРАВИИ.

Трапезундская газета «Икбал» под заглавием «Положение и значение женщин в обществе» (№ 733 от 2 февраля), отстаивая равноправие женщин, обращается к женщинам: «Вы молодые девицы, будущие матери, всем вашим существом старайтесь получить знание! Потому что в области полученного образования мужчины ничем не отличаются от вас, и они не имеют права претендовать на это. В Европе и Америке упорные и энергичные женщины, работая неустанно, достигают больших результатов. Это есть живой пример и наглядный показатель того,

что женщины не хуже мужчин. Оздоровление общества невозможно без равноправия женщины, и нам нужно начать дело отсюда. Если эта основа гнила, то страна пойдет не только назад в своем развитии, но ей грозит полное разложение. Это доказано историей».

НОВЫЙ МАРКСИСТСКИЙ ОРГАН В ТУРЦИИ.

В Анатолии издается много журналов, имеющих большею частью специальный характер, как-то: педагогический, сельско-хозяйственный, спортивный, посвященный женскому движению и т. д. Все эти журналы проникнуты демократическим духом и стоят на точке зрения защиты широких масс. Из журналов социально-экономического и политического характера заслуживает особого внимания марксистский журнал «Ени-Хеят» (Новая Жизнь»), орган ЦКТНКП, издающийся в Ангоре под редакцией Назым-Юлдаша, депутата, осужденного на 15 лет каторги Кемалем за коммунистическую деятельность и освобожденного вместе с другими коммунистами по амнистии (29 сентября 1921 г.).

Правительство Ангорского Национального Собрания снова разрешило легализовать партию (март с. г.), под названием «Народно-Коммунистическая партия Турции». Ц. К. этой партии в Ангоре и приступил к изданию еженедельного научного, социального, экономического и политического журнала.

Содержание первого номера «Ени-Хеят», вышедшего 18/III с. г., следующее: Наша цель (передовая); 16 марта — Оккупация Константинополя (Антантой); 18 марта—Парижская Коммуна; Мировой кризис капитализма (перевод статьи Варга); Социология (очерки); Проституция и борьба с нею (перевод статьи Коллонтай); Фридрих Энгельс. Проект коммунистического манифеста.

Содержание первого номера ясно показывает всю сущность журнала, но все же мы полагаем, будет полезным передать выдержку из редакционной статьи «Наша цель»:

...«Итак, с одной стороны, старый мир со своими устаревшими формами, а с другой—новая жизнь с молниями новых мыслей... На чьей стороне мы должны бороться?...

Но как бы труден ни был анализ переживаемых мировых событий, все-же необходимо исследовать их. Эта необходимость становится неизбежной, в особенности для Ближнего Востока и новой Турции, испытывающих все ужасы экономической и идейной отсталости... Разумеется, в этой нашей задаче мы должны руководствоваться новыми учениями материализма. Мы будем подходить к предстоящим нам вопросам.

Гибель капиталистического строя Европы и Америки неизбежна. Поэтому мы всегда сочувственно отмечаем восстания против империализма в Анатолии, Ираке, Сирии, Египте и в других местах, считая их справедливым и законным средством для развития этих стран. Мы считаем своим долгом поддерживать эту борьбу, цель которой—достижение национальной независимости, хотя мы и останемся критиками этих событий с научно-экономической точки зрения, освещая указанные события в духе марксизма в целях расширения кругозора нашего народа и в интересах мировой революции... Наш журнал, неизменно отражая на своих страницах классовые противоречия, предполагает помочь исправлению одного из наиболее крупных недостатков Ближнего Востока и в особенности Турции—именно отсутствию народных экономических организаций».

В номере 5 от 15 апреля «Ени-Хеят» имеется воззвание Цека ТНКП, обращенное по случаю Генуэзской конференции пролетариату всего мира, коммунистическим партиям и организациям через коминтерн.

РАСКОЛ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ТУРЦИИ.

Заканчивая свою статью, мы укажем еще на одно интересное явление в обновленной Турции—на распад православной константинопольской церкви.

Продажность, спекуляция и шантажирование именем Константинопольского Вселенского Патриархата, политическая борьба и интриги среди духовенства сторонников греческого короля с одной стороны, и сторонников Венизелоса—с другой, постоянные попытки со стороны Патриархата спровоцировать Анатолийских христиан выступить против миллистов, вынудили православное духовенство Анатолии отторгнуться от Патриархата и организовать в Ангоре независимое управление под названием «Епископат христиан-турок».

Как известно, христиане в Анатолии в семье и в школе говорят и молятся на турецком языке, так как они, кроме турецкого, другого языка не знают. Родным языком для них является турецкий язык. По обычаям и условиям жизни и по характеру они ничем не отличаются от турок-мусульман.

Предварительная подготовка общественного мнения создавалась выступлениями отдельных лиц из среды священников и граждан, которые протестовали против аннексии Анатолии греками, их зверств, подчеркивая, что они по происхождению турки и т. д. Для примера мы здесь укажем на несколько таких выступлений православных священников (греко-турок). Например, глава православного турецкого духовенства районов Торул-Ардаша священник Итосиус-Эфенди телеграфирует председателю ВНСТ: «Будучи по происхождению турками, мы в течение VI веков жили с турками-мусульманами в мире и согласии; теперь Константинопольский Патриархат старается отделить нас от наших братьев и провоцировать. Мы самым категорическим образом протестуем против коварных замыслов Константинопольского Патриарха («Ени-Гюн» № 415 от 13/II).

Газета «Ачик-Сюз» (№ 419 от 22/II) печатает ответ главы турецкого православного духовенства Кескинского района, священника Эфтим, на вопросы мистера Рон-Бурна, члена англиканского духовного общества, о турецком Патриархате. Эфтим-Эфенди идет очень далеко и заявляет: «Не только христиане Анатолии, но и христиане Фракии, так как и они по происхождению турки, должны подчиняться Анатолийскому православному духовному управлению». Далее он говорит: «В церковных канонах, так называемого Патриархата не существует, и потому их духовное управление будет руководиться Епископом».

По сообщению газеты «Хеят» (№ 59 от 4 апреля) на митинге в день годовщины победы турок над греками в сражениях под Эйи-Эни священник Эфтим-Эфенди выступил с речью от имени христиан-турок и заявил об их намерении сражаться за мать-родину и за нацию вплоть до того часа, когда ни один неприятельский солдат не останется в Анатолии...

Шериф Манатов.

Обзор китайской прессы.

КИТАЙСКАЯ ПРЕССА О ШАНДУНЬСКОМ СОГЛАШЕНИИ.

Благодаря своему значению, говорит «Пекин Дейли Ньюс» от 11 марта, Шандуньская проблема сделалась проблемой мировой. Япония рассматривает Шандунь, как первую ступень по пути ее захвата азиатского материка. В материалистическом мире, в котором мы сейчас живем, мы не должны быть слишком идеалистичны. Мы ожидали слишком многого от Вашингтонской конференции и потому мы теперь разочарованы ее результатами. «Но, утешает официоз китайского министерства иностранных дел, мы должны иметь терпение и скромность».

Более определенно высказывается газета «Кун-Хо-Мин-Бао» в вопросе о контроле над Цинчао-Цинанской железной дорогой. Приводя пример Южно-Манчжурской железной дороги, газета указывает, что в начале эта дорога была также японо-китайским предприятием, но теперь Китай фактически не имеет никакого отношения к управлению и контролю над дорогой. «Цинчао-Цинанская железная дорога сделалась фактически второй Южно-Манчжурской дорогой», говорит газета. Китайское правительство должно было хорошо помнить, что есть разница между Южной Манчжурией и Шандунем. В первой Япония претендует на специальные права и добивалась признания со стороны Вашингтонской конференции ее, т. н., специальных привилегий в Южной Манчжурии. Китайское правительство никогда не должно позволить Японии превратить Шандуньскую дорогу во вторую Южно-Манчжурскую, путем получения контроля на ней. Все, что Япония хочет— это иметь своего управляющего товарным транспортом и главного бухгалтера на дороге, получая, таким образом, фактический контроль над доротой... Мы хорошо знаем планы Японии, тем не менее правительство всегда готово следовать скорее «советам Америки и Англии», чем голосу своего народа».

Другая газета «И-Ши-Бао», касается того пункта Шандуньского соглашения, где говорится об охране Цинчао-Цинанской дороги. Газета усматривает серьезную ошибку китайского правительства в том, что оно согласилось взять на себя ответственность за охрану дороги, не получив контроля над Цингдао. «Как известно», —говорит газета,—«со времени занятия японцами Шандуня, Цингдао сделался сборным пунктом авантюристов, убийц и всевозможных воров. Цингдао с этого времени сделался центром всяких интриг, заговоров, при возникновении каких-либо беспорядков. После поражения аньфуистов, генералы Ма-Лян, Чжан-Шуй-Ян и другие аньфуисты сделали Цингдао местом своих свиданий. Все нежелательные элементы находили там теплый прием и поддержку, так как это отвечало политике Японии—сеять и поддерживать смуту и раздоры в Китае». Продолжая дальше, газета указывает, что при таких условиях китайское правительство вряд ли сумеет надлежащим образом охранять дорогу, что даст возможность Японии использовать эту неспособность китайского правительства для удержания дороги в своих руках». В течение пяти лет (срок выкупа дороги),—продолжает газета,—многое может случиться. Нельзя отрицать, что Япония не желает вернуть дорогу Китаю,

и нет сомнения, что она употребит все свои усилия, чтобы каким-либо путем удержать дорогу за собой. Будучи «признательным ей, за желание Японии вернуть нам дорогу, мы должны в то же время требовать возвращения нам и Циндао, что только даст нам возможность хорошо охранять Киачао-Цинаньскую дорогу».

В таком же духе высказывается и большая часть других китайских газет, вполне уясняющих себе весь смысл японских махинаций в Вашингтоне.

БОРЬБА ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЙ.

«Движение за самоуправление провинций в Китае»,—говорит газета «Шун-Бао»,—«началось еще до революции 1911 г. Когда провинции об'явили свою независимость, они послали своих представителей в Нанкин для составления конституции, причем было предложено образовать Соединенные Штаты Китая. Провинции Киянсу и Чедзян уже составили свои провинциальные конституции и избрали своих гражданских губернаторов. Лидеры революционного движения полагали, что их мечта о федеральном правительстве станет реальном фактом. Об'единение Севера и Юга состоялось, но план федерального правительства встретил оппозицию. Вопрос о федеральном правительстве горячо дебатировался в первом парламенте в 1913 г., между партией Чиппутан (прогрессистов) и Гоминдан. Последняя, не доверяя Юан-Ши-Каю, употребляла все усилия, чтобы уговорить провинции требовать установления системы самоуправления и, таким образом, разрушить планы централизации власти. Идея самоуправления широко пропагандировалась газетами партии «Гоминдан», и многие члены партии «Чиппутан», которые до того времени были горячими апологетами плана Юан-Ши-Кая, скоро приняли идею, проводившуюся партией «Гоминдан». Проведение плана централизации власти продолжалось после смерти Юан-Ши-Кая лидером пейянской военной партии, (так назыв. аньфуистов), маршалом Дуан-Ци-Жуем. Восстановленный парламент скоро сделался опять сценой горячих дебатов по вопросу об образовании федерального правительства и Джун-Ци-Жуй разрешил этот спор роспуском парламента. Члены партии «Гоминдан» снова возобновили пропаганду идеи за самоуправление провинций и федеральное правительство. «С того времени, уверяет «Шун-Бао» нет фактически ни одной газеты или журнала, которые были бы против системы самоуправления».

«С появлением дудзюнов и сверх-дудзюнов апологеты идеи федерального правительства изменили свои взгляды, полагая, что нет смысла иметь провинциальное самоуправление с дудзюнами, возглавляющими последние. Они полагают, что систему самоуправления должна установить каждая провинция отдельно, и когда все дудзюны будут удалены местными администрациями, последние соединятся вместе для образования Соединенных Штатов Китая. В противном случае, федеральное правительство будет только средством для дудзюнов и сверх-дудзюнов усилить свою власть для эксплоатации населения.

Движение за самоуправление в течение последних двух-трех лет шагнуло сильно вперед. Примером этому может служить провинция Хунань. Население последней пришло к идее самоуправления после горького опыта, который дали ему дудзюны провинции. Генерал Чжан-Цин-Яо заставил население кормить его 150.000 армию, выжимая в то же время из населения взятками и различными непосильными поборами последние соки. Доведенное до отчаяния, население Хунаня изгнало своего дудзюна. Хунаньцы отказались от помощи Кантона, не доверяя южному правительству, которое, как они полагают, поддерживает Временную Конституцию. После изгнания дудзюна, большинство лидеров «Гоминдана» хлынуло в Хунань, где при их содействии было установлено самоуправление. Демонстрации интеллигенции и буржуазии приветствовались властями Хунани, которые поддерживали

движение за самоуправление и федеральное правительство. Была выпущена циркулярная телеграмма с извещением о наступлении счастливой эры. Южные провинции стали смотреть на Хунань, как на образец самоуправляющейся провинции. За исключением некоторых немногих, все газеты Китая высказываются в пользу движения за самоуправление.

За Хунаном последовал Сычуан, откуда скоро был изгнан дудзюн Тан-Чи-Яо. То же сделал и Юнан. Нет больше дудзюна в провинции Гуанси, но последняя все же не может считаться самоуправляющейся провинцией, так как она все еще находится под железной рукой гуандунских милитаристов. «Одним фактом уничтожения дудзюната,—говорит газета «Шун-Бао»,—Гуандун не принял еще системы самоуправления, так как Сун-Ят-Сен эту систему не поддерживает».

Газета «Шун-Бао» отражает настроение широких кругов китайской интеллигенции и буржуазии, ищущих выхода своему революционному стремлению к власти. Этот выход к власти буржуазия и интеллигенция ищет в уничтожении дудзюнатов, в установлении автономии провинций и федерального правительства.

БОРЬБА ЗА СОЗЫВ ПАРЛАМЕНТА.

Газета «Пекин Дейли Ньюс», от 7 марта 1922 г., говорит:

«195 членов Палаты Общин и третьего парламента послали циркулярную телеграмму, адресованную центральному правительству и провинциям, в которой они указывают на абсолютную необходимость немедленного созыва парламента. Начиная с указания на то, что вопрос о Китае был главным вопросом на Вашингтонской конференции, телеграмма констатирует, «что действительные результаты Вашингтонской конференции далеко не оправдали ожиданий страны. Мы получили очень мало преимуществ и все, что мы получили—имеет номинальное значение.

Причину неудачного разрешения китайских вопросов в Вашингтоне, члены парламента видят отчасти в том, что нет единства в стране, что не существует парламента, который бы своим авторитетом мог бы подкрепить требования китайского народа, не существует прочно установленной конституции. Патриоты везде предлагают созвать народные и разного рода другие конференции для разрешения вопросов Китая. Мы симпатизируем их планам, но факт тот, что их усилия будут недостаточны для установления нормального положения. Парламент—единственный орган, уполномоченный народом для составления конституций и для решения важнейших вопросов страны. Для того, чтобы установить прочное правительство и поднять престиж страны—нет другого пути, кроме немедленного созыва парламента».

Говоря о том, что Кантон в своих выступлениях против Севера всегда указывает на то, что на Севере нет никакого законного парламента, наивно верящие в законность члены парламента в своей телеграмме полагают, что есть вероятность, что Пекинское правительство созовет парламент, согласно законам страны и конституции и тогда это будет достойно «оценено Кантоном», заметив тут же, что «правительство, возможно, не захочет иметь парламент, который будет контролировать ее действия». «Тем не менее»,—предупреждают члены третьего парламента,—желание народа должно быть уважено, иначе неминуем крах политической жизни страны». В конце телеграммы, члены бывшего парламента заявляют: «Правительство без законодательного органа не полно. Китайский народ должен быть спасен от тирании и рабства: ради наших детей — спасем страну от гибели».

СТАРАЯ ПЕСЕНКА ЯПОНСКИХ МИЛИТАРИСТОВ О «ПЕРЕНАСЕЛЕНИИ» ЯПОНИИ.

Газета «Пекин Дейли Ньюс», от 11 января, приводит статью под этим заголовком из газеты «Шун-Бао»:

«Япония оправдывает свою агрессивную политику в Китае тем, что ей необходим выход для излишка ее населения; тысячу раз заявлялось, что японское правительство принуждено искать колонии вне Японии только в интересах гуманности. Однако, до сих пор мир никогда не знал, что японское население так быстро растет! Для того, чтобы опровергнуть эту ложь, распространяемую подкупленными газетами—рассмотрим факты. Некоторые японские пропагандисты говорят, будто ежегодный прирост Японии равен 600.000 человек; в действительности по точным статистическим данным ежегодный прирост населения в Японии гораздо меньше 300.000 человек. Но дело не только в слабом приросте населения; в Японии имеются обширные пространства богатой, плодородной земли, которые еще не обработаны. Японцы уверяют, что на одну квадратную милю территории приходится 350 человек. Это неверно: действительная плотность населения равна 200. Между тем, в Шандуне на одну квадратную милю приходится 628 китайцев. Нет никаких абсолютно доводов для Японии делать Шандунь местом для расселения ее, так называемого, излишка населения. Дзо Супе Сато, известный японский писатель, в своей книге: «Некоторые исторические данные о современной Японии», говорит, что если немного улучшить методы обработки земли в Японии для увеличения добычи риса даже на 15%, то это было бы достаточным для пропитания всего населения Японии, не прибегая к помощи колоний—Формозы и Кореи и т. д. Согласно последним статистическим данным население Японии равно 74.000.000 человек, не включая 20.000.000 корейцев. В 1911 году прирост населения был самый большой и был тогда равен 15 на 1.000, но и этот прирост был ниже увеличения населения в Германии и Румынии. В 1918 г. прирост сократился и был равен 6 на каждую тысячу.

Японцы не колонизаторская раса и в течение последних пятидесяти лет японское правительство напрасно пыталось уговорить свое население эмигрировать в колонии. Надо указать при этом, что Япония имеет 11.000.000 акров свободной необработанной земли.

«Шун-Бао», опровергнув этим фактом возможность заселения японцами Шандуня указывает, что и Манчжурия не может быть местом, куда Япония «должна» переселить свое «излишнее население», т. к.,—говорит газета,—Манчжурия хотя и не так густо заселена, все же три восточные провинции имеют плотность населения не меньшую, чем Япония. Кроме того, Манчжурия служит колонией для самих китайцев, переселяющихся туда из Шаньдуня, Чжили и других провинций.

Кроме того, прожиточный минимум в Манчжурии очень низок: «японский кузнец, например, зарабатывающий ежедневно 91 цент в Японии, зарабатывает в Дайрене 33 цента: японский столяр, зарабатывающий в Японии 97 центов в день, в Дайрене зарабатывает только 33 цента. Заработная плата в Манчжурии гораздо ниже заработной платы в Японии, но выше таковой в Собственном Китае и поэтому китайцу выгодно переселиться из Собственного Китая в Манчжурию, а японцу невыгодно». Газета затем переходит к вопросу о климате, доказывая, что климат Сибири и Манчжурии невыносим для японцев и все старания японских властей поощрять переселение туда своих подданных кончались неудачей. В заключение «Шун-Бао» говорит: «Из сказанного выше видно, что Япония вовсе не намерена серьезно приняться за колонизацию, так как она знает, что нет места для излишка ее населения в Китае. Действительной целью является захват Китая для получения такого же господства над всем азиатским материком, каким она обладает над своими колониями Формозой и Кореей».

ЯПОНСКАЯ АГРЕССИВНОСТЬ В МАНЧЖУРИИ.

Газета «Пекин Дейли Ньюс», от 11 января, говорит: «Японский капитал в своем стремлении опутать своими сетями Китай и выжать из него последние соки, употребляет приемы, свойственные наступательному движению финансового капитала. Желая подорвать денежную систему Китая, обезвредить своих конкурентов в Манчжурии—китайских купцов и промышленников, получить полный контроль над китайским денежным рынком—японские захватчики ввели в Манчжурии свою золотую валюту. Эти действия «друзей» Китая вызвали сильную оппозицию со стороны торговых и промышленных кругов Манчжурии. На общем собрании торговые палаты Гиринской, Фудзянской и Хейлундзянской провинций после детального обсуждения этого вопроса вынесли резолюцию, которую они послали манчжурскому диктатору, маршалу Чжан-Цзо-Лину. «Японско-Корейский банк» уже выпустил в обращение банкноты на сумму в 230.000.000 иен. Когда этот банк был учрежден, его основной капитал составлял не более десяти миллионов иен; в последние годы капитал этот утроился, составив фонд в 80.000.000 иен. Таким образом, ясно, что нет достаточного обеспечения для японских банкнотов, находящихся в обращении. Население трех восточных провинций было принуждено принимать эти банкноты, хотя оно все время выражает в этом отношении свой страх и беспокойство. В течение последних лет население внутренних провинций Китая сделало все, что можно, чтобы бойкотировать японские товары, но население трех восточных провинций старалось итти навстречу желаниям генерал-инспектора в сохранении дружественных отношений с японцами. Мы не приняли никаких мер приостановить обращение излишних японских банкнот, не желая быть заподозренными в японофобстве. Вопреки всем нашим ожиданиям, японцы злоупотребляют нашей дружбой и гостеприимством. Приказ из Дайрена о введении японской золотой валюты был для нас громовым ударом, показав хищнические вожделения японских чиновников. Приказ говорит не только о том, что все денежные операции вдоль Южно-Манчжурской железной дороги должны вестись в японской валюте, но что японские не размешные бумажные деньги должны обращаться во всех трех восточных провинциях. Таким путем японцы хотят иметь контроль над денежным рынком в Китае, выпуская большое количество банкнот для выкачивания золота и серебра в Манчжурии. Словом, история с русским бумажным рублем начинает повторяться в трех восточных провинциях по отношению к китайским деньгам. Мы, купцы трех восточных провинций, до сих пор принимаем эти деньги, которые не принимаются в Японии и вообще не принимаются нигде. Япония ввела свою валюту на китайской территории с единственной целью, подорвать денежный рынок в Китае. Мы не можем дольше молчать, так как последствия окажутся гибельными для китайского народа».

Агрессивная политика Японии в Манчжурии при полном содействии ее верного слуги Чжан-Цзо-Лина выроет глубокую пропасть между манчжурским сверхдудзюном и раскрепощающейся манчжурской буржуазией и приведет их интересы к столкновению.

НАСЕЛЕНИЕ ПОЛОСЫ ОТЧУЖДЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ СОВЕТ.

«Пекин Дейли Ньюс» от 23 февраля говорит: «Антагонизм интересов мировых хищников в Китае, в частности в Северной его части, в Манчжурии, привел к созданию Международного Технического Совета для контроля над Кит.-Вост. ж. д. Мировые хищники Европы и Америки, с беспокойством следившие за постепенным

захватом Манчжурии Японией, воспользовались интервенцией России и приложили свою руку для совместного захвата Китайско-Восточной дороги, путем создания Международного Технического Совета, захватив, таким образом, главный жизненный нерв трех восточных провинций. На Вашингтонской конференции империалистические державы пытались поднять вопрос об установлении интернационального контроля над дорогой, что совершенно передало бы последнюю в руки международного капитала. Но общественное возмущение в Китае против этой наглой попытки мировых хищников, заставило последних изменить свою тактику. Они сняли с повестки дня Вашингтонской конференции вопрос об установлении интернационального контроля над К.-В. ж. д., но зато усилили состав существующего Международного Технического Совета. Население полосы отчуждения, искушенное в хитроумной политике империалистов, правильно усмотрело в усилении состава Технического Совета другой вид международного контроля и выступило против попытки иностранных капиталистов захватить К.-В. ж. д. Корреспондент «Пекин Дейли Ньюс» сообщает в телеграмме от 23 февраля из Харбина о больших демонстрациях населения, о петициях последнего, посланных министру иностранных дел Китая, директору К.-В. ж. д., командующему полицейской и железно-дорожной охраной К.-В. ж. д.

В своей петиции население трех восточных провинций просит центральное правительство принять немедленно меры к ликвидации так называемого Международного Технического Совета и передаче контроля и управления дорогой Китаю.

Население Манчжурии, этой сатрапии японского ставленника Чжан-Цзо-Лина,—начинает выходить из-под его опеки, смело выступает против захватнической политики империалистов в Китае.

I. Политика, экономика и социология Востока.

А. Е. Ходоров. Мировой империализм и Китай (опыт политико-экономического исследования). Изд. газеты „Шанхайская Жизнь", Шанхай 1922, стр. 6+XII+450. Цена в России 1 р. зол.

После почти десятилетнего перерыва русская литература о Китае в 1922 г. обогатилась сразу несколькими книгами, освещающими те стороны его жизни, которым не было уделено внимания в старой литературе. К тому же и наиболее активное развитие Китая падает именно на последние годы. Среди этих книг самой солидной, пытающейся дать марксистский анализ экономического и политического развития Китая, является книга Ходорова: «Мировой империализм и Китай».

В этой книге ярко рисуется картина политического и экономического угнетения Китая иностранцами, которые в настоящее время являются основным препятствием свободного экономического развития и политического раскрепощения Китая в борьбе нарождающейся китайской буржуазии.

Книга начинается кратким географическим очерком, с попутной характеристикой промышленного и экономического значения отдельных городов (1—16 стр.).

Остальной материал расположен в книге под заголовками: Северный Китай, где освещаются вопросы — экономическое положение, Пекинское правительство, Внешняя Монголия, займы и финансы; Средний Китай: (экономическое положение и Шанхай). Англо-Японский договор, Лансинг-Ишии'евское соглашение, Агрессивность мирового империализма, Предпосылки экономического развития Китая, Китайская промышленность, Империализм и банки в Китае.

Экономически автор делит Китай на три части: северный, средний и южный. «В своем огромном целом — северный район земледельческий». О промышленности, как о серьезном факторе экономической жизни этого района, говорить сейчас еще рано». «Промышленность в этом районе лишь пробивает себе дорогу». Вся история экономического развития севера тесно переплетается в течение нескольких столетий с агрессивными действиями иностранцев, стремящихся превратить Китай в колонию и преградить пути промышленного развития. Проникновение иностранцев по этому пути зашло так далеко, что они являются не только хозяевами своих предприятий, но также и Пекинского правительства, которое, существуя, благодаря финансовой помощи иностранцев, получаемой в виде займов, в силу этого вынуждено вести антинациональную политику.

«Будучи весьма плодороден, с двумя урожаями в году, средний район Китая характерен, главным образом, своим быстрым промышленным развитием».

История его до недавнего времени была историей частного, арендного хозяйства в области земледелия и ремесленного, а также мануфактурного хозяйства в городах»... «и отмена старого образования, и развитие «конституционных» начал, и нарождение китайской прессы, все это... естественные последствия вырвавшегося на простор капитализма в Китае, ломающего старые рамки, привычные формы и средневековые институты». ... «нарождение национального духа, как нельзя более, соответствует периоду молодого капитализма в стране».

«Развитие капитализма в стране задерживалось в Китае ввиду двух причин. Первая та, что история не предоставила китайской буржуазии возможности «обогатиться за счет завоеванных земель»; вторая причина, задерживавшая развитие капитализма в Китае, та, что европейский «завоеватель», покорив Америку и часть Африки, устремился в Китай с завоевательными целями. Здесь подробно описывается история империалистического проникновения иностранных держав в Китай, их захватническая политика и борьба Китая с ними. В процессе истории, войн и ультимативных требований иностранцы добились для себя особо привилегированного положения.

Кстати на стр. 84—85, говоря о правах иностранцев, автор противопоставляет понятие—экстратерриториальность, как специально уступленные территории, на которых осуществляется консульская юрисдикция, понятию—экстерриториальности, под которым он понимает личную неприкосновенность иностранного посланника и дипломатических курьеров. Насколько нам известно, экстратерриториальность—это не территория, а право, как раз присущее посланнику, в то время, как все другие иностранцы в договорных странах пользуются правом консульской юрисдикции. Термин же экстерриториальность, как его неправильно трактует Ходоров, есть не больше, как сокращение предыдущего слова.

Право экстратерриториальности и консульская юрисдикция, осуществляемая в уступленных, под давлением силы, или добровольно отведенных под поселение иностранцев концессиях и сеттльментах, вылились впоследствии в грубое пренебрежение китайским правосудием. Благодаря ему, китайцы не только вынуждены отдавать иностранцев, совершивших преступление в Китае, на волю иностранного правосудия, но и молча соглашаться или беспомощно протестовать, когда китаец, совершивший преступление на территории концессии или сеттльмента, подвергается иностранному суду. Последние годы характеризуются особенно активной борьбой китайцев за лишение иностранцев этого права неподсудности китайскому суду, и в этом отношении китайцы достигли некоторых успехов, особенно после моральной поддержки, выраженной в первой ноте Карахана, в которой Россия добровольно отказывалась от этого права. В последних договорах, заключенных после войны с Боливией, Перу и т. д., оговорено, что иностранцы подчиняются китайскому суду на общих с китайскими гражданами основаниях.

«Интересы, связанные с претензиями (иностранцев) на хозяйничание в долине р. Ян-цзы, перекрещивают пути китайской революции с путями китайской контр-революции. В этом районе будут ликвидированы остатки «полуфеодальной власти в Китае». Этому же району придется сыграть свою роль и в расширении исторического спора Китая с иностранным империализмом об экономическом раскрепощении страны». Глава о среднем Китае заканчивается подробным описанием гор. Шанхая, как примера наиболее капиталистического города в Китае, формально числящегося принадлежащим Китаю, но по управлению всецело принадлежащего иностранцам. Шанхай, это крупный биржевой город, где особенно резко противопоставляются разнузданность иностранных биржевиков и угнетенное положение китайских трудящихся. По своим торговым оборотам Шанхай занимает первое место в Китае и тесно связан с международной биржей.

Англо-японскому договору, сыгравшему большую роль в развитии японского империализма и проникновении его в страны Д. В., автор посвящает большую,

подробную и очень интересную главу. «Англо-Японский договор — это полюбовное разделение добычи, создание сфер влияния на обширной территории... Д. В.». Этот союз был направлен, главным образом, против политики царской России на Д. В. и проникновения ее на север Китая. Его целью было для Японии обеспечить неограниченное хозяйничание в Корее, а Англии он давал возможность противопоставить франко-русскому союзу территориально близкую Китаю, но сильную державу, которая могла бы сдерживать «специальные интересы» этих держав на Д. В. и в Китае. «Под прикрытием этого договора была аннексирована Корея и прошли другие империалистические акты Японии—захват Цзяочжоу (Киаочао) и Циндао, предъявление 21 требования и интервенция в Сибири». «Англо-японский договор был заключен с целью привести царскую Россию и империалистическую Японию к краху. Договор оправдал свое назначение». «Договор был впервые подписан в 1902 году, затем пересмотрен в 1905, возобновлен в 1911 году на 10 лет. Ходоров приводит перевод подлинника мемуаров Хаяши, быв. японского посла в Лондоне, одного из авторов проекта и подписавшего договор. Эти мемуары открывают нам империалистические планы договаривавшихся держав, стремившихся к порабощению Китая.

В 1921 г., когда настал срок возобновления договора, все общественные и политические группы заинтересованных сторон пришли в необыкновенную активность. Англия, убедившись в том, что договор никаких выгод ей не принес, предоставив все плоды Японии, под влиянием национальной оппозиции, пропаганды китайского правительства и вмешательства Америки, вынуждена была договор не возобновлять.

Возобновление договора в третий раз (в 1911 г.) уже было направлено не против России, с которой Япония была связана договором, а Англия успокоившим ее соглашением 1907 года, а против Америки и самой китайской буржуазии. Америка уже в 1909 году начала превращаться «в фактор дальневосточной дипломатии». Она не могла молча пройти мимо замышлявшегося против нее союза других империалистических хищников в 1921 г. и за два дня до решения вопроса о подписании возобновленного англо-японского договора американский президент Гардинг обратился к союзникам с предложением собраться в ноябре 1921 г. на конференцию в Вашингтоне «для разрешения вопросов о разоружении, о морских программах и делах на Д. В. вообще». Автор дает здесь мнения и взгляды многих прикосновенных и заинтересованных сторон, высказавшихся отрицательно к возобновлению договора.

«Другим фактором империалистической политики на Д. В. является соглашение между Америкой и Японией, известное под именем Лансинг-Ишии-евского». Целью этого соглашения было стремление Японии обеспечить за собой удержание захваченной германской территории в Китае в Шандуне. Этот пункт был формулирован в соглашении, как признание за Японией «специальных интересов». Отношение китайцев к этому соглашению враждебное, также и Америка с некоторого времени считает его для себя необязательным.

Далее автор повествует об агрессивности мирового империализма, иллюстрируя его тенденциями, выявившимися в резолюциях британских торговых палат в Китае и на Хун-чунь'ском инциденте, где Япония под предлогом борьбы с корейскими революционерами, заняла своими войсками этот пункт без намерения его освободить, вообще, в скором времени. Но на своем пути «империализм натолкнулся на живого и сильного противника в виде быстро развивающегося капитализма в самом Китае.

Во главе «Предпосылки экономического развития» автор останавливается на анализе экономических предпосылок развития в Китае, как материальных условий этого развития». Признавая средний Китай местом, наиболее благоприятным для экономического развития Китая, автор приводит ряд проектов мероприятий по

улучшению водных путей и городов этого района, которым предстоит сыграть большую роль в экономическом раскрепощении Китая, рисующихся пока в воображении китайской буржуазии. «Наибольшее значение во всей системе предпосылок экономического развития Китая имеет вопрос о железных дорогах. История этого вопроса — это история империализма в Китае, вообще». Проникновение империалистов внутрь и вглубь Китая тесно связано с постройкой железных дорог и навязанным Китаю, сначала против его воли, железнодорожным строительством». Другие предпосылки экономического развития Китая... относятся к оценке политических условий жизни Китая и процессов происходящей в Китае борьбы против остатков феодальной власти и поддерживающего эту власть мирового капитализма».

В главе «Китайская промышленность» автор довольно полным статистическим материалом, которым можно располагать в Китае теперь, илюстрирует состояние китайской промышленности и торговли за последние годы, давая этим представление о путях промышленного развития Китая. Здесь же автор дает характеристику китайской буржуазии, ведущей свое происхождение от компрадоров (посредников), которые первоначально служили только посредниками иностранцев между иностранными фабрикантами и китайским потребителем. Иностранные капиталисты, вынужденные прибегать к услугам посредника-китайца, без которого они оказывались беспомощны на китайском рынке, тем самым давали в руки этому посреднику-компрадору нити всего китайского рынка. Проценты со сделок, заключенных при участии посредника, через несколько лет работы создают ему круглую сумму денег (торговый капитал), приложения которых он ищет в зарождающейся китайской промышленности. Последнее время иностарицы отмечают все меньшую и меньшую активность на иностранной службе. Другие так разбогатели, что приняты иностранцами в качестве соучастников своих предприятий. «Факт капиталистического перерождения Китая очевиден». «Это констатируют даже казенные исследователи жизни Китая».

«История организации и деятельности иностранных банков в Китае — это живая история насилий над Китаем. Иностранные банки — орудие империализма на Д. В.». «Иностранные банки в Китае связывают свое происхождение с железнодорожными концессиями и с многочисленными займами под ростовщические проценты, которые теми же банками учинялись Китаю». Автор дает здесь подробную историю всех иностранных банков в Китае и их роли в проведении политики своих правительств.

Идее империалистического «международного» управления Китаем сам Китай противопоставляет формулу своего национального раскрепощения. «Индустриализация Китая привела в движение машину молодого капиталистически государства, создавая в своем процессе все присущие элементы и борьбу их за разрешение своих грандиозных исторических задач».

Книга Ходорова, несмотря на некоторые технические недостатки, заслуживает внимания именно, как попытка по-марксистски проанализировать положение Китая в свете быстрой индустриализации его, несущей ему и освобождение от иностранного угнетения и к последующему раскрепощению его формирующегося пока пролетариата.

А. Е. Ходоров, старый журналист, больше трех лет живет в Пекине и в течение двух с лишним лет состоит главным представителем телеграфных агентств РСФСР — «Роста», ДВР — «Дальта» для Китая.

Написанию книги предшествовала большая поездка по всему Китаю, во время которой Ходоров виделся с большим количеством ответственных государственных, общественных и промышленных деятелей Китая и имел возможность на местах собрать необходимый материал. «Первоначально, говорит автор, собранные

материалы имели быть изложены в виде доклада и только со временем обилие материала выявило необходимость расширить доклад до пределов книги».

Этот труд, как его определяет автор — «Опыт политико-экономического исследования Китая». Это, действительно, «опыт», во-первых, потому, что в нашей литературе о Китае не имеется подробного исследования; во-вторых, потому, что сама работа, хотя и включает большое количество материала, написана недостаточно научно. Она, как заявляет сам автор, носит местами публицистический характер, причиной чего автор недостаточно убедительно определяет, как вынужденную необходимость о крупном ряде явлений»... говорить в тоне резкого возмущения грабительскими заданиями, какие ставит себе мировой империализм... Интересно, какие другие задания ставит себе империализм, вообще? Автору не стоило бы научный подход к анализу социальных явлений заменять возмущением, а то может получиться совсем не убедительно.

Прежде всего о материале и его расположении. Книга содержит много очень ценного и нового материала, заимствованного из английской и американской литературы о Китае. Однако, основным недостатком является не совсем выдержанная архитектоника книги. Так, разделение Китая на три резко отграниченные в хозяйственном и политическом отношении района заставляет, вслед за северным и средним, искать и южный район, но его нет, как нет и об'яснения его отсутствия. Недостаточно удачны и заголовки, под которыми вместо материала экономического характера находишь политический материал. Так, под заголовком: «Экономическое положение» мы находим материал по истории завоевательной политики иностранцев в Китае (стр. 70). Недостатком надо считать также и то, что главы общего характера, относящиеся ко всему Китаю в целом, не отделены от заголовка «Средний Китай» и являются как бы продолжением этой главы и т. д.

Настоящая рецензия не имеет целью оспаривать точность отдельных статистических данных, поскольку все они, за отсутствием точной статистики, значительно между собой расходятся. Так, сообщаемое автором число населения в Китае—440 миллионов (стр. 1) так же неточно, как и числа других авторов, определяющих население Китая в цифрах не свыше 330 миллионов. Точно также обстоит с числом населения в Монголии (42 стр.), которое определяется различно в пределах от половины до двух миллионов. И. Майский в своей книге о Монголии считает население автономной Монголии равным 650 тыс. Автор указывает далее, что запасов китайского железа может хватить на многие годы, как уверяет американский экономист Фостер Бен, в то время, как есть данные утверждать, что, если пользоваться беспрерывно китайским сырьем, то этих запасов не хватит и на 10 лет.

Книгу Ходорова можно рекомендовать, как удачное пособие для ориентировки в политическом и экономическом состоянии Китая наших дней.

Рсон.

Woolf Leonard. Empire and commerce in Africa. A study in economic imperialism. London.

Африка представляет огромный интерес для выяснения основ и целей колониальной политики буржуазных государств, которые распорядились Африканским материком и его 150.000.000 населением так, как будто бы он был пустым местом, а африканские народы—всего лишь машинами для его обработки. Вульф в настоящем исследовании дает подробный очерк (II часть, экономический империализм в Африке) бесконечных дипломатических и финансовых интриг и беззастенчивых комбинаций империалистов и дельцов Европы. Он детально излагает историю коло-

низации Алжира, Туниса, Триполи, Абиссинии, Египта, Судана, Занзибара, восточной Африки и Бельгийского Конго. Третья часть книги занята общими выводами и заключениями. В первой части излагаются взгляды автора на международную экономическую политику.

Автор в первой части пытается дать собственное оригинальное освещение указанной политики, опираясь, главным образом, на взгляды и деятельность английских министров и представителей партий. Следуя своему методу, он начинает с разбора одной из речей Чемберлена, в которой последний называет государство—учреждением для осуществления экономических целей народов, министерства и министров—средствами для достижения этой цели; а торговлю—высшим политическим интересом государства. Автор придает колоссальное значение желаниям, верованиям и предрассудкам так называемого общественного мнения и отдельных влиятельных групп и лиц, являющихся их представителями и выразителями. «Общая судьба всех людей,—говорит он,—подчиняться предрассудкам и предубеждениям» (стр. 11). Раз, например, существует убеждение, что торговля—важнейшее дело государства, его высшей задачей являются уже не интеллектуальные или моральные интересы, но материальные, промышленные. Отсюда ясно первостепенное значение экономического империализма, под которым автор понимает международную политику капиталистических государств в колониях и полуколониях (стр. 19). Автор выставляет положение, что экономический империализм XIX в. не является новостью в мировой истории, которая полна примерами политики государств, стремящихся, по экономическим соображениям, завоевать или получить возможность политического контроля над слабыми народами и государствами. До 1800 г. империализм носил не только экономический, но отчасти религиозный династический и даже сентиментальный характер. Современный империализм начался с завоевания Алжира (1830 г.). После 1880 г. началось соперничество между европейскими государствами из-за колоний, сфер влияния, торговых договоров, рынков сбыта и тарифов. Между 1800—1914 г. создались мировые колониальные империи Англии, Франции, Германии. Франция приобрела 4 миллиона кв. м. и свыше 50 миллионов населения, Германия миллион кв. м. и 15 миллионов, Англия 3½ миллиона кв. миль и около 46 миллионов населения. Эта политика требовала невероятных расходов и больших военных сил, например, на каждого француза-поселенца в Алжире в 1885 г. приходилось 2 солдата (стр. 29). Последней типичной крупной капиталистической авантюрой в Африке было создание «королем-дельцем» Леопольдом Бельгийским «независимого государства» Конго (1878—1908 г.). В итоге вся Африка была разделена между «стаей дерущихся между собою свирепых жадных шакалов», откровенная погоня за золотом которых не могла никого обмануть, несмотря на громкие фразы о «цивилизаторской миссии» и т. п. Все лозунги немедленно и навсегда забывались, как только цивилизованные хищники успевали завладеть намеченной добычей—все сводилось к самой грубой экономической эксплуатации (стр. 81), с обещаниями и торжественными декларациями никто не считался (яркий пример деятельность Франции в Тунисе, см. стр. 101 и след.). По мнению автора, экономические цели совершенно не были достигнуты, и торговля с колониями не дала никакого возмещения затраченных на них миллиардов. Например: торговля Триполи составляет всего 2/1000 итальянской торговли по стоимости.

Общий итальянский вывоз в 1898 г. составлял 480.000.000 рублей золотом, вывоз в Триполи—25.000 руб.

Ввоз в Италию вообще равнялся 560.000.000 руб., из Триполи—80.000 руб. Да и после этого караванная торговля в Триполи еще более упала и едва ли может быть восстановлена. Франция и Италия долго ссорились при разграничении Триполи и Туниса—из-за Гадамеса, который рассматривался как центр караванной торговли. Специалист-француз, посланный в Гадамес, нашел там небольшой по-

селок, в котором не было и 10 богатых домов, все остальные еле перебивались, и высшая стоимость торгового оборота Гадамеса не превышала 1.000.000 фр. в год. Все-таки Франция отвоевала себе этот «экономически» важный пункт.

В 1912 г. вывоз из Алжира равнялся ½ миллиарду франков, из них, правда, на 400.000.000 фр. товаров шло во Францию, но картина меняется при детальном рассмотрении цифр. Оказывается, что во Францию, главным образом, шло вино, оливковое масло, пшеница (⅞ вывоза), а в наиболее ценных технических сырых материалах иностранцы (Англия и др.) имели уже перевес над Францией: железо, фосфаты, хлопок шли в Англию, Голландию, в Испанию, т.-е. основная экономическая задача империалистов во Франции—сделать Алжир резервуаром сырья для фабрик, до сих пор не достигнута, тоже самое еще в большей степени наблюдалось и в Тунисе.

При этом следует заметить, что и без захвата Алжира и Туниса Франция, по ее положению, играла в их торговле первую роль, без огромных затрат, вызываемых колониальной политикой. До развития политики экономического империализма торговля с Тунисом составляла около 6% всего заграничного вывоза Франции, через 20 лет огромных затрат и усилий было достигнуто всего лишь повышение вывоза до 11% (1906—1910 г.), т.-е. на 5%, в общем же торговый оборот со всеми африканскими владениями давал итог всего 7—8% р. оборота, и это было maximum достигнутого. Торговый оборот Англии в ее африканских колониях (кроме Египта) составлял 1—2% общего оборота. В ничтожности экономических выгод от колоний, сравнительно с производимыми на них расходами, автор видит подтверждение своих взглядов о значении верований и предрассудков. По его мнению, в Европе в рассматриваемую эпоху государство сделалось своеобразным фетишем и империализм (конечно, в принципе) должен был служить славе, блеску и мировому престижу этого фетиша (стр. 317 след.), который автор сравнивает с священными кошками в древнем Египте и т. д. Экономический империализм автор считает принесшим только большой вред и убытки европейским буржуазным государствам во имя интересов небольшой группы крупных капиталистов-дельцов, под влиянием которых действовали политики и партии. Но, говорит автор, нельзя ожидать, чтобы политика была рациональной. Мудрец, который думал бы не считаться с людским безумием и опьянением, сам был бы сочтен за безумца или пьяного (стр. 324). Европейцы ничем не стеснялись до сих пор в эксплуатации, уничтожали африканские народы, действовали только силой. Прошлые и настоящие страницы истории Африки—самые темные из тех, о которых помнит мир. Империализм угрожает и будущему Африки. Часть писавших по африканскому вопросу видит выход из положения в образовании в Африке международного управления (мандат в интересах цивилизации). Но правильная система не в этом, а в проведении принципов: 1) Африка для африканцев; 2) образование туземцев; 3) экспроприация (постепенно) европейских имений и предприятий; 4) расходование доходов на местные нужды; 5) запрещение алкоголя; 6) нейтрализация Африки. Но европейцы-империалисты, говорит автор, не пойдут добровольно на уступки—и африканский вопрос решится насильственным падением власти захватчиков.

Книга Вульфа представляет большой интерес во второй части, где излагается история захвата Африки империалистами. Эта часть труда дает ценный и интересный материал. Что касается первой части, то теоретическая ошибка автора заключается в ссылке на политическую речь Чемберлена, как на обоснование понятия империализма. Это слишком неустойчивый фундамент. Чемберлен говорит, считаясь с текущим моментом, выдвигая в одном случае экономику, в другом—культуру и т. д. Вторая ошибка автора в переоценке силы мнений и предрассудков, являющихся не источником, а последствием экономических и бытовых условий. В силу этих неточностей автор недостаточно выдвигает и освещает экономику империа-

лизма, политика которого остается в его изложении неясной и случайной, и самый империализм рассматривается как что-то почти неизбежное даже для будущего, вне зависимости от экономических изменений. Также не ясны у автора и предположения о будущем Африки, в которой он допускает одновременно и проведение вышеуказанных принципов и сохранение европейского управления. Автор как-будто надеется, что от провозглашения принципов (в роде 14 пунктов Вильсона) европейские волки превратятся в кротких ягнят и будут заботиться о благе африканцев... Точно также; как было выше сказано, нет ничего оригинального в том, что автор сильно преувеличивает влияние на людей—предрассудков и т. д. Влияние это было более чем давно известно, но оно не так велико и могуче, чтобы можно было ставить предрассудки и взгляды, как основной фактор человеческой деятельности, и тем более основывать на них экономический империализм, имеющий корни в хозяйственной жизни капиталистических государств.

А. Т.

Die Kulturbewegung im modernen Türkentum. Von Ahmed Muhiddin. Leipzig. 1921.

(Культурное движение среди современных турок.—Ахмед Муиддин. Лейпциг. 1921 г.).

Отсталым странам Востока приходится проделывать свою эволюцию навстречу капитализму под угрозой колониального захвата. Это накладывает особый отпечаток на нее,—к буржуазным потребностям, и в первую голову, потребностям военной обороны наскоро приспособляются общественные классы, еще обеими ногами стоящие на почве феодально патриархального прошлого, приспособляется государственный аппарат и общественная идеология, представляющие сколок с изживших себя общественных отношений. Однако, несмотря на обилие средневекового мусора в этом приспособлении, его буржуазный характер выступает весьма явственно. Книжка Ахмед Муиддина посвящена анализу идеологической эволюции в сторону капитализма в современной Турции. Автор защищает точку зрения консерватора и из кожи лезет вон, чтобы примирить традиционные взгляды Ислама с культурным обиходом буржуазного общества. Оправданием ему может служить культурная деградация европейского буржуазного общества, ищущего спасения... в Троицко-Сергиевской Лавре и в буддийских монастырях Индии.

Ахмед Муиддин пишет: „Судьба людей на Востоке есть, прежде всего, судьба их религий, и культурный вопрос там всегда религиозный вопрос. В наивысшей мере проникнутый самосознанием и сознанием собственной ограниченности человек наталкивается именно на эту ограниченность, уничтожающую его волю. Высокая внутренняя духовная культура ведет и здесь к личному бессилию. Спокойствие восточного человека вытекает из его углубленности. Свободная воля не претворяется в действие. Таков смысл восточного квиетизма, Если нужно творческим порывом свершить культурное завоевание, то и оно „должно быть назначено богами" (стр. 2).—Это об'яснение восточного квиетизма, личного безволия и бессилия, конечно, никуда не годится. Но оно выдает общественную природу его: Ислам—политическая и социальная религия, строго определяющая все подробности гражданско-семейного быта и личного поведения. Она продукт своеобразного патриархально-племенного феодализма. Мусульманская община времен пророка была в первую очередь, военно-политической организацией арабского племени, построенной на патриархальной основе. Ея государственный аппарат в то время был чрезвычайно прост и демократи-

чен. Кризис арабского скотоводческого хозяйства и кочевой торговли толкал ее на путь завоеваний. Ислам был ея знаменем в борьбе за хозяйственную территорию. Если первоначально строгая регламентация личного поведения членов общины диктовалась военной необходимостью, то впоследствии, когда мусульманская община стала военно-политической надстройкой в завоеванных странах и из ее состава выделилась военная и духовная бюрократия, эта регламентация приобрела характер внешнего государственного принуждения. Восточный феодализм вырос на основе завоевания, в процессе непрерывного перехода от кочевого быта к оседлому земледельческому поливному хозяйству. Таким образом, „самоуглубленность" восточного человека—явление того же порядка, что „созерцательный склад души" крепостного крестьянина—католика эпохи средневековья.—При Селиме III (1789—1807 г.) начинается перестройка турецкой государственной власти на абсолютистско-централизованный лад. Уничтожается старая ленная система, при которой государственные чиновники в округах были феодалами, по праву государственной власти обиравшим крестьянское население. Вводится организованная администрация. Происходит переход к регулярному войску. Реформируются суды. Селим же III й становится на путь мер капиталистической политики, на путь покровительства отечественной промышленности, ремеслу, сельскому хозяйству и торговле.

В культурной области начало буржуазного перерождения характеризуется развитием западничества, усилением западно-европейских влияний. „Авруналы лашмак"—европеизация, „гарблылашмак"—западничество, „танзиматджилык"—политическое реформаторство приобретают все большую популярность. Уже по поводу похода Магомета II в Южную Италию Гамид в своем гимне „Магомету Завоевателю" заявляет: „Соединение Ислама со всем человечеством было твоим намерением". С XVIII века западничество пробивает себе дорогу. В литературе старо арабско-персидские мотивы перемешиваются с европейскими, особенно французскими. Западничество подтачивает все установленные воззрения на общество, государство, женщину, экономическую политику. С возмущением повествует мирный учитель турецкого языка при Лейпцигском университете, Ахмед Муиддин, как „оно перенимает антигосударственные взгляды французской революции и прославляет политические принципы либерализма, воодушевленно выступает за республиканскую форму правления. Старая патриархальная государственная идея турок теряет престиж. Даже националист Зиа—Гёк—Альп*) называет государство „машиной законов" (стр. 40). Западничество, воспринятое, главным образом, узким кругом придворной бюрократии, подготовляет почву для развития национал-либеральной идеологии. На это толкает все большее и большее «окружение» Турции великими державами, с начала XIX века откровенно ставящими вопрос о ея разделе. Ахмед Муиддин пытается это отрицать. По его мнению, национализм есть продолжение того культурного движения, которое как будто было прервано западничеством (стр. 45-6). Он не понимает, что западничество было началом буржуазного пробуждения в Турции. Своей первой задачей национализм ставит тюркизацию („тюрклешмек"), развитие национальной жизни. Виднейший представитель его, Зиа—Гёк—Альп, в своей поэме Красное яблоко" („Кызыл эльма") так определяет это.– «Турки всегда знали только одну цель: рай, блаженную страну „Красного яблока". Они хотели завоевать все части света, в надежде, наконец, достичь ея. Они завоевали много стран; но сами все были духовно покорены. Они делались индейцами, китайцами, принимали религию арабов, персов и франков. Не существует турецкого права, нет турецкой философии, нет турецкой поэзии. Из среды турок выходили поэты и

*) Деятель современной Турции.

философы, но они писали по персидски, по арабски, по французски, по русски или по китайски, для самих же турок они не написали и пары строчек. Те, кто писал по турецки, начинял язык чужеземными словами и грязнил вещи на европейский лад Истинно—турецкий дух и чистый турецкий язык взывают теперь к ним: «Придите к нам! У нас есть чувство для высоких идей, жизнь для чувства, преданность духу». Как будто бы турки „сдали в наймы" свой дух. Турецкий меч, как и перо, помогал возвыситься арабам, китайцам и персам. Турки создали для многих народов историю, создали отечество, и ради других обманули себя, недоделали свое собственное дело. Он отказался от своей письменности и своего закала и попытался искать новые. У него нет истории, но есть истории. Он не обладает ни историческим единством, ни племенной чистотой. Ему не хватает стремления к единству, национальной идеи (стр. 47 8). Подпираемая западно-европейским капитализмом со всех сторон, турецкая национально-буржуазная интеллигенция делает шаг вперед от западничества к „национальной идее". На Западе эпоха возрождения, проникнутая поклонением образцам древней культуры, также сменилась реформацией под национальным знаменем. Зиа-Гёк-Альп различает в западно-европейской культуре—общественно-бытовую культуру (Kultur der gemeinschaft) и социальную культуру (Kultur der gesellschaft).—„Общественно-бытовая культура, по его мнению, изначальна, естественна, национальна, как искусство, религия, нравы и мораль. Социальная культура, напротив того, общечеловечна, как наука, хозяйство и техника. Турки могут и должны перенимать социальную культуру Европы. Ибо модернизм обусловлен состоянием техники на высоте современной цивилизации стоят те народы, которые могут сами фабриковать технические орудия передовых наций и употреблять их. Модернизоваться для турок сейчас означает: производить броненосцы, автомобили, аэропланы и т. п. и употреблять их по европейски; но это не значит: уподобиться европейцам в образе жизни и по внешности. Потребность в модернизации требует от турок, чтобы они переняли от Европы научные и технические орудия и самую технику. Но у них есть также и духовные потребности и цели. Эти потребности и цели не могут быть взяты у Запада, но, как и в Европе, должны быть продуктом творчества собственной религии и национальности (стр. 49). Так изгоняемый капиталистической конкуренцией из сферы материальной жизни патриархально-феодальный «идеализм», ищет спасения под традиционной чалмой ученого улемы! Но капитализм не ограничивается техникой, он изменяет и культурную надстройку сообразно своим потребностям. Поскольку религия знала только арабскую письменность и нужно было добрый десяток лет для изучения ея по Корану, для получения аттестата на звание грамотного человека, не могло быть и речи о развитии национального языка, родного языка народных масс. Потребности буржуазного прогресса выдвигают на очередь вопрос о развитии языка, письменности, литературы. Изменяется „техника" культурной жизни,—изменяется и ея содержание. Шариат, кодекс обычного мусульманскогого права, оказывается непригодным для нового быта, и националисты требуют реформы старого права. Они же выступают с требованием новометодной школы и, как „джадиды" (новаторы), вынуждены вступать в борьбу с патриархально-религиозной традицией. Националисты заявляют: „Чистый Ислам—руководящий, организующий принцип, управляющий всем течением культурной жизни, как высшая инстанция. Но культурная жизнь обусловлена временем, местом, этнографическими и социальными условиями. Эти условия, эти потребности, особенности, требования и идеалы различных времен и народов должны быть учтены при руководстве и направлении культурной жизни; их называют „Örf" (Örf) собственно—(„нравы, обычаи, привычки"). Чистый Ислам находится, таким образом, в постоянном взаимодействии с „Örf" (Örf), не теряя при этом своей сущности (стр. 56-7). Неправда ли, как этот «Örf» смахивает

на категорический императив Иммануила Канта, так же очищенный от всего земного и имеющий только „идеальное“ применение в материальном мире?! Это совпадение взглядов двух различных по времени и месту, по тождественных по своему историческому содержанию эпох—взглядов эпохи национального пробуждения немецкой буржуазии и взглядов эпохи национально-буржуазного пробуждения Турции—прекрасное доказательство правильности материалистического понимания истории, его методологической проверки.

Капиталистический способ производства изгоняет религиозные предразсудки в „надзвездные сферы“.—Средневековый мусор заметается в самый отдаленный угол сознания человека буржуазного общества Но, конечно, не мешает его вытаскивать теперь, в момент глубочайшего кризиса всех устоев международного капитализма на свет божий и проклинать пролетарскую революцию именем всех „существующих“ богов! —Но это явление уже другого исторического порядка.

„Вместе с дальнейшим развитием товарного производства у народа возникает потребность в классе интеллигенции, говорящей на ея родном языке, в национальной интеллигенции, и эта потребность в языковой культуре выливается в потребность в национальной по форме культуре хотя бы содержание ея было самым что ни на есть интернациональным. И если у нации возникает потребность в национальном классе интеллигенции, то у этого класса, в свою очередь, вырастает потребность в великой образованной нации[1]). Это мы и наблюдаем в Турции в начале национально-буржуазного пробуждения: турецкий национализм переходит в пантюркизм. В своей поэме „Нация! по турецким воззрениям“ (Türke göre millet) Зиа-Гёк-Альп так обосновывает идею пантюркизма“ Тюрки существуют 5000 лет, как нация. Если даже события отрывали от них отдельные части, они никогда не забывали единства. По языку и религии они едино суть. Из-за забот об отдельном государстве тюрок не забывает своей нации (общетюркского целого). Нет узбеков, татар, киргиз, ширванцев, турк, кантов и османов: туркская нация—одно неделимое целое. Не существует отдельных народов и общин, есть только великий Туран. Туран—прообраз исторического единства тюркских народов“. „Туран есть всеохватывающее идеальное отечество всех тюрков“, „это—совокупность всех тех стран, где живут тюрки и где говорят по тюркски“ (стр. 50). С точки зрения Отто Бауэра здесь есть основа для «национального» об'единения, поскольку „нация“ на его взгляд, это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы.

Однако не так обстоит дело в действительности. „Общность судьбы“ имела место тогда, когда организационной формой жизни тюркских народов была кочевая орда. Сверху, внешне их в то время об'единяла мусульманская патриархально-феодальная община. С тех пор хозяйственное развитие прикрепило татар, узбеков, киргиз, османов к определенным территориям, обособило их экономически, культурно и политически. Из общих тюркских языковых корней образовались самостоятельные наречия.

О какой «общности характера» можно говорить там, где приходится под давлением экономических потребностей отказываться от шариата, от старой духовной учебы и многого другого: Прошлое,—то, что обусловлено отсталостью,—еще сильно и сейчас в восточных странах, но расовое единство тюрко-монголов разрушено безповоротно историей. Если смотреть назад, то в прошлом можно искать «общность судьбы». На пути вперед, к высшим формам экономического и политического строя и культурной жизни этой „общности судьбы“ нет и быть

---

[1]) К. Каутский. Национальные проблемы. Пер. С. Семковского 1918 г. стр. 49.

не может. Пантюркизм является великодержавной попыткой турецких националистов помешать самостоятельному хозяйственному, государственно-политическому и культурному развитию других народов Востока, использовать их для укрепления турецкой национально-буржуазной государственности. В этом его реакционность. Турецкая государственность, на протяжении всей своей истории, страдала гипертрофией военного бюрократизма. Ея буржуазное перерождение совершалось через военную бюрократию, в новых условиях занявшую положение национальной интеллигенции (младотурецкая революция 1908 г.). Пантюркизм—идеология именно этой военно-бюрократической национальной интеллигенции, среди которой военные традиции прошлого должны пользоваться особым почетом.

Западничество—возрождение, Реформация, „просветительство", начало национально буржуазной революции—все эти ступени, в свое время пройденные Западной Европой, прошла и проходит, с соответствующим запозданием, и Турция.

Пантюркизм имеет тот же привкус реакционной отсталости, какой отличался и панславизм, которому даже М. Бакунин и Герцен отдали свою дань.

В книжке Ахмед Муиддина буржуазная эволюция Турции освещена очень неполно, через реакционные очки и с точки зрения казенного «идеализма». Эволюция эта совершенно не связана им с реальными историческими событиями. Только принимая во внимание ужасающую скудность литературы на европейских языках по этому вопросу, можно рекомендовать книжку А. Муиддина для чтения, при условии достаточно критического отношения к «учителю турецкого языка" при добром немецком университете, пожелавшему профессорской тогой Канта прикрыть от нескромных взоров Шейх-уль-Ислама, богословское мракобесие и свое собственное реакционное невежество.

Г. Сафаров.

А. Е. Снесарев. Авганистан. Государственное изд—во, 1921 г. 244 стр.

Несмотря на то, что вопрос об Авганистане насчитывает за собой более 100 лет довольно упорной политической борьбы между Англией и Россией (начало агрессивной политики России по отношению Авганистана можно считать с «знаменитого» по своей нелепости похода на Индию, затеянного императором Павлом I), русская литература об Авганистане поражает своей крайней скудостью и несоответствием тем задачам, которые настоятельно выдвигались жизнью. Беглый взгляд на перечень литературы, данный Снесаревым в начале своей книги, с особенной наглядностью и определенностью подтверждает это положение. Из этого перечня видно, что «главная литература об Авганистане почти вся перенесена к нам из английской литературы», причем, как оговаривается тут же сам Снесарев, эта литература «слишком тенденциозна».

Что же касается самостоятельных русских трудов об Авганистане, то из них, нам кажется, наиболее выпукло выделяются сочинения Н. Аристова «Англо-индийский Кавказ» и «Об Авганистане и его населении». Но эти сочинения, пользуясь определением Снесарева, «относятся к области антропологии и являют собою крупные, но часто теоретические сообщения». Другие труды, вроде второй книги Д. Н. Логофета, посвященной Авганистану, из числа его трех книг под общим заголовком «На границах Средней Азии» (издание Березовского 1909 г.) или книги врача Яворского «Путешествие русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству в 1878—79 г.г.», свидетельствующие—у первого о таланте незаурядного рассказчика и практическом знакомстве с описываемым районом, а у второго—о большой наблю-

дательности,—должны быть отнесены к категории литературы беллетристического, а не научного характера. Книга С. Н. Южакова «Афганистан и сопредельные страны» (1885 г.), являющаяся историей династий, сменявшихся в Афганистане, вряд ли дает читателю хотя бы самое отдаленное представление о самом Афганистане. Многие книги по Афганистану, как, например, книги В. Григорьева «Кабулистан и Кафиристан» или капитана В. Оранского «Афганистан»—или дают совершенно ложное представление о трактуемом предмете, или совершенно устарели. Пространные труды М. Грулева, Андогского, Артамонова и других—крайне несерьезны и легковесны. Особо следует отметить книги: П. А. Риттиха «Авганский вопрос» и М. П. Феодорова «Соперничество торговых интересов на Востоке». (1903), являющие собой очень ценные и серьезные труды, но, к сожалению, дающие слишком небольшой об'ем сведений по Афганистану. Так, у М. П. Феодорова специально Афганистану посвящены всего 4 страницы (280—283).

Этот краткий перечень русских трудов по Афганистану сам собой определяет то место в русской литературе об Афганистане, которое должна занять книга Снесарева, представляющая собою удачную попытку в научной, но сжатой и популярной форме ознакомить читателя с описываемой страной. Рассматриваемая книга Снесарева, являющаяся стенографической записью лекций, читанных им в 1919—20 г. на Восточном Отделении Академии Генерального Штаба, составляет часть курса военной географии Среднего Востока. Подходя к осуществлению своего курса, Снесарев, в предлагаемой вниманию читателей книге, прежде всего, останавливается на выяснении понятий Ближнего и Среднего Востока. Снесарев констатирует, что «Ближний Восток с начала XIX века занимает всеобщее внимание, как включающий в себя территории подступа к Индии». Средний Восток автором рассматривается, как определенное политико-географическое понятие, охватывающее собою комплекс следующих стран: Туркестан, Хива, Бухара, Тибет, Кашгария, Памир, Афганистан, Восточная Персия, Белуджистан и Индия. В основу своего определения автор кладет четыре принципа: исторический—базирующийся на том факте, что всегда великим завоевателям удавалось об'единить под своей властью вышеуказанные страны; этнографический—Средний Восток «есть вместилище двух народностей—Иранской и Тюркской»; религиозный—Средний Восток, употребляя образное выражение Снесарева «Это сумма стран, подвластных велению пророка», и четвертый, политический: Средний Восток—это прежде всего Индия «как об'ект обладания, удержания или достижения», затем кольцо окружающих Индию буферных государств и, наконец, Русский Туркестан, как база возможного наступления на Индию. Формулировка понятий Ближнего и Среднего Востока сразу дает читателю возможность схватить ту основную идею, которая красной нитью проходит через весь труд. Автор, не заставляя читателя долго ломать голову над уяснением этой идеи, сам заявляет, что будет рассматривать Средний Восток, «под углом возможности осуществления огромной операции, направленной на Индию».

Нам хотелось бы подчеркнуть, что труд Снесарева возбуждает к себе интерес совсем не благодаря вышеуказанной идее наступления на Восток, которая, к слову сказать, очень уж стара, избита и пережевана на тысячу ладов как в русской, так и в заграничной литературе, часто, к сожалению, в ущерб научности и правдивости изложения предмета. Как дань тому империалистическому духу, каковым была проникнута царская политика на Востоке, нужно рассматривать заключение Снесарева об авганском народе: «по составу населения Афганистан не представляет одной сплоченной, крепкой нации... и определенной и планомерной политикой можно без труда разорвать эту страну на клочки». (Стр. 129). Конечно, как идея наступления на Индию, так и тенденции, аналогичные только что цитированной нами, совершенно чужды Советской России. Для нас интересна не идейная, а фактическая часть труда Снесарева. Особый же интерес должна вызвать к себе книга Снесарева **способом трактования избранной темы.** Снесарев изучает страну «без микроскопа и те-

лескопа, а живыми, пусть несовершенными глазами, проникая во всю глубину ее серой, но реальной и переживаемой действительности!» (Стр. 4). Подобный подход к вопросу, помимо его новизны для России, так как само **практическое востоковедение** сравнительно недавно получило право гражданства в европейской науке, имеет большое значение для Советской России, связывающей свою судьбу с освобождением много миллионных масс Востока от гнета империализма.

В настоящее время серьезным вопросом является иметь такой труд, который на первых же порах сближения с народами Востока давал бы возможность «вступить с ними в общение, скоро ориентироваться в их быте, не испугать восточного человека нескромными вопросами или манерой, знать, как подойти к нему, как иметь доступ к его сердцу и уму». (Стр. 5).

Не менее удачным и практичным надо признать порядок изложения, которого придерживается Снесарев в своем труде и который сводится к тому, что военно-географическому описанию той или иной страны предпосылается перечень наиболее существенных источников, снабженный краткой характеристикой их. При описании Афганистана этот порядок вполне выдержан. В первой главе дается список наиболее ценных английских и руских трудов по Афганистану. Затем, после определения географического положения Афганистана, его границ с Россией, Индией, Персией и Белуджистаном, следует общее описание страны (поверхности, климата, населения и его происхождения, административного и законодательного устройства и хозяйства), коему посвящены вторая, третья, четвертая, пятая и шестая главы.

Общее описание Афганистана выполнено живо, интересно и с большим знанием, как описываемого района, так и бытовых особенностей местного населения. Краткими, но четкими штрихами рисует автор картину бедной, малокультурной горной страны с малочисленным населением (около 5 миллионов), по преимуществу состоящим из кочевников, «вялохозяйственных, набрежных, но свободолюбивых и дорожащих своей независимостью».

Седьмая и восьмая главы, уделенные исключительно военному описанию Афганистана, изложены сжато; с большой осмотрительностью, что крайне важно при наличии самых разноречивых сведений по этому вопросу, и настолько просто, что даже неподготовленный читатель может получить ясное представление о состоянии вооруженных сил страны, характер ее стратегических пунктов и операционных путей. Очень выгодно отличаются эти главы тем, что в конце каждой из них дается краткий вывод. Так, заканчивая главу о вооруженных силах Афганистана, Снесарев делает следующее резюмэ: «Авганская армия сильна своим духом, выносливостью, патриотизмом и знанием местности, но все, что улучшает армию с технической стороны, находится у нее в зачаточном состоянии». Или в конце восьмой главы о путях Афганистана: «Эта страна крайне ими (путями—Б. А.) бедна; железнодорожных и водных путей она совсем не имеет, шоссейных тоже нет.... Страна располагает тем, что послала природа и в каком виде послала... Что касается военной стороны дела, то бездорожье страны делает ее почти недоступной».

Нельзя не пожалеть, что автор последовательно не выдержал системы краткого суммирования каждой изложенной главы, что, безусловно, способствовало бы большей популярности изложения.

В последней главе (девятой), обнимающей всего 28 страниц, сказано все то существенное, чему в русской литературе об Афганистане, при выяснении роли Афганистана в русско-английских взаимоотношениях, посвящались пространные труды в целях исправления «заблуждений, вкоренившихся в нашем общественном мнении по вопросу о задачах России в Средней Азии» (М. Грулев «Соперничество России и Англии», 1909 г.). Политическое значение Афганистана Снесарев кратко формулирует так: «Сам по себе Афганистан ни в экономическом, ни в финансовом, ни в каком-либо другом (отношениях—Б. А.) значения не имеет; но являясь постоянным

преддверием к Индии... он является существенным политическим фактором и значительной политической величиной».

Не будучи военным специалистом, затруднительно критически оценить книгу Снесарева в той части (7 и 8 главы-, где дается военное описание страны. Но даже не специалисту, нам кажется, должен броситься в глаза один существенный недочет настоящего труда, представляющего собой военно-географическое описание— это отсутствие карты. Устранение этого недочета, несомненно, значительно способствовало бы усвоению предмета слушателями и, надо полагать, и большинством читателей, «еще совершенно неознакомленных с миром азиатских явлений», для которых, по заявлению автора, главным образом, предназначается его книга. К числу недочетов труда нужно отнести и ряд излишних длиннот, так не гармонирующих с общей сжатой формой изложения труда. Отметим некоторые из них. В главе о поверхности Афганистана в общем изложенной с большим мастерством, выяснению понятия о перевале посвящено добрых три страницы (43—45). Такое же количество страниц уделено критике описания А. Андогским климата Афганистана (72—74). Вполне солидаризируясь с автором относительно того, что «в географии Азии перевал есть одно из наиболее важных понятий» и что при определении климата не следует «измышлять и фантазировать», тем не менее мы думали бы, что от более сжатого изложения понятия о перевале и от уделения меньшего внимания климатологическим измышлениям Андогского, труд Снесарева значительно более выиграл бы. Все эти длинноты, наряду с лиризмом, в который иногда впадает автор, надо полагать, являются результатом формы лекции, в которую облечен труд и недостаточно внимательной переработкой самих лекций.

Касаясь отдельных глав рассматриваемого труда, нельзя не согласиться со Снесаревым, что намеченная им схема климата Афганистана, определяемого, как горный климат с делением на четыре типа: климат высоких горных плато (11—8 тысяч футов), климат возвышенных долин (8—4 т. ф.), климат холмистых районов (4—2 т. ф.), климат низин (2—1½ т. ф.), «как с научной точки зрения, так с практической... заслуживает внимания». Более того, сказали бы мы, что при эмбриональном состоянии климатологических исследований Афганистана, иной подход к выяснению вопроса о климате вряд ли мог бы гарантировать наряду с практической целесообразностью и научную точность. К такого рода схеме невольно приходится прибегать при определении климата любой страны Средней Азии, не имеющей точных цифровых материалов о состоянии климата. Подтверждение этого мы находим в книге Д. Н. Логофета «Бухарское ханство», (1911 г.) (стр. 127—130) и в очерке Снесарева «Восточная Бухара» 1906 г. (стр. 34—38), где имеются аналогичные климатические схемы.

Крайне важный вопрос о средствах Афганистана освещен автором слишком бегло. (81—90 стр.). Снесарев, как бы чувствуя этот пробел в своем крайне ценном труде, при описании минеральных богатств Афганистана, которому он, кстати сказать, посвящает всего несколько общих фраз, заявляет в свое оправдание: «что в этом вопросе едва-ли кто знает что-либо определенное».

Нам кажется уместным указать еще на одно упущение автора, которое мы также склонны отнести к недостаточно внимательной обработке им своего труда. Во главе четвертой, посвященной населению Афганистана, приводится довольно длинная историческая справка о прошлом авганцев, без ссылки на источник. Совершенно аналогичную справку о прошлом авганцев мы имеем на страницах 140—145 в книжке С. Н. Южакова «Афганистан и сопредельные страны» (1885 г.), представляющей собой поверхностную компиляцию сведений, почерпнутых у Риттера, Вамбери, Венюкова и других.—С сожалением приходится отметить также, что в рассматриваемую книгу не вошли сведения о нововведениях теперешнего эмира Мануллы-хана, затрагивающих различные стороны жизни Афганистана, но будем на-

деяться, что автор не преминет в ближайшее время дополнить свой труд этими сведениями.

В заключение, мы должны с удовлетворением констатировать, что книга Снесарева является большим вкладом в сравнительно небогатую литературу об Афганистане и должна, несомненно, остановить на себе внимание интересующихся Средним Востоком, заслужив широкое распространение.

Б. Абуков.

The case of Korea. By Henry Chung Pb. D. Fleming H. Revell Co, New-York 1921, p.p. 385.

«Есть кровь, которая молчит, и есть кровь, которая вопиет во всеуслышание: кровь полей битв земля незаметно впитывает в себя, но мирная кровь, будучи пролитой, подымается вздохами к небу; Бог принимает и отомщает ее». Эти патетические слова Шатобриана поставлены д-ром Чунгом эпиграфом к его книге о Корее.

Вся книга является, как говорится в подзаголовке, «собранием показаний, относительно японского владычества в Корее и борьбы корейцев за независимость» и представляет собой сплошной обвинительный акт против Японии, за ее действия в Корее.

Уже в предисловии автор хочет сделать для читателя совершенно ясным, что мотивом Японии в захвате Кореи вовсе не была экономическая необходимость. Корея не представляет из себя такого источника естественных богатств, чтобы Японии необходимо было переместить туда свою промышленность. Корея не нужна Японии, и как поле колонизации, что доказывается прежде всего тем, что за все время японского владычества, при самых благоприятных условиях и при правительственном поощрении эмиграции в Корею, в ней живет всего 300.000 японцев, из которых три четверти горожане-чиновники, служащие, купцы, парикмахеры, гейши и жандармы. Этот факт не подтверждает воплей японцев о перенаселенности Японии. Помимо всего прочего, Япония располагает островом Хоккайдо, который, по сведениям японского же полуофициального «Japan Year Book», обладает прекрасным климатом и богатейшими рыбными и минеральными рессурсами. Этот остров по площади в четыре раза больше Бельгии, но с населением (вместе с южной половиной Сахалина) в пять раз меньшим. Основой японской политики на Востоке, в частности Корее, является безудержное стремление японского империализма, закрепить за собой всю восточную Азию. Корея нужна Японии не более, как база, для завоевания материка.

Во второй главе, автор рисует **политическое угнетение и бесправие** корейского народа. Абсолютным хозяином Кореи является японский генерал-губернатор, который не ответственен ни перед парламентом, ни перед кабинетом, а исключительно перед императором. Он имеет право издавать любые указы и распоряжения, которые только трон в праве отменить. Между тем, история не знает ни одного случая такой отмены. Во всех городах и местечках Кореи, а также в деревнях, включая самые маленькие, расквартирована полиция, число которой доходит до 50.000 человек. Власть полиции безгранична: она имеет право производить аресты и обыски, «когда она сочтет это необходимым». В полиции виновный не должен быть обвинен, а обратно должен доказать свою невиновность. Такая система имела результатом то, что, например, в 1916 г. по японским официальным данным, из 82.121 задержанных лиц, только 30 доказали свою невиновность, 952 были оправданы, а 81.139 наказаны (большею частью поркой). На суде японцы-судьи имеют

право не принимать тех или иных показаний сторон, по своему усмотрению. Официальный и единственный язык на суде—японский. Полиция ведет секретные расследования, при предварительном следствии широко практикуются шпионаж и пытки. По официальным японским данным за пятилетие (1913—1918 г.) двести девяносто четыре тысячи корейцев были подвергнуты сечению розгами, т.-е. один кореец на каждые 59 душ населения. Японцы не применяют телесных наказаний к японцам, но когда их спрашивают, почему сечение применяется к корейцам, они отвечают, что это «старый корейский обычай». Автор приводит подлинные документы, подписанные американскими и канадскими миссионерами, относительно варварских пород, которые производятся над корейцами, привязанными к деревянному кресту в течение 3 дней подряд, а также госпитальных врачей, удостоверивших смерть многих, не выдерживавших истязаний и умерших от истощения и гангрены. За крик «Да здравствует Корея» или мирную демонстрацию, или просто за неуважение к господам-японцам, мужчины и женщины подвергались таким пыткам.

Экономическая эксплоатация. Автор опровергает общепринятое мнение, будто Япония, по крайней мере, материально облагодетельствовала Корею. Автор доказывает, что вся экономическая работа японцев в Корее, была направлена к угнетению и эксплоатации корейцев, к вреду и разорению одинаково корейской буржуазии и корейского крестьянства.

Национальный долг Кореи с 368.256 долларов каким он был до аннексии, возрос до 52.461.287 долларов к концу 1918 г. Разве увеличение национального долга Кореи в сто сорок три раза «улучшило» материальное положение Кореи,—спрашивает Чунг.

Налоги земельные и имущественные были равны в 1905 г. 3.511.907 долларам. Японцы подняли их до 19.849.128 доллар., в 1909 г. Разве кореец живет лучше оттого, что ему приходится платить в пять с половиной раз больше налогов, чем он платил раньше, да еще под японским владычеством, без независимости свободы и представительства.

Японцы взяли с Кореи 66.386.098 долларов повышением налогов и наложили на корейцев бремя национального долга в 52.193.571 долларов, а всего 118.479.669 долларов. В то же время японцы истратили в Корее на все технические улучшения не больше 75 миллионов долларов, из которых 1/3 ушла по карманам администрации и на взятки. Где же это экономическое благодеяние, когда с корейцев взяли 118 мил. дол., а истратили на улучшение 40 мил. долларов.

Все дороги, которые японцы провели в Корее не имеют экономического значения, их большая часть проходит по отдаленным и малолюдным местностям и для населения бесполезны. От дорог требуется стратегическое значение, так как Корея играет роль больше базы японского империализма на континенте, чем какую-нибудь другую. Все железные дороги, что были построены, проведены по конфискованной земле и за нее владельцам не было уплачено ни цента вознаграждения. Расширение улиц в городах и бульварах, было устроено путем снесения загораживавших перспективу домов. Чем лучше корейцу, если у него отобрана земля и по ней проведена железная дорога, если у него снесен дом и расширена улица, и чем лучше корейскому земледельцу, если в самое горячее время жатвы, его отрывают от полевых работ и гонят работать на железную дорогу без всякого вознаграждения? Эти факты Чунг подтверждает свидетельством Д-ра Иошино, японского профессора Токийского Университета.

«Корабль идет прекрасно»,—пишет один американец,—«но рабам в галере уже не под силу терпеть». С тех пор, как Корея стала частью Японии, 1½ миллиона корейцев эмигрировало в Сибирь и Китай, чтобы избежать военной тирании и экономической эксплоатации.

Прежде земля делилась на 4 класса: 1) частно-владельческая, 2) коронная сданная в аренду, 3) муниципальная, тоже сдаваемая в аренду и 4) земля буддийских храмов. После аннексии Кореи, японское правительство заявило, что земли 2, 3 и 4 класса, так как они никому не принадлежат в отдельности, должны принадлежать правительству. Земля была конфискована, корейцы, возделывавшие ее, выгнаны с земель и обращены в нищих, земля же отдана в аренду японским колонистам.

Цель Японии—заселить Корею японцами, чтобы тем вернее держать ее в руках. Для этого была основана особая комиссия «Oriental Development Company», официальными целями которой является японская колонизация и улучшение неудобных земель. Фактически же она занимается тем, что сгоняет корейцев с их земли всякими незаконными способами и освобождает место для японского земледельца, (который все-таки туда не идет). В Корее поля орошаются издавна устроенной ирригационной системой. Вода течет последовательно по полям. Названная компания, скупает участки у истоков воды и останавливает ее. Земледелие по низким участкам становится невозможным, корейцы бросают и продают землю. Уже одна треть лучшей земли в Корее, находится в руках японцев, и процесс быстро идет вперед.

Корейцы принуждены эмигрировать в Маньчжурию и Сибирь. Японцы поощряют исход корейцев в эти страны, потому что: 1) освобождается место для японских эмигрантов, 2) Япония в будущем будет иметь повод вмешиваться в дела этих стран под предлогом охраны своих корейских подданных. Это то, что Путиам-Уил называет «тактикой японской инфильтрации» и предостерегает от этого русских. Таково положение корейских крестьян. Рабочие же получают в городах плату в 2 раза меньшую, чем рабочие-японцы, и кроме того, им не дают выполнять никакой работы, кроме черной и тяжелой. Мастер, надсмотрщик, инженер, десятник-всегда японец.

Таково же положение корейской буржуазии: корейские банки обязаны иметь японских советников, которые руководят их деятельностью (в ущерб корейцам и в пользу японцам), свои денежные фонды, банки бязаны хранить в японском банке, откуда они не могут быть взяты без согласия управления. Таким образом, корейская банковская деятельность находится всецело в руках японцев.

Все существовавшие в Корее металлические деньги, на сумму до 14 миллионов иен, были собраны и увезены в Японию. Вместо них японцы выпустили через японско-корейский банк (Bank of Chosen) бумажных денег на сумму до 81.317.000 иен. Означенный банк имеет пассив в 114.291.000 иен (81.317.000 бумажных денег, 3 миллиона долгов и 29.974.000 задолженности вкладчиками), а актив 76 миллионов иен. При основном капитале в 20 миллионов иен, банк имеет дефицит в 38 миллионов иен. Такой банк в Японии был бы немедленно закрыт, фактически бумажные деньги этого банка в Японии не принимаются. Но в Корее с благословения японского правительства, он работает и в любую минуту может сыграть злую шутку над деньгами, которыми корейцев заставляют пользоваться.

Каждый богатый кореец должен содержать японца-управляющего делами или эконома, который контролирует все его доходы и расходы. Если он тратит значительную сумму денег без разрешения своего эконома, все его имущество может быть конфисковано, на основании подозрения, что он работает против правительства.

Ни один кореец не имеет права взять из банка больше 1.000 долларов в один прием.

Корея—широкое поле для японских акул, спекулянтов и ростовщиков, любимой профессии японцев. Деньги одалживаются из 70% годовых.

Гримби в «Asia» пишет: «Японцы гарантировали открытые двери всем иностранцам в Корее, но когда они аннексировали Корею, они закрыли эти двери на 16 месяцев, чтобы дать время себе укрепиться и взять в руки все, что там было. Теперь в Корее все «правительственное».

Мы видели, что японцы умело справились со своей задачей, за полтора года «временно закрытых дверей» в Корее. Теперь остается еще раскрыть, как и что сделали японцы в том же направлении за семь лет своего хозяйничания в Шаньдуне (с 1915—1922 г.): Уже есть указание на то, что возвращение Шаньдуня надо будет читать, согласно английской поговорке: «Устрица с'едена, раковину можете получить обратно».

Японцы стремятся подавить корейцев умственно и морально. Рабы не должны иметь своего мнения и должны забыть свое прошлое. Думать за них будут японцы. Одним из первых актов генерала Тераучи был приказ собрать все книги по корейской истории и биографии знаменитых корейцев из библиотек, школ и частных домов и сжечь. В Корее считается преступлением иметь книгу по корейской истории. За то, что человек интересуется историей своей собственной страны, он на первый раз осуждается в тюрьму на месячный срок.

Все корейские газеты и журналы в 1910 г. были закрыты. Теперь в Корее существует 18 японских газет, одна корейская и одна английская. Обе последние издаются теми же японцами в целях пропаганды.

В 1910 г. были распущены и впредь запрещены какие бы то ни было организации или сообщества корейцев, так же, как и собрания, и митинги.

Что сделали японцы с народным образованием. После аннексии были выпущены правила и положения о школах, которые повели к систематическому закрытию частных школ в Корее. Правительство взяло на себя задачу просвещения. 23 августа 1911 г. был выпущен императорский декрет, в котором было указано, что целью образования в Корее является формирование верных и добрых граждан японской империи.

Японцы открыли 447 начальных школ для корейцев и 324 для японцев, почти одно и то же количество для 17½ миллионов корейцев и 300.000 японцев.

Что касается средних и высших учебных заведений, то для японцев открыто таковых на 992, а для корейцев на 972 человека. Это значит, что новое образование закрыто для корейцев. Им остаются их деревенские конфуцианские школы.

Преподавание ведется исключительно на японском языке. Начальник всякой школы, а также не менее трех учителей должны быть японцами. Учителя командируются японским правительственным бюро. В 5 средне-учебных заведениях для корейцев 82 учителя японца и 19 корейцев. В частных учебных заведениях, число которых с 2 тысяч в 1910 г. сократилось до 970 в 1916 г., эти учителя являются агентами и шпионами правительства.

Получать образование заграницей воспрещается. Те студенты, которым разрешается учиться в Японии—сынки богатых семейств, покорных слуг японцев, но и их принимают только в технические школы.

Учебники в школах написаны с расчетом сделать из корейцев хороших верноподданных. В них учат, что Корея имеет историю в 2 тысячи лет, а не в 4 и что она моложе Японии, что Япония всегда цивилизовала Корею, и что корейцы всегда были дикарями, что аннексия была совершена по сердечному желанию корейцев воссоединиться с их страной-матерью, и что со стороны Японии было великодушным актом взять на себя ответственность за судьбу Кореи.

Жестокости и издевательства цензуры превосходят все, что мы знаем о цензуре николаевской эпохи. Был запрещен перевод «Джунгли» Киплинга на том основании, что в этой книге слон отказывается подчиниться своему второму хо-

зяину. Это могло бы подать дурной пример корейцам. Запрещено стихотворение «Весна», потому что возрождение природы может внушить опасные мысли корейцам. Вот в какую атмосферу интеллектуального удушья и подавленности корейцев поставили их господа.

И все-таки непобедима природа нации, ищущей свободы. После уроков в японской школе, маленькие школьники, собираются по 3, по 4 и учат корейский язык и читают корейские книги. И чем больше японцы их давят, тем национальнее и революционнее они становятся.

Японцы наводнили страну проститутками. Содержание публичных домов — обычная профессия в Японии, и они широко вкореняют ее в Корее.

Пьянство, разврат, моральная распущенность, продажность, опиум и проститутки—вот, что дали японцы Корее и чего никто не собирается у них оспаривать.

Затем автор переходит к тому, как отражалась японская политика гнета и насилия на его соотечественниках в Корее. До 1919 г. японцам казалось, что они настолько крепко взяли в свои руки и сдавили жизнь корейца, настолько регламентировали ее, что сами уверились в том, что корейцы устрашены, японская ставка выиграна, и сказка о корейской свободе кончена. Для японцев было потрясающей неожиданностью узнать, что скованная и порабощенная страна, живет своей внутренней жизнью, что японцы находятся в чужой и враждебной стране, и что есть грозные признаки того, что у 20-ти миллионного народа есть своя стихийная организация, которую не откроет никакая полиция, и которую не подавишь никакими репрессиями.

В начале 1919 г. под влиянием лозунгов Вильсона, распропагандированных по всему миру и изложенных в его 14 пунктах о самоопределении нации, о справедливом мире и проч.—среди корейцев развился общий под'ем надежды на избавление. Версальская конференция только начиналась, иллюзии еще не были изжиты, фальшивые побрякушки Вильсона были приняты за чистую монету в несчастной и израненной Корее. С другой стороны, японский произвол становился все сильнее. В январе 1919 г., японцы отравили низложенного корейского императора. Хотя корейцы и не любили и не верили своему экс-императору, который изменил им в 1905 г., согласившись на японский протекторат, эта новая и излишняя жестокость облетела всю Корею и способствовала еще большему ее возбуждению. Это было еще одним толчком, чтобы смутное стремление к организации и об'единению, существовавшее в Корее, выразилось в том, что в феврале собравшиеся в Сеуле виднейшие независимцы-националисты решили ознаменовать момент выпуском декларации о независимости Кореи и мирными демонстрациями в пользу ее освобождения. Была приготовлена декларация независимости, отпечатана в тысячу экземпляров и через тайных гонцов разослана по всей стране. Организация была неуловима для японцев—прокламации и газеты печатались в пещерах, в джонках рыбаков, в искусственных могилах, сделанных в пещерах. Каждое утро японский губернатор находил два экземпляра газеты на своем столе. Собравшиеся в Сеуле 33 выдающихся корейских революционера образовали Комитет мартовских демонстраций, и они же подписали своими полными именами и фамилиями декларацию независимости.

Демонстрации должны были начаться 3-го марта, но так как японцы, чувствуя тревогу, готовились к этому дню, был выпущен приказ открыть демонстрации первого.

Цифры красноречивее их. Вот японский официальный отчет о том, что было сделано при подавлении мартовских демонстраций 1919 г.: убито, ранено и арестовано 36.126, разрушено 17 церквей до тла, 24 частично и 168 зданий. Это официальная, а следовательно, лживая японская статистика. Истинные же

данные таковы: убито 7.645, ранено 45.562, заключено в тюрьму 49.811, сожжено домов 724, церквей 54, школ 3.

Для нас, знающих, что японцы делали и продолжают делать в Приморьи, Хабаровске и др. местах, не нужно об'яснять, насколько это возможно.

Целые деревни были разорены, демонстранты были избиты, людей сажали в тюрьмы, мучили и пытали. К этому времени и относится та вакханалия японских пыток и издевательств, которая особенным позором ложится на японцев, пыток, имевших целью открыть корни заговора. Но это оказалось безполезным. Этим корейское движение убить оказалось невозможно. Корея жива и ждет момента, когда бы она могла сбросить с себя иго, наложенное на нее японцами.

Такова книга Д-ра Чунга. Чунг сравнительно молодой человек, получивший образование в американском университете. Он ярый американофил и был членом корейской делегации в Париже и Вашингтоне.

Книга его импонирует той ясностью и простотой, с которой автор излагает факты о японских зверствах и гнете и тем неподкупным стремлением к свободе, которое составляет теперь душу всякого корейца. Ее основным недостатком является отсутствие каких бы то ни было указаний, конкретных путей корейской революции. Он до сих пор еще верит в отвлеченную международную справедливость и в то, что Америка, которая дала ему образование и научила его писать такие прекрасные книги, возьмет под свое крылышко и Корею. Секрет, очевидно, в том, что книга была написана перед Вашингтонской конференцией, когда еще существовала надежда, что интересы Японии и Америки настолько серьезно столкнутся, что может быть поднят вопрос и о японской политике на Востоке и о Корее. Надо надеяться, что книга, которую автор написал, (или пишет) после Вашингтонской Конференции, не будет полна такой оптимистической веры в беспредметную международную справедливость и в то, что капиталистический мир способен к безкорыстным и альтруистическим актам. Многие из тех, что так верили в Америку, вместе с Чунгом, уже разочаровались в ней. Они понимают, что американская буржуазия, не станет ломать себе голову и шею из-за корейского народа, которым она интересуется исключительноо в политических целях—чтобы противопоставить его Японии; их взоры все с большей надеждой обращаются к Советской России, которая являлась противницей японского империализма на Востоке и другом трудящихся всех стран, протягивает свою дружескую руку помощи корейскому революционному движению, направленному к созданию такого социального строя, который дал бы возможность корейцам отстоять свою свободу и независимость.

М. Казанин.

В. В. Виленский. (Вл. Сибиряков). Империализм современной Японии и социальная революция. М. 1919. Госиздат стр. 80.

Брошюра Виленского представляет из себя сжатый очерк капиталистического развития Японии, ее империалистической политики и развития в ней рабочего революционного движения. Процесс капиталистического развития Японии трактуется автором очень бегло, при этом, на основании почти исключительно устаревших русских источников. Все же путем умелого подбора цифр, автор пока-

зывает нам, как благодаря обладанию залежами каменного угля и выгодному островному положению, Япония в какие-нибудь 40—50 лет становится передовой капиталистической державой европейского типа. Слабый покупательными способностями внутренний рынок, а также перенаселение толкают Японию на путь империалистической политики, приводящей к захвату Формозы и к фактическому протекторату над Кореей. Одновременно развивается шовинистическая идеология, проповедующая «Азию для азиатов», но, конечно, под предводительством Японии. К сожалению, в брошюре совершенно почти не затронута политика Японии в Китае незадолго до войны и во время последней (всего 2—3 странички). Если мы вспомним какую роль играла Япония в злополучных судьбах китайской революции, ее поддержку Юань-Ши-Каю и др. контр-революционным деятелям, ее участие в знаменитом международном тресте т. н. Six Powers Sindicate, наконец, ее политику, во время войны, завершившуюся хищническим договором 1916 г. (Мая), по которому Китай фактически становился вассалом Японии, мы поймем, как досаден этот крупный пробел.

Наиболее интересные главы посвящены Японской интервенции в Сибири. Автор дает здесь любопытные сведения о завоевании последней японцами, о скупке ими домов, предприятий, наконец, о значительном увеличении ввоза в Сибирь, достигшего в 1916 г. 153.933.114 иен, против 9.960.262 в 1913 году.

Наконец, последняя часть книги посвящена характеристике рабочего движения в стране Восходящего Солнца. На почве неслыханной эксплуатации труда (15—17-часовой рабочий день, система многолетних контрактов, ничтожная поденная плата: 10—12 коп.), в Японии рано развивается профессиональное рабочее движение. В 1897 г. учреждается первый пролетарский союз металлистов, в этом же году в Токио основывается впервые «Социалистическое общество». Мировая война, конечно, усилила рост социально-революционных настроений Японского пролетариата. Несмотря на огромные выгоды, извлеченные Японией из войны, положение рабочих сильно ухудшилось: в то время, как заработная плата увеличилась на 227%—цены на продукты потребления возросли на 381%. Начинается упорная борьба за охрану труда, за нормирование цен и т. п. Правительство отвечает репрессиями, разгромом социалистической прессы, арестами и т. п. Обострившиеся классовые противоречия приводят к известным «рисовым беспорядкам», которые уже являются как бы прообразом будущей революции. В самом деле, даже по полицейским данным в них участвовало 232.000 чел., всего отмечено 234 скопища, арестовано было 2.228 чел. и т. п. Правда, Япония еще находится в периоде капитализации и в ней сильна мелкая собственность и кустарный труд, **но рисовые беспорядки** и усиление рабочего движения убеждают автора, что пролетарские массы Японии уже становятся на путь революционного преобразования общества.

К числу недостатков брошюры относится случайность материала, ее компилятивный характер и целый ряд пробелов. Впрочем, по указанию автора, это об'ясняется тяжелой обстановкой, в которой писалась брошюра,—в момент союзнической интервенции в Сибири.

Издана книга к сожалению с массой грубейших опечаток, часто делающих непонятным то или другое слово, так, напр., Эмбарго превращено в эмбарто, один из англо-китайских банков получил название Territorid Bevelopment Bank вместо, очевидно, Territorial Development Bank и т. д. и т. д.

В. Кряжин.

«Первый с'езд революционных организаций Дальнего Востока. Сборник. Петербург, издание Исполкома Коммунистического Интернационала. 1922 г., 364 стран.

Посвященный состоявшемуся в январе текущего года в Москве 1-му С'езду Революционных Организаций Дальнего Востока сборник, представляет большой интерес. В нем затронуты почти все стороны революционного движения в странах Дальнего Востока. Особую ценность придают сборнику оригинальные статьи и доклады вождей и руководителей революционных организаций Китая, Японии, Кореи. Монголии и Нидерландской Индии. Сборник открывается манифестом 1-го С'езда коммунистических революционных организаций Дальнего Востока к народам Дальнего Востока и блестящим докладом председателя Коминтерна тов. Зиновьева: «Международное положение и Дальний Восток». В своем докладе председатель Коминтерна тов. Зиновьев устанавливает следующие положения, находящие подтверждение почти во всех отдельных докладах представителей стран Дальнего Востока.

1. Азия, Дальний Восток начинают за последнее время вытеснять все остальные вопросы мировой политики. В пределах нашего материка (Европы) все виды империалистического соперничества ныне более или менее закончены, и в настоящее время, более, чем когда-либо, центр тяжести передвигается в Азию. Это делает дальневосточный вопрос в миллион раз актуальнее, чем до сих пор, превращает его в ось всей мировой политики и всего освободительного движения пролетариата и угнетенных народов.

2. Всюду, где империализм принимает особенно лицемерные формы, то в этом повинна американская буржуазия, пытающаяся сочетать самый наглый империалистический разбой с фарисейским двоедушием и ханжеством. Китайский вопрос был в общем и целом решен на Вашингтонской конференции в духе пожеланий американцев. Тут державы более или менее сговорились о том, что по отношению к Китаю следует применить, так называемую, политику открытых дверей, то есть ту, которая выдвигает американский капитал, побуждаемый к этому своими корыстными целями и надеждой, что при помощи свободного соревнования и являясь более сильным, он победит в борьбе на китайском рынке все другие империалистические страны.

3. Вашингтон в общем подтвердил раздел добычи, подведя итог первой империалистической бойне. За Японией ныне остаются Корея, Ляодун, Шандун; за Америкой—Филиппины; за Англией—Египет, Шанхай, Индия; за Францией—Индо-Китай. Легко себе представить, каким образом эти державы, собравшись тесным кружком, могли решать судьбу всех вышеназванных колониальных областей и стран. Не подлежит сомнению, что они вели такой разговор: «Я помогу тебе грабить такие-то колонии, а ты поможешь мне обобрать такие-то».

Вывод: Всем руководителям угнетенных народов Дальнего Востока, в том числе и тем, которые не разделяют коммунистических взглядов, должно быть ясно, что от Вашингтонской Конференции, от мировых империалистов ни один сознательный человек не может ожидать ничего, кроме нового гнета и эксплоатации.

Останавливаясь на положении отдельных, эксплоатируемых империализмом, стран Дальнего Востока, председатель Коминтерна тов. Зиновьев указывает, что нигде бесстыдство, разнузданность и варварство, так называемых, цивилизованных европейских империалистических держав не показали себя в таком безобразном виде, как в Китае. Огромный, многомиллионный народ был отдан на растерзание империалистической, численно совершенно ничтожной шайке бандитов. Тов. Зиновьев приводит пример английской колонии в Китае—Шанхая: там на каждые полтора миллиона китайцев приходится двадцать тысяч иностранцев. И вот эти группы в

двадцать тысяч белых на полтора миллиона желтых, держат все туземное население не только в экономическом рабстве, но пытаются схватить его за горло и задушить его культурную и национальную жизнь, не останавливаясь для этого перед самыми неслыханными издевательствами. В Корее в 1917 г. на двадцать миллионов населения было 332 тыс. японцев. Из этого числа 144 тыс. японцев жили в восьми городах Кореи, то есть, другими словами, угнетатели не проникли еще в деревни, где находится главная масса корейского народа. Говоря языком цифр, полпроцента японского населения сидит на шее и управляет 99½% корейского народа. Само собой разумеется, что Японию влекут в Корею преимущественно ее богатства: уголь, железо, графит и золото. До 1917 г. японские капиталисты вложили в корейские предприятия 33 милл. иен. Но это лишь начало. Корея находится по отношению к Японии, примерно, в том же положении, в каком долгие годы, Ирландия находилась к Великобритании, с тою только разницею, что чем дальше на Восток, тем подлее и кровожаднее становится разбой империалистов.

Касаясь монгольского вопроса, тов. Зиновьев указывает, что окончательное решение вопроса о Монголии будет возможно лишь в тот момент, когда сами китайцы освободятся из-под ига своих угнетателей, когда они изгонят из своих пределов империалистических солдат чужеземных наций, когда в их стране победит революция, и будет положено начало раскрепощению, когда, наконец, китайский народ сможет сказать, что судьба его находится в его собственных руках. Только тогда вопрос о Монголии можно поставить в новую плоскость, не говоря уже о том, что окончательное его решение будет зависеть от освободительного движения самой Монголии; до тех пор каждый южно-китайский революционер, смотрящий на вещи по доктринерски и требующий в данный момент возвращения Монголии Китаю независимо от настроения ее народа, совершает величайшую ошибку. Такое решение легло бы тяжелым бременем не только на Монголию, но и на самый Китай, ибо не может быть свободной страна, пытающаяся в какой бы то ни было мере угнетать другую страну.

Японскому пролетариату и Японии принадлежит безусловно преобладающая роль на Дальнем Востоке. Ключ к решению дальневосточного вопроса лежит в Японии. Если Маркс говорил когда-то, что без революции в Англии всякая революция в Европе будет в сущности революция в стакане воды, то есть Англия решит судьбу всей европейской революции, то перефразируя это положение, можно сказать, что без революции в Японии, всякая революция на Дальнем Востоке останется чисто местным явлением—небольшой бурей в стакане воды.

Судьба революционного японского движения приобретает величайшее интернациональное значение. Вашингтонская Конференция, разделившая мир между четырьмя империалистическими державами, не может надолго отдалить момент грандиозной бойни за обладание Тихим Океаном. Можно заранее сказать, что за первой империалистической бойней, закончившейся в 1918 г., последует вторая, которая будет иметь своим об'ектом Дальний Восток. Избежать этой войны можно только путем победы мировой пролетарской революции. Нельзя сказать точно—разрешится ли этот вопрос в 1925 г. или в 1928 г., на год раньше или на год позже, но не подлежит сомнению, что разрешение его неизбежно. Войны не будет только в том случае, если молодой рабочий класс Японии окрепнет настолько, чтобы схватить за горло японскую буржуазию, и если в то же время произойдет такое же быстрое параллельное развитие победоносного революционного движения в Америке. Только одно это могло спасти человечество от тех разрушений в области производства, которые будут вызваны неслыханной и страшной борьбой между Америкой и Японией.

Задача национальных революционных деятелей в Китае, Корее, Монголии и других угнетенных странах Дальнего Востока—понять, что ходом истории вопрос поставлен так: либо вместе с пролетариатом угнетенные народы завоюют независи-

мость, либо вовсе не завоюют; либо получат действительное раскрепощение из рук пролетариата в сотрудничестве с ним, либо обречены остаться рабами английской, американской и японской буржуазии; либо десятки миллионов трудящихся в Китае, Корее и других странах поймут, что их союзник и руководитель всемирный пролетариат, и бросят раз навсегда надежды на какие бы то ни было компромиссы с буржуазией, либо их национальное движение должно погибнуть и на их шее будет постоянно сидеть тот или другой империализм, который будет у них насаждать гражданскую войну, кроить и делить их земли.

Секретарь восточной секции Коминтерна тов. Сафаров в своем докладе «Колониальный вопрос и борьба за национальное освобождение на Дальнем Востоке» приводит ряд интересных фактов и цифр. Китай привлекает империалистов своими большими природными богатствами. Вся Европа в два раза беднее углем, чем Китай. Запасы угля в Китае превосходят 996 миллиардов тонн, а в Германии и Великобритании наиболее богатых углем странах Европы имеется: в первой 423 и во второй 189 миллиардов тонн.

Заинтересованность Японии в Китае подтверждается весьма характерными цифрами ввоза товаров: в 1901 г. ввоз из Японии равнялся сумме в 52 милл. таэлей, а в 1917 г. 221 милл. таэлей. В 1908 г. ввоз составлял 14% общего ввоза, а в 1917 г.—42%, увеличившись в три раза; с тех пор ввоз непрерывно рос.

Весьма характерны данные, характеризующие расходные статьи корейского бюджета, почерпнутые из японских официальных данных:

	1919 г.	1920 г.
	В иенах.	
На содержание двора бывш. корейского императора. .	1.500.000	1.500.000
На содержание японского генерал-губернатора . . .	5.192.000	7.202.000
На полицию и жандармов	19.826.000	41.940.000
На постройку тюрем	—	850.000
На школы	773.000	1.228.000
Расходы на здравоохранение.	709.000	912.000
Содержание японских гарнизонов в Корее	17.259.000	15.383.000

К этим цифрам не нужно никаких пояснений. Три статьи тов. Сен Катаяма, вождя японских коммунистов: «Кризис в Японии», «Рабочее движение в Японии» и «Рисовые беспорядки и рабочее движение в Японии», с разных сторон освещают положение японского пролетариата, его борьбу с капиталом и экономическое положение в Японии, создавшееся в итоге войны.

В статье, посвященной экономическому кризису, разразившемуся в Японии в 1920—1921 г.г., тов. Сен. Катаяма говорит: «Кризис носил столь жестокую форму, что ряд банков прекратил платежи. Это повлекло за собой катастрофическое понижение цен на главнейшие товары, а последнее привело к мертвым рынкам, безработице и закрытию фабрик и заводов. Главной причиной, вызвавшей кризис, было напряженное состояние государственных финансов, вызванное чрезмерными расходами на армию и флот (до 70% общей суммы расходов). Этот кризис ясно показал все прелести капиталистического производства. Правительство пыталось принимать меры: оно ссужало предпринимателей деньгами, но это оказалось недействительным средством. Несколько тысяч миллионеров, нажившихся во время войны, разорились в конец». Для спасения страны от катастрофы «Восточный Экономист» среди других мер предлагал немедленный вывод войск из Сибири и прекращение дальнейших расходов на вооружения. Однако, империалистическая клика, стоявшая

во главе правительства, не могла согласиться на это. В итоге, кризис захватил все стороны промышленности. Хлопчато-бумажная промышленность сократила свое производство до 60%, а производство сырого шелка было вовсе прекращено предпринимателями на время с 1 декабря 1921 г. по 15 февраля 1922 г. Экономический кризис повлек за собой усиление рабочего движения. Вспыхнул ряд забастовок, из которых особенно выделялась забастовка печатников, в г. Токио, вызвавшая вследствие несогласия издателей удовлетворить требования рабочих прекращение выхода газет в течение всей забастовки.

В статье о рабочем движении в Японии, тов. Сен Катаяма приводит ряд интересных данных о современном положении японского пролетариата. Сельское хозяйство вместе с рыболовством дают пропитание почти 60% из 60 миллионов населения Японии. В промышленности до сих пор преобладают ремесло, кустарничество и вообще мелкое производство. В 1918 г. из 2½ миллионов рабочих, в предприятиях фабричного типа с числом рабочих более 10, работало 1.571 тыс. человек. Первое место занимает текстильная промышленность—на ней занято 49% рабочих; обработка металлов и судостроение—20%. На железных дорогах работает до 600 тыс. рабочих. Развитию революционного движения сильно мешает преобладание на фабриках женщин и детей. В 1918 г. на фабриках и заводах женщины составляли 51%. Из общего числа работающих детей до 15 лет (125 тыс.), 80% приходилось на долю девочек. Даже в горной промышленности из общего числа 465 тыс. рабочих на долю женщин приходится 105 тыс. Рабочий день в Японии определен законом в 12 часов, но фактически он гораздо длиннее.

В Японии, рабочие фактически лишены избирательного права. Правом участия в выборах в парламент, пользуются, уплатившие 3 иены годовых налогов. Государственной охраны труда, свободы печати, свободы слова, собраний и стачек—нет. Согласно § 17 правил об охране общественной безопасности, лица, подстрекающие к стачке, подлежат заключению в тюрьму от одного до шести месяцев с одновременным применением штрафа от 3 до 30 иен (иена равняется золотому рублю). Несмотря на репрессии, число стачек и принимавших в них участие рабочих непрерывно растет:

Год.	Стачки.	Число рабочих
1914 г.	50	7.904
1915 г.	64	7.852
1916 г.	108	8.413
1917 г.	398	57.590
1918 г.	417	66.457

Начало рабочего движения в Японии относится к 1897 году, когда был организован «Союз организации трэд-юнионов». Под влиянием этого союза в 1897 г. возник союз металлистов, в 1898 г.—союз печатников и др. Однако, с 1900 г. рабочее движение замерло под давлением жестоких правительственных репрессий. Новый период начался культурно-просветительным движением среди рабочих. В 1912 г. в Токио образовалось «Братское Общество» («Юан-Кай»). В 1917 г. печатники организовали «Братский Союз» («Синиу-Кай»). Эти две организации сейчас стоят во главе профсоюзов, при чем организация «Синиу-Кай» представляет коммунистическое течение. В организационном отношении рабочее движение достигло расцвета в 1919 г., когда было основано большинство профсоюзов, при чем число членов достигало 100.000.

Требования рабочих, в большинстве случаев, сводятся: помощь безработным, повышение платы, признание рабочих союзов, введение коллективного договора и участие рабочих в управлении промышленностью. Среди рабочих, об'единенных в трэд-юнионы, существует три течения: реформистское, социалистическое и синди-

кально-коммунистическое. В 1920 г. по неофициальным данным в1.140 союзах состояло 486 тыс. рабочих. Наиболее крупными были организации—моряков 120 тыс., металлистов 87 тыс., горнорабочих 71 тыс. и текстильщиков 54 тыс. До 1920 г. социализм имел очень слабое распространение. В настоящее время рабочие считают самым действительным средством «прямое действие», направленное к свержению капитализма. Коммунистическое движение, несмотря на аресты, растет. Коммунистическая партия находится в нелегальном положении, тем не менее выходят периодические издания, листовки и проч. В состав коммунистической партии входят, кроме коммунистов-марксистов, синдикалисты.

Статья японского тов. N посвящена политическому положению Японии.

В японском парламенте борятся три партии. Все эти партии буржуазные. В 1921 г. в нижней палате появился единственный представитель, так называемой, рабочей партии, впрочем, ничем себя не проявившей.

Самой влиятельной из буржуазных партий является партия Сей-Ю-Кай, возникшая в 1900 г. и представляющая интересы помещиков и крупных капиталистов; ее лидером был недавно убитый премьер-министр Хара. Ей принадлежал 281 голос в нижней палате. Вторая по значению партия Кен-Сей-Кай возникла в 1913 г. Она более либеральна и отражает интересы торгово-промышленной буржуазии; ее вождь виконт Като; она располагает 109 голосами. Партия Кен-Сей-Кай стоит за признание Дальневосточной Республики и за борьбу с Америкой. Наконец, третья партия Кекумин-то, основанная в 1910 г., представляет интересы пароходовладельцев; она располагает 30 голосами. Кроме того, на политическую жизнь Японии большое влияние оказывают старые политические деятели, игравшие крупную роль в японской революции 1868 г., так называемые «Генро», среди которых есть сторонники борьбы с Соединенными Штатами с одной стороны и с другой стороны—сторонники захвата Китая и Сибири.

Большой интерес представляет статья «Современный Китай» редактора южно-китайской коммунистической газеты Чен-По. Говоря о политических партиях в Китае, тов. Чен-По указывает, что в настоящее время в Китае имеются четыре крупных буржуазных партии, из которых одна, именно крайняя левая Гоминдан (теперь «Революционная Партия Китая», носит мелко-буржуазный, полусоциалистический характер. Затем идет «Центральная Политическая Партия» (Чунк-Шур-Вай). Остальные две—правые партии—партия прогрессистов и клуб Анфу (Анфуисты). Последняя партия является сторонницей японского влияния в Китае. Во главе партии Гоминдан, наиболее радикальней из всех, стоит склоняющий к социал-реформизму доктор Сунь-Ят-Сен. Между этими партиями идет жестокая борьба, усложняемая участием отдельных губернаторов китайских провинций, проводящих свои честолюбивые планы. Касаясь положения пролетариата, тов. Чен-По указывает, что он находится в крайне тяжелом положении. При десятичасовом рабочем дне, средний заработок не превышает, в среднем 30 центов. Социалистическое движение только начинает проникать в среду рабочего класса, организующегося в профессиональные союзы.

Характеристике, быстро растущего в Нидерландской Индии, рабочего движения посвящена статья тов. Семаоэна. Большинство рабочих в Нидерландской Индии оказываются об'единенными в профессиональные союзы. Коммунистическое движение завоевывает все больше и больше сторонников. Под'ему революционного движения помогает национальный гнет со стороны колонизаторов голландцев, создающий оппозиционное настроение среди мелкой буржуазии.

Сборник издан очень хорошо: прекрасная бумага и удачные иллюстрации.

С. Срединский.

ПЕРЕЧЕНЬ НОВЫХ КНИГ О ЧЕРНОМ И ЖЕЛТОМ КОНТИНЕНТАХ.

С кратким изложением их содержания.

I. НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.

Michel Paillarés. Le Kémalisme devant les Alliés. (Кемализм перед лицом союзников) Paris 1922 Editions du Bosphore.

Книга Пальяреса представляет собой сборник всех официальных документов, связанных с современной фазой ближне-восточного вопроса—договоров, резолюций, прокламаций, протоколов конференций и т. д. Эти документы связаны между собой сжатым историческим очерком, который определяет историческое место каждого из них. Цель автора—чисто информационная: ознакомить общественное мнение Европы со всеми элементами ближне-восточной проблемы.

Omer Kiasim. L'aventure Kamaliste.
Камалистская авантюра. Paris 1922, edition universelle.

Автор книги—европеизированный араб или турок. Книга представляет собой памфлет на турецкое национальное движение, в котором Киазим видит лишь результаты германских интриг и осуществление грандиозного германо-большевистского заговора против Антанты. Умиротворение Востока может быть, по его мнению, достигнуто лишь путем борьбы не на жизнь, а на смерть с Мустафа-Кемалем. Книга рассчитана, очевидно, на читателей из французских националистических кругов и поддерживает взгляды той сравнительно небольшой фракции французской буржуазии, которая, имея во главе редактора «Журнал де Деба» Оггюста Говена, высказывается против турко-фильской политики французского правительства.

André Dubosq L'evolution de la Chine:
Politique et tendences. 1911—1921 г.г. (Эволюция Китая; политика и тенденции в 1911—1921 г.) Paris 1922. Edition Bossard.

Автор долго жил в Китае, читал лекции в Пекинском университете. В этой книге он освещает сложную внутреннюю ситуацию современного Китая, еще более затрудненную постоянными конфликтами между севером и югом. Он последовательно рассматривает вопросы о Шантунге, о Монголии и Тибете, очерчивает положение, создавшееся в Тихом Океане, захватывает взаимоотношения Китая с иностранными государствами—с Францией и Японией. Основная мысль автора—решительная эволюция, переживаемая Китаем; рост национального чувства, все больший отход от обычаев старины. Последняя глава книги посвящена вопросу о реформе народного образования, на которой настаивают передовые круги Китая и которая довершит дело его европеизации.

Camille Sobater Le Transsaharien (Путь через Сахару). Toulouse 192[illegible]. Изд. Camille et Fournié. Paris 1922 изд. Lorose.

Сабатье—один из поборников идеи проведения железнодорожного пути через Сахару. Он не закрывает глаза на трудности этого предприятия и подробно рассматривает все связанные с ним вопросы. Автор выдвигает свой проект, который в числе других преимуществ отличается наиболее короткой линией перехода через безводные пространства и наибольшей дешевизной. Вместе с тем линия, им предложенная, имеет для Франции большое военное и экономическое значение, так как проходит через плодородные богатые районы (Тафна, Бергуен, Хюир, Оазис).

Lyautey Lettres du Tonkin et de Madagaskar. (Письма из Тонкина и Мадагаскара). Paris 1921. Изд. Armau Colin 2 тома цена 40 фр.

Автор этой книги—французский маршал в отставке, бывший во время войны главным резидентом Марокского протектората. «Письма из Тонкина и Мадагаскара» живописным и ярким языком рисуют эти два этапа его колониальной карьеры. Личные воспоминания всякого рода перемежаются здесь с описаниями колоний и характеристикой французского колониального управления.

S Ferdinand — L p. La Tunisie et ses richesses (Тунис и его богатство). Paris 1922 г. Издание Roger.

Книга посвящена естественным богатствам и экономическому положению Туниси. Много места уделяется ископаемым богатствам и сельскому хозяйству Книга сама по себе дает лишь конкретный и цифровой материал; предисловие, написанное депутатом Сулье, излагает развитие французской колониальной политики с начала XIX века.

Justin Godart. L'Albanie en 1921 г. (Албания в 1921 г.). Paris 1921, Изд. Les Presses universitaires de France).

Двумя последовательными событиями внимание французской публики было привлечено к современной Албании. Одним из них было убийство Эссада Паши албанским студентом, другое—бомбардировка албанской территории сербами в 1921 году. Книга Годора имеет целью помочь широкой публике разобраться в сложных албанских делах. Автор ее—выдающийся знаток вопросов Ближнего Востока: он был одним из членов анкетной комиссии, командированной на Балканы во время войны 1912—13 гг. Его последняя работа отмечена симпатией, которую он проявляет по отношению к албанцам. Он указывает на нарождающийся империализм некоторых из балканских народностей и выступает в защиту «молодой албанской республики». Книга его снабжена множеством документов и содержит значительный материал об этой малоизвестной стране.

II. НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Alfredo Acitto L'oriente Arabo (Арабский Восток). Milano 1921. Изд. Popolo d'Italia.

Книга принадлежит перу итальянского националиста, выражающего взгляды фашистских кругов. Тенденция автора резко враждебна Франции; он нападает на политику на Ближнем Востоке, в частности на генерала Гуро. Напротив. Эмир Фейсал рисуется в благоприятном свете, как освободитель арабского народа. По мнению автора, в интересах Италии содействовать образованию арабской конфедерации, охватывающей Сирию, Палестину, Ливан и Ирак—с тем, что каждая из этих стран «сохранит свою административную и политическую независимость». Автор высказывается, однако, против требований пан-арабизма, который стремится об'единить указанные выше четыре страны вместе с Геджасом и Йеменом в одно государство.

К книге приложены различные документы и тексты договоров, относящиеся, к арабскому востоку, равно как хронологический указатель всех событый, имеющих к нему отношение.

Gennaro Mondaini. L'assetto coloniale delmondo dopo la guerra (Колониальная система после войны). Болонья 1921. Изд. Capelli.

Автор рассматривает колониальную политику Германии и характеризует ту роль, которую колониальные вопросы сыграли в возникновении мировой войны. Далее в книге подробно излагаются политические и территориальные результаты войны в отношении колоний, а также те юридические и экономические особенности, которые были привнесены ее исходом в вопросы колонизации. Автор указывает на усиленное развитие колониального империализма после войны. Англия, которая везде придерживалась принципа свободной торговли, в настоящее время перешла к имперскому протекционизму; Франция стремится экономически ассимилировать свои колонии. Германский колониальный империализм только что сошел со сцены— и уже неизбежны новые конфликты между победителями.

III. НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Leo Pasvolsky Russia in the Far East (Россия на Дальнем Востоке). London 1922. Изд. Macmillon and C° стр. 181. Цена 18 шил.

Книга Пазвольского—очередной выпад против Советской России. Она написана во время Вашингтонской конференции и автор преследует цель «облегчить понимание положения России на Дальнем Востоке, которое создалось к этому времени». Пазвольский начинает с того, что описывает фатальные последствия действий русского империализма в Азии. По его мнению дальневосточная политика Советской России столь же неудачна.—Большевики,—заявляет он,—обманутые в своей надежде на немедленное восстание восточных народов, находятся сейчас на совершенно ложном пути. Они обвиняют Японию в агрессивных и провокационных действиях в Сибири,—между тем, по его мнению, московское правительство ведет совершенно такую же политику в Монголии. При этом большевики все еще пытаются основывать в Азии коммунистические государства, которые опирались бы на беспокойное меньшинство народа. Для этого они не останавливаются перед союзом с такими националистскими и религиозно-мелитанскими группировками, как кемалисты.

Книга Пазвольского содержит подробную информацию о Дальне-Восточной республике. Информация эта, разумеется, пропитана той же тенденцией, как и все остальное в этом произведении.

The New Map of Asia, — Herbert H. Adams. Изд. The Century C°., New-York 1921. „Новая карта Азии".

Книга останавливает внимание читателя, главным образом, на результатах Версальской конференции на страны Азии, в особенности на Персии. Афганистане, Сиаме. Китае. Автор также разбирает крайне спутанные взаимоотношения Японии и Китая.

The Foreignu Relations of China: A history and a Survey. — Ming Chien Joshua Bau. Изд. Fleming H. Revell C°., Chicago, 1921. (Иностранные отношения Китая; история и обозрение).

Книга ничего нового в рассматриваемый вопрос не вносит, но она, тем не менее, сильна своим искренним и убедительным тоном и принадлежит перу молодого китайского писателя.

China: Captive or Free. — A study of china's entanglement, — Gilbert Reid. Издание Dodd, Mead & C°. New-York 1921. (Китай: порабощенный или освобожденный).

Разбирая положение Китая с начала мировой войны, уделяя больше внимания иностранным делам и связям Китая, автор утверждает, что все главные державы мира: Германия, Великобритания, Франция, Россия и Япония, одинаково повинны в разделе и грабеже Китая. Нейтралитет Китая нарушался более часто, чем это было абсолютно необходимо. А целый ряд пред'являемых к Китаю требований (например, «21 требование» Японии) были ничем со стороны Китая не вызваны и были верхом несправедливости.

Вопросу об истории русской политики на Дальнем Востоке посвящена книга г. Пасвольского «*Russia in the Far East*», вышедшая в издании *Macmillan* (Нью-Йорк) в 1922 году.

Болгарский министр в Соединенных Штатах, г. Степан Панаретов, опубликовал в издании *Macmillan*, в Нью-Йорке, в 1922 г. книгу о положении на Ближнем Востоке и Балканском полуострове: «*Near Eastern Affairs and conditions*».

Sidney Greenby-The Pacific Triangle (Тихоокеанский треугольник) London, 1922 г. Изд. Mills. and Boon. 18 шилл.

Книга содержит описание впечатлений автора во время многочисленных путешествий по Тихому Океану, его жизни на обоих тихоокеанских берегах и на Гавайском архипелаге. Помимо этих, хорошо изложенных журналистских заметок и наблюдений, Гринби рассматривает «Проблемы Тихого океана», описывает и анализирует борьбу рас, племен и цивилизаций и дает богатый материал по политическим и социальным (напр. об иммиграционном законодательстве) вопросам.

Gilbert Reid. China Captive or free (Китай — пленный или свободный) Лондон, 1921. Allenaud Unwin 12 ш. 6 пенс.

Гильберт Рейд—американец, директор Международного Института в Пекине, проживший в Китае свыше 40 лет. Он заявляет о своих симпатиях к Китаю и пытается разобраться в сложной ситуации, создавшейся в бывшей серединной Империи со всей возможной об'ективностью. Первые главы книги посвящены описанию той анархии и того хаоса, которые являют собой современный Китай. Для многих эта анархия служит доказательством того положения, что китайцы неспособны к государственному существованию. Рейд решительно возражает против этого предрассудка и доказывает, что современное печальное состояние Китая вызвано хищнической политикой союзников во время войны, политикой, которая между прочим, создала соответствующие возможности для агрессивных действий японского империализма. Напрасно возлагать всю ответственность на одних японцев—ее в равной мере несут Англия, Франция и даже Соед. Штаты. Не было никаких оснований распространять войну на Дальний Восток, но союзники хотели во что бы то ни стало разрушить германскую торговлю в Китае. Рейд подробно описывает давление, оказанное на Китай со стороны союзников с целью добиться высылки немцев и разрыва с Германией, равно как и двусмысленное поведение держав в отношении гражданской войны в Китае и японских захватнических планов.

Книга Рейда написана перед Вашингтонской конференцией. Автор выражает, между прочим, свое убеждение, что если бы внешнее давление на Китай прекра-

тилось бы и вместе утихла гражданская война—китайцы быстро и легко справились бы со всеми своими затруднениями и страна стала бы с успехом развиваться как в экономическом, так и в политическом отношениях.

На отношениях между Китаем и Соединенными Штатами Северной Америки останавливается *Stanley High* в своей книге «*China's Place in the Sun*», вышедшей в 1922 году в издании *Macmillan*, в Нью-Йорке.

Известный философ Индии, Рабиндранат Тагор, издал новую книгу статей «*Creative Unity*», в которой он призывает к единству и согласию. Этого по его мнению можно добиться посредством введения восточной философии в западную цивилизацию. Книга издана *Macmillan Company*, в Нью-Йорке, в 1922 г.

Г. Каваками, японский публицист, проживающий в С. Ш., опубликовал в издании Macmillan книгу о взаимоотношениях Японии и Соединенных Штатов: «*The Real Japanese Question*», *by Kawakami*, в которой он, главным образом, останавливается на японской колонизации тихо-океанского побережья С. Ш. и вытекающих отсюда вопросах и конфликтах.

Издательство *Appleton* в Нью-Йорке выпустило специальную книгу для экспортеров и финансистов о коммерческих, промышленных и финансовых возможностях Азии «*Trading with Asia*». В специальных главах автор книги *Frank R. Eldridge* останавливается на истории, современном положении, форме правительства, тарифных и пошлинных законах, торговых договорах, состоянии промышленности, сельского хозяйства, коммерции Японии, Китая, Британской и Голландской Индии, французского Индо-Китая, Сиама и др. стран. К книге приложены коммерческая карта Азии и железнодорожная и морская карта Китая.

J. W. Roberson-Scott. The Foundations of Japan (Основа Японии) London 1922. Изд. John Murrey, стр. 446 ц.—24 ш.

Нет ни одной страны, в отношении которой Европа в течение последних сорока лет была так мало осведомлена, как в отношении Японии. Было время, когда под влиянием Лефкадио Херна Японию идеализировали. Русско-японская война представлялась воображению европейского «образованного общества» как героическая борьба японской нации за свободу. Потом наступило разочарование—грубость японского милитаризма, ее всем очевидный агрессивный империализм, оттолкнули от нее симпатии общественного мнения Европы. В Европе распространилось убеждение, что японские варвары заимствуют от европейской культуры лишь ее худшие стороны.

При наличии такой двойственности отношения европейцев к Японии, полагает автор, особенно необходимо сохранить об'ективность. По единодушным отзывам критики ему это вполне удалось.

Робертсон-Скотт—англичанин, проживший в Японии много лет, прекрасно владеющий японским языком, об'ездивший японскую империю взад и вперед. Во время войны он издавал в Токио журнал «The New East». После заключения мира Робертсон-Скотт вернулся в Англию, где и работал над своим трудом.

«Основа Японии» — ее сельское хозяйство. Автор обрисовывает японское крестьянство, характеризует его быт, его занятия, его орудия производства, нравы, религию и политические настроения. Он приводит, между прочим, многочисленные иллюстрации повествовательного характера, описывает свои личные впечатления, встречи и путешествия. Вместе с тем книга его содержит обстоятельный статистико-экономический материал и автор рассматривает целый ряд общих вопросов японской жизни.

В общем и целом японская деревня бедна и труд японского крестьянина чрезвычайно тяжел. Бедность заставляет крестьян отсылать своих детей в города, где работа на шелковых и других фабриках обставлена ужасными условиями и оплачивается нищенски. Часто наблюдается продажа крестьянами своих детей—особенно девочек. Последние становятся гейшами, горничными в чайных домиках и проститутками—между этими тремя профессиями существует лишь номинальная разница. Положение трудящихся во всей стране ужасно; оно еще усугубляется тем обстоятельством, что правительство преследует профессиональные союзы. Социалистическое движение развивается медленно. Еще недавно, указывает автор, за исповедывание социалистических принципов полагалось обезглавление—как и теперь, впрочем, за исповедывание коммунистических; японский микадо все еще бог в глазах населения.

Наряду с этой социальной и политическоой отсталостью книга Скотта рисует колоссальный экономический, в частности, сельско-хозяйственный прогресс последних десятилетий. В этом отношении показательно, что около трети всех японских крестьян, именно 2.000.000 крестьянских семейств, заняты весьма интенсивным шелководством. Скотт подробно описывает высоко-совершенные и вполне современные технические методы японского сельского хозяйства. В Японии существует большое количество агрономических школ, распространяющих среди населения применение новейших орудий и приспособлений. Эта высокая агрономическая техника резко дисгармонирует с реакционным и патриархальным социально-политическим укладом жизни и с архаическими формами семейного и общественного быта.

Скотт уделяет много места рассмотрению больного для Японии вопроса о перенаселении и об эмиграции. Япония все еще в основе своей крестьянская страна, а между тем плотность ее населения в среднем равна плотности населения Англии, в которой больше ¾ жителей живут в городах. Далее в Англии под обработкой находится 27% всей территории, тогда как в Японии всего 15%. Эти цифры характеризуют степень затруднений, которые испытывает Япония вследствие своей перенаселенности. Между тем население Японии ежегодно возрастало в среднем на 1,478% в 1909—13 г.г и на 1,206% в 1914—18 г.г.—т. - е., уровень прироста населения в Японии выше чем в какой-либо из Европейских стран, исключая Германию и Румынию до войны. Именно, эта перенаселенность об'ясняет, с одной стороны, размеры японской эмиграции и направление ее внешней политики, с другой—необходимость применять в сельском хозяйстве интенсивные методы и существующая несмотря на это нищета японского крестьянства. Средний доход японской крестьянской семьи—350 иен—т. - е., около 35 фунтов и притом громадное большинство крестьян обременено задолженностью кулакам.

Книга Скотта была встречена чрезвычайно благоприятными отзывами критики, отметившей ее, как ценный вклад в науку востоковедения.

Barbara Wingfield—Stratford—India and the English. (Индия и Английское). Lendon, 1922 г. Изд. Ionathan Cape 7 ш. 6 п.

Автор описывает жизнь англичан в Индии по личным своим воспоминаниям—во время войны и после перемирия. Предисловие, написанное индусом Serinavasa Sastri говорит о том, что целью книги является сближение Британии и Индии по-

средством взаимного познания и взаимной симпатии. Несмотря на столь дружественные намерения, книга больше похожа на обвинительный акт против англичан. О поведении англичан в Индии автор высказывается весьма резко. Мистрисс Вингфильд уехала из Англии в начале войны и попала в обстановку, в которой «вообще не верилось, что война где-либо происходит». Она была поражена тем духом, который царил среди английской колонии, жаждой наслаждений, отсутствием понимания серьезных вопросов индусской жизни. Еще более поразило ее то обстоятельство, что из десяти англо-индусов девять острой ненавистью ненавидели туземцев и относились ко всем индусским делам с презрением, смешанным со страхом, «который побуждал их с истерической радостью одобрять всякую жестокость, всякое действие, направленное к подавлению населения — как вплоть до недавних убийств в Амритсаре». Тот же дух, свидетельствует г-жа Вингфильд, царит в гражданской администрации Индии (Indian Civil Service), которая всегда предубеждена против индусов по рождению. Резкая критика английской колонии и ее правов заканчивается довольно-таки наивным утверждением, что индусы от высших до низших классов готовы идти на встречу англичанам, что не замедлит обнаружиться, если последние будут обращаться с ними как с равными и по справедливости — «вместо того, чтобы беспрестанно тыкать им кулаком в физиономию, как мы это беспрестанно делаем». Более глубокий анализ колониальных отношений, очевидно, автору недоступен.

E. Alexander Powell When the Strange T'roils go Down. (Где идут по странным следам). London 1922. Изд. Charles Seribner's Sons. стр. 279. Цена 15 ш.

Книга эта — новый тип путевых заметок, появившийся на свет благодаря предприимчивости одной кинематографической компании, отправившей экспедицию за съемками на Малайский архипелаг. Автор описывает Борнео, Яву, Целебес, Сиам, Кохинхину и Камбоджу. Книга содержит много серьезного материала относительно этих колоний. Автор является поклонником голландской колониальной системы; напротив, касаясь британского Сев. Борнео, он сурово критикует политику Компании (Chartered C-ie) и дает убийственное описание ее деятельности.

Sir Henry G. Elliot — Some Revolutions and other diplomatic experiences (Некоторые революции и прочие дипломатические впечатления). London 1922 г. Изд. Murray 16 шилл.

Когда во второй половине XIX века Англия была взволнована сообщениями о жестокостях, совершенных над болгарами, на британского посланника в Константинополе посыпались обвинения за непринятие надлежащих мер, бездеятельность и т. д. Гладстон и Дизраэли оба публично выражали свое возмущение. Посланник— сэр Эллиот — за несколько лет до своей смерти выступил с печатным ответом на все эти обвинения. Книга его была впервые напечатана в 1907 г., но не появилась в продаже, а предназначалась лишь для некоторых частных лиц; лишь теперь его книга получила всеобщую известность.

По мнению Эллиота, в столкновениях, которые первоначально происходили между турками и их подданными—христианами—агрессивная роль принадлежала именно христианам, которых подстрекали русские агенты. Лишь впоследствии турки в свою очередь стали мстить. Их поступки были конечно, жестоки, но европейское представление о турецких зверствах значительно преувеличено. Автор приводит несколько случаев, в которых пресловутые зверства были просто инсценированы post factum.

Что касается лично себя — Эллиот заявляет, что его поведение было безупречно. Он предупреждал свое правительство, что готовятся события. Чудаковатый

автор полагает, что единственное, в чем его можно упрекнуть, — это в том, что он — не «романтик». В романтике его действительно трудно упрекать, ибо в той же книге он описывает завоевание Неаполя войсками Гарибальди и при этом проявляет только характерную английскую брюзгливость. Мадзини по его мнению— каторжник; Кавура он не переносит, Гарибальди уважает, но при этом высказывает свое опасение, как бы Гарибальди не оказался к несчастью «энтузиастом». Гарибальдийцы представляются ему бандой, а Александра Дюма, который был в это время приглашен в качестве директора музея в Италию, он считает почему-то вором.

Книга Эллиота относится к давно прошедшим временам, но имеет исторический и мемуарный интерес — между прочим, как образчик впечатлений старого поколения английских дипломатов от революционного и национального движения их времен.

Captaine C. A. W. Monckton. Last days in New Guinea (Былые дни в Новой Гвинее). London 1921. Изд. John Lane. 18 шилл.

Книга принадлежит перу правительственного резидента в Новой Гвинее или в Палуе, как она теперь называется. Книга написана ярким языком, содержит множество характерных и интересных эпизодов и с этой стороны похожа на роман с приключениями, но наряду с этим в ней содержится богатый этнографический материал о жизни первобытных, каннибальских племен Новой Гвинеи. Автор подчеркивает, между прочим, наличие твердых моральных правил у людоедов, которые, несмотря на свое каннибальство, остаются в своем роде «честными, верными и моральными людьми». Он иллюстрирует эту мысль характеристикой различных сторон каннибальского быта — между прочим их отношением к браку. Много внимания уделяется вопросу о правильной организации управления племенами стоящими на низкой ступени развития. Успех этой администрации в значительной мере зависит от того, насколько администратор считается с их верованиями и представлениями. Автор презрительно отзывается о тех, кто пытается обращаться с дикарями как с детьми. Напротив—общественный строй каннибалов представляется ему чем-то весьма прочным и законченным и слишком поспешные попытки революционизировать этот быт приводят лишь к восстаниям и войне.

Капитан Монктон пользовался среди туземцев огромной популярностью. Ему удалось, как он рассказывает, совершить с их помощью две интересных экспедиции; из коих одна — путешествие вдоль границы «земли императора Вильгельма» — была несколько лет тому назад предпринята группой немцев, но закончилась тем, что сопровождавшие группу туземцы с'ели всех белых. Ничего подобного не случилось с Монктоном, который благополучно довел до конца свое предприятие и остался невредим, хотя ему и его эскорту из людоедов приходилось многократно голодать в дороге. Несмотря на эту популярность у дикарей Монктон был в постоянных контрах с высшей британской администрацией провинции и в конце-концов предпочел подать в отставку. Книга его написана вскоре после этого события.

Rev. John Roscoe. The Soul of the Central Africa (Душа центральной Африки) London. Изд. Cassel and C° стр. 336. Цена 25 шилл.

Джон Роско был много лет миссионером англиканской церкви в Уганде. Его перу принадлежит несколько выдающихся работ по этнографии. (Последние из них вышедшие в 1911 — 1915 г.г. — «The Baganda» и «The northern Bantu»). Успех этих книг привел к тому, что автора предлагали назначить главой специальной ученой экспедиции, которая должна была отправиться вглубь

экваториальной Африки. Однако, Роско предпочел отправиться один. Книга, содержащая отчет об этом путешествии, посвящена по преимуществу негритянским «аристократическим» племенем «Бохиме» и содержит обстоятельный этнографический материал по этому предмету, сопровожденный множеством иллюстраций и фотографий.

Leonard John. Vanden Bergh On Traie of the Pygmies (По следам пигмеев). London Unwiu 264 стр. Цена 12 шилл. 6 п.

Книга написана для американского читателя, мало знакомого с Африкой и с литературой по вопросу о черном континенте. Автор, как видно из прдисловия, ставит своей целью дать этому читателю общее представление о восточно-африканских дикарях. Берг прожил в Восточной Африке в качестве миссионера с 1896 по 1905 г.; в 1919 г. он вернулся туда во главе экспедиции, организованной каким-то кинематографическим обществом. Книга Берга содержит материал по преимуществу собранный во время этой последней эспедиции и относящийся к пигмейским племенам Кото-Ванийка, Вокамба, Вакикуйю, Мозои, Вокавирондо и Мамбути.

Colonel Stotham. Through Angola (через Анголу) London. Изд. Blackwoocd Sons стр. 388. Цена 28 шилл.

«Через Анголу» — подробное описание португальской колонии в западной Африке. Книга охватывает ее историю, политические установления, экономические возможности, расовые обычаи населяющих ее племен и натуральные богатства почвы. Автор представляет собой оригинальную смесь авантюриста-охотника, который на другой день после окончания войны «об'явил борьбу спокойной жизни» — и ученого. Охота на крупную дичь занимает большое место в его книге, но наряду с этим, она содержит серьезный и интересный материал.

Как указывает автор, Ангола, несмотря на все ея богатства, переживает полнейший застой. Это чрезмерные ввозные пошлины (25% ad valorlun и выше) исключительные тарифы, огромное количество европейских чиновников, содержание которых обходится дорого, а польза от которых ничтожна, системе принудительного труда туземцев, стремление португальцев парализовать власть и влияние вождей местных племен — таковы по мнению Стэтхэма важнейшие причины упадка. Торговля колонии упала с 12,7 милл. фунтов в 1900 г. до 9,5 милл. фунтов, 1914 г.; ежегодный дефицит удвоился. Между тем огромная территория этой колонии (480.000 кв. англ. миль) больше чем площадь всех британских владений в Зап. Африке вместе взятых. Она имеет прекрасный порт в Лобито, от которого идет железная дорога на Катангу. Ее внутреннее плоскогорье (4—6 тыс. футов высоты; расположено в 11—12° к югу от экватора) представляет 12.000.000 акров годной в обработке земли с достаточным количеством осадков. По мнению Стэтхэма, климат Анголы здоровее чем в Европе — плоскогорье совершенно избавлено от малярии и от мухи це-це. Из 12 милл. акров 8½ милл. расположены по близости железной дороги. Автор подробно описывает земельное законодательство колонии. Что касается населения, то плотность туземного населения, благодаря недавно еще существовавшему рабству и сонной болезни, крайне незначительна — всего 7 чел. на кв. миль. Натуральные богатства колонии колоссальны — хлопок и кофе растут в диком состоянии, так же, как и како, резина и сахарный тростник. Среди почвенных богатств — бриллианты, золото, медь и нефть (последняя уже находится в руках «Standart Oil»).

Sir F. B. Lugard. The Dual Mandate in British Tropical Africa. (Двойственный мондат в британской тропической Африке). London, 1922 г. Изд. — Blackwood 42 шилл.

Книга Люгарда посвящена сложным вопросам английской колониальной политики в тропической Африке. Автор — принципиальный и убежденный апологет империализма — грозно обрушивается на колониальную (африканскую) программу, выставленную английской рабочей партией. Он требует, чтобы был образован особый Совет по делам Восточной Африки, в который должны войти бывшие и настоящие администраторы, а также представители трех крупнейших английских торговых палат — т.-е. чтобы вопросы, касающиеся судьбы тропических областей разрешались исключительно в интересах английской буржуазии и администрации. Он является, наконец, сторонником ввоза законтрактованных рабочих, положение которых вполне аналогично рабскому. Несмотря на это, в целом ряде вопросов практической политики, он занимает позицию довольно близкую ко взглядам рабочей партии и часто аргументирует выражениями ее колониального манифеста. Так, он решительно осуждает закон, установивший шестидесятидневную трудовую повинность для туземцев, использование вождей племен для набора рабочих; он протестует также против попыток принудить туземцев к работе на белых колонистов путем их обезземеления или нарочито-тяжелого налогового обложения и т. п. В связи с этим книга его содержит богатый материал о методах английского империализма в тропической Африке и о последствиях этих методов для туземного населения.

Журнал и бюллетени Дальне-Восточного секретариата Коминтерна.

Из всех колоний, изучению которых посвящена огромная литература, страны Дальнего Востока, Китай, Корея, Тибет и Монголия, находящиеся на положении колоний, представляют еще некий сфинкс, разгадать который потребуется еще много времени и не мало исследований. С этой точки зрения крайне ценна литература Дальневосточного секретариата Коминтерна, которая в известной степени поможет во многом разобраться, понять создавшуюся в последнее время в этих странах внутреннюю и международную ситуацию.

Дальневосточный секретариат издавал в 1921 г. в Иркутске бюллетени и журналы, выход которых ныне уже прекратился. Всего вышло пять номеров ежемесячного журнала «Народы Дальнего Востока» и десять бюллетеней двухнедельных Дальневосточного Секретариата Коминтерна и двухнедельного «Бюллетеня Информационного Отдела Секретариата»—под общей редакцией Б. Шумяцкого.

В бюллетенях Секретариата и Информационного Отдела главным образом содержатся информационные статьи и заметки о политическом положении стран Дальнего Востока—Японии, Китая, Монголии и т. д. Политическая хроника, в некоторых номерах довольно разнообразная и содержательная, детально освещает и выступления на Востоке разного рода международных авантюристов против Советской власти. При разгроме Унгерновских банд монгольской народной революционной армией и советскими частями было перехвачено чрезвычайно много интересных документов, представляющих исторический интерес не только потому, что они раскрывают все честолюбивые планы Унгерна, но и по стилю так характерному для этого последнего ставленника русских реакционеров и японских империалистов. В одном из номеров бюллетеней Информационного Отдела Дальневосточного секретариата Коминтерна приводится отрывок из одного письма Унгерна к одному из приближенных Чжан-Цзо-Лина—губернатору одной из китайских провинций,

находящейся под властью Чжана, из которого выясняется, что барон имел тайную связь с Манджурским диктатором, который играл двойственную роль: с одной стороны получал громадные суммы денег от Пекинского правительства на усмирение восставших монгол и разгром Унгерна, а с другой стороны через своих приближенных вел переговоры с бароном.

Много места отводится в бюллетенях и рабочему движению в странах Дальнего Востока.

В номерах журнала «Народы Дальнего Востока» находим ряд обстоятельных статей, освещающих жизнь Китая, Японии и других стран. Интересные данные приведены в статье Абрамсона: «Материалы по истории пятой китайской революции», проливающей свет на своевременное положение Китая и в частности на причины начавшегося в 1920 г. освободительного революционного движения. Общее освещение жизни Китая, данные в этой статье сейчас нуждаются уже в значительных коррективах в связи с последними событиями в Китае.

Рабочему движению в Японии и японскому империализму посвящена статья тов. Эмге, в которой автор отмечает, что русская пролетарская революция не прошла бесследно для японского рабочего движения. Результатом явилось усиление коммунистического крыла и вообще экстремистских течений в японском социализме и отходе рабочих от социал-реформистов. Из ряда других многочисленных статей следует отметить статьи М. Павловича, Б. Шумяцкого и др.

II. История, этнология и культура Востока.

АЗИАТСКИЙ СБОРНИК. Из известий Российской Академии Наук. Новая серия. 1918 г. Mèlanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Academie des Sciences de Russie. Nouvelle serie. Петроград, стр. 520.

Прекратившиеся в 1904 г. «Mèlanges Asiatiques» недавно снова возобновились выпуском сборника статей по востоковедению, извлеченных из «Известий» и «Протоколов» Российской Академии Наук за 1918 г. Можно вполне приветствовать возобновление почтенного академического издания, пользовавшегося заслуженной популярностью среди ориенталистов как России, так и Запада.

«Mèlanges Asiatiques» представляют обширный том в 520 страниц, заключающий в себе 42 статьи. Если принять во внимание, что эти статьи за один год и написанные во время, мало благоприятное для кабинетных ученых работ, то цифра получается в достаточной степени внушительная. Это является лишний раз свидетельством, что наше востоковедение энергично двигается вперед, ширится и растет.

Написанные академиками и другими учеными статьи «Азиатского сборника» в большинстве случаев имеют строго-специальный характер. Ценны и интересны, как всегда, статьи акад. Н. Я. Марра. Работы на сугубо-специальные темы: «Яфетические элементы в языках Армении». и «Ossetica-Yaphetica» представляют по своим конечным выводам широкий общий интерес. Замечательные открытия в области яфетидологии, сделанные акад. Марром, проливают совершенно новый свет и на прежние лингвистические представления и на древнейшее прошлое культуры. Постепенно начинают вырисовываться яфетические основы древнейшей человеческой цивилизации. Помещенные в настоящем сборнике статьи являются великолепными экскурсами, от чистой лингвистики переходящими к любопытнейшим

сравнительно-историческим и сравнительно-мифологическим построениям. Особенно остроумно трактован в этюде «Ossetica-Japhetica» термин «вещая птица».

Акад. В. В. Бартольд посвятил небольшую статью вопросу о полумесяце, как символе ислама. В другой статье он разбирает религиозное движение X-го века в Багдадском халифате. Акад. И. Ю. Крачковский дал статью и о новой рукописи стихотворений Зу-р-Руммы, арабского поэта, завершающего собой классический период после исламской поэзии (ум. ок. 735 г.;) И. Ю. Крачковским составлено и «Описание бумаг барона В. Р. Розена, поступивших в Азиатский Музей Российской Академии Наук». Проф. А. Н. Самойлович в статье «Несколько поправок к ярлыку Тимур - Кутлуга» касается интересного, снова ожившего в востоковедной литературе вопроса о ханских ярлыках. Недавние публикации проф. М. Д. Приселкова, Н. И. Веселовского, В. Д. Смирнова дополняются теперь весьма примечательными соображениями и данными, приведенными в вышеуказанной статье А. Н. Самойловича.

Иранистика представлена статьями А. А. Фреймана, В. А. Иванова, А. А. Ромаскевича. По индианистике ценны статьи акад. С. Ольденбурга «Le moine et l'oiseau à la piere precieuse» и Ф. А. Розенберга «Deux fragments sogdien—bouddhigues du Tsièn-fo-tong de Touen—Houang (Mission S. d'Oldenbourg. 1914—1915).»

В последней статье опубликовываются литературные материалы, фрагменты сказки, добытые Дунь-Хуанской экспедицией акад. Ольденбурга.

Дальний Восток представлен в настоящей книге статьями А. И. Иванова (памятники Тангутского письма), Б. Я. Владимирцева, Монгольские рукописи и ксилографы, переданные проф. Рудневым О. О. Розенберга (Опыт кодификации идеографического элемента японского языка) и Е. Д. Поливанова (Одна из японо-малайских параллелей).

Особое место в «Mèlanges» занимают некрологи почивших деятелей востоковедения как русских, так и иностранных. Написанные первоклассными специалистами, некрологи эти представляют выдающийся интерес, так как дают не только высокоавторитетные оценки научной деятельности окончивших жизненый путь ученых, но и целые экскурсы в область истории науки и умственной культуры нашего времени. Таковы все статьи, написанные акад. С. Ф. Ольденбургом, помянувшим Огюста Барта, В. П. Васильева, В. В. Радлова, Генриха Керна, Эдуарда Шаванна (совместно с В. В. Бартольдом), В. А. Жуковского. Памяти знаменитого русского синолога, кроме статьи С. Ф. Ольденбурга посвящены статьи В. В. Бартольда (Исторические и географические труды В. П. Васильева) и А. И. Иванова (В. П. Васильев, как синолог). В. В. Бартольд дал также некролог Н. И. Веселовского, а П. К. Коковцов известного коптолога О. Э. фон-Лемма.

Если некрологи—дань уважения почившим, то напечатанные в «Mèlanges» записки об ученых трудах специалистов на предмет привлечения их в Академию знаменует непрекращающийся рост востоковеденых сил. Грустно только, что относящаяся к 1918 г. записка об ученых трудах нашего знаменитого египтолога, незабвенного Б. А. Тураева является в настоящее время некрологом .

В начале сборника напечатан список статей по востоковедению, помещенных в «Известиях Академии Наук» за период 1895—1917 г.г. Несколько затрудняет пользование монументальной книгой отсутствие общей пагинации.

Проф. **И. Бороздин.**

Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры. Том 1. Государственное издательство 1921 г. 404 стр. XXX таблиц.

Российская Академия Истории Материальной Культуры выпустила первый том своих известий, представляющий большой интерес по богатству собранного в нем научного материала. Здесь имеются работы видных специалистов в области археологии, искусства, лингвистики. Остановимся на обзоре трудов, посвященных Востоку: их имеется довольно большое количество.

Глава русской египтологической школы, ныне покойный академик Б. А. Тураев дал свою интереснейшую статью, посвященную египетским рельефам с изображениями погребальных процессий,—Музея Изящных Искусств. Эта работа была им написана летом 1919 года.

Акад. Тураев отмечает значительную распространенность в египетском искусстве изображений погребальных обрядов и шествий. Всю свою жизнь «древний египтянин готовился к прекрасному погребению по старости, к соединению с землей». Воспроизведения погребения в гробницах, на стенах и на папирусах, по всей вероятности, пишет акад. Тураев, «имели религиозное магическое значение, закрепляя на веки и продолжая таинственное действие погребальных обрядов, необходимых для благополучия усопшего». Дав некоторую группировку подобных памятников и обследуя три прекрасных рельефа Музея Изящных Искусств, изображающих части погребальных процессий, он определяет фиванское происхождение двух из них и мемфисское одного. Попутно автором дается ряд ценных сравнений и очень любопытных замечаний, как со стороны ритуала, так и художественной.

Второй статьей акад. Тураева является текст заметки Papyrus Prachov в собрании Тураева, которая была написана покойным академиком в качестве предисловия к выпуску пяти фототипических таблиц, воспроизводящих Papyrus Prachov, определяя содержание его, как часть земельной книги из фиванских храмов или что-либо в этом роде, акад. Тураев относит этот папирус к эпохе XXI—XXV династии.

Ученики акад. Тураева поместили следующие свои работы: Проф. В. В. Струве дал статью: «Сенаар и Египет». Начинается она словами акад. Тураева, формулирующими проблему о возможности взаимоотношений Сенаара и Египта в наиболее ранние эпохи. Проф. Струве прибавляет к этому материалу свои некоторые интересные наблюдения, полученные им при изучении памятников коллекции Эрмитажа.

Им рассматривается чрезвычайно любопытное совпадение в украшении ладьи сумерийского бога Эа или Энки и ладьи египетского бога Сокара. Затем в области мифологии отмечается сближение Сенаара и Египта, приведенные проф. Струве строки из одного эрмитажного папируса, представляющие яркий отрывок одной версии книги бытия древнего Египта, ставящей во главе мироздания борьбу с водной стихией, — дают достаточно яркую аналогию египетской космогонии с вавилонской.

Ф. Ф. Гесс написал статью, посвященную композиции человеческой фигуры в египетском рисунке и рельефе. Разбирая проблему, затронутую проф. В. К. Мальмбергом, заключающуюся в об'яснении странной конструкции человеческой фигуры в египетском рисунке и рельефе («Старый Предрассудок»), автор очень внимательно рассматривает «каноническое изображение человеческой фигуры в египетском искусстве», приводя при этом существующие взгляды и некоторые свои любопытные наблюдения.

Весьма ценной работой является статья акад. Н. Я. Марра, посвященная разбору фрагмента Халдской надписи ванского царя Менуи из Алашкерта. Дав перевод акад. Марр указывает на лингвистические особенности разбираемого памятника, представляющего исключительный интерес по возбужденному вопросу о

Халдском происхождении названия самого народа Алашкерт. Заметки по семитической эпиграфике даны В. К. Шилейко, им разбираются савейские надписи, и пальмирская эпитафия, находящиеся в Эрмитаже, затем пунические фрагменты в собрании Тураева и арамейская магическая чаша в собрании Лихачева. Автором приводится текст описываемого памятника и дается перевод, указывающий на большую эрудицию и тонкое знание семитических языков.

Второй статьей В. К. Шилейко являются документы из Гюль-Тепе, холма близ деревни Кара-Эйюк, древнейшие памятники ассирийской письменности, восходящие к XXIV веку, известные под названием «каппадокийских» таблеток; автором даются тексты нескольких, частью изданных, частью неизданных каппадокийских таблеток из собрания Голенищева, из принадлежащих Академии Истории Материальной Культуры.

Акад. С. Ф. Ольденбург детально познакомил с организацией археологического изучения Индии. Считая самым основательным недостатком нашей научной работы, особенно в области археологии, отсутствие планомерности и систематичности, акад. Ольденбург знакомит нас с положением того научно-административного учреждения, которому Англия вверяет заботы об археологии значительной части Азии Archeological Departament подчиненного Director general of Archeology in India. Подробно остановившись на обзоре всей этой новейшей организации археологического дела в Индии, акад. Ольденбург заканчивает статью надеждой, «что и у нас в России создастся прочная центральная организация по археологии и что богатейшие наши материалы будут систематически реставрироваться, сохраняться и изучаться».

Акад. В. В. Бартольд дал специальную статью, посвященную персидскому арк «крепость, цитадель». Автор отмечает, что этот термин в смысле «цитадель» не имеет, насколько известно, «ни индоевропейской, ни арийской» этимологии, по звуковому составу его можно признать заимствованным из классических.

Обширное распространение термина арк относится к первым векам после монгольского нашествия. Статья снабжена обильными примечаниями.

Из области эпиграфики Армении проф. И. А. Орбели дал свою работу, посвященную обследованию двух терминов в надписях Ани. Им рассматриваются надписи, касающиеся построения городских стен Ани. Приведенные автором выводы представляются очень убедительными.

Перу проф. Орбели принадлежит в этом томе еще статья, посвященная описанию Версаля в армянской записи 1683 года.

Интересно отметить еще обстоятельную работу Г. И. Боровки, в которой он рассматривая женские головные уборы Чертомлыцкого кургана, устанавливает хеттское влияние на скифский мир.

Внешний вид книги производит очень приятное впечатление. Статьи снабжены рисунками в тексте и хорошо исполненными таблицами, приложенными в конце тома.

Т. Козьмина-Бороздина.

ЗАПИСКИ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. Том XXV. Вып. 1—4. Петербург. Государственное Издательство. 1921. стр. 464.

Восточное Отделение Русского Археологического Общества издавна сгруппировало все виднейшие востоковедные силы Петербурга. Как на очередных заседаниях Отделения, так и на страницах его печатного органа, столь хорошо всем известного, знакомят ориенталисты с результатами своих специальных изысканий. Вышедший недавно XXV том «Записок», обнимающий период 1917—1920 гг., содержит обильный и ценный материал исследовательского характера.

Здесь в первую очередь надо упомянуть три большие статьи акад. Н. Я. Марра. В первой статье, которой и открывается настоящее издание, акад. Марр подвергает тщательному лингвистическому разбору надпись Русы II из Маку. Надпись Русы II, примыкающая к серии ванских надписей, представляет крупнейший интерес, как первоклассный культурно-исторический памятник. Ее разбор, произведенный таким специалистом, как Марр, данным яфетидологии проливщим на многое новый свет, конечно, должен привлечь внимание всего ученого мира, занимающегося древним Востоком. Можно приветствовать, что изучение памятников Ванского царства, начатое Московским Археологическим Обществом, продолжается при ближайшем участии представителей русской науки. А кому как не русским ученым и надо заняться в первую очередь этим любопытнейшим очагом древне-восточной цивилизации, географически к нам ближайшим. В настоящей же книге той же надписи Русы II, посвящена и статья И. И. Мещанинова, касающаяся как лингвистических, так и историко-культурных проблем.

Две других статьи акад. Марра: «Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян» и «К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги», являются результатами его новейших достижений в области яфетидологии. Комбинируя чрезвычайно остроумно данные лингвистики, этнологии, сравнительной истории культур акад. Марр дает интереснейшие и оригинальнейшие об'яснения таким спорным со старых времен вопросам, как вопросы об этрусках и о пеласгах. Безусловно, то оживление в области изучения этрусского вопроса, которое заметно особенно в Италии (в 1912 на III международном археологическом конгрессе в Риме этрусский вопрос занимал видное место в докладах как итальянских, так и приезжих ученых), и которое базируется преимущественно на данных археологии, теперь должно еще более усилиться, освещаемое данными яфетического языкознания. Также своевременен и назрел пересмотр вопроса о пеласгах. В статье о значении двух племенных названий армян обращает особое внимание постановка вопроса о коне, как племенном тотеме. Здесь уже от чисто-лингвистических и этнологических соображений естественен переход к широким социологическим конструкциям, базирующим на данных сравнительной истории культуры.

Древнему Востоку посвящены две статьи ассириолога В. К. Шилейко. В одной из них В. К. Шилейко подвергает рассмотрению фрагмент из Богазкея (из собрания Лихачева), являющийся вавилонской версией (быть может предварительной дипломатической нотой) знаменитого договора хеттского царя Хаттушиля с египетским фараоном Рамзесом II. Вторая статья «Ассириологические заметки» знакомит с результатами предпринятого автором обследования клинописного материала русских собраний (Лихачева, Эрмитажа, Голенищева в Музее Изящных Искусств).

Средневековый Восток представлен статьями акад. В. В. Бартольда. В статье «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов», вызванной чисто-археологическим вопросом о «каменных бабах», акад. Бартольд приводит интереснейший материал, знакомящий с обрядами погребения половцев в русских степях и монголов. Столь же исторический, сколько и этнографический интерес представляет богато иллюстрированная данными статья покойного проф. Н. И. Веселовского «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение». По этнографии и фольклору мы находим обширную статью проф. В. А. Гордлевского—«Замечания на пословицы Крымских татар», изданные П. А. Фалеевым, содержащую ряд ценных дополнений, поправок и вариантов, и статью А. Ромаскевича—«Персидские народные четверостишия II). Интересна статья проф. Ц. А. Орбели—«О первоначальной форме купола Ахтамарского храма».

Во втором отделе «Записок» помещены подробные некрологи почивших деятелей общества—проф. Н. И. Веселовского, проф. В. А. Жуковского и проф. Н. А. Медникова. О Н. И. Веселовском дали статьи четыре автора, рассмотревшие деятель-

ность покойного ученого со всех сторон. Особенно следует отметить статью проф. Б. В. Формаковского—«Н. И. Веселовский—археолог», где крупнейший в настоящее время авторитет в области археологии, оценивает об'ективно колоссальную работу Н. И. Веселовского по производству раскопок. (Н. И. было предпринято подряд 29 кампаний, с целью производства раскопок—факт почти беспримерный в жизни ученых исследователей).

Замыкает настоящую книгу отдел библиографии, где детально ученой оценке академиков С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда и Н. Я. Марра подвергнут ряд новейших иностранных книг по буддизму, исламу и шумирскому языку.

Издан том превосходно, что нельзя не поставить в особую заслугу неутомимым попечениям редактора издания проф. Орбели.

Проф. **И. Бороздин.**

Б. А. Тураев. Египетская литература. Т. I. Исторический очерк древне-египетской литературы (Пам. мировой литературы). Москва, 1920, стр. 279.

Покойный академик, покинувший жизнь в полном расцвете научного творчества, оставил ряд вполне законченных трудов, печатание которых задерживается вследствие исключительных условий переживаемого нами времени. При нынешнем положении печатного дела пройдет еще, вероятно, несколько лет, пока богатое литературное наследие покойного в полном об'еме сделается общим достоянием русской науки и образованного общества. Самым блестящим из вышедших до сих пор посмертных трудов Б. А. Тураева является бесспорно «Египетская Литература». В первые же месяцы (если не недели) после своего появления книга эта приобрела прочную популярность среди широких кругов, для которых она в первую очередь предназначена ее автором, и вместе с тем, стала настольной книгой русских египтологов и востоковедов. Быстрый и несомненный успех книги об'ясняется не столько громкой известностью ее автора и повышенным вниманием к его личности, вызванным глубоко поразившей всех его преждевременной кончиной, не столько возрастающим в русском обществе интересом к культурному наследию древнего Востока и в частности — Египта, но главным образом и прежде всего исключительными научными и литературными достоинствами самой книги.

Перед нами «первый»—не только в нашей, но и в общеевропейской научной литературе—«Опыт обзора литературного наследия древних египтян». Задача поставлена широко и осуществлена с исчерпывающей полнотой не только в хронологическом отношении, охватывая развитие египетской письменности с древнейших времен до греко-римской эпохи включительно, но также в смысле всестороннего привлечения разнородных видов египетской литературы. В ряде сжатых, но метких характеристик перед читателем проходят все виды египетской письменности: религиозной, исторической, политической, художественной и научной с их многообразными дальнейшими разветвлениями. Полный русский перевод наиболее значительных и наилучшим образом сохранившихся текстов предназначен автором для II-го, ныне печатающегося тома «Егип. Литературы», но и в лежащем перед нами I томе, посвященном «историческому очерку древне-египетской литературы», мы находим значительное количество переведенных отрывков из менее сохранившихся, трудных для понимания и разбросанных по мало доступным изданиям текстов, нередко имеющих важное значение для восстановления генезиса отдельных видов египетской литературы.

Трудно в немногих словах перечислить огромный и разнообразный материал, рассмотренный автором в его необычайно содержательной книге. Архаиче-

ский период египетской литературы, давший древнейшие образцы религиозной письменности в виде магических, заупокойных, литургических и богословских текстов, но положивший также начало древнейшим историческим текстам в виде анналов и надписей вельмож; классическая пора литературы, создавшая лучшие образцы изящной словесности, но давшая также разнообразную дидактическую литературу религиозно-философского, нравоучительного и политического содержания и оставившая нам ценные тексты биографического характера; эпоха Нового цар. с ее расцветом исторической литературы в царских текстах, анналах и надписях в гробницах деятелей этой эпохи, характеризуемая, далее, появлением лучших образцов религиозной поэзии, а также новых заупокойных и магических текстов; разнообразная литература эпохи «реставрации», тексты греко-римского периода,—все это, несмотря на краткость и общедоступность изложения, с исчерпывающей обстоятельностью рассмотрено автором, обладающим, как известно, огромной эрудицией и базирующимся всюду на первоисточниках, частью мало разработанных, частью едва доступных пониманию. При этом, автор далеко не ограничивается обзором наиболее значительных, уже ставших общеизвестными, памятников, но охотно останавливает свое внимание и на менее изученных (нередко мало известных и специалисту) текстах, поскольку они могут оказать услугу историко-литературному исследованию, делая при этом массу ценных наблюдений, касающихся выяснения процесса развития отдельных видов литературы и соответствующих стилей, а также изучения степени влияния той или иной культурно-исторической обстановки на направление литературного творчества.

Впервые мы имеем дело с полным обзором египетской литературы во всем ее об'еме,—задача нелегкая, если принять во внимание, что подлежащий рассмотрению автора материал «до крайности разбросан, разнороден и значительной частью своей даже не приведен в известность». Но этим далеко не исчерпывается ценность разбираемого нами труда; гораздо важнее то, что именно на почве сопоставления столь обширного у разнородного материала автором выдвинуты новые проблемы и сделаны важные для науки обобщения. Нужно заметить, что изучение памятников египетской письменности обычно исчерпывается раскрытием их содержания в целях выяснения культурно-исторического значения или художественной ценности данного памятника; сравнительный материал привлекается преимущественно в целях устранения филологических, а то и палеографических, трудностей данного текста. В тех случаях, когда предпринимались более или менее обширные обзоры однородных памятников литературы, труды эти, независимо от ограничения своей задачи определенным видов литературы (исторической, религиозной, юридической или художественной), ставили себе преимущественно конкретные цели: либо приведение в известность всего наличия памятников данного рода в целях использования его, как материала для исторических исследований,—таков обширный труд Брэстеда «Ancient Records of Egypt», — либо, как Масперо в своих известных «Contes populaires», имея ввиду интерпретацию и популяризацию наиболее ценных памятников художественной литературы. Существенно иные задачи выдвигает автор разбираемого нами труда, стремясь уловить и изобразить процесс развития египетской литературы во всех ее многообразных проявлениях, справедливо указывая, что «и Египет знал время литературных под'емов и упадков, и у него была классическая пора литературы», и пытаясь наметить «эволюцию языка, идей, литературных вкусов и приемов». Эти задачи не только определенно формулированы автором в его интересном «введении», но проходят красной нитью через все изложение. Ограничиваясь немногими примерами, укажем на попытку проследить развитие автобиографической литературы из ничтожных начатков в виде надгробных надписей вельмож Древн.

цар. или на генезис заупокойной литературы от «Текстов пирамид» через «Надписи саркофагов» к «Книге мертвых» и др. аналогичным памятникам; сюда же относится попытка найти прообраз «великого папируса Harris» в абидосской надписи Рамзеса II (стр. 162 сл., ср. стр. 174 сл.). Число подобных примеров могло бы быть значительно увеличено, ибо каждый рассматриваемый им памятник представляется автору определенным звеном «в целой цепи сменявших друг друга произведений, может быть весьма близких по духу, но все же несомненно отражавших историческую эпоху, в которую они возникали». Изображая развитие того или иного вида литературы, автор каждый раз развертывает перед нами эту «цепь сменявших друг друга произведений», уделяя данному памятнику определенное место в этой цепи, но чутко присматриваясь также к его индивидуальным чертам, обусловленным особенностями данной эпохи. С другой стороны, исчерпывая полностью все разнообразие памятников, относящихся к одному и тому же периоду, автор пытается проследить, в какой мере в них отразились господствующие идеи и настроения века в связи с пережитыми народом политическими судьбами,—что особенно блестяще выполнено для классической поры египетской литературы—Средн. цар. Таким образом, важнейшие проблемы историко-литературного исследования впервые получили в разбираемом труде более или менее полное и широкое применение при изучении памятников египетской письменности, выдвигая новые задачи и намечая пути к их разрешению.

Когда несколько лет тому назад рукопись «Египетской литературы» была отдана в печать (предисловие помечено 1916 годом), можно было еще смело надеяться, что этот «первый опыт» получит дальнейшее развитие и завершение в руках самого ее призванного автора, и по примеру его «Истории древнего Востока», современем разрастется вширь и вглубь. Жестокая действительность лишила нас этой надежды,—и «История египетской литературы» оказалась в числе задач, завещанных нам основателем русской науки о древнем Востоке. Можно, однако опасаться, что именно эта задача, как требующая исключительной эрудиции и таланта, окажется не под силу молодой осиротевшей школе русских египтологов. С этой точки зрения настоятельно необходимым является издание разбираемого нами труда в переводах на иностранные языки. Ибо лишь с того момента, как «Египетская литература» сделается достоянием европейской науки, можно будет питать надежду, что труд этот, скромно обозначенный его автором, как «несовершенный опыт такого обозрения египетской письменности, которое до известной степени приближалось бы к ее истории», в действительности окажется прочным фундаментом, на котором современем будет воздвигнуто здание истории египетской литературы.

Переходя к оценке литературных достоинств книги, отметим, что автор необычайно искусно сочетал в ней краткость и общедоступность изложения с исчерпывающей полнотой и глубиной содержания. Имея ввиду «читателя, знакомого с историей и религией древнего Египта по серьезным трудам, доступным в настоящее время для русской публики», автор избегает в своем изложении всего того, что может быть почерпнуто из указанных руководств. Этим об'ясняется и то обстоятельство, что наиболее известным памятникам художественной литературы египтян в книге уделено непропорционально мало места,—именно ввиду их общеизвестности. «Желание дать возможно больше и познакомить с большим количеством памятников, заставляло быть кратким». Но это желание едва ли оказалось бы осуществимым, еслибы автору не приходило столь часто на помощь присущее ему в высокой степени уменье исчерпать сложный глубокий вопрос в немногих, но удачно построенных фразах. Как на яркий пример, можно указать на его трактовку «Текстов пирамид»; уделяя этому капитальному памятнику религиозной литературы египтян не более 3—4 страниц, автор не только вводит

читателя в круг связанных с этим памятником сложных проблем истории религии, культуры и литературы, но уделяя должное внимание и библиографическим данным, находит в то же время место для своеобразной и меткой характеристики «Текстов пирамид», как «древнейший словесный протест против смерти и средство словесной борьбы с нею—борьбы, явившейся в помощь монументальной борьбе, которая выражалась дотоле в сооружении царских гробниц, лишенных каких либо надписей или изображений».

Укажем еще на одну особенность книги, в которой отчасти отразилась личность ее автора и своеобразное отношение его к излагаемому предмету. Мы имеем ввиду глубокое проникновение его в сущность идей и настроений, волновавших египтян в столь отдаленное от нас время,—черта, придающая книге особый колорит, сообщая ей живой, непосредственный интерес. Приступая к изложению «Египетской литературы», автор руководился соображением, что «для нас, современников XX века, от Р. Х., имевших несчастье пережить банкротство нашей европейской культуры, не будут лишены интереса памятники, в которых вылилась душа культурного народа за двадцать веков и раньше, до начала нашего летосчисления. То стремление к правде и единому светлому и благому божеству, которое проходит красной нитью по всем произведениям высших представителей этой цивилизации, генетически связанной с нашей, может быть, и для нашего времени будет поучительно».

Проф. **И. Франк-Каменецкий.**

Б. А. Тураев. Древний Египет. Круг знания. Изд-во «Огни» Петрогр., 1922. 178 стр.

Среди ряда посмертных работ, появившихся в течение двух лет со дня смерти академика Б. А. Тураева,—последней является «Древний Египет». Необходимость подобного рода труда ощущалась в России уже давно, и глава русской египтологической школы исполнил свой долг, дав эту единственную в своем роде книгу. Обширный круг читающей публики может извлечь большую пользу, познакомясь с этой чрезвычайно интересной, живо написанной работой. Она поражает, как вообще и все, что давал покойный проф. Тураев, своим богатейшим научным материалом, своим исключительным знанием источников.

В книге пять глав и введение, в котором проф. Тураев отмечает крупную роль великого народа берегов священной реки Нила в создании европейской цивилизации. «Действительно,—пишет автор,—какую бы сторону нашей жизни мы не взяли, исследование ее истории нас по большей части в конце концов приводит в Египет, который был отцом европейской государственности, европейского искусства, многих явлений нашей религиозной жизни и быта».

После обзора географических условий страны, состава населения, языка, а также образа правления, религиозного мышления и художественной одаренности египтян, проф. Тураев переходит к первой главе, которая посвящена религии египетского народа, он указывает на то, что только теперь наука встала на верный путь исследования истории и характера египетской религии, но что вопрос о ее происхождении и первоначальных стадиях все еще во многих отношениях остается неясным. Египетская религия: «явление сложное, неоднородное и в пространстве, и во времени».

«Утро египетской цивилизации» является главой второй, в ней проф. Тураев делает культурно-исторический очерк древнейшего Египта, приводя при этом обильный археологический материал эпохи Древнего Царства.

Следующая глава посвящена египетским Фивам, являвшимся священным средоточием древнейшей человеческой культуры в течение многих веков. Из недр

этого вечного города извлечена масса памятников, знакомящих нас с богатейшей египетской цивилизацией. И для самих египтян Фивы были «градом великим, могучим, победоносным, владыкой победоносного оружия, владыкой всех градов».

Проф. Тураев, касаясь эпохи египетского феодализма, отмечает ту первенствующую роль, которую сыграли Фивы.

Дав яркую сжатую картину истории Египта со всеми перипетиями ее культурного развития на протяжении всей эпохи Среднего и Нового Царства, автор мастерски рисует смену периодов блестящего расцвета египетской цивилизации эпохами упадка, превращение великого победителя Египта в побежденного.

Ряд чрезвычайно интересных ссылок на источники делают очень живой картину всех политических перемен, религиозных переворотов и литературно-художественных проявлений этого длительного периода.

Четвертая глава посвящена «Закату египетской культуры». Автор останавливается на эпохе реставрации или возрождения, а затем касается нашествия персов и заканчивает греко-римским временем. Проф. Тураев не может не отметить и в самое тяжелое для Египта время, именно для его творческой работы, то собственное, ценное, что все же давал древнейший Египет. Безусловно, большой интерес представляет глава, посвященная христианскому Египту, которым также очень много занимался проф. Тураев. На фоне картины распространения христианского учения в Египте автор тонко выясняет причины такого быстрого усвоения христианства, причины, как характера религиозного, так и социального. Литературные и художественные памятники этого периода являются ценным материалом для изучения коптской культуры. Заканчивается рассматриваемая нами книга завоеванием Египта арабами, распространением Ислама, в корне изменившим древнейшую культуру в мире.

Т. Козьмина-Бороздина.

И. М. Волков. Древне-египетский бог Себек. (Зап. ист.-фил. фак. Петрогр. ун—та. Часть CXL). Петроград. 1917. (Стр. 166, в т. ч. IX фототипич. таблиц.).

Безвременно ушедший из жизни И. М. Волков успел, как известно, подарить нам ряд ценных работ по востоковедению. Наиболее значительным из них, и притом вполне самостоятельным, является его труд о боге Себеке, занимающий видное место в ряду монографий, посвященных отдельным божествам египетского пантеона. Примыкая к взгляду, высказанному лет 20 тому назад, покойным академиком Б. А. Тураевым (в предисловии к его известной монографии о боге Тоте), автор справедливо указывает в своем предисловии, что «в настоящее время для успехов поступательного движения истории египетской религии нужны не многообъемлющие труды общего характера с чрезмерным применением синтеза и черезчур смелыми обобщениями, а осторожные монографические исследования, касающиеся отдельных лиц египетского пантеона». Строго ограничив, таким образом, свою задачу, автор добросовестно собрал и систематизировал весь материал, относящийся к культу Себека, обнаружив при этом весьма значительную эрудицию. Работа над рукописным материалом «Берлинск. словаря» дала ему возможность, помимо изданных письменных памятников, как религиозного, так и светского характера, разбросанных по многочисленным, мало доступным трудам, привлечь также неопубликованные Иллахунские папирусы Берлинского музея и—с разрешения египтолога Гардинера—принадлежащий последнему папирус с гимном Себеку. Ценно также использование автором греческих папирусов из Египта; не оставлены им без внимания и данные классических и древне-христианских писателей.

Результаты исследований автора изложены в трех главах его монографии. Первая из них, носящая вводный характер, дает обзор источников и методов их разработки и резюмирует взгляды, высказанные относительно имени бога и посвященного ему животного. Во второй главе изложены связанные с Себеком религиозные представления. Здесь автор уделяет должное внимание Файюму, как месту происхождения культа Себека, и пытается установить связь между представлениями об этом боге и свойствами крокодила, как посвященного ему животного. Далее обстоятельно рассмотрены случаи сопоставления Себека с другими богами, в частности с Гором и Ра, имевшие последствием вовлечение Себека в круг мифических циклов Ра и Осириса; внимательно прослежено возникновение и развитие взгляда на Себека, как на божество, враждебное Ра и Осирису.

Отметим отдельно IX раздел II главы, озаглавленный автором «Себек в его отношении к миру и в частности к людям». Известно, что со времени средн. ц. жрецы провинциальных храмов проявляют тенденцию к отожествлению с солнечным богом местных богов, перенося на последних всю сумму воззрений, характеризующих центральное божество египетского пантеона. Отсюда понятно, что в поздних текстах Себек изображается творцом и промыслителем мира, покровителем богов и людей, чутко отзывающимся на нужды своих почитателей, божеством, играющим существенную роль также в магических и загробных верованиях. Добросовестно сопоставляя выражения подобных воззрений, заимствованные из посвященных Себеку текстов, автор дает нам ценный материал, важный не только для изучения синкретизма, как характерной черты религиозного мышления египтян, но дающий нам также возможность полнее обрисовать развитие центральных воззрений религиозной мысли египтян в ее вечной борьбе между глубоко укоренившимся политеизмом и идущими из Илиополя монотеистическими тенденциями.

В III гл., посвященной культу Себека, автор останавливается на его жречестве, на местах его культа, на повседневном и праздничном богослужении, а также на внешних проявлениях почитания Себека со стороны фараонов и частных лиц: кроме того, сообщает сведения о почитании крокодила, как священного животного. Сопоставленные в этой главе данные носят несколько фрагментарный характер,— главным образом, в виду малочисленности источников. Отметим, однако, тщательно подобранный материал, касающийся распространения культа Себека, а также обширный список собственных имен с именем Себека. К сожалению, автор здесь, как и во всей книге, сообщает цитаты из египетских текстов либо в латинской транскрипции (для собственных имен и географических названий), либо—и чаще всего—только в русском переводе, ограничивая иероглифические цитаты лишь небольшим количеством неотожествленных географических названий. Между тем подлинные иероглифические тексты, извлеченные автором из весьма разнообразных источников, могли бы представить существенный интерес для историка египетской религии в качестве сравнительного материала при изучении культа других богов.

Приложенные к книге фототипические таблицы содержат интересный иллюстративный материал, воспроизводящий преимущественно памятники Берлинского музея, но заимствованный отчасти и из наших собраний.

Если в труде И. М. Волкова мы не находим смелых и широких обобщений,— о чем, впрочем, с первых слов предупреждает нас и сам автор,—то все же разобранная нами монография является значительным вкладом в нашу науку. Отдавая должное памяти ее покойного автора, не можем не упомянуть с глубокой грустью о понесенной нами утрате, лишившей молодую русскую египтологию ценного, добросовестного работника.

Прф. И. Франк-Каменецкий.

В. В. Струве. Израиль в Египте. Культурно-исторические памятники Древнего Востока под общей редакцией Б. А. Тураева. Выпуск шестой. С рисунками. Изд. М. и С. Сабашниковых. Петроград, 1920 г. 52 стр.

Перед нами небольшое, но весьма компактное и ценное исследование, в котором автор разбирает две проблемы: 1) проблема Евреи cpr и 2) проблема Израиля. В небольшом введении (стр. 1—4) автор отмечает, что «пребывание Израиля в Египте, постулированное одними данными свящ. писания, никогда не может быть рассматриваемо, как доказанный исторический факт». Данные свящ. писания необходимо подтвердить египетскими текстами. На этот путь исследования вступил Манефон, но, видимо, не смог разрешить поставленную им задачу. Он ознакомился и установил много версий, но «не нашел в своих источниках прямого указания на решение интересующего его вопроса». Пересмотреть заново эту интересную задачу и берется наш автор.

В первой главе, посвященной проблеме «евреи cpr», автор, прежде всего знакомит читателя с этническим составом Палестины до вторжения туда еврейских племен (стр. 5—7). Но уже тель-амарнская переписка говорит нам о притоке в Сирию и Палестину новых племен, под названием хаби-ру или «люди ga-gaz». С течением времени ученым удалось установить тождество между ha-bi-ru надписей и «евреи» Библии. Но наряду с этим возникает вопрос об отождествлении египетских cpr и библийского cbr-евреи. Автор тщательно пересматривает попытки раз'яснить соотношение между этими двумя словами и приходит к выводу, что 1) египетское cpr и cbr-евреи Библии фонетически отождествляются без ущерба; что 2) такое отождествление подкрепляется хронологическими соображениями (евреи появляются чуть ли не в XVI веке и, конечно, они уже известны египтянам XV века, где при Тутмосе III cpr впервые появляются в анналах упомянутого фараона). Но cpr в египетских текстах с конца XVIII династии не упоминаются. Мы их снова встречаем лишь при Рамзесе II (XIII в.). За то в описаниях похода Сети I появляется племя **Шасу**. Принимая во внимание тип шасу по изображениям и историческую ситуацию, автор соглашается с Эд. Мейером, отождествившим Шасу и Хабиру. «Эта идентичность тем приемлема, что Хабиру-евреи-Шасу и этимологически соответствуют друг другу. Шасу обозначает «кочевник, бедуин» и является производным от египетского глагола «шаси»—бродить, кочевать. Такое же значение кочевника, скитальца, бродяги имеет в семитических языках cbr-еврей-хабиру (стр. 13). В описании похода Сети I сообщается о том, что разбитые шасу были в большом количестве захвачены и уведены в плен и, конечно, несли крепостную службу. Поэтому автор полагает, что потомками этих шасу были, наверное, те люди cpr, которые, по свидетельству двух Лейденских папирусов, работали над сооружением храмов Рамзеса II, причем замена названия шасу семитическим cpr здесь совершенно понятна, так как cpr в египетском означало «рабочий», а это теперь больше подходило, чем прежнее название шасу, т.-е. кочевник. Но если cbr-евреи-хабиру-**шасу** тождественны между собой, то какое отношение к этим евреям имеет Израиль. Автор считает абсолютно невозможным безусловное отождествление евреев с Израилем. Таким образом, автор подходит к новой проблеме, отметив также, что у нас нет обстоятельных данных связывать приход Израиля в Египет с тель-амарнской культурой. Вопросу об Израиле (стр. 19—46) и посвящена вторая глава.

Впервые Израиль упоминается на стеле в Фивах, среди развалин заупокойного храма Мернепта, открытой в 1896 г. Автор очень подробно анализирует памятник и устанавливает, что здесь нельзя говорить о походе Мернепта в Сирию. Наоборот, он в Египте и зорко присматривается к восточной границе, где «никто из 9 луков не поднимает своей головы» и т. д., где происходит разгром Сирии и Палестины, по мнению автора, народами севера, «которые хлынули с Эгейских

островов и из Малой Азии под давлением нового передвижения греческих племен в XIII столетии». Среди потерпевших от разгрома упоминается Израиль, о котором сказано: «Израиль опустошен, его посевы уничтожены...». Автор в связи с этим должен установить место жительства Израиля. Разобрав мнение Эд. Мейера, автор отвергает мысль о том, чтобы принципом группировки азиатских областей, упоминаемых в стеле, считать направление с юга на север, и аргументирует возможность именно обратного направления: с севера на юг. «Этот порядок следования, казалось, a priori, уже требовался тем обстоятельством, что список азиатских стран разбираемой стелы возглавлялся страной хетов, государством, заведомо лежащим на крайнем севере Сирии» (стр. 30). Разобрав далее ряд топографических возможностей, автор в следующих чертах намечает границы Израиля: на юг от области Аскалона, в горах Негеба, простираясь, быть может, до Синайской пустыни своими передовыми племенами. «Подобное определение прародины народа Яхве вполне совпадает с свидетельством Сети I о распространении евреев Шасу в первый год его царствования». Но когда пришли сюда израильские племена? Автор убежден, что шасу в надписи Сети I сидели там же, где и Израиль времени Мернептаха, и являются прямыми предками Израиля,—«поэтому момент их прихода в область между Цару и Ханааном был и моментом прихода туда Израиля». На этом основании начало внедрения Израиля в свою новую родину относит к началу царствования Сети I, т.-е. 1317 г., тогда, как стела Мернепта относится к 1220 г. Следовательно, Израиль, прожив на новой родине лишь 90 лет, был до того разгромлен, что ему осталось: «или умереть с голоду или же выселиться, т.-е. положение его удивительно совпадает с положением Иакова и его семьи, предшествующим их решению отправиться в Египет» (стр. 34). Избрав второе, Израиль направил свой путь в Египет, причем «мы действительно имеем прямое указание на приход Израиля в Египет в одном из папирусов эпохи Мернептаха», а именно в папирусе Anastasi. Здесь говорится, между прочим: «Мы закончили (с даванием) пропуска племенам Шасу из (страны) Эдома мимо крепости Мернептаха» и т. д. Таково донесение египетского чиновника своему начальнику. Трудности представляет сообщение — «из (страны) Эдома». Разобрав этот вопрос, автор полагает: «никто не может отрицать возможность отождествления Шасу-евреев из страны Эдома не с Эдомитянами священного писания, а с Израилем стелы Мернептаха, область которого была разрушена и посевы которого не существовали, причем Израиль был именем самого народа, а Эдом — названием страны, в которой он тогда пребывал». (Стр. 38). Это подтверждается и показанием Библии, отождествляющим прародину Израиля с Эдомом (Второзак. 23,8). Что касается библейского «эдомитяне», то под ними автор видит часть оставшегося Израиля в Эдоме. Эти оставшиеся с течением времени забыли свое первоначальное племенное название Израиль и стали называться именем той области, в которой они сидели с древности, т.-е., эдомитянами.

Таким образом, в основе своей свидетельство Библии о переселении Израиля в Египет теперь подкрепляется. Это переселение есть достоверный исторический факт. Перед Манефоном лежала возможность связать появление Израиля в Египте со многими появлениями азиатов в Египте. Это осложнило его работу. Отсюда у него мы и находим различные версии о приходе евреев в Египет. Автор поэтому считает, что его исследование «кидает благоприятный свет на метод работы столь часто порицаемого Манефона» (стр. 40). Теперь стоит вопрос о взаимоотношениях cpr-евреи и Израилем. Автор решает вопрос в том смысле, что cpr-евреи были передовой волной еврейских племен, а шасу Сети I и евреи Рамзеса II были прямыми предками Израиля.

Далее автор останавливается на вопросе о судьбе Израиля в последующие эпохи. Указывая на смуты в Египте в эпоху перехода XIX и XX династии, автор сопоставляет Хару папируса Харриса с вождем евреев библии. Хару сделал всю

страну подвластной. Таким путем можно понять те притеснения, которые наступили для евреев и о которых повествует библия. В эпоху Рамзеса эти притеснения свидетельствуются в египетском описании похода Рамзеса в горы Сеира. Поэтому фараоном притеснения автор считает Рамзеса III. Но конец этого царствования ознаменовался смутами, во время которых, видимо, Израиль, притесненный в Египте, ушел из него. Бегство из Египта вообще засвидетельствовано остраконом Туринского музея из эпохи Рамзеса IV. С этим массовым бегством из Египта во время смут автор и связывает библейское сказание об исходе евреев из Египта. Но возможно, что с пути часть евреев-беглецов возвратилась, и мы видим их по приведенному египетскому документу снова в египетских каменоломнях. Итак, если приход Израиля в Египет совершился около 1220 года, то исход падает на 1170 г. Следовательно, Израиль пребывал в Египте около 50 лет, причем «более долгая хронология ветхозаветного предания об'ясняется слиянием традиций Израиля с традициями евреев Шасу Сети I, хоритов Амарнской эпохи и, наконец, хиксосов» (стр. 46). Таким образом, египетские тексты дают подтверждение важнейших показаний библии об Израиле в Египте. Поэтому автор заключает: «О громадном значении этого факта для нашей оценки библии, как исторического источника, говорить не приходится. Если результат моего исследования соответствует действительности, то надо будет перестроить до известной степени критику первых книг священного писания». Исследование заключается примечаниями (всего 161), содержащими богатый библиографический указатель к трактуемым вопросам.

Таково исследование В. В. Струве. Богатый материал аргументов, острое понимание текстов, уменье установить между ними естественную историческую связь, а также удачное построение фактов на основании источников,—вот характерные признаки книжки. К этому присоединяется уменье экономно, на небольшом количестве страниц, разобраться во многих сложных вопросах. Иллюстрации лишь оживляют понимание трактуемых в связи с ними вопросов. Словом, книга прекрасная, и мы должны благодарить за нее автора.

Проф. **В. Смолин.**

С. А. Жебелев. Древняя Греция. Ч. II. Эллинизм. Из серии «Введение в науку. История. Вып. 7». Петербург, 1922. Изд. «Науки и школа». 112 стр. 2,000 экз.

Лежащая перед нами вторая часть книги Жебелева посвящена такому отделу древней истории, который слишком мало освещен в русской литературе. Уже это обстоятельство, обстоятельство до известной степени внешнего характера, рождает интерес к книге. Но этот интерес еще более углубляется, когда мы приступили к изучению книги. На немногих в сущности страницах автор, сам много поработавший в деле исследования эллинистической эпохи древней Греции, знакомит читателя с характером эллинистического мира вообще и со всеми его территориальными особенностями, остановившись также на личности Александра Великого и на правлении Антигонидов, Селевкидов и Лагидов.

Материал эллинистической эпохи настолько мало разработан, что автору часто приходится устанавливать лишь канву истории, часто ограничиваясь лишь политической историей. В таком случае автор подчеркивает недостаточность монографий и ставит ряд тем будущим исследователям (срвн., например, на стр. 84): «Очередною задачей будущих исследователей истории эллинизма является, проследить постепенное выделение из монархии Селевкидов государств, ставших самостоятельности...». На стр. 64, говоря о биографии Пирра у Плутарха, автор в скобках замечает: («важно определить ее источники» и т. д., и т. д.).

Но знакомя с отдельными этапами эллинистической эпохи, автор останавливается на рассмотрении источников, дает их краткую характеристику и отмечает обработку этих источников новыми исследованиями.

При изложении судьбы отдельных эллинистических государств автор указывает специальные исследования в этой области, что, конечно, очень хорошо ориентирует начинающего читателя.

В последней главе автор знакомит вообще с научной разработкой истории эллинизма, начиная с «Лекций по древней истории» Нибура. Здесь мы находим сжатые, но весьма ценные характеристики трудов Дройзена, Низе, Керста, Магаффи, Гольма, Белоха и др. В этой же главе даются сведения об общих очерках по эллинизму как на русском, так и иностранных языках, а стр. 109—111 посвящены характеристике русских монографий по вопросам эллинистической эпохи (В. Г. Василевский, Ф. Ф. Соколов, А. В. Никитский, В. В. Струве, М. М. Хвостов, М. И. Ростовцев, В. П. Бузескул, Ф. Ф. Зелинский и др.). В заключение автор говорит: «не наступило еще время подведения итогов, хотя для удобства исследования и полезно от времени до времени подводить их. Все же главное внимание науки должно быть обращено пока на три задачи: во-первых, на археологическое исследование, путем правильно поставленных систематических раскопок, главных центров эллинистической культуры, на добычу новых материалов в виде надписей, папирусов, предметов искусства и художественной промышленности, архитектурных сооружений и т. д.; во-вторых, на работы в области исследования литературных и документальных источников, дающих материал для воссоздания общей истории эллинизма; в-третьих, на детальные разыскания в сфере всех разнообразных вопросов и проблем, выдвигаемых эллинистической эпохой во всей ее сложности и разнохарактерности...».

Рассматриваемая книга лишь ориентирует. На нее нельзя смотреть, как на справочник. Этим, конечно, и об'ясняется то, что исторические сведения даются лишь в самом ограниченном размере.

В. Смолин.

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ. РЕЛИГИЯ ЭЛЛИНИЗМА. ПЕТЕРБУРГ, 1922 in 8° 134+II СТР.

Новая книга проф. Зелинского является одной из составных частей давно задуманной им общей истории античной религии, которую он вынужден, по собственному признанию, выпустить не в том виде, как предполагалось им ранее. Первой частью этой работы была вышедшая 4 года назад «Древне-греческая религия». Там автор касался исключительно эллинской религии, как она существовала преимущественно в Аттике в V—IVв. до Р. Х. Здесь он трактует ту религию, которую исповедывал в I веке до Р. Х. античный мир, сложившийся после побед Александра, и наряду с восточными странами впитавший и восточные религии. Эта «амальгама» верований и составляет сюжет рассматриваемого сочинения. Первое, с чем знакомит автор читателя,—тайные, недоступные непосвященному взору культы — «религия таинств» — особенно широко развившиеся в данный период. Культ Деметры и Диониса, конечно, восходит к более отдаленным временам, но в это время он приобретает особое значение: «элевсинскому апостолу Ликомиду Мефапу» поручается возобновление таинств в Аттике. Другой элевсинец Евмолпид Тимофей содействует «эллинизации» мало-азийского культа Великой Матери, смягчая его грубые первоначальные черты. Он же содействовал эллинизации культа Исиды и Сераписа. Отдельная глава посвящена третьей стране, сделавшей свой вклад в религию эллинизма, Сирии, с ее культом Адониса и Афродиты. Наряду с этими эллинизированными восточными религиями, примыкав-

шими к элевсинскому культу Деметры, проф. Зелинский ставит культ одного только бога греческого Олимпа—Аполлона. Поклоняясь Деметре и Аполлону, мир постепенно приучался к двум воплощениям божества: богини-матери и бога-сына. Оба эти представления перейдут затем в христианство, равно как и третье представление о воплощении божества в человеке, подготовленное культом героев и апофеозом. «Сакрализация приходит в эллинистическую эпоху на смену секуляризации классического периода Эллады. Философия, подвергнувшаяся к середине II в. до Р. Х. секуляризации в лице одва ли не всех своих школ, к началу I-го века испытывает реакцию. Посидоний—типичный образец философа, вернувшагося к религии. Таким образом вся эволюция древне-греческой религии подготовляла людей к проповеди христианства. Вот в кратких словах содержание работы проф. Зелинского.

Горячий поклонник античности в ее классическом проявлении, автор, думается нам, слишком склонен смотреть на предмет под предвзятым углом зрения. Для него важна не «ориентализация» греческой религии (а таковая, думаем вместе со многими другими исследователями, все же существовала в большей мере, чем указывает глубокоуважаемый нами ученый), а «эллинизация» религии Востока.— Книга, написанная с обычным для автора талантом, ставит перед читателем ряд вопросов, ответов на которые надо ожидать в последующих выпусках: они должны быть посвящены религии древнего Рима, религии империи эпохи Диоклетиана и, наконец, возникновению христианства. С появлением их, которое, надеемся, не замедлит, мы вернемся к некоторым важным и спорным вопросам, которые автор разрешает блестяще, но, м. б., несколько суб'ективно, в данной книге.

А. Захаров.

Smith Hivtory of India.

Рецензуемая книга принадлежит одному из крупнейших знатоков истории Индии В. Смиту, автору «The Early History of India», «Acbar the great, Mogul», и ряда других ценных трудов. Книга эта, как показывает название, представляет из себя университетский учебник, охватывающий на протяжении трехсот с лишним небольших страниц всю историю Индии, начиная с древнейших времен и кончая началом мировой войны. Книга разделяется на 6 частей. Первая содержит основные сведения по географии, этнологии, религии и археологии Индии; вторая излагает историю Индии, начиная с 600 в. до Р. Х. и до первого мусульманского нашествия под предводительством Махмуда Газневидского. Историю более раннего периода В. Смит не излагает ввиду отсутствия документальных и материальных памятников. Третья часть охватывает период с 1193 г.—до 1526 г., то есть до утверждения Великих Моголов, четвертая (чуть ли не наиболее интересная) посвящена владычеству великих моголов, наконец, пятая и шестая описывают последовательное покорение Индии англичанами и организацию управления этой огромной страной. Излагать содержание отдельных глав этого в сущности конспекта по истории Индии не представляет, конечно, интереса, да пожалуй и возможности. Каждой части посвящена небольшая вводная глава, содержащая обзор источников и краткую библиографию для каждого периода. Эти главы необычайно ценны для ориентировки в истории Индии, до сих пор еще так мало разработанной и даже хронологически почти не установленной (по крайней мере для ранних периодов). Сильно облегчают чтение книги многочисленные карты, таблицы династий, войн и т. п. Благодаря всему этому и, конечно, главным образом огромной авторитетности автора, его книга является совершенно незаменимым конспектом по истории Индии.

Что касается до тех частей, которые посвящены истории последней в британский период, то тут об'ективности изложения несомненно вредит патриотизм, можно сказать даже империалистический уклон В. Смита. Установление английского владычества с его точки зрения является благодеянием для страны как в материальном, так и в моральном отношении. Он горячо протестует против утверждений, будто лишь при англичанах Индия страдает от систематических голодовок; революционное движение последних лет, является для него делом рук «ничтожной шайки заговорщиков». Характерно, что в самом начале книги помещен портрет Георга V, а через страницу Будды...

Однако, за вычетом этой патриотической публицистики, к тому же имеющейся в довольно незначительном количестве, книга В. Смита, является прекрасным руководством для первоначального ознакомления с историей Индии.

В. Кряжин.

Абинас Ч. Дас. «Индия эпохи Риг—Веды». (Abinas Chandra Das «Rig Vedic India»), т. 1, стр. I—XXIV, 1—592, 2 карты. В переплете. Издание Калькуттского Университета, 1921 г.

В своем большом сочинении «Индия эпохи Риг-Веды» (перед нами пока только первый том), Аб. Ч. Дас дает стройную схему колонизации в древнейшие времена арийцами (и арианизованными дравидскими и коларийскими племенами Деккана) Месопотамии, Нильской долины, Сирийского побережья, Малой Азии и Европы. Арийцы, развившие совершенно самостоятельно культуру в отдаленнейшую, даже для др. Египта, эпоху Риг-Веды, вносят свет во все уголки тогдашнего мира через посредство самой подвижной части своего населения, купцов-мореходов (пани). Эти п а н и, привившие арийскую культуру племенам Коромандельского и Малабарского берега, увлекли их затем в свои эмиграции. Волна за волной отходил от Индии этот колонизационный поток, подобно тем семитическим волнам, которые много-много позднее начала высылать Аравия. Вышедшие раньше отодвигались все дальше к востоку, переходили через Босфорский перешеек в Европу и углублялись в сторону Атлантического Океана.

Выводы Даса грешат, несомненно, чрезмерной смелостью, по крайней мере, при наличии современных научных данных. Гипотезы слишком часто становятся у него аксиомами. Но все же, принявши это к сведению, небезынтересно познакомиться ближе с его панарийской схемой. Человеческий ум неискоренимо унитарен в своей основе. Он ищет в последнем итоге для всего одного источника. Давно признано, что Ex oriente Lux. Много нашумевшая панвавилонская, или назовем яснее, пансемитская, теория окончательно провалилась. Миссия семитизма не в создании цивилизации, не в поднятии культурной нови, а в организации уже данного другими народами. На роль культурного гегемона претендует теперь яфетическая теория. Но она охватывает пока преимущественно только факты языка, и даже в этих пределах не сведена еще в целое. С другой стороны в древнейших культурах открываются все больше арийских элементов: в Митанни, у касситов, может быть у хеттов, наконец в Египте, и притом с разных сторон (на основании краниологии, имен царей и богов, религиозных верований, общественных установлений и пр.ч.). О возможности арийского слоя в Египте мы читаем у таких авторитетов, как Эрман, Фл. Питри и антрополог Heeren.

Первая теза «Индии эпохи Риг-Веды» состоит в том, что арийцы являются исконными жителями Сапта Синдху, т.е., области Семи Рек, Инда, его четырех притоков, Сарасвати и Дришадвати. Они сложились там в культурную нацию еще

в то время, когда это был остров, ограниченный с севера Великим Центрально азиатским Средиземным морем и Гималайским хребтом, с запада—рукавом Аравийского моря, с юга—Раджпутанским морем и с востока—Восточным морем. Там, на этом острове, в силу примитивных условий тогдашней жизни совершенно отрезанного от прочего мира, и в частности от Деккана, с его более низкими племенами, возникла из животного состояния и развилась ригведовская Индия, начиная м. б. от мезозойской поры третичного периода. Свою тезу автор доказывает, опираясь, с одной стороны, на геологию, с другой—на Риг-Веду и прочие индийские священные книги, которые он действительно знает вдоль и поперек. Отсутствие у индийской культуры грандиозных каменных сооружений, составляющих гордость переднеазиатских культур, трактуется автором как лишнее свидетельство умозрительной высоты его культуры, создавшей памятники возвышенного духа (Веды), в то время как позднейшие культуры, получившие тяжеловесный штамп семитизма, начали творить гигантские камни—пирамиды, зиггураты, лабиринты. После потопления большей части южного материка, простиравшегося от Африки до Австралии и включавшего Деккан, который носит название Земли Гондвана, Антарктики, Лемурии, индоарийская земля Сапта Синдху утратила свой островной характер и пришла в культурный контакт с Декканом, с одной стороны, и с переднеазиатскими землями, с другой.

Отдельные главы посвящены автором выяснению роли индо-арийцев в создании древних цивилизаций Вавилонии, Египта, Сирии, Малой Азии и доисторической Европы. Он доказывает, что халдеи (сумерийцы) пришли из южной Индии и принадлежали вероятно, и чолам дравидской расы, испытавшем уже на себе влияние индо-арийцев, что они образовали колонии в персидском заливе, вблизи устьев Тигра и Ефрата, при помощи вышеназванных пани, предков позднейших пунтийцев, финикийцев, карфагенян. Открытую ими землю они назвали—Кенги или Сумер, что представляет собой искажение санскритского слова Са-мару (земля, граничащая с пустыней) или Халдея (по имени чол). Свою культуру они распространили между дикими туземными племенами, а затем между варварскими семитами, когда те утвердились в стране Семиты, как способные ученики, хорошо усвоили индо-сумерийскую цивилизацию и создали знаменитые империи. В их претворении индо-арийская культура оказала могущественное влияние на западную Азию и Европу. В Египте, на основании краниологических и иных данных, Дас устанавливает тесное родство между арианизованными дравидийцами и древними жителями Нильской долины, в отношении нравов и обычаев, общественных учреждений и религиозных верований и обрядов. Он доказывает санскритское происхождение названий страны и реки (ку, «черный» и мрит, «почва», отсюда—название Египта Кемит; апа «вода», дало Хапи и т. д.), далее имен богов (А-суриас-Осирис, Ушас-Исида, Швета-Сетх, Накта-Небтхет и т. д.) и проч. Сами египтяне сохранили предание о своем происхождении из Страны Богов, Пукта. Автор доказывает, что пунтийцы были никто иные, как все те же купцы пани, переселившиеся сначала из Сапта Синдху на Коромандольский и Малабарский берег Индии и оттуда в сопровождении пандиев проследовавшие прямо в Красное море и Египет. Страна Пунт это страна пандиев, в искаженном наименовании. Те же пани, которые предпочитали береговую жизнь, поселились в Сирии и были родоначальниками финикийцев.

В следующей главе автор рассматривает М. Азию, Сирию и верхнее течение Ефрата и находит там, в Великой Хете, Митанни, у касситов, в Мидии, Армении, Мизии, Лидии, Фригии и т. д. все тех же индо-арийцев; а еще раньше он находит там самых диких передовых их представителей, разбойников дасиев, которые задолго до возникновения великих месопотамских и нильских царств, были изгнаны из Сапта Синдху и после долгих скитаний по центральной Азии перекочевали че-

рез Боофор в Европу вместе с туранскими племенами. Дас рассматривает в отдельной главе доисторическое население Европы и устанавливает там наличие маринизованного туранского населения. По его мнению, кельты, славяне, литовцы, эллины и римляне имели арийскую речь и культуру от ассимилированных ими без остатка сравнительно немногих индо-арийских пришельцев, но были по существу туранского или монгольского брахикефального типа. В свою очередь они нашли в Европе более древние доликефальные народности, переселившиеся из северной Африки, а именно иберов и констадтов.

В заключение автор подробно рассматривает вопрос о колыбели арийства в Центральной Азии и подвергает подробной и уничтожающей критике теорию Тилака относительно полярной прародины арийцев эпохи Риг-Веды. Часть их могла действительно, переселиться туда. Но это должно было случиться много позднее в между-ледниковый период; в после-ледниковый период они могли двинуться обратно на юг, в нынешнюю Россию, давши начало литовцам и славянам.

В своем резюме автор подчеркивает, что устанавливая прародину арийцев в Пенджабе, он имеет в виду не ту стадию, когда, выйдя едва-едва из животного состояния, они скитались совершенно по звериному, стихийно в поисках пищи и крова. В то время у них не было собственной родины. Они скитались может быть в Санта Синдху, быть может в других местах Азии, Европы, Африки или даже в еще какой-нибудь другой исчезнувшей земле. Для автора важно установить, где они находились в момент пробуждения их мыслительных способностей. Древнейшие гимны и мантры Риг-Веды свидетельствуют о том, что это произошло именно в Пенджабе. Таким образом в конце Дас несколько ослабляет категоричность утверждения относительно исконности пребывания индо-арийцев в Санта Синдху. Следующий том, может быть, внесет соответственную ретушь в другие его взгляды и это даст возможность западным ученым внимательно отнестись к его теории.

В. Викентьев.

Iosef Strzygowski. Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander-und Nordvölker in die Treibhäuser des glistigen Lebens. Anknüpfend an einem Schatzfund in Albanien. Leipzig 1917s XII+319 Ss. Mit 229 Abb. und Lichtdrucktafeln.

Этот большой том, посвященный исследованию орнаментики, вышел в разгаре мировой войны. Заглавие книги «Алтай-Иран и переселение народов» имеет еще отдельные подзаголовки. Как само заглавие, так и подзаголовки подчеркивают двойственность книги. Совершенно ясны две части: первые 3 главы (и вставка в гл. V) составляют основное, первоначальное исследование одного албанского клада и написанны без сомнения еще до войны. Последние четыре главы написаны при издании книги, которая часто и неприятно поражает читателя своим громыхающим, воинствующим патриотизмом. Двойственность книги чувствуется очень сильно и очень не в пользу ее. Первоначально, как видно, предполагалась просто публикация клада с вскрытием восточного его происхождения, основанного на сравнительном анализе. Конечный вывод исследования был, видимо, в показании, что орнаментика эпохи переселения народов не есть закономерная эволюция римского искусства, а именно восточного. Затем, Стриговский это положение расширил, подведя под все построение совершенно новый фундамент, уже вовсе не построенный на художественно-историческом анализе, а представляющий расовую гипотезу об единстве искусства номадов и северных (т.-е. германских) народв. Благодаря этой двойственности все изложение совершенно запутано, ибо к первоначальному

тексту вставлены кое-где короткие фразы, согласно позднейшей гипотезе автора. Часто основные вопросы развиваются с соответственной полнотой **дважды.** Кроме того, конечно, книга эта, как и многие другие того же автора, пестрит различными, впервые публикуемыми, памятниками, с которыми, следовательно, сперва надо было познакомить читателя, и лишь затем использовать их для приведенной цели. Наконец, как обычно, у Стриговского бросается масса различных соображений. вдохновений теоретических, нисколько не только не развитых или обоснованных, но даже не формулированных достаточно ясно и понятно.

Хотя книга и разбита на резко делящиеся части-главы, но написана она вся совершенно бессистемно, спутанно, мысли начинаются и прерываются другими, не будучи закончены. А, между тем, если бы он ясно подчинил все изложение с его громадным фактическим материалом, разворачиваемым им в этой, как и в других книгах, систематически расчлененному теоретическому построению доказываемых им положений, то «система» его и положения были бы несомненно убедительнее, и ему едва ли бы приходилось всегда заниматься раз'яснением кривотолков. Эта его книга, несомненно, нуждается в таком же кратком систематизированном компендиуме, какой дал Millet для его Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte.

После описания предметов клада (гл. I) и обзора известных уже ранее кладов эпохи переселения народов (гл. II), Стриговский переходит к анализу орнаментального побега на предметах клада (гл. III). Он приходит к диаметрально противоположному с Рителем взгляду, что этот побег первоначально был геометрический рисунок, а не растительный побег. Попутно, как сказано, он разбирает, свыше десятка различных орнаментальных мотивов,—все это беспорядочно и, к сожалению, не доработано. Четвертая глава, озаглавленная «Искусство номадов и северных народов» имеет задачей рассмотрение социальных и расовых проблем, стараясь определить и разграничить, «кого нужно иметь в виду как возбудителя и носителя показанного в книге развития в поздне-римское время». Таковыми Стриговский считает турок и саков, т. е. представителей двух рас, алтайской и арийской. Остальные главы служат дополнением и развитием в разных направлениях последних положений.

Все построение Стриговского является отзвуком заключенных во время войны союзов Германии и желанием автора подвести идеальный фундамент под цели войны. Он бросается от установленных фактов в совершенно не обоснованные построения об искусстве арийцев в Средней Азии, Иране, Кавказе; он говорит о противоположности по существу семитического искусства Древнего Востока с Арийскими: Индией, Грецией, готической Европой.

Одновременно, однако, исламское, алтайское, китайское искусства идут в одну ногу или суть отпрыски того же арийского искусства.

Вместе со всем этим, он бросает мысль о том, что орнаментальное искусство эпохи переселения народов, алтайских и др.—суть проявления, выражения просто определенной ступени культурного развития человечества. Здесь мы встречаемся с подобным же явлением, как в последних трудах Марра, который, с одной стороны несомненно вступил на путь психологического подхода к явлениям развития культуры, а с другой стороны пытается набросать картину яфетической культуры, как единичной и всеоб'емлющей, первоначальной и единственной в развитии европейской культуры.

Как у одного, так и у другого автора противоречия исторического и психологического методов вместо согласования их. Правда, при этом в исторических построениях совершенно различны исходные точки, при чем у Марра построения целостные, органически связанные и дающие возможность очень легко согласовать их и с психологическим построением.

Г. Чубинов.

Josef Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa. Ergebnisse einer vom kunsthistorischen Institute der Universität Wien 1913 durchgeführten Forschhungsreise, planmässig bearbeitet unter Benützung von Aufnahmen des Architekten Thoros Thoramanian. Mitarbeiter: Assistent Dr. Heinrich Glück und Leon Lissitzian. Mit 828 Abb. Samt einer Karte. 2 Bände. Wien 1918.

Архитектура Грузии и Армении оставалась до последнего времени какой то затерянной, неопределенной отраслью без ясного места во всеобщей истории искусства; она трактовалась как часть византийского искусства, несмотря на очевидное отличие от этого последнего. Главная причина этого явления, конечно, недостаточность изученности памятников, так как только недавно стали появляться, отвечающие современным требованиям науки, публикации памятников и исследования, как серии «Аниского музея Древностей», под заглавием «Памятники армянского искусства» и «Анийские Древности». И вот в 1918 г. появляется в Вене большое двух-томное исследование известного специалиста, каким является проф. Иосиф Стриговский, об армянской архитектуре до XII века примерно. Это—событие в науке вообще и в кавказоведении в частности, событие первостепенной важности и значения. Конечно, в небольшой заметке нет никакой возможности хотя бы только наметить результаты этого исследования. Оно резко отличается от предшествующего труда по своей систематичности и значительной концентрированности в общем изложении. После введения даются в I кн. описания памятников, расположенных по типам—звездообразных купольных построек, удлиненных сводчатых и удлиненных купольных. II кн., самая главная и обширная, трактует «сущность» явления по таким рубрикам: материал и техника построения; соответствие построек их назначению; заимствованные художественные элементы; выяснение коренного национального вклада в архитектуре. III кн. стремится дать очерк армянской истории по данным архитектуры с привлечением обще-исторических данных. Наконец, IV, последняя, кн. трактует о распространении образовавшихся оформленных в Армении элементов и типов вне ее, и, таким образом, связь «архитектуры армян с Европой».

Стриговский рассматривает этот свой труд как завершение всей своей 35-летней исследовательской деятельности, поэтому и в планировке работы подчеркивает свое теоретическое построение в вопросе разбора произведений искусства. В основу всего труда в отношении уже не формальном, а по существу, он кладет несколько постулатов, которые только подрывают убедительность его утверждений и построений. Основной постулат—это развитие армянской архитектуры в IV—VI (и даже в III—V) веках, ни на чем не основан и, несомненно, только запутал все дело, к тому же и даты надписей им использованы без надлежащей критики, даже без принятия к сведению уже опубликованных разборов, что, конечно, соответственно отразилось на результатах. Важнейшие положительно установленные факты —это факт наличия и привычности в храмах Армении купола; своеобразная форма этого последнего именно с барабаном и окнами; вызванная куполом передача распора во вне по абсидам; наконец, переход к устоям, отдельно стоящим куполам. Попутно, конечно, разбираются и устанавливаются и более мелкие особенности, и все это систематизируется в своем отношении к архитектуре Армении и переходу отсюда в З. Европу. Выяснением этих положений Стриговскому удается показать самостоятельное значение армянского искусства.

На фоне таких общих положений Стриговский выводит целую систему развития армянской архитектуры, очень интересную попытку, хотя мы и не можем признать ее удачной. Вообще, при надлежащем детальном исследовании памятников христианско-кавказской архитектуры вся книга Стриговского должна бы быть совершенно заново переработана, настолько она сейчас богата деталями и детальными

изысканиями, построенными не на достаточном материале, хоть и в основу построений положено много совершенно несомненных положений. Книга эта воочию показывает, как много нужно и можно сделать в области изучения искусства Кавказа.

Г. Чубинов.

Iosef Strzygowski. Die bildende Kunst des Ostens. Ein Uberblick über die für Europa bedeutungsvollen.Hauptströmungen Mit 28 Abb. Leipzig 1916. VIII+86 Ss.

Одновременно с двумя большими исследованиями Стриговский написал небольшую популярно-научную книжку для серии Bibliothek des Ostens под выше приведенным заглавием (opus 155).

Здесь Стриговский, прежде всего, подчеркивает и проводит на ряде отдельных разительных примеров связь западно-европейского искусства с Востоком, со всей Азией и, прежде всего, с «северными степными районами на Востоке Европы и Азии». Он начинает по этому с хронологически-древнейших явлений так называемой орнаментики искусства эпохи переселения народов, которая прослеживается одновременно в своем развитии и своем географическом передвижении из Азии в Европу. Первую главу автор посвящает именно орнаменту, начав с обзора вещей техники и стиля чисто орнаментальных произведений «номадов Азии»—алтайских и турфанских; переходит к орнаментам древне-христианских церквей Италии, Армении и т. д., а затем обращается к другому течению, завершенному в исламской «арабеске», прослеживает его от Мшатты и дворцовых строений вообще до Софии в Константинополе, мусульманского и русского искусства включительно.

Отметив «изначальное господство орнамента на севере и востоке», автор переходит к вопросам восточно-азиатского вклада в христианскую архитектуру. Основной взгляд его определяется вопросом: «как произошло, что на востоке основным определяющим элементом всей эволюции стал купол, а на Западе, несмотря на Рим и Византию—«базилика». Он останавливается сначала на теоретическом построении форм домов европейцев племени саков; затем, дает примеры церковной архитектуры древней Армении и славянских стран и под конец говорит о купольном строительстве Ренессанса.

Третью главу Стриговский посвящает живописи, где речь более об отношениях живописи православного Востока от Западно-Европейской, нежели о влиянии. Он подчеркивает, что в живописи этого рода характерны традиционность сюжета и декоративное использование его, индивидуальность же художника заметно отступает на задний план.

Четвертая и последняя глава набрасывает несколько общих положений в связи с мировой войной о задачах новой европейской культуры и способах их осуществления, отмечая специально в области изучения искусства необходимость «поставить на первый план не проблемы формы, которыми в последние годы почти исключительно занимались, а духовное содержание, которое не есть просто нечто об'ективное, только передача настроения, но также вся широта и глубина внутреннего мира великой личности, умеющей выявить себя наглядно средствами пластических искусств».

В конце книги приложены ссылки на развивающие те же взгляды работы автора, а также об'яснение некоторых технических выражений и указатель. Книжка издана с четкими иллюстрациями на меловой бумаге.

Г. Чубинов.

Н. МАРР. Надпись Русы II из Маку. (Записки Восточного Отделения рус, Арх. О—ва, т. XXXV. Пгр, 1919. 8°, стр. 51 и 1 табл.).

Н. МАРР. Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи на Чалдирском озере. (Записки Кавказского Музея, Серия Б, В. 1). Пгр., 1919. 4°, стр. IV+38, с 4 табл. и 4 рис. в тексте.

Уже около 10 лет, как академик Н. Я. Марр, понуждаемый все расширяющимися и расширяющимися горизонтами разрабатываемой им яфетидологии, обратился к детальному изучению и участию в научной разработке материалов по неопределенным клинописным языкам. Первая печатная работа его (1914 г.) была исключительно теоретического характера—это «Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей», каковой он определил в качестве мертвого яфетического—эламского. Дальнейшие работы касаются уже издания отдельных текстов, так называемых ванских, урартских или, по терминологии Марра, халдских. Это—«Халдская клинообразная» надпись (из села Леска, Ванского округа), «Обломки Делибабинской халдской надписи», «Материалы по халдской эпиграфике» из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению и «О халдском pul-i камень» (1917 г.). Кроме того, колоссальная надпись Сардура II, откопанная И. А. Орбели на Ванской скале, давно уже находится в печати. Две новые работы, заглавия которых выписаны выше, являются уже в значительной мере исследованиями, в которых принципиальные вопросы о характере языка халдского подвинуты вплотную к их разрешению.

Небольшая надпись Русы II, сына Аргиштия, дает автору повод коснуться разных вопросов, как методологических, так и по существу. Он останавливается на детальном обсуждении вопросов передачи звуков и понимания этой передачи при исключительно — «графическом» подходе к текстам. Автор дает ряд указаний, существенно модифицирующих прежние чтения и кое-где меняющих и раз'ясняющих понимание текстов (стр. 9 — 37). При этом настоящая надпись дает материал к подтверждению уже ранее предложенных автором поправок. Последние 10 страниц работы затрагивают самый вопрос о составе халдейского языка и народа страны Биайна на основании лингвистических данных. Марр отмечает, что «в самой Биайне, еще в эпоху халдских царей, мы имеем некоторое основание устматривать в местной культуре, если не в языке, отложение жизни, по крайней мере, трех этнических разновидностей han'ов, myh'ов и халд'ов (44). Таким образом, возникает вопрос о возможной смешанности типа литературного языка. В определении самих трех этнических единиц Марр отмечает, что «халды, по всей видимости, не только не автохтоны страны Биайны, но и не первые культуроносцы в этом крае» (стр. 42). Халды «являлись племенем пришлым и осевшим в порабощенной чужой этнической среде han-ский или hай-ской» (стр. 39). Но, этого мало, в той же стране имеем еще «иное племя», богом которого является Теишба, двойник слова «вишап» или «вешап» и «голова». Принимая во внимание тот факт, что это было божество водной стихии, «мы получаем в халдском Теишба, т.-е. **владыке-вишапе,** подтверждение того, что в каменных рыбах—чудовищах, вишапах, найденных на Кехамских горах, Эриванской губ., собственно на горах, примыкавших к Севанскому озеру, мы имеем изображения богов-вишапов». В отношении одного из этих племен, именно hай-ев, Марр отмечает «когда напор ариоевропейцев в эти пределы принял стихийный характер к VI веку до Р. Х., сокрушив ванское царство халдов, это han-ское или hай-ское население... сохранилось на месте если не вполне, то с перевесом численности и крепостью своего этнического самосознания». Несмотря на длительный процесс этнического перерождения, процесс смешения с ариоевропейцами, в частности и с иранцами, несмотря на длительный процесс иранского политического воздействия, в частности, господство в самом крае парфянской или аршакидской

династии, длившейся также веками», население это сохранялось «до возникновения в армянской стране христианства» и «оказалось сознающим себя **все-таки** и **все-еще** han-ским или пай-ским» (стр. 40, 41).

Таким образом, специальное издание одной надписи послужило поводом к установлению заключений первостепенной важности для общего изучения и понимания развития культуры яфетических народов. Выясняются как религиозно-психологические основы верований их (ср. также разбор понятий халд на стр. 4—7), так и сами изображения божеств, а некоторые рисунки на «вишапах» дадут, несомненно, ключ и к культовым установлениям.

В работе даны в начале история открытия надписи и ее издания; а в конце приложены тексты, транскрипция и перевод надписи, а также указатели разъясненных слов и таблица **по фотографии.**

Другая названная работа, напечатанная как первый том серии гуманитарных наук «Записок Кавказского музея», ныне музея Грузии, публикует неизвестный дотоле текст. По поводу этого текста Марр первоначально полагал дать сводный обзор достигнутых графическими приемами толкования научных завоеваний, давая затем свои дополнения. Но задержавшееся годами издание (сообщение о надписи было сделано в апреле 1914 г.) заставило отказаться от этого. Зато, помимо специально лингвистических экскурсов, в исследовании обращено внимание на пути переселенческого и завоевательного движения из Ванского царства на север, на Кавказ. «Яфетические племена, двигавшиеся с юга, достигнув одного какого-то пункта, разбивались на ряд переселенческих потоков, которые пробивали себе пути, одни через бассейны Чороха и Риона к Черному морю или далее на север, ... другие через бассейн Куры в ущельях восточного Кавказа (стр. 4). Направление завоеваний ванских царей шло на север с востока Чалдирского озера; из Саракамыша, мимо нынешнего Александрополя «на Мармашен и далее на тот или другой перевал в область, откуда действительно открываются пути в долины рек на западе—Риона, на востоке—Куры (стр. 19, 21, 31). Конечно, Марр останавливается и на характеристике языка и этнологических вопросов, каковые в последних его работах находят все более широкое место. В халдском языке он отмечает «наличие влияния языков шипящей группы сибилянтной ветви, т.-е. лазского и мингрельского»; «однако, не может подлежать сомнению, что добрая часть, пожалуй, основная, состава языка ванской клинописи, халдского, сближает его со спирантной ветвью яфетических языков» (стр. 2). А относительно этнического термина «халд» Марр указывает существование его поныне в имени картвел-ов и страны Картли, и отмечает, что «в грузинах по их национальному названию на-лицо исторические преемники халдов Ванского царства» (стр. 18).

И эта книга заканчивается указателем истолкованных слов и обилием материалов, водопроизведенных по фотографиям.

Проф. **Г. Чубинов.**

Академик Ольденбург С. Ф. Первая буддийская выставка в Петербурге, стр. 42. Его же. Жизнь Будды, индийского учителя жизни, стр. 52. Акад. **Щербатской Ф. И.** Философское учение Буддизма, стр. 48. Проф. **Розенберг О. О.** О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке, стр. 73; проф. **Владимирцев Б. Я.** Буддизм в Тибете и Монголии, стр. 52. (Все брошюры изданы отд. по делам Музеев и охране памятников искусства и старины. П. 1919 г.)

Все перечисленные брошюры представляют из себя воспроизведение тех лекций, которые были прочтены на Первой Буддийской Выставке, устроенной в 1919 г. в Петербурге. Первая лекция С. Ф. Ольденбурга представляет из себя как бы краткий обзор всей выставки. Он указывает на типичные особенности буддийского

искусства в Китайском Туркестане (в пещерах Дунхуана), в Монголии (реликвии старинного города Хара Хото), Японии, Сиама и т. д. Попутно, он об'ясняет буддийскую символику и отчасти мифологию, без которой не понятна иконография его.

Вторая книжка **С. Ф. Ольденбурга** посвящена жизнеописанию Будды, вернее легенде о Будде, т. к. он умышленно базируется здесь не на скудных исторических данных, добытых наукой, а на религиозном буддийском предании. В ярких художественных образах автор воссоздает перед нами образ этого великого «учителя жизни», житие которого отразилось в сказочной литературе многих народов Азии и даже Европы: у арабов в рассказе про благочестивого царевича Субботника в 1001 ночи, у христиан в сказании об индийском царевиче Иосафе или Будасфе, который есть ничто иное как Бодисатва, т.-е. будущий Будда и т. д.

Академик **Ф. И. Щербатской** в сжатой форме обрисовывает основное содержание философского учения Буддизма. С необычайным искусством он умудряется на 45 страницах изложить такие основные начала буддийского мышления, как отрицание души, учение о мгновенной изменчивости и, наконец, обоснование нравственности. В заключение автор указывает на замечательную близость буддийской философии к новейшим достижениям научного миросозерцания и к интуитивной философии Бергсона. «Мироздание без Бога», «психология без души», «бесконечная изменчивость душевных процессов»—таковы основные черты как буддийского, так и нашего миросозерцания. Книжка проф. **Розенберга** излагает систему буддизма, встречаемую нами на Дальнем Востоке, гл. образом в Японии. Автор об'ясняет пестроту форм буддизма (встречаемых нами напр. на Дальнем Востоке), тем, что буддизм учитывал разницу в восприятии тех или иных людей; поэтому, оставаясь в существе своем одной и той же системой, он внешне изменялся приноравливаясь к пониманию и культурным навыкам кочевника мирянина философа, или монаха. Благодаря этому, такие основные доктрины, как учение о перерождении, о возмездии, наконец, как об освобождении от страдания—являются общими для всех буддийских школ и толков. Разница начинается лишь в определении пути к достижению искомой цели—Нирваны. В Японии имеется 4 основных течения буддизма, которые базируются или на пути деяний, или философского мышления, или веры, или, наконец, созерцания. Краткую характеристику этих основных течений буддизма и дает проф. Розенберг. Интересно, что в современной Японии среди буддийцев наметилось движение за очищение его от искажающих культовых форм и за сближение с западной культурой. Книжка проф. Владимирцова содержит характеристику Тибетско-Монгольского буддизма. Автор также протестует против трафаретного взгляда будто в этих странах мы встречаем лишь уродливые отклонения от первоначального буддизма. Тибет воспринял буддизм уже в усложненной форме (так наз. махайянической), здесь же он испытал воздействие местных религиозно-культурных влияний: вроде веры в волхование, в силу чар и т. д. Однако, основное содержание буддизма и здесь сохранилось в целости... Проф. Владимирцов дает сжатый очерк эволюции буддизма в Тибете, утверждения догмата о перерождениях Далай Ламы и распространения буддизма в Монголии. Характерно, что в последней буддизм играет крупную культурную роль, так как буддийские монастыри культивируют ремесла, издают книги, дают образование не только духовным лицам, но и мирянам и т. д.

В общем вся серия лекций является необычайно-удачной попыткой популяризации системы буддизма, выполненной вдобавок первоклассными специалистами в этой области. Остается пожелать лишь, чтобы все эти очерки были собраны в один томик и послужили бы надежной основой для первоначального ознакомления нашей читающей публики с буддизмом, который именно в России среди калмыков и бурятов имеет миллионы последователей.

В. Кряжин.

William Cohn. Indishe Plastik Berlin 1921.

Работа Виллиама Кона об индийской пластике, появившаяся в 1921 году, вызывает живой интерес. И по обилию привлеченного материла, воспроизведенного на 161 таблице и 3 рис. и тексте, и по единству подхода и метода работа Кона представляет собой значительное явление, несмотря на ограниченный об'ем (всего 87 страниц текста). Уже вышедшая в 1908 году книга E. Havell'я; «Indian sculpture and painting», знаменовала собой не археологический подход к индийскому искусству, как в более ранних сочинениях, а чисто художественный. Но книга Кона проводит художественно-исторический метод более последовательно, да и оперирует со значительно более обширным материалом (у Havell'я всего лишь 45 воспроизведений с памятников скульптуры). Основы его подхода к изучению памятников восточного искусства ясно выражены и удачно применены в его более ранней книге: «Stilanalyzen als Einführung in die japanische Maleréi» 1908. И в настоящей своей работе В. Кон рассматривает индийскую пластику исключительно как создание искусства, а не как об'ект изучения этнографии или истории религий. В сущности это первая работа, изучающая индийскую пластику ради нее самой. Книга заключает в себе три главные части: введение, где автор устанавливает характерные особенности индийской пластики, главу посвященную выяснению связи с пластикой религии и, наконец, очерк развития индийской пластики хронологически и по местностям.

Здесь в первую очередь должен быть отмечен особенный характер направления художественной воли индийского искусства. Индус—пластик по преимуществу. Сама индийская архитектура проникнута принципами пластики. В башнях-храмах северного стиля, напр, Бхубанесвара (9-13 веков) отсутствует какое-либо архитектоническое расчленение, нет ни колонн, ни столбов. То же явление в сооружениях южного стиля: в падвратных башнях храма в Мадуре (17 века) архитектурный скелет исчезает в лесу пластических образов: где и есть столбы и колонны, там сделано все, чтобы уничтожить их архитектурные функции и разрешить их в произведения пластики, в целые скульптурные группы. Знаменитый Чанди-Боробудур на Яве (9 века) являет из себя постройку без внутреннего помещения. Индийская архитектура вообще—это скорее искусство сооружать монументы, чем искусство распределения пространства в зодческих формах. Полную противоположность индийскому искусству, по мнению Кона, представляют принципы искусства египетского. Египетская скульптура, прежде всего, тектонична, египтянин—зодчий по преимуществу, как индус по преимуществу пластик. Редко лишь его скульптура обнаруживает след тектонического соединения. Непрерывная страстность, бурное движение пронизывают все. Связанность движений каких либо изображений Вишны или Будды не может восприниматься тектонически—она является выражением высшей возвышенности или той могучей волевой силы, которая называется в Индии Иога—состояние наиболее острого духовного напряжения и собирания. Посредине между двумя полюсами—Индией и Египтом—стоит Европа с ее остро расчлененным и всегда как то сопряженным с наукой искусством.

Индийская скульптура чисто религиозна. Все ее создания имеют какое-нибудь отношение к эпосам Рамаяны и Махабхараты, к эпическим Пуранам и к буддийским Сутрам из всех времен. Образы и сцены, которые кажутся нам светскими, порой чересчур светскими, портреты, жанровые сцены, даже изображения радостей чувственной любви, в которых ничто не скрыто,—все стоит в тесном соотношении с религиозными представлениями.

Очнь редко изображают обыкновенных людей: это или Вишну или Сива с их приближенными, или Джайны, Будды и Боддисатвы с их свитой. Все земное рассматривается под аспектом божеского. Как индус не видит никакой противо-

положности между духовным и чувственным, так нет у него никакой резкой демаркационной линии между мирами действительности и фантазии. Здесь сказывается чисто тропический характер как индийского искусства, так и индийских религий. Пластика переполнена образами неограниченной чрезмерной фантазии. Многоголовые, многорукие, многоногие существа живут в индийской пластике своей переполненной, через край бьющей жизнью. С этим связаны иные по сравнению с искусством запада основные принципы художественной формы. Для индуса выражение, ритм и движение стоит выше, чем все анатомическое: декоративное заполнение плоскости важнее, чем перспектива: интуитивный образ, чем реалистическое расчленение.

Бесконечно велико и почти необ'ятно количество сохранившихся памятников индийского искусства. В индийской пластике доминирующую роль играет скульптура в скалах и рельефы, круглая скульптура встречается редко.

Весь этот необозримый мир пластических образов далеко еще не недостаточно изучен: книга В. Кона подводит итоги сделанному и намечает новые вехи. Развитие индийской пластики представлено Коном в двух главах, разделяющих материал памятников хронологически и по местностям: памятники древнейшей скульптуры, пластика эпохи Кушан, эпохи Гупта, пещерные храмы западной Индии, пластика Орисы, скульптура Джайнизма, пластика Южной Индии, бронзы из южной Индии, пластика Цейлона, Ангкоры, Явы—вот этот многообразный подвергнутый исследованию материал.

Древнейшие дошедшие до нас памятники относятся к эпохе царя Асоки—к половин III века до Р. Х. Здесь на лицо черты персидского влияния эпохи Ахеменидов: но черт греческого влияния не заметно. Сюжеты буддийского характера, однако изображений самого Будды еще не встречается. И в Бархуте, и в Санчи мы встречаем лишь символы Будды, священное дерево, колесо, трон и др. Здесь мы сталкиваемся с интереснейшими проблемами индийского искусства и находим новый и значительный материал для их истолкования. Вопрос о происхождении индийского искусства и об отношении ранней индийской скульптуры к греко-буддийской получает в работе Кона новое освещение.

Прежде в работах виднейших исследователей (напр. А. Грюнведеля и А. Фуше) вопрос решался в смысле утверждения доминирующего влияния на гандхарское и индийское искусство—греческого. По мнению A. Foucher, большое количество греко-эллинистических форм (декоративных и орнаментальных) вошло в греко-буддийское искусство. Греческое же искусство лежит в основе создавшихся типов буддийского религиозного искусства: так тип Аполлона александрийского периода положен в основание типа Будды; тип Брахмана произошел из типа Зевса, типы демонов—видоизмененные образы фавнов и силенов. «Эллинистическая струя пробивалась, замечает Foucher, *) подчас и далее на Восток: вместе с распространением буддизма она проникла в Китай и Японию. В настоящее врмя трудно согласиться с этими утверждениями. Еще Havell в своих работах об индийской скульптуре решительно высказывался против возможности влияния греческого искусства на индийское; он борется против взгляда, что индийская пластика есть только упадочная и выродившаяся копия греко-римского прототипа. Кон подтверждает эти сомнения новыми аргументами. По его мнению неправильно понималась самая роль гандхарского искусства Индии. Прежде всего это искусство не следует называть греко-будийским, а чисто эллинистическим. Значительно превеличивалось влияние гандхарского искусства на развитие индийской пластики. Несомненно, конечно, что индийское искусство подвергалось кое-

*) A. Foucher. L'art greco-boudhaique du Gandhara v. I, 1905. Цит. по нашей статье: Памятник культуры и искусства Турфана. 1916.

каким влияниям с северо-запада, об этом свидетельствует хотя бы античный характер расположения складок иных произведений скульптуры; эллинистическое влияние мы встречаем и в Матуре (в собственной Индии) из эпох Канишки около 120 г. по Р. Х.), но более значительной струей здесь является чисто-индийская, восходящая к периоду Асоки. Надо иметь в виду, что гандхарское искусство оставило только легкие следы и на полуострове Индии и в индийских колониях. Совершенно сомнительным кажется Кону греческое происхождение образа Будды в Индийском искусстве, на чем настаивал Фуше **).

Воспроизводимая им великолепная статуя Будды из Hati-Mardan,—эллинизированный Будда или скорее индианизированный Аполлон—которую он относит к эпох Менандра (II в. до Р. Х.), вовсе не является доказательством греческого происхождения образа Будды в индийском искусстве, а только в эллинистическом искусстве Гандхары. По мнению В. Кона мотив Будды, также как и мотив Якшини, сцены Махабхинишкрамана (великого ухода) принадлежит к циклу мотивов древне-индийского происхождения и в гандхарском искусстве лишь воспринят и подвергнут эллинистической обработке. Весьма вероятно, что самая концепция-изображение Будды значительно старше искусства Гандхары, эта концепция не заключает в себе ровно ничего античного, а есть чисто индийское представление Йоги, соединенное с древне-индийской идеей Махапуруша (великого человека) с его 32 Лакшана (знаками великого человека). К тому же если подтвердится указание Гангули (Orissa and her remains, Calcutte 1912), что в одной из пещер Удайагари находится рельеф с изображением Будды III-II веков до Р. Х., отпадает всякое основание для ссылок на соответственные памятники Гандхары, так как последние относятся к более позднему времени.

Затем В. Кон характеризует пластику эпохи Гупта (4-й век по Р. Х.), от которой дошли до нас древнейшие сохранившиеся брахманские скульптуры. Именно искусство этой эпохи—эпохи ренессанса Брахманизма, а не искусство Гандхары, как полагали раньше, показывает Индию в полном расцвете ее творческих сил. В литературе эпоха расцвета связывается в эту эпоху с именем Калидасы.

Из более поздних эпох индийской пластики останавливают внимание архитектурная пластика Орисы в противовес скульптуре в скалах Западной Индии. Поразительно богатство скульптурного убранства посвященного богу солнца в Сурна храма в Конарке (13 век). Остается ценной связь покрывающих фасады храма тысяч образов остро эротического характера с культом бога Солнца.

По новому также освещает Кон джайнийскую скульптуру. Прежде полагали особенный ее стиль: но теперь становится очевидным, что со стороны художественно-стилистической она не представляет самостоятельной группы

Последние работы Rea (Pallava Architecture, Madras 1909) и G. Jouveau — Dubreuil (Pallava Antiquities 1916, и Archéologie du sud de l'Inde, Paris. 1914), дали возможность более полно заявить необычные скульптурные богатства выросшей на основе дравидской культуры Южной Индии. Наиболее характерным памятником является большой храм в Мадуре 17 века (грандиозное проявление индийского барокко), вызвавший яркую характеристику Кейзерлинга (см. его Reisetagebuch einer Philophen, 1920, т. I ст. 104—108).

К работе В. Кона приложен указатель работ по индийской пластике и по индийскому искусству вообще, включающий и ряд новых работ. Кроме уже упомянутых нами в тексте, отметим еще работы Ananda Coomaraswamy, The dance of Siva. New-Iork. 1918 г. A. Foucher. L'art gréco-boudhique du gandhara. v. II. 1. 918 г., **его же** The Beginnings of Buddahist Art. 1917 г., V. Smith, The Oxford Hystory of India. 1919 г.

Проф. Б Денике.

---

*) A. Foucher. L'origine grécque de l'image de Buddha. 1913.

В. БАРТОЛЬД. Ориентировка первых мусульманских мечетей: Башня Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры. Оттиски из «Ежегодника Российского Института Истории Искусства», т. I, стр. 113—117 и 121—125. Петербург. 1922 г.

Две новые статьи акад. В. В. Бартольда появились в виде отдельных оттисков из еще не вышедшего в свет первого тома «Ежегодника Института Искусства». Обе статьи, основаные на изучении как памятников вещественных, так и памятников письменных, посвящены критическому пересмотру некоторых спорных вопросов раннего мусульманства и средневекового персидского искусства. В статье «Ориентировка первых мусульманских мечетей» акад. Бартольд решает вопрос о том, куда лицом во время молитвы обращались Мухаммед и его приверженцы во время пребывания в Мекке и в первое время после переселения в Медину (до повеления пророка обращаться во время молитвы лицом к мекскому храму Каабе). Предание гласило, что ориентировка была на Иерусалим и что здесь сказывалось влияние евреев. Акад. Бартольд убедительно доказывает, пользуясь данными первых мечетей, что ориентировка была на Восток и заимствована была у христиан.

Во второй статье отмечается значение башни Кабуса (в северной Персии), как первого датированного (XI века) памятника, столь мало разработанного мусульманского искусства Персии. К более деятельному изучению этого искусства призывает статья выдающегося русского ученого.

Изданы обе статьи роскошно: вторая статья снабжена двумя рисунками—наклейками.

И. Б.

ДЖЕЛАЛ-ЭССАД. Константинополь, пер. П. Безобразова изд. Сабашниковых. 1919 г., стр. 236.

Содержание книги Д. Эссада шире, нежели ее название. Автор не ограничивается простым описанием архитектурных и вообще художественных памятников Константинополя, но попутно дает очерки, правда краткие, искусства византийского, арабского и османского.

Искусство византийское окончательно обрело свою физиономию лишь к 6 веку, к эпохе сооружения храма св. Софии. Основными чертами этого стиля в архитектуре было употребление плана в виде греческого креста, некоторые другие чисто конструктивные детали и широкое употребление мозаик для украшения храма. В течение 10 веков своего существования византийское искусство несколько раз переживало эпохи падения и под'ема (при македонской династии при Комненах и Палеологах).

На фоне этой общей эволюции византийского искусства, Д. Эссед рассматривает отдельные памятники его в Константинополе: церкви, дворцы, монументы, водопроводы и т. п. Наиболее подробно он останавливается, разумеется, на разборе храма Св. Софии, этого высшего достижения византийской, да и чуть ли не мировой архитектуры. Если мы вспомним, что за последние годы науке удалось установить прямое воздействие художественных традиций Византии на искусство Италии эпохи раннего Возрождения (Джотто, Чимабуэ), то мы поймем, насколько важно уяснить характер византийских памятников Константинополя. К сожалению эта часть труда Д. Эссада носит исключительно компилятивный характер (основываясь на трудах Ш. Диля, Мордтмана и др.) и вдобавок отличается большой неполнотой: так, она содержит чрезвычайно отрывочные и случайные сведения о мозаичном искусстве Византии, как известно решительно повлиявшем на всю западную и русскую иконопись.

Более интересна вторая часть его книги, посвященная Стамбулу, т. е. памятникам османского искусства. Автор, очевидно большой патриот, прежде всего с горячностью защищает самое существование оригинального Османского архитектурного творчества, сводимого в западной литературе обыкновенно на ряд заимствований и подражаний арабскому и византийскому искусству. В вводной главе автор дает краткий очерк мусульманского искусства, к сожалению несколько сбивчивый. Основываясь на византийском искусстве, храмовая архитектура арабов тем не менее значительно отклонилась от него, быть может из желания избежать сходства с христианскими церквами, а также из-за разницы в строительных материалах. Своего расцвета арабская архитектура достигла в Египте (Каир) и в Испании. Вторым мусульманским искусством было персидское. Оно базировалось уже не только на Византийских, но и на старинных месопотамских традициях. За много веков своего существования Персидское искусство пережило 4 эпохи арабскую, турко-сельджукскую, монгольскую и сефевидскую. Однако, оно сумело всегда сохранить свои основные черты: луковичную форму купола, большой стрельчатый портал, обилие фаянсов с цветочным орнаментом и т. д. На основе этих двух художественных стилей арабского и персидского и сформировалась Османская архитектура. Несмотря на патриотическую задачу поставленную себе Джелал Эссадом, из его книги довольно трудно выяснить, в чем же заключалась оригинальная физиономия турецкого искусства. Несколько раз он подчеркивает, что турки были не подражателями арабов, а их достойными учениками, что они выработали свою своеобразную эстетику, свой «личный тон» и т. п. Однако детальные описания памятников Османской архитектуры убеждают, что последнее явилось лишь переработкой, сочетанием элементов персидского и арабско-византийского искусства. Если оставить, впрочем, в стороне, эту вполне естественную тенденцию автора, мы находим в его книге ряд интереснейших описаний таких памятников архитектуры, как знаменитая зеленая мечеть в Бруссе, мечеть Баязида, Сулеймание и др. в Стамбуле, османских фонтанов, бань, частных жильцов и т. п. Все эти характеристики изобилуют массой ценных исторических и археологических подробностей. Расцвет Османской архитектуры падает на XV и XVI в. в. и отмечен творчеством таких гениальных зодчих, как Хейреддин и особенно Синан. Ученики этих мастеров приглашались и в другие страны, напр., в Индию, где ими было выполнено несколько великолепнейших сооружений для Великих Моголов. В XVII в. это туземное искусство падает под влиянием французских мастеров, выписанных Махмудом I и привившихся в Турции стиль Людовига XV и барокко. Упадок этот продолжается до наших дней и характеризуется полным забвением монументального туземного искусства и поверхностной подражательностью европейским образцам.

К числу крупных недостатков книги принадлежит очень небрежный перевод и отсутствие научной корректуры, что совершенно непонятно, т. к. в начале книжки оговорено, что она была переведена под редакцией покойного П. В. Безобразова и под наблюдением прив. доц. А. А. Захарова. Благодаря этому в книге мы встречаем или совершенно бессмысленные фразы в роде: «Турки и туркестанцы» (?) были истинными хранителями этого искусства, сохранившими его традиции во времена греческого владычества (?) (стр. 205) или же абсолютно ненаучные заявления вроде того, что «Известно, что Кааба была построена пророком Авраамом» (стр. 192). Нужно ли указывать, что этнология не знает особенного народа «туркестанцев», что эти последние вкупе с турками никогда не находились под греческим владычеством и, что наконец, сооружение Каабы можно с таким же успехом приписать Аврааму с каким закладка Рима приписывалась Ромулу..... К книжке приложен краткий список литературы по искусству и истории Византии и Востока, отличающиеся впрочем, огромными пробелами; так, не указана даже

классическая книга Perrot et Cripier по древн. искусству Востока, кроме 4-х стойными только семерых, а ведь и среди прочих забракованых ими многие бу (труды проф. Василевского, Успенского, Кондакова, Шмидта, ряд периодических изданий и пр.) и т. п. С внешней стороны издана книжка недурно и снабжена довольно большим количеством рисунков и планов.

В. Гурно.

Омар Хаям—перевод О. Руммер. Издание «Берег». Москва, 1922 г.

«Персия из всех своих поэтов за пять столетий, сказал Гете, признала достойными только смертных, а ведь и среди прочих забракованых ими многие будут почище меня». Историко-литературная критика уже отметила некоторую неточность в этой характерной оценке персидской поэзии великим поэтом. Гете был введен в заблуждение автором немецкого перевода «Дивана» Хафиза—Хаммером, который счел нужным избрать традиционную во все времена и у всех народов «семерку» и об'единить семь крупных персидских поэтов, которые почему то пришлись ему больше других по душе. В «семизвездии» на небе персидской поэзии, послужившем материалом для Гете, не были включены виднейшие персидские поэты X—XV века в том числе и Омар Хэйям. В этом отношении Омар Хэйям вообще не везет. Историко-литературные исследователи персидской поэзии и ее переводчики неоднократно забывали «Омара Хэйяма», а затем вдруг вспоминали, что ими пропущен по их же мнению почти самый великий поэт Ирана. Любопытно отметить, что в «персидских лириках», переведенных на русский язык таким знатоком, как академик О. Е. Корш, был также забыт Омар Хэйям и соответствующая поправка была затем внесена в этот перевод профессором А. Е. Крымским. Об'ясняется ли этот недочет случайностью, является ли он результатом недостаточно восторженного отношения со стороны некоторых переводчиков к Омару Хэйяму, трудно сказать, но во всяком случае нельзя не отметить, что этой случайности подвергся именно Омар Хэйям, поэтическое творчество которого пользуется совершенно исключительной популярностью не только на его родине: его «четверостишия» является своего рода настольной книгой во многих уголках западного мира, где Омар Хэйям наиболее популярен из всех персидских лириков.

Старая истина, что самые вдохновенные произведения, самые глубокие и усложненные проявления поэтического творчества, отнюдь не теряют своей внешней прелести и внутренняго содержания в переводе на иной язык. Наоборот всякое крупное творчество легко и свободно поддается переводу при наличности конечно одного условия—поэта-автора передает переводчик-поэт. К сожалению, недавно изданный перевод Омара Хэйяма лишен этого основного условия. Его переводчик не обладает поэтическим дарованием и в результате нежная утонченная, временами чарующая поэзия персидского лирика выявлена немощно, неуклюже, а главное ремесленнически. О. Руммер, написавший длиннейшее предисловие к своему переводу, в котором не мало места уделено поэтическим настроениям Омара Хэйяма и построению его четверостиший для воспороизведения его на русский язык, избрал довольно неудачную форму стиха: первая строка все время рифмуется у него со второй и четвертой, третья свободна и притом нет никакого согласования со следующими строками. Стих лишен всякой музыкальности, одеревенелый, внутренне неподвижен.

«Вставай. Свой камень в чашу тьмы Рассвет.
Уже метнул,—и звезд на небе нет.
Гляди. Восходний Ловчий полонил
В силок лучей дворцовый минарет.

Неверный призрак утра в небе гас
Когда во сне я внял призывный глас:
В кабак друзья! Пусть бьет вино ключем
Пока ключ жизни не изсяк для вас

или: «Пока на розах мы с тобой сидим
Пей гроздей сок. Когда же
Серафим тебе темней напиток поднесет
Прими его, душой неколебим».

Между тем это нескладное стихотложение, доженствующее передать поэзию одного из величайших мировых поэтов, совершенно оживает в ином воспроизведении персидского поэта:

«От жилищ неверья лишь одно мгновенье
К знанию вершин;
И от тьмы сомнения
К свету уверенья
Только миг один.
Познавай же сладость—краткой жизни радость
В мимолетный час:
Жизни всей значенье—только дуновенье
Только миг для нас.

* * *

Нам говорят, что в кущах рая
Мы дивных хурий обоймем
Себя блаженно услаждая
Чистейшим медом и вином
О, если то самим Предвечным
В святом раю разрешено,
То можно ль в мире скоротечном
Забыть красавиц и вино».

Так переводил Омара Хэйяма в 1916 г. другой переводчик И. П. Умов. Стоило ли портить это впечатление в 1922 году?

Почти однородные, философские размышления Омара Хэйяма, его пессимистические раздумья над тленностью всего земного, правда из разных поэтических источников, переданы двумя переводчиками с совершенно разной художественной силой. В переводе О. Румера читаем:

«Когда тебя накроет смерти тень,
Над этим миром не померкнет день:
Вселенной столь же безразличен ты,
Как морю брошенный в него кремень.
В пустыне Хаоса на миг прильнуть
К колодцу жизни нам дано... А чуть
Зашла звезда, уж караван спешит
К заре Небытия. Готовься в путь!».

И. П. Умов передавал те же настроения:

«Если тщетны упованья
И надежды, и мечты,—
Так зачем тогда старанья
В этом мире суеты!
Мы приходим к цели поздно,
Не успеем отдохнуть,
Как судьба твердит уж грозно:
«Вновь пора пускаться в путь!».

Независимо от степени литературного дарования обоих переводчиков, один из них И. П. Умов перевел Хейяма с персидского и, таким образом, в его переводе свежесть и непосредственность первоисточника; другой, О. Румер, перевел с английского — с поэмы Фицджерольда, вольно, своеобразно и чарующе воспроизведшей поэзию Омара Хэйяма, приобревшей самостоятельную художественную ценность, но с той поэмы, в которой, по словам же переводчика, как в груди Фауста, живут две души, персидского мудреца Омара и английского современного поэта.

И с этой точки зрения старый перевод Омара Хэйяма, несомненно, приобретает и большую ценность и больший смысл, особенно для русского читателя, который в деле изучения персидских авторов проходит лишь первоначальную стадию и естественно охотней будет знакомиться с переводами оригинала Омара Хэйяма, чем с импровизиацией Фицджерольда.

Здесь уместно сказать несколько слов о русском переводе персидских лириков, вышедших в 1916 г. Эту интересную и талантливую работу надо было бы продолжить, тем более, что персидские авторы представлены в ней лишь небольшими неполными отрывками. Но в них выявлена физиономия персидских поэтов, выдвинуты те основные черты, которые характеризуют персидскую поэзию X — XIV века. Новый Восток в его революционных настроениях тесно связан с духом протеста, который так характерен для поэзии старого Востока. Свободомыслие, религиозный анархизм и пассивное бунтарство, развившиеся здесь отчасти под влиянием арабского завоевания, как протест против него, обвевают всю поэзию Саадия, Джелладина, Омара Хейяма.

«Ничтожен мир, и все ничтожно,
Что в жалком мире ты познал;
Что слышал — суетно и ложно
И тщетно все, что ты сказал».

Омар Хэйям в одном из своих четверостиший рекомендует своим друзьям искать его после смерти у порога «кабака» и омыть его труп натуральным вином. Вся поэзия этой эпохи — «вольнодумство» с точки зрения религиозных и государственных устоев того времени. Оно не прошло бесследно не только для Персии, но и для всего сопредельного с ней Востока.

С. Вельтман.

НОВЕЙШИЕ ИЗДАНИЯ КАЛЬКУТТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Секретарем Совета Post Graduate Teaching in Arts Калькуттского Университета, Д. Г. Баннерджи, присланы в Музей-Институт Классического Востока последние издания названного университета, вышедшие почти все за два последних года. Эти книги, числом двадцать, говорят об интенсивной работе и притом местной т у з е м н о й профессуры. Все труды, за исключением двух переводных, написаны и н д у с а м и. Ни одного английского имени. И это, повидимому, не случайность. Если мы пробежим посвящения, по восточному многосложные, прочтем внимательно предисловия и вникнем в самый текст работ, то во всех них мы более или менее явственно увидим отголосок упорной работы в сторону национального культурного самоопределения. Авторы, как напр., Абинас Чандра Дас, выпустивший в прошлом году первую часть своего большого труда «Индия эпохи Риг-Веды», преисполнен глубокого убеждения в исконности и значительности своей индо-арийской культуры и в огромном влиянии ее в прошлом на великие западные цивилизации. Названный ученый охотно и смело полемизирует с западными учеными относительно их понимания и степени их знакомства с Ведами. Бонимадат Баруа дал в том же году основательный труд о древнейших индийских умозрениях, в котором он настаивает на том, что эти умозрения имеют полное основание называться «философией» и что наряду с греческим мышлением в них следует видеть создателей в истории современной цивилизации философии и науки, в точном смысле слова. Труд был представлен в Лондонский Университет, и искомая докторская степень была присуждена автору, но выпущена книга не в изданиях английского, а в изданиях б е н г а л ь с к о г о университета, с полупрозрачными обиняками в предисловии. Это опять таки характерная черточка. Несколько книг носит посвящение все одному и тому же лицу. Авторы нескольких других книг упоминают с глубоким уважением и признательностью в предисловиях к своим трудам, опять таки о том же лице. Имя, которое не устают повторять бенгальские ученые, это—Асутош Мукерджи. Его называют «великим бенгальцем», влившим новую жизнь в Калькуттский Университет, широко раскрывшим научные двери некогда столь презиравшемуся бенгальскому языку. Его соработники не устают воздавать хвалу «отзывчивости его сердца и ума, не знющих различия в цвете, вере или касте, когда дело касается знания и поощрения науки, безразлично, будь то в беднейших лачугах или в гордых дворцах». При одном взгляде на коротко остриженное, низко посаженное, энергичное лицо (портрет приложен к одной из книг), видно, что этот человек (огромной воли по преимуществу) недаром снискал такое уважение своих сотрудников и оказался лидером современного бенгальского туманизма.

Нельзя обойти молчанием также внешность книг. Судя по ним, война как-будто вовсе не отразилась на качестве бенгальских изданий. Все эти тысячи страниц отпечатаны на хорошей, иногда даже прекрасной, бумаге, четким шрифтом. Один том заключает 164 таблицы на меловой бумаге. Кроме того, все книги заключены в изящные ценные коленкоровые переплеты, с тиснеными золотом заголовками на корешках. Таким образом, и издательская часть стоит на высоте и свидетельствует о благоприятном состоянии книжного дела в восточной Индии. К сожалению ничего нельзя сказать о стоимости книг, так как цены не проставлены.

Вот перечень присланных сочинений:

I. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА.

1, **Абинас Чандра Дас.** Индия эпохи Риг-Веды (Abinas Chandra Das, Rig Vedic India), том I, 1921 г., стр. I—XXIV, 1—592; две карты на отдельных листах.

2. **Д. Р. Бандаркар.** Древняя История Индии (D. R. Bhandarkar, Lectures of the ancient History of India on the period from 650 to 325 BC. 1919 г., стр. I—XII, 1—218, с приложением портрета на меловой бумаге.

3. **Р. Шама Састри.** Развитие индийского государственного устройства (R. Shama Sastry, Evolution of Indian Polity), 1920 г., стр. I—XVI, 1—176.

4. **С. Худа Бухш.** Восток при халифах (S. Khuda Bukhsh. The Orient under the Caliphs). Перевод из Von Kremer, kulturgeschichte des Orients, 1920 г., стр. I—XIV, 1—463.

5. **Ричард Фик.** Общественная организация северо-восточной Индии во времена Будды (Richard Fick, The social ogranisation in North-East India in Buddha's Time). Перевод с английского, Шиширкумара Маитры (Shishirkumar Maitra), 1920 г., стр. 1—368.

6. **Д. Р. Бандаркар.** Древняя индийская нумизматика (D. R. Bhandarkar, Lectures on ancient indian numismatics), 1921 г., стр. 1—330.

7. **Гауранга Нат Банерджи.** Эллинизм в древней Индии (Gauranga Nath Banerjee, Ellenism in Ancient India), 2-е, заново переработанное и расширенное издание, 1920 г. (1-е издание вышло летом 1919 г.), стр. I—VI. 1—344.

II. ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА.

8. **Раи Сагиб Дикасчандра Сен.** Вишнуитская литература средне-вековой Бенгалии (Bai Sahib Dineschandra Sen, The Vaishnava Literature of Mediaeval Bengal). Лекции, читанные в Калькуттском Университете в 1913 г., 1917 г., стр. I—XXXII, 1—258, I—VII.

9. **Биджайчандра Мазумдар.** История бенгальского языка (Bijaychandra Mazumdar, The History of the Bengaly Language), 1920 г., стр. I—XX, 1—298.

III. ФИЛОСОФИЯ.

10. **Бенимадат Баруа.** История до-буддийской философии (Benimadhat Barua, A History of Pre-Buddhistic Indian Philosophie), 1921 г., стр. I—XX, 1—444.

IV. МЕДИЦИНА.

11—12. **Гириндранат Мухопадиайя.** Хирургические инструменты индусов Girindranath Mukhopadhyaua, The Surgical Instruments of the Hindus, with a Comparative study of the surgical instruments of the Greek, Roman, Arab and the modern Europian Surgeons, в 2 томах; т. I, стр. I—XXXII, 1—444, 1913 г., т. II, стр. I—X, 164 таблицы, 1914 г.

13. **Бьела-Самита.** Санскритский текст. (Bhela Samita, 1921 г., стр. I—X, 1—272.

V. ЖУРНАЛЫ.

14—20. Журнал Литературного Отдела (Jurnal of the Department of Lettrs), т. I—III, за 1920 г. и т. IV—VII, 1921 г., каждый том по 350—450 стр.

В. Викентьев.

НЕКРОЛОГИ.

С. Е. Саков [1]).

(1846—1921).

Страничка из истории старого (московского) востоковедения [2]).

Сидя в наглухо запертых клетках, оторванные друг от друга, мы только случайно узнаем иногда о том, что совершается вокруг нас. На мою долю выпадает тягостная обязанность об'явить о кончине члена-учредителя Восточной Комиссии, б. профессора турецко-татарского языка в б. Специальных Классах Лазаревского Института восточных языков, С. Е. Сакова. Современное поколение равнодушно внимает скорбной вести, но—увы, и при жизни это имя мало было знакомо специалистам. Уроженец Востока, Саков рано переселился в Россию; кейф сдружился с ленью, и задатки дарований затушевались в извилистых хитросплетениях византийского склада ума. А между тем, на фоне жизненного пути его кое-что выдает, как-будто, разнообразие его интересов.

По происхождению малоазийский грек, Ставр Елевтерьевич Саков родился в 1846 году в городе Унии на берегу Черного моря. В Россию попал он мальчиком (вероятно, во время Восточной войны), и здесь получил образование—сначала в Евпаторийской гимназии, потом в Лазаревском Институте, где, согласно действовавшему уставу, изучал и восточные языки. В 1869 году он окончил старшие, лицейские, классы с правом на чин XII класса.

Перейдя в русское подданство, он в 1870 году назначен был надзирателем в Институт. Лазаревский Институт стоял тогда на распутьи. Преподаванию восточных языков, шедшему в Институте с 1844 года, грозила ликвидация—Институт должен был превратиться в обычную классическую гимназию, но благодаря усилиям инспектора Г. И. Кананова лицейские классы были восстановлены, в расширенном виде. 3-го сентября 1871 года происходило первое заседание Совета «Специальных Классов», на котором присутствовал и С. Е. Саков; как человек, говоривший с детства по-османски, он был приглашен преподавателем практики

---

[1]) Читано 30-го апреля 1922 года на заседании Восточной Комиссии Московского Археологического Общества.

[2]) Источником служили мне, главным образом, архивные материалы, хранящиеся в б. Лазаревском институте восточных языков,—протоколы Совета Специальных Классов, личное «дело» С. Е. Сакова и друг., а также заметка в «Биографическом словаре членов Московского Археологического Общества» (М. 1915, стр. 316); заметка носит, повидимому, автобиографический характер (особенности стиля!), но там есть опечатки (корректорские недосмотры?) или lapsus'ы хронологические, об'ясняемые забывчивостью С. Е. Сакова.

турецкого языка [1]). Одновременно ему было поручено и заведывание небольшим собранием книг, которое за 50 лет выросло в ценную востоковедную библиотеку. Но это не могло удовлетворить молодого пытливого грека. «Вследствие своего интереса к медицине», как говорит С. Е. Саков в автобиографии, он поступил на медицинский факультет Московского университета, но, может-быть, подсказано это было и проф. Л. М. Лазаревым, его учителем, человеком практическим. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов Саков отправился на Кавказский фронт, в качестве врача в Эриванском отряде генерала Тергукасова. По возвращении в Москву работа пошла у Сакова в двух направлениях—педагогическом и медицинском. Врачем служил он и в Москве, и в провинции (в 1879 году он был утвержден в звании уездного врача), больше, конечно, в Москве; в Странноприимном доме при Шереметьевской больнице и в Воспитательном Доме. Постепенно он, однако, охладел в Москве к медицине; бросил службу и практику (принимая на дому только знакомых).

Опять возобладал Лазаревский Институт. По смерти профессора Л. М. Лазарева, С. Е. Саков, как опытный педагог, был выбран 22-го ноября 1884 года и. д. экстраординарного профессора по кафедре турецко-татарского языка. Но все осталось в Лазаревском Институте по-прежнему; у С. Е. Сакова расчеты были практические, во всяком случае, им не руководило желание повысить преподавание. В середине 90-х годов прибавились новые заботы—он купил в Каретной-Садовой большой доходный дом и стал у себя управляющим. В 1901 году Саков вышел в отставку с пенсией, но сохранил за собой чтение лекций по османскому языку, как сторонний преподаватель, из платы по найму.

Осенью 1908 года, после колебаний и сомнений, подвинутый временным ухудшением здоровья, он покинул Лазаревский Институт, будучи избран «в воздаяние почти сорокалетнего высокополезного служения Лазаревскому Институту», почетным членом. Разлука была тяжела, и Саков скоро это почувствовал. Я помню, как, заглянув в Институт за год, за два до войны, он прослезился, при виде прежних своих сослуживцев. Саков поселился в Липецке (Тамбовской губ.), где у его жены было имение. Еще раньше, наезжая сюда летом, он был курортным врачем на Липецких водах; удалившись на покой, он опять возобновил врачебную практику (по детским болезням), и пользовался большой любовью. Жил он в Липецке уединенно, замалчивая звание профессора; изредка, впрочем, участвовал в земских собраниях... Потом все оборвалось. Под-конец он впал в нужду, хворал и стал неразговорчив, но, утверждают, много писал. Так ли это и куда девались тогда рукописи одинокого старца,—«кто знает».

В течение ряда лет Саков нес обязанности почетного греческого консула в Москве. С юных лет был он горячий филеллин. Ступить на почву Эллады ему не было суждено, хотя раз (в 1885 году) он увидал снова Восток, командированный в Константинополь для подыскания преподавателя-практиканта [2]). Думается тогда завязал он и сношения с Эллинским Филологическим Обществом в Константинополе [3]).

Как мог, Саков помогал духовной родине, стараясь, чтобы греко-подданные, проживавшие в Москве, завещали капиталы на просветительные нужды Греции; из Липецка неоднократно посылал он в Греческий Никольский монастырь в Москве подарки, и т. д. Саков гордился тем, что он был грек: на станции Сергиево-Паточная (Московско-Курской жел. дор.) он одно время был врачем в больнице княгини Га-

---

[1]) Раз, впрочем, в 1879 году, когда смерть С. И. Назарьянца вызвала перестановки, и Л. М. Лазарев собирался перейти на персидскую кафедру,—Саков преподавал на первом курсе и теорию языка.

[2]) Тогда-то появился в Москве, поныне здравствующий, С. Г. Дзеруньян.

[3]) См. Тридцатилетие Специальных Классов Лазаревского института восточных языков, М. 1903, стр. 34.

гариной—среди крестьян местных долго вспоминался «Кир-Саков». Сознательно, вероятно, предлагал он иногда студентам такие темы, как, напр.: «Греческое восстание в 1824 году».

Филеллинство определило и подход к османскому языку: он питал равнодушие, скорее полупрезрение к османцам, поработителям его соотечественников.

Как профессор, Саков был последний могикан, последний представитель отжившего и в России типа ученых; он хорошо знал и понимал османский язык, ухмыляясь в бороду, когда замечал промахи петроградских туркологов; но дальше начетничества не ушел. Ему недоставало филологического образования и, отмахиваясь правой рукой, он отклонял от себя научную работу, ибо не видел в ней практического смысла. Ему, впрочем, и негде было выучиться научным приемам. Лицейские классы Лазаревского института (в отношении преподавания восточных языков) походили скорее на медресэ. Старейшее поколение «Специальных Классов» вспоминает, как проф. Лазарев (перешедший сюда из лицейских классов) создавал на лекциях восточную обстановку: он садился со слушателями на полу и, раскачиваясь, читал нараспев Коран. А вот еще рассказ, не без юмора передававшийся Саковым. Лазарев затевает урок выразительного чтения басни (на османском языке). Ну, я буду лев,—распределяет роли профессор,—ты (имя рек)—тем-то, ну, а ты, Саков, будешь осел. Между учителем и учеником возникает препирательство. Я не хочу быть ослом, заявляет ученик, будьте вы, Лазарь Мануилович, ослом.

В течение десятков лет (до 1908 г.) Саков преподавал в Специальных Классах различные турецкие языки—османский, азербайджанский, чагатайский [1]). По поводу предложения, сделанного в 1879 году инспектором Симферопольской татарской учительской семинарии, он изъявил желание вне служебных обязанностей бесплатно заниматься крымско-турецким языком с тем из оканчивающих студентов, который согласится поступить в семинарию учителем русского языка. Вообще, связи с Крымом у него были, хотя появление в Бахчисарае газеты «Терджиман» («Переводчик»), Исмаила Гаспринского, сыгравшего большую роль в пробуждении национального самосоздания российских мусульман [2]), он просмотрел, и первые нумера газеты были привезены в Москву проф. А. Н. Веселовским. Саков хорошо знал караима И. Казаса, и его руководство для изучения русского языка в татарских школах пересадил в Специальные Классы (на уроки практики). Один год (в 1900—1901 акад. году) читал Саков и казанско-турецкие тексты (роман З. Бигеева) [3]).

Ясно прослеживаеся по протоколам Специальных Классов история введения чагатайского, среднеазиатско-турецкого, языка. Необходимость эта подсказывалась распространением русского владычества в Средней Азии. Г. И. Канонов прекрасно это учел, и хлопочет об этом уже в 1871 году. Одно время намечался и специальный кандидат для преподавания (Александров). Однако, с 1880 года Канонов опять настойчиво, выдвигает вопрос о значении азербайджанского и чагатайского языков. Саков пошел навстречу и, хотя кафедру занимал тогда Лазарев, он в 1881 году подал в Совет обширную записку о плане преподавания. Неудивительно, что, когда Лазарев умер,—преемник ему был уже предрешен, хотя для проформы последовали и публикации, с вызовом кандидатов для замещения кафедры. Канонов все время относился благожелательно к Сакову, и в 1896 году, аттестуя его, как человека с «выдающимися педагогическими способностями», ходатайствовал о возведении его в ординарные профессоры, но это ему не удалось.

---

[1]) О преподавании С. Е. Сакова см. воспоминания Х. И. Кучук-Иоаннесова (середины 70-х годов) в «Тридцатилетии Специальных Классов». М. 1903, стр. 16.

[3]) Характеристика «отца журналистики» российских мусульман (умершего в 1914 г.) давно приготовлена мною к печати.

[2]) См. Обозрение преподавания в Специальных Классах в 1900 — 1901 акад. году. М. 1901, стр. 6.

Тексты для чтения по османскому языку Саков брал из хрестоматий, русских и европейских (Лазарев, Смирнов, Дитерици), и из хрестоматии османских (Абузия Тевфик, Мемдух, М. Наджи). Азербайджанские тексты читались обыкновенно на втором курсе (хрестоматии Будагова, Лазарева), а на третьем—чагатайские (Абул-Гази, Бабур, Есеви). Чтению текстов предшествовало изложение, бегглыми мазками, грамматики османского или чагатайского языка. Год или два, когда Совет Специальных Классов разгружал изучение восточных языков на первом курсе,—османский язык преподавался со второго полугодия С. Г. Дзеруньяном, а С. Е. Саков начинал чтение со второго курса. С 1901 года и азербайджанский язык, и сартовский (заменивший на третьем курсе чагатайский) отошли к вновь приглашенному преподавателю, М. А. Гаффарову.

В Специальных Классах Саков пытался ввести (внешние) университетские приемы преподавания—в течение года он читал и комментировал тексты, и только во время экзаменов производил проверку, определяя успешность студенческих занятий. Система, быть-может, пригодная в университете,—в учебном заведении с практическим уклоном была неподходяща, студенты запускали частенько занятия. Саков это видел, и устраивал иногда на дому перед экзаменами репетиции. Приходится признать, что и переводы профессор предлагал неряшливые. Чтение было монотонно-усыпительное: мысли, несомненно, возникавшие у него, гасли, не претворившись в слова. Наблюдая эпически-невозмутимый вид Сакова, студенты одно время звали его «Сакья-Муни». Казалось, ему все равно, как-будто он один в аудитории. Он начинал перевод большого периода и запутывался; тогда он сызнова приступал к переводу, и нагромождал одно придаточное предложение на другое, мало заботясь, понимает или слушает его кто или нет. Когда студенты перед экзаменами разбирались в записях, стенографически воспроизводивших лекцию, — было и больно, и смешно. И так было из года в год.

Как уверяет его старый сослуживец, М. О. Аттая, апатичная небрежность сопровождала Сакова издавна. М. О. Аттая нашел в нем большую перемену по возвращении с войны, когда Саков охотно свалил с себя (в 1879 году) заведывание библиотекой. Он, понятно, не умел увлечь или поощрить студентов; но, если кто к нему обращался,—делился с ним знаниями. Я с благодарностью вспоминаю помощь, оказанную им мне во время занятий над сборником османских сказок Куноша.

Когда с назначением директором Лазаревского Института Вс. Ф. Миллера, в Специальных Классах повеяло свежей струей,—был принят ряд мер для поднятия научного значения Института. Студентам стали задавать темы на медали (начинание это скоро забылось) [1]; темы, избиравшиеся С. Е. Саковым («Османская народная песня», «Шикяйет-намэ Фузули»), охотников среди студентов не нашли. Задумана была, между прочим, серия «Трудов по востоковедению»; Саков наметил для издания две-три студенческие («кандидатские») работы, но он неохотно брал заботы по подготовлению их к печати, и, напр., редактирование литературно-научного первенца Н. И. Ашмарина, в настоящее время видного турколога (чувашиста) «Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан» (М. 1901),—возложено было Советом на А. Е. Крымского. Впрочем, при содействии слушателя-киргиза, С. С. Сабатаева, он редактировал «Материалы по казак-киргизскому языку, собранные И. Лаптевым» (М. 1900).

Научная физиономия С. Е. Сакова неопределенна. В первые годы основания

[1]) По случаю смерти Л. Н. Толстого сделана была еще раз попытка вызвать среди студентов соревнование на тему «Восток в произведениях Л. Н. Толстого», но в течение двух лет не было представлено ни одного сочинения, которое заслужило бы одобрительный отзыв (со стороны рецензента, проф. А. Н. Веселовского). Очевидно, дело не в одном преподавателе, тут влияли и другие, общие, условия.

Восточной Комиссии он посещал заседания [1]), участвовал в разборе памятников и надписей, в обсуждении докладов; он входил и в комиссию, вырабатывавшую устав б. Русского Археологического Института в Константинополе, но не сделал ни одного самостоятельного доклада, и я не знаю, вышла ли за его подписью хотя бы одна печатная строчка. А. Е. Крымский пытался-было привлечь его к «Юбилейному сборнику в честь Вс. Ф. Миллера», но потерпел фиаско. Саков на все махал рукой, и когда ему, напр., В. К. Трутовский предложил разобрать универсал Петра В. к буджацким татарам, он лениво заявил: «ну, это вам, филологам, возиться с этим». В протоколах Совета значится указание, что в 1874 году Саков хотел, для изучения турецких наречий на месте, принять участие в правительственной экспедиции (Аму-Дарьинской). Но, видно, от хотения до осуществления путь был далекий, а для Сакова и неисполнимый, тем более, что в материальной поддержке Совет отказал [2]). В Петербурге Саков был, в 1876 году, на III международном с'езде ориенталистов, но мнение его о происхождении слова «сарт» (от «серт»—твердый) тогда же было отвергнуто Лерхом [3]). Единственным его трудом являются литографированные лекции «Элементы турецкой (османской) грамматики», писанные от руки профессором и выпущенные в 1906 году [4]). Раскачался Саков на издание после долгих уговоров со стороны М. О. Аттаи и А. Е. Крымского. «Элементы грамматики»—обычный тип практического учебника, нисколько не хуже других, но и не лучше: в арабском языке он был слаб, что также сказалось на лекциях. Впрочем, и через шестнадцать лет, несмотря на общеевропейскую войну, когда был усиленный спрос на всякого рода востоковедные пособия,—грамматика османская Сакова ничем, пока, не заменена.

Происхождение С. Е. Сакова из Малой Азии, естественно, толкало на изучение греко-турецкого мира, на изучение тех психических, исторических и этнографических элементов, которые образовали османо-турецкий тип,—тип османца среди турецких народов. Книга, положим, на Сакова наводила скуку, но у него не оформились, хотя бы, воспоминания из детства—религиозные пережитки местного населения, христианского и мусульманского [5]), наблюдения над русскими казаками, рыбачившими у анатолийских берегов [6]). А как легко было это сделать! И что тому помешало, мал ли был тогда Саков и все это скользнуло по нем бесследно, или что другое...

И, подводя итоги, скажу, что С. Е. Саков случайно заделался профессором-«спецом», воскресив в XX веке литературный образ педагогов XVIII века. С этой стороны фигура С. Е. Сакова характерна, она вносит любопытные штрихи в историю русского востоковедения и просвещения. Как ни как, в течение десятилетий

---

[1]) Последний раз был он, повидимому, на заседании 15-го декабря 1901 г.

[2]) Предлагая, (в 1884 году) С. Е. Сакова в профессора, Г. И Канаков отмечал в Совете, что „Саков предпринимал путешествия в Турцию и в другие места. заселенные народами тюркского племени"; но, насколько это правильно,—не знаю.

[3]) Bulletin du Congrès international des orientalistes. III session à S-t. Péters pourg. S—t Pèt. 1876, стр. 73. См. также А. Самойлович—К вопросу о сортах. По поводу.—3-го издания книги Н. П. Остроумова: „Сарты". (Оттиск из „Живой Старины"), стр. 4, прим. 5.

[4]) Впрочем, вышла еще также в 1906 году, в сотрудничестве с М. А. Гафаровым, выборка легких (для начального чтения) текстов османских (16 литографированных страниц).

[5]) Чутье, впрочем, подсказало ему правильную этимологию слова, „Илакса",—деревни греческой (около Трапезунта)—1-е лицо аориста от *αλάσσω* „я обратился" (в мусульманство), см. мою статью „К истории тайных христиан в Малой Азии", Христианский Восток, т. III, стр. 35, прим. 6.

[6]) См. В. Минорский. У русских подданных султана, М. 1902. (Оттиск из „Этнографического Обозрения"). стр. 50.

Саков подготовлял работников для службы на Востоке и на окраинах России, и недочеты дипломатов, политиков, культуртрегеров русских, отчасти, раскрываются и определяются, когда мы представим ту научно-учебную обстановку, среди которой они пребывали в школе. Здесь заключается и разгадка нашего поразительного незнания Востока, нашего незнания национального (инородческого) вопроса во всероссийском масштабе.

Он незаметно ушел из жизни, этот бесцветный работник, но все слушатели, ранние или поздние, помянут добрым словом мягкого преподавателя, который часто пугал студентов в течение учебного года, но на экзамене был добродушно-снисходителен.

ВЛ. ГОРДЛЕВСКИЙ.

В. И. Герье, как историк Востока [1]).

1837—1919.

(Из истории Лазаревского Института).

Тихо угас, обремененный годами, проф. В. И. Герье. Мне привелось слушать его и в Лазаревском Институте, и в Московском университете. Я храню благодарную память о живительном курсе его, по Новой Истории, в котором отчетливо характеризовалась просветительная эпоха — канун Великой Французской Революции. Хотя то был курс необязательный, и экзамена по нему не производилось,—он собирал полную аудиторию (Большую Словесную),— тут были не только будущие историки, но и словесники, и классики. Но тем, кто знал Герье, лектора или руководителя в университете, трудно себе представить, как вел Герье преподавание истории Востока в Специальных Классах Лазаревского Института, и я хочу осветить этот уголок, бросающий тень на организацию Специальных Классов.
Классов.

Когда изволением инспектора Лазаревского Института Г. И. Кананова были восстановлены в 1871 году Специальные Классы, он «для вывески» пригласил и В. И. Герье. Герье был университетский его товарищ, близкий ему человек и друг. На первых порах Герье был, так-сказать, тайный советник и руководитель Кананова, когда какое-нибудь институтское дело переносилось в Петербург, — в министерство. Кафедра истории Востока была поделена между Кананoвым и Герье. Кананов читал на младших курсах — историю Древнего Востока, историю ислама и историю Персии (до завоевания ее арабами). Герье читал (с 1872 г.) Новую историю Востока (на третьем курсе), а два года (1896—1898 г.г.), во время болезни Кананова и после его смерти, вся тяжесть преподавания истории Востока ложилась исключительно на Герье [2]); тогда на первом, младшем, курсе Герье читал историю Древнего Востока, а для старших студентов он стал читать сводный курс, попеременно — один год историю ислама, другой—Новую историю Востока. В основу распределения курсов, выработанную Герье, положены были три фазиса движения истории Востока: история древнейшей, языческой, культуры; период монотеизма, утверждение в Азии мусульманской культуры, приведшей Восток к застою; период новый — проникновение на Восток европейской культуры [3]). История Древнего Востока захватывала очаги цивилизаций, сложившихся в долинах — Нила (Египет), Тигра и

---

[1]) Читано 7-го мая 1922 года на заседании Восточной Комиссии Московского Археологического Общества.

[2]) С 1898 года чтение истории Древнего Востока взял на себя новый директор Института профессор Вс. Ф. Миллер.

[3]) Тридцатилетие Специальных Классов Лазаревского института восточных языков М. 1903, стр. 24.

Евфрата (Ассирия и Вавилон); сперва шел очерк дешифровки письмен, затем политико-культурная история государств. Насколько можно судить, к исламу относился Герье отрицательно; излагалась история ислама по Августу Мюллеру. Новая история Востока — обратное течение, Запада на Восток (зародившееся на Куликовом поле), повествовала о распространении европейского владычества на Востоке; главным образом, Герье задерживал внимание на движении России в Среднюю Азию, отчасти — на истории Индии с XVIII века (Клайв и Гастингс— основатели британского могущества в Индии), и в русской школе то была новинка. Слушатель знакомился с ролью держав-соперниц, России и Англии, на Востоке, — с их империалистической политикой. Иногда, как вспоминал Х. И. Кучук-Иоаннесов, говорилось и о завоевании Кавказа в XIX в., и историческому очерку предпосылался этнографический обзор кавказских горцев [1]).

Метод преподавания как у Кананова, так и у Герье был одинаковый; удручающе ли действовала обстановка, или незначительность пособий на русском языке была тому причиной,—но только чтение лекций сводилось к медленной диктовке. Понятно, как велик мог быть об'ем курса при одной двухчасовой лекции в неделю. Профессор, громадное воспитательное значение которого в университете было несомненно, — попадая в затхлую атмосферу, способствовал превращению Специальных Классов в медресэ. Читал Герье по субботам на последних часах, и несмотря на страх, какой внушала серьезно-сосредоточенная фигура Герье, случалось, что студенты, утомленные языками, расходились или на лекции оставались очередные записыватели. Ничтожность лекций отчасти корректировалась, или восполнялась обязательным представлением работ (в год до трех), в которых реферировались монографии или отдельные главы из каких-нибудь сочинений, как, напр., Масперо, Мюллер, Реклю. На экзамен Герье приносил кипу студенческих тетрадей и, если у него возникали сомнения, как оценить ответ,—задавал вопросы по читанным книгам.

Случайный гость, засидевшийся, однако, в Специальных Классах, Герье был чужд интересам востоковедной школы; он полупрезирал Специальные Классы, и, конечно, не думал о подготовке себе заместителя. С появлением А. Е. Крымского, Герье скоро отошел от Специальных Классов. Уже в 1900—1901 учебном году, историю Востока, после Александра В. и историю ислама, начал читать Крымский. Герье вернулся еще на год (на 1901—1902 акад. год), но потом покинул окончательно Специальные Классы, «вступивши на трудную должность директора новооткрытых Высших Женских Курсов», и «указал Совету на Крымского, как на желательного ему преемника [2]). Так пишет Крымский, посвятивший «своему глубокоуважаемому учителю и предшественнику по кафедре» «Историю Турции и ее литературы» (М. 1910).

Специальные Классы, конечно, дорожили, чтобы в их среде находился заслуженный университетский профессор (по случаю 25-тилетия пребывания Герье в Институте, ему был поднесен приветственный адрес); в 1903 г. Совет еще раз сделал попытку вернуть Герье и обратился к нему с коллективным письмом, прося его продолжать чтение лекций хотя бы по Новой истории Востока, но решение Герье (который давно тяготился, все-таки, Специальными Классами и оставался там, уступая только настоянием друга — Кананова)—было бесповоротно. Так разорвалась 30-тилетняя связь, которую, как думал Вс. Ф. Миллер, могли уничтожить «только исключительные обстоятельства». Впрочем, осенью 1914 года, когда я передавал Герье «Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского», он сожалел, что не был своевременно извещен, и не мог

[1]) Там же, стр. 15.

[2]) А. Крымский. История мусульманства. М. 1904. ч. I и II, стр. 1, см. также «Тридцатилетие», стр. 24.

откликнуться воспоминаниями из совместной работы их на «герьевских» курсах. На меня, столо-быть, падает вина, что я не сумел сохранить, в освещении основателя, страницу из истории высшей женской школы в Москве.

Философское образование Герье, искавшего всюду обобщений, увенчало построение курса истории Востока синтетической идеей о просветительной миссии России на Востоке. Оригинальность, может-быть, заключается в том, что западник применил здесь славянофильскую формулу к истории Востока, но, конечно, ориенталисты давно уже упредили его. Только один раз, насколько мне известно, Герье печатно выступил на тему восточно-историческую; он подвинут был на это случаем — этюдом «Призвание России на Востоке» хотел он оказать «братскую помощь» армянам [1]). Великий популяризатор, Герье, собственно, только конспектировал путевые очерки германского империалиста П. Рорбаха по «Турану и Армении». Подчеркивая доброжелательный тон автора к оффициальной России и к ее «дальнозоркой политике», а также к «таланту русского народа управлять азиатами», Герье, видимо, соглашался, что России именно суждено занять Переднюю Азию и насадить там европейскую культуру, ибо «Россия, как писал Рорбах,—естественный наследник Турции в землях, лежащих между Араратом и Тавром, а, может-быть, и до Киликийского берега». Между русским великодержавным историком и немецким политиком не было еще разногласий, в Рорбахе, Герье не угадал представителя, или одного из основоположников того пангерманского течения, которое мечтало о соединении трех B (Berlin, Bysanz, Bagdad).

Но курса, по истории Востока, Герье не издал. В то время, как университетские преподаватели, читавшие на историко-филологических факультетах, для историков, курс Древнего Востока, то печатно, то литографски—облегчали студентам подготовку к экзаменам, или, не-специалисты, знакомили русскую публику с миром Востока (Н. И. Кареев, М. С. Корелин, Вс. Ф. Миллер, В. М. Михайловский и др.),—Герье, в продолжении 30-ти лет читавший историю Востока в специальной востоковедной школе, упорно молчал. Впрочем, в последний год его пребывания в Лазаревском Институте, студент К. Золотницкий издал лекции Герье по «Новой Истории Востока»; кажется, это—единственная литографическая запись, хотя, конечно, запись—несовершенна (есть и описки, и ошибки, и лакуны). Лекции эти были выпущены всего в количестве 30-ти экземпляров, и, может-быть, не бесполезно закрепить главные этапы их содержания.

В первой лекции Герье устанавливает деление истории на три периода (см. выше), начиная Новую Историю с 1472 г.,—года завоевания великим князем Московским Иваном III Перми и Вятки [2]); это и открыло движение на Восток России, т.-е. европейской культуре. Россия у Герье олицетворяет единую общечеловеческую, западно-европейскую культуру. Он описывает походы России в Азию, подробно, до утомительности,—пользуясь, очевидно, военными пособиями. В начале его преподавания в Лазаревском Институте, в 70-х годах, пособием могла служить ему книга Л. Костенки «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» (СПБ. 1870); несомненно, потом прибавился труд А. И. Макшеева «Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских» [3]) (СПБ. 1890) и др. Не только Закаспийскому краю, Средней Азии, но и дальневосточной политике России—проникновению ее в Китай также уделяется место в курсе Герье; при этом, он дает и географический обзор. Но, странно, выдвигая по-

[1]) Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М. 1898, 2-е издание, стр. 235—246.

[2]) В конце 90-х годов Герье отодвигал этот момент на столетие назад, см. выше указание, заимствованное из статьи «Призвание России на Востоке», стр. 246.

[3]) Впрочем, значительно раньше Макшеев напечатал «Программу лекций о движении России в Средней Азии» (СПБ. 1866).

стоянно в университетских курсах и в печатных трудах духовную, культурную, сторону.—Герье в курсе истории Востока останавливается только на внешности, на завоеваниях, и, конечно, ясно, что труд капитана генерального штаба (Костенки) задуман и выполнен удачнее профессорских лекций для будущих деятелей на Востоке. Затем следует беглый конспективный обзор Персии (с древнейших времен); специальная глава посвящена бабидам, современной персидской секте, быть-может, в связи с террористическим актом их (убийством шаха Насир-эд-дина в 1896 году); заканчивается курс историей Авганистана. Турция, крупный фактор мусульманского мира, упадочный процесс которой—отсечение от государственного организма плохо спаенных частей—определялся также русской политикой на Ближнем Востоке,—из курса Герье исключалась. Первоначально, однако, согласно предположениям профессора-армениста Н. О. Эмина, одобренным Советом Специальных Классов, история Турции тоже входила в программу преподавания [1]). Устремляясь в Среднюю Азию, Герье инстинктивно выполнял задачу русского востоковедения, и это говорит о трезвой ясности его ума.

«Учреждения процветают, крепнут и переживают людей, только тогда, когда люди влагают в них свою живую душу»,—говорил Герье над могилой Канонова [2]). Не ефразируя слова Герье, скажу: а оторванность людей от учреждений, где они работают, готовит им гибель. В годы революции, когда пошла ломка старой системы, соответственно запросам или тенденциям момента, Специальные Классы Лазаревского Института не могли устоять против бури натиска: у них не было никаких прочных научных традиций, и на месте Специальных Классов оказалась зияющая пустота... А, впрочем, разве и вся культура русская не потому так легко была развеяна, что не было в ней здорового национального зерна.

Вл. Гордлевский.

[1]) Тридцатилетие, стр. 10.
[2]) Памяти Г. И. Канонова. Братская помощь, стр. 548.

Памяти К. Ф. Катанова [1]).

1862—1922.

Безудержно идет на Восток русская культура: проводниками ее являлись и политические пасынки России, русские инородцы; то волны переселенцев (казаков и крестьян), то миссионеры, правительственные агенты, учителя,—все они по-разному давно уже распространяли на Востоке начала европейской культуры, сближали миры, европейский и азиатский, а их выученики несли эти элементы, иногда преломленные или искаженные, в туземную толщу. Просветительная миссия России на Востоке—мировая заслуга или, вернее: мировая задача. И на научной почве русская и инородческая стихия дружно об'единяются для выполнения общего труда. Между инородными национальными телами России турки составляют значительнее число. Изученье турецких народов, картографирование гема русского востоковедения, совершается силами русских ученых, усвоивших методы европейской школы, и инородцев—турок, через русских приобщающихся к европейской цивилизации.

Н. Ф. Катанов представляет образец человека, выбившегося из инородческой христианской среды на ученую дорогу, и здесь заключается узел, определяющий тон его работы и ее приемы. На русскую мерку он жил, если и не так уж долго, то и не мало: он умер на 60-м году от роду, но смерть приключилась ему от болезни, которая ежегодно косит жертвы среди хрупких организмов сынов Востока, попадающих в душную городскую обстановку,—от скоротечной чахотки.

Происходил Катанов из енисейских турок (отец его был из племени сагай, мать—из племени кас), семья эта была христианско-миссионерская. Двенадцатилетним мальчиком копался он уже в архиве Аскысской Степной Думы (Манусинского округа), а четырнадцати лет, влекомый жаждой знания, он из села Аскыса на лодке спустился в Красноярск и поступил в гимназию. Во время гимназического периода он испытал на себе влияние алтайского ученого миссионера В. И. Вербицкого (составителя «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка». Каз. 1884) и глубокого знатока турецких языков, Н. И. Ильминского, просветителя инородцев, и начал проверять и собирать народно-словесные турецкие тексты. Двадцати двух лет он окончил (в 1884 году) с золотой медалью гимназию и, естественно, устремился в Петроград—на факультет восточных языков. Катанов терпел обычную для русских студентов нужду, и, как рассказывал мне один из его слушателей (В. Д. Пятницкий), он на церковной паперти писал за 2 копейки бабам поминания. Но материальные лишения искупались счастьем—длительным научным общением с академиком В. В. Радловым. Катанов слушал у него на дому общетурецкую фонетику, Радлов же руководил и первыми учеными трудами его. К концу первого семестра Катанов послал в Казань—в Общество

---

[1]) Читано 11-го июня 1922 года на заседании Восточной Комиссии Московского Археологического Общества.

археологии, истории и этнографии «грамматику, слова и образцы народной словесности минусинских татар» [1]), и выбран был (5-го декабря 1884 года) членом корреспондентом Общества. Секретарю Общества, С. К. Кузнецову, поручено было переговорить с Ильминским об издании, но материалы Катанова где-то, очевидно, все лежат. Свет увидало только небольшое вступительное слово к текстам «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков» (СПБ. 1885) [2]). Пока Катанов был в университете, он успел напечатать ряд статей, по замыслу несложных, но полезных: поправки к койбальскому словарю и материалам М. А. Кастрéна; наблюдения над сагайским языком, заимствования русские, топографическая номенклатура (Mélanges Asiatiques, т. IX), и др. Общественное воспитание —сознательная любовь к инородцам—окрепла у него на четвергах Н. М. Ядринцева, где собирались Э. Ю Петри, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов. Оставленный (в 1888 году) при университете (И. Н. Березиным) по кафедре турецко-татарской словесности, он командирован был Академией Наук и Географическим Обществом в Сибирь, Монголию и Туркестан (Русский и Китайский). За четыре года скитаний он собрал обширный материал, этнографический и лингвистический, об урянхайцах, карагасах, казак-киргизах [3]), сартах, китайских и енисейских турках. Суммарный отчет дан в докладе (прочитанном в Географическом Обществе) «Среди тюркских племен» (Изв. И. Р. Г. О-ва, т. XXIX); более специальный характер носят «Письма [к В. В. Радлову] из Сибири и Восточного Туркестана» (Записки И. Акад. Наук, т. LXXIII, приложение № 8).

Центральным пунктом изучения для Катанова надолго стали все-таки урянхайцы — народословесный материал вошел в радловскую серию «Образцы народной литературы тюркских племен» (т. IX: наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов) и в диссертацию (магистерскую) «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (Казань. 1903) [4]); здесь он доказывал, что племена урянхайцев, карагасов, части качинцев и черневых татар Томской губернии составляли некогда один народ. Катанов предполагал, «если будет суждено», дать и монографический (этнографический) очерк об урянхайцах, но осуществил намерение только отчасти, затронув быт присаянских турок в отдельных этюдах, разбросанных в разных периодических изданиях,—свадебные, погребальные обряды, гадания и др. Монография Катанова об урянхайском языке (содержащая свыше полторы тысячи страниц) наглядно говорит об усидчивости автора: наблюдения над языками сведены на громадных сравнительных таблицах; за очерком об языке следуют тексты, в транскрипции и в переводе, многочисленные указатели, в конце—обзор-пересказ литературы, печатной и рукописной, об урянхайцах. Но Катанов только перенял то, что писали другие, а созидательный, творческий элемент у него отсутствует.

По возвращении из командировки Катанов скоро перебрался в Казань для преподавания (в звании экстраординарного профессора) в Университете турецкого языка. Вступительная лекция (расплывчатая) посвящена была «Этнографическому обзору турецко-татарских племен» (Ученые Записки Казанского Университета, 1894). Насколько видно из обозрения университетского (середины 90-х годов), Катанов первоначально широко понимал задачи преподавания—у него значатся курсы и лингвистический (сравнительная грамматика турецких языков), и литера-

[1]) См. „Известия Общества", т. V, протоколы, стр. 48—49.

[2]) Автором указан—„Н. Ф. Катанов 2-й", первым, очевидно, был старший брат (?) его, миссионер, см. «Живую Старину». 1893, стр. 569.

[3]) Знанием казак-киргизского языка он помог (в 1893 году) и П. М. Мелиоранскому.

[4]) См. рецензию П. М. Мелиоранского: ЗВО., т. XV.

турный (османская, чагатайская, обще-турецкая народная литература), и этнографо-исторический, и др.; он преподавал в Университете не только турецкие языки, но и арабский, и персидский, как вспомогательное средство для лучшего усвоения литературного казанско-турецкого языка. Впоследствии он вступил и в Духовную Академию на миссионерское отделение, и для слушателей академии отлитографировал словарные пособия. Удостоенный (в 1907 году) Казанским университетом степени доктора сравнительного языкознания honoris causa, он все-же от языка постепенно отходил. Когда в 1917 году в Казани возник Северо-восточный археологический и этнографический институт, Катанов взял на себя чтение лекций по истории Золотой Орды, обзор источников местного края, восточную нумизматику, восточную хронологию, а туркологический курс передан был С. Е. Малову.

Учебно-преподавательская сторона все-таки отодвигалась на второй план. Имя Катанова тесно связано с Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Почти немедленно по приезде в Казань он был избран секретарем, а с 1898 г. стал председателем Общества и одно время, так-сказать, олицетворял Общество; как заметил на 30-тилетнем юбилее Общества К. В. Харлампович, он «помогал не только редактору, но и секретарю, и казначею, и письмоводителю, и рассыльному, всем содействуя своею опытностью и доброжелательным отношением к людям и к Обществу». Он заботился и об упорядочении музея Общества.

Круг интересов Катанова невольно должен был раздвигаться, он затрагивал в журнале темы не только народнословесные и этнографические, но и археологические (и церковно - археологические), и нумизматические (Нумизматическая коллекция И. А. Износкова, «Известия», т. XIII); все, что представляло значение для России, он во время чтения, на языках турецких (и османском) или западноевропейских,—извлекал и переводил или излагал содержание на страницах «Известий». Описание это было простое, исполненное, впрочем, точно. Черпал Катанов материал и из прежних жатв, и из новых поездок и командировок—в Минусинск, в Уфимскую губернию, и др. Так, постепенно увеличивалось количество турецких языков, которые он знал не из книг только, а из живой речи. Отчеты эти печатались и в «Ученых Записках» (см., напр., Отчет о поездке в Минусинский округ). Конечно, и археологическая ось Казани—село Болгары-Успенское—также привлекала Катанова, и ему, между прочим, обязаны мы постановкой (для медального студенческого сочинения) темы «Болгарская старина в свете исследований за последние сорок лет», часть которой (обзор теорий о происхождении камско - волжских болгар), недавно напечатана (В. Ф. Смолиным). В Казани провел он почти половину жизни и оставил заметный след в истории края, ревностно участвуя в местных изданиях и сборниках («Известия»; «Ученые Записки»; «Инородческое Обозрение»; «Деятель»; «Казанский Телеграф» и др.) [1]); он возобновил, после венгерца Балинта, и казанско-турецкие штудии, воспроизведя в безукоризненной транскрипции печатные тексты («Материалы к изучению казанско-татарского наречия». Казань. 1898, 2 части, 3-я часть, словарь, сгорела), и др.; но для исследования местной старины, этнографически пестрой и запутанной, он, как-будто, мало подходил, и на посту председателя Общества его сменил в 1914 году проф. М. М. Хвостов, задумавший сдвинуть Общество с мертвой точки.

Для Казанова всегда показательны были труды, требовавшие, прежде всего, терпения и кропотливости,—качества, которые отличали его с юных лет, когда он составил «Алфавитный указатель собственных имен» к «Образцам» Радлова (СПБ. 1888, 2 выпуска—к первому и ко второму томам); аналогич-

[1]) Под его редакцией вышло в Казани и 5 е издание (Ш. Хусаинова) „Хикметов“ Ахмеда Есеви.

ные работы проделал он и в Казани—Восточный отдел (и указатель) каталога книг, отпечатанных в типографии Казанского университета с 1800 по 1896 г. (Казань. 1896), «Восточная хронология» («Известия Северо-восточного археологического и этнографического института», т. I) и др. Работал Катанов и в Orientalische Bibliographie,—предприятии высокополезном, увы! прекратившемся — составляя списки русской (и мусульманской) востоковедной литературы. Когда в Казани уже в 1920—1921 г. г. устроена была «Выставка культуры народов Востока»,— в комиссию вошел и Катанов и составил краткое описание «Монет Востока». Регистратор, описатель Катанов был превосходный.

Миссионерствующий уклон—былая казанская специальность—наложила печать и на Катанова, тем более ,что и вырос он в обстановке миссионерского духа. (Он руководил переводческой комиссией при Братстве Св. Гурия; отрицательно высказывался и о вансовцах, с точки зрения общественно-государственной). Он был persona grata и в министерство народного просвещения; командировался для изучения школ инородческих в Оренбургский учебный округ, вызывало его министерство и в Петроград в комиссию по русско-инородческим школам. Все это, очевидно, порождало отчуждение между ним и татарами. Под-конец, во время революции, тщетно рвался он из Казани на юг, в новые университеты—в Ташкент и в Баку. Крупная фигура был для Казани Катанов, и чувствовали власть имущие, что как-ни как без Катанова востоковедение в Казани может захиреть. Он был удержан, и задохся.

Русское востоковедение потеряло в нем хорошего знатока современных турецких языков, который тщательно транскрибировал и интерпретировал тексты. Неотшлифованные камни клал он для здания туркологии, но, как говорят османцы,— «всякому камню свое место». Историк востоковедения сумеет оценить труд, долгий и бескорыстный, внесший обильный доброкачественный материал по языкам, до Катанова мало обследованным.

Вл. Гордлевский.

Памяти А. А. Шахматова.

1864—1920.

Памяти акад. А. А. Шахматова, будет посвящен в Петрограде специальный сборник, где, конечно, под разными углами зрения дана будет ему всесторонняя оценка; я хотел бы заштриховать только ту часть труда, которая затронула область востоковедения. Был ли Шахматов востоковедом, или нет,—на этот вопрос ответ может быть положительный или отрицательный. Но, если у русской исторической науки и возникли бы колебания,—на страницы истории русского востоковедения должно быть все-таки занесено имя великого национального ученого, который ясно понимал значение Востока для образования русского языка, народности и культуры, и не только понимал, но, по мере сил, по мере досуга от прямых обязанностей вносил свою лепту. И была то не лепта, а крупный вклад.

Историк языка, Шахматов, «сообразуя» лингвистические данные, от них уверенно рисовал широкую картину древних народных движений; человек синтетического ума, он в предсмертном труде «Древнейшие судьбы русского племени» (П. 1920) снова подвел, между прочим, суммарные итоги наблюдениям над взаимоотношениями между славянскими и финскими племенами.

Интерес к финноведению у Шахматова шел двумя путями. Он видел, что славист, изучающий проблему о славянской прародине, зависит от финнолога, зависит от того, как разрешается вопрос о местах жительства финно-угорских племен. Так определился уже уклон слависта в финнологию. От рабского следования чужим мнениям Шахматов был застрахован, суждения его всегда независимы. В (двух) статьях «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» («Известия Императорской Академии Наук», 1911) он поднял мало исследованные, обойденные вопросы и привел, с одной стороны, убедительные доводы в пользу финских заимствований из эпохи общеславянского языка, корректируя, таким образом, диссертацию гельсингфорсского профессора И. А. Миккола, а с другой,—в пользу финских заимствований у кельтов. Кельтская проблема—кельтские отражения в языках финских и славянских—занимала глубоко Шахматова, он, видимо, черпал силу в беседах с гениальным своим учителем, Ф. Е. Коршем, тщетно побуждая его опубликовать наблюдения над кельтскими заимствованиями в языке «суоми» (финском).

Но и жизнь—жизненная обстановка—наводила Шахматова на финнологические занятия. Уроженец гор. Нарвы, Шахматов кровно и духовно связан был с Саратовской губернией, ее он считал своей родиной; впоследствии (в 90-х годах) он недолго служил здесь земским начальником. Так, естественно, Саратовский край стал исходным пунктом для изучения мордвы. Был ли здесь случай, или Шахматов сознательно шел к мордве, потому что из финских (поволжских) племен мордва давно растворялась в русской (великорусской) народности,—я не берусь судить, но то, что сделал Шахматов для мордвы,—могло бы создать имя человеку, избравшему ее научной своей специальностью.

Между делом Шахматов собрал в 1905—6 г.г. обширный народнословесный материал, и часть его опубликовал в «Мордовском этнографическом сборнике» (СПБ. 1910). Здесь заключаются, в тексте и переводе, предания, обычаи, сказки, песни, загадки и т. д., всего только из двух сел Саратовского уезда. За текстами ввиде «приложения» идет очерк мордовского языка (фонетика и морфология). Лингвист, прошедший строгую «фортунатовскую школу», он критически разбирает и вносит поправки в работу финляндского специалиста Г. Паасонена. Зная, как тщательны записи Шахматова, финнолог использует материал и в целях лингвистических. Мордовские тексты Шахматов собирал и в Петрограде («Из области новейшего народного творчества», «Живая Старина», 1909). Наблюдения над современным финским народнословесным материалом вскрывают ему процесс народного творчества; живая старина дает методологические указания, как грамотей мог обрабатывать письменные, книжные источники и пускать их в народный обиход, т.-е., наблюдения над зыбкой текучей современностью помогали ему понять кристаллические, статические отображения в памятниках письменных. Строгие критики, финляндские ученые высоко ценили «фортунатовцев» (непосредственные ученики Ф. Ф. Фортунатова найдутся и в Гельсингфорсе), и когда во время войны задуман был сборник «Памяти М. Кастрéна» [1]), к участию привлечены были два—увы—оба уже покойные академики—Ф. Е. Корш и А. А. Шахматов. Шахматов поместил (на немецком языке) «Мордовское предание о происхождении мокши и эрзи». Собирание народнословесных памятников только первая, низшая ступень на пути изучения народа. Для Шахматова это было побочное занятие, отдых от работ; одновременно он и исследовал то, что собирал.

В область Поволжья, но в мир турецкий или финско-турецкий ведет и небольшая «Заметка об языке волжских болгар» («Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии Наук», т. V—1918). Анализируя военный турецкий титул «тудун», сохраненный через болгар, в форме «трунове» Троицкой летописью XV века,—Шахматов склоняется к мнению, что чувашский язык (где наблюдается ротацизм—замена старо-турецкого звука «д»—«р»)—потомок языка волжских болгар.

Рост Шахматова шел непрерывно, и, несомненно, опубликовал он не все, что хотел. Нить жизни, обещавшей богатые открытия, бессмысленно оборвалась от непосильного напряжения организма.

Могущественный покровитель молодежи, которая желала научно работать, Шахматов поощрял, где мог, занятия финскими языками. Он направил на путь финнологии Н. Н. Поппе; он хотел, накануне войны, подвинуть, наконец, М. Е. Евсевьева на издание мордовского словаря, который давно лежит под спудом [2]). Те, кто стоял близко к Шахматову, конечно, дополнят мои беглые замечание.

Вспоминая слова, сказанные им про Корша, я повторю, что в А. А. Шахматове русская наука потеряла «достойного представителя нашего народа, прославившего своей ученостью русское имя».

Долгая память—человеку, который глубину знания совмещал с редкостной душевной деликатностью.

ВЛ. ГОРДЛЕВСКИЙ.

---

[1]) Сборник до Москвы еще не дошел, выпуск задержан был, вероятно, тем, что там статьи были и на «пражском» языке.

[2]) См. «Известия общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, т. XII, вып. 3, стр. 16 (отчет Общества за 1894 год).

Деятельность Научной Ассоциации Востоковедения.

Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения, официально начала функционировать с 14 января 1922 г. на основании декрета ВЦИК, опубликованного 12 декабря. Первые организационные заседания Оргбюро Ассоциации были посвящены разработке устава, одно из основных положений которого гласит, что Ассоциация объединяет все существующие на территории РСФСР общества и организации, преследующие аналогичные цели, на началах соглашения, устанавливаемого существующими обществами и организациями, использует все научные силы, материалы, библиотеки, архивы, музеи и прочее и открывает свои филиальные отделения. Этим самым уже в известной степени был предопределен общий государственный масштаб работы Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения, как учреждения, призванного объединить научные организации, общества и отдельные лица в деле изучения Востока.

Приступив к реальному осуществлению возложенных на нее задач, Ассоциация Востоковедения разбила свою работу на два основные отдела: политико-экономический и историко-этнологический, в которых сосредоточила всю свою научную деятельность. Раньше всего было признано необходимым установить связь с научными обществами и специалистами востоковедами Закавказья, Туркестана и Азейрбейджана и с этой целью в Тифлисе, Баку, Ташкенте и Иркутске были намечены уполномоченные, одной из главных задач которых является принятие подготовительных мер к организации филиальных отделений Ассоциации. Принимая во внимание огромное значение органической связи со странами Востока, Ассоциацией были приглашены сотрудники-корреспонденты в Китае, Афганистане, Индии, Монголии, Японии и Турции. Всем корреспондентам на местах были разосланы специальные письма и инструкции, в которых намечена схема их работы по освещению жизни зарубежного Востока, им было дано задание давать ежемесячно обзоры прессы, в которых должна всесторонне освещаться жизнь той или иной страны зарубежного Востока. Ассоциацией уже в настоящее время получен ряд крайне ценных корреспонденций с мест. Независимо от этого Ассоциация Востоковедения обратилась также к виднейшим ученым специалистам Китая, Монголии, Японии и Индии с предложением принять деятельное участие в работе Ассоциации, в ее литературной работе путем присылки статей, информаций и т. д. по наиболее актуальным и крупным вопросам современной политической и экономической жизни стран Востока. Ассоциацией приняты также меры к установлению связи с научными организациями, находящимися в центре России и на территории русского Востока. Ряд видных востоковедов — московских и петроградских—откликнулись на призывы Ассоциации принять участие в ее работах и прислали статьи, материалы и т. д. В распоряжение Ассоциации поступили статьи от петро-

градских востоковедов: акад. Бартольда, проф. Иванова, проф. Фармаковского, акад. Успенского и др. Практическая работа Ассоциации осуществляется в настоящее время в целом ряде научных кружков, деятельность которых протекает под общим руководством Ассоциации Востоковедения, такие кружки организованы при Военной Академии и при Институте Востоковедения, причем Ассоциация взяла на себя задачу снабжения этих кружков научными силами, соответствующей литературой и т. д.

Совершенно отдельно надо отметить работу Ассоциации по учету всей имеющейся у нас литературы по Востоку. Работа эта сопряжена с значительными трудностями, так как в этой области в России сделано пока очень мало Все попытки, ранее предпринимавшиеся в этом отношении различными организациями, не давали реальных результатов По инициативе Ассоциации по учету литературы в Москве работает несколько десятков человек. Для установления общей наличности книг по востоку и выяснения вопроса о каталогизации этих книг была предпринята специальная анкета. Этим путем удалось в настоящее время установить приблизительное количеество книг по Востоку, находящихся в библиотеках Москвы. Там, где не имеются каталоги, ведутся работы по каталогизации книг, в тех же библиотеках где имеются каталоги, но где за отсутствием финансовых и технических средств работа по учету литературы не может быть выполнена,— Ассоциация Востоковедения решила оказать этим библиотекам соответствующую поддержку. На ряду с этим выделена Комиссия для организации при Ассоциации научного архива по Востоку и выяснения наличности и состояния архивов при востоковедных обществах и учреждениях. Редакционно-издательская коллегия Ассоциации Востоковедения с самого начала своей работы признала необходимым приступить к изданию журнала „Нового Востока“, посвященного всестороннему освещению жизни зарубежных стран. Решено было разбить журнал на два основных отдела: политико-экономический и историко-этнологический и уделить значительное место библиографии всей выходящей литературы по Востоку и установить особый отдел документов и материалов. Жизнь Востока должна находить отражение и в письмах, корреспонденциях с мест, а также в политической хронике и летописи событий на Востоке. Издание журнала является одной из основных задач редакционной коллегии. Кроме того, намечен к изданию ряд популярно-научных брошюр по Востоку, причем серию таких брошюр поручено разработать по историко-этнологическому отделу проф. Бороздину и политико-экономическому тов. Трояновскому. В ближайшую очередь предполагается выпустить пять следующих популярных брошюр: Султан-Заде — Персия, т. Трояновский — Египет и Судан, т. Джонса — Негры Африки и Америки, т. Павлович — Китай, проф. Франк-Каменецкий — Как научились читать египетские письмена. Особое внимание Ассоциация уделяет углублению и популяризации знаний по Востоку среди членов Ассоциации и широких масс. Для этой цели решено было устроить ряд специальных докладов и популярных лекций по Востоку; были организованы лекции проф. Анучина „Азия в прошлом и настоящем“, М. Павловича — „Тихоокеанская проблема“, проф. Б. Денике — „Современное состояние и задачи изучения искусства Востока“. Султана Заде: Судьба европейского капитала и индустриализация Востока, С. А. Котляревского: Правовые достижения России в Азии и др. Прения по этим докладам развернулись в широкую дискуссию по вопросу о методах изучения современного Востока. В ближайшее время намечены доклады т. Гурко-Кряжина, Сафарова и др.

Историко-этнологический Отдел Ассоциации Востоковедения при разработке плана ближайшей своей работы наметил между прочим составление критико-литературных обзоров всех русских трудов по искусству, археологии и этнологии Востока, всестороннее изучение

проблемы ирановедения и предварительную разработку программы экспедиции в Китайский Туркестан и район Мерва и в Асхабад для продолжения уже производившихся там археологических работ.

Ассоциацией выделена особая комиссия в составе проф. Самойловича, Гордлевского и Павловича для разработки плана по обзору периодической прессы по Востоку. Предполагается выпускать специальные ежемесячные бюллетени по обзору прессы. Оргбюро Ассоциации Востоковедения решило также издавать сборники справочного характера по отдельным странам Востока.

Признавая необходимым приступить к собиранию материала по истории революционного движения на Востоке, Оргбюро Ассоциации постановило поручить эту работу политико-экономическому отделу. Предстоящие в ближайшее время празднования столетнего юбилея открытия иероглифов решено ознаменовать торжественным заседанием с приглашением всех заинтересованных ученых учреждений Москвы и Петрограда. Для освещения этого вопроса во втором номере „Нового Востока“ будут напечатаны две статьи—Т. Н. Козьминой-Бороздиной на тему „Египтология в России“ и проф. Франк-Каменецкого на тему „Открытия иероглифов и успехи египтологии в Западной Европе. Обе статьи будут напечатаны отдельными оттисками с приложением соответствующих таблиц.

Ассоциация также постановила совместно с И-том Востоковедения созвать Всероссийский Съезд Египтологов. Для подготовки С'езда создана комиссия под председательством проф. Бороздина.

В состав Оргбюро Ассоциации входят: Павлович (председатель), Бороздин, (зав. историко-этнологическим отделом), т. Духовский (зав. политико-экономическим отделом), Гурко (зам. зав. пол.-экон. отд.), Абуков (ученый секретарь проф. Гордлевский, т. Трояновский, проф. Трутовский и т. Бройдо.

С. В.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ.

«Институт Востоковедения» в Москве организован согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 7 сентября 1920 года. Возник он на развалинах бывшего «Лазаревского Института Восточных языков», от которого унаследовал часть профессоров и часть первых слушателей. В первое время своего существования Институт Востоковедения именовался «Центральным Институтом Живых Восточных языков». В задачи «Центрального Института» по положению от 27 октября 1920 г. входило: «дать по возможности лицам, готовящимся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком в любой области (экономической, политической, агитационной, дипломатической, педагогической и пр.) приобрести необходимые для них востоковедные знания и пройти систематическую школу практического востоковедения».

В Институте организовано было 4 отделения: Дальнего Востока, Ближнего и Дальнего Востока, Ближнего и Среднего Востока, Языков и наречий Кавказа и Закавказья.

Всего за первый триместр, в течение 2½ месяцев, прочтено было 3501 лекция. Значительное число падало на подготовительное отделение, где занималось 225 курсантов; основных слушателей было 195.

Для подготовки лиц без образования и не владеющих свободно русской речью учрежден был «Коммунистический Университет Трудящихся Востока», куда была направлена часть слушателей «Института Востоковедения». Институт должен был преобразоваться в высшую школу Востоковедения; целью его по-прежнему являлась и является подготовка практических работников на Востоке и в связи с Востоком, но уже работников высококвалифицированных, равно как и воспитание специалистов-востоковедов, ученых знатоков Востока. Применительно к этому состав слушателей изменялся в сторону подбора по принципу подготовленности, и к началу второго триместра,

в ноябре 1921 года, после действий мандатных комиссий в апреле и в октябре того же года, состав слушателей определился в 349 человек, из которых слушателей первого состава насчитывалось лишь 155, а 194 были приняты вновь.

Осенью 1921 года изменился и состав администрации Института, а в начале 1922 года новый декрет и новое положение об «Институте Востоковедения», вызвали преобразование его в высшее учебное заведение.

Совет Института организуется на новых началах с введением в него представителей от Советских учреждений — от Гуса, от Научной Ассоциации Востоковедения, от НКН, от НКИД, от Главпрофобра. На той же основе создается Правление. Правлению нового состава пришлось с февраля 1922 г. проделать разнообразную, сложную работу по всем отделам институтской жизни. По учебной части важнейшим делом было, с одной стороны, сформирование бюро разрядов и, с другой—завершение давно уже начатой и медленно подвигавшейся разработки учебного плана. По новому учебному плану курс расчитан на трехлетнее пребывание в стенах Института с возможностью перехода к четырехлетнему. Институт разделяется на два отдела: Дальнего Востока и Ближнего и Среднего Востока. Отделы в свою очередь подразделяются на восемь разрядов: китайский, японский, османский, персидский, арабский, индустани, армянский и грузинский. В разрядах, наконец, выделяются подразряды, расширяясь и увеличиваясь в числе по мере практической осуществимости, при чем для данного момента таких подразрядов предусмотрено 10: корейский, монгольский, азербайджанский, средне-азиатский, татарский, курдский, афганский, древне-еврейский, бенгали и, наконец, языков и наречий Кавказа. Предметы по всем разрядам и подразрядам обособляются по четырем типам: основные, общие, общественно-политические, применительно к декрету С. Н. К., и дополнительные. Предметы основные охватывают круг знаний по известной стране или области, слагаясь из основного языка, языков дополнительных восточных и западного, из истории политико-экономического обзора, этнографии, юриспруденции, литературы, религии и искусства данной страны. Предметы общие включают в своем составе: сравнительное языковедение, введение в изучение религий Востока, империализм и колониальную политику на Востоке, историю изучения Востока в Европе и др. Кроме того включен курс лекций политически-просветительного характера. Предметы дополнительные читаются только на последнем курсе, расчитаны на желающих специализироваться и, следуя системе трех отделов, разделяются по группам: торгово-экономический, консульско-дипломатический и научно-филологический. Все дополнительные курсы на всех группах преподаются путем семинарских и просеминарских занятий.

Слушателей на будущий академический год предположено принять до 250 человек—150 по разверстке заинтересованных Наркомиссариатов и 100 по экзамену. В текущем учебном году Институт заканчивает свои занятия 15-го июня при наличии 279 слушателей, громадное большинство которых имеют диплом о высшем или среднем образовании.

В будущем Институт надеется выпускать из своих стен востоковедов нового типа, сочетающих в своем лице и теорию и практику Востоковедения и сумеющих придти на помощь Востоку в стремлении последнего к устройству новой, более совершенной и свободной жизни.

Подробный отчет о деятельности Коммунистического Университета Трудящихся Востока будет помещен в следующей книге журнала.

Петроградский Институт Живых Восточных Языков.

I.

Центральным питомником теоретического востоковедения в России с пятидесятых годов XIX века являлся факультет восточных языков Петербургского университета, после революции прекративший свое самостоятельное существование, но поныне продолжающий в полном объеме свою прежнюю научно-учебную деятельность в составе различных отделений факультета общественных наук того же университета, отделений, на которых целесообразно и плодотворно сочетается теоретическое изучение Запада и Востока.

Когда с 1918 года началось реформирование старых теоретических и практических высших учебных заведений Р. С. Ф. С. Р. и создание новых, в том числе и востоковедных, профессора бывшего факультета восточных языков, ныне факультета общественных наук, приняли в этой работе энергичное участие. Группа петроградских профессоров-востоковедов, во главе с академиком Марром, осенью 1918 г. создала на месте бывшего Лазаревского Института восточных языков в Москве, в сотрудничестве с некоторыми из бывших профессоров этого института, Переднеазиатский Институт, позднее переименованный в Армянский и просуществовавший до учреждения Московского Центрального Института живых восточных языков, ныне—института востоковедения. Петроградские профессора-востоковеды далее приняли участие в создании восточного отдела Академии Генерального Штаба в Москве, Восточной Академии в Ташкенте и востоковедных кафедр на филологическом факультете университета там же.

Содействуя реформированию старых и созданию новых рассадников востоковедения за пределами Петрограда, профессора и преподаватели бывшего факультета восточных языков заботились одновременно и о дальнейшем процветании теоретического и практического востоковедения в самом Петрограде в теснейшем единении с востоковедами Российской Академии Наук, при Азиатском Музее которой состоит Коллегия востоковедов. В недрах этой Коллегии еще до закрепления ее за Азиатским Музеем возник план высшего практическо-востоковедного учебного заведения для Петрограда, принятый Нар. Ком. Нацем за основание при выработке первого положения о Центральных Институтах живых восточныхязыков в Петрограде и Москве.

II.

Петроградский Институт живых восточных языков, именовавшийся до весны 1922 г. „Центральным", начал функционировать с осени 1920 г., как практическое востоковедное высшее учебное заведение, работающее бок-о-бок с теоретическими востоковедными кафедрами факультета общественных наук Петроградского университета, и связанное с ними чрез посредство большинства общих обоим учреждениям профессоров и преподавателей. Присутствие в преподавательском составе Института не только университетских, профессоров-востоковедов, но и членов Российской Академии Наук естественно ставит Институт в исключительно благоприятное положение, закрепляя за Институтом по существу дела первенствующее место среди российских практическо-востоковедных школ.

Институт преследует цель подготовки практических деятелей в странах Востока и в связи с Востоком на всевозможных поприщах:

дипломатическом, торговом, агрономическом, инженерном, врачебном, педагогическом и т.—д. чрез сообщение лицам, приобревшим уже специальные познания в перечисленных и иных областях в соответствующих школах, знания одного из восточных языков и местных условий одной из восточных стран, именно той, для работы в которой предназначается данное лицо, а также западно-европейских языков.

Институт далее стремится увеличить число лиц, основательно подготовленных для занятия преподавательских должностей в восточных учебных заведениях. Р. С. Ф. С. Р.

Для облегчения прохождения курса Института представителям пролетариата и трудового крестьянства, окончившим рабфаки, имеется в виду организовать при Институте в ближайшее время подготовительные рабочие курсы по востоковедению длительностью от 6 до 12 месяцев. Продолжительность обучения в самом Институте расчитана самое большее на 3 года, но минимум знаний, достаточных для того, чтобы начать работу в одной из восточных стран по той или иной, заранее приобретенной специальности, можно получить в Институте и в более краткий срок, начиная с 6 месяцев.

Преподавание в стенах Института комбинируется с командировками на Восток для непосредственного ознакомления с восточными странами и народами.

При Институте основана востоковедная библиотека, продолжающая пополняться.

Кроме профессоров и преподавателей-европейцев в Институт привлекаются в качестве лекторов уроженцы Востока, и слушатели имеют возможность усвоить и различные виды литературного современного языка изучаемой ими страны или народа, и язык разговорный.

III.

В настоящее время преподавание в Институте разбито на следующие разряды: 1) японский 2) китайский, 3) монгольский и тибетский, 4) османско-турецкий, 5) сартско-узбецкий, 6) арабский, 7) персидский, 8) индийский (санскрит и бенгали), 9) армянский, 10) грузинский. Общее число слушателей—75 человек. В преподавательский состав входят: члены Российской Академии наук — С.Ф. Ольденбург (индианист), Н. Я. Марр (кав- казовед), И. Ю. Крачковский (арабист); профессора университета—В. Д. Смирнов (османист), Вл. Л. Котвич (монголит) с, А. И. Иванов (китаист и японист), В. М. Алексеев (китаист), А. Н. Самойлович (турколог), Б. Я. Владимирцов (монголист), А. А. Фрейман (иранист), А. А. Ромаскевич (иранист). Со странами и народами средней Азии слушателей знакомит известный путешественник Гр. Еф. Грум-Гржимайло. Общее число профессоров, преподавателей и лекторов—27 человек.

Институт состоит в ведении Наркомнаца и управляется Советом, Правлением и Ректором на основании нового Положения, утвержденного в мае с. г. „Студентами Института могут быть граждане обоего пола, достигшие 17 лет и удовлетворяющие правилам приема, установленным НКН“ (статья 7). При Институте имеется общежитие пока приблизительно на 60 человек.

За 2 года своего существования Институт, не смотря на все трудности переживаемого нами времени, укрепили упорядочил свое положение и в административно-хозяйственном, и в учебном отношениях, особенно благодаря самоотверженной работе первого директора Института, проф. Вл. Л. Котвича в сотрудничестве с ближайшими помощниками из преподавателей и представителей НКН.

Р.С.Ф.С.Р. придает восточному вопросу первостепенное значение;

востоковедов у нас мало, а нужда в них очень большая.

Петроградский Институт живых восточных языков, во главе остальных российских школ практического востоковедения и в братском единении с ними, приступил уже к энергичной работе по удовлетворению этой нужды.

Надеемся, что ответственный труд Института будет поддержан и облегчен всеми, кто заинтересован в дальнейшем укреплении связей советской России с ее восточными соседями, союзниками и друзьями.

А. Самойлович.

Восточный Отдел Военной Академии Р. К. К. Армии и Кружок практического изучения Востока при нем.

I. Восточный Отдел.

Восточный Отдел Генерального Штаба Р. К. К. Армии (ныне Военной Академии) учрежден осенью 1919 года. Организационная работа приняла несколько затяжной характер в виду чего фактически функционировать отдел начал лишь в феврале 1920 г.

Задача, поставленная перед Восточным Отделом, которая может быть формулирована, как подготовка ответственных работников для военной и дипломатической службы на Востоке, как бы предопределила состав слушателей его. Часть студентов Восточного Отдела (общая численность коих в настоящее время 80 человек) состоит из слушателей основного, военного отделения Академии, намеревающихся посвятить себя работе на Востоке. Параллельно с прохождением курса военных наук они слушают лекции на Восточном отделении по тому или иному восточному языковому классу. Другая часть студентов Восточного Отдела пополняется из числа лиц, практически работавших на Востоке или в настоящее время работающих в качестве сотрудников Народного Комиссариата Иностранных дел по отделу Востока и стремящихся расширить и углубить свои знания о Востоке. Для этого вакансии на Восточном Отделе распределяются поровну между Военной Академией и Наркоминделом.

В связи с подобным составом слушателей Восточного Отдела, из которых одни („основники" Военной Академии) ведут днем занятия по военным наукам, а другие (сотрудники НКИД), заняты днем текущей работой, занятия на Восточном Отделе ведутся в вечернее время.

Конечно, с педагогической точки зрения выбор времени для занятий нельзя назвать удачным, особенно, если принять во внимание, что на Восточном Отделе преимущественное внимание уделяется языкам—восточным и западным. Но с этим „злом" приходится мириться по целому ряду причин, из которых, наиболее существенной, помимо вышеуказанной, является необходимость экономии в средствах и времени и, что, быть может, самое главное, недостаток востоковедов, днем занятых в Институте Востоковедения и других востоковедных учреждениях. Переходя к структуре Восточного Отдела и его программе, следует отметить, что Восточный Отдел состоит из двух отделений—Ближнего и Среднего Востока, отделения Дальнего Востока.

Отделение Ближнего и Среднего Востока состоит из трех классов: османского, персидского и индустани (урду). Отделение Дальнего Востока-два—класса: японский и китайский. Во всех классах основным предметом является соответствующий восточный язык, при чем для трех классов—османского, персидского и индустани (урду) обязательным является прохождение арабского языка. Из западных языков обязательны (для 2 классов: японского и китайского и

индустани) изучение английского языка, для османского класса французский язык, а для персидского класса или английский или французский язык. К числу общих предметов, обязательных к прохождению, отнесены следующие: 1) Международное право, 2) Консульское право, 3) Советское право, 4) Внешняя торговля, 5) Экономическая география Востока, 6) Новая история Востока, 7) Военно-статистическая география Востока и дисциплины политико-экономические, 8) Исторический материализм, 9) Политическая экономия и ряд других.

Нельзя не отметить, что программа Восточного Отдела страдает рядом недочетов, которые, надо надеяться, будут устранены, что было бы особенно уместно в связи с предполагаемой заменой двухгодичного курса — трехгодичным, уже позволяющим требовать больших познаний от слушателей, кончающих Восточный Отдел. Во первых, что касается программы общих предметов, то она нам кажется недостаточно полной. В ней нет таких крайне важных предметов для работников на Востоке, как империализм и колониальная политика на Востоке, введение в изучение религий Востока, этнографии Востока. Нам казалось бы, что введение этих предметов в программу Восточного Отдела было бы своевременно и необходимо для расширения у слушателей понимания Востока.

Что же касается основных предметов, то нам казалось бы уместным указать на несомненный пробел, который должен ощущаться в индустанском классе, в виду отсутствия в его программе основных предметов на ряду с урду и персидского языка. Для практических работников, особенно ответственных, которых имеет в виду готовить Восточный Отдел во всех местностях, где пользуются языком урду, не менее важно знание персидского языка, становящегося в последнее время языком оффициальных кругов Афганистана и отчасти Индии.

II. Кружок практического изучения Востока.

Кружок практического изучения Востока съорганизовался в феврале месяце текущего года. Кружок состоит преимущественно из слушателей Восточного Отдела Военной Академии РККА, однако, на основании постановления первого учредительного собрания кружка, в кружок могут вступать лица не из числа слушателей и преподавателей Восточного Отдела, но интересующиеся изучением Востока и имеющие рекомендации двух членов кружка.

Одной из непосредственных и ближайших причин, вызвавших к жизни кружок, надо считать то обстоятельство, что многие из членов кружка более или менее продолжительное время практически работали в той или иной стране Востока и в процессе своей работы на месте убедились в скудности своих познаний о Востоке и необходимости их пополнения и расширения для дальнейшей работы на Востоке.

Другой причиной, правда, более общей, но, несомненно, оказавшей огромное влияние на возникновение кружка, является изменение положения России по отношению к Востоку с установлением в России советской власти. Советская Россия, решительно отмежевавшаяся от старой захватнической империалистической политики царской России, несшей народам Востока угнетение, насилие и организованную эксплоатацию, ставит своей основной задачей способствовать экономическому и духовному раскрепощению народов Востока. Если для циничной захватнической политики на Востоке нужно знать тот район и население его, которое является предметом эксплоатации, то для выполнения такой огромной задачи, как духовное и экономическое восстановление народов Востока, объем знаний о Востоке должен быть, несомненно шире, а содержание их глубже.

Этих знаний, к сожалению, не представляется возможности почерпнуть ни в русских востоковедных трудах, частью

очень ценных, но слишком теоретичных и далеких от запросов современной жизни, частью же проникнутых тенденциями царской империалистической политики на Востоке, ни у русских востоковедов, которых к тому же так мало, что они не могли бы даже обслужить все растущие кадры юношества, интересующегося Востоком.

Совокупность этих причин заставила слушателей Восточного Отдела Военной Академии РККА объединиться в кружок, чтобы совместными усилиями разрабатывать проблемы современного состояния Востока. С этой целью кружок устраивает доклады, которые подвергаются самому живому обсуждению со стороны членов кружка. Таких докладов было уже на три темы: 1) Политическое, экономическое и стратегическое значение территориальных приобретений Японии за последние 100 лет, 2) Ислам, как военный фактор, 3) Политическое и экономическое положение Индии за последние 8 лет с начала мировой войны. Однако, докладами работа кружка не ограничивается. Под руководством Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения члены кружка ведут работу по библиографии и учету литературы о Востоке в Москве, и в ближайшее время намечают также под руководством Всероссийской Ассоциации Востоковедения работу по обзору периодической прессы о Востоке.

Надо надеяться, что кружок практического изучения Востока, представляющий собой еще молодую и неокрепшую организацию, при условии внимательного отношения к нему со стороны отдельных лиц и учреждений, интересующихся Востоком, станет прочно на ноги и сумеет выделить из своей среды ценных практических работников на Востоке.

П. А.

Музей - Институт Классического Востока.

Музей-Институт Классического Востока возник в 1918 г. в здании Росс. Исторического Музея и начал функционировать с января 1919 г., отвечал ясно намегившейся в Москве потребности в специальном научном и популяризационном учреждении, посвященном вопросам древнего востоковедения. В круг изучения Музея-Института входят культура передней Азии (Египет, Вавилоно-Ассирия, Сирия-Палестина, с ея колониями в Средиземном море и Африке, Аравия, М. Азия, Крито-Микены, Кавказ, юг России), далее, ригведовская Индия и древний Китай, а также древнеамериканская и океанийская культура, в качестве сравнительного материала. У Музея-Института четыре устья или отправных точки. Наряду с наукой (история культуры, археология и т. д.) древний Восток рассматривается в нем также под углом зрения искусства, истории религий и философии. И это потому, что древние цивилизации изучаются в Музее,-Институте как со стороны вещественных памятников, так и со стороны духовной культуры. И в то время, как к первым приложимы преимущественно археологические методы, к познанию вторых, т. е. к постижению духа культуры, в точном и высоком значении слова, ведут более утонченные умозрительные пути.

В основу коллекций Музея-Института легло собрание египетских и коптских древностей из упраздненного Музея при б. Строгановском училище. Вскоре затем было приобретено на государственные средства ценнейшее собрание вавилонских таблеток проф. Н. П. Лихачева, собрание критских древностей г-жи Месмеджан и коллекция восточно-эллинистических и греко-римских монет покойного В. В. Розанова. Пополнение собрания древно-

стей Музея-Института продолжалось и в дальнейшем. Значительным вкладом явилось переданное летом 1921 г. из Гос. Румянцевского Музея, в силу упразднения его отдела Древностей, собрание египетских памятников, в количестве 859 №№ и приобретенные в ноябре того же года 4 египтоэллинистических ожерелья с Юга России, каждые с многочисленными подвесками-амулетами. Общее число предметов, хранящихся в настоящее время в Музее-Институте, превышает 4,000 №№.

Следующая задача Музея-Института состояла в создании, или вернее, закладке первого камня к зданию, специальной библиотеки — задача, тем более трудная, что литература по востоку печатается главным образом за границей, от которой все это время мы были совершенно отрезаны. Путем передачи из упраздненных библиотек, но главным образом путем приобретения на отпускавшиеся государством средства, в настоящее время собрано свыше 300 названий. Это число удваивается благодаря помещающейся там же ориенталистической библиотеке Общества Изучения Древних Культур (380 названий), преследующей аналогичные научные задания и предоставленной Президиумом Общества в пользование Музею-Институту. Таким образом, общее число названий книг по специальной востоковедческой литературе, имеющейся в распоряжении лиц, занимающихся в Музее-Институте, восходит до 700 №№. С января текущего года предприняты шаги к получению книг и библиографического материала непосредственно из-за границы. Покамест получены новейшие издания Калькуттского Университета преимущественно 1920—1921 гг., посвященных истории литературы и философии древне-и средне-вековой Индии, и кроме того 7 №№ журнала того же Университета (gournae of the Department ot eettrtes) за 1920—21 гг. Получено извещение о высылке „Бюллетеней" из Нью-Йоркского Metropolitan Museum of Arts, из Парижского Университета и список новых изданий Каирского Музея. Директор Лувра и куратор Американского Музея Естественной Истории, в Нью-Йорке (разрабатывающего также вопросы этнологии и археологии) выразил желание выслать свои издания. Таким образом, начало в этом отношении положено, и путем научной переписки и обмена статьями и книгами можно будет, ведя работу неуклонно из года в год, пополнить зияющий пробел в ориенталистической, литературе в Москве, созданный годами войны и революции и пассивностью в предшествующее время.

В отношении научно-учебной работы 1919—20 гг. были для Музея Института подготовительными. Производились консервационные и инвентарные работы и велись групповые работы по изучению древнеегипетского и древне-еврейского языков. Работы значительно развернулись в 1920 году. Была произведена экспертиза расписных египетских саркофагов и картонажей в целях наилучшего консервирования этих интереснейших прототипов нашей иконописи. Экспертиза повторена в текущем году специальной комиссией от Главмузея, в составе И. Э. Грабаря, А. И. Анисимова, Чирикова и других виднейших представителей реставрационного дела. Ныне уже приступлено к первым пробным работам. Применен новый способ анализа мумий, без нанесения им ущерба и без посягания на их целостность, именно их рентгенизация. Опыты, произведенные над семью об'ектами, дали ценные результаты. Были сфотографированы и обследованы на просвет, с помощью светящегося экрана, рука и нога человека, 3 священных ястреба, мумия маленького крокодила. Венцом данной работы явилась полная с'емка на 12 пластинках, раз-

мера 13-х 18 см., женщины эпохи Птоломеев, обнаружившей, с одной стороны, замечательную сохранность об'екта, с другой — туберкулезное изъязвление левой ноги, пониже колена. Предполагается продолжать рентгенизацию и посвятить ей по обработке добытого материала специальную статью. Из соображений консервационных произведено неполное вскрытие другой, тоже женской мумии эпохи Птоломеев. Совершенно неразработанным вопросом классического ориентализма является выяснение самой природы древней мысли, как таковой, как в гносеологическом, таки психологическом отношении, без чего невозможно сколько нибудь обоснованное и правильное понимание произведений этой мысли, умозрительных или пластических. В сторону уяснения природы этой мысли решено направить основную отвлеченно-исследовательскую работу Музея—Института. В истекшем году в данном направлен и заложен первый камень созданием каталога древне-египетской иероглифики, в количестве 712 карточек, половина в красках, снабженных подробным лингвистическим комментарием.

С целью предоставить посетителям возможность непосредственно познакомиться с интереснейшим и в художественном и в религиозно-философском отношении памятником эпохи египетской Империи (XVIII династия), так наз. Книгой мертвых (Папирус Ани), развернутой в английском факсимильном издании на стенах Музея—Института, приступлено к его переводу Начато изготовление портретов выдающихся востоковедов и наиболее интересных экспонатов Музея—Института. Для изыскания способов наиболее рельефного и живого воспроизведения перед аудиторией 150—200 ч. великих созданий угасших культур, конструирована пробная камера для перспективных реконструкций памятников искусства и быта древнего Востока.

Поскольку дело касается демонстрирования коллекций, от здесь в истекшем году производились постоянные показы, как отдельные, так и групповые, сопровождавшиеся краткими лекциями перед наиболее интересными древностями, такими как плита Хени, вельможи фиванского царя Иниотфа Великого, насчитывающая 4000—летнюю давность, собрание семи мумий, в саркофагах и картонажах, охватывающих время от ливийской до греко-римской эпохи, собрание египетских амулетов, собрание ценнейших коптских тканей 5—6 века по Р. Х., и собрание вавилонских клинописей, в количестве 1500 №№, с хозяйственной отчетностью, обнимающей вавилонскую историю от патеси Энтемены и до Кира Персидского, т.-е. практически всю, и т. д.

В текущем году эти летучие лекции, вследствие проявленного к ним интереса, привели к организации и более подробных, двухчасовых лекций, по вопросам древневосточной культуры и искусства. Таковых лекций состоялось пять. занятия языками продолжались. работали две группы по изучению древне-египетского языка и одна —по древне-еврейскому языку. В конце года, вследствие появления новой группы неподготовленных слушателей, образовалась 4 группа. Отвечая потребностям просеминариев и семинариев, начато и теперь уже значительно продвинуто вперед гектографическое издание египетско-русского словаря.

Наряду с вышесказанным, в 1921 году продолжались начатые в предыдущие годы работы по монтировке и инвентаризации коллекций, по составлению систематического каталога библиотеки при Музее — Институте, составление карт, подбор материала для занимающихся в Музее—Институте и проч.

В. Викентьев.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ.

Вслед за заметкой, посвященной специально Петроградскому Институту живых восточных языков, как учреждению, подведомственному Наркомпацу, сообщаем краткие сведения о других очагах востоковедения в Петрограде.

I. **Петроградский университет.** Лица, желающие изучать Восток в научно-теоретическом направлении, а не с практическими только целями, должны поступить на факультет общественных наук, с которым в 1919 году слился бывший факультет восточных языков. На этнолого-лингвистическом отделении этого факультета преподаются языки и литературы народов семитических (арабов, евреев, сирийцев), яфетических (армян, грузин, кавказских горцев), египтян, народов Индии, иранских, манчжуро-тунгузских, монгольских, турецких (от якутов до османцев), палеазиатских (чукчей, юкагиров, алеутов и пр.), китайцев, японцев, тибетцев. Исследовательские работы по Востоку ведутся в состоящем при университете Институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока—имени А. Н. Веселовского. Университет, таким образом, является базой научного востоковедения, обеспечивающей солидную постановку и практического востоковедения в Петрограде, а отчасти и в других местах России. Создание подобных баз в других городах России, где их еще нет, и прежде всего, в Москве, где пока имеются лишь очаги практического востоковедения, должно почитаться одной из важнейших очередных задач всероссийского востоковедения, ибо нужда России в востоковедах не уменьшается, а возрастает, и одной научной базы для развития этой области знания в центральной части государства недостаточно.

II. **Российская Академия Наук.** В высшем ученом центре нашей республики востоковедение представлено на отделении исторических наук и филологии академиками Ольденбургом (индианист), Коковцовым (семитолог), Марром (кавказовед), Бартольдом (историк Востока), Щербатским (специалист по индийской философии) и Крачковским (арабист). При Академии имеется несколько ученых учреждений, посвященных полностью и частью Востоку: 1) Азиатский Музей, представляющий собою одно из богатейших в мире собраний печатных и рукописных сочинений по Востоку и на восточных языках, 2) Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, 3) Институт яфетидологических изысканий, основанный Н. Я. Марром. При Азиатском Музее числится коллегия востоковедов, имеющая целью об'единить ученых востоковедов Петрограда и всей России. Российская Академия Наук издает труды по Востоку в своих периодических изданиях, сериях и отдельно.

III. **Российская Академия Истории Материальной Культуры.** Академия эта, развившаяся из бывшей Археологической Комиссии, уделяет большое внимание и истории культуры стран восточных, особенно пограничных с Россией, причем работы ведутся под руководством первоклассных специалистов - востоковедов, как в Петрограде, так и в Московской востчн. Академии. Хранилищем для памятников культуры является Эрмитаж.

IV. **Русский Музей.** Этнографический отдел этого музея обладает богатейшими коллекциями по восточным народам России. При отделе имеется библиотека, заключающая в себе этнографические труды и по Востоку.

V. **Государственная библиотека.** Помимо библиотеки Университета и Азиатского Музея Государственная (бывшая Публичная) библиотека также заключает в себе обширное и ценнейшее собрание печатных и рукописных книг по Востоку и на восточных языках. В общем, только в Петрограде российский ученый востоковед находт пока более или менее удовлетворительную обстановку в смысле музеев и библиотек для выполнения

научных работ. Присутствие в Петрограде выдающихся специалистов по разнообразным областям востоковедения делает эту обстановку особенно благоприятной.

VI. **Восточная Коллегия издательства «Всемирная Литература».** Использовав упомянутую обстановку, Максим Горький организовал в основанном им издательстве восточный отдел, руководимый Коллегией в составе академиков Ольденбурга, Марра, Крачковского и профессоров: Алексеева (китаист) и Владимирцова (монголист). Издан каталог переводов с восточных языков, выполнен ряд переводов, часть коих уже отпечатана, выпущено две книжки вводных статей по литературам Востока.

VII. **Восточное Отделение Русского Археологического Общества** в действительности должно рассматриваться, как учреждение, аналогичное западно-европейским Азиатским и Восточным обществам. Это отделение устраивает ежемесячно заседания с научными докладами, организует экспедиции, издает «Записки». О силе и жизненности востоковедения в Петрограде свидетельствует, между прочим, то обстоятельство, что треволнения и тяготы революционного времени и многочисленные смерти среди востоковедов не помешали непрерывному ходу востоковедной деятельности, и в частности заседания Восточного отделения регулярно продолжаются под председательством В. В. Бартольда при секретаре Б. Я. Владимирцове. Продолжается выход в свет и «Записок» отделения.

Востоковедение культивируется в Петрограде и в некоторых других, здесь не упомянутых, учреждениях; о них постараемся сообщить в следующем выпуске.

По инициативе петроградских и московских туркологов Российская Академия Наук намеревается созвать в сентябре с. г. в Петрограде Первый Всероссийский С'езд туркологов, на который будут привлечены и ученые представители самих турецких народов Российской Федерации и союзных с нею восточных государств. Избрано организационное бюро под председательством акад. Бартольда при секретаре проф. Самойловиче.

А. С—ч.

Кавказский Отдел Географического Общества.

Краткие сведения за период с 1917 по 1922 г. (до 5 июня).

За отчетный период Отдел имел 39 заседаний, на которых помимо обсуждения и решения вопросов, касающихся текущей жизни и деятельности Отдела, было заслушано 52 доклада. Доклады эти следующие: А. А. Майоров. Эоловая пустыня у подножья Дагестана; С. Г. Навашин. Цветная фотография в географических исследованиях; Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк Карагая; И. М. Зданевич. Нерешенные вопросы горной группы Уилпаты (Адай-хоха); П. А. Цирульников. Ледники Дигории и Балкарии; К. Ф. Ган. Торговля и пути сообщения на Кавказе; И. М. Зданевич. Карчхал и особенности строения Карчхальского хребта; Б. К. Шишкин. От Батума до Трапезунда. Путевые впечатления; Г. С. Скоробогатько. Общий очерк лесов Лазистана; А. С. Матнасевич. Очерк бассейна Среднего Чороха; Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов; Л. Г. Лопатинский. Черкесское сказание о красавице Елене и богатырь-женщине в сравнении с Одиссеей Гомера и Нибелунгами; Л. М. Меликсет-беков. Культ арлезов на Кавказе; Л. М. Меликсет-беков. Праздник роз в древней Гру-

зии; Г. Ф. Чурсин. Фигурные обрядовые печения у кавказских народов; Н. Л. Марков. Из путевых заметок по Персии и Индии; Л. Г. Лопатинский. Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов; Д. П. Гордеев. Поездка в долину Арагвы и древности Ананура; П. З. Виноградов-Никитин. Землетрясения и минеральные источники; Н. В. Малиновский. О колебаниях уровня Черного моря по наблюдениям в Потийском порту; А. А. Гроссгейм. Опыт деления Армении на флористические провинции; Б. П. Уваров. О зоогеографическом делении Кавказа и сопредельных стран; Г. Ф. Чурсин. Задачи Кавказской этнографии; Д. И. Сосновский. Ботанико-географический очерк известных альп Мингрелии; И. В. Палибин. Памяти геолога проф. К. К. фон-Фохта; И. В. Палибин. Г. Н. Потанин, как путешественник и ученый; Л. А. Уткин. Г. Н. Потанин, как политический и общественный деятель; Д. Г. Виленский. Опыт применения географического метода к решению вопроса о происхождении солончаков; П. З. Виноградов-Никитин. О происхождении Воронцовского плато в Боржоме и окружающих его пресных источников и долин; Л. К. Конюшевский. О Горийском землетрясении 20 февраля 1920 года; П. З. Виноградов-Никитин. О нахождении калийной селитры на Воронцовском плато; И. В. Палибин. Об изменении береговой линии Черного моря у Батумского побережья; П. З. Виноградов-Никитин. Проф. Г. Ф. Морозов, как основатель новой школы лесоводов в России; С. А. Захаров. Проф. Г. Ф. Морозов, как ученый и человек; И. Я. Зактрегер. Проф. Г. Ф. Морозов, как профессор; А. А. Ростовцев. Г. Ф. Морозов и типы насаждений; М. И. Тихий. Научно-промысловая экспедиция для исследования Черного и Азовского морей; Ф. А. Зайцев. Насекомые на снегу. Г. Ф. Чурсин. Классификация народов Кавказа. (По поводу нового труда акад. Н. Я. Марра «Племенной состав населения Кавказа»); Д. П. Гордеев. Этнографические черты в древнейших иллюстрациях поэмы Шота Руставели; П. З. Виноградов-Никитин. Археологические находки бронзового века в окрестностях Боржома; Ф. А. Зайцев. Потери энтомологии за время войны и революции; Н. Н. Архангельский. К вопросу о Myrtecophylla Lati; П. З. Виноградов-Никитин. Пыльца растений и лихорадочные явления; Н. А. Троицкий. Ботанико-географический очерк средней части Триалетской горной системы; Д. П. Гордеев. Сообщение о двух поездках к Гареджийскому Мравал-мта (Многогорию); П. З. Виноградов-Никитин. О температурных и других наблюдениях над соляными озерами в связи с выделением глауберовой соли; **Д. И. Сосновский.** Сосны Кавказа и их расы; И. О. Рощин. Опыт культуры Эльдарской сосны в Горно-культурном лесничестве в Тифлисе; Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк Азербейджана (по поводу книги Велиева «Азербейджан»); Д. П. Гордеев. Археологические исследования в Мцхете; Л. М. Меликсет-беков. Новая литература по вопросу о грузино-армянских отношениях.

Научные командировки производились лишь в 1917 году. В дальнейшем, с одной стороны — вследствие отсутствия у Отдела средств на выдачу пособий по командировкам, а с другой стороны в виду отсутствия до 1921 года правильного и беспрепятственного сообщения между возникшими на территории Кавказа государственными образованиями, научные командировки Отделом не производились.

Член Отдела С. А. Круковский совершил в 1917 году поездку в Сев.-Западную часть Кубанской области, где он имел в виду обследовать существующие близ станицы Ильской пещеры с культурой старого палеолита, сопровождаемой древней четвертичной фауной толстокожих. К сожалению, дороговизна рабочих рук заставила его ограничиться лишь рекогносцировочным ознакомлением с некоторыми сохранившимися в Кубанской области памятниками Каменного века. В Закавказьи С. А. Круковский продолжил начатые им в 1916 году раскопки пе-

щерных животных палеолитической эпохи в Шарапанском уезде Кутаисской губ.

Г. Ф. Чурсин совершил поездку в Нальчикский округ Терской области для этнографического исследования небольшого народа тюркского племени-балкар, обитающих по верхнему течению рек Терека и Ваксана, Г. Ф. Чурсин посетил два значительных общества балкарского народа — Балкарское и Урусбиевское. Ознакомление с бытом балкар выяснило почти полное тождество как материальной, так и духовной культуры балкар с очень близко стоящими к ним по языку карачаевцами. Балкары сами называют себя **таулу**, т.-е. горцы, и делятся на 5 обществ: Балкар, Безинги, Хулам, Чегем и Урусбий.

За отчетный период издательская деятельность ограничилась, за недостатком средств, выпуском лишь одного тома XXV-го «Известий» Отдела (378 стр.) и одного выпуска «Записок» (вып. 5-й книжки XXIX).

В портфеле редакции изданий Отдела имеется ряд готовых к печати монографий, статей и заметок для помещения в следующих выпусках «Известий» и «Записок», печатание которых, к сожалению, приходится откладывать из-за недостатка средств.

При Отделе, существуют следующие научные комиссии: 1) этнографическая; 2) озерная; 3) по изучению этномофауны Кавказа; 4) по охране памятников природы на Кавказе и 5) по выработке программ систематического исследования Кавказа.

Из названных Комиссий первые три за отчетный период устраивали ряд заседаний, на которых делались научные сообщения. Кроме того, Озерная комиссия принимает участие в работах Наркомзема С. С. Р. Грузии по обследованию Краясского озера, подвергла детальному изучению некоторые озера окрестностей Тифлиса и составила для Правительства С. С. Р. Армении программу детального исследования озера Гокчи. Комиссии по охране памятников природы Кавказа и по выработке программ систематического исследования Кавказа в отчетном периоде заседаний не имели.

На 5 июня 1922 года в составе членов Отдела значится 119 действительных и 2 почетных (Д. Н. Анучин и Л. Г. Лопатинский) членов.

Из потерь, понесенных отделом, особенно тягостна для него потеря почетного члена Е. Г. Вейденбаума, скончавшегося 15 января 1918 года.

В отчетном периоде средства Отдела слагались главным образом, из членских взносов, повышенных в 1922 году до 30.000 руб., и от продажи изданий Отдела. Получавшееся Отделом пособие от казны в размере 2.000 руб. (золотом), с 1918 года прекратилось и средства Отдела не позволяли ему не только производить научные командировки или издание «Известий» и «Записок», но даже заставили его с 1922 года отказаться от содержания канцелярии и библиотекаря.

Состав Совета Отдела (с 10/IV—1922 г.). Председатель П. З. Виноградов-Никитин, Зампред. Ф. А. Зайцев, Секретарь А. Ф. Ляйстер, члены Совета: Ю. Н. Воронов, Д. Н. Гордеев, С. А. Захаров, Н. А. Троицкий, С. В. Тер-Аветисян и Б. К. Шишкин.

Кавказское Отделение Московского Археологического Общества.

(Краткий отчет за 1921 и 1922 годы до 15/VI).

В 1922 г. отделение имело 12 публичных заседаний, на которых были прочтены 26 докладов и сообщений: Амирапашвили а) предварительное описание фресковой росписи церкви Убэ, б) роспись Живого Столпа Мцхетского собора; П. З. Виноградова-Никитина: о находках бронзового века в Боржоме; К. Ф. Ган: Пути сообщения и торговля в Закавказьи в древности;

Д. П. Гордеев: а) К стилическому разбору декоровки Мгвимской базилики, б) этнографические черты в древнейших иллюстрациях поэмы Ш. Руставели; в) предварительное сообщение об археологической экспедиции в районе Мцхета в марте 1921 г., г) Материалы к обследованию Армазского монастыря, д) об экскурсии в Бетани, е) о Калоубанской церкви в Мцхете; В. А. Гурко-Кряжин: а) Новая этнологическая теория, б) Армения в эпоху арабского владычества; С. Д. Лисициян. Нумизматические заметки к истории Тиграна Великого; Л. М. Меликсет-Беков: а) Гомилия Хризостома о Григории Парфянском в др. груз. литературе, б) К. Ф. Ган как кавказовец, в) о новейшей литературе по истории армяно-грузинских отношений, г) к материалам по церковной археологии Борчалинского уезда, д) о новой литературе по истории грузинско-русских отношений; Е. А. Пчелина. Разведочные раскопки в б. имении Кикеты. Н. Н. Пчелин: Древняя эпоха Руси и ее связь с историей Кавказа; В. Н. Худадов: а) об открытии скульптуры двух зубров кроманьонской эпохи; б) о новооткрытом черепе человека каменного века; Г. Ф. Чурсин: а) магия у кавказских народов, б) класификация народов Кавказа (по поводу нового труда акад. Марра), в) очерк этнографии Азербайджана (по поводу книги Велиева «Азербайджан»).

Состав отделения: исполняет обязанности председателя Л. М. Меликсет-Беков, члены Правления: Д. П. Гордеев, Ш. Я. Амиранашвили, членов Общества на 15/VI с./г. всего числилось 55 из них пять почетных.

КАВКАЗСКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

После долголетних длительных страданий и хлопот постановлением Временного Правительства (№XLIII) 27 июня 1917 г. был утвержден устав и временный штат, основанного по инициативе акад. **Н. Я. Марра**, Кавказского Исторического Археологического Института. Тогда же академиком-руководителем было приступлено к организации и созданию этого новооткрытого в Закавказье исследовательного учреждения и в том же году в «Известиях» Рос. Акад. Наук (VI серия № 13, 1 октября 1917 г.) были опубликованы: а) выдержка из журнала заседаний Врем. Правит. (стр. 955—956), б) устав Кавк. Ист.-Арх. Института (стр. 957—961), в) записка акад. Н. Я. Марра о Кавк. Ист.-Арх. Институте (стр. 962 — 994) и г) доклад акад. Н. Я. Марра о подготовительной деятельности по открытию Кавк. Ист.-Арх. Института (стр. 1000—1006).

В академическом «Отчете» за 1917 год появилась предварительная отчетная заметка (составленная Н. Я. Марром), озаглавленная «Какв. Ист.-Арх. Институт за 1917 год», отпечатанная отдельной брошюрой журнала (9 стр. in 8°); пользуясь данными этой работы, для тифл. журнала «Ars» (1918 г., № 2—3, стр. 130—132), мною написано было сокращенное осведомительное сообщение о деятельности Института за первое полугодие его существования, и присоединено несколько новых тогда сведений о мероприятиях 1918 г.

После об'явления независимости, слагавшимися тогда в Закавказье политическими новообразованиями, от академика-руководителя было получено уведомление, что, вследствие создавшихся обстоятельств, Институт об'явлен экстерриториальным зарубежным учреждением Рос. Акад. Наук, как таковое он и просуществовал весь

последующий период. Личный состав Института в начале 1918 г. был следующий: 1) Е. С. Такайшвили (заместитель директора и старший д. ч.) и 2) Г. Н. Чубинов (д. ч., ученый секретарь, и 2-х ад'юнктов—Д. П. Гордеев и С. Ф. Тиранян, 3) И. о. секретаря, экзекутора, делопроизводителя и бухгалтера—А. С. Щепотьев, 4) И. о. фотографа—преподаватель французского языка Т. Люзен и 5) машинистка, и после получения помещения, одна прислуга.

Однако, в конце того же года двое покинули свои посты: С. Ф. Тиранян, увлеченный политической деятельностью, переехал окончательно в Армению, а А. С. Щепотьев нашел для себя более выгодным перейти на службу в Азербейджан, не сдав должным образом дел и не отчитавшись по занимаемым должностям. И. о. фотографа, кроме предварительного участия в экспедициях лета 1917 г., можно сказать и не приступал к исполнению своих обязанностей.

В прошлом, 1920 г., оставшись почти совершенно без средств. Институт принужден был уволить машинистку и прислугу и продолжал существовать в составе 3-х ученых членов, отказавшихся от жалованья впредь до получения ассигновок из Петрограда. Во время утверждения Советской власти в Грузии Е. С. Такайшвили, будучи уполномочен сопровождать вывезенные музейные предметы, выехал за границу. Наличными членами принят ряд мер для установления теперь связи с Академией.

Оторванный обстоятельствами времени от своей базы, Рос. Акад. Наук, Институт имел возможность лишь случайного и крайне нерегулярного с ней сношения. В материальном отношении, вследствие той же оторванности, он с течением времени не только не располагал достаточными, должными для широко поставленных исследований, средствами, но оказался стесненным до последней крайности.

В виду создавшегося положения и, с другой стороны, побуждаемые культурными требованиями текущего момента члены Института, оставшиеся на своем посту, принимали за эти три с лишним года занчительное, а иногда и руководящее участие в делах местного научного историко-археологического строительства. Что же касается работы и предприятий, с'организованных и осуществленных Институтом за отмеченный период, то они в главнейшем выразились в следующем:

1) В 1918 году были предприняты поездки по делам эвакуаций памятников искусства — две в Ани (ад'юнкта Гордеева; сообщение об этом см. в издававшемся в 1918 г. в Тифлисе журнале «Ars»—в № 1, стр. 74, и № 2—3, стр. 133—134) и одна в Боржом (д. чл. Чубинов; сообщение см. в указ. № 2—3 «Ars», стр. 133—134); было приступлено к фиксации местных памятников искусства—а) производились обмеры и изготовление по ним чертежей с архитектурных сооружений и б) фотографировались здания и лицевые рукописи: последняя работа исполнялась заведующим фотографической лабораторией и фототокой тифл. у—та и Груз. О—ва Истории и Этнографии художником Т. Кюне. Обмеры же и чертежи за отсутствием штатного архитектора, осуществлены были посдельной расценкой приглашенными специалистами; в других случаях приобретались обмеры и чертежи, приготовленные по личной инициативе.

Проработаны были след. постройки: Джварис-Сакдари — св. Крест Мцхетский, храм в Самцеврис и (в Горийском уезде, недалеко от ст. Карели) Тифлисская церковь—Лурджи-Монастери, и 2 колокольни Саматаврского монастыря (во Мцхете) и Тифлисская Петхаанская (все это было исполнено гражд. инж. М. Э. Керном, Н. П. Северовым и студентом спец. класса Института Гражд. Инженеров Б. П. Рябовым); в конце лета и осенью обследовались руины П'ромского храма — были были произведены обмеры и фотографирование и составлено (руководившим делом архитектором М. Г. Калашниковым), докладная заметка о со-

стоянии памятника и о частичном его ремонте (черетжи по этим обмерам были осуществлены зимой 1918—1919 г.г.). В этом же 1918 году Институт вошел в соглашение с Правлением Груз. О—ва Ист. и Этн. по совместному использованию результатов экспедиции 1917 г. в Турецкую Грузию, благодаря чему под руководством участника экспедиции гражд. инженера А. Н. Кальгина, вычерчены были многочисленные планы, разрезы и фасады обмеренных тогда сооружений. Г. Н. Чубинов, принявший на себя «научное издание храмов св. Креста Мцхетского, Сампевирис'и» и Пром'и, предпринял изучение первоисточников на месте. Были произведены и другие более мелкие обследования—осмотр и фотографирование предметов, найденных в Тквирильском ущелье и находившихся у инженера Куланды, осмотр закрытой за ветхостью для богослужения тифлисской греческой церкви св. Креста (т. н. Джварис-Мама), осмотр и с'емка списков поздних надгробных лапидарных надписей в тифлисском арсенале, шаги по охране местных архивов, осмотр и фотографирование новопоступившего тогда в музей Груз. О—ва Ист. и Этн. складня кн. Абашидзе и пр. Собственных изданий, намечавшихся к выпуску, Институту осуществить не удалось, но ему удалось закончить печатанием и обнародовать первый том трУда **Monumenta Hegiographica Georgica** о. К. Кекелидзе, предпринятого по поручению Академии Наук. По поручению Института над вывезенной английской нумизматической коллекцией работал Е. А. Пахомов. Институтом же была оказана поддержка командированному для занятий над древне-грузинскими рукописями Р. П. Блейну и был зачислен в сотрудники (в Азербейджане) И. А. Беляев (по мусульманскому Востоку).

В Петрограде в этом году печатались издания Кавк. Ист.-Археол. Института; была выпущена работа Г. Н. Чубинова «Отчет Английского Музея Древностей за 1916 г.»; об остальном же имеются лишь указания на обложке этой последней книги, что одни из них печатаются, а другие готовятся к печати.

2) В 1919 г. научные предприятия Института ограничились лишь командировкой ад'юнкта Гордеева в З. Грузию [4]), и заказом архитектору М. Г. Калашникову обмеров Атенского Сиона [5]), которые и были закончены после годичного перерыва осенью 1920 г.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ «РЕВОЛЮЦИЯ» НА УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ.

Бухарский государственный деятель Мирза Абдул-Кадыр Мухиддинов познакомил нас с первыми нумерами журнала «Инкиляб» («Революция») на узбекском языке, выходящего в Ташкенте с 1 февраля тек. года. Журнал издается Центральным Комитетом Туркестанской Коммунистической Партии; журнал ежемесячный, а затем будет преобразован в двухнедельный.

До разрешения вопроса о новом узбекском правописании на предстоящем курултае журнал «Инкиляб» придерживается так наз. «среднего» правописания.

Журнал состоит из отделов: политического, экономического, литературного, педагогического, по национальному вопросу и др. В журнале участвуют, как коммунисты, так и революционеры-националисты.

В № 1 за передовой статьей редактора Тюрякулова следует статья «От Атлантического океана до Великого», в которой проводится мысль, что борьба за независимость в мире Ислама в ближайшее время перейдет из рук эмиров к народным массам. «Привет вам, говорится в статье, арабские, турецкие, индийские богатыри, борющиеся с европей-

скими захватчиками за независимость исламского мира! Ваши дела, ваши цели, ваша кровь—будут оправданы! Результатом этой борьбы могут быть только победа и удача!» После статей «1921—1922» т. Иоффе, «Восток и революция» т. Сафарова помещена статья «Английские империалисты на Востоке» и статья под заголовком «3 «к», 3 «б» и 2 «п». Автор ее останавливается на проектах великих железнодорожных путей: Капштадт — Каир — Калькутта, Берлин — Болгария — Багдад и Петроград—Персия, приведших Европу к мировой войне. Игемберди в статье «Восток и промышленность» не соглашается с мнением т. Сафарова о будущности Востока, выраженным в его брошюре «Колониальная революция» и, приводя взгляды французского экономиста Густава Леона, и министра инстр. дел Японии Окумы, говорит, что «если в основе всего лежит экономика, то и основой свободы является экономическая свобода». В заключение автор заявляет: «Нас не может удовлетворить изображение Туркестана в будущем как страны, лишенной собственной промышленности». Страничку со статистическими сведениями из жизни Т. К. П. сменяет довольно обширная статья Х—ф: «Басмачество в Фергане», посвященная движению, которое существовало и в царские времена со своими вожаками Иргешем, Мухаммад-Амин беком, Хал-ходжой и Ширметом. Автор отмечает важнейшие моменты этого движения с 1917 года и признает, что ферганское басмачество изживает. себя. Бин дал статью о трудовой школе, учитель языка и словесности Абдуррахман Сади поместил обширное рассуждение «Основы изучения и установления законов и правил турецких языков», представляющее значительный интерес для специалистов-туркологов. Далее находим перевод одного документа из собрания «Комиссии по изучению революции в Туркестане», заметку известного самаркандского литератора Хаджи-Муин Шукрулла-оглы о мученической смерти в 1919 г. крупнейшего из культурных туркестантских деятелей XX века — Муфтия Махмуд-хаджи Бехбуди и о его завещании, написанном в бухарском заточении для своих учеников и сотрудников.

В литературном отделе № 1 помещены произведения ново-узбекской поэзии и художественной прозы: стихотворения «Восточная девушка» (Шакир Сулейман), «Землепашец» (Ильбек) и страничку в прозе «Изящные искусства» (А. Ауляни). Книжка заканчивается списком изданий на тюркском языке, вышедших в Самарканде за 1904—16 годы, и обзором политических событий на Востоке и Западе.

Политико-экономический отдел № 2-го содержит «Письмо Ц. К. Р. К. П. туркестанской партии коммунистов» и статьи: Сольца «Перед VI конференцией Т. К. П.», Сафарова «Новый экономический курс и наше дело в Туркестане», Асфандиярова «Земельный вопрос в Туркестане». Далее следуют статьи: А—и «Причины Великой Французской Революции», Арапая «Июльские события 1916 г. в Караколе (Семиреченск. области)», Биги «Педагогия», Булат Салиева «Ценные рукописи в Бухаре», К. Тынчурина «Восточный театр». В литературном отделе выделяются: «Свободной девушке» (Ильбек), «Революция» (Ш. Сулейман), «Ручей» (Сейид Али-хаджа). Сардар в заметке «В мире Ислама» сообщает новейшие сведения о положении арабских стран Азии и Африки и об освободительном движении в Анатолии в связи с английской политикой. Отдельно приводятся: перевод «турецко-русского договора» и речь известного татарского эмигранта Юсуф Акчурина на банкете в честь российских и украинских представителей в Ангоре.

Номер 3-й открывается статьей Дервиша «Современное политическое положение в Туркестане», в которой в опровержение указывается, что советская власть укрепляется среди местного трудового населения, а басмачество приходит к концу. Затем следуют статьи: Асфандиярова «Национальный вопрос при Нэп'е», Гусева «Как мы узнали марксизм», Дервиша «VI конференция Т. К. П. и ее результаты», Шериф Байчура «Несчастья великого голода» (в Кирги-

зии, Татарии, Башкирии, Крыму), Н. Рутенберга «Парижская коммуна и ее краткая история», «Письмо российского посла в Стамбуле (Чарыкова) туркестанскому генерал-губернатору Самсонову» (о распространении панисламизма и пантуркизма в Бухаре и Кашгаре младотурками; об «Обществе просвещения Бухары» в Стамбуле, о панисламской прессе: «Хикмет», «Сыратуль-Мустакым», «Теаруфуль-Муслимин» в 1910 году), С. А. «Беседы между собою бухарских палачей» (о так наз. «колесовских событиях» 1918 года), Биги «Педагогия», Нимет-Хаким «О принципах установления законов в турецких языках», хаджи Муин Шукрулла-оглы «Покойный Шакир Мухтари», Б. А. Пестовского «История узбекского театра», Гулям Зафари «Восточная музыка». Номер заканчивается несколькими стихотворениями (Абай, Абдулла Рахматзадэ, Чолпан), интересными воспоминаниями Ибрагимова «Два месяца в революционной Турции» и политическим обзором.

А. С—ч.

ПЕРЕЧЕНЬ

важнейших статей по востоковедению, напечатанных в „Жизни Национальностей“ за 1918—1922 гг.

Примечание: Цифры, стоящие после названия статей, указывают: первая—год, следующие—номера газеты, в которых статья напечатана. Напр.—18, 3 означает, что статья напечатана в № 3 за 1918 год, - 19, 46 (54), 48 (56) — означает, что статья напечата в №№ 46 (54) и 48 (56) за 1919 год.

I. Статьи общего характера.

Александров, Т.—Коммунистический университет трудящихся Востока. **22**, 6 (135).

Алиев, Искандер.—Очерки востоковедения. Бабизм и бехаизм. **22**, 5 (135).

Алхаризи.—К итогам съезда народов Востока. **19**, 46 (54), 48 (56).

— К итогам съезда коммунистических организаций народов Востока. **20**, 1 (58).

Бройдо, Г.—Коммунистический университет трудящихся Востока. **21**, 2 (100), 11 (109).

— Очередные задачи коммунистического университета трудящихся Востока. **22**, 3 (9).

Виленский (Сибиряков), Вл.—Вашингтон и Восточная Азия. **22**, 3 (132).

Всероссийский 2-й съезд коммунистических организаций народов Востока. **19**, 46 (54), 47 (55).

Герценберг, И.—Освобождение Востока и барон Врангель. **20**, 20 (77).

Гурко, П.—Искусство Востока. **22**, 3 (9).

Гурштейн, А.—Об Институте востоковедения. **21**, 23 (121).

— Практическое изучение Востока. **22**, 2 (8).

Д. С.—Ллойд-Джордж, Красин и Восток. **20**, 17 (74).

Диманштейн, С.—Наши противоречия и Восток. **19**, 36 (44).

Исламизм в освещении его идеологов. **21**, 1 (99).

К предстоящему съезду революционных и коммунистических партий Дальнего Востока. **22**, 2 (131).

Освобождение Востока. **19**, 5 (13).

Павлович, Мих.—Вопросы национальной и колониальной политики и III Интернационал. **20**, 32 (89), 34 (91), 36 (93), 40 (96).

— Восточный вопрос на III конгрессе и перспективы освободительного движения на Востоке. **21**, 14 (112).

— Восточный вопрос на III конгрессе и проблемы Кмоинтерна на Ближнем и Среднем Востоке. **21**, 15 (113).

— Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения и ее задачи. **21**, 30 (128).

Павлович, Мих.—Колониальная и национальная политика на II конгрессе III Интернационала. **20**, 25 (82), 26 (83).
— Новая угроза на Дальнем Востоке. **21**, 17 (115).
— Перед Генуэзской конференцией (Советская Россия и Восток). **22**, 3 (9).
— Съезд народов Востока в Баку и его значение. **20**, 33 (90).

Пак, Диншунь.—Освободительное движение народов Востока и советская Россия. **20**, 7 (64).

Перспективы революционного движения в Азии. **19**, 22 (30).

Пестковский, С.—Пробуждение Востока. **19**, 15 (23).

Рабочее движение на Востоке. **20**, 36 (93).

Р-де.—Культурные задачи революции на мусульманском Востоке. **21**, 1 (99).

Роль России в пробуждении Востока. **19**, 40 (48).

Рыскулов, С. Т.—Коминтерн и работа на Востоке. **20**, 40 (96).

С.—Национальное движение в Малой Азии. **19**, 41 (49).

Саид-Галиев.—Коран и революция. **20**, 5 (61).

Седельников, Т.—Свет на Восток. **19**, 39 (47).

Снесарев, А. проф.—Практическое изучение Востока. **21**, 31 (129).

Сталин, И.—Наши задачи на Востоке. **19**, 7 (15).
— Не забывайте Востока. **18**, 3.
— С Востока свет. **18**, 6.

Султан-Галиев, М.—Восемьдесят влиятельных принцев, султанов и потентатов. **20**, 39 (95).
— Социальная революция и Восток. **19**, 38 (46), 39 (47), 42 (50).

Султан-Заде.—Развитие коммунистического движения и тактика империалистической буржуазии на Востоке **20**, 41 (97).

Съезд народов Востока. **20**, 29 (86).

Съезд трудящихся Дальнего Востока. **22**, 4 (133), 5 (134).

Т., Г.—Обстановка съезда народов Востока. **20**, 28 (85).

Тезисы о задачах пролетарской революции на Востоке (Политотдела поезда „Красный Восток"). **20**, 24 (81).

Торчинский, Г.—На ближнем и Дальнем Востоке. **20**, 37 (94).

Трайнин, И.—Пути развития искусства на Востоке. **22**, 6-7 (12-13).

Филатин.—Съезд коммунистических организаций народов Востока. **19**, 45 (53).

Э.—Набат коммунизма на Востоке. **19**, 46 (54).

Эфендиев.—Женский вопрос на Востоке. **19**, 49 (57).
— Политические течения среди мусульман. **19**, 33 (41), 36 (44).
— Проблемы Востока. **19**, 41 (49), 43 (51).

Юмагулов.—Отношение к Востоку и восточным республикам. **20**, 11 (68).

II. Отдельные страны Востока.

Арабы.

Манатов, Ш.—В мире арабского Востока. **21**, 29 (127).

С.—Арабское освободительное движение. **20**, 11 (68).

Шахтахтинский, Мамед.—К реформе арабского алфавита. **22**, 4 (10).

Ассирия.

Алиев, Искандер.—К судьбам ассирийского народа. **22**, 4 (10).

Афганистан.

А., М.—К событиям в Афганистане. **19**, 17 (25).
Англия и Афганистан. **21**, 20 (118).
В Афганистане. **21**, 26 (124).
Инс.—Россия и Афганистан. **19**, 27 (35).
Нежданов, В. В.—Афганистан. **21**, 21 (119).
Торжества в Кабуле. **21**, 31 (129).
Трайнин, И.—К договору с Афганистаном. **21**, 7 (105).

Африка.

В английских колониях тропической Африки. **22**, 6—7 (12 - 13).
Т., А.—Новая французская политика на Востоке. **22**, 6—7 (12—13).
Трайнин, И.—На черном континенте (Панафриканское движение). **21**, 20 (118).

Бухара.

Бухара. **19**, 6 (14).
В Бухаре. **21**, 27 (125)—28 (126).
Ибрагимов, Ю. Красный Туркестан. Бухара. **19**, 13 (21).
К.—2-й съезд (курултай) Бухарской коммунистической партии. **21** 6 (135).
К народам Востока (Воззвание Социалист. Комитета партии Младобухарцев). **19**, 7 (15).
М., Х.- К открытию туркменского курултая. **21**, 15 (113).
Погос-Аветисов, Тер. - Взаимоотношения с Бухарой в прошлом и настоящем. **21**, 20 (118).
Советская Бухара. **21**, 20 (118).
Шни.—Вести с Востока. **20**, 2 (59).

Голландские колонии.

Т., А.—Национально-революционное движение в голландских колониях **22**, 2 (131).

Египет.

В Египте. **22**, 5 (134), 1 (7).
Е., М. К последним событиям в Египте. **19**, 16 (24).
Египет. **21**, 19 (117), 29 (127).
Национальное движение в Египте. **22**, 2 (131).
Т., А.—В Египте. **22**, 4 (10), 6 - 7 (12 - 13).
— К вопросу о Судане в англо-египетских взаимоотношениях. **22**, 5 (11).
Эфендиев, М.—В Египте. **19**, 47 (55).

Индия.

Аграрное движение и пропаганда в войсках Индии. **22**, 6—7 (12—13).
Борьба Индии за свою независимость. **21**, 25 (123).
В Восточной Индии. **20**, 38 (95).
В Индии. **21**, 3 (101).
Волнения в Индии. **21**, 28 (126).
Восстание Мопла. **22**, 1 (7).
Из Индии. **21**, 4 (102).
Индийский революционер о России. **19**, 40 (48).
Индия. **21**, 19 (117).
Кряжин, В.—Революционное движение в Индии. **20**, 13 (70)—14 (71).
Революционно национальное движение в Индии. **21**, 26 (124).
Рой, М. Н.—Социальная революция в Индии. **20**, 31 (88).
Roy, M. N.—Манифест революционной партии Индии. **20**, 24 (81).
Т., А.—Национально-революционное движение в Индии. **22**, 5 (134).
„Парламент" и его текущая работа. **22**, 2 (8).
— Роль Ганди в нац.-революционном движении. **22**, 4 (10).
Торчинский, Г.—Революция в Индии и ее условия. **20**, 24 (81).
Трайнин, И.—Всеиндусский съезд. **21**, 6 (104).
Характер революционного движения в Индии. **21**, 16 (114).

Китай.

В Северном Китае. **22**, 1 (7).
Ипс.—Русская контр-революция в Китае. **19**, 21 (29).
Кряжин, В.—Империалистическая эксплоатация Китая. **20**, 28 (85).
Кряжин, В. — Революция в Китае. Общий очерк революционного движения. **20**, 20 (77)—22 (79).
Павлович, Мих.—Борьба за Китай. **22**, 6 (135).
Проблемы Дальнего Востока. Китай. **21**, 14 (112).
Янсон, Я.—Китай. **20**, 28 (85)—29 (86).
Яременко, А. — Из жизни китайского населения Приморской области. **21**, 6 (104).

Корея.

Кореец.—Пробуждение Кореи. **20**, 8 (65).
Яременко, А. Из жизни корейского населения Приморской области. **21** 31 (129).
Пак, Диншунь.—Женское движение в Корее. **20**, 29 (86).
— Корейская эмиграция в России. **20**, 11 (68).
Печать в Корее. **21**, 31 (129).
Этапы Корейского революционного движения. **21**, 14 (112).

Марокко.

Марокко.—**21**, 19 (117).
П. М. — Восстание в испанском Марокко и его международные последствия. **21**, 16 (114).

Месопотамия.

Месопотамия.—**21**, 19 (117).

Монголия.

Майский, И.—Монголия. **21**, 30 (128).
Ойратский, —Монголия, как ворота Востока. **19**, 26 (34).
Потуги реакции в Монголии. **21**, 31 (129).

Персия.

Англия и Персия. (Речь лорда Керзона о Персии, произнесенная в палате лордов 26 июля 1921 г.). **21**, 19 (117).
Британская политика в Персии. **20**, 39 (95).
Брундук, М.—В Персии **22**, 1 (7).
Из программы минимум Иранской Коммунистической Партии. **21**, 17 (115).
Ипс. — Задачи и условия социал. пропаганды в Персии. **19**, 18 (26) — 20 (28).
Кряжин, В.—Поэзия Персии. **22**, 2 (8).
Павлович, М.—Экономическое развитие и аграрный вопрос в Персии XX-го столетия. **20**, 24 (81)—26 (83).
Смерть вождя бехаистов. **22**, 3 (132).
Султан-Заде. — Революционное движение в Персии. **20**, 28 (85) — 30 (87).
Т., Г.—Социальная база персидского переворота. **20**, 18 (75).
Тезисы о социально-экономическом положении Персии и тактике Иранской Коммунистической Партии «Адалет». **21**, 7 (105).
Торчинский, Г.—Перспективы революции в Персии. **21**, 11 (109).
Честный отклик. **21**, 31 (129).
Эфендиев.—Закабаление Персии англичанами. **19**, 39 (47).
— Персидские «лесные братья». **19**, 30 (38).
— Революционные перспективы в Персии. **20**, 2 (59).

Тибет.

А.—В Тибете. **22**, 2 (8).

Триполи.

Последние события в Триполи. **22**, 4 (10).

Турция.

Бутаев, Инал.—Национальный вопрос в Анатолии. **21**, 26 (124).
— Турецкое национальное движение в Малой Азии. **22** 4 (10).
В Турции. **19**, 20 (28).
В Турции летом 1920 г. **20**, 38 (95).
К рабочим и крестьянам Турции. **19**, 36 (44).
Манатов, Ш.—О турецкой печати. **21**, 28 (126).
Н.—Франко-турецкое соглашение и Англия. **22**, 3 (132).
Османов, Джемаль.—Кто может освободить Турцию от гнета капиталистов. **19**, 15 (23).
Павлович, Мих.—Гибель турецких коммунистов. **21**, 10 (108)
— Договор между Россией и Турцией. **21**, 8 (106).
— Революционная Турция. **21**, 7 (105) 9 (107).
— Революционная Турция. **22**, 5 (11).
— Революционная Турция и советская Россия. **20**, 40 (96).
— Уроки турецких поражений и анатолийское национальное движение. **21**, 18 (116).

Положение в Турции. **19**, 38 (46).
Скачко, А. — Аграрный вопрос в Турции. **20**, 27 (84) — 30 (87), — 32 (89), — 34 (91). — 36 (93), — 37 (94).
— Армения и Турция на предстоящей конференции. **21**, 6 (104).
— Наши отношения с Турцией и их значение для мировой революции. **20**, 39 (96).
Советская федерация и Турция. **22**, 6 (135).
Среди турок. **20**, 18 (75).
Субхи, М.—Новый турецкий кабинет. **19**, 41 (49).
— «Федерализм в Турции» или «Политика раздела». **19**, 13 (21).
Султан-Галиев, М.—Мустафа Субхи и его работа. **21**, 14 (112).
— Положение Турции в последнее время. **20**, 14 (71)—15 (72).
Трайнин, И.—Две конференции. **21**, 6 (104).
Турецкий вопрос в освещении американских и французских политических кругов. **19**, 49 (57).
Турция и Антанта. **21**, 5 (103).
Х.—Англия и Франция о греко турецкой войне. **21**, 19 (117).
Шеррк Оглы.—Положение в Анатолии. **20**, 12 (69).
Эфендиев.—Закабаление Турции англичанами. **19**, 38 (46).
— Мустафа-Кемаль и фон-дер-Гольц. **19**, 40 (48).
— Пора. **20**, 1 (58).
— Турецкие дела. **19**, 32 (40).

Формоза.

Борьба туземцев Формозы за независимость. **21**, 31 (129),

Хива.

Б., И.—Экономическое положение Хорезмской Советской Народной Республики. **21**, 17 (115).
Ибрагимов, Ю.—Красный Туркестан. Хива. **19**, 14 (22).
Икул, Кара.—В Хорезмской (Хивинской) республике. **22**, 5 (134).
— Туркмения и положение туркмен в Хорезме (Хиве). **22**, 2 (8).
К.—Съезд Хорезмской (Хивинской) Коммунистической Партии и союза малоземельных и безземельных дехкан. **22**, 4 (10).
М. Д.—К Хивинской революции **20**, 24 (81).
Шэр'к-Оглы.—Революционное движение в Хиве. **20**, 9 (66).
Юмагулов, Х.—Фактическая поправка. **20**, 26 (83).

Цейлон.

Национально-революционное движение на Цейлоне. **22**, 3 (132).

Япония.

А., Н.—Японцы на Сахалине и в низовьях Амура. **21**, 16 (114).
Барьер японским хищникам. **22**, 1 (130)
В Японии. **22**, 5 (134).
Виленский (Сибиряков), Вл.—Империализм Японии. **21**, 3 (101).

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ТУЗЕМНЫХ ЕВРЕЕВ БУХАРЫ И ТУРКЕСТАНА «ЧЕЛЫ» И ЧАСТИ ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ.

За последние годы (1917—22) популярным среди туземных евреев Туркестана и Бухары культурно-просветительным работником т. С. Б. Эдельманом, произведены исследования крупной научной важности и жизненного значения истории этнографии и литературы туземцев-евреев стран Средней Азии, а также «чела» и части горных таджиков.

Произведенные им работы с хронологической последовательностью освещают неразобранную до сего времени страницу истории этой затерявшейся на востоке ветви еврейского народа, намечают время и пути, по которым шла эта ветвь и остановилась в Трансоксании, и попутно освещают многие моменты в истории Ср. Азии.

В значительной степени успеху работ т. Эдельмана благоприятствовали доверие со стороны туземцев и содействие их ученых и общественных деятелей в связи с его благотворной культурно-просветительной деятельностью в их среде.

Создались возможности проникнуть в частные и общинные архивы, а также основательно ознакомиться и изучить быт и уклад домашней и строй общественной жизни **в местах недоступных до сего времени европейцу.**

Кроме того добыт ценный материал по истории «чела» (часть евреев перешедших в мусульманство), а также части горных таджиков.

Исследования истории охватывают время, начиная с веков глубокой древности (до завоевания этих стран арабами) кончая годами революции. История отделена от преданий и создается ясная картина, как на арене многовековой кровавой борьбы Иранской культуры, возглавляемой учением Зороастра, с Туранской, принесшей культ Будды из Тибета, а позже манихейства и несторианства, исчезнувших после завоевания страны арабами, насаждавших Ислам силою оружия, эта ветвь еврейского народа, принимая участие в общей борьбе за независимость, сохранила до позднейших времен библейские простоту и традиции семейной жизни, правда, несколько измененные внешне шариатом ислама, опорой коего на Востоке была Бухара.

Были периоды жестокого гонения (VIII в. при Кутейбе), когда для служения своей религии собирались в сокрытых местах. Завоеватели, преследуя иноверцев, всячески заставляли посещать мечети и в точности выполнять обряды ислама.

Далее исследователь приводит ряд фактов и имен исторического значения, занимавших видное место в политической и экономической жизни страны в период расцвета (средина IX в. Эмир. Измаил и позднее в XII в.).

То же относится и к участию туземцев-евреев в общей работе по восстановлению жизни в стране, после разорительных войн, достигшей особого расцвета в XIV до XVI века.

Подробно исследован период XVII — XIX в., когда упадок культуры, коснувшись всех народов Средней Азии, с особенной болезненностью отразился на правовом положении туземцев-евреев.

Приводится ряд исторической важности ограничительных документов, узаконивавших бесправие во всех областях жизни. Так, напр., установление черты в городах и поселках, размеры и направление улиц, общий характер жилья, характер платья, формы и цвета головного убора, подчеркивавшиеся **обязательным опоясыванием веревкой** (поясу еще издревле придавалось важное значение в культе Зороастра, он предохранял носившего от влияния злых духов, назывался «кости» и очевидно имел влияние на традиции позднейших веков и еще в недавнее время пояс, особенно украшенный, свидетельствовал о высоком положении носившего).

Вечный страх за существование в течение последних трех веков мрачных гонений и бесправия замкнули евреев в гетто, и заставляли относиться подозрительно ко всем, стремившимся проникнуть в их среду до позднейших времен.

С библейским стоицизмом они переносили в уединении страдания, веря в надежду на освобождение.

Мировая война и последовавшая за ней Российская революция всколыхнули Восток.

История революционной борьбы за освобождение свидетельствует о скрывавшихся стремлениях приобщиться к общечеловеческой культуре. Революция в Бухаре оправдала эти надежды и стремления угнетенного народа. Приводится ряд фактов и имен в борьбе за освобождение.

Заканчивая на этом общий обзор работы по исследованию истории туземцев-евреев, считаю должным обратить внимание, что исследователем параллельно собран интереснейший материал по этнографии.

То же относится к исследованию родословен фамилий и имен и составляют значительный труд почти готовый к печати.

Особенного интереса заслуживают исследования народного эпоса и литературы, сохранившихся до сего времени на древне-еврейском и персидском языках. Часть их переводится исследователем на русский язык.

С большой полнотой собраны предания, песни, суеверия, поговорки. Они свидетельствуют о скрещивающихся влияниях индусского культа с Зороастра и имеют в характере много общих черт с нашими русскими сказаниями и суевериями.

Значительная часть этих работ иллюстрируется фотографическими снимками, копиями исторических документов, статистическими данными и диаграммами и фактическим материалом.

Но из-за отсутствия необходимых средств, завершить работы полностью не представлялось возможным.

Французский археолог Кастанье, живший в Туркестане и уехавший в конце 1920 г. во Францию, проявлял неоднократно особый интерес к исследованиям тов. Эдельмана. Короткий размер заметки не дает возможности сделать более обстоятельный обзор.

В заключение остается пожелать и надеяться, чтобы исследования и открытия, сделанные т. Эдельманом, были бы опубликованы в печати, а также была бы дана возможность полностью закончить важную научную работу, прерванную из-за отсутствия средств.

Д. Иофан.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТУРЦИИ.

Нам сообщают из-Тифлиса: «Находящийся здесь известный турецкий деятель Омер-Мухеддин в настоящее время работает над историей Турции, собираясь издать на турецком языке книгу, в которой он рассматривает историю Турции с материалистической точки зрения. Новое сочинение Омер-Мухеддина, рассчитанное на пять томов, должно представлять большой интерес, хотя бы потому, что автор был непосредственным участником, играл значительную роль в событиях последнего времени в Турции. Омер-Мухеддин был последовательно депутатом константинопольского парламента, редактором младотурецкого официоза «Танин», выходящего в Константинополе, затем редактором кемалистского органа «Хакимпети Миллие» и директором отдела печати и информации Ангорского правительства. Первый том сочинения Омер-Мухеддина будет посвящен общему взгляду на ход турецкой истории под материалистическим углом зрения. Томы второй, третий и четвертый—воспоминания автора как непосредственного участника в последних событиях в Турции (за последние 15 лет). Пятый том—подводит итоги и содержит взгляд на будущее развитие Турции. Наибольший интерес возбуждает, конечно, мемуарная сторона нового сочинения по истории Турции, тем более, что автор обещает все время придерживаться материалистического понимания исторического процесса».

Летопись событий на Востоке.

ТУРЦИЯ.

2 января. Подписание Украино-Турецкого договора в Ангоре.

4 января. Срок полномочий М. Кемаля, как главкома и председателя ВНСТ, продлен еще на три месяца.

5 января. От'езд т. Фрунзе из Ангоры.
Украинский СНК послал ответную приветственную телеграмму Мустафе Кемалю.

15 января. Подали в отставку Комнацобороны Рафет Паша и Комнуть Реуф-Бей. Отставка принята.

24 января. На фронте ружейная перестрелка.

27 января. Прибытие в Ангору Полпреда РСФСР т. Аралова.

1 февраля. Прибытие в Ангору представителя Центр. Комитета Междунар. Красного Креста доктора Зуриха.

4 февраля. На греко-турецком фронте в греческом лагере заметно движение, все их атаки отражены.

14 февраля. Открытие в Сивасе вечерних курсов для взрослых.
Выезд Юсуф Кемаля в Индию.

15 февраля. Приезд Афганской миссии в Ангору.

16 февраля. Прибытие Юсуф Кемаля в Константинополь.

18 февраля. В Кайсари открыто общество защиты детей.
По постановлению Туркпра в Ангоре открывается школа — «восточные дела».

22 февраля. Передан на срочное обсуждение в ВНСТ законопроект, представляющий Совкому право заключения перемирия и мира, провозглашения войны, об'явления мобилизации, военного положения в стране, распоряжения вопросами передвижения, уменьшения численности займов и всяких договоров с иностранными правительствами, об'явления амнистии. Законопроект дает Совкому полномочия использовать эти права без санкции ВНСТ, доводя до его сведения после проведения в жизнь.

В целях разрешения курдского вопроса Комюстиции отправил всем турецким властям циркуляр, предлагающий точнее, по определенной анкете, осветить положение курдов и свое заключение по этому вопросу.

8 марта. М. Кемаль произнес программную речь в Меджлисе, в которой он предлагал всю внешнюю политику Турции строить на основе дружбы с Советской Россией.

16 марта. Меджлисом ратифицированы единогласно договор с Украиной и Карский договор.
М. Кемаль выехал на фронт.
Из Ангоры выехала турецкая миссия во главе с Фахри Пашей в Афганистан.

20 марта. Из Ангоры выезжает миссия в Харьков для обмена ратификационными грамотами с Украиной.

24 марта. Открытие Парижской конференции по Ближне-Восточному вопросу. Ангорпра получено предложение «трех» о перемирии.

30 марта. Торжественное празднование второй годовщины победы турецкой армии в Ишуне.

6 апреля. Послана ответная нота турецкого правительства Антанте по вопросу о перемирии.

7 апреля По всей стране состоялись митинги протеста против условий мира, предложенных Антантой.

13 апреля. В Ангору прибыла комиссия для организации промышленных предприятий в составе французов Лесс, Ру и итальянца Фридмана.

18 апреля. Народная коммунистическая партия Турции обратилась к рабочим всего мира с энергичным протестом против недопущения Турции на Генуэзскую конференцию.

19 апреля. Итальянские промышленные группы предлагают правительству построить в Анатолии жел. дор. и обрабатывать рудники.
Вскоре предстоит организация автомобильного сообщения между Самсуном и другими внутренними городами Турции.

21 апреля. Образование в Ангоре комиссии помощи голодающим из членов меджилиса.

30 апреля. ВНСТ принят законопроект о денежном выкупе воинской повинности и об отпуске турецкому правительству аванса 15.000.000 лир.
Турецкое правительство отложило исполнение приговора за проступки земледельцев на один месяц—до окончания полевых работ.

ПЕРСИЯ.

1 января. В районе между Маку и Тавризом действуют партизаны, во главе которых стоит Симко; выступившие против него правительственные войска под командой Карадагского хана Эмир-Аршади и Сардара Макинского потерпели поражение. Эмир Аршад убит.

8 января. Меджлисом принята смета на текущий год, по которой превышение расходов над доходами одними деньгами в 3.453.450 туманов, не считая зерна. В смете доминируют военные расходы над остальными статьями.

9 января. Открыта перс.-закавк. торг. конференция.

9 января. В Хоросане предписано таможне не допускать вывоза хлеба, так как невывезенный в Россию хлеб нужен для внутреннего потребления.

14 января. На почве финансового кризиса и трехдневной забастовки учителей, не получивших жалование, в Тегеране 12-го состоялась демонстрация преподавателей, студентов и учеников Тегеранской школы, соединившая более 2000 человек.

14 января. Об'явлен указ Шаха о намерен. его 25 января выехать за границу для лечения и о назначен. временно Естезад-ес-Салтане своим заместителем.

21 января. В Персии образовался новый кабинет во главе с Мушир-эд-Довле, уже бывшим премьером 20 г., но вышедшем в отставку, не согласившись подчиниться английскому ультиматуму.

25 января Персидский шах выехал из Тегерана за границу.

1 февраля. В Тавризе 1/II вспыхнуло восстание в жандармских частях действовавших против Симко. Одно из требований восставших—это удаление Риза-Хана, прекращение переформирования персидской армии. Жандармы разбиты и их теснят к Нахичеванской границе.

5 февраля. Финансовый кризис дошел до крайних пределов. Солдаты волнуются, арестантов не могут прокормить в тюрьмах, учителя бросают работу.

14 февраля. Тавриз превратился в аренду военных действий. Фронт против Симко оголен. По требованию правых демократов новым ген. губернатором назначен Иджалил-Мольк.

1 марта. Англичане предлагают Персиа заем 10 милл. фунтов на условиях: 1) подтвердить жел. дор. концессию англичан от Мессопотамской границы до Тегерана, 2) не сдавать поступлен. доходов под залог иностранного займа, 3) признать требование англичан об уплате аванса военного времени и 4) прервать переговоры с Америкой; Персиа отказалось от предложенного займа.

4 марта. Комиссия Перс. Меджлиса отвергла принцип участия англичан в американской нефтяной концессии, на основании которой персидское правительство должно было получить авансом 1 милл. долларов.

6 марта. По слухам, нефтяная компания «Стандар» передала Персиа миллион долларов займа под залог доходов с южной нефти с согласия англичан.

12 марта. Персиа отказало англичанам в требовании уплаты аванса военного времени на основании того, что деньги выдавались южному правительству и южным губернаторам.

19 марта. Персиа издало приказ об отмене телесных наказаний.

27 марта. В связи с гонениями на прессу наборщики об'явили всеобщую забастовку и будут печатать лишь одну газету, отстаивающую права прессы.

1 апреля. Открылась сессия меджлиса после новрузовских каникул. Готовится для внесения в меджлис законопроект о свободе печати.

12 апреля. В губерниях Кермана и Шираза (Южная Персия) вновь начато формирование рядовых распущенной в свое время англичанами армии.

26 апреля. В Москву приехал представитель персидской торговой делегации.

КИТАЙ.

4 Января. Пекинское правительство об'явило амнистию всем приверженцам японофильского клуба Аньфу.

17 Января. Кабинет министров выпустил сообщение, в котором указывает, что правительственная политика направлена к выкупу Шаньдунской дороги и подчинению ее китайскому контролю, а также отрицает сообщение о переговорах с Японией о займе.

19 Января. Глава Чжилийской партии, Ген. У-Пэй-Фу, обратился к президенту Китайской Республики с требованием отставки всего Пекинского кабинета с Премьером Лянь-Ши-И—во главе, мотив: японофильство кабинета. Под требованием подписались военные и гражданские губернаторы провинций: Цзяньси, Цзянсу, Хубей, Хэнань, Шенси и Шаньдун.

17-20 Янв. В крупных городах Китая устраиваются демонстрации против Пекинского правительства.

28 Января. У-Пэй-Фу со своими войсками занял все станции железнодорожной линии Ханькоу-Пекин.

30 Января. Военное совещание Чжан-Цзо-Лина со своими помощниками по поводу создавшегося положения в связи с продвижением к северу Ген. У-Пэй-Фу.

9 Февраля. Представитель Южного Правительства—ген. Чен-Чу-Мин, заявил представителям Северного и Среднего Китая, обратившимся к ним с просьбой о поддержке их мер по об'единению Китая, что они рады помочь, если те согласятся признать Сун-Ят-Сена Президентом Китайской Республики и установить контроль Южного Правительства.

10 Февраля. В Шанхае забастовало 1400 рабочих хлопчато-бумажной фабрики. Требования забастовавших: искоренение дурного обращения и повышение заработной платы.

23 Февраля. Военная конференция в Мукдене постановила созвать всех монгольских князей для обсуждения вопроса о положении Внешней и Внутренней Монголии.

24 Февраля. Начались военные действия войск Сун-Ят-Сена на границах провинций Кьянгси-Хунан.

6 Марта. Забастовка Гонконгских моряков становится всеобщей. Порт закрыт. Все профсоюзы об'явили прекращение работ.

7 Марта. Мининдел ДВР вручил представителю Китая в Чите ноту, по поводу обыска китайской полицией в русских учреждениях Харбина.

8 Марта. Рабочие Кантона устроили большую демонстрацию в честь победы, одержанной гонконгскими рабочими во всеобщей Судовой забастовке. В демонстрации участвовало свыше 300 тысяч рабочих.

9 Марта. Кантонское Правительство издало правила о рабочих организациях, гарантирующие свободу слова, собраний, печати.

13 Марта. Дипломатический корпус предложил пекинскому правительству принять суровые меры к предупреждению банкротства и наказанию виновных в растрате государственных средств.

15 Марта. Президент Сюй, циркулярной телеграммой предложил всем провинциальным властям Китая немедленно произвести выборы депутатов в новый Парламент Китая, которые созываются для переизбрания Президента, согласно Конституции Китайской Республики.

17 Марта. Организованы комитеты помощи голодающим в Ханькоу и Чан-ша.

18 Марта. Кантонский Парламент отменил все законы, запрещавшие организацию союзов и стачек.

19 Марта. Дипломатический корпус предупредил Пекинское и Кантонское правительства о недопустимости ведения войны в долине реки Ян-цзы. Международный добровольный флот уже сконцентрировался у Ханькоу для «охраны жизни и имущества иностранцев».

20 Марта. Служащие Пекинского Военного Министерства об'явили забастовку ввиду неполучения ими жалования в течение 7 месяцев. Учителя в школах провинции Хунань об'явили забастовку ввиду использования средств, предназначенных на школы, на военные нужды.

21 Марта. Авангард экспедиционной армии Юга Китая без боя занял город Чалинчжоу, в нескольких десятках миль от города Чан-Ша, столицы провинции Хунань. Немедленно по занятии города были организованы митинги и собрания, на которых населению раз'яснялись задачи экспедиции на Север и роль партии националистов (Гоминдан).

22 Марта. На состоявшейся в Тяньцзине конференции «цзяо-тунцев» (партия «путей сообщения») была принята резолюция о возвращении членов «партии», занимающих ответственные места в правительстве — к своим должностям.

27 Марта. Доктор Сун-Ят-Сен обратился с воззванием к Китайскому флоту, предлагая ему присоединиться к «экспедиции против Севера».

30 Марта. В ответ на ноту пекинского министерства иностранных дел (Вайцзяо-пу) на имя британского полномочного министра в Пекине о возвращении Китаю города Вей-хай-вей'я, представитель Англии уведомил китайское правительство, что Англия по «разным мотивам» не может сейчас вернуть Вей-Хай-Вей Китаю.

31 Марта. В Ханькоу открылся отдел «национальной ассоциации профессиональных союзов». Советом профсоюзов посланы представители в Тяньцзин для организации отдела, об'единяющего все профсоюзы Тяньцзина и его района, а также для организации «рабочего еженедельника» в Тяньцзине.

Апрель 1. Китай и Япония достигли соглашения относительно эвакуации Шанхуня. В Шанхае забастовали рабочие транспорта. Профсоюзы Гонконга постановили оказывать помощь безработным с предоставлением предметов первой необходимости. В середине апреля в Пекине состоится собрание акционеров КВЖД по вопросу об интернационализации дороги и иностранных займах. Общественные организации Китая ведут кампанию, требуя роспуска Технического Комитета КВЖД. Гонконгские британские власти постановили выдать по тысяче долларов семьям китайцев убитых британскими солдатами при попытке выйти за пределы города во время общей забастовки.

4. Образование в провинциях Хунань и Хубей антивоенных обществ, ставящих целью прекращение в Китае гражданской войны.

5. Об'единенная конференция торговых палат в Шанхае высказалась против гражданской войны и за необходимость мирного обсуждения вопроса об об'единении Китая. У-Бей-Фу созывает конференцию дуцзюнов для обсуждения вопросов о кабинете, об отношении к югу, о финансовом положении Правительства и внутреннем положении провинций Среднего Китая.

6. Развал Пекинского правительства продолжается. Китайские представители заграницей требуют от Пекинского правительства денег, угрожая в противном случае закрыть посольства и вернуться в Китай. Японцы продолжают, совместно с Чжан-Цзо-Лином и Сун-Ят-Сеном, интриги против Пекина, а также Чжилийской партии У-Бей-Фу и Цао-Куна.

8. Дипломатический корпус представил Пекинскому правительству меморандум относительно об'единения Китая, роспуска войск и финансового об'единения в виду предстоящих военных действий между Югом и У-Бей-Фу, в провинциях Хупей и Киянси об'явлено военное положение.

18. Сун-Ят-Сен закончил работы по подготовке и снаряжению северной экспедиции против У-Бей-Фу; одновременно Чжан-Цзо-Лин направляет свои войска в Шандунь.

21. На Пекин-Мукденской дороге начались стычки между Чжан-Цзо-Лином и У-Бей-Фу. Прервано телеграфное сообщение между Пекином и Харбином. Приостановлено товаро-пассажирское движение по Пекин-Ханькоуской дороге. По линии Пекин-Тяньцзин учреждены военные комендатуры. Население в панике бежит на иностранные концессии.

22. Шанхайская торговая палата обратилась к министру иностранных дел, д-ру Чену, с просьбой протестовать перед Японией против высылки китайских рабочих из японских владений в Китае. В Кантоне состоялась демонстрация в пользу всеобщего избирательного права при участии 50.000 человек. Дипломатический корпус вручил Министерству Китая меморандум, в котором говорится, что в случае гражданской войны сообщение между Пекином и Тяньцзином не должно прерываться. Никакие военные действия не допускаются в десятимильном радиусе от Тяньцзина. Консульский корпус требует специальных гарантий для защиты жизни и имущества иностранцев. Чжан-Цзо-Лин концентрирует свои войска вокруг Пекина.

24. Между войсками Чжан-Цзо-Лина и У-Бей-Фу произошло столкновение в пяти верстах к югу от Тяньцзина. Взорван мост, железнодорожная линия испорчена, пассажирское движение между Пекином и Шанхаем приостановлено. Консульский корпус в Тяньцзине настаивает на посылке международного отряда, состоящего из 1500 японцев, индусов и французов для охраны линии Пекин-Тяньцзин-Пукоу, а равно посольств в Пекине. Пекинская торговая Палата и ряд других организаций отправили всем военным инспекторам телеграмму с просьбой не посылать войск в Пекин, т. к. в противном случае могут возникнуть дипломатические затруднения. У-Бей-Фу выпускает декларацию к китайскому народу, в которой он намерен раскрыть преступления Чжан-Цзо-Лина, в частности указывая, что оккупация Монголии русскими белогвардейцами, а равно отсрочка открытия переговоров с Россией, вызваны исключительно Чжан-Цзо-Лином.

26. Сражение у Мачао между войсками Чжан-Цзо-Лина и У-Бей-Фу, имевшее местный характер, приостановлено, У-Бей-Фу выпустил декларацию, требующую вывода мукденских войск из Чжилийской провинции.

В связи с событиями на Севере, произошел раскол между Сун-Ят-Сеном и Чен-Цу-Лином. Сун-Ят-Сен высказывается за союз с Чжан-Цзо-Лином. Дипломатический корпус в Пекине сделал предупреждение Пекинскому правительству, что всякая китайская армия, нарушившая договор, заключенный с иностранцами, будет иметь дело с иностранными войсками. Все китайские газеты выражают свое негодование по поводу упорного и явного стремления иностранных держав вмешаться в китайские дела.

27. По линии Пекин-Ханькоу-Тяньцзин-Пукоу прекратилось железнодорожное сообщение. Шанхайские газеты настроены против Чжан-Цзо-Лина.

28. В Харбине состоялась гражданская демонстрация протеста с участием 20 тысяч китайцев против международного контроля над К. В. ж. д. Союз китайских торговых палат выпустил прокламацию к народу, с призывом к единодушным демонстрациям против милитаризма и фракционной борьбы на Севере. Союз Тяньцзинских студентов принимает меры для предупреждения гражданской войны в Тяньцзине. Китайский флот на р. Янцзы предложил свои услуги У-Бей-Фу.

29. Чжан-Цзо-Лин выразил желание получить оружие и боевые припасы от Японии, обещая принять все японские предложения и дать все преимущества Японии. Дипломатический корпус в Пекине заявил протест министру иностранных дел по поводу перерыва сообщения на железных дорогах: Пекин—Мукден; Пекин—Ханькоу, Пекин—Пукоу. В Шанхай-Гуан, Тяньцзин и Таку прибывают новые иностранные суда с войсками. В Шандунне об'явлено военное положение в качестве меры для защиты провинции от Мукденского влияния. Исполняющий обязанно-

сти пекинского премьера—Чжоу-Цзе-Чи, выпустил прокламацию с предложением каждой провинции послать по одному представителю на предполагаемую об'единительную конференцию. Пекинский президент в особом мандате приглашает враждующие стороны вывести свои войска вследствие дипломатических соображений, мирным путем решить назревший конфликт. Делегаты профсоюзов различных провинций Китая отправляются в Кантон для участия на Всекитайском с'езде 1 мая.

Май 1. В Шанхае все рабочие организации праздновали 1-е мая. В Кантоне состоялись внушительные демонстрации, в которых принимали участие около 50.000 человек. В Южном Китае день 1-го мая признан рабочим праздником. На Всекитайском с'езде профсоюзов в Кантоне Сун-Ят-Сен призывал рабочих бороться против иностранной интервенции и китайских реакционеров.

2. Телеграфное сообщение между Пекином и Шанхаем прервано. В Мукдене и Тяньцзине об'явлено военное положение, митинги сокращены, свобода печати отмечена, установлена цензура писем и телеграмм. Между войсками Чжан-Цзо-Лина и У-Бей-Фу происходят мелкие стычки. У-Бей-Фу в телеграмме, отправленной дипломатическому корпусу в Пекине, выражает надежду, что Чжан-Цзо-Лину не будет оказана ни финансовая, ни иная помощь. У-Бей-Фу отправил Чжан-Цзо-Лину ультиматум, требуя в 24 часа разоружения мукденских войск. Пекинские журналисты на митинге приняли резолюцию, требующую прекращения гражданской войны и роспуска войск. Граждане десяти провинций Китая послали правительственным учреждениям Пекина телеграмму, в которой приветствуют У-Бей-Фу, как героя, дважды спасшего родину. 150 членов старого парламента прибыли в Тяньцзин и ждут распоряжения об открытии парламента. Они угрожают самовольным открытием парламента. Шанхайский союз почтовых служащих об'явил забастовку, требуя восьмичасового рабочего дня и увеличения жалованья на 20%

3. Студенческий союз в Пекине устроил митинг в честь трехлетней годовщины студенческого движения в Китае.

4. Атаки Чжан-Цзо-Лина направлены против Пао-Тин-Фу, ставки У-Бей-Фу и Цао-Куна. У-Бей-Фу стремится занять Пекин-Мукденскую дорогу. В Пекине и Тяньцзине об'явлено военное положение. Главный вдохновитель Чжан-Цзо-Лина, японский посол в Пекине, Обата, вернулся в Пекин, в виду критического положения, требующего его присутствия.

5. Число убитых на стороне мукденских войск достигает 1,000 человек. Английским добровольцам в Тяньцзине отдан приказ быть готовыми к выступлению.

6. Возле Мочана, по направлению к Пао-Ти-Фу, начался сильный бой. Японцы заняли город Тун-Чжоу возле Пекина и запретили вооруженным китайским солдатам вступать в Пекин.

8. Китайский президент издал приказ об аресте премьера Лян-Ши-И, министра путей сообщения Е-Гун-Цзо, минфина Чан-Хуэ—как ответственных за кровопролитие.

9. Войсками У-Бей-Фу занят Пекин. Президент издал мандат о прекращении военных действий. Чжан-Цзо-Лину предлагается вернуть войска в Мукден.

10. Президент пригласил в Пекин У-Бей-Фу и Цзао-Куна для обсуждения политического положения. Чжитийская партия (У-Бей-Фу) выдвигает кандидатуру Ван-Ши-Чена на пост премьера. Называют также лондонского посланника Велингтона Ку и вашингтонского посла Альфреда Ши.

12. Опубликован приказ президента о лишении всех чинов, наград, особых прав и предании суду Чжан-Цзо-Лина. На его место назначен гиринский генерал-

губернатор Сун-Ден-Шин. Чжан-Цзо-Лин намерен создать самостоятельное государство из трех северо-восточных провинций Манчжурии.

15. По просьбе У-Бей-Фу президентским мандатом уничтожаются верховные дудюнства, включая и его собственное. В Пао-Тин-Фу открылась военная конференция для обсуждения вопросов об об'единении Китая, парламенте, конституции, демобилизации и вознаграждении крестьян за убытки, причиненные гражданской войной. Японская печать открыто требует вмешательства во внутренние дела Китая. Бывший Китайский премьер Лян-Ши-И и министр путей сообщения Е-Гун-Цзо приехали в Японию под охраной японских фицеров.

16. У-Бей-Фу и Цзао-Кун выразили готовность обсуждать с Югом вопрос о парламенте. Японское правительство официально заявило что оно, в виду лишения Чжан-Цзо-Лина всех должностей, не намерено оказывать ему поддержку.

20. В последних боях армия Чжан-Цзо-Лина потеряла 10 генералов и большое количество офицеров. Весь первый корпус с ген. Чжан-Цын-Куй добровольно сдался У-Бей-Фу. Остатки 16 корпуса во главе с ген. Цзао-Фанем окружены тесным кольцом. Чжан-Цзо-Лин, принципиально согласившись с постановлением Совещания, задерживает опубликование декрета. Английский посол в Пекине известил Чжан-Цзо-Лина и У-Бей-Фу, что никакие военные операции не должны производиться в районе Кайландских рудников, принадлежащих английской фирме. Цзао-Кун телеграфировал Пекинскому правительству о необходимости сделать заявление дипломатическому корпусу в Пекине, что все контракты и дотоворы, заключенные Чжан-Цзо-Лином с иностранными державами, должны быть аннулированы. Выдающиеся профессора Пекина, Шанхая и Нанкина выпустили декларацию, в которой говорят, что народ должен попытаться провести политическую реконструкцию и практически воссоединить Юг с Севером. Нужен созыв Конституционного Парламента, избрание Центрального Правительства, роспуск лишних войск, а также введение всеобщего избирательного права. В восточной и западной частях К.-В. ж. д. начались активные действия хорошо вооруженных отрядов хунхузов.

23. Реконструкция кабинета задерживается, в виду предстоящей конференции в Пао-Тин- Фу. Трофеями, захваченными У-Бей-Фу у Чжан-Цзо-Лина, нагружены 54 вагона. У-Бей-Фу обещал все трофеи передать военному министру.

24. Чжан-Цзо-Лин стянул 30 тысяч свежих мукденских войск к **Туан-Чжоу**. Ожидается прибытие запасов снаряжения из Дайрена для нового нападения. Идет деятельная подготовка к наступлению вдоль Пекин-Мукденской ж. д. У-Бей-Фу и Цзао-Кун приняли решение окончательно очистить провинцию от войск Чжан-Цзо-Лина, который еще не ушел за Великую Стену. По вопросу о реконструкции кабинета У-Бей-Фу и Цао-Кун заявили президенту, что они не считают себя вправе вмешиваться в права президента. У-Бей-Фу предложил признать Сун-Ят-Сена в качестве временного президента Китая. Сун-Ят-Сен будто-бы согласился, при условии окончательной победы над Чжан-Цзо-Лином и свержения нынешнего пекинского президента Су-Ши-Чана.

26. Часть китайских войск, расположенных на станции Пограничной, признала власть У-Бей-Фу. Между сторонниками У-Бей-Фу и Чжан-Цзо-Лина произошло кровопролитное столкновение, во время которого было много убитых и раненых. В результате станция занята У-Бей-Фу. Движение поездов от Харбина в сторону ст. Пограничной—прекращено. Гарнизон Ханьзао-Хенцзы также присоединился к У-Бей-Фу.

27. Японцы заняли станцию Пограничную, вытеснив оттуда китайские войска. Продолжая занимать восточную линию К.-В. ж. д., японцы дошли до станции Мадзяохе.

28. Сун-Ят-Сен начал наступление на провинцию Кянси, успешно продвигаясь вглубь ее. Члены прогрессивной партии высказываются за созыв старого

парламента. Кабинет Чжеу-Цзы подал в отставку. Коммерческое общество в Шанхае послало телеграмму президенту в Пекин с требованием его отставки.

29. Река Сунгари об'явлена на военном положении. Чжан-Цзо-Лин послал своего представителя во Владивосток к Меркулову для установления связи с последним. Чжан-Цзо-Лин обещает Меркулову вернуть средства Семенова, конфискованные им в бытность его верховным инспектором Манчжурии и Монголии. Бежавшие в Токио бывшие китайские министры Лянь-Ши-И, Е-Гун-Цзо и Чжан-Ху, ведут переговоры с японскими милитаристами по оказанию помощи Чжан-Цзо-Лину. Министры ходят по улицам Токио под охраной японских солдат.

30. Движение У-Бей-Фу перекинулось на станцию Мулин, где произошло полное разоружение частей Чжан-Цзо-Лина. У-бей-фуистами занята станция Хайлин. Полковник Лю-Ин-Гун, командующий войсками У-Бей-Фу, телеграфировал управлению К.-В. ж. д. о лойяльности его войск по отношению к К.-В. ж. д. Бывший военный министр Кантонского правительства. Чен-Зюн-Мин, уволенный Сун-Ят-Сеном, направляет свои войска в Кантон, требуя от Сун-Ят-Сена немедленно восстановления его в должности военного министра Кантона.

ЯПОНИЯ.

10 Января. Смерть Маркиза Окума.

11 Января. 500 уроженцев о. Формозы обратились в Японский Парламент с петицией о даровании о. Формозе своего законодательства.

4 Февраля. Умер Председатель Генро—маршал Ямагата.

11 Февраля. Партия Кокумито внесла в японский парламент проэкт сокращения на половину числа пехотных дивизий, сокращения службы в войсках до одного года и увеличения солдатского жалования в два раза.

21 Февраля. Палата Лордов (в Токио) приняла резолюцию, коей устанавливается десятилетнее тюремное заключение для лиц (не исключая и иностранцев), виновных в распространении коммунистического учения.

3 Марта. Японский парламент 248 голосами против 147 отверг законопроект о всеобщем избирательном праве.

13 Марта. В Иокогаме забастовали рабочие доков.

13 Марта. В Токио прибыл представитель Дальта.

20 Марта. В Токио состоялся митинг протеста против закона о большевистской пропаганде.

21 Марта Японский посол в Китае известил Китайское Министерство о неприемлемости для Японского правительства китайского постановления, ставящего Японию в равное положение с Сов. Россией в Маньчжурии.

23 Марта. В Осака состоялось учредительное заседание женского союза работниц в кафе и ресторанах, Постановлено требовать: «отмены чаевых, перевода на месячное жалование и сокращения рабочего времени».

23 Марта. Народно-революционная армия ДВР ведет бой с каппелевцами в оккупированном японцами русском Приморье (около Уссури). Японцы не препятствуют продвижению войск ДВР.

25 Марта. Рабочими Осакского Трамвая организован союз, под названием «Союз западных транспортных рабочих».

25 Марта. Статистическим департаментом Японии принято решение произвести статистическое обследование положения рабочих путем одновременной переписки.

4 апреля. В Токио состоялось совещание министров по вопросам, связанным с Генуэзской конференцией.

8 апреля. В Осаке состоялось собрание отдела генерального японского рабочего союза, на котором обсуждался вопрос об отказе от борьбы за всеобщее избирательное право: среди рабочих усиливается мнение, что всеобщее избирательное право не решит рабочего вопроса.

14 апреля. Первая партия японских солдат отплыла из Циндао.

16 апреля. Разрыв Дайренских переговоров между Японией и ДВР из-за отказа вывести японские войска с территории ДВР.

18 апреля. В Осаке арестовано несколько членов союза транспортников по обвинению в распространении большевистских прокламаций.

21 апреля. Увольнение администрации Осакского артиллерийского склада вызвало забастовку рабочих арсенала. Администрацией вызваны воинские части. Завод об'явлен на военном положении.

29 апреля. Глава японской делегации Мацусима возвратившись из Дайрена, заявил корреспонденту «Асахи», что не считает необходимым производить эвакуацию, а наоборот, надо увеличить количество японских войск в Сибири.

28 апреля. Между японским командованием во Владивостоке и Меркуловым ведутся переговоры о легализации японской оккупации Приморья.

1 мая. На первомайской демонстрации в Токио участвовало 15.000 человек, выкинувших знамена с надписями: «Диктатура пролетариата», «Эвакуируйте Сибирь», «Признание Советской России» и др.

2 мая. Следовавший в Никольск Уссурийский японский воинский поезд, взорван красными партизанами.

4 мая. Убийца премьера Хара приговорен военным судом к смертной казни.

5 мая. Японский кабинет министров подал в отставку.

15 мая. Японцы заканчивают перевозку во Владивосток восьмой дивизии.

16 мая. В Токио прибыл, бежавший из Пекина, китайский премьер Лян-Ши-и.

26 мая. Японцы заняли ст. Пограничную, вытеснив оттуда китайские войска, признавшие власть ген. Чейфу.

27 мая. В Токио открылась ежегодная конференция губернаторов.

29 мая. Японское правительство через уполномоченного «Дальта» в Токио предложило ДВР возобновить переговоры об установлении дружественных взаимоотношений.

МОНГОЛИЯ.

17 Января. Монгольский Парламент (Хурулдан), отклонил предложение Китайского Правительства о передаче Китаю руководства внешней политикой Монголии и охраны ее границ и внутреннего порядка.

21 Января. Обращение правительства Монголии к Правительству Сов. России с просьбой об организации Русско-Монгольского Банка.

16 Февраля. Монгольский Парламент (Хурулдан) особой декларацией предложил Китаю вступить с ним в переговоры об установлении дружественных сношений через посредство Сов. России.

3 Марта. Монгольское Правительство специальным постановлением понизило курс билонного серебра с 2—80 до 3—50 за китайский доллар.

5 Марта. Обращение народного Правительства Таннутува—Урянхайской страны к Правительству РСФСР с приветствием и извещением об образовании Таннутува—Урянхайского Правительства, желающие установить дружественные сношения с Сов. Россией.

7 Марта. Обращение Урянхправительства к Монгправительству с приветствием и извещением об образовании Таннутуво-Урянхайского Правительства, желающего установить с Монголией дружественные отношения.

27 Марта. Нота НКИД Правительству Таннутува—Урянхайской страны в ответ на обращение от 5 Марта. В ноте снова подтверждается, что РСФСР не рассматривает Урянхай, как свою территорию, видов на нее не имеет и готова установить дружественные взаимоотношения с образовавшимся Правительством.

28 марта. Совещание военных госдеятелей монгол о военном положении Монголии. Признано положение угрожающим со стороны Китая и русских белогвардейцев, находящихся в Маньчжурии.

21 апреля. Постановлением Монгольского Народно-Революционного правительства разрешен в'езд в Монголию американской научной географической экспедиции, посланной Музеем Нац. Истории в Нью-Йорке.

25 апреля. В Москву выехал полномочный посланник Монгольского Народного Революционного правительства Дава с советником Джадамба. Вместе с дипломатической миссией в Москву отправилась Военная миссия в составе пом. главнокоманд. Монгольской Народно-Революционной армией г. Чейс-Бо-Лсана и начальника штаба Нарревармии г. Хувы.

1 мая. Состоялся парад монгольских и советских войск со знаменем Интернационала. Участвовали в параде: Народно-Революционная партия, Союз Молодежи и русские и монгольские рабочие и служащие. Участников торжества было до 5 тысяч человек. На празднике выражалась благодарность Советской России, помогшей освобождению монгольского народа.

2 мая. Прибыла первая партия американской географической научной экспедиции. Маршрут экспедиции лежит на южную часть Халхи.

5 мая. Монгольское Народно-Революционное правительство отменило налоги, уплачиваемые населением в пользу князей и уничтожило крепостное сословие.

6 мая. Прибыл в Ургу американский консул Сакобин. На пути в Ургу находится группа американцев с целью получения в Монголии концессий.

9 мая. Почтово-телеграфное соглашение, проектировавшееся к заключению между Монголией и Китаем, не утверждено Мининделом Монгольского правительства вследствие нарушения проэктом суверенитета Монголии.

14 мая. Монгольское правительство обратилось к нашему уполномоченному с просьбой о прикомандировании к американской экспедиции знающего человека для наблюдения за ней и установления определенных рамок ее работ.

25 мая. Начались работы по исправлению телеграфной линии. Началась доставка и приемка материалов. Переговоры о почтово-телеграфном соглашении с Китаем и Монголией продолжаются.

28 мая. Прибыла в Москву Полномочная Миссия Монгольского Нар. Револ. Правительства во главе с посланником Дава и советником Джадамба.

30 мая. Вручены верительные грамоты посланникам Монголии Народному Комиссариату Иностранных Дел.

Обм. 1965 г.
Акт. РП-431/1

„НОВЫЙ ВОСТОК“

издается Всероссийской Научной Ассоциацией Востоковедения при Н. К. Н.

(Ответственный редактор Мих. ПАВЛОВИЧ).

Журнал посвящен всестороннему освещению жизни Востока. Постоянные Отделы: политико-экономический, историко-этнологический, материалов и документов и библиографии. Кроме того, в каждом номере помещаются: обзоры прессы восточных стран, отзывы о книгах, посвященных изучению Востока, сообщения собственных корреспондентов в Китае, Японии, Персии, Афганистане, Индии и др. стран. Систематические приложения справочного характера, литературная хроника, летопись событий на Востоке, подробное освещение деятельности изучающих Восток научных учреждений и организаций.

В работе в журнале Научной Ассоциации Востоковедения привлечены виднейшие ученые и специалисты по Востоку.

Справки об условиях подписки в редакции журнала „Новый Восток“, Москва, Трубниковский пер., 19, Наркомнац.

Второй номер журнала „Новый Восток“.

Во втором номере журнала „НОВЫЙ ВОСТОК“ будут помещены статьи: М. Павловича.—Россия и Япония, проф. Позднеева.—О взаимоотношениях России и Японии, профессора Иванова.—Исследование Японии и Монголии, Гурко-Кряжина.—Месопотамия, проф. Бартольда.—Эпоха Омаядов по новейшим исследованиям, профессора Успенского.—Трапезундский фронт, проф. Фармаковского.—Ханаан и Израиль по последним раскопкам в Иерихоне, Разсул-Заде.—Коммунисты Древней Персии проф. Борозина.—О научных экспедициях, Франк-Каменецкого.—Дешифровка иероглифов и развитие египтологии на западе, Козьминой-Бороздиной.—Египтология в России, профессора Денике.—Современное состояние и задачи изучения искусств Востока.

Корреспонденции Ходорова и Иванова из Пекина, Осетрова—из Персии, Тардова—из Испагани, Диманта и Хусейна Алибекекова—из Турции. Обзор восточной прессы. Летопись событий на Востоке. Библиография, рецензии и т. д.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедельный журнал

„ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ“

орган Народного Комиссариата по Делам Национальностей, освещающий вопросы политические, экономические и культурные (просвещение, литература, искусство) из жизни национальностей Р. С. Ф. С. Р. и союзных стран, как в их автономных об'единениях, так и вне последних.

Журнал имеет отделы: 1) статьи по текущей политической жизни национальностей; 2) статьи по общим вопросам национальной политики (политика, экономика национальные, революционные и религиозные движения и т. д.); 3) очерки востоковедения; 4) культура и просвещение; 5) из зарубежной жизни (колониальная политика); 6) хроника (из жизни федерации и зарубежная); 7) партийная жизнь; 8) из деятельности Наркомнаца и его отделов; 9) критика и библиография; 0) официальный отдел и др

В 1921 - 22 г.г. в журнале поместили свои статьи: Б. Адлер, Архипчеев, Асфендиаров, И. Адигамов, И. Брундуков, проф. В. Богораз (Тан), Бишев, Г. Бройдо, Г. Баим-Сетов, А. Байтурсанов, проф. И. Бороздин, И. Бутаев, В. Виленский (Сибиряков), К. Гирвиц, С. Диманштейн, Ив. Евсенин, В Зеньковнч, Ш. Ибрагимов, О. Карелин, Ганзычаков, Кенжен П. Ковалев, Кантер В. Кудишев, проф. С. Котляревский, А Кастр, Г. Люфт, А. Ляхов, Д. Мышковский А. Мережин, И. Ноговицын, П. Островских, Мих. Павлович, М. Рафес, Скачко, И. Сталин, Т. Седельников, Саид-Галиев, М. Султан Галиев, И. Трайнин, Тюрякулов, А. Тимофеев, Исл. Хубиев (Карачайлы), Халиков, Чарный М., Шаги-Ахметов Шериф Манатов, проф. Ямзин, этнограф Янович и др.

Подписная плата за каждый номер 15 рублей

(деньзнаками 1922 г.).

Для Франции, Англии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Бельгии Америки, Японии, Китая—25 сант. Для Германии, Австрии и др. стран 15 копеек золотом.

Во избежание перебоя в высылке журнала, предлагается вносить авансы из рассчета не менее, чем за 4 номера.

Цена за об'явления
100 руб. за строку нонпареля
(деньзнаками 1922 г.)

Адрес редакции и конторы журнала:
◆◆◆ Москва, ◆◆◆
Трубниковский пер., 19.

Подписка принимается в конторе журнала и в Экспедпечати, Тверская, 8.